UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00579680 0

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

И

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1886.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ

РѢЧИ-ПОСПОЛИТОЙ.

ТОМЪ I.

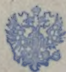
ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

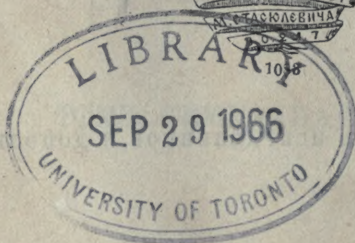
ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1886.



ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА


LIBRARY
SEP 29 1966
UNIVERSITY OF TORONTO

ИСТОЧНИКИ.

Для избѣжанія повтореній въ текстѣ, авторъ приводитъ полныя заглавія какъ изданныхъ и неизданныхъ источниковъ и матеріаловъ, такъ и сочиненій, заключающихъ въ себѣ мѣста изъ непосредственныхъ источниковъ, на основаніи чего составленъ имъ настоящій трудъ. Источники и сочиненія размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ, съ краткимъ указаніемъ относительно ихъ достоинства.

1. Angenberg. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques, concernant la Pologne, 1762 — 1862. Paris. MDCCCLXIII.

2. Annexa do części pierwszej relacyi w materyi o buntach na seymie 1790 roku uczynionej w Warszawie. (Приложенія къ книгѣ подъ № 96. Важное собраніе дѣловыхъ бумагъ, взятыхъ у архіерея Садковскаго. Изъ нихъ нѣкоторыя только описаны, другія приведены въ польскомъ переводѣ цѣликомъ).

3. Blum, Karl Ludwig. Ein russischer Staatsman, Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. 4 t. Leipzig und Heidelberg. 1857 г. (Для нашего предмета особенно важна третья часть этого сочиненія, гдѣ приведены письма Сиверса къ дочери и нѣкоторыя донесенія правительству: въ нихъ есть очень любопытныя и важныя свѣдѣнія о переговорахъ его съ королемъ и о всемъ ходѣ Гродненскаго сейма; равнымъ образомъ важенъ взглядъ самого дипломата на окружавшіе его предметы и событія).

4. Бродовскаго, Θеодосія. Историческія Записки. Львовъ 1860. Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej. (Сообщаются свѣдѣнія о тревогѣ, происходившей въ 1789 г. по поводу разнесшихся слуховъ о начинающемся возстаніи въ Украинѣ и о жестокостяхъ, совершенныхъ при этомъ поляками надъ православными).

5. Bulletin national hebdomadaire. Warszawa. 1794. (Эта еженедѣльная газета начала издаваться съ 26 мая, по закрытіи провизоріальнаго совѣта, продолжалась до половины октября того же года и прекратилась послѣ Мацѣевичскаго пораженія).

6. Bunt Żelieźniaka i Gonty (въ Сборн. Рачинскаго. Obraz Polaków i Polski).

7. Castera. Histoire de Cathérine II, impératrice de Russie, Paris. 3 v. an VIII.

8. Correspondance diplomatique du maréchal Malachowski 1790 — 1792 (рук. Импер. Публ. Биб. заключаетъ въ себѣ письма маршала Малаховскаго къ племяннику своему, находившемуся на посольствѣ въ Дрезденѣ, и письма короля къ тому же лицу; послѣднія очень важны, нѣкоторыя писаны цифрами).

9. Co się też dzieje z nieszczęśliwą oyczyzną naszą. Wiadomości poświęcone prawdzie i przyszłości. Warszawa, 1791.

10. Co to teraz Polak myśli? Warszawa. 1792. (Размышленіе объ опасностяхъ, угрожавшихъ Польшѣ со стороны Россіи).

11. Czartoryski. Żywot Juliana Niemcewicza. Paryż. 1860.

12. Czasy Stanisława Augusta Poniatowskiego przez jednego z posłów wielkiego sejmu napisane. Poznań. 1867. (Въ Сборн. Pamiętniki z XVIII wieku. Любопытное изложеніе всего царствованія Станислава-Августа. Со времени Тарговицкой конфедераціи, разсказъ дѣлается подробнѣе. Приводятся нѣкоторые документы въ текстѣ).

13. Dąbrowskiego Henryka wyprawa do Wielkiej Polski w roku 1794 przez niego samego opisana z jedną mappą tudzież wyjątek z autobiografii jego wydane przez Edwarda Raczyńskiege. Poznań. 1839. (Подробное описаніе военныхъ дѣй-

ствій въ Великой Польшѣ во время послѣдней борьбы Польши за свое существованіе при Костюшкѣ).

14. Деречинской библіотеки рукопись, принадлежащая Виленской Публичней библіотекѣ, заключающая въ себѣ разные отрывки, касающіеся событій 1792—1795 годовъ.

15. Dyariusz sejmu ordynaryjnego, 1788 odprawionego (рукоп. Импер. Публ. Библ. Не оконченъ.)

16. Dyariusz ważniejszych rzeczy od dnia 23 Lipca 1793 przezemnie Jana Zarzyckiego (рукоп. Импер. Публ. Библ. Мало заключаетъ въ себѣ важнаго).

17. Допросы Костюшкѣ, Нѣмцевичу, Вавржецкому и др. и ихъ показанія (въ Чтеніяхъ Импер. М. Общ. Ист. и Древ. 1866—1867).

18. Дѣла польскія, хранящіяся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ (рукописные рапорты, депеши, вѣсти, присылаемыя отъ русскихъ посланниковъ, рескрипты государыни, предписанія канцлера, копіи съ сеймовыхъ дневниковъ и разныхъ актовъ).

19. Дѣла военныя, хранящіяся въ Архивѣ военно-топографическаго Депо (рукописныя реляціи о битвахъ, рапорты, предписанія, планы, сраженія, сообщенія).

20. Dzieło kongregacyi generalney obrządku starożytnego greckiego oryentalnego z mocy prawa na sejmie w roku 1791 agitującym się zapadłego w przytomności J. W. pana Michała Korwina-Kochanowskiego posła województwa sandomirskiego przez Nayjaśniejszego króla J. M. Stanisława Augusta y Nayiaśniejszey Rptey stany delegowanego kommisarza w mieście Rzeczy Pospolitey wolnym Pińsku roku 1791, dnia 15 czerwca odbytey, porządek dla monasterów i cerkwi oraz członków tegoż obrządku przepisujące.

21. Dziennik czynności sejmu Głòwnego ordynaryjnego pod związkiem konfederacyi obojga narodòw agitującego się. 10 t. 1788 — 1792. (Не оконченъ. Останавливается на половинѣ 1790 г. Не изложены секретныя засѣданія сейма).

22. Dziennik podróży króla J. Mci Stanisława Augusta na Ukrainę i do innych ziem koronnych roku 1787 dnia 23 Lutego rozpoczętey. Warszawa. 1788. (Подробенъ, но не касает-

ся вовсе того, что было дѣйствительно важнаго въ королевскомъ путешествіи).

23. Dziennik literacki. Lwów (газета тысяча восьмисотъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, со множествомъ разсѣянныхъ отрывковъ, относящихся къ эпохѣ паденія Польши).

24. Falkenstein, Taddeus Kościuszko nach seinen oeffentlichen und häuslichen Leben geschildert. Leipzig 1834. (Есть невѣрности ивымыслы, обличенные въ книгѣ Pisma peryodyczne biblioteki Ossolińskich).

25. Ferrand, A. F. Ch. Les trois démembrements de la Pologne. Paris 1865 (въ высшей степени пристрастное сочиненіе, съ невѣрными фактами и превратными взглядами. Въ немъ важны только приложенія).

26. Gazette de Cologne, 1788—1798.

27. Gazeta krajowa 1794.

28. Gazeta narodowa y obca 1791 — 1792 (издавалась въ Варшавѣ партіей новой конституціи съ 1 января 1791 и прекращена тарговицкою конфедераціею въ половинѣ 1792 г. Излагаетъ въ подробности сеймовыя засѣданія, приводитъ узаконенія, сообщаетъ о событіяхъ въ Польшѣ, но старается представить въ преувеличенномъ видѣ сочувствіе польской націи къ конституціи и нравственную силу послѣдней).

29. Gazeta rządowa, 1794 (сообщаетъ подробно распоряженія и дѣйствія тогдашняго революціоннаго привительства).

30. Gazeta Warszawska 1791—1793. (Органъ партіи противной конституціи 3 мая. Во время господства конституціи отличалась уклоненіемъ отъ всякихъ сужденій о политическихъ дѣлахъ Польши и упоминала объ нихъ коротко).

31. Gazeta wolna warszawska 1794 (революціонный органъ. Начала издаваться съ 26 апрѣля 1794 г., прекратилась въ ноябрѣ того же года. Сообщаетъ распоряженія высочайшаго совѣта, воззванія Костюшки, описанія битвъ и пр.; въ послѣднемъ случаѣ крайне невѣрна, ибо, желая поддержать духъ революціи, преувеличаетъ успѣхи и скрываетъ неудачи).

32. Gąsionowskiego Pamiętniki z 1791—1794. Lwów. 1857. (Авторъ разсказываетъ, что послѣ сейма въ Гроднѣ 1793 г. онъ, въ числѣ другихъ, былъ посланъ Костюшкою возбуждать

обывателей къ возстанію и описываетъ свои похожденія по этому поводу. Онъ одинъ изъ всѣхъ писавшихъ объ этой эпохѣ сообщаетъ, будто Костюшко былъ инкогнито въ Гроднѣ во время сейма. Имъ слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностію, потому что онъ дѣлаетъ промахи и показываетъ незнаніе общеизвѣстныхъ обстоятельствъ того времени, что, впрочемъ, могло происходить отъ забывчивости, такъ какъ записки эти писаны имъ уже въ старости по прошествіи многихъ лѣтъ).

33. Geschichte der Polnischen Staatsveränderung von 3 May 1791. Warszawa. 1791 (Нѣтъ ничего особеннаго и новаго противъ свѣдѣній, содержащихся въ тогдашнихъ газетахъ).

34. Giornale della dieta del 1793 a Grodno (рукопись принадлеж. Археогр. Ком. Кромѣ итальянскаго названія, весь этотъ дневникъ написанъ на французскомъ языкѣ, какъ видно, не природнымъ французомъ).

35. Häusser, Ludwig. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des heutigen Bundes. Dritte verbesserte und vermehrte Ausgabe. Berlin. 1861 t. I. (Важно по свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ прусскаго государственнаго Архива.)

36. Hermann, Ernst. Geschichte des Russischen Staaten, VI. Band. Gotha. 1860. (Авторъ сообщаетъ много интересныхъ данныхъ, заимствованныхъ преимущественно изъ депешъ саксонскаго министра Эссена, а также и другихъ посланниковъ, бывшихъ въ Польшѣ въ концѣ XVIII в.)

37. Hermann, Ernst. Der Oestreichisch-preussische Allianz vom 7 Febr. 1792, und die zweite Theilung Polens. Ein Streit-Schrift gegen Prof. Sybel. Gotha, 1861.

38. Hermann, Ernst. Geschichte des Russischen Reiches Ergänzungs-Band. Diplomatische Correspondenzen aus der Revolutionszeit. 1791 — 1797. Gotha. 1866. (Въ числѣ многихъ другихъ документовъ есть относящіеся къ Польшѣ: это все донесенія разныхъ посланниковъ).

39. Hystorya konfederacyi Barskiej od roku 1768 до 1771 i inne pisma z tejże okoliczności (рукоп. Импер. Публ. Библ. Важная въ особенности по включеннымъ въ нее письмамъ и

документамъ. Къ событіямъ, въ ней описаннымъ, относится только введеніе настоящаго сочиненія).

40. Jurnal zaczęty dnia 4. Czerwca 1794. w obozie pod Utratą (рукоп. Имп. Публ. Библ. Собраны всѣ распоряженія Костюшки, тайные пароли, выдаваемые ежедневно).

41. Kamienieckiego w zapiskach naleziony: Dzień 17 i 18 Kwietnia 1794 r. w Warszawie przez naocznego świadka opowiedziany. Poznań. 1866 (въ сборникѣ: Pamiętniki z XVIII wieku. Короткій разсказъ поляка о событіяхъ при возстаніи Варшавы въ 1794 г.).

42. Kampania oddziału woysk polskich pod Jenerałem Sierakowskim 1794 r. odbyta (рук. Имп. Публ. Библ.).

43. Karpińskiego. Pamiętniki. Poznań. 1844. (Автобіографія извѣстнаго польскаго поэта Карпинскаго, обнимаетъ большое пространство времени отъ 1741 до 1822 года, заключаетъ много любопытныхъ чертъ о воспитаніи, нравахъ и характерѣ общества. Есть извѣстія, впрочемъ короткія, о послѣднихъ событіяхъ въ Рѣчи-Посполитой).

44. Kilińskiego, Jana, szewca a razem pułkownika 20 regimentu, Pamiętniki. Poznań. 1860. (Въ сборникѣ Pamiętniki z XVIII w. Авторъ одинъ изъ виновниковъ возстанія 1794 г. Записки его поэтому важны, но пользоваться ими можно только съ большою осторожностью, потому что авторъ много хвастаетъ и явно прилыгаетъ. Сами его товарищи по возстанію признавали за нимъ эти качества).

45. Kilińskiego Jana z pamiętników (Roczniki towarzystwa historyczno-literackiego w Paryżu. 1868). (Изданы Крашевскимъ. Килинскій написалъ записки, напечатанныя въ Pamiętnikach z XVIII wieku, писалъ еще и другіе также о событіяхъ 1794 года съ добавленіями).

45 a. Kilka dokumentów do hystoryi Tadeusza Kościuszki. (Тамъ же. Есть подробности о королѣ Станиславѣ-Августѣ передъ взятіемъ Варшавы русскими въ октябрѣ 1794 г).

46. Kitowicza Księdza Jędrzeja. Opis obyczajów i zwyczajów za panowania Augusta III. 4 t. Petersburg. 1855. (Описаніе польской жизни во всѣхъ отношеніяхъ).

47. Kitowicza Księdza Jędrzeja Pamiętniki do panowania

Stanisława Augusta. Poznań. 1845. 3 t. (Сборникъ разныхъ отрывковъ, касающихся послѣднихъ лѣтъ царствованія Станислава Августа. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены свѣдѣнія о личности Ксаверія Браницкаго, о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ четырехлѣтняго сейма, о непримѣнимости его постановленій, напр. налога на кожи, кое-что изъ корреспонденціи во время Тарговицкой конфедераціи, о Гродненскомъ сеймѣ, извѣстія, касающіяся эпохи революціи 1794 года. о возстаніи города Вильна и обратнаго его завоеванія русскими, о битвахъ Сѣраковскаго, о битвѣ подъ Мацѣевицами. о взятіи Суворовымъ Праги и о пребываніи его въ Варшавѣ).

48. Kołłontaja, Hugona. Stan Oświecenia w Polszcze (въ сборникѣ Рачинскаго: Obraz Polaków i Polski. Важное для насъ изображеніе способа и строя ученія въ польскихъ школахъ въ XVIII в. и вліянія воспитанія на жизнь).

49. Kołłontaja, Hugona. O Ustanowieniu i upadku konstytucyi polskiej 3 Maja 1792. (Пристрастное сочиненіе человѣка партіи).

50. Kołłontay w rewolucyi kościuszkowskiej. Leszno i Gniezno 1856. (Здѣсь приводится List do przyiaciela, гдѣ дѣйствія Коллонтая и его характеръ изображаются съ дурной стороны. Письмо это принадлежитъ, какъ видно, Линовскому, одному изъ пословъ четырехлѣтняго сейма, а потомъ не послѣднему дѣятелю революціи).

51. Kuryer Petersburgski, czyli intrygi moskiewskie od panowania Jana Olbrachta czyli Alberta ciągnące się. Warszawa. 1791.

52. Komarzewsky, Coup d'oeil rapide sur les causes réelles de la décadence de la Pologne. (Генералъ Комаржевскій, вѣрный сторонникъ короля, мало касается внутреннихъ причинъ паденія Польши, а ищетъ ихъ въ столкновеніи обстоятельствъ въ ближайшее время. Сообщаетъ постановленія войсковой коммиссіи во время войны въ 1792 году).

53. Копіи писемъ польскихъ посланниковъ, бывшихъ при разныхъ европейскихъ дворахъ въ 1790 — 1792 годахъ: Анквича, Кохановскаго, Потоцкаго, Яблоновскаго, Букатаго и другихъ лицъ (рукописи, принадлежащія П. А. Муханову).

54. Kopcia Józefa Brygadjera Dziennik. Berlin. 1862 (Авторъ, служившій въ польскихъ войскахъ, расположенныхъ въ южной Руси вмѣстѣ съ русскими, разсказываетъ, какъ распространился заговоръ въ польскомъ войскѣ, въ 1794 г., и какъ онъ самъ съ своею бригадой пробивался на соединеніе съ Зайончкомъ, описываетъ битву подъ Холмомъ, стараясь показать, что поляки тамъ выиграли—нѣкоторыя подробности о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Варшавою и битву подъ Мацѣевичами, гдѣ онъ самъ вмѣстѣ съ другими былъ взятъ въ плѣнъ. Этимъ оканчивается первая часть его дневника. Вторая посвящена пребыванію автора въ ссылкѣ въ Камчаткѣ и замѣчаніямъ объ этой странѣ).

55. Korrespondent Warszawski, 1792 (газета).

56. Korrespondent krajowy i zagraniczny, 1793 (газета).

57. Korrespondent narodowy i zagraniczny, 1794 (газета. До апрѣльской революціи носила названіе Pismo periodyczne korrespondenta. Газета эта продолжалась и послѣ взятія Варшавы Суворовымъ и сообщаетъ распоряженія назначеннаго Суворовымъ надъ Варшавою начальникомъ Буксгевдена).

57) a. Kosmowskiego Stanisława Pamiętniki. Poznań. 1860. (Мемуары офицера королевской гвардіи сообщаютъ не подробныя, но не лишенныя интереса свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ царствованія Станислава-Августа, начиная съ путешествія въ Каневъ).

58. Koźmiana, Kajetana. Pamiętniki. 3 t. Poznań. 1858. (Къ нашей эпохѣ относится первая часть этого сочиненія. Авторъ разсказываетъ свою жизнь, вспоминаетъ о разныхъ встрѣчахъ и по этому поводу представляетъ вѣрное и живое изображеніе нравовъ, обычаевъ, воспитанія, увеселеній, отправленія сеймиковъ, судопроизводства и нѣкоторыхъ замѣчательныхъ событій конца XVIII вѣка).

59. Кречетникова, Михаила Николаевича, генералъ-аншефа, Дневныя Записки о движеніи и дѣйствіяхъ россійскихъ войскъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, 1792. (Въ Чтеніяхъ Имп. Моск. Об. Исторіи и Древн. 1863 г.).

60. Krzysztopora Adama. O urządzeniu stosunków rolniczych

w Polsce. Poznań. 1859. (Здѣсь есть историческій обзоръ юридическаго состоянія въ Польшѣ крестьянъ).

61. Lichnickiego Filipa, prezydenta miasta Krakowa w roku 1794. Pamiętniki. Poznań. 1862. (Въ сборникѣ: Pamiętniki z XVIII wieku. Очевидецъ описываетъ возстаніе въ Краковѣ, положившее начало всей польской революціи въ 1794 году. Неблаговолитъ къ революціи).

62. Lobarzewski. Respect à la tête couronnée, ou exposé historique, politique et moral des grands événements relatifs à la Pologne. St.-Pétersbourg. 1818. (Апологія въ защиту Станислава-Августа, противъ тѣхъ обвиненій, которыя возникли по поводу поведенія короля въ послѣдніе годы существованія Рѣчи-Посполитой. Мало новаго и важнаго).

63. Łukaszewicza. Historya szkół w Koronie i Wielkiem Xięstwie Litewskiem. 5 t. Poznań 1850. (Одно изъ лучшихъ ученыхъ сочиненій въ польской литературѣ; сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о состояніи школъ въ Польшѣ, о способахъ воспитанія, о мѣрахъ, предпринятыхъ эдукаціонною коммиссіею къ улучшенію воспитанія и пр.).

64. Łukaszewicz. Zakłady naukowe w Koronie i Wielkiem Xięstwie Litewskiem. Poznań. 1851.

65. Łukaszewicza. Powstanie Kościuszki z pism autentycznych sekretnych dotąd drukiem nieogłoszonych wydane. Poznań. 1846. (Собраніе разныхъ писемъ, объясняющихъ подробности эпохи революціи 1794 года).

66. M. Portret Moskwy czyli odpowiedź na pytanie co jest Moskwa? i w jakim dziś znajduje się stanie? Jakie krzywdy Moskwa poczyniła Polszcze? i dla czego Polska poszła z Moskwą w rozwody. W Warszawie. 1790. (Брошюра эта замѣчательна какъ образчикъ польскихъ политическихъ соображеній: такъ какъ въ то время Россія принуждена была воевать разомъ съ турками и шведами, то авторъ нашелъ, что она на краю гибели, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, и потому онъ приглашаетъ поляковъ отомстить за всѣ несправедливости, которыя Россія причинила Польшѣ. Онъ обвиняетъ ее въ томъ, будто она первая затѣяла раздѣлъ Польши и подманила къ тому другія государства, что она своими поджигательствами про-

извела бунтъ Залізняка и Гонты. Польша, по его выраженію, разводилась съ Россіею и соединялась союзомъ съ Пруссіею, надѣясь на прусскаго короля, благороднѣйшаго, великодушнѣйшаго монарха, безкорыстно желающаго добра полякамъ).

67. Makulskiego, Franciszka. Bunty Ukraińskie. Warszawa. 1790. (Авторъ представляетъ картину отягощенія народа въ Украинѣ подъ властію владѣльцевъ и поссессоровъ, ихъ экономовъ и дозорцевъ, враждебный къ полякамъ духъ народа, и указываетъ мѣры, которыя, по его мнѣнію, могли бы успокоить край).

68. Mémoire sur la révolution de la Pologne. St. Pétersbourg. 1792. (Написано въ опроверженіе отвѣта польскаго сейма на русскую декларацію, представляетъ несправедливыя дѣйствія сейма и незаконность конституціи 3-го мая).

69. Mercure français (газета, 1788—1789).

70. Michałowskiego, Bartłomieja. Pamiętniki, przez autora, Listopada. 3 t. Petersburg i Mohilew, 1857.

71. Michałowskiego, Bartłomieja od roku 1786 do 1815 ogłoszone przez Henryka hr. Rzewuskiego. 5 t. Warszawa. 1857 (есть любопытныя и вѣрно схваченныя черты польскаго общества въ XVIII в. и свѣдѣнія объ историческихъ лицахъ того времени. Сочиненіе въ духѣ крайне консервативномъ и аристократическомъ).

72. Moszczeński. Pamiętniki do historyi polskiej w ostatnich latach panowania Augusta III i pierwszych Stanisława Augusta. Poznań. 1858.

72. a. Mowy posłów seymu Grodzieńskiego, r. 1793. (Безъ года и мѣста напечатанія).

73. Narrative of facts relative to the late dismembrement of Poland. London. 1794.

74. Naruszewicza. Dyariusz podróży Stanisława Augusta Króla na Ukrainę w roku 1787 (касается болѣе внѣшняго характера путешествія короля, хотя очень подробенъ).

75. Niemcewicza J. U. Pamiętniki czasów moich. Dzieło pośmiertne. Poznań. 1868. (Любопытныя свѣдѣнія о состояніи Польши при Станиславѣ-Августѣ, о четырехлѣтнемъ сеймѣ, на которомъ самъ авторъ былъ посломъ, о несчастной для

поляковъ битвѣ при Мацѣевичахъ, гдѣ авторъ былъ взятъ въ плѣнъ, и о пребыванiи его въ плѣну у русскихъ. Взгляды автора, какъ принадлежавшаго къ партiи не чуждой пристрастiя и злобы къ Россiи).

76. Niemcewicza J. U. Powrót posła, komedya. 1855. (Эта пьеса, написанная съ политическою цѣлiю, имѣла большое влiянiе на умы).

77. Niewiadomskiego. List pewnego obywatela polskiego do współobywateli swoich i narodu całego. 1794. (Авторъ убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ не поддаваться внушенiямъ Костюшки, не приставать къ революцiи и держаться союза съ императрицею).

78. Notices extraordinaires. Paris. (1789—91) (газета).

79. Nufers, Friedrichs, königlich-preussischen Feld-proviant-commissarius. Schicksale während und nach seiner Gefangenschaft in Warschau unter den Polen und Russen. Posen. 1795. (Нуферъ въ 1794 г. взятъ былъ въ плѣнъ польскими повстанцами въ Великой Польшѣ и за то, что назвалъ передъ ними недавно присоединенныя къ Пруссiи земли южною Пруссiею, приговоренъ къ повѣшенiю. Какая-то проѣзжавшая мимо знатная госпожа упросила даровать ему жизнь. Онъ былъ отосланъ въ Варшаву и содержался въ плѣну до взятiя Варшавы Суворовымъ. Сообщаетъ много любопытныхъ чертъ эпохи; описываетъ, между прочимъ, событiя, совершавшiяся въ Прагѣ).

80. Ochockiego, Jana Duklana. Pamiętniki, 4 t. Wilno. 1857. (Въ первыхъ двухъ томахъ автобiографiя поляка, жившаго въ концѣ XVIII вѣка, очень наглядно и живо рисующая строй домашней и общественной жизни и нравы. Онъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнiя и о нѣкоторыхъ политическихъ и общественныхъ явленiяхъ того времени, которыхъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ, напр. о днѣ 3-го мая, о Гродненскомъ сеймѣ и пр. Вмѣстѣ съ Китовичемъ и Козьмяномъ Охоцкiй принадлежитъ къ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ мемуаристамъ польскимъ этого времени. Въ двухъ послѣднихъ томахъ помѣщены записки Букара и аббата Охоцкаго, также любопытныя во многихъ отношенiяхъ. Есть между прочимъ

свѣдѣнія о замѣчательныхъ лицахъ того времени, напримѣръ о Щенсномъ Потоцкомъ).

81. Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Dokumenta do Historyi drugiego i trzeciego podziału. Wydał Władysł. Kalinka. Poznań. 1868 (въ сборникѣ Pamiętniki z XVIII wieku. Здѣсь помѣщены письма короля Станислава Понятовскаго къ Кицинскому о свиданіи съ Екатериною и Іосифомъ II въ 1787 году, переписка Станислава-Августа съ Екатериною о политическихъ дѣлахъ, переписка Екатерины съ Потемкинымъ, изъ которой открываются планы государыни и взгляды ея на Польшу, письма короля къ Букатому, польскому посланнику въ Лондонѣ, о событіяхъ, происходившихъ въ Варшавѣ, и переведенный съ русскаго дневникъ Булгакова, веденный въ 1791 и 1792 годахъ, гдѣ излагаются замѣчанія о тогдашнихъ дѣлахъ, во многомъ сходныя съ тѣми, которыя находятся въ донесеніяхъ этого посланника къ своему правительству).

82. Pistora. Pamiętniki o rewolucyi Polskiéj w roku 1794 (въ сборн. Pamiętniki z XVIII wieku. Писторъ, французъ по происхожденію, служилъ въ русской службѣ и былъ генералъ-квартирмейстеромъ во время начальства Игельстрома надъ русскимъ войскомъ въ Варшавѣ. Онъ подробно и отчетливо описалъ по-французски возстаніе Варшавы въ апрѣлѣ 1794 г., а также и нѣкоторыя военныя дѣйствія въ теченіи того же года и составилъ при этомъ карту Польши съ обозначеніемъ мѣста нахожденія войскъ и планъ тогдашней Варшавы съ указаніемъ пунктовъ, гдѣ находились русскія и польскія войска и гдѣ между ними происходили свалки. Въ своемъ описаніи Писторъ старается выставить себя отличнымъ знатокомъ военнаго дѣла и свалить неудачи на ошибки русскихъ генераловъ).

83. Полеваго, Николая. Исторія генералиссимуса князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго. 1858.

84. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. Т. XXIII.

85. Polens-Untergang. Ein charakteristisches Gemälde dieser Adels-Nation. Cölln. 1808. (Авторъ проводитъ оригинальную, хотя недоказанную, мысль: польское шляхетство и польскій народъ происходили не изъ одной и той же расы. Поль-

ское шляхетство, по его мнѣнію, сарматы, а простой народъ—славяне. Онъ излагаетъ дурныя стороны польскаго строя, пренебреженіе средствами защиты, злоупотребленія въ судопроизводствѣ, дурное воспитаніе, вліяніе іезуитовъ, порчу нравовъ. Книжка замѣчательно умная: въ немногихъ словахъ авторъ съумѣлъ сказать много справедливаго).

86. Protokół konfederacyi generalney obojga narodów w roku 1792, w Targowicy urządzony (Рук. Имп. Публ. Библ.).

87. Protokół konfederacyi generalney obojga narodów w roku 1792, dnia 11 Września, w Brześciu Litewskim urządzony. (Рук. Имп. Публ. Библ.).

88. Protokół konfederacyi koronney 1793 w Grodnie 12 apr. sporządzony (Рук. Имп. Публ. Библ. Она, какъ и предъидущія двѣ, заключаетъ дѣла конфедераціи, учрежденной сначала въ Тарговицѣ, потомъ перенесенной въ Брестъ-Литовскій, наконецъ въ Гродно. Санциты, универсалы, предписанія, отношенія, распоряженія и вообще вся переписка).

89. Przestrogi dla Polski 1790. (Сочиненіе Станислава Сташица. Авторъ указываетъ на пороки и недостатки польской націи и польскаго общества и возбуждаетъ, между прочимъ, къ измѣненію участи крестьянъ).

90. Raumers, Polens-Untergang. Leipzig. 1832.

91. Recueil de papiers concernant le troisième démembrement de la Pologne. (Рукоп. Имп. Публ. Библ., заключающая собраніе разныхъ документовъ и оригинальныхъ писемъ, относящихся ко всему періоду царствованія Станислава-Августа, между прочимъ черновыя копіи конференцій, бывшихъ между поляками и саксонскимъ княземъ-избирателемъ по поводу избранія послѣдняго преемникомъ Станислава-Августа по конституціи 3-го мая, процессъ Угромовой и проч.).

92. Regestr paków zabranym archiwum dyplomatycznym z Warszawy miesiąca lutego 1795. (Рук. Имп. Публ. Библ).

93. Relacya deputacyi do examinowania sprawy o bunt oskarżonych na seymie 1790 roku uczyniona. Część pierwsza, w Warszawie (Изданіе важное для исторіи православнаго вѣроисповѣданія въ Польшѣ. Свѣдѣнія объ архіереѣ Викторѣ Садковскомъ).

94. Rzewuskiego Seweryna. O sukcessyi tronu polskiego rzecz krótka. 1790. (Сочиненіе польнаго гетмана Ржевускаго, одного изъ главныхъ творцевъ тарговицкой конфедераціи, написанное съ тѣмъ, чтобъ возбуждать поляковъ противъ мысли о введеніи наслѣдственнаго правленія).

95. Schlossers, Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts. B. V. Heidelberg. 1840.

96. Schmitta Henryka Pogląd na żywot i pisma księdza Hugona Kołłontaja podkanclerzego koronnego. Lwów, 1860. (Сочиненіе это написано съ цѣлью оправдать Коллонтая отъ обвиненій, которыя сыпали на эту личность, и сыпали не только враги его по убѣжденіямъ и политическому направленію, но и соумышленники. Отличается обиліемъ риторики, но излагаетъ любопытные факты о дѣятельности Коллонтая вообще).

97. Seume S. G. Einige Nachrichten über die Vorfälle in Polen, Leipzig. 1796. (Извѣстный въ нѣмецкой литературѣ поэтъ, служилъ въ молодости въ русской военной службѣ и въ 1794 г. съ другими офицерами былъ взятъ въ плѣнъ въ Варшавѣ, гдѣ и содержался до освобожденія Суворовымъ. Онъ описываетъ свои приключенія и сообщаетъ много интересныхъ чертъ о возстаніи города Варшавы, о положеніи русскихъ плѣнныхъ и о состояніи умовъ въ то время).

98. Smitt, Friedrich, Suworow und Polens-Untergang. Leipzig und Heidelberg. 1858. (Авторъ касается между прочимъ дѣлъ Польши только до 1793 г. Подробно описываетъ военныя дѣйствія 1792 года. Исторія эта отличается ясностію изложенія, отчетливостію работы и правильными взглядами).

99. Собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся къ жизни Александра Васильевича князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго. Москва. 1814.

100. Соловьева, Сергѣя. Исторія паденія Польши. Москва. 1863 г.

101. Sułkowskiego Józefa. Życie i pamiętniki historyczne, polityczne i wojskowe o rewolucyi polskiéj w latach 1792 — 1793. Poznań. 1864 (въ сборникѣ Pamiętniki z XVIII wieku. Это переводъ съ французскаго. Для насъ важны здѣсь свѣдѣнія о войнѣ съ русскими въ Литвѣ въ 1792 году).

102. Surowiecki. O upadku przemysłu i miast w Polscze, w Warszawie (безъ года). (Авторъ приводитъ много любопытныхъ статистическихъ данныхъ для показанія различія между цвѣтущимъ состояніемъ городовъ въ давнее время и ихъ жалкимъ положеніемъ въ XVIII вѣкѣ, однако преувеличиваетъ достоинства процвѣтанія. Онъ указываетъ причины такого упадка и распространяется о средствахъ, которыми можно было, по его соображеніямъ, поднять польскіе города).

103. Sybel, Heinrich, Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795. 4 t. Düsseldorf. 1865.

104. Traktaty, konwencye handlowe i graniczne wszelkie publiczne umowy między Rzecząpospolitą polską i obcemi poselstwami od roku 1764 dotąd, to jest do roku 1791 za panowania Stanisława Augusta zawarte, w swych originalnych językach zebrane i dla wygody powszechnej podane do druku. Warszawa. 1791.

105. Treskow, Der Feldzug der Preussischen in Jahre 1794. Berlin. 1807. (Подробное спеціально-военное описаніе прусской кампаніи въ Польшѣ въ 1794 г.).

106. Тучкова. Вильно въ 1794 году. (Библ. для Чтенія, т. XIII. (Повѣствованіе очевидца и военнаго русскаго дѣятеля о возстаніи Вильны противъ русскихъ и о его взятіи русскими снова).

107. Untersuchung über die Rechtmässigkeit der Theilung Polens. Warszawa. 1794.

108. Uwagi nad życiem Jana Zamoyskiego. 1789. (Сочиненіе извѣстнаго въ свое время ученаго Станислава Сташица. Авторъ касается вопросовъ, относящихся непосредственно къ своему времени. Книга эта имѣла большое вліяніе на умы).

109. Фукса, Исторія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, 2 т. 1811.

110. Wegnera Leona. Dzieje dnia trzeciego i piątego Maja 1791. Poznań. 1851. (Предпославши взглядъ на ходъ историческихъ событій и на состояніе дѣлъ внутри Польши и въ сосѣднихъ государствахъ, авторъ описываетъ устроеніе конституціи 3 мая, приводитъ рѣчи въ подробнѣйшемъ видѣ, чѣмъ онѣ были напечатаны въ современныхъ газетахъ. Къ

книгѣ этой приложены объяснительные документы: предварительныя основанія, поданныя на сеймѣ ранѣе конституціи, самый текстъ конституціи, разныя современныя мнѣнія о ней и протесты противъ нея).

111. Wegnera Leona. Sejm Grodzieński ostatni. Ustęp od 26 sierpnia do 23 września 1793. Poznań. 1866. (Подробное описаніе того періода Гродненскаго сейма, гдѣ поляки боролись противъ необходимости уступить Пруссіи требуемыя по второму раздѣлу польскія земли. Сходно съ дневникомъ, но пространнѣе. Ему предшествуетъ обозрѣніе политическихъ дѣйствій по первому и второму раздѣлу, а за нимъ помѣщается изложеніе дипломатической исторіи третьяго раздѣла, при чемъ авторъ руководствуется Зибелемъ).

112. Wegnera Leona, Konfederacya województw wielkopolskich Poznańskiego, Kaliskiego, Gnieźnieńskiego i Ziemi Wschowskiéj dnia 20 Sierpnia 1792 r. w mieście Srodzie zawiązana. (Въ сборникѣ Roczniki towarzystwa Przyjaciół nauk Poznańskiego. 1836.—Семьдесятъ два документа, относящіеся къ временамъ тарговицкой конфедераціи).

113. Wiener Zeitung. 1688—1794.

114. Wojdy, Pamiętniki o rewolucyi 1794 roku. Poznań. 1866. (Въ сборникѣ: Pamiętniki z XVIII wieku. Война былъ членомъ варшавскаго магистрата и составилъ описаніе такихъ событій, которыхъ самъ былъ близкимъ очевидцемъ. По его извѣстіямъ, увлеченіе революціею вовсе не такъ было всеобщимъ, какъ воображали и хотѣли другихъ увѣрить патріоты. Есть подробности о казняхъ, произведенныхъ въ Варшавѣ. Записки Войды писаны были по-нѣмецки).

115. Wolskiego Mikołaja, Obrona Stanisława Augusta (Въ сборникѣ Roczniki towarzystwa historyczno-literackiego, w Paryżu. 1868. Сочиненіе это имѣетъ спеціальную цѣль опровергнуть сочиненіе: „O ustanowieniu i upadku konstytucyi 3 Maja“ и защитить короля отъ обвиненій революціонной партіи. Въ сочиненіи этомъ много важныхъ данныхъ, объясняющихъ эпоху четырехлѣтняго сейма, Тарговицкой конфедераціи и послѣдней революціи. Она написана умно, но не безъ

пристрастія. Обличая удачно и справедливо несостоятельность патріотовъ. авторъ слишкомъ превозноситъ достоинства своего короля).

116. Volumina Legum. 8 t. St.-Petersburg. 1857.

117. Voyage en Pologne et en Allemagne par un Livonien. 2 t. Bruxelles. 1809. (Драгоцѣнная и рѣдкая книга. Наблюдательный авторъ представляетъ живую и подробную картину Польши конца XVIII вѣка во всѣхъ отношеніяхъ. Вѣрность передаваемыхъ свѣдѣній подтверждается отзывомъ объ этой книгѣ Михаила Чацкаго, бывшаго посломъ въ Варшавѣ и очевидцемъ описываемыхъ событій).

118. Wspomnienia z roku 1788 po r. 1792. Poznań. 1862. (Авторъ, по всему видно, Михаилъ Чацкій, членъ четырехлѣтняго сейма, сообщаетъ интересныя подробности о событіяхъ своего времени, о лицахъ, принимавшихъ важное участіе въ явленіяхъ политической и общественной жизни и о состояніи общества въ Варшавѣ).

119. Wybickiego Józefa, Pamiętniki (Въ сборникѣ Рачинскаго: Obraz Polaków i Polski. Авторъ былъ посломъ на сеймѣ 1768 г., за сопротивленіе подвергался преслѣдованію отъ русскихъ, участвовалъ въ Барской конфедераціи; послѣ перваго раздѣла участвовалъ вмѣстѣ съ Замойскимъ въ составленіи новаго кодекса законовъ. Онъ ведетъ свое повѣствованіе далѣе паденія Польши и довольно подробно описываетъ возстаніе 1794 г.).

120. Zajączek Józef, Histoire de la revolution de la Pologne en 1794, par un témoin oculaire. Paris. (Авторъ, польскій генералъ, впослѣдствіи при Александрѣ I намѣстникъ, описываетъ событія, въ которыхъ участвовалъ самъ и игралъ не послѣднюю роль, начиная Гродненскимъ сеймомъ и кончая взятіемъ Праги).

121. Zbiór wszelkich czynności powstania narodu polskiego w dniach 17 i 18 kwietnia z przemocy Moskiewskiey i despotyzmu pruskiego od dnia 24 Marca do 19 Czerwca 1794 ułożony. Warsz. 1794.

122. Zbiór uniwersałów i urządzeń od Tadeusza Kościuszki naywyższego siły zbrójnej naczelnika i od kommissyi porząd-

kowej województwa Krakowskiego od czasu aktu powstania narodowego wyszłych. Warszawa. 1794.

123. Zbiór wszystkich pism urzędowych od zapisania aktu powstania narodowego w Krakowie i innych do niego się sięgających okoliczności. Krakow. 1794. (Здѣсь помѣщены документы, изданные въ Краковѣ).

124. Żywot Tomasza Ostrowskiego ministra Rzeczy-pospolitej później prezesa senatu Xięstwa Warszawskiego i Królewstwa Polskiego oraz wypadków krajowych od roku 1763 do 1817. Paryż. 2 t. 1836.

125. Энгельгардта, Льва Николаевича, Записки. Москва. 1859.

При дополненіи настоящаго труда, авторъ пользовался еще слѣдующими источниками:

126. Kal nka, X. Waleryan. Sejm Czteroletni. T. I w Krakowie, 1880 r. i T. II (неполный) we Lwowie. 1881. (Чрезвычайно любопытное и добросовѣстное изслѣдованіе, отличающееся рѣдкимъ безпристрастіемъ, тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что авторъ—римско-католическій духовный и притомъ іезуитъ — не показываетъ ни тѣни нетерпимости къ православнымъ и диссидентамъ, и съ совершенною откровенностью и вѣрностью взгляда оцѣниваетъ всѣ недостатки и промахи своихъ соотечественниковъ. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ извѣстій изъ депешъ прусскихъ и австрійскихъ посланниковъ въ Польшу).

127. Петрушевскаго А. Генералиссимусъ князь Суворовъ, въ 3-хъ томахъ. С.-Петербургъ. 1884 г. (Къ нашей эпохѣ относятся главы XV—XVIII этого сочиненія, помѣщенныя во 2-мъ томѣ, гдѣ излагается пребываніе Суворова въ Польшѣ и его военныя и политическія дѣянія въ 1794—1795 годахъ. Это самое полное и достовѣрнѣйшее историческое сочиненіе о дѣяніяхъ знаменитаго русскаго полководца. Оно замѣчательно зрѣлостью взглядовъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ предметамъ, критикою современныхъ извѣстій, служившихъ источниками и своимъ превосходнымъ изложеніемъ.

128. Русскій Архивъ, Бартенева, за 1865 годъ.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Русь и Польша.—Историческая борьба ихъ за владѣнія.

Съ X-го вѣка обозначается соперничество и борьба двухъ славянскихъ народовъ—русскаго и польскаго. Это важнѣйшая сторона исторіи обоихъ народовъ. Въ 981 г., Владиміръ отнимаетъ у Польши червенскіе города: Червень, Перемышль и др. Этимъ, сколько намъ извѣстно, открылась великая кровавая драма, которая съ тѣхъ поръ разыгрывалась до нашего времени. По смерти Владиміра, польскій король Болеславъ Храбрый воспользовался междоусобіями въ родѣ великихъ князей, принялъ сторону Святополка Окаяннаго и въ 1017 г. овладѣлъ Кіевомъ. Поставленный его помощью князь долженъ былъ сдѣлаться его подручникомъ. Эта попытка къ овладѣнію Руси, однако, не была прочна. Не только Русь освободилась отъ зависимости, но Ярославъ, въ 1031 г., пользуясь слабостью Польши, при наслѣдникѣ Болеслава, Мечиславѣ Лѣнивомъ (Гнусномъ), опять овладѣлъ червенскими городами. При его преемникахъ, междоусобія на Руси снова подали Польшѣ поводъ вмѣшаться въ ея дѣла. Болеславъ Смѣлый, помогая кіевскому князю Изяславу Ярославичу, овладѣлъ Кіевомъ, подобно своему дѣду. Но и на этотъ разъ не

удалось Польшѣ. Русь осталась независимою отъ Польши, хотя поляки, какъ показываютъ ихъ историки, и возъимѣли посягательство считать южно-русскія области подручными Польшѣ. Удѣльный строй ослабилъ центральную власть великаго князя на Руси; Польша разбилась на части. Вплоть до Казимира Великаго, въ XIV вѣкѣ русскіе и польскіе князья между собою то роднились, то дрались, и, вѣроятно, русскія и польскія земли со своими князьями и вѣчами смѣшались бы въ одинъ федеративный строй, если бы различіе вѣръ не положило между Русью и Польшею сильной исторической грани.

Четырнадцатый вѣкъ былъ эпохою великаго переворота въ судьбахъ славянскаго міра. Какъ въ Руси, такъ и въ Польшѣ, является стремленіе къ собранію раздробленныхъ областей и къ образованію единаго государства. Въ Польшѣ начало этому положено Владиславомъ Локеткомъ.

Сынъ его, Казимиръ Великій, въ 1340 г., присоединилъ къ Польшѣ Червоную Русь. Остальная Русь потянула къ двумъ центрамъ: Литвѣ и Москвѣ. Литовскіе князья успѣли составить изъ русскихъ земель обширное государство, и въ 1386 году литовскій князь Ягелло, принявши, съ рукою королевы Ядвиги, польскую корону и римско-католическое крещеніе, въ первый разъ соединилъ это государство съ Польшею подъ однимъ главой. Преемники его оспаривали у Москвы Русь; Витовтъ прихватилъ къ Литвѣ пространство русскихъ земель по рѣку Угру. При Казимирѣ Ягеллоновичѣ предстояла важная задача. Новгородъ, силясь охранить свою удѣльную независимость противъ Москвы, отдавался Литвѣ. Но тамъ не съумѣли воспользоваться важною минутою. Новгородъ, со всѣмъ сѣверомъ нынѣшней Россіи, достался Москвѣ. Съ тѣхъ поръ успѣхъ за успѣхомъ слѣдовалъ для Москвы. При Василіѣ Ивановичѣ оторванъ былъ отъ Литвы Смоленскъ; при Иванѣ Васильевичѣ — Полоцкъ. Между тѣмъ Литва,

въ теченіи двухъ вѣковъ, постепенно приростала къ Польшѣ, и наконецъ, въ половинѣ XVI вѣка (1569), соединилась съ нею во единое тѣло. Всѣ ея историческія задачи перешли на Польшу, и борьба съ Москвою за Русь, возникшая съ самаго образованія двухъ центровъ—Москвы и Литвы, сдѣлалась теперь призваніемъ и Польши. Образовавшаяся изъ двухъ государствъ Рѣчь-Посполитая, принявъ въ себя, по отношенію къ русскому міру, прежнія отдѣльныя, какъ польскія, такъ и литовскія историческія преданія, продолжала оказывать покушенія овладѣть остальною Русью, принадлежавшею Москвѣ; съ своей стороны Москва, возрастая и укрѣпляясь, предъявляла свои права на русскія области, принадлежавшія польско-литовской Рѣчи-Посполитой.

Оттого Московское Государство и польско-литовская Рѣчь-Посполитая безпрестанно дрались между собою, пріостанавливали на время борьбу и снова ее возобновляли, а когда совѣщались, какъ бы имъ уладиться и помириться, то ни на чемъ не могли сойтись, оттого, что, какъ тѣ, такъ и другіе, хотѣли захватить себѣ какъ можно болѣе русскихъ земель. Еще задолго до окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею, Иванъ III, объявляя себя государемъ всей Руси, считалъ справедливымъ, чтобы всѣ древнія русскія земли, захваченныя прежде Литвою, подчинились бы Москвѣ, также точно, какъ ей недавно подчинился Великій Новгородъ. Въ областяхъ, принадлежавшихъ Литвѣ, была партія, пріятствующая московскому государю: она состояла изъ православныхъ князей и бояръ, недовольныхъ столкновеніями съ латинствомъ, которое исповѣдывалъ ихъ литовскій государь. Заключивъ перемиріе со своимъ зятемъ Александромъ, великимъ княземъ литовскимъ, московскій государь приказывалъ объяснять свои политическіе замыслы и виды своему союзнику крымскому хану Менгли-Гирею такимъ образомъ: «Великому

князю нашему съ литовскимъ прочнаго миру нѣтъ; литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, какіе у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины всей земли русской; взяли же съ нимъ перемиріе для того, чтобы люди поотдохнули, да чтобы взятые города укрѣпить». Эти многознаменательныя слова и на все будущее время имѣли значеніе. Прочнаго мира не было и быть не могло; и та и другая сторона безпрестанно собирались съ силами и помышляли, какъ бы одолѣть другъ друга. При Василіѣ Ивановичѣ, когда Герберштейнъ, императорскій посолъ, прибылъ въ Москву, для устройства перемирія между Москвою и Литвою, московскіе бояре прямо объявили ему, что государь ихъ хочетъ всей отчины русской, которою владѣли его прародители: Кіева, Полоцка, Витебска и пр. Прочный миръ оказался также невозможнымъ при Василіѣ, какъ при Иванѣ. Во время малолѣтства Ивана IV, срокъ заключеннаго перемирія окончился; опять вспыхнула война, а послѣ нея опять заключено перемиріе на пять лѣтъ. Въ 1549 году, Сигизмундъ-Августъ предлагалъ Москвѣ вѣчный миръ. Царь Иванъ далъ такой отвѣтъ: «за королемъ наша отчина извѣчная, Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе другіе города русскіе, такъ пригоже ли съ королемъ миръ заключить? Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, а я крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушить не хочу». И дѣйствительно, послѣ того заключались перемирія на сроки; по истеченіи сроковъ, продолжали ихъ на дальнѣйшіе сроки, а прочнаго мира все-таки не заключали. Царь Иванъ, сознавая, что миръ не можетъ состояться иначе, какъ съ присоединеніемъ русскихъ земель, предлагалъ-было покончить дѣло миролюбиво и хотѣлъ жениться на сестрѣ Сигизмунда-Августа, съ которымъ, по его бездѣтности, прекращалась мужеская линія Ягеллонова

дома, и такимъ образомъ, наслѣдница Сигизмунда-Августа, сдѣлавшись московскою царицею, могла перенести всѣ свои родовыя права на мужа и своихъ дѣтей. Различіе вѣры, бывшее главною причиною розни между народами, помѣшало болѣе всего и этой связи.

По истеченіи перемирія, нерѣшенное дѣло опять втянуло оба государства въ войну, и бояре, въ переговорахъ съ польско-литовскими послами, говорили: «не только что русская земля вся, но и литовская земля вся—вотчина государя нашего». Когда, послѣ того, счастіе въ войнѣ обратилось на сторону Москвы, и царь Иванъ овладѣлъ Полоцкомъ (въ 1564 г.), литовскіе послы пріѣхали въ Москву предлагать миръ; бояре прямо запросили Кіева, Волыни, Подоліи, Галича: безъ этого не могъ состояться вѣчный миръ, и опять заключили перемиріе, съ оставленіемъ при Москвѣ того, что было завоевано ею въ послѣднее время. Скоро предстоялъ случай опять порѣшить роковой споръ мирнымъ образомъ. Домъ Ягеллоновъ, съ кончиною Сигизмунда-Августа, прекратился. Въ Литвѣ возникъ замыселъ избрать на престолъ Рѣчи-Посполитой московскаго государя. Паны, соображая, что Москва ни за что не оставитъ своихъ притязаній быть главою всей Руси, и, слѣдовательно, не перестанетъ угрожать польсколитовской державѣ нескрываемымъ намѣреніемъ отнять у нея русскія земли, нашли выгоднымъ для себя такое избраніе: они не только могли на извѣстное время избавиться отъ этой грозы, но еще сдѣлать обратное тому, чего хотѣла Москва; вмѣсто отдачи своихъ русскихъ земель, можно было имѣть въ виду присоединить къ Рѣчи-Посполитой Московское Государство, такъ какъ, постояннымъ выборомъ одного за другимъ литовскихъ князей на польскій престолъ, поляки успѣли уже соединить воедино два государства: Польшу и Литву. Въ такомъ видѣ, въ какомъ

предлагалась корона Ивану Васильевичу, не Москва, а Рѣчь-Посполитая должна была получить первенство.

Замыселъ не состоялся: во-первыхъ, поляки не съумѣли направить согласно своихъ усилій къ этой великой цѣли; во-вторыхъ, царь Иванъ понялъ, куда это можетъ вести, и потому выразился, что ему было бы пріятнѣе, если бы его выбрали литовцы на престолъ Великаго Княжества Литовскаго, отдѣльно отъ Польши, слѣдовательно покушался разорвать недавно устроенную *унію* Литвы съ Польшею. Это было сообразнѣе съ завѣтными стремленіями Москвы собрать подъ собою русскія области. Избранный королемъ польскимъ Стефанъ Баторій, въ 1578 г., отправилъ въ Москву пословъ уговориться о вѣчномъ мирѣ, котораго уже не было болѣе столѣтія. Но Москва опять потребовала Кіева, Витебска и прочихъ земель, которыя называла отчиною своихъ царей. Этого мало: Иванъ заявлялъ, что все Великое Княжество Литовское и даже самое Польское Королевство должны достаться ему по праву наслѣдства, послѣ прекращенія литовскаго царственнаго дома, который онъ выводилъ отъ полоцкихъ князей. Слѣдствіемъ такого отвѣта была опять война, но на этотъ разъ несчастная для Московскаго Государства; она окончилась, при посредствѣ папскаго легата Антонія Поссевина, іезуита, въ 1582 г. Запольскимъ перемиріемъ на двѣнадцать лѣтъ. Москва уступила всѣ свои послѣднія пріобрѣтенія. Вѣчнаго мира все таки не было. При всѣхъ своихъ неудачахъ, московская политика не хотѣла отказываться отъ того, что считала давнимъ вѣковымъ правомъ Москвы. Москва надѣялась, рано или поздно, возвратить себѣ достояніе старыхъ русскихъ князей. Въ предупрежденіе этого, поляки изыскивали средства овладѣть Московскимъ Государствомъ [1]).

---

[1]) Говоря—поляки, разумѣемъ и литовцевъ, соединенныхъ тогда во единое тѣло съ поляками.

При наслѣдникѣ Ивана IV, Ѳеодорѣ, въ 1586 году, посолъ Стефана Баторія, Гарабурда, пріѣхалъ въ Москву предлагать уладить вѣковую распрю такимъ образомъ: «Если Богъ по душу пошлетъ Стефана короля и потомковъ у него не останется, то Корону Польскую и Великое Княжество Литовское соединить съ Московскимъ Государствомъ подъ государскую руку; Краковъ—противъ Москвы, Вильну—противъ Новгорода. А пошлетъ Богъ по душу вашего царя, то Московскому Государству быть подъ рукою нашего государя». Но поляки напрасно надѣялись выиграть, разсчитывая на недалекость ума тогдашняго московскаго царя; московскій государственный умъ не затмился отъ слабоумія носившаго корону; политика была все та же, и вѣковыя преданія не забывались. Московскихъ бояръ вовсе не прельщала мысль о такомъ соединеніи съ Польшею; они нашли такую отговорку: «неприлично при живомъ государѣ дѣлать договоры на случай его смерти»; «нашъ государь—прибавили они—у вашего проситъ искони вѣчной вотчины своей Кіева, съ уѣздомъ и пригородами, и прочихъ вотчинъ своихъ». Эти переговоры кончились ничѣмъ, какъ и переговоры прежнихъ лѣтъ.

Баторій умеръ. Безкоролевіе дало опять литовцамъ виды на рѣшеніе спора съ Москвою посредствомъ выбора въ короли московскаго государя, а Москва опять показала, что неизмѣнно держится прежней политики, что на первомъ планѣ у ней завѣтное желаніе соединить подъ своею властью русскія земли, а не пріобрѣтать чужія государства. Москвѣ отнюдь не хотѣлось возлагать польскую корону на голову своего государя; она пыталась, напротивъ, разорвать унію Литвы съ Польшею. Посланный въ Литву московскій дворянинъ Ржевскій пытался расположить литовскихъ пановъ избрать московскаго государя на Великое Княжество Литовское отдѣльно отъ Польши. «Вы знаете—говорилъ онъ по наказу своего правительства—поляки вѣруютъ съ хри-

стіанами розно, а вы, паны-рада литовская, и вся земля литовская съ нашею землею одной вѣры и одного обычая, и вы бы пожелали себѣ государя нашего.» Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставилось литовцамъ на видъ, что, соединившись съ Москвою, нужно будетъ вмѣстѣ отнять у Польши тѣ русскія области, которыя, по акту соединенія Короны Польской съ Великимъ Княжествомъ, причислены непосредственно къ Польшѣ, а не къ Литвѣ. «Начальное государство кіевское—говорили они—отъ прародителей слѣдуетъ нашему государю, а теперь изневолено, отъ Литовскаго государства оторвано къ Коронѣ Польской; и не однимъ Кіевомъ польскіе люди завладѣли у васъ, литовцевъ, да присоединили къ польской землѣ насильствомъ: такъ государю нашему, какъ всего этого у поляковъ не отнять и къ вамъ и къ государству московскому не присоединить?» Но поляки въ это время уже значительно успѣли въ дѣлѣ слитія литовско-русскаго дворянства съ польскимъ; число ярыхъ противниковъ единства съ Польшею рѣдѣло; московскій посолъ не въ силахъ былъ произвести раскола между литовцами и поляками; напрасно литовскіе паны получали отъ нѣкоторыхъ московскихъ бояръ письма съ увѣщаніями въ такомъ же родѣ; они соглашались на избраніе московскаго государя не иначе, какъ вмѣстѣ съ Польшею. Правда, они были не прочь вмѣстѣ съ московскими людьми побранить поляковъ, но отважиться на рѣшительный разрывъ они не могли, тѣмъ болѣе, что тогда не было никакихъ къ этому поводовъ. Литовскіе паны совѣтовали отправить московскихъ пословъ на общій избирательный сеймъ. Москва уступила; но когда на сеймѣ стали выбирать короля и большинство было за московскимъ государемъ, Москва осталась вѣрною себѣ. Поляки хотѣли поставить дѣло такъ, чтобы за ними осталось первенство, требовали, чтобы московскій государь короновался въ Краковѣ, носилъ корону польскую сверхъ

шапки Мономаховой и обѣщалъ соединить греческую церковь въ Россіи съ римскою. Послы объявили, что московскій государь хочетъ оставаться непоколебимъ въ православной вѣрѣ, короноваться на королевство въ Москвѣ, а не въ Краковѣ, шапку Мономахову носить сверхъ польской короны и въ титулѣ писаться сперва царемъ всея Руси, а потомъ уже королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. Эти наружные признаки первенства, за которые такъ упорно стояла Москва, имѣли тотъ простой и прямой смыслъ, что Москва не иначе согласна на соединеніе съ Польшею и Литвою, какъ только при такомъ условіи, когда Польша и Литва получатъ значеніе земель, присоединенныхъ къ Москвѣ, или поступившихъ подъ ея первенство. Москва хотѣла, чтобы ея царь владѣлъ русскими землями не иначе, какъ на основаніи стариннаго дѣдичнаго права надъ всей Русью, а не въ силу добровольнаго порученія ему власти тѣми, которые фактически, а не легально, владѣли тогда этими землями. Притомъ же, польская вольность и московское самодержавіе были несоединимы, какъ масло съ водою. Въ Москвѣ понимали, что если московскій государь и будетъ избранъ на польскій престолъ, то не удержится на немъ, а если удержится самъ, то не въ силахъ будетъ утвердить власть за наслѣдниками; поэтому на самое согласіе принять польскую корону Москва смотрѣла только, какъ на способъ оторвать отъ Польши русскія земли и присоединить ихъ къ Московскому Государству. Поляки, напротивъ, если рѣшались на избраніе московскаго государя, то единственно съ цѣлью утвердить за собою покрѣпче русскія земли и распространить свою власть на остальную Русь. Они избрали шведскаго принца, а съ московскимъ государемъ опять заключили перемиріе, на этотъ разъ на пять лѣтъ. Вѣчнаго мира и теперь невозможно было заключить: Москва не думала оставлять своихъ притязаній.

Но вотъ и въ Москвѣ сталось тоже, что было назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ въ Литвѣ: царствовавшая династія прекратилась; на московскій престолъ сѣлъ потомокъ татарскаго мурзы, готовясь открыть собою новую династію. Москва не считала свои права на русскія земли исключительнымъ достояніемъ династіи Рюриковичей; онѣ были ей прирождены въ силу стремленія соединить Русь въ единое политическое тѣло.

Въ своихъ завѣтныхъ стремленіяхъ, Москва походила на папскій Римъ. Могло сидѣть на папскомъ престолѣ такое, или иное лицо, того или другого происхожденія, съ такимъ или другимъ характеромъ, образованіемъ, поведеніемъ, склонностями, но въ стремленіяхъ главенства надъ церковью, въ коренныхъ понятіяхъ о вѣрѣ и церкви, въ главныхъ чертахъ и способахъ дѣйствій, церковный Римъ оставался все тотъ же; вѣка не измѣняли основъ его строя, съ неизмѣнною логикою, съ неутомимымъ терпѣніемъ, онъ преслѣдовалъ однѣ и тѣ же цѣли, пріостанавливаясь въ своей дѣятельности передъ противными обстоятельствами, ни на волосъ не отступая въ своихъ требованіяхъ отъ своего ученія; такова была и московская политика въ дѣлѣ собиранія Руси и созданія единаго русскаго государства, которое положила себѣ задачею. Предложеніе *вѣчнаго* мира, привезенное въ Москву при Борисѣ посланникомъ польско-литовскимъ Львомъ Сапѣгою, не состоялось отъ тѣхъ же причинъ, какъ и въ прежнія времена. Историческій процессъ Руси съ Польшею оставался неоконченнымъ, и потому ограничились *перемиріемъ*, правда двадцатилѣтнимъ, но все-таки перемиріемъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, скоро наступили для Московскаго Государства смутныя времена. Поляки, въ это время, пропитавшись значительно іезуитскимъ воспитаніемъ, избрали, по отношенію къ Москвѣ, путь интригъ и коварства и приводили на московскій престолъ бродягъ, называвшихся

именемъ убитаго царевича, въ тѣхъ видахъ, чтобъ посаженные такимъ образомъ на престолъ сдѣлались подручниками Польши. Эти средства не удались; тогда, пользуясь расшатаннымъ состояніемъ Московскаго Государства, они овладѣли посредствомъ оружія его столицею, заставили для вида избрать въ цари польскаго королевича, а въ самомъ дѣлѣ хотѣли присоединить Московское Государство къ Польшѣ. И это имъ не удалось, не смотря на то, что счастіе имъ во многомъ благопріятствовало. Въ самой Польшѣ уже значительно созрѣли внутренніе признаки будущаго ея разложенія. Опустошивши Московское Государство, поляки не въ силахъ были остановить противодѣйствующей имъ народной силы, и послѣ истощительной борьбы въ 1619 году Деулинскимъ перемиріемъ должны были отказаться отъ покушенія на Московское Государство и ограничиться пріобрѣтеніемъ только части его: областей Смоленской и Сѣверской и Велижской волости. Московское Государство осталось, правда, съ потерями, но выиграло тѣмъ, что отстояло свое существованіе. Какъ ни было оно разорено, но политика его не разставалась съ сознаніемъ своихъ правъ на русскія земли.

По окончаніи перемирія, въ 1632 г., вспыхнула опять война. Она была крайне несчастна для Москвы и въ 1634 году окончилась *вѣчнымъ* миромъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Поляновскаго*. Этотъ миръ былъ въ свое время событіемъ чрезвычайно важнымъ, потому что собственно мира у Москвы съ Польшею не было со времени Ивана III: «такое дѣло великое и славное сдѣлалось, чего прежніе государи сдѣлать не могли», говорили заключившіе его польскіе коммиссары. Но замѣчательно, что никакія домогательства не могли у москвичей вынудить условій, чтобы царь не писался царемъ *всея* Руси; поляки совершенно справедливо видѣли въ этомъ удержаніи титула притязанія на русскія земли, присоединенныя къ Польшѣ.

Москвѣ нужно было оставить за своимъ царемъ такой титулъ, потому что, уступая несчастнымъ обстоятельствамъ, она не отрекалась отъ своего права при лучшемъ положеніи дѣлъ.

Вѣчный миръ просуществовалъ ровно двадцать лѣтъ. Повидимому, этимъ миромъ Москва затормозила себѣ ходъ къ собиранію русскихъ областей: но сама судьба освободила ее отъ необходимости самой начинать вновь уже законченный процессъ. На этотъ разъ не Москва искала русскихъ земель, принадлежавшихъ Рѣчи-Посполитой, а эти русскія земли сами обратились къ Москвѣ. Въ половинѣ XVII вѣка вспыхнуло козацкое возстаніе, ужаснѣйшее въ лѣтописяхъ возстаній. Поляки успѣли ополячить и окатоличить русскіе высшіе классы, но не успѣли сдѣлать того же съ южнорусскимъ народомъ, не успѣли истребить его національности, и этотъ-то народъ, подъ фирмою козачества, поднялся на Польшу и втянулъ Московское Государство въ свое кровавое дѣло. Успѣхъ для Москвы былъ большой: южная Русь отдавалась московской державѣ добровольно, Литва была завоевана, московскій государь овладѣлъ ея столицею, Вильною. Вслѣдъ за тѣмъ на Польшу напало разомъ нѣсколько враговъ. Шведскій король овладѣлъ обѣими польскими столицами; польскій король бѣжалъ изъ государства; въ эту эпоху былъ заявленъ проектъ перваго раздѣла Польши: шведскій король хотѣлъ овладѣть Великою Польшею, Ливоніею и Гданскомъ, бранденбургскому князю-избирателю, вассалу Польши, должны были достаться прусскія владѣнія Польши; Малая Польша и Литва—седмиградскому князю Ракочи, а южная Русь должна была сдѣлаться самостоятельнымъ государствомъ подъ властью Хмельницкаго. Проектъ не состоялся; противъ него встала Москва. Алексѣй Михайловичъ, получивъ обѣщаніе пріобрѣсти, по смерти царствующаго короля Яна-Казимира, польскую корону, явился за-

щитникомъ Польши. Вѣковой вопросъ о русскихъ областяхъ, казалось, могъ рѣшиться добровольнымъ соединеніемъ. Но обстоятельства повернулись иначе. Война за Малороссію возобновилась и затянулась на долго. Янъ-Казимиръ отрекся отъ престола, предоставилъ эту войну кончать своимъ преемникамъ и произнесъ знаменитое пророчество, которое въ слѣдующемъ столѣтіи сбылось съ удивительною точностью. «Надобно опасаться—говорилъ онъ на сеймѣ—что наша Рѣчь-Посполитая сдѣлается добычею сосѣдей. Москвитяне захотятъ взять себѣ все Великое Литовское Княжество, всѣ земли по Бугу и Нарову, а можетъ быть и по самую Вислу. Бранденбуржецъ замыслитъ пріобрѣсть Великую Польшу и другія пограничныя воеводства. Домъ австрійскій покусится на Краковъ и на прилежащія къ нему воеводства».

Кровопролитная борьба за Малороссію, пріостановившись Андрусовскимъ перемиріемъ, покончилась уже въ 1686 году миромъ опять *вѣчнымъ*, по которому Польша уступила Россіи Смоленскъ, Украину лѣваго берега Днѣпра, и на правой сторонѣ Кіевъ съ Васильковымъ, Трипольемъ и Стайками, а остальная правобережная Украина со всѣми русскими землями на правомъ берегу Днѣпра осталась за Польшею. Миръ этотъ былъ постыднымъ для Россіи, она упустила изъ своихъ рукъ то, чего добивалась цѣлое столѣтіе и что́ еще недавно отдавалось ей добровольно; миръ этотъ вызванъ былъ дѣлами Украины: истощаясь въ борьбѣ съ внѣшними давленіями, эта страна разрывалась внутренними междоусобіями, склонялась то къ Россіи, то къ Польшѣ, то къ Турціи, думая добыть себѣ независимость. Допустить ее до независимости казалось въ равной степени неудобно, какъ для Москвы, такъ и для Польши: Москва хотѣла подчинить себѣ русскія земли, а не дѣлать ихъ самобытными; Польшѣ выгоднѣе было уступить сосѣднему государству половину своей провинціи, чѣмъ поте-

рять всю, признавъ ее независимой; притомъ самое это стремленіе Малороссіи къ независимости едва ли могло быть достигнуто по внутренней несостоятельности, и, не доставаясь ни Польшѣ, ни Москвѣ, Украина могла достаться Турціи. Уничтожить эти стремленія въ Украинѣ только и можно было разрывомъ страны между двумя государствами.

Но московская политика и послѣ этого мира не оставила своихъ завѣтныхъ цѣлей, а только измѣнила способъ достиженія. Прежде прямо требовалась отдача Москвѣ прародительскихъ земель: на этомъ основаніи цѣлые вѣка не допускался вѣчный миръ, а только, для отдыха, соглашались на перемиріе; теперь Россія стала налегать вообще на всю Польшу и мало-по-малу ставила ее въ зависимое положеніе. Петръ I, въ качествѣ союзника, впуталъ посаженнаго съ его помощью на престолѣ короля Августа II въ Сѣверную войну. Никогда еще Польша не была въ такомъ разстроенномъ положеніи, какъ въ то время; сдвинутая такъ-сказать съ своего фундамента козацкими возстаніями, въ эпоху Сѣверной войны она совсѣмъ распаталась. Шведскій король, разбивъ своего соперника, поставилъ въ Польшѣ другого короля, Станислава Лещинскаго. Поляки, вмѣсто того, чтобы, сохраняя свое достоинство, отрѣшить обоихъ королей: перваго за самовольное и вредное вмѣшательство въ войну безъ воли націи, второго за принятіе короны по волѣ чужаго государя,—стали колебаться между тѣмъ и другимъ королемъ, переходить отъ одного къ другому, измѣнять тому и другому, продавать себя тому и другому. Развилась чрезвычайная деморализація. Августъ утвердился на престолѣ съ русскою помощью, ввелъ въ Польшу саксонскія войска и хотѣлъ править страною самовластно, не собирая даже сейма; поляки возстали противъ него, составили конфедерацію и обратились къ Петру. Волею, или неволею, Августъ также долженъ былъ принять посредничество русскаго царя.

Посланный царемъ въ Польшу князь Долгорукій въ 1717 году, начерталъ для обѣихъ сторонъ примирительныя правила. Они утверждены были сеймомъ. Важнѣйшее изъ этихъ правилъ было то, что въ Польшѣ не должно быть войска болѣе 18-ти тысячъ, а власть военачальника (гетмана) сдѣлалась независимою отъ короля и подлежала только одному сейму. Но сеймы въ Польшѣ обыкновенно не доходили до конца, а *срывались*, потому что каждый изъ сеймовыхъ пословъ (депутатовъ) могъ своимъ несогласіемъ не допускать проекты обращаться въ законы. Поэтому, гетманъ могъ властвовать надъ войскомъ по произволу. Съ этого времени, русскій посланникъ въ Варшавѣ сталъ имѣть прямое вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла Польши. Августъ II былъ обязанъ русскому царю тѣмъ, что удержался на престолѣ; онъ тяготился этимъ положеніемъ и прибѣгалъ къ разнымъ коварствамъ, но ничего не могъ сдѣлать: Россія могла всегда расшевелить противную ему партію въ самой Польшѣ.

Августъ II безъ отвращенія слушалъ замыслы прусскаго короля, вредные для Польши. Бывшій бранденбургскій князь-избиратель, нѣкогда вассалъ Польши, а теперь независимый король, думалъ, какъ его предшественникъ при Янѣ-Казимирѣ, расширить свое небольшое королевство насчетъ Польши. Еще въ 1710 году онъ предлагалъ, черезъ своего совѣтника Ильгена, Августу II раздѣлъ польскихъ провинцій: предполагалось уступить Петру I-му Ливонію; Фридрихъ I бралъ себѣ Пруссію и Жмудь; а остальная Польша предоставлялась Августу II въ качествѣ наслѣдственнаго владѣнія на такихъ же правахъ, на какихъ онъ владѣлъ Саксоніей; иными словами, за удовлетвореніемъ Пруссіи и Россіи, Польша присоединялась къ Саксоніи. Проектъ этотъ очень понравился Августу II, но онъ очень не понравился Петру I, до свѣдѣнія котораго доведенъ косвеннымъ образомъ.

Впослѣдствіи, въ 1721 году, прусскій еврей Леманъ пріѣзжалъ къ Августу II отъ имени Пруссіи съ предложеніемъ раздѣла Польши. Но когда стали спрашивать объ этомъ Пруссію, то прусскій министръ показалъ видъ, что такого порученія еврею не дѣлалось. Неизвѣстно, дѣйствительно ли Пруссія подсылала этого еврея къ Августу, или онъ самъ затѣялъ такіе планы. Какъ бы то ни было, Петръ былъ рѣшительно противъ всякихъ поползновеній къ раздѣлу. Не для чего было Россіи дѣлиться съ нѣмцами, когда Польша шла по такому пути, что, рано или поздно, должна была подпасть подъ власть Россіи.

Россія оставляла на будущее время рѣшеніе этого вопроса, а между тѣмъ старалась удерживать Польшу на пути къ зависимости. Для этого у ней было орудіе въ продажности поляковъ. Стоило только подкупить нѣсколько сенаторовъ и пословъ, чтобы они употребили свое право срывать сеймы, и никакое постановленіе, противное видамъ Россіи, не могло состояться. Такъ русскіе посланники постоянно и поступали.

Въ 1732 году, Августъ, желая упрочить хоть что-нибудь изъ польскихъ владѣній для своей фамиліи, самъ предлагалъ уступку польскихъ областей сосѣдямъ за то, чтобы получить остальное въ наслѣдственное владѣніе. Августъ обратился съ этимъ къ прусскому королю, такъ какъ зналъ, что этотъ король скорѣе, чѣмъ всякій другой, увидитъ въ этомъ предложеніи свою пользу. Онъ отдавалъ прусскому королю Курляндію, польскую Пруссію и часть Великой Польши, и совѣщался, какими бы способами ублажить Россію и Австрію. Австріи предполагалось дать староство Списское и еще прибавить кое-что, если она не будетъ довольна; Россіи же предполагалось отдать часть Литвы, но безъ Вильны. Король Фридрихъ-Вильгельмъ давалъ совѣты, какъ принудить Россію къ бездѣйствію, въ случаѣ, если она ни за что не согласится на предложен-

ную, по договору, часть; онъ указывалъ для этого на соглашеніе съ Турціей, которую можно было, въ случаѣ надобности, напустить на Россію и отвлечь отъ Польши. Но эти соображенія не обратились тогда въ дѣло.

По смерти Августа II, въ 1733 году, въ Польшѣ сдѣлалось волненіе. Противники Россіи провозгласили королемъ Станислава Лещинскаго, а Россія, вмѣстѣ съ Австріей, поддерживала сына покойнаго короля. Воцарился послѣдній подъ именемъ Августа III, съ помощью вооруженной русской силы.

Если въ предшествовавшее время теченіе дѣлъ въ Польшѣ зависѣло во многомъ отъ Россіи, то новый король былъ уже почти ея подручникомъ. Многіе знатные паны, имѣвшіе за собой большія партіи, были противъ него; Россія всѣхъ ихъ принудила признать его королемъ, кого подарками и обѣщаніями, а кого страхомъ. Августъ процарствовалъ 30 лѣтъ, проживая большею частью въ Дрезденѣ, и оставляя Польшу на произволъ судьбы, только пользовался ея доходами, насколько удавалось. При немъ не было доведено до конца ни одного сейма, не составлялось законовъ, не повѣрялась администрація; отдавать отчетовъ было некому, потому что главные сановники, управлявшіе различными вѣдомствами, должны были отдавать ихъ одному сейму, а сеймы всѣ срывались; подскарбіи (министры финансовъ) распоряжались по произволу казною; канцлеры подписывали беззаконные акты; въ судахъ и трибуналахъ происходили буйства; паны съ вооруженною силою разгоняли судилища; полиціи въ Польшѣ не было никакой, и господствовало полное право сильнаго; существовали, правда, великіе и надворные маршалы, но не занимались своимъ дѣломъ; въ Польшѣ не чеканилось монеты: король началъ чеканить польскую монету въ Дрезденѣ и ввозить эту монету изъ-за границы, но, вслѣдъ затѣмъ, за нею полилось въ Польшу громадное

количество фальшивой монеты изъ Пруссіи. Торговля упала. Войска въ Польшѣ едва могло набраться до 8-ми тысячъ, но и то было неспособно къ дѣлу. Польша потеряла всякое значеніе и уваженіе въ Европѣ; не было даже польскихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ. Голосъ русскаго посланника въ Варшавѣ сталъ всемогущъ. Русскія войска вступали въ Польшу и квартировали, какъ въ своей землѣ, брали съ жителей поборы и очень часто дозволяли себѣ всякія своеволія; поляки же находили въ этомъ квартированіи у себя чужестранныхъ войскъ даже пользу, потому что сбывали имъ свои сельскія произведенія на провіантъ и фуражъ.

Польша была на краю паденія, когда Августъ III, въ 1763 году, скончался.

II.

Народный характеръ польскій.—Польша древнихъ временъ.—Золотой вѣкъ.—Введеніе іезуитовъ.

Внутреннія условія, доведшія Польшу до разложенія, сложны и были предметомъ множества соображеній, догадокъ, заключеній и выводовъ. Пытались поставить на первый планъ то одно, то другое явленіе, указывали на избирательное правленіе, на чрезмѣрную силу магнатовъ, на своеволіе шляхты, на отсутствіе средняго сословія, на религіозную рознь, на упадокъ и порабощеніе земледѣльческаго класса. Намъ кажется, что эти признаки польскаго политическаго строя, при своихъ дурныхъ сторонахъ, не представляли еще стихій неизбѣжнаго паденія и разложенія государства. Избирательное правленіе существовало въ Германіи, и, однако, Германія не разложилась, и ее не завоевали другіе; и тамъ были своевольные и несогласные магнаты:—князья и герцоги, да и вездѣ въ

Европѣ они были; сельскій классъ не въ одной Польшѣ былъ преданъ произволу высшаго, угнетенъ и забитъ: вездѣ въ Европѣ онъ мало чѣмъ былъ въ лучшихъ условіяхъ, а иногда и ничуть не въ лучшихъ; въ Польшѣ были религіозныя волненія и преслѣдованія: и въ остальной Европѣ онѣ проявлялись, и западная Европа представляетъ въ этомъ отношеніи болѣе картинъ раздоровъ, смутъ и кровопролитій. Польское устройство не хуже было устройства другихъ странъ, а выработкою свободныхъ формъ стояло выше многихъ. Понятно, что Жанъ-Жакъ Руссо, которому давали на разсмотрѣніе польское устройство на бумагѣ, отозвался о немъ съ похвалою, хотя и замѣтилъ его недостатки. Самое liberum veto, парализовавшее въ Польшѣ движеніе къ полезнымъ перемѣнамъ, имѣло и свои хорошія стороны, на сколько могло останавливать хитрости, козни партій; въ тѣхъ важныхъ случаяхъ, когда могло идти дѣло о коренныхъ переворотахъ государства, liberum veto, въ благоразумныхъ размѣрахъ, предоставленное посламъ сейма, со строгою отвѣтственностью передъ судомъ за нечистое и корыстное его употребленіе, могло приносить пользу, удерживая порывы увлеченія, способные овладѣвать большинствомъ. Причины паденія Польши не столько въ тѣхъ дурныхъ сторонахъ, которыя были въ нравахъ націи, сколько въ отсутствіи хорошихъ. Такимъ образомъ, перебирая ея формы и явленія жизни, поражающія насъ своимъ разрушительнымъ характеромъ, мы найдемъ все то же, что̀ было и въ другихъ странахъ, но мы не найдемъ въ Польшѣ тѣхъ здоровыхъ, противодѣйствующихъ дурному, началъ, которыя въ другихъ странахъ Европы давали движеніе къ улучшеніямъ въ общественномъ строѣ и къ торжеству здравыхъ убѣжденій.

Корень паденія Польши—въ той деморализаціи шляхетскаго сословія, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошія учрежденія и увеличивала власть дур-

ныхъ; восходя далѣе къ началу, придется сказать, что корень паденія Польши—въ тѣхъ качествахъ народа, которыя такъ легко увлекли его къ деморализаціи и вообще дѣлали поляковъ неспособными къ самостоятельной государственной жизни.

Конечно, нѣтъ ничего труднѣе объяснить, отчего образовался такой или иной народный характеръ, хотя онъ и высказывается всею историческою жизнью народа. Трудность эта истекаетъ оттого, что начала его обыкновенно восходятъ къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, о которыхъ не дошло до насъ свѣдѣній. Такъ трудно бываетъ услѣдить причины образованія характера человѣка въ отдѣльности—онѣ кроятся въ впечатлѣніяхъ нѣжнаго возраста; первобытныя ощущенія до того вліятельны, что слагаютъ существо человѣка на всю его послѣдующую жизнь, и только сильные перевороты въ жизни могутъ измѣнить опредѣлившееся въ дѣтствѣ направленіе способностей. Въ то время, когда дитя начинаетъ лепетать слова и различать предметы, неуловимые случаи производятъ на молодые нервы вліяніе, дающее подкладку для его способностей. То же совершается въ жизни племенъ и народовъ. Мы застаемъ историческіе народы въ тѣ періоды развитія, когда у нихъ уже опредѣлились первобытныя свойства; послѣдующія историческія судьбы даютъ намъ только возможность прослѣдить, какъ развивались онѣ, а самое зарожденіе свойствъ отъ насъ ускользаетъ.

Въ чемъ же состоятъ первобытныя свойства поляка, т. е. такія, которыя являются со вступленіемъ его въ исторію? Кажется мы не ошибемся, если скажемъ, что польскій народъ, какъ и все славянское племя, въ большей или меньшей степени, представляетъ избытокъ и господство сердечности надъ умомъ. Начиная отъ временъ Болеслава Храбраго, и кончая послѣдними судорожными порывами къ утраченной самобытности, полякъ всегда дѣй-

ствовалъ преимущественно подъ вліяніемъ сердца; умъ и воля подчинялись у него этому влеченію и часто парализовались имъ. Народные добродѣтели и пороки объясняются этимъ свойствомъ; полякъ легко воспламеняется, когда затрогивается его сердце, и легко охлаждается, когда сердце отъ утомленія начинаетъ биться тише, легко довѣряется тому, что льститъ желанію его сердца и легко теряетъ довѣріе, когда слышитъ что-нибудь непріятное сердцу, и въ обоихъ случаяхъ легко попадается въ самообольщеніе и обманъ: голосъ холоднаго здраваго разсудка, хотя бы самый дружескій, ему противенъ; увлекаясь чувствомъ, онъ считаетъ возможнымъ невозможное для его силъ, затѣваетъ великое дѣло и не кончаетъ его, дѣлается несостоятельнымъ, когда для дѣла оказывается недостаточно сердечныхъ порывовъ, а нужно холодное обсужденіе и устойчивый трудъ; онъ способенъ къ чрезвычайной дѣятельности, но не надолго, и можетъ скоро впасть въ лѣнь и апатію; онъ добръ до безпредѣльности и способенъ на величайшія самопожертвованія въ пользу добраго дѣла въ минуту увлеченія, но рѣдко способенъ вести его съ постоянствомъ, можетъ бросить его на полудорогѣ, легко сдѣлаться свирѣпымъ, жестокимъ, но также по увлеченію сердца и не надолго. Не въ натурѣ поляка ни постоянная долгая дружба, ни упорная мстительность. При первомъ непріятномъ на его сердце впечатлѣніи, онъ разсорится съ вѣрнѣйшимъ другомъ, измѣнитъ ему, но за то легко протянетъ руку заклятому врагу, если тотъ удачно польститъ его чувству. Его легко поднять до восторга и довести до унынія; отъ этого онъ часто бываетъ чрезмѣрно кичливъ и заносчивъ, но часто падаетъ духомъ и унижается въ несчастіи, то чрезвычайно храбръ, то чрезвычайно трусливъ, то черезчуръ бурливъ и неугомоненъ, то черезчуръ податливъ. Этими свойствами объясняются тѣ многочисленные рокоши и конфедераціи, которыя, послѣ

шума и треска, оканчивались примиреніемъ и покорностію власти. Сигизмундъ III, Августъ II надѣлали Польшѣ много дурного; противъ нихъ возставали, составляли конфедераціи, но ихъ не выгоняли, какъ выгоняли французы своихъ Бурбоновъ, или англичане своихъ Стюартовъ; поляки, пошумѣвши, побурливши, побившись, наконецъ, между собою изъ-за этихъ королей, мирились съ ними самымъ нѣжнѣйшимъ образомъ. Паны безпрестанно между собою ссорились и дрались, но Капулетти и Монтекки въ Польшѣ не бывало; родовая вражда не въ духѣ поляковъ; надѣлавши другъ другу пакостей, въ порывѣ сердечной злости, они часто мирились и запивали венгерскимъ свои недоразумѣнія. Въ исторіи польскихъ войнъ есть примѣры изумительной рыцарской отваги и храбрости; но бывали случаи, когда все польское войско, безъ боя, разбѣгалось по лѣсамъ и бросало оружіе, какъ это было, между прочимъ, подъ Пилявцами въ войнѣ съ Хмельницкимъ. Гостепріимство и радушіе, въ чемъ едва-ли какой народъ сравнится съ поляками, истекали изъ той же безграничной и безразсудной сердечности; природѣ поляка нужно было веселое общество, какъ воздухъ, и онъ легкомысленно ставилъ послѣднюю копѣйку ребромъ для удовлетворенія этой потребности. Польское легкомысліе вошло у всѣхъ въ пословицу, но никто не скажетъ, чтобы оно происходило отъ врожденной тупости и недостатка способностей; напротивъ, поляки народъ очень даровитый, но сердечность увлекала ихъ за предѣлы разсудка, вводила въ ошибочные взгляды, приводила къ промахамъ; и только горькій опытъ, охлаждающій сердечныя увлеченія, заставлялъ ихъ увидѣть истину; отсюда и польская пословица: «мудръ полякъ послѣ бѣды»; но самый опытъ рѣдко исцѣлялъ поляка; при первомъ случаѣ онъ впадалъ въ новое самообольщеніе. Таже легкомысленная сердечность увлекала поляка незамѣтно къ порокамъ, несправедливостямъ, ни-

зостямъ и преступленіямъ; сердечность, располагавшая пановъ къ гостепріимству и веселой жизни, приводила ихъ къ потребности увеличивать свои средства, а не пріучивъ себя думать надъ тѣмъ, чего сердцу хочется, панъ не обращалъ большого вниманія на то, что эти средства доставались ему крайнимъ угнетеніемъ его подданныхъ, захватомъ чужой собственности и даже продажею чести и отечества. Послѣднее, такъ позорившее Польшу передъ концомъ ея существованія, происходило болѣе отъ необдуманности, чѣмъ отъ разсчетливаго презрѣнія къ отечеству. Полякъ, часто готовый на все дурное, изъ корысти, готовъ былъ, по влеченію сердца, безкорыстно раздѣлить свое состояніе съ другими. Панъ, у котораго отъ безалабернаго управленія тысячи крестьянъ доведены были до крайней нищеты, до униженія человѣческаго достоинства, часто въ сущности былъ добродушный человѣкъ, держалъ въ своемъ дворѣ толпу бѣдной шляхты, защищалъ и выводилъ въ люди своихъ кліентовъ, не жалѣлъ для ихъ пользы ни денегъ, ни заботъ. Поляки съ поконъ вѣка кричали о свободѣ, но свобода у нихъ была только сердечная, а никакъ не разумная; послѣдняя стремится къ тому, чтобы всему обществу было хорошо, чтобы склонности и побужденія каждаго лица подчинялись потребности общаго добра, идеалъ ея — порядокъ, гармонія; при свободѣ сердечной, неуправляемой умомъ, мало думаютъ, или совсѣмъ не думаютъ о томъ, что прямо не соприкасается съ побужденіями сердечной жизни. Человѣкъ, въ сущности добродушный, желаетъ, чтобы было хорошо только тѣмъ, кого онъ часто видитъ и съ которыми дѣлитъ свои сердечныя ощущенія, а до тѣхъ, съ кѣмъ соединяетъ его только идея, ему мало дѣла. Такъ, подчасъ польскому пану, живущему въ Великой Польшѣ, кормившему и одѣвавшему десятки или даже сотни шляхетскихъ семей, которыхъ довольство ему доставляло безкорыстное

наслажденіе, мало прилегала къ сердцу судьба соотечественниковъ, терпѣвшихъ разореніе отъ татаръ гдѣ-нибудь на Волыни. Свобода сердечная ищетъ только удовлетворенія частныхъ склонностей и симпатій; идеалъ ея—безпорядокъ, потому что безъ всеуравнивающаго ума, дающаго всему мѣсто и время, размѣръ и границы, невозможно согласить разнообразія личныхъ свойствъ и побужденій. Польша это сознавала и, въ продолженіе вѣковъ, не затруднялась говорить открыто, что она существуетъ безпорядкомъ (nierządem Polska stoi). Мы не знаемъ, существовалъ ли другой подобный народъ, который признавалъ бы нормальнымъ состояніемъ общества безпорядокъ. Гдѣ такая свобода, свобода безпорядка, тамъ непремѣнно должна была образоваться крайняя аристократія, неравенство сословій и порабощеніе однихъ другими. Въ Польшѣ такъ и было: сначала, сословіе леховъ или шляхты поработило сословіе кметей или хлоповъ, а потомъ и среди шляхты образовалось неравенство, которое было тѣмъ уродливѣе, что существовало фактически подъ легальнымъ признаніемъ равенства.

Въ глубокой древности, польскіе славяне, какъ и всѣ вообще славяне, не составляли государства, но жили раздѣльными обществами, подъ управленіемъ старѣйшинъ. Зародышъ неравенства существовалъ еще въ тѣ отдаленныя времена; нѣкоторые роды выдвигались изъ ряда другихъ съ бóльшимъ значеніемъ и силою подъ именемъ леховъ и образовали такимъ образомъ высшее сословіе, мало по малу стремившееся поработить себѣ остальной народъ. Польское государство, точно также, какъ и Моравское, и наше Русское (въ двукратномъ его составленіи въ Новгородѣ и Москвѣ) образовалось вслѣдствіе потребности во взаимной защитѣ составившихъ его частей, и въ отбоѣ отъ натиска иноплеменниковъ. Этими иноплеменниками были нѣмцы, устремлявшіеся на славянъ

со временъ Карла Великаго. Послѣ паденія Моравской державы, явились въ западной славянщинѣ одна за другою—Чешская и Польская; обѣ выдерживали борьбу съ нѣмцами; обѣ входили съ ними въ компромиссы, и въ крайности отстаивали свое существованіе признаніемъ надъ собою главенства императоровъ: они думали оградить себя отъ совершеннаго покоренія и поглощенія, а это именно случилось съ другими ихъ соплеменниками. Болеславъ Храбрый былъ настоящимъ творцомъ польскаго государства и далъ толчокъ политическому бытію Польши на многіе вѣка. Но внутренней крѣпости въ немъ оказывалось мало съ самаго начала. Элементы разложенія дали о себѣ знать тотчасъ послѣ смерти Болеслава. Лехи не повиновались королевской власти, ссорились между собою и не отдавались на волю государя, а по смерти слабаго Мечислава, сына Болеслава, прогнали его вдову съ малолѣтнимъ сыномъ. Государство распалось. Но тѣ же лехи, желая освободиться отъ королевской власти, желали сами властвовать надъ сословіемъ кметей, земледѣльцевъ, тогда еще лично свободныхъ, но, по условіямъ быта, уже нерѣдко подпадавшихъ подъ насиліе леховъ. Кмети стали отстаивать свои права, поднялись на леховъ; начались безпорядки, междоусобія; къ этой бѣдѣ присоединилось еще и то, что на Польшу напали чехи и венгры. Польшѣ, лишенной государственной цѣлости, приходилось сдѣлаться добычей другихъ. Такія обстоятельства привели леховъ снова къ сознанію необходимости государства; они призвали изгнаннаго наслѣдника прежнихъ государей, Казимира, и разрушенное государство опять сложилось. Казимиръ, одолженный лехамъ своимъ водвореніемъ, всю жизнь долженъ былъ потакать имъ и удерживать подъ ихъ властью кметей: на это преимущественно и былъ онъ призванъ. Сынъ его, отважный Болеславъ Смѣлый, взялъ, напротивъ, сторону кметей, думалъ, опи-

раясь на ихъ громаду, утвердить монархическую власть, но, послѣ многихъ промаховъ, принужденъ былъ бѣжать изъ отечества. Братъ его и преемникъ, Владиславъ-Германъ, долженъ былъ дѣлать все по волѣ леховъ и духовенства, надѣленнаго имѣніями и потому, по единству интересовъ, державшагося за одно съ лехами. Также поступалъ и сынъ его, Болеславъ Кривоустый. Передъ смертью своею, въ 1139 году, онъ раздѣлилъ государство между сыновьями и открылъ періодъ удѣльнаго раздробленія; въ этотъ періодъ значеніе леховъ возвысилось. Княжества образовывались и дробились; князья Пястова дома истощались въ безпрерывныхъ дракахъ между собою; каждый въ своемъ княжествѣ нуждался въ помощи богатыхъ и высокородныхъ леховъ, и поэтому они всѣ давали своимъ лехамъ привилегіи, усиливавшія это сословіе. Такимъ образомъ, они освобождали ихъ отъ установленныхъ прежде даней, подворныхъ, мостовыхъ, торговыхъ и пр., отъ участія въ постройкѣ городовъ и военныхъ становъ, отъ военной службы, если она не отправлялась внутри края, наконецъ, отъ суда своего и своихъ намѣстниковъ. Тутъ-то положенъ былъ легальный фундаментъ той шляхетской вольности, которою, впослѣдствіи, всегда такъ дорожили поляки. Безурядица, разбои, своеволіе господствовали въ странѣ непрерывно два вѣка. При крайней слабости центральнаго главенства въ Краковѣ, не выработавши себѣ прочныхъ федеративныхъ формъ, которыя связывали бы раздѣльныя части между собою, растрепанная Польша только потому не досталась чужимъ, что нѣмецкіе императоры были отвлечены въ другую сторону, а Русь сама истощалась въ усобицахъ и покорена была татарами, однимъ словомъ, оттого, что у Польши въ тѣ времена не было сосѣдей, которымъ было бы удобно овладѣть ею. Тогда нѣмецкая стихія начала всасываться въ Польшу инымъ способомъ. Въ опустѣлые отъ междоусобій города

польскіе князья начали накликать нѣмцевъ, и давали имъ право пользоваться устройствомъ, управленіемъ и законами, принесенными изъ нѣметчины, не подчиняться законамъ края, и за апелляціею въ своихъ дѣлахъ относиться за предѣлы Польши въ Галле и Магдебургъ. Этимъ положено начало тому строю городовъ, который до послѣднихъ временъ назывался магдебургскимъ правомъ, или просто Магдебургіею. Такимъ образомъ, пришельцы-нѣмцы, живя въ Польшѣ, составляли какъ бы малыя республики, чуждыя славянскому населенію страны, какъ по языку, такъ и по нравамъ и обычаямъ. Это естественно разрывало внутреннее единство народа. Люди, занимавшіеся въ Польшѣ торговлей и ремеслами, тѣмъ, что составляетъ душу обыденной жизни, были люди другого происхожденія и языка, тянули не къ Польшѣ, а внѣ Польши; у шляхты же образовалось такое понятіе, что торговля и ремесло—занятіе вовсе не идущее къ поляку и унижающее шляхетское достоинство; что же касается до простого народа, то нѣмцы всячески не допускали его до выгодныхъ занятій ремеслами и торговлей, и черезъ то способствовали его большему упадку, обнищанію и порабощенію. Это-то призваніе нѣмцевъ содѣйствовало онѣмеченію Силезіи и отпаденію ея отъ Польши. Внѣдреніе нѣмцевъ въ города рѣзко свидѣтельствуетъ о свойствѣ польской натуры дѣйствовать по сердцу, не справляясь съ разсудкомъ, и не разсчитывая на будущее. Еще большихъ бѣдствій надѣлалъ въ этомъ отношеніи Конрадъ III, мазовецкій князь, призвавшій, для борьбы съ язычниками пруссами, нѣмецкихъ рыцарей крестоносцевъ. Онъ подарилъ имъ польскія земли, загородилъ на будущія времена для Польши море и, главное, привилъ къ Польшѣ чужеядное растеніе, которое современемъ, разросшись, вытянуло изъ нея кровь и соки.

Въ началѣ XIV вѣка, Владиславъ Локетекъ соединилъ

Малую и Великую Польшу подъ своимъ правленіемъ и короновался королемъ. Мазовія состояла подъ управленіемъ своихъ князей. Силезія была раздѣлена на мелкія владѣнія и уже признавала главенство чешской короны: сынъ Владислава, Казимиръ Великій, занимаясь внутреннимъ устроеніемъ перешедшаго отъ отца къ нему государства, долженъ былъ пожертвовать этой землею, искони польскою, и уступилъ ее навсегда чешскому королю. На другомъ концѣ онъ уступилъ усѣвшимся въ Пруссіи нѣмецкимъ рыцарямъ крестоносцамъ Поморье и земли Хелминскую и Михаловскую. То былъ, можно сказать, первый раздѣлъ Польши за много вѣковъ до того, который произошелъ въ XVIII столѣтіи, и притомъ раздѣлъ не завоеванныхъ Польшею, а коренныхъ польскихъ земель, заселенныхъ испоконъ вѣка польско-славянскимъ племенемъ. Непрочность политическаго зданія Польши стала оказываться ясно, когда отъ него такъ легко отпадали составныя части. Оно было близко даже и къ тому, чтобы подпасть подъ власть чужихъ всецѣло. Уже при жизни Казимира, короли венгерскій и чешскій составляли между собою планы овладѣть Польшею и раздѣлить ее; уже въ тѣ времена, какъ бывало впослѣдствіи, въ ожиданіи кончины бездѣтнаго короля, являлись разные кандидаты, заискивавшіе престолъ посредствомъ составленія партій; уже и тогда, какъ бывало въ послѣднія времена, польскіе вельможи получали пенсіоны отъ иностранныхъ государей. Такъ, Спытекъ и канцлеръ Збигнѣвъ получали ихъ отъ венгерскаго короля, и такого рода путемъ обязанъ былъ Людовикъ короною послѣ Казимира. Какъ не узнать здѣсь, въ XIV столѣтіи, той Польши, какую мы знаемъ въ XVII и XVIII-мъ!

Участіе леховъ въ правленіи въ удѣльныя времена выражалось мѣстными вѣчами. Со временъ соединенія удѣловъ, и вѣча соединялись въ одинъ сеймъ. Первое такое

общее собраніе мы встрѣчаемъ при Владиславѣ Локеткѣ въ 1331 году. Казимиръ созывалъ шляхту въ Вислицу, гдѣ были учреждены земскіе суды, введена администрація, заложены такія формы, которыя, впослѣдствіи, оставались надолго непоколебимыми въ главныхъ чертахъ. Казимиръ обобщилъ и распространилъ на все сословіе леховъ или шляхты тѣ привилегіи, которыя въ удѣльныя времена отъ разныхъ князей получали знатные вельможи изъ леховъ. Ему нужно было содѣйствіе шляхты, чтобы сдѣлать послѣ себя преемникомъ своего племянника. За шляхетствомъ, въ которомъ помѣщался классъ землевладѣльцевъ, слѣдовали кмети. Судьба ихъ во времена удѣловъ подвергалась коловороту обстоятельствъ. Нѣкогда они были собственниками земель, на которыхъ жили, а впослѣдствіи или разнымъ способомъ потеряли свои земли и жили на шляхетскихъ земляхъ на условіяхъ, или же съ своими землями подчинены стали шляхтѣ. Въ удѣльныя времена, однако, не достигли они совершеннаго порабощенія. Кмети, хотя и часто подвергались произволу владѣльцевъ, но часто и убѣгали отъ нихъ къ другимъ владѣльцамъ изъ одного княжества въ другое. Съ объединеніемъ Польши такіе побѣги стали затруднительнѣе, и кмети подпали бо́льшей зависимости. Казимиръ Великій прикрѣпилъ ихъ къ землѣ владѣльцевъ съ нѣкоторыми исключеніями изъ общаго правила. Дозволялось изъ одной деревни выходить только одному и никакъ не болѣе двухъ. Сверхъ того кмети могли уходить отъ своего владѣльца въ такомъ случаѣ, когда послѣдній находился подъ церковною клятвою, но это установлено только потому, что тогда кметь, живя у владѣльца, въ случаѣ смерти, лишался христіанскаго погребенія, такъ какъ въ имѣніяхъ пораженнаго церковною клятвою прекращалось богослуженіе: это была уступка церкви, когда права мірскія сталкивались съ церковными. Другой случай, когда кмети могли оставлять владѣльца,

былъ тотъ, когда владѣлецъ насиловалъ ихъ женъ и дѣвицъ. И здѣсь уступка церкви, которая заботилась о правильности семейныхъ связей. Былъ еще третій случай — кметь могъ убѣгать по жестокости господина, лишавшаго его средствъ къ пропитанію, но этотъ законъ находилъ себѣ противовѣсъ въ другомъ, по которому кметь, страшась возвратиться къ жестокому господину (si propter austeritatem seu rancunem domini sui redire timens), все-таки платилъ ему три гривны пени и годовой чиншъ. Такимъ образомъ, выходило, что если господинъ оберетъ кметя, то кметь можетъ отъ него освободиться, заплативъ ему, но какъ же кметь можетъ откупиться, когда его уже прежде оберутъ? Въ другомъ мѣстѣ того же законодательства говорится, что кметь не иначе могъ покидать своего господина, какъ оставивъ ему все свое имущество: а это большею частію должно было равняться запрещенію. Притомъ же кметь могъ пользоваться этими правами тамъ, гдѣ дѣйствовало польское право, а кромѣ польскаго, многіе владѣльцы ввели у себя право нѣмецкое, и послѣднее крѣпче польскаго держало кметя во власти владѣльца. При Казимирѣ же постановлено, чтобы тамъ, гдѣ введено было нѣмецкое право, руководствовались имъ такъ какъ и польскимъ тамъ, гдѣ послѣднее оставалось въ силѣ. Въ тѣ времена шляхта ссылалась на нѣмецкое право, когда ей то было выгодно, а при случаѣ обращалась къ польскому, хотя законъ и требовалъ избрать одно какое-нибудь. Замѣтимъ, что замашки сильныхъ земли обходить законъ и криво толковать его въ свою пользу находили достойный примѣръ въ самомъ великомъ законодателѣ Польши. Этотъ король, большой женолюбецъ, соблазнилъ одну чехиню (Рокицану) и, чтобъ обмануть ее, устроилъ фальшивый бракъ; подкупленный священникъ совершилъ обрядъ неправильно, и король со спокойною совѣстію покинулъ ее, когда она ему надоѣла. Этотъ поступокъ польскаго земле-

строителя очень многознаменателенъ. Въ угоду другой любовницѣ, іудеянкѣ Эсѳири, онъ надавалъ льготъ іудеямъ, и прежде внѣдрявшимся въ страну. Этотъ народъ, еще менѣе чѣмъ нѣмцы, могъ слиться съ туземцами, и всегда оставался въ Польшѣ особою корпораціею, захвативъ въ свои руки торговлю и промыслы, не давая хода природнымъ жителямъ, подмѣчая слабыя стороны общества и всячески обращая ихъ въ свою пользу. Вообще въ государственной организаціи, устроенной Казимиромъ, мы мало видимъ здоровыхъ началъ; напротивъ, Казимиръ потакалъ тому, что, впослѣдствіи, составляло вредныя и дурныя ея стороны: возвышенію шляхты, порабощенію кметей, отдачѣ въ руки чужеплеменниковъ экономическихъ силъ края и легкому обращенію съ закономъ.

При Людовикѣ Венгерскомъ королевская власть пошатнулась. Шляхетскому произволу расширилась дорога. Чтобъ побудить шляхту признать наслѣдницею въ Польшѣ одну изъ дочерей своихъ, онъ Кошицкимъ договоромъ уволилъ шляхту отъ податей, отъ службы и повинностей, кромѣ платежа двухъ серебряныхъ грошей съ каждаго лана земли и кромѣ всеобщаго ополченія въ случаѣ вторженія непріятеля войною въ страну; если же потребуется вести военную силу шляхты за-границу, то король обязывался вознаграждать шляхтѣ убытки, понесенные отъ такого похода. Королю, кромѣ двухъ грошей, оставались для доходовъ *столовыя* имѣнія. Собственно привилегія, данная Людовикомъ, не составляла новости; главныя черты льготъ существовали еще во времена удѣловъ для знатныхъ леховъ или пановъ; Казимиръ ихъ распространилъ на все сословіе леховъ или шляхты, а Людовикъ ихъ подтвердилъ, уяснилъ и расширилъ.

Равенство шляхетскаго сословія тогда уже подрывалось силою богатыхъ и знатныхъ вельможъ. При Людовикѣ, а еще болѣе въ послѣдовавшее за нимъ безкоролевіе, знатные

роды вели между собою распри, а низшая шляхта служила имъ и за нихъ дралась между собою. Чрезъ бракосочетаніе великаго князя литовскаго Ягелла съ польскою королевою Ядвигою, Великое Княжество Литовское, съ вошедшими въ его составъ русскими землями, очутилось подъ однимъ коронованнымъ главою съ Польшею и, такимъ образомъ, явилось въ Европѣ пространнѣйшее государство; за уступкою Казимиромъ Силезіи и Поморья, теперь польскій король сталъ владѣтелемъ пространства на востокъ до Угры и Сулы, а на югъ до Чернаго моря. Мало было сплоченія въ этомъ государствѣ. Литва управлялась отдѣльно королевскими родственниками въ качествѣ намѣстниковъ. Добродушный, но недалекій по уму, Ягелло не устроилъ порядка, а скорѣе расшаталъ его. Въ 1413 году онъ, по желанію поляковъ, распространилъ права польскаго шляхетства на Литву, но не иначе какъ на ту часть, которая приняла римско-католическую вѣру,—на православныхъ русскихъ это непростиралось. Такимъ образомъ, онъ расширилъ стихію своевольства, лежавшую въ этихъ правахъ, и лишивши послѣдователей одной вѣры того, что далъ послѣдователямъ другой, возбудилъ между ними рознь и вражду. По смерти Ядвиги онъ удержался на польскомъ престолѣ единственно угодничествомъ шляхтѣ и допущеніемъ всякаго произвола. Въ концѣ царствованія (1431 г.) онъ подтвердилъ все, что уступлено было шляхтѣ Казимиромъ и Людовикомъ, еще къ тому и расширилъ ея права: онъ обязался никого не арестовать безъ суда, далъ обѣщаніе не бить монеты безъ согласія шляхты и ничего вообще не предпринимать безъ совѣщанія съ нею. Во внѣшнихъ дѣлахъ при Ягеллѣ проявилось характерное качество поляковъ начинать и недоканчивать, успѣвать, но не пользоваться въ пору успѣхами и пропускать удобное время. Въ 1410 г., поляки разбили на-голову крестоносцевъ, пущенныхъ неблагоразумными предками на свою землю, закля-

тыхъ враговъ своихъ, а потомъ помирились съ ними и даже не отобрали своихъ исконныхъ земель.

Ягелло умеръ, и, по поводу преемничества, возникли смуты и междоусобія, не смотря на то, что сынъ его, Владиславъ, еще при жизни родителя, признанъ его наслѣдникомъ. Громада шляхты шла за знатными фамиліями: Леливчиками, Ястржембцами, Налэнчами и пр. Другъ на друга нападали, другъ у друга грабили и сожигали имущества; къ этому присоединилась религіозная смута; одни были противъ короля, другіе за короля, и составили конфедерацію, то-есть сотворили въ государствѣ государство. Это явленіе, чрезвычайно разъѣдавшее Польшу въ послѣдующія времена, было и тогда уже не чуждо ей; и въ этомъ отношеніи Польша XV в. походила на Польшу XVII и XVIII. Съ помощію конфедераціи король утвердился. Онъ умножилъ и расширилъ шляхетское сословіе, распространивъ его привилегіи на Южную Русь, чтобъ привязать ее къ Польшѣ.

Въ Литовскомъ Великомъ Княжествѣ также были раздѣленіе и смуты. По покореніи русской земли языческими князьями, побѣдители раздавали покоренныя земли и города своей роднѣ и своимъ боярамъ, природнымъ литовцамъ, которые водворялись въ назначенныхъ мѣстахъ съ дружинами и держали въ порабощеніи русскихъ. Древніе русскіе княжескіе и боярскіе роды, подъ гнетомъ побѣдителей, теряли свою силу и значеніе. Литовскіе князьки, замѣнившіе русскихъ, сидя въ русскихъ городахъ, зависѣли отъ великаго князя, своего верховника. Такимъ образомъ, возникла на Руси новая родовитость, родъ феодаловъ, налегавшихъ на порабощенную Русь. Правда, уцѣлѣло нѣсколько и русскихъ княжескихъ родовъ, сохранившихъ свои владѣнія посредствомъ покорности и связей, но они видимо уже занимали второстепенное значеніе въ сравненіи съ литовскими. Однако Литва и Русь не могли

долго оставаться враждебными сторонами, потому что литовцы, по слабости собственныхъ гражданственныхъ началъ, соприкасаясь съ русскими, принимали ихъ языкъ, народность и вѣру. Безъ сомнѣнія, еще полвѣка—и литовскіе князья, разселенные по Руси, забыли бы о своемъ происхожденіи. Но крещеніе Ягелла въ римско-католическую вѣру, а за нимъ крещеніе въ ту же вѣру остававшихся въ язычествѣ и переходъ отъ греческой къ римской нетвердыхъ новичковъ христіанства, произвели двѣ партіи — литовскую и русскую. Къ первой принадлежали принявшіе католичество, ко второй — православные. Послѣдніе отвращались отъ соединенія съ Польшею; первые хотя также хотѣли удержать автономію Литвы, но, по единству вѣры, наклонялись къ болѣе или менѣе тѣсной связи съ Польшею. При Ягеллѣ, управлявшій Литвою двоюродный братъ его, Витовтъ, хотя и соблазнялся предложеніями короны отъ императора, но колебался и не рѣшался посягнуть на ущербъ достоинства Ягелла и Польши, тогда какъ родной братъ Ягелла, Свидригелло, православной вѣры, открыто и смѣло поднялъ оружіе противъ соединенія съ Польшею. При сынѣ Ягелла, преемникъ Витовта, Сигизмундъ, католикъ, призналъ польскаго короля государемъ Литвы и былъ убитъ православнымъ княземъ Чарторыскимъ. По смерти Сигизмунда, въ Литвѣ посаженъ былъ отдѣльно княземъ сынъ Ягелла, Казимиръ, а когда польскій король Владиславъ палъ въ бою противъ турокъ (1444 г.), то поляки пригласили на престолъ Казимира. Литовцы не хотѣли пускать его и пустили не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ Польша возвратила Литвѣ Волынь и Подоль (присоединенныя къ Польшѣ при Ягеллѣ наравнѣ съ Червоною Русью, захваченною еще Казимиромъ Великимъ). Семь лѣтъ Казимиръ Ягеллоновичъ уклонялся отъ присяги на соблюденіе правъ шляхетскихъ, во-первыхъ оттого, что въ этой присягѣ было

обѣщаніе охранять за Польшею земли, которыя она считала своимъ достояніемъ, слѣдовательно Волынь и Подоль; во-вторыхъ оттого, что онъ, какъ государь литовскій, пользовался бо̀льшею властью, чѣмъ польскій король; но послѣ семилѣтняго упрямства, онъ, наконецъ, присягнулъ, подтвердилъ всѣ права и вольности шляхетства, и далъ обѣщаніе сохранять всѣ владѣнія Польши и расширять ихъ. Православная Русь и обрусѣвшая литва не очень любили Казимира католика, угодника поляковъ; они не имѣли расположенія быть въ связи не только съ Польшею, но и съ Литвою, и стали обращаться къ Москвѣ, которая вслѣдъ затѣмъ и начала заявлять права на главенство надъ всею Русью. Отъ этого Литва, получившая отъ Польши римско-католическую вѣру, хотя все еще не переставала думать объ автономіи, но стала болѣе склоняться къ Польшѣ, по мѣрѣ того, какъ начала опасаться, чтобъ Русь православная не отдалась Москвѣ.

Со времени Казимира Ягеллоновича въ Польшѣ начались правильные постоянные сеймы или шляхетскія собранія, отправлявшіяся въ разныхъ мѣстахъ. Владѣльцы сдѣлались полными государями въ своихъ имѣніяхъ, присвоили себѣ право судить своихъ подданныхъ, отнюдь не допускали короля вмѣшиваться въ свое управленіе. Шляхетство стало ревниво за свои привилегіи и подозрительно къ королю, боялось, чтобы король какъ-нибудь не нашелъ средствъ и силы ограничить его: семилѣтнее упрямство Казимира и нежеланіе подтвердить шляхетскія права подавали поводъ этимъ опасеніямъ. Боязнь, чтобъ король не забралъ въ свои руки военныхъ силъ, и съ помощью ихъ не ослабилъ шляхетской вольности, не допускала шляхту рѣшаться на выгодныя внѣшнія предпріятія, къ которымъ сама судьба призывала Польшу: черта, обычная въ польской исторіи до конца польскаго государства. Оттого внѣшнія событія Казимирова царствованія дали много

шума и блеска, но менѣе успѣховъ для будущаго, чѣмъ сколько можно было ожидать. Пруссія, недовольная правленіемъ крестоносцевъ, отдавалась польскому королю: слѣдствіемъ этого была многолѣтняя война. Король долженъ былъ вести ее на свой счетъ; польское шляхетство мало помогало ему своими средствами, Литва вовсе не помогала. Война, однако, кончилась къ пользѣ поляковъ, но съ страшнымъ опустошеніемъ Пруссіи, происшедшимъ оттого, что шляхта оказывала мало содѣйствія. Польша возвратила утраченныя земли (Хелминскую, Михаловскую и Варминскую). Орденъ призналъ себя въ ленной зависимости отъ Польши, но сохранилъ свое существованіе. Сосѣди искали союза и единенія съ Польшею. Чехи, по смерти короля своего Юрія Подѣбрада и венгры по смерти Матѳея Корвина, избрали на престолы свои Казимирова сына, но изъ этого не вышло для Польши ничего. Новгородъ отдавался Казимиру, и поляки не съумѣли воспользоваться этимъ. Открытіе для Польши теченія Вислы и ея устья оживило торговлю съ ганзеатическими городами: въ край притекали произведенія европейской промышленности; усилился сбытъ туземныхъ произведеній; вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилась и умственная жизнь; основана была Краковская академія, а за нею школы; началась литература, распространилось знаніе латинскаго языка и современныхъ наукъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкія права шляхетства ослабляли королевскую власть, а съ нею благоустройство и порядокъ, развивали своеволіе и политическую безнравственность; богатые польскіе и литовскіе паны играли изъ себя независимыхъ корольковъ; шляхта не давала средствъ на истинныя нужды отечества, слушала и угождала не главѣ государства, а своевольнымъ вельможамъ, кричала о свободѣ, а лакействовала передъ богатыми; сильные не смотрѣли на законъ, въ своихъ спорахъ позволяли себѣ самоуправство, нападали другъ

на друга, не обращая вниманія на то, что отъ этого терпѣли невинные жители; по всей странѣ размножились разбойники; въ судопроизводствѣ была путаница и кривосудіе. Этому способствовало то, что въ разныхъ мѣстахъ дѣйствовали различныя права: у однихъ нѣмцевъ магдебургское, у другихъ иное, нѣмецкое же, у русскихъ русское, у мазуровъ мазовецкое. Со временъ Казимира начинаются непрестанныя жалобы на обиліе своевольныхъ людей въ Польшѣ и Литвѣ; противъ нихъ писались законы, но своеволіе не прекращалось. Самое ближайшее знакомство съ Западомъ посредствомъ торговли, развивая въ шляхетскомъ сословіи благосостояніе, вызывало роскошь, порождало мотовство, а затѣмъ, для увеличенія средствъ къ лучшей жизни, и отягощеніе подданныхъ.

При наслѣдникѣ Казимира, Янѣ-Альбрехтѣ, узаконено бо́льшее порабощеніе кметей, или хло̀повъ. Въ 1496 г. запрещено имъ покидать свое мѣсто жительства и выходить изъ-подъ зависимости отъ владѣльца, исключая одного изъ каждаго села въ годъ. Законъ дозволялъ, однако, одному изъ сыновей кметя увольняться въ ученіе по волѣ пана, а такъ какъ и безъ того судьба хлоповъ была въ волѣ пана, то само собою разумѣется, что это не была привилегія для народа. Подтверждалось, чтобъ хлопъ находился подъ доминіальнымъ судомъ, иными словами, чтобъ честь, жизнь и имущество находились подъ произволомъ пана. Лицамъ не только хлопскаго, но и мѣщанскаго званія воспрещено владѣть земскими имѣніями. Такимъ образомъ, всѣхъ, непринадлежащихъ къ шляхетскому сословію, стали считать безземельными. До тѣхъ поръ кметь, хоть и обязанъ былъ работою за землю, которую обработывалъ для себя, и на которой жилъ, но, по обычаямъ, она переходила въ его родѣ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Съ этихъ поръ древній обычай не могъ болѣе стѣснять пана, если онъ захочетъ пе-

ревести хлопа съ одного грунта на другой, или даже лишить его грунта вовсе. Убѣжавшій и пойманный хлопъ не отвѣчалъ уже предъ судомъ за себя, а отвѣчалъ за него тотъ, кто его передерживалъ. Въ этомъ случаѣ кметь какъ будто переставалъ быть человѣкомъ, а становился наравнѣ съ безсловеснымъ животнымъ, или даже бездушною вещью. Также по всякой жалобѣ на кметя отвѣчалъ не самъ кметь, а его господинъ за него.

Царствованіе двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ (Сигизмунда I и Сигизмунда-Августа) представляется у поляковъ золотымъ вѣкомъ. Тогда было много наружнаго блеску. Тогда у поляковъ были свои поэты, ученые; Польша произвела величайшаго двигателя научной истины, Коперника. Но въ это же время предразсудки шляхетской породы дошли до крайнихъ предѣловъ и хлопы впали еще въ тягостнѣйшую неволю. Правда, Сигизмундъ I лично былъ человѣкъ добраго сердца, старался облегчить участь хлоповъ, и назначилъ даже количество обязательныхъ дней для работъ на пановъ, но шляхта имѣла слишкомъ много правъ, чтобъ связывать себя постановленіями. Самъ Сигизмундъ I не только не ограничивалъ правъ шляхетства, но подтвердилъ все прежнее. Панскіе подданные были изъяты отъ покровительства короля, наравнѣ также съ панскими плѣнниками и съ тѣми вольными людьми, которые женились на рабыняхъ и поэтому дѣлались рабами. Въ Литвѣ и Руси состояніе хлоповъ было тяжелѣе, чѣмъ въ Польшѣ. По литовскому статуту шляхтичъ, убившій чужого хлопа или даже вольнаго человѣка, но не шляхетскаго званія, наказывался единственно платежемъ головщины. Въ Литвѣ еще болѣе, чѣмъ въ Польшѣ, возвысились знатные роды и подавляли своимъ величіемъ убогую шляхту. Легальное равенство между всѣми, принадлежавшими къ шляхетскому званію, естественно, не могло удержаться на дѣлѣ: не могло быть равныхъ отношеній между паномъ, получа-

ющимъ двадцать—сорокъ тысячъ червонцевъ въ годъ дохода и убогимъ владѣтелемъ какихъ-нибудь двухъ волокъ. Въ Литвѣ не было еще сеймовъ при Сигизмундѣ I, и сенаторы не считали за шляхтою право соучастія въ правленіи, а потому и смотрѣли на нее какъ на классъ ниже себя. Хотя въ Польшѣ были сеймы, но сенаторы, происходя изъ знатнѣйшихъ фамилій, обращались съ послами отъ шляхетства, какъ съ своими прислужниками, тѣмъ болѣе, что послы отъ шляхетства, будучи относительно не богаты, по пріѣздѣ на сеймъ, принимали пособія отъ короля или отъ пановъ, и такимъ образомъ уже въ тѣ времена, какъ и впослѣдствіи, послы говорили и дѣйствовали не по собственному убѣжденію, а по волѣ тѣхъ, которые ихъ содержали или платили имъ. Духъ подобострастія, угодничества, продажничества и вмѣстѣ буйства, неповиновенія закону, былъ отличительнымъ свойствомъ тогдашняго шляхетства. Уже тогда срывались сеймы, и довольно часто. Такъ въ 1533, 1537, 1540, 1544 и 1548 годахъ, сеймы разошлись, не окончивши своихъ дѣлъ. Явленіе такъ частое въ XVII и въ XVIII в. происходило и въ XVI. Чтобъ провести на сеймѣ какое-нибудь постановленіе, король долженъ былъ склонять пановъ обѣщаніями, лестію, подарками; съ своей стороны паны, если имъ нужно было провести какой-нибудь законъ, подкупали пословъ. Между владѣльцами то и дѣло происходили наѣзды; сосѣдъ разорялъ сосѣда, убивалъ его подданныхъ наравнѣ со скотомъ. Въ такихъ наѣздахъ за знатныхъ пановъ работала шляхта, состоявшая у нихъ на угощеніяхъ и платѣ. Въ судахъ было безчисленное множество процессовъ о такихъ насиліяхъ, но знатные паны не очень боялись суда, и даже сейма. Такъ одинъ панъ, по прозванію Русецкій, обвиняемый за буйства и убійства, прибылъ на сеймъ съ громадою подкупленной шляхты и требовалъ прекращенія процесса надъ собою, и когда король настаивалъ на правосудіи, онъ себѣ

уѣхалъ прочь, и не видно, чтобъ его потомъ преслѣдовали. Процессы были обложены большими пошлинами: иногда выигравшій дѣло объ имуществѣ долженъ былъ платить пошлинъ больше, чѣмъ стоилъ искъ, а потому и удобнѣе было управляться самому, когда достанетъ силы. Угождая панамъ и служа имъ изъ выгодъ, шляхта часто поднималась противъ нихъ и противъ короля. Всякъ поставлялъ себѣ цѣлію быть независимымъ и не хотѣлъ ощущать на себѣ какого-нибудь давленія, и потому, кто только могъ, тотъ и буйствовалъ, и ничего не могло быть легче какъ собрать шумный скопъ недовольныхъ. Но смятенія также легко утишались, какъ возбуждались. Королева Бона, большая интриганка, составила около себя партію: дѣлались большія злоупотребленія, установлялись неправильные поборы, продавались должности. Вспыхнуло неудовольствіе. Нѣсколько тысячъ шляхты собралось подъ Львовомъ; шумѣли, кричали, грозили и, удовлетворенные фразами и обѣщаніями, разошлись, ничего не сдѣлавши. Сборъ этотъ остался въ исторіи подъ названіемъ «Куриной войны». Эта эпоха замѣчательна и тѣмъ, что отсюда начинается упадокъ правъ городовъ. До тѣхъ поръ города имѣли право посылать на сеймъ своихъ представителей; но такъ какъ городскіе послы являлись туда въ небольшомъ количествѣ и не могли ничего подѣлать противъ большинства шляхетскихъ пословъ, да притомъ шляхта смотрѣла на нихъ съ презрѣніемъ, то города сами перестали посылать своихъ представителей и, такимъ образомъ, лишались своихъ правъ: впослѣдствіи, уже нельзя было возстановить ихъ. Съ Сигизмунда I стали отдаваться города подъ надзоръ старостъ— пановъ, получившихъ отъ короля въ пожизненное владѣніе королевскія имѣнія; въ городахъ существовали выборныя должности: войтъ, райцы и лавники, но въ эти должности выбирались обыкновенно такія лица, какія были угодны старостамъ; магдебургское право не только не отнималось,

но еще и вновь раздавалось, однако не защищало города отъ произвола вельможъ и нерѣдко служило къ отягощенію мѣщанъ: нужны старостѣ поборы, выборное правленіе города наложитъ ихъ, по волѣ старосты. Въ Польшѣ тогда уже не было другой системы кромѣ безпорядка. Король подъ-часъ могъ поступать деспотически, сенаторы и его любимцы могли подкупить и направить сеймъ, какъ имъ угодно. Такъ, любимецъ Боны, Кмита, стращалъ купцовъ-христіанъ въ городахъ, что онъ подговоритъ на сеймѣ пословъ, чтобъ расширить торговыя права іудеевъ, а послѣднихъ стращалъ тѣмъ, что за ихъ лихоимство и обманы онъ подговоритъ сеймъ лишить ихъ торговыхъ привилегій: и тѣхъ и другихъ держалъ онъ въ страхѣ угрозами направить сеймъ по своимъ видамъ къ ихъ ущербу. Въ другихъ случаяхъ, королемъ играли какъ пѣшкою: такъ Сигизмунду I не дозволяли принять въ соправители сына, а потомъ ставили ему на видъ, что онъ старъ, и требовали, чтобъ онъ передалъ сыну правленіе. Подъ-часъ и сеймовые послы были въ разладѣ съ страною, которой служили представителями. Передъ собраніемъ сейма они получали на сеймикахъ инструкціи, какъ имъ дѣйствовать, а по окончаніи сейма должны были отдавать отчетъ на сеймикахъ, которые назывались въ такомъ случаѣ реляційными, но бывало иногда, что сеймики не одобряли установленнаго послами. Такъ, въ 1540 г., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шляхетство не хотѣло признавать опредѣленій, состоявшихся на сеймѣ.

Царствованіе Сигизмунда-Августа было періодомъ блистательныхъ явленій польской безладицы. Съ самаго начала отъ короля потребовали развода съ женою Варварою изъ дома Радзивилловъ; мать короля, Бона, строила козни противъ невѣстки, а поляки были ея игрушкою. Сигизмундъ-Августъ не поддавался и настоялъ на своемъ; здѣсь поляки очень рѣзко показали свойство своего національнаго ха-

рактера: сперва горячились, потомъ уступили, и тѣ, которые громче другихъ кричали противъ королевы, потомъ нижайше кланялись ей и заискивали милостей. Однако, королева Варвара не долго прожила послѣ такой передряги, и послѣ ея смерти поляки чуть не поклонялись ея памяти. Вообще, замѣтно, что чѣмъ больше утверждалось и узаконялось политическое всемогущество шляхты, тѣмъ она дѣлалась слабѣе: ее можно было водить за носъ; запросивши многаго, она отступалась отъ всего, переходила отъ одной крайности въ другую, отъ заносчивости къ покорности, отъ злобы къ податливости; чѣмъ больше полякъ получалъ свободы, тѣмъ ближе былъ къ тому, чтобы лишиться ея, хотя никакъ не воображалъ, что онъ ея лишается.

Такъ сдѣлалось въ этотъ вѣкъ со свободою совѣсти. Польша пріобрѣла ее въ самомъ широкомъ размѣрѣ и скоро утратила. При Сигизмундѣ I религіозныя нововведенія считались неодобрительными, хотя и не преслѣдовались съ большимъ рвеніемъ; въ Польшѣ существовала инквизиція, сперва въ рукахъ монаховъ, а потомъ, съ 1542 г., въ рукахъ епископовъ. Этой инквизиціи сходило съ рукъ, когда она сжарила двухъ-трехъ незнатныхъ особъ: мѣщанина, продававшаго жиду святые дары, да старую мѣщанку, въ которой отыскали какое-то неправовѣріе въ божество Іисуса Христа. Но шляхетство иначе отнеслось къ этому учрежденію, когда оно стало призывать къ суду людей шляхетскаго званія. Сеймовые послы на воеводскихъ сеймикахъ получили инструкціи стараться объ отмѣнѣ инквизиціи и, послѣ многихъ споровъ на сеймѣ 1552 года, она была временно упразднена, а черезъ десять лѣтъ, въ 1562 году, уничтожена и по имени. Польша стояла открытою для всякихъ вѣроученій и ересей. Самъ Сигизмундъ-Августъ и примасъ польскаго духовенства, Уханскій, готовы были отступить отъ папизма и наклонялись къ вос-

точному православію, хотя и не сознавали этого вполнѣ. Сигизмундъ-Августъ отнесся къ апостольской столицѣ съ такими смѣлыми требованіями: чтобъ обѣдня отправлялась не по-латыни, а на живомъ языкѣ, чтобы причащеніе было подъ двумя видами, чтобы въ санъ священника поставляли и женатыхъ, чтобы аннаты, платимые римскому двору, были уничтожены и чтобы былъ учрежденъ въ Польшѣ національный синодъ. Папа Павелъ IV (Караффа) отправилъ въ Польшу легата Липомана укрѣплять короля и поляковъ въ вѣрѣ и убѣждалъ дождаться рѣшенія вселенскаго собора, который долженъ былъ умиротворить волнуемую церковь. Король рѣшился дожидаться. Соборъ, на который надѣялись, былъ Тридентскій, какъ извѣстно, освятившій и подтвердившій всѣ папскія притязанія и перемѣны, сдѣланныя папами въ церкви. Въ Польшу былъ отправленъ легатъ Коммендони съ опредѣленіями собора. Примасъ Уханскій готовъ былъ объявить борьбу папѣ, надѣясь сдѣлаться самъ патріархомъ національной церкви. Но Сигизмундъ-Августъ показалъ свою слабую натуру. Оттого ли, что онъ, какъ думаютъ, желалъ развестись съ женою и надѣялся получить отъ папы диспенсъ, или отъ страха совѣсти передъ отеческими преданіями, онъ забылъ свои прежнія требованія, призналъ все, чего хотѣлъ папа. Примасъ также долженъ былъ уступить, тѣмъ болѣе, что епископы не намѣрены были его поддерживать. Впослѣдствіи, самъ примасъ Уханскій не только отрекся отъ своихъ затѣй, но сдѣлался вѣрнѣйшимъ слугой папизма. Съ тѣхъ поръ (1564), хотя въ Польшѣ и Литвѣ оставалась свобода совѣсти, но она уже не могла привиться ни къ чему прочному. Реформатское движеніе Европы коснулось Польши легко, поверхностно, не входя въ умы, скользя по чувству людей высшаго класса, щекотало его своенравіе и не пускало никакихъ корней въ народной жизни. Была мода на вольнодумство:

поляки поддались ей; шляхта бросалась въ кальвинство, лютеранство, аріанство, какъ будто играя своею свободою; явились іезуиты—и шляхта также легко, поверхностно, необдуманно, бросилась въ ихъ объятія и завязла прекрѣпко.

Сигизмундъ-Августъ болѣе всѣхъ Ягеллоновъ усвоилъ польскую національность и ввелъ въ Литву всѣ польскія учрежденія, какихъ тамъ недоставало. Устроивъ правильный сеймъ и такіе суды, какіе были въ Польшѣ, онъ отказался отъ наслѣдственнаго права на Литву и устроилъ вѣчное соединеніе Польши съ Литвою. Въ 1566 году онъ отрекся отъ всѣхъ, даже номинальныхъ, правъ королевской особы вмѣшиваться въ собственность шляхетскую, и тѣмъ самымъ хлóпы, уже прежде преданные произволу пановъ, подъ благовиднымъ именемъ доминіальнаго суда, лишились даже надежды на покровительство государя. Для всей массы простого народа въ Рѣчи-Посполитой, короля какъ будто не было. Народъ зналъ своихъ независимыхъ пановъ, которые могли его обдирать, мучить и казнить. Богатства, стекавшіяся въ Польшу черезъ торговлю, подняли роскошь до высокой степени; экономія стала считаться скаредностью. Паны другъ передъ другомъ щеголяли гостепріимствомъ, пиршествами, пышностью въ одеждѣ, постройкою великолѣпныхъ дворцовъ, содержаніемъ многочисленной прислуги, надворнаго войска и тунеядцевъ изъ шляхты, подъ названіемъ резидентовъ; вошли въ моду расточительныя поѣздки за границу. Все это требовало новыхъ доходовъ, а доходы панамъ доставляли ихъ рабы, и на рабовъ наваливали тяжелыя работы: уже не было помина объ урочныхъ дняхъ въ недѣлѣ. Каждый, въ своемъ имѣніи, устраивалъ какъ хотѣлъ бытъ хлòповъ, и обыкновенно они работали на пана шесть дней, а для ихъ жалкаго прокормленія давалось имъ воскресенье. Въ имѣніяхъ духовныхъ лицъ состояніе хлòповъ отнюдь было

не легче, какъ бы ожидать слѣдовало, тѣмъ болѣе, что духовные сами не управляли своими имѣніями, а отдавали ихъ въ посессію другимъ. Жалобы и стоны подвластныхъ не доходили до превелебныхъ владѣтелей, которые, получая доходы, жили себѣ весело и молились Богу о благоденствіи такой республики. Въ королевскихъ имѣніяхъ состояніе хлóповъ было не лучше, хотя они имѣли право жаловаться на несправедливости старость; тягаться хлóпу съ паномъ было всегда трудно; старосты же, владѣя имѣніями только пожизненно, не имѣли разсчета щадить хлóповъ, а старались выжимать изъ нихъ все, что можно, до крайности. Въ столовыхъ имѣніяхъ, съ которыхъ доходы шли королю, управители, доставляя въ королевскую казну, по инвентарю, что слѣдовало, старались пріобрѣсти доходы для себя и потому часто были тиранами надъ подданными.

Вѣкъ Сигизмунда-Августа считается золотымъ вѣкомъ литературы и просвѣщенія. Но, не отнимая достоинствъ такихъ замѣчательныхъ и талантливыхъ писателей, какъ Кохановскій или Рей, надобно сказать, что плоды тогдашней литературы важны только въ кругу своего родного края и далеко не имѣютъ міроваго значенія. Ученѣйшій изъ польскихъ историковъ, Лелевель, выразился такимъ образомъ объ умственной дѣятельности этого золотого вѣка: «Вообще поляки не имѣли творческихъ способностей, усвоивали легко чужія открытія, а сами почти ничего не создали новаго, только одинъ Коперникъ составляетъ исключеніе». Указывая на это имя, надобно однако же сознаться, что этотъ великій человѣкъ обязанъ Польшѣ своимъ рожденіемъ, а воспитаніе получилъ за границею, и всѣ его ученыя симпатіи обращались внѣ Польши.

Высшее мѣсто образованія—Краковская академія — во всѣхъ отношеніяхъ стояла ниже заграничныхъ. Люди способные, желавшіе пріобрѣсти основательныя знанія, спѣши-

ли въ Германію, Италію и Парижъ, а Краковская академія оказывалась для нихъ недостаточною приготовительною школою.

Поверхностный наборъ знаній, риторическая болтовня, отсутствіе критики и приложенія знаній къ практикѣ составляли черты польскаго ученія. Правовѣдъ зазубривалъ кое-что изъ римскихъ законовъ и ничего не зналъ о польскомъ правѣ; богословъ не читалъ священнаго писанія, а долбилъ только Liber sententiarum Петра Ломбардскаго; медикъ учился по Галену, незнакомый съ новымъ ходомъ науки и не изучая вовсе человѣческаго тѣла. Юноши выходили изъ академіи круглыми невѣждами, и умные люди находили, что для того, чтобы дѣйствительно чему-нибудь научиться, необходимо прежде было выбить изъ головы ту дребедень, съ которою выходили изъ школы. Одинъ изъ ученыхъ того времени, Горскій, жалуется, какъ бываетъ трудно бросать и забывать знанія, пріобрѣтаемыя въ академіи. «Счастливъ тотъ, говоритъ онъ, кто успѣетъ выкарабкаться изъ этой грязи; но нерѣдко юношескій умъ, забитый отвратительной грубостью ученья, не въ силахъ бываетъ избавиться отъ него безъ тяжелаго труда». Въ обществѣ студентовъ господствовали бездѣльничество, лѣнь, буйство и грязныя шалости. Начальники заведенія жаловались, что къ нимъ поступаютъ юноши, которые въ семейномъ быту, отъ отцовъ и родственниковъ, набираются духа своевольства, лѣни и презрѣнія къ знаніямъ; а имъ, напротивъ, замѣчали, что академія не умѣетъ вести учениковъ и выпускаетъ въ свѣтъ гражданъ съ дурными наклонностями и привычками. Подъ вѣдѣніемъ академіи находились въ разныхъ мѣстахъ Польши школы, или такъ-называемыя колоніи, гдѣ учили читать, писать, немного ариѳметики, латинскому языку и затверживали сентенціи древнихъ философовъ. Этимъ и ограничивалось общественное воспитаніе. Протестантскія школы были нѣ-

сколько лучше, но на нихъ лежалъ исключительный религіозно-сектантскій характеръ.

Вообще школъ было мало, и грамотность не очень была распространена въ Рѣчи-Посполитой; отъ этого одинъ изъ мотивовъ, по которымъ іезуиты скоро пріобрѣли вліяніе на массу, былъ тотъ, что они быстро и успѣшно распространяли грамотность и ученіе.

Іезуиты пришлись какъ нельзя больше по мѣркѣ польскому характеру. Этотъ орденъ, какъ извѣстно, тѣмъ и отличался, что чрезвычайно искусно принаравливался къ особенностямъ страны и пользовался слабыми сторонами того гражданскаго общества, въ которое вступалъ. Польская сердечность и добродушіе встрѣчали въ нихъ самыя привлекательныя качества. Никто столько не показывалъ дѣлъ милосердія и любви какъ іезуиты; ни отъ кого бѣдный и страждущій не видѣлъ такого радушнаго участія и матеріальной помощи, какъ отъ іезуитовъ. Во время моровыхъ повѣтрій іезуиты съ опасностью жизни ухаживали за больными. Никто такъ не отличался благочестіемъ, скромностью и безкорыстіемъ: никто такъ скоро не выучивалъ отданныхъ въ ученіе дѣтей и не выпускалъ ихъ съ видимыми признаками мудрости; никто съ такимъ даромъ краснорѣчія не умѣлъ вкрадываться въ душу, убѣждать и возвращать въ лоно церкви заблудшихъ овецъ; ни у кого такъ великолѣпно и нарядно не отправлялось богослуженіе. Все, чѣмъ можно было привлечь добродушное и пылкое чувство, подѣйствовать на воспріимчивое воображеніе и опутать нетвердое размышленіе—пустили въ ходъ іезуиты. Никто не могъ превзойти ихъ въ искусствѣ благочестиваго шарлатанства. Съ появленіемъ ихъ въ Польшѣ, эта страна вдругъ сдѣлалась краемъ чудесъ, знаменій, явленій и откровеній: стоитъ только заглянуть въ ихъ годовники (Annuae), чтобы видѣть, какіе это были чудотворы, въ какія фамильярности входили они съ

ангелами и святыми, какія дивныя исцѣленія производили своими молитвами: слѣпые прозрѣвали, глухіе слышали, безногіе ходили, люди падали съ крышъ, разбивали головы въ дребезги, и головы склеивались отъ іезуитскихъ молитвъ; и все это записывалось и печаталось съ точностью, указывалось мѣсто, гдѣ случилось чудо, имена и признаки лицъ, съ которыми были чудеса, а также и тѣхъ, кто ихъ производилъ. Какъ было имъ не овладѣть Польшею? Они и овладѣли ею. На счастье, судьба послала имъ такого польскаго короля, какъ Сигизмундъ III: онъ царствовалъ долго и всегда находился въ ихъ рукахъ. Побѣда имъ обошлась не безъ борьбы; противъ нихъ ополчались и православные, и диссиденты (протестанты всякихъ толковъ), и самые католики, недовольные тѣмъ, что іезуиты овладѣли правительствомъ и всѣми дѣлами; даже своя братія—монахи другихъ орденовъ, изъ зависти враждовали противъ нихъ; они все вынесли геройски и остались побѣдителями. Ихъ побѣдить могла только здравая наука и свѣтлый холодный умъ, неувлекаемый воображеніемъ и сердцемъ; а этого полякамъ недоставало паче всѣхъ сосѣднихъ народовъ.

III.

Періодъ упадка.—Монашеское воспитаніе.—Жизнь въ Польшѣ.—Дворская служба.—Палестра.—Войско.—Сеймики.—Пьянство и кутежи.

Періодъ вступленія Сигизмунда III у польскихъ историковъ признается безспорно періодомъ упадка, хотя главнѣйшія свойства польской жизни, въ основныхъ чертахъ, оставались тѣ же, что и прежде были. То же своеволіе, неповиновеніе власти, неуваженіе къ закону, та же безладица на сеймикахъ и сеймахъ, путаница въ судахъ, то же непостоянство, легкомысліе, риторство, хвастовство,

отсутствіе политическаго смысла во внѣшнихъ столкновеніяхъ; то же высокомѣріе чувства собственной силы, то же самоуниженіе, продажность и лакействованіе слабости, тотъ же добродушный эгоизмъ, происходящій больше отъ необдуманности, чѣмъ отъ черствости сердца, то же подражательное увлеченіе иноземщиной, то же порабощеніе и обезчеловѣченіе низшаго класса. Только въ періодъ упадка, всѣ эти признаки являются въ крупнѣйшихъ формахъ, но въ этомъ отношеніи иногда можетъ вводить насъ въ обманъ то обстоятельство, что о событіяхъ этого періода мы имѣемъ гораздо болѣе подробныхъ свѣдѣній, чѣмъ о раннихъ. При томъ же, многое въ эти времена является въ положительныхъ формахъ, тогда какъ прежде совершались подобные факты безъ легальныхъ формъ, по крайней мѣрѣ намъ извѣстныхъ. Такъ, напримѣръ, liberum veto—право одного посла на сеймѣ уничтожать рѣшеніе цѣлаго сейма, право, мѣшавшее столько разъ окончанію сеймовъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, является какъ положительная форма при Янѣ-Казимирѣ, но мы видимъ, однако, что еще при Сигизмундѣ I сеймы не доводились до конца. Слѣдовательно, сущность этого явленія не принадлежитъ только къ послѣднимъ вѣкамъ, и сеймъ 1652 года, съ котораго Сицинскій, сорвавъ его, открылъ цѣлые десятки такихъ сеймовъ, былъ въ своемъ родѣ не первый, а, сколько извѣстно, семнадцатый. Послѣ него до Станислава Понятовскаго, изъ пятидесяти пяти сеймовъ могло состояться только семь, да и то подъ чужеземнымъ давленіемъ; прочіе были сорваны. Срывать сеймы было для пословъ статьею дохода. Такъ сеймъ 1669 года, какъ говорили, былъ сорванъ Олизаромъ за 600 зл., а сеймъ 1690 года Городинскимъ за 600 талеровъ. Все это свидѣтельствуетъ только о бóльшей степени деморализаціи и легкомыслія, но основныхъ измѣненій противъ прежнихъ вѣковъ не послѣдовало. Вся польская исторія имѣетъ то свой-

ственное ей отличіе, что въ ней, отъ начала до конца, господствуетъ какой-то духъ саморазрушенія. Мы видимъ предъ собою какъ-будто несчастный, болѣзненный организмъ, котораго вся жизнь состоитъ въ развитіи прирожденныхъ злокачественныхъ соковъ, ведущихъ его въ могилу. Даже такія явленія, которыя, по своей внѣшности, должны представляться фактами прогресса силы, политической и гражданской крѣпости, духовной дѣятельности и благосостоянія—въ Польшѣ способствовали только возрастанію того, что̀ обусловливало ея неминуемую смерть. Такъ, въ XIV вѣкѣ, Польша собралась въ единое государство, но въ ту же эпоху утвердилось и укрѣпилось шляхетское своеволіе, послужившее ей въ будущемъ къ гибели. Выработались сеймы и сеймики, но принесли польской націи вредъ, пріучили польскій народъ не къ законности, а къ безправію, не къ гражданской доблести, а къ продажности, не содѣйствовали благодѣтельнымъ учрежденіямъ, согласію и порядку, а препятствовали всякимъ добрымъ намѣреніямъ власти, мѣшали удовлетворенію потребностей страны и тормозили естественный ходъ общественнаго развитія. Такія два блестящія событія, какъ соединеніе съ Литвой и пріобрѣтеніе Пруссіи, должны были создать огромное могучее государство: вышло совсѣмъ не то; эти два событія для Польши отозвались гибелью. Соединеніе съ Литвою и Русью вовлекло ее въ борьбу съ Москвою, и этой борьбы она не умѣла вынести, а пріобрѣтеніе Пруссіи связало ее съ бранденбургскимъ домомъ, который возросъ и окрѣпъ у ней подъ крыломъ, а потомъ наложилъ на нее львиные когти. При Сигизмундѣ III возникла церковная унія; современникамъ она казалась укрѣпленіемъ государственной связи. Были двѣ вѣры между собою несогласныя; теперь онѣ соединялись;—и тутъ послѣдствія вышли совсѣмъ иныя: это событіе повлекло къ ужаснымъ для Польши результа-

тамъ. Польша умѣла обращать во вредъ себѣ даже такія событія, которыя сама судьба слагала въ ея пользу. Такъ, при Сигизмундѣ III, Московское Государство, обезсиленное усобицами, доставалось Польшѣ; но Польша не только не съумѣла удержать его, а обратила послѣдствія смутной эпохи Московскаго Государства во вредъ самой себѣ. Извѣстно, что тѣ же польскія шайки, которыя разоряли Московское Государство, стали потомъ разорять собственное отечество, да къ тому еще эпоха смутнаго времени усилила подъ бокомъ у Польши козачество. Самое это козачество, это воинственное народонаселеніе, оборонявшее окраины Польши отъ хищническихъ стремленій Крыма, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться полезною для государства военною силою, которая могла бы успокоить границы и овладѣть берегами Чернаго моря, поляки съумѣли настроить такъ, что оно содѣлалось враждебнѣйшею для нихъ стихіею. Отъ смерти Сигизмунда III до Станислава Понятовскаго, Польша не показываетъ признаковъ никакой дѣятельной жизни, а ведетъ жизнь страдательную, т. е. испытываетъ то, что ей судьба подаетъ, идетъ туда, куда другіе ведутъ ее. Двѣ страшныя эпохи потрясаютъ ее, первая—козацкая революція, вторая —Сѣверная война. Послѣдняя нанесла такой ударъ уже истощенному ея организму, что она стала какимъ-то полуживымъ, полугніющимъ тѣломъ. Неотвратимыя библейскія письмена, видѣнныя когда-то Валтасаромъ, были начертаны надъ нею во очію всего свѣта. Одни поляки ихъ не замѣчали.

Воспитаніе всему корень. Каково воспитаніе народа, такова и его дѣятельность. Начиная отъ введенія и распространенія іезуитовъ до перваго раздѣла, въ Польшѣ почти все воспитаніе было въ рукахъ монаховъ; исключеніе составляли академическія колоніи, представлявшія мало утѣшительнаго. Изъ монашескихъ орденовъ, у кото-

4*

рыхъ были школы, наибольшая часть приходилась на долю іезуитовъ; за ними слѣдовали базиліане и піары.

Исторія польскаго просвѣщенія можетъ быть наполнена безчисленными столкновеніями іезуитовъ съ піарами, іезуитовъ съ академіею, іезуитовъ съ епископами и т. д. Одна сторона съ другою тягались судомъ передъ королемъ, передъ папою и сами расправлялись между собою; ученики враждебныхъ училищъ—іезуитскихъ, піарскихъ и академическихъ употребляли въ дѣло кулаки и палки; сами наставники ихъ къ тому подзадоривали; но это отнюдь не была война за какіе-нибудь принципы. То были споры за первенство, за школьную честь, за доходы, за право быть въ томъ или другомъ городѣ: академики ни за что не хотѣли дозволить іезуитамъ заводить свои школы тамъ, гдѣ прежде были академическія. Все это были явленія, соотвѣтствовавшія безладицѣ, господствовавшей въ краѣ, плодъ мелкой зависти, затронутаго самолюбія; изъ всего этого не вырабатывалось ровно ничего, кромѣ вреда ученію и нравственности. Воспитаніе у всѣхъ было одинаково, одинъ и тотъ же духъ, одинаковое шарлатанство. Когда іезуиты сотворили своего святого, Станислава Костку, и величались имъ, академія, чтобы не отстать отъ нихъ и не показаться ниже ихъ передъ Богомъ, сотворила, наконецъ, и себѣ своего академическаго святого, Яна Канта.

Всѣ школы носили церковный характеръ, всѣ зависѣли отъ верховной власти папы. Наблюденіе надъ ходомъ просвѣщенія сосредоточивалось въ Римѣ. Академія, правда, подчинилась свѣтской власти, но только по матеріальной части. Порядокъ преподаванія былъ у всѣхъ сходенъ. Іезуитскія школы были образцами. Главный начальникъ ихъ всѣхъ былъ генералъ, а подъ его вѣдѣніемъ были провинціалы. Каждая школа состояла подъ начальствомъ ректора, префекта и наставниковъ. Преподаваніе было двоякое: общее школьное, доступное для всѣхъ, и педаго-

тическое для образованія наставниковъ. Послѣдніе приготовлялись въ такъ-называемомъ новиціатѣ, куда поступали изъ лучшихъ учениковъ; первые два года они говорили не иначе, какъ по-латыни, и упражнялись въ благочестивой практикѣ, а потомъ переводили ихъ на четыре года въ богословское отдѣленіе. Въ школахъ, собственно такъ-называемыхъ, открытыхъ для всѣхъ, было два рода классовъ: низшіе, или грамматическіе, числомъ три: инфима, грамматика и синтаксисъ, и высшіе или гуманіорумъ, числомъ два: поэзія и риторика. Въ первыхъ, т. е. грамматическихъ, учили латинскую грамматику Альвара и задавали соотвѣтствующія упражненія на латинскомъ языкѣ. Въ высшихъ читали кое-что изъ латинскихъ писателей и отчасти изъ греческихъ, но вообще греческаго языка почти никто не зналъ, и занятіе имъ упало по введеніи іезуитовъ. Тѣмъ обыкновенно кончалось воспитаніе. Въ главной іезуитской школѣ въ Вильнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ были еще два высшихъ класса философіи и богословія, гдѣ преподавались этика и физика по Аристотелю, логика, метафизика и по Томасу Аквинейскому богословіе. Немного было такихъ, которые кончали эти высшіе классы.

Обращеніе съ учениками въ школахъ было смѣсью грубости и жестокости съ поблажками. Отцы считали главнымъ побужденіемъ къ ученію розги и сами усердно просили наставниковъ не щадить ихъ дѣтей. За идущимъ въ училище патеромъ несли нагайку, называемую мониторомъ, и клали на каѳедру, чтобъ ученики имѣли всегда передъ глазами этотъ побудительный символъ. Въ награду за прилежаніе и успѣхи наставники дозволяли прилежнѣйшимъ отсчитать нѣсколько ударовъ лѣнивымъ, и такимъ образомъ внѣдряли въ юные умы понятіе, что тотъ, кто другихъ умнѣе, прилежнѣе, благонравнѣе, тотъ, за эти достоинства, имѣетъ право бить другихъ. Впрочемъ, если приходилось кого-нибудь наказать построже, т. е. раздѣть,

положить и высѣчь, то должность палачей исполняли калефакторы — ученики изъ бѣднаго и неблагороднаго званія, обязанные топить печи, носить дрова и воду, прибирать классы: за это, по окончаніи своихъ черныхъ работъ, они могли прислушиваться къ чтенію уроковъ и зачерпнуть на свою долю латинской премудрости, если ставало на это способностей. Эти-то калефакторы сѣкли учениковъ за печкою, не передъ глазами всего класса, для того, что съ трусливыми учениками случались припадки, непріятные для зрѣнія. Въ школѣ ученикъ пріучался къ неравенству отношеній между товарищами. На передней скамьѣ сажали такъ-называемыхъ императоровъ: это были сыновья зажиточныхъ отцовъ; имъ оказывали больше послабленія и пріучали обращаться съ бѣдными товарищами высокомѣрно. Дѣти богатыхъ родителей помѣщались на квартирахъ подъ надзоромъ директоровъ, выбранныхъ изъ лучшихъ учениковъ, которымъ за то платилось, а прислуживали имъ мальчики, сыновья бѣдной шляхты, проживавшей у ихъ отцовъ на содержаніи или состоявшихъ у нихъ на подачкахъ. Эти мальчики исполняли должность лакеевъ, ходили съ паничами въ школу, носили за ними книги и бумагу и сами учились; нерѣдко они перегоняли въ ученьи своихъ паничей, и послѣдніе за то на нихъ досадовали. Учители оказывали сыновьямъ богатыхъ отцовъ предпочтеніе передъ сыновьями бѣдныхъ, изъ лести; случалось, они имъ посвящали свои сочиненія и въ высокопарныхъ дедикаціяхъ воспѣвали величіе ихъ рода, ихъ собственныя достоинства и будущія доблести, которыхъ ожидаетъ отъ нихъ отечество. Въ самомъ надзорѣ за благонравіемъ была своего рода деморализація, патеры поручали ученикамъ подглядывать за своими товарищами, тайно другъ на друга доносить, вкрадываться другъ къ другу въ дружбу, и выдавать ихъ тайны наставникамъ. По наущеніямъ наставниковъ, ученики задирались не только съ учениками

другихъ заведеній, но съ жителями шляхетскаго и мѣщанскаго званія, навлекавшими на себя злобу монаховъ; подущеніе дѣлалось такъ искусно и ловко, что наставники, впослѣдствіи, оставались въ сторонѣ и защищали учениковъ отъ постороннихъ преслѣдованій, извиняя ихъ поступки дѣтскою рѣзвостію. Наружный надзоръ за благонравіемъ былъ обращенъ на мелочи; преслѣдовалась дѣтская рѣзвость, особенно въ церкви; кто во время богослуженія сказалъ слово товарищу или разглядывалъ по сторонамъ, тотъ не миновалъ розогъ; но крупная безнравственность вкрадывалась въ ихъ души безпрепятственно. Примѣръ наставниковъ не укрывался отъ взоровъ питомцевъ, отъ которыхъ вездѣ и всегда труднѣе всего укрывается то, что хотятъ отъ нихъ скрыть старшіе. Пьянство, обжорство, распутство, ссоры между собою были обычными чертами домашней жизни наставниковъ; дѣти брали образецъ съ нихъ на будущее время. Духъ лукавства, пронырства, любостяжанія, угодничества сильнымъ, все, чѣмъ отличались монахи, прививался къ нимъ.

Не должно думать, чтобъ исключительная вина во всемъ этомъ падала на іезуитовъ; они виновнѣе были настолько, насколько были умнѣе, дѣятельнѣе и успѣшнѣе другихъ. Они умѣли лучше другихъ опутать человѣческій умъ, но того же хотѣли и другіе ордена; они энергичнѣе другихъ осуществляли то, чего требовала церковь. Въ цѣляхъ ея было не давать простора человѣческому мышленію, держать душу подъ постояннымъ благочестивымъ страхомъ, въ вѣчномъ ребячествѣ, въ повиновеніи у духовенства. Идеалъ ея былъ человѣкъ нравственно забитый; идеалъ этотъ достигался такою системою воспитанія, какая господствовала въ Польшѣ подъ монашескимъ наитіемъ. Ученики, пропотѣвши нѣсколько лѣтъ надъ Альваромъ, выучивши наизусть кое-что изъ рѣчей Цицерона и стиховъ Виргилія и Горація, оставляли школы, не зная ровно ни-

чего; кончившій риторику выходилъ въ свѣтъ вполнѣ asinus asinorum in saecula saeculorum—какъ говорилось о лѣнивыхъ ученикахъ и какъ приличнѣе было сказать о самыхъ прилежныхъ. Тѣ немногіе, которые кончили философію и богословіе, пріобрѣтали еще кучу лишнихъ формъ, которыя ни къ чему не годились въ жизни. Отцы-наставники руководились тѣмъ взглядомъ, что для выдѣлки умственныхъ способностей нужны упражненія, а не знанія, формы, а не содержаніе; то былъ нелѣпѣйшій взглядъ, какой когда-либо посѣщалъ человѣческій мозгъ.

Такъ какъ воспитаніе было въ рукахъ духовныхъ, то можно было бы предполагать, что, по крайней мѣрѣ, ученики выходили знатоками въ религіозной наукѣ; не тутъ-то было: въ этомъ они были круглые невѣжды и должны были оставаться такими во всю жизнь. Въ другихъ предметахъ имъ не запрещали, по крайней мѣрѣ, по выходѣ изъ школы читать что-нибудь и вычитать какія-нибудь познанія; въ дѣлѣ религіи ихъ всегда сковывали наставленія духовныхъ отцовъ: ихъ воспитали въ той мысли и впослѣдствіи внушали имъ ту мысль, что мірянину не слѣдуетъ самовольно проникать въ область религіи; нужно покоряться наставленіямъ пастырей. Читать св. писаніе безъ руководителя изъ духовныхъ запрещалось. Религіозное воспитаніе состояло въ молитвахъ, сочиненныхъ или указанныхъ патерами, въ исполненіи разныхъ благочестивыхъ упражненій также по приказанію духовныхъ. Отцы-монахи заботились, чтобъ души учениковъ находились подъ страхомъ религіознаго мистицизма, и для этого у нихъ было хорошее орудіе въ рожанцовыхъ братствахъ, куда они вписывали своихъ питомцевъ и гдѣ послѣдніе, попавши туда, оставались навсегда. Это были корпораціи съ обязанностію исполнять различныя благочестивыя упражненія. Часто собственно на ученіе тратилось не болѣе четырехъ часовъ въ день. Кромѣ обычныхъ праздниковъ,

праздновались памяти разныхъ святыхъ, уважаемыхъ особенно почему-нибудь орденомъ. Въ большіе годовые праздники устроивались сценическія представленія, символически изображавшія торжество вѣры, а наипаче своего ордена, и отнимавшія много времени на приготовленія къ нимъ. На страстной недѣлѣ совершались представленія страстей Христовыхъ, на Божье-Тѣло студенты ходили за цвѣтами для украшенія алтарей; если случался неурожай или падежъ скота, они ходили за процессіями съ образами. Были частые непредвидѣнные случаи, когда ученіе прерывалось, напр., когда объявлялся гдѣ-нибудь отпустъ или канонизація святого и пр. Патеры заботились, чтобъ учениковъ занимали разные религіозные и церковные случаи, напр. юбилей, пріѣздъ какого-нибудь важнаго сановника, назначеніе новыхъ начальниковъ въ орденѣ, появленіе чудотвореній, знаменій, однимъ словомъ, чтобы все, что входитъ въ область піэтизма и вѣрованія, занимало ихъ и было предметомъ ихъ любви и вниманія. Науки математическія и естествознаніе, не только не преподавались, но не одобрялись; ту физику по Аристотелю, какую преподавали въ классахъ философіи, нельзя причислить къ этому разряду наукъ. Ученіе Коперника, поляка по происхожденію, человѣка, которымъ Польша, болѣе чѣмъ всякимъ другимъ, могла гордиться, преслѣдовалось какъ еретическое.

Въ половинѣ XVIII вѣка, Станиславъ Конарскій произвелъ реформу обученія у піаровъ. Сущность ея состояла въ томъ, что вмѣсто открытыхъ школъ для вольноприходящихъ, заведены были конвикты, гдѣ ученики не только учились, но и жили, и, сверхъ того, введены точныя и физическія науки и новые языки. Первый такой конвиктъ заведенъ былъ въ Варшавѣ; по примѣру его, въ другихъ мѣстахъ заводились такіе же, и даже у іезуитовъ. Остальныя школы продолжали идти прежнимъ путемъ. Въ

самыхъ конвиктахъ старыя понятія о воспитаніи продолжали еще господствовать; притомъ, они были доступны только для богатыхъ и въ этомъ отношеніи возбуждали ропотъ небогатыхъ обывателей, привыкшихъ къ даровому іезуитскому воспитанію. Всѣ приверженцы старой рутины подняли крикъ противъ нововведенія. Въ варшавскомъ конвиктѣ воспитаніе дѣйствительно шло лучше, и оттуда выходили дѣятели въ умственной сферѣ временъ Станислава-Августа, но ихъ было немного, въ сравненіи съ массою юношества, осужденнаго, вплоть до эдукаціонной коммисіи, получать воспитаніе прежнимъ способомъ. Вообще въ предпріятіи Конарскаго благихъ желаній было болѣе, чѣмъ успѣховъ.

Въ академіи, высшемъ ученомъ учрежденіи, господствовало совершенное ничтожество. Своевольные магнаты поотнимали у ней фундуши; средства ея обѣднѣли; не-на-что было высылать молодыхъ людей за границу, для дальнѣйшаго образованія. Многія каѳедры оставались пустыми; на тѣхъ, которыя были заняты, помѣщались люди, едва достойные быть преподавателями низшихъ школъ. Медицинскій факультетъ, самый важнѣйшій, по той непосредственной пользѣ, какую долженъ былъ приносить жизни, почти совершенно умеръ. Въ немъ было всего-на-все два доктора, и они не читали лекцій, а за деньги давали званіе врачей шарлатанамъ, уполномочивая ихъ губить человѣческое здоровье. Въ Польшѣ, въ XVIII в., почти не было своихъ природныхъ врачей; лѣченіемъ занимались иностранцы—евреи, нѣмцы, венгерцы: послѣдніе бродили по краю съ походными аптечками, гдѣ, съ разными лѣкарственными каплями, продавались приворотные корешки и талисманы. Если на рѣдкость появлялся изъ поляковъ порядочный врачъ, то онъ непремѣнно получалъ воспитаніе за границею. Въ юридическомъ факультетѣ читались такія права, которыя не имѣли примѣненія къ

польской жизни, и студенты выходили оттуда съ полнымъ незнаніемъ польскаго законодательства и судопроизводства, такъ что, когда имъ приходилось вступать на юридическое поприще, то они были какъ въ лѣсу, и кончавшіе курсъ ученія у іезуитовъ, не слушавши никакихъ лекцій о правахъ, на дѣлѣ, поступая въ палестру, оказывались болѣе умѣлыми, чѣмъ студенты академіи и скорѣе послѣднихъ достигали мѣстъ. Философскій факультетъ заявлялъ о своемъ существованіи только панегириками, дедикаціями, ораціями и стиходѣйствіями въ честь магнатовъ, на разные случаи жизни. Богословскій факультетъ былъ значительнѣе другихъ; туда шло болѣе, чѣмъ въ другіе факультеты, ибо докторское званіе давало бенефиціи.

Подъ вѣдомствомъ богословскаго факультета находились семинаріи, но далеко не всѣ: нѣкоторыя зависѣли отъ епископовъ, другія—въ большемъ числѣ — отъ миссіонеровъ, іезуитовъ и другихъ монашескихъ орденовъ. Клерики, учившіеся въ семинаріяхъ послѣдняго рода, усвоивали признаки того ордена, подъ вѣдѣніемъ котораго воспитывались. Миссіонерскія считались лучше всѣхъ; тамъ, между прочимъ, преподавались и новые языки. Вообще клерики слушали логику, метафизику и богословіе. Послѣднее преподавалось по какому-нибудь авторитету: у іезуитовъ по Молинѣ и Бузенбаху; у академиковъ по св. Ѳомѣ Аквинейскому, а у миссіонеровъ—по св. Августину. Церковной исторіи не преподавалось; въ позднѣйшее время стали касаться ее у миссіонеровъ, но въ малыхъ размѣрахъ. Будушій священникъ не долженъ былъ знать много о судьбахъ церкви, чтобъ не подмѣтить человѣческихъ слабостей у прославленныхъ мужей вѣры, чтобъ не потерять увѣренности, что все въ церкви шло подъ видимымъ содѣйствіемъ Божіимъ, сопровождаемымъ чудесами и знаменіями, а наипаче, чтобъ не узнать, что были на свѣтѣ дурные папы, и воображать ихъ всѣхъ святыми, какъ

всегда старалась внушать своимъ послѣдователямъ латинская церковь.

Клериковъ преимущественно занимали толкованіемъ символическаго значенія обрядовъ, изученіемъ ихъ правильнаго отправленія и религіозными упражненіями; задавались имъ разныя медитаціи, устраивались диспуты для преуспѣянія въ діалектикѣ, заставляли ихъ сочинять по образцамъ и произносить проповѣди. Содержаніе клериковъ было умышленно скудное. Изъятіе составляли сыновья богатыхъ родителей, которые содержались на собственный счетъ и не заботились о томъ, чтобъ научиться многому, зная, что во всякомъ случаѣ имъ достанутся выгоднѣйшія мѣста. Изъ нихъ многіе отправлялись въ Римъ, проводили тамъ время въ забавахъ и, воротившись домой, принимали высокій санъ.

Священниковъ въ Польшѣ было чрезвычайно много: они помѣщались не только по приходамъ, но въ домахъ обывателей: каждый зажиточный обыватель держалъ у себя домашняго капеллана, который былъ не только его руководителемъ къ небесной жизни, но его домашнимъ секретаремъ, его другомъ, совѣтникомъ и судьею его подданныхъ. Доступъ къ священническому сану былъ открытъ и не-шляхтичамъ, но вообще тѣ, которые происходили изъ мѣщанъ, получали бѣдные приходы, не принимались въ хорошіе домà и постоянно были въ загонѣ: своя же братія, духовные шляхетской породы, смотрѣли на нихъ свысока. Быть учителями народа приходскіе священники были мало приготовлены, по своему невѣжеству; хотя при каждомъ приходѣ слѣдовало имѣть элементарную школу, гдѣ священникъ долженъ былъ учить чтенію, письму и начаткамъ религіи, но это исполнялось кое-гдѣ только по городамъ; въ панскихъ имѣніяхъ господа этого не дозволяли; они находили, что хлòпа учить вредно: чѣмъ онъ невѣжественнѣе, тѣмъ послушнѣе. Проповѣди говорились

только по монастырямъ, да и общество относилось съ большимъ уваженіемъ къ монашествующему духовенству, чѣмъ къ приходскому; люди, сознававшіе свою принадлежность къ порядочному классу, исповѣдывались въ монастыряхъ. Такимъ образомъ, положеніе приходскихъ священниковъ было незавидное и доходы скудные. Уніатскимъ приходскимъ священникамъ было еще хуже; они осуждены были имѣть дѣло съ одними сельскими хлопами да съ мѣщанами невысокаго полета. Что касается до православнаго духовенства, то унижаемое и гонимое, оно нигдѣ не могло получить хорошаго образованія въ Польшѣ; но изъ него отличались сравнительно большею образованностію тѣ, которые окончили ученіе въ Кіевѣ.

Церковь, во всемъ своемъ строѣ, зависѣла не отъ государства, а отъ Рима, и потому была въ Польшѣ status in statu. Все священство судилось своимъ церковнымъ судомъ. Первенствующимъ іерархомъ былъ гнѣзненскій архіепископъ, носившій титулъ примаса, второе лицо послѣ короля, въ ряду всѣхъ сановниковъ Рѣчи-Посполитой. Высшія духовныя особы—архіепископы, епископы, по своему званію сенаторы Рѣчи-Посполитой, были изъ важныхъ фамилій, получали мѣста по назначенію короля и утвержденію папы. Они были чрезвычайно богаты, и мѣста ихъ сдѣлались для нихъ чистыми синекурами. Жизнь ихъ протекала весело, роскошно, какъ вообще жизнь знатныхъ пановъ, со всѣми свѣтскими удовольствіями, шумными обѣдами, балами, игрою; если они чѣмъ-нибудь занимались, то скорѣе свѣтскими и государственными дѣлами, чѣмъ церковными; они, сохраняя свой духовный санъ, часто назывались военными чинами, напр. ротмистрами кавалеріи; богослуженіе отправляли они рѣдко, а иные и совсѣмъ его не отправляли: на это у нихъ были суфраганы. Духовный судъ по епархіямъ находился въ вѣдом-

ствѣ консисторіи, подъ предсѣдательствомъ генеральнаго оффиціала.

Около епископа былъ родъ сената изъ прелатовъ и каноииковъ, также лицъ знатнаго происхожденія, получавшихъ свои должности по протекціи. Мѣста ихъ въ меньшей степени, какъ епископскія, но въ томъ же смыслѣ, были не болѣе, какъ выгодными синекурами. Сами прелаты и каноники не занимались дѣлами и рѣдко служили въ костелахъ: всю церковную службу несли за нихъ подначальные ксендзы. Монахи, независимые отъ власти епископовъ, со своими начальствами для каждаго ордена, составляли многочисленный и сильный отдѣлъ духовнаго сословія. Въ городахъ, и въ особенности въ столицахъ, было очень мало свѣтскихъ костеловъ; за то всѣ города, а Варшава и Вильна въ особенности, были набиты монастырями. Передъ паденіемъ ордена іезуитовъ, въ Польшѣ было 973 монастыря. Изъ нихъ самое бо́льшее количество приходилось на долю доминиканцевъ (161), потомъ іезуитовъ (154), за ними бернардиновъ (132), базильянъ на Руси (118) и францисканъ (86). Остальные распредѣлены были между другими орденами мужскими и женскими. Эти-то корпораціи монашества держали подъ своимъ нравственнымъ гнетомъ и суевѣрнымъ страхомъ всю Польшу: они-то руководили ея умственною дѣятельностью и давали юношеству воспитаніе. Понятно, что знанія, пріобрѣтенныя въ годы ученія, были совершенно непроизводительны. Въ Польшѣ, въ XVIII вѣкѣ, умные люди повторяли то, что говорили ихъ дѣды о Краковской академіи до введенія іезуитовъ: для того, чтобы сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ, дать ходъ своимъ природнымъ способностямъ, обогатить умъ науками, нужно было прежде всего забыть пріобрѣтенныя въ школѣ знанія, выбить изъ головы самоувѣренность въ своей учености, переломить въ себѣ привычки, глубоко укорененныя въ тѣ лѣта,

когда впечатлѣнія оставляютъ сильные слѣды, разстаться съ предразсудками, завѣщанными отъ отцовъ и дѣдовъ, преодолѣть закоренѣлую умственную лѣнь. Сдѣлать это было гораздо труднѣе, чѣмъ начать учиться, ничему не учившись. Здравый разумъ, какъ ни былъ забитъ монашескимъ ученіемъ, иногда прорывался въ полякѣ. Иной, вступая на практическую жизнь, до извѣстной степени разставался съ призраками школьнаго ученія и руководствовался природнымъ умомъ; но на это способны были только натуры особенно умныя отъ природы. Масса шляхетская долго не осмѣливалась желать иного просвѣщенія. Опытъ научалъ, что пріобрѣтенное въ школѣ знаніе не годится ни на что въ жизни, а между тѣмъ всѣ посылали дѣтей своихъ въ школы; всѣ по рутинѣ твердили, что ученіе необходимо. Безъ сомнѣнія, совершенное отсутствіе школъ было бы полезнѣе для Польши, чѣмъ такое просвѣщеніе: тогда по крайней мѣрѣ оставался бы просторъ здравому смыслу. Примѣръ этому видимъ на Россіи. Какъ ни прискорбенъ образъ нашего многовѣковаго невѣжества, но когда сравнишь его съ польскою образованностью, то невольно скажешь, что мы ничего не проиграли, а скорѣе выиграли отъ незнакомства съ латинскими грамматиками. Русскій человѣкъ былъ не ученъ и не зналъ того, что зналъ полякъ, но болѣе его былъ развитъ въ жизненныхъ вопросахъ, обладалъ болѣе его прямымъ взглядомъ на вещи, лучше видѣлъ свою пользу и вообще болѣе сохранилъ въ себѣ способности къ предметному, а не формальному знанію. Русскій человѣкъ созналъ одну истину, которой не созналъ полякъ: онъ созналъ, что за всякое дѣло нужно приниматься съ умѣніемъ, или съ навыкомъ; а такъ какъ дѣло управленія государствомъ нуждается въ умѣніи и навыкѣ, то, чувствуя себя неумѣлымъ, отдавалъ свою судьбу въ руки власти, разсуждая, что какая бы ни была власть, все-таки она лучше безвластія и безначалія, —

«Вамъ мила ваша свобода: говорилъ москвичъ поляку въ 1611 году, а намъ лучше наша неволя, потому что у васъ не свобода, а своеволіе». Нерѣдко русскому приходилось тяжело отъ *началія;* ложились на него всякія нелегкія власти, и самодурныя и крутыя, и чужеземныя и чужеземствующія, и монашествующія и солдатствующія; онъ все переносилъ, потому, что его здравый умъ говорилъ, что лучше перенести одного Ивана Грознаго, Бирона, Аракчеева, чѣмъ подпасть подъ гнетъ десятка или сотни такихъ разомъ. Что именно такой взглядъ руководилъ безусловною покорностію верховной власти, показываютъ слова того же москвича, котораго разговоръ съ полякомъ мы тотчасъ приводили. «У васъ—говорилъ онъ—сильный можетъ у слабаго отнять имѣніе и самую жизнь. Искать же правосудія по вашимъ законамъ—долго, дѣло затянется на нѣсколько лѣтъ. А съ иного и ничего не возьмешь. У насъ, напротивъ того, самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ царь творитъ судъ и расправу. Если же самъ государь поступитъ неправосудно—его власть онъ какъ Богъ караетъ и милуетъ. Намъ легче перенести обиду отъ царя, чѣмъ отъ своего брата». (Сказ. современниковъ о самозванцѣ. V стр. 68). Полякъ до этого не додумался, напротивъ, считалъ себя очень мудрымъ, и съ головой, набитой латинскимъ синтаксисомъ, сентенціями, да панегириками святымъ, пускался править своимъ государствомъ. Само собою разумѣется, что получившій тогдашнее воспитаніе полякъ не въ состояніи былъ выдумать что-нибудь хорошее для улучшенія внутренняго быта страны, или для внѣшней безопасности.

Полякъ, по выходѣ изъ монашеской школы, продолжалъ смотрѣть на монаха, какъ на своего руководителя. Случалось, сеймовой посолъ, приготовляясь говорить рѣчь въ засѣданіи, нанималъ іезуита или піара написать ему эту рѣчь. Предразсудки, внѣдренные съ младенчества и

укрѣпленные въ школѣ, оставались въ полякѣ до гроба и передавались дѣтямъ. Въ школѣ пріучили его сносить побои отъ старшихъ и ему самому позволяли бить слабѣйшихъ; и въ жизни, сообразно школьнымъ примѣрамъ, онъ билъ своихъ хлоповъ, билъ и свою братью шляхту, когда чувствовалъ, что она отъ него зависитъ и вообще слабѣе его, но и самъ, въ свою очередь, позволялъ бить себя какому-нибудь магнату, отъ котораго за побои надѣялся милостей. Въ школѣ ему внушали, что одинъ только католикъ можетъ угодить Богу, а прочіе иновѣрцы всѣ исчадіе діавола; и подъ вліяніемъ такихъ внушеній, онъ показывалъ съ одной стороны презрѣніе къ человѣческому достоинству русскихъ хлоповъ, а съ другой—отвращеніе ко всей сферѣ свободныхъ знаній, развивавшихся въ Европѣ не подъ вліяніемъ папизма. Онъ не смѣлъ позволить себѣ читать другихъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя ему разрѣшали монахи, его руководители въ царствіе небесное. Въ школѣ онъ пріучался къ дракамъ и своевольствамъ, и эта привычка укрѣплялась въ той сферѣ, гдѣ все кипѣло своевольствомъ; и онъ нападалъ на своего сосѣда, не подозрѣвая, чтобы тутъ было что̀-нибудь дурное. Въ школѣ пріучали его шпіонить за товарищами, добывать себѣ милости у наставниковъ низкопоклонничествомъ и интригами; — и вотъ въ жизни онъ подбивался въ милость знатнаго пана, цѣловалъ ему полы платья и въ то же время копалъ яму подъ своимъ братомъ, такимъ же лакеемъ. Іезуиты и вообще монахи умѣли поселить, укрѣпить и освятить въ питомцахъ эгоизмъ. Они внушали имъ такую мудрость: «не привязывайтесь къ землѣ, устремляйте ваши помыслы на небо, не ищите себѣ друзей въ сей юдоли, ищите ихъ на небѣ: Іисусъ Христосъ, Богородица, ангелы, святые— вотъ ваши друзья!» Сообразно съ такими внушеніями, сочинялись молитвы съ характеромъ фамиліарности въ обращеніи съ небесными жителями; къ нимъ относились, какъ

будто къ короткимъ знакомымъ. Но тутъ-то и сбывались великія слова возлюбленнаго ученика Христова, который называлъ лжецами говорившихъ, что они любятъ Бога, и не любившихъ ближняго. «Бога вы никогда не видали, ближняго вы всегда видите», пояснялъ Христовъ апостолъ. Не дружиться ни съ кѣмъ, значило не любить никого, а искать знакомства на небеси — значило быть всегда во власти монаховъ и ксендзовъ, ибо только при ихъ посредствѣ можно было удостоиться знакомства съ небожителями; и выходило, что, переводя монашескую мудрость на языкъ здраваго смысла, это значило быть эгоистомъ, избѣгать всякихъ глубокихъ привязанностей, жить для себя одного, но, для собственной пользы, быть въ послушаніи у монаховъ. Земное отечество не было предметомъ попеченія наставниковъ; нечего было о немъ думать; надобно жить для небеснаго, а это небесное осязательно на землѣ значило церковь, т. е. папу, монаховъ, духовенство. Мудрено ли, что полякъ, усвоивъ такую мудрость, не заботился о своемъ отечествѣ, не дорожилъ имъ, жилъ исключительно для себя, и готовъ былъ продать все, что должно быть святымъ для гражданина; для него оно не было святымъ; его учили, что на землѣ, внѣ церкви, нѣтъ ничего святого. Но въ той же школѣ, гдѣ ему указывали образъ небеснаго отечества, онъ на своихъ наставникахъ видѣлъ примѣры пьянства, разгула, разврата и, будучи въ поэзіи и риторикѣ, отвѣдалъ и самъ изъ-подтишка этихъ прелестей. Правда, его за это пороли отцы-монахи, обыкновенно говорившіе: quod licet Jovi non licet bovi, но изъ этой порки онъ выносилъ такое нравоученіе, что умному человѣку слѣдуетъ одно дѣлать, а другое говорить. Однимъ словомъ, все, чѣмъ отличалось шляхетское общество—униженіе передъ сильными, высокомѣріе надъ слабыми, буйство, бездѣльничество, пьяныя оргіи, отсутствіе гражданской доблести, все это, если не было создано монашескимъ воспи-

таніемъ первоначально, то развивалось и укрѣплялось имъ.

Женское воспитаніе шло въ параллелѣ съ мужескимъ, но еще болѣе было въ упадкѣ. Публичнаго воспитанія не было вовсе, исключая Кракова. Зажиточные люди отдавали дочерей своихъ учиться въ женскіе монастыри, преимущественно къ визиткамъ и сакраменткамъ. Тамъ ихъ выучивали читать, писать и набивали религіозною экзальтаціею до того, что многія шли въ монахини, а тѣ, которыя выходили замужъ, очень часто оставались на всю жизнь въ духовномъ рабствѣ у монаховъ и ксендзовъ.

Въ такомъ духѣ воспитаніе было удѣломъ всего шляхетскаго званія. Многіе богатые и знатные воспитывали дѣтей дома, но и около нихъ неизбѣжно были монахи и внѣдряли въ питомцевъ свой духъ; кромѣ того, у нихъ были гувернеры и учители, а около дочерей гувернантки, обыкновенно изъ иноземцевъ; поэтому, дѣти магнатовъ выучивались живымъ языкамъ; въ XVII вѣкѣ былъ въ модѣ итальянскій, въ XVIII французскій. Нѣкоторые получали воспитаніе въ Лотарингіи, въ заведеніи, основанномъ для поляковъ Станиславомъ Лещинскимъ. По заложеніи Конарскимъ конвикта, нѣкоторыя лица изъ знатныхъ фамилій одолжены были первоначальнымъ воспитаніемъ этому заведенію. По достиженіи юношескаго возраста, молодыхъ пановъ отправляли за границу, въ Римъ, въ Парижъ, для окончанія воспитанія; но рѣдкій чему-нибудь тамъ научался; обыкновенно они тамъ мотали родительскія деньги, предаваясь необузданнымъ удовольствіямъ и нерѣдко доматывались до того, что родителямъ приходилось спасать ихъ отъ долговой тюрьмы. Возвратившись въ отечество, они туда ничего не приносили изъ путешествія, кромѣ разсказовъ объ интригахъ, объ игорныхъ скопищахъ, о поединкахъ и другихъ принадлежностяхъ свѣтскихъ развлеченій. Съ бѣглостью въ иностранныхъ языкахъ, но съ

отсутствіемъ полезныхъ знаній, эти магнаты, чрезъ связи и протекціи, получали важныя государственныя мѣста.

Со второй половины XVIII вѣка, когда во Франціи распространилась новая антирелигіозная философія, многіе поляки стали возвращаться изъ путешествія деистами и атеистами. Изъ всѣхъ народовъ, поляки были самыми легкими адептами ученія Гольбаха, Вольтера, Дидро и Даламберта. Такой рѣзкій переходъ отъ рожанцовыхъ братствъ былъ вполнѣ естественнымъ явленіемъ. Полякъ ѣхалъ за границу совершеннымъ невѣждою въ дѣлѣ религіи, а потому, какъ только касалась его свободная критика, сопровождаемая тонкими насмѣшками надъ его простодушною вѣрою, какъ только онъ, кромѣ того, замѣчалъ, что въ Европѣ стало модою между образованными людьми не вѣрить, тотчасъ и переходилъ въ противный лагерь: онъ болѣе всего на свѣтѣ заботился о томъ, чтобъ его считали образованнымъ человѣкомъ. Этотъ переходъ къ безвѣрію совершался также быстро и необдуманно, какъ его дѣды въ XVI вѣкѣ переходили къ лютеранству или аріанству. Были даже примѣры, что польскіе паны обращались въ іудейскую вѣру. Такъ поступилъ Мартинъ Любомирскій, связавшійся съ извѣстнымъ Франкомъ, основателемъ секты, надѣлавшей шуму въ іудейскомъ мірѣ, въ XVIII вѣкѣ. Другой знатный панъ, Радзивиллъ, носившій титулъ короннаго крайчаго, такъ любилъ іудеевъ, что каждую пятницу устроивалъ для нихъ пиры, а наконецъ открыто сдѣлался іудеемъ. Но его родственники ускорили надъ нимъ опеку, признавая его безумнымъ.

Большинство шляхетскаго юношества, не ѣздя за границу, искало себѣ карьеры въ отечествѣ, по выходѣ изъ ученія. Коронной службы въ Польшѣ было мало. Многіе опредѣлялись въ такъ-называемую дворскую службу — къ знатнымъ панамъ; тамъ имъ давали занятія по ихъ достоинству, по протекціи или по капризу властелина. Однихъ

приставляли къ собакамъ, другихъ къ лошадямъ; однихъ допускали смотрѣть за панскими платьями, другихъ за панскимъ буфетомъ; тѣхъ удостоивали стоять съ тарелкою за кресломъ пана или пани; другіе сидѣли въ канцеляріи и писали панскіе счеты; иные, удостоенные панскаго довѣрія, отправлялись въ панскія деревни экономами, диспозиторами, провентовыми писарями и пр. Нѣкоторые ничего ровно не дѣлали, жили, какъ говорилось, на респектѣ, и развлекали властелина, если на это были способны, или же составляли панскія команды, и если панъ вздумаетъ сдѣлать заѣздъ на сосѣда, или на судъ, то отправлялись на геройскіе подвиги. Не всѣхъ къ дворской службѣ побуждала корысть, не всѣ служили на жалованьи: люди зажиточные, владѣвшіе собственными имѣніями, отдавали своихъ сыновей во дворъ, чтобы они набрали тамъ лоску (poloru). У пани было также много шляхетныхъ дѣвицъ, которыхъ онѣ часто выдавали замужъ и снабжали приданымъ. Такой благородной дворни въ Польшѣ были тысячи. Поляки кичились своею свободою, называли рабами другіе народы, у которыхъ было монархическое правленіе, но сами не считали унизительнымъ добровольное холопство. Бить и сѣчь благородныхъ шляхтичей было въ обычаѣ: наблюдалось только, чтобы экзекуція происходила на коврѣ.

Другіе, окончившіе ученіе, предпочитали идти въ такъназываемую палестру. Это была корпорація молодыхъ людей, посвятившихъ себя юриспруденціи. При трибуналахъ, при городскихъ и земскихъ судахъ, при ассесоріяхъ, консисторіяхъ, терлись они подъ названіями меценасовъ, адвокатовъ, патроновъ, пленипотентовъ и пр. Все это были ходатаи по разнымъ дѣламъ и кандидаты на должности, которыя можно было получить въ свое время, при помощи связей и протекцій. Иные находили себѣ въ этомъ занятіи средства существованія, но зажиточные поступали въ палестру только для практическаго изученія судопроизвод-

ства и умѣнья ворочать законами. Народъ, составлявшій палестру, отличался буйными нравами.

Иные изъ молодежи поступали въ военную службу. Въ XVIII вѣкѣ войско въ Польшѣ представляло что-то до крайности комическое. Послѣ сейма 1717 года, постановлено было число войска до 18-ти тысячъ; его на дѣлѣ было гораздо меньше и едва доходило до восьми тысячъ. Польское войско раздѣлялось на два отдѣла: польскій и нѣмецкій. Въ первомъ команда была по-польски, въ другомъ по-нѣмецки: первый состоялъ изъ конницы; туда входили гусары, панцерные и легкая кавалерія; во второмъ была конница и пѣхота; къ нему принадлежала и коронная гвардія, пѣшая и конная. Въ первомъ отдѣлѣ всѣ служащіе были непремѣнно шляхетскаго происхожденія, въ послѣднемъ же только офицеры. Служить въ пѣхотѣ считалось унизительнымъ для обывателя, гордившагося своимъ происхожденіемъ. Ученія и экзерцицій не бывало. Военные чины гетмановъ, региментарей, полковниковъ, ротмистровъ, капитановъ были синекуры въ родѣ такихъ, какія были въ духовномъ званіи; за нихъ исправляли должность поручники, да и тѣмъ нечего было дѣлать. Ротмистръ кавалеріи всегда былъ знатное лицо. Кавалеріи приходилось разъ или два въ годъ собраться въ рыцарское коло, пощеголять своими мундирами, блескомъ вооруженія, породою лошадей; тамъ говорились витіеватыя рѣчи, восхвалялись польское мужество и храбрость, вспоминались имена Жолкѣвскихъ и Ходкѣвичей, величали своихъ начальниковъ, сравнивая ихъ съ Александромъ Македонскимъ, или Юліемъ Цезаремъ, пировали, пѣли, танцовали и потомъ расходились по домамъ. Каждый жилъ, гдѣ хотѣлъ—въ своемъ имѣніи или у какого-нибудь пана. Въ нѣмецкомъ отдѣлѣ войска большая часть офицеровъ была также постоянно въ отпуску. Полки раздѣлялись на хоругви и были вообще малолюдны, до 200

чел. и даже менѣе; только въ пѣшей королевской гвардіи считалось до 1,000 человѣкъ. Страсть къ чинамъ побуждала обывателей зачисляться въ военную службу, чтобы носить мундиръ, ничего не дѣлать, а между тѣмъ получать повышенія. Отъ этого въ полку бывало такое же количество офицеровъ, какъ и солдатъ. Такъ, при Августѣ III, въ одномъ конномъ полку состоявшемъ изъ 180 человѣкъ и раздѣлявшемся на 6 хоругвей, было въ каждой хоругви по тридцати офицеровъ. Пѣшія войска набирались посредствомъ вербунки изъ людей развратныхъ, пропившихся, проигравшихся. Они не оставляли своихъ качествъ въ военной службѣ, а еще преуспѣвали въ нихъ. Другіе, бѣдные, были насильно завербованы; нападутъ вербовщики на молодца, накинутъ на него солдатскій плащъ, надѣнутъ киверъ и нѣтъ ему спасенія: будутъ говорить, что пошелъ охотою; и такіе въ обществѣ развратныхъ скоро усвоивали ихъ нравы. Въ особенности пѣшая королевская гвардія славилась обиліемъ мошенниковъ, воровъ, игроковъ и забіякъ. Со времени Сѣверной войны, поляки почти ни съ кѣмъ не воевали до самаго Станислава-Августа; только неугомонный южно-русскій народъ не покидалъ завѣщанной Хмельницкимъ вражды къ ляхамъ и надежды на освобожденіе; онъ безпрестанно бунтовалъ подъ именемъ гайдамаковъ, подкрѣпляемыхъ выходцами изъ Запорожской Сѣчи. Противъ нихъ-то ходили на брань польскія военныя силы и рѣдко успѣвали ихъ ловить; гайдамаки убѣгали въ Сѣчь, а свирѣпыя казни, приготовленныя для нихъ, постигали крестьянъ, по подозрѣнію въ сочувствіи гайдамакамъ.

Наконецъ, значительная часть окончившихъ курсъ ученія поселялась въ своихъ имѣніяхъ и жила дѣдовскимъ обычаемъ, широко и весело. Молодой обыватель женился, праздновалъ свадьбу на славу, заживалъ семейною жизнью и, вѣрный наставленіямъ своихъ родителей, не переста-

валъ думать о небесахъ, а потому и держалъ у себя каплана, духовнаго отца, посредника въ сношеніяхъ со святыми, друга и совѣтника. Нерѣдко и дѣти его походили на духовнаго отца. Кромѣ того, къ нему въ домъ ѣздили за подаяніями и съ благословеніемъ всякихъ орденовъ монахи, ихъ всегда кормили, поили, ласкали; самъ обыватель ѣздилъ въ монастыри пировать, или въ гости къ сосѣдямъ на имянины, крестины, свадьбы, или созывалъ сосѣдей къ себѣ; на святкахъ и отпустахъ ѣздилъ на шумныя и веселыя кулиги, какъ назывались зимнія катанья изъ двора во дворъ, иногда засѣкалъ до смерти или вѣшалъ своихъ хлòповъ, ссорился съ сосѣдями, выходилъ съ ними на поединки, или велъ съ ними тяжбы за какое-нибудь неосторожное слово, утучнялъ черезъ то меценасовъ и адвокатовъ, а не то—употреблялъ въ дѣло brachium militare, т. е. собиралъ хлóповъ и подпоенную загоновую шляхту, нападалъ или посылалъ нападать на дворъ своего противника, а тотъ, въ свою очередь, если былъ предувѣдомленъ, собиралъ изъ своихъ хлòповъ и подпоенной шляхты corpus defensivum: кто одолѣвалъ, тотъ былъ правъ. Для оправданія такихъ поступковъ у поляковъ было юридическое латинское названіе: отнять у другого собственность называлось пріобрѣтать — via facti. Насоливши хорошенько другъ другу, проливши достаточно крови, обыватели мирились, и это называлось — кончать дѣло per bona officia. И тутъ-то шли пиры на радости примиренія.

Но нигдѣ польская жизнь не проявлялась въ такомъ блескѣ, какъ на сеймикахъ. Сеймики собирались по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ (это было различно) для избранія пословъ на сеймъ и составленія имъ инструкцій, а по окончаніи сейма—для слушанія отчета отъ пословъ (въ послѣднемъ случаѣ сеймики назывались реляцiйными). Кромѣ того, сеймики собирались для избранія депутатовъ на трибуналъ и назывались депутатскими и сверхъ того,

для разсужденія о дѣлахъ своего воеводства земли или повѣта, и назывались господарскими. Такимъ образомъ сеймики были часты. Въ старину только владѣвшіе недвижимыми имуществами могли участвовать на сеймикахъ, но мало-по-малу стала допускаться шляхта, жившая на панскихъ земляхъ. Сеймики въ Польшѣ были игрушкою знатныхъ пановъ. Обыватели зажиточные, но не магнаты, менѣе чѣмъ кто-нибудь могли имѣть тамъ вліяніе.

Въ Польшѣ было много мелкой шляхты, такъ называемой загоновой. По жизни и по образованію она ничѣмъ не отличалась отъ хлòповъ; даже по одеждѣ и наружному виду походила на послѣднихъ. Разница была та, что у шляхтича при бокѣ висѣла постоянно сабля (karabela) въ знакъ его благородства. По старымъ шляхетскимъ понятіямъ, для человѣка благороднаго происхожденія предосудительно было заниматься ремесломъ, промысломъ, или торговлею; но шляхтичъ не стыдился лакействовать, продавать свою совѣсть, нищенствовать, а при случаѣ грабить и воровать. Гордый своимъ званіемъ, онъ смотрѣлъ свысока на всякаго непринадлежавшаго къ шляхетству, а панскихъ хлòповъ за людей не считалъ. Когда подобный шляхтичъ на кованой повозкѣ или верхомъ на тощей клячѣ ѣхалъ по дорогѣ, встрѣчные мужики бросались отъ него въ сторону, потому что, столкнувшись съ мужикомъ, шляхтичу ничего не стоило потянуть его нагайкою ни за-что, ни про-что. Наглость была безмѣрная, за то и безмѣрное униженіе изъ-за выгодъ. Каждый такой шляхтичъ былъ самъ по себѣ нуль, но въ громадѣ они составляли силу. Случалось, говоритъ современникъ Козьмянъ, встрѣтится такой шляхтичъ съ обывателемъ: и понравится шляхтичу на обывателѣ шапка, онъ безъ церемоніи снимаетъ ее, примѣритъ себѣ на голову и говоритъ: не правда ли, ваша шапка идетъ ко мнѣ? Обыватель долженъ сказать: возьмите ее себѣ навсегда. Иначе, если онъ этого не сдѣлаетъ, то

шляхтичъ припомнитъ ему и настроитъ противъ него свою братью шляхту. Какъ истые поляки, этого рода шляхтичи любили пожить весело и нанимались у пановъ служить ихъ произволу, не тайными убійствами, какъ итальянскіе bravi, а явнымъ буйствомъ и держаніемъ стороны своихъ патроновъ, тамъ гдѣ нужно. Задумаетъ панъ сдѣлать пакость другому пану, стòитъ ему собрать пановъ-братію, какъ они назывались, подпоить и подкормить ихъ, дать впередъ по два, по три червонца, да обѣщать вдвое или втрое, и тогда они отправлялись въ заѣздъ, готовые вступить въ свалку со шляхтою, набранною другимъ паномъ. Эта всегда падкая на пьянство и обжорство толпа, со словами гонора на устахъ, пользовалась своими правами свободнаго гражданина для того, чтобы продавать ихъ панамъ на сеймикахъ. Какъ только приближался сеймикъ, панъ сговаривался со шляхтою, набиралъ ее и везъ въ своихъ повозкахъ въ городъ, гдѣ долженъ быть сеймикъ. Иногда шляхту, такимъ образомъ свезенную, размѣщали по монастырскимъ дворамъ, иногда на выгонѣ передъ городомъ; тамъ ее угощали, кормили до-сыта, поили допьяна и посылали на сеймикъ дѣлать и говорить по приказанію пана. Сеймики происходили иногда въ самомъ костелѣ, иногда близъ костела. Между тѣмъ, въ другомъ монастырѣ, или на другомъ выгонѣ около того же города, панъ, противникъ перваго, угощалъ шляхту изъ другой околицы и, напоивши, посылалъ на сеймикъ дѣлать и говорить по-своему. Когда открывался сеймикъ, одна шляхта кричала vivat своему пану, а другая своему. Неизбѣжно происходила свалка. Шли въ дѣло сабли. Безъ кровопролитія ни одинъ сеймикъ не обходился. Поляки такъ привыкли къ этому, что считали такія происшествія неотвратимымъ ходомъ дѣлъ человѣческихъ. На которой сторонѣ было больше разбитыхъ носовъ, подбитыхъ или выбитыхъ глазъ, изрубленныхъ рукъ или ногъ, чья сторона,

не выдержавши боя, бѣжала, та проигрывала. Плѣнныхъ не брали; поваливши на землю побѣжденнаго витязя, отбирали у него деньги, поясъ, шапку, кунтушъ. Побѣдители, удержавъ за собою поле битвы, голосовали, и все, что́ угодно было нанявшему ихъ пану, постановлялось; выбирались такіе послы на сеймъ и депутаты въ трибуналъ, какихъ онъ назначалъ; писались инструкціи, какія онъ сочинялъ; утверждались распоряженія, какія онъ придумывалъ. Иногда такія драки и кровопролитія происходили въ самомъ костелѣ; доставалось даже ксендзу, если онъ вздумаетъ разнимать драку. Случалось, станетъ передъ ними священникъ съ распятіемъ или съ ковчегомъ: пьяная толпа выбьетъ у него изъ рукъ распятіе или ковчегъ, и пальцы ему обрубитъ, а потомъ костелъ запечатаютъ до новаго освященія. По окончаніи сеймика, побѣдителей опять кормили, поили и расплачивались съ ними по договору, а затѣмъ развозили по домамъ, иногда же этого не дѣлали, а заплативши что́ нужно, предоставляли возвращаться домой, какъ кому угодно; тѣмъ же, которые вышли изъ битвы съ ранами, накидывали какой-нибудь лишній червонецъ на вылѣчку. Всегда почти, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, было нѣсколько такихъ, которые объѣдались и опивались до смерти. Что же касается до побѣжденной стороны, то ободранные, избитые, искалѣченные и уступившіе поле битвы не смѣли уже просить своего пана о наградѣ, а развѣ какъ-нибудь сами себя вознаграждали: нападали на мѣщанъ, на ихъ домы и лавки, и грабили ихъ. Вообще сеймики плодили калѣкъ въ Польшѣ. Повсюду можно было встрѣтить героевъ съ выколотыми глазами, хромыхъ, безрукихъ, а иные носили на себѣ такіе рѣзкіе слѣды участія на сеймикахъ, что изуродованныя лица ихъ пугали слабонервныхъ женщинъ.

Чтобы видѣть образчикъ нравовъ этихъ свободныхъ гражданъ Рѣчи-Посполитой, укажемъ на описаніе сейми-

ка въ Люблинѣ, оставленное современникомъ Козьмяномъ въ его запискахъ. «Наши сеймики,—говоритъ онъ,—отправлялись лѣтомъ, или раннею осенью; у моего отца нанимался домъ за іезуитскимъ монастыремъ, безъ оконъ и безъ дверей, предназначенный для ночлега шляхтѣ, и съ этою цѣлью возили туда солому и сѣно. Другіе помѣщались по монастырскимъ конюшнямъ и строеніямъ, а ѣли они въ монастырскихъ переходахъ, гдѣ можно было помѣстить заразъ не болѣе восьмидесяти человѣкъ, поэтому собесѣдниковъ смѣняли однихъ другими: тутъ не обходилось безъ дракъ и сценъ. Столы застилались простыми скатертями. Сперва тарелки и ложки были оловянныя, но такъ какъ шляхта ихъ ломала, или брала себѣ, то замѣнили ихъ жестяными. Трудно было уберечь столовую утварь: пропадали со стола не только ножи, вилки и ложки, но даже скатерти; поэтому столы стали покрывать полотномъ и прибивать гвоздиками. Однажды, во время такого обѣда, вошелъ какой-то шляхтичъ въ сѣрой епанчѣ съ капишономъ, и, протѣснясь къ столу, кричалъ:—паны-братья! Вы ѣдите, а я голоденъ, со вчерашняго дня не ѣлъ!—А зачѣмъ не пришелъ раньше? кричали ему. Шляхтичъ сталъ вырывать у сидящихъ вилки, его оттолкнули отъ стола. Въ это время несли огромную мису съ горячими рубцами (фляками); шляхтичъ бросается на мису, жретъ фляки и обжигается. Тутъ собесѣдники выскакиваютъ изъ-за стола, тѣ рвутъ у него изъ рукъ мису, тѣ дергаютъ за капишонъ, а тѣ кричатъ ему: «насыщайтесь, когда не ѣли», и цѣлую мису горячаго кушанья выкладываютъ ему въ капишонъ. Шляхтичъ, обожженный въ плечи горячими рубцами, кричитъ и скачетъ; собесѣдники бросаются на него съ вилками, хотятъ достать рубцы изъ капишона, не попадаютъ и колютъ шляхтича-забіяку; наконецъ, срываютъ съ него капишонъ, выкладываютъ рубцы опять въ мису и ѣдятъ. Подобный случай видѣлъ я на другомъ

сеймикѣ съ блюдомъ пироговъ: схватилъ его голодный шляхтичъ и побѣжалъ; его стали догонять и ворвались въ мое помѣщеніе; шляхтичъ выбросилъ жирные пироги въ каминъ, наполненный золою, а другіе отпихнули его прочь, доставали пироги изъ золы и ѣли. На третьемъ сеймикѣ, который приходился лѣтомъ, давали шляхтѣ ужинъ, продолжавшійся до свѣчъ; повару пришло въ голову поподчивать гостей компотомъ изъ вишенъ. Сперва паны-братья ѣли, а потомъ надоѣло имъ выбирать косточки и они стали другъ друга мазать и красить вишневымъ сокомъ, такъ что вся громада казалась окровавленною. Тутъ прибыла новая шляхта и думала, что происходила драка и всѣ хватились за сабли. Предводительствовалъ ими шляхтичъ изъ села Собѣщанъ, по фамиліи Ходковскій, большой рубака. Между селами Тарновкою, Старовесью и Собѣщанами давно уже былъ споръ за первенство; тарновянамъ и старовесьянамъ не нравилось, что первенствуетъ шляхтичъ изъ села, которое они считали меньшимъ. Ходковскій, видя, что война идетъ только на вишняхъ, закричалъ: паны-братья, перестаньте дурачиться, объ васъ подумаютъ, что вы рубились.—А! вы насъ учить! закричали Тарновка и Старовесь,—мы васъ научимъ, когда такъ! И погасивши свѣчи, они бросились на него съ саблями. Ходковскій, неустрашимый и сильный, въ темнотѣ отбиваетъ нападеніе, обнажаетъ палашъ и, опершись плечомъ объ окно, машетъ своимъ орудіемъ, обрубливаетъ противникамъ пальцы, задаетъ раны по головамъ и по лицамъ. На этотъ разъ брызжетъ ужъ не вишневый сокъ. Нѣкоторые принесли свѣчи, кричали: братья-шляхта! не проливайте крови! и пытались разнять свалку. Тѣ грозятъ, другіе бранятъ, раненые плачутъ. У Сцибора и у собѣщанъ не стало пальцевъ, другіе пріобрѣли порядочныя царапины по лбу и по щекамъ. Ходковскаго постарались запереть, а то шляхта изрубила бы его въ куски. На

счастье, не было на этой сценѣ шляхтича изъ Старовеси, Домарадскаго. При немъ буря не такъ бы скоро успокоилась. Этотъ шляхтичъ не умѣлъ ни читать, ни писать, за то силенъ былъ, какъ Геркулесъ, широкоплечъ, жиловатъ, средняго возраста, уже съ просѣдью; своею физическою силою, способностью много выпить и умѣньемъ обращаться съ саблею, сталъ онъ извѣстенъ на ярмаркахъ и сеймикахъ. Отецъ мой держалъ его у себя какъ ассистента, далъ ему должность лѣсничаго, жалованье, пару платья на каждый годъ, и бралъ съ собою на сеймики. Люблинская шляхта не смѣла его зацѣпить, а напротивъ, выбрала его себѣ ватажкомъ. Таскаясь по ночамъ между шляхтою, завелъ онъ ссору съ Луковскою шляхтою, которая не смѣла на него броситься открыто, а задумала отомстить ему коварнымъ способомъ. По окончаніи сеймика, Луковская шляхта сдѣлала на него засаду въ переходахъ у доминиканцевъ; одни занимали его разговоромъ въ костелѣ, чтобы онъ не вышелъ оттуда вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, а другіе ждали его за дверьми костела. И только-что Доморадскій перешагнулъ черезъ порогъ костела, какъ раздался крикъ: попался молодецъ! и бросились на него съ обнаженными саблями. Нашъ Геркулесъ обнажилъ свой палашъ и уже нѣсколькихъ порядочно намѣтилъ, какъ вдругъ у него переломился клинокъ. Шляхта рубитъ безоружнаго; онъ закрываетъ себя шапкою отъ ударовъ, раны нанесли ему неглубокія, но кровь все-таки течетъ. Неустрашимый Доморадскій схватилъ поперегъ одного шляхтича, который задорнѣе всѣхъ лѣзъ впередъ, и началъ имъ обороняться. Бѣдный шляхтичъ получилъ за него нѣсколько ранъ, кричалъ своимъ «оставьте», а самъ, какъ держалъ въ рукѣ саблю, такъ и продолжалъ ею отчаянно махать и защищалъ отъ ранъ своего же врага. Наконецъ, Доморадскій увидалъ приставленный къ стѣнѣ столъ, покинулъ шляхтича, залѣзъ подъ столъ, приподнялъ его на голову

и сталъ пробиваться впередъ. Шляхта продолжала бросаться на него съ саблями, но удары доставались столу, и Домoрадскій, пробившись, такимъ образомъ, на улицу, упалъ въ изнеможеніи отъ потери крови. Тутъ на выручку ему прибѣжала шляхта Люблинская и разогнала его непріятелей. Моего отца извѣстили, что Домoрадскій лежитъ безъ дыханія на улицѣ. Мой отецъ отправлялся тогда на званый обѣдъ и тотчасъ послалъ двухъ своихъ ассистентовъ, далъ два червонца на доктора и фельдшера и приказалъ отвезти Домoрадскаго въ госпиталь «милосердныхъ дѣвицъ». Но каково же было его удивленіе, когда онъ черезъ нѣсколько часовъ, вернувшись съ обѣда, увидѣлъ передъ собою Домoрадскаго. Онъ былъ, правда, весь въ крови, но съ хмѣльною головою, обклеенною бѣлыми бумажными лентами, которыми залѣпилъ себѣ раны. Домoрадскій пропилъ посланные ему два червонца и готовился разсчитаться со шляхтою, но отецъ мой отправилъ его поскорѣе къ себѣ въ имѣніе».

На такомъ-то народцѣ опирался республиканскій строй Польши. Средней руки обыватели должны были ладить съ этой шляхтою, мѣряться съ знатными панами имъ было не подъ стать, потому что знатный панъ имѣлъ въ рукахъ своихъ болѣе силы и могъ стереть съ лица земли строптиваго обывателя. Опираясь на громаду загоновой шляхты, знатный панъ менѣе всего могъ имѣть нужды въ обывателяхъ, а потому послѣдніе должны были угождать магнатамъ еще болѣе, чѣмъ загоновая шляхта.

Главными чертами польскаго общества было обжорство и пьянство, доходившее до размѣровъ, передъ которыми остановится самое гомерическое воображеніе. Шляхта, собираясь на попойки, пила буквально бочками. Кружокъ пьяницъ прикатитъ къ себѣ бочку, говоря, что если хлопецъ безпрестанно будетъ ходить за пивомъ, то сапоги истопчетъ; садятся вокругъ бочки и даютъ себѣ урокъ не-

премѣнно ее опорожнить, пьютъ съ утра до поздней ночи и, наконецъ, кончаютъ тѣмъ, что бочка оказывается пустою. Отъ послѣдняго шляхтича до знатнаго пана вся Рѣчь-Посполитая пила безъ просыпу. Не пить — считалось порокомъ; тѣ, напротивъ, которые могли много выпить, пріобрѣтали себѣ славу. Были такіе, приводящіе въ ужасъ, шляхетскіе желудки, что поглощали въ себя заразъ цѣлый гарнецъ [1]) пива. На пирахъ у поляковъ наблюдался такой обычай. Когда хозяинъ давалъ званый обѣдъ, то самъ долженъ былъ показывать другимъ примѣръ, и пить здоровье гостей за каждою перемѣною кушаньевъ. Сначала, послѣ перваго блюда, онъ вставалъ, пилъ за здоровье всѣхъ поочередно, называя знатнѣйшихъ по именамъ, а тѣхъ, которые не пользовались большимъ почетомъ, титуловалъ вашей милостью нли васаномъ. Въ гостепріимствѣ соблюдалось строгое отличіе достоинства гостей; хлѣбосолъ-панъ, хотя поилъ и кормилъ и богатаго и бѣднаго, но обращался съ ними различно. Въ обычаяхъ у поляковъ за столомъ обѣденнымъ былъ всегда такъ называемый сѣрый конецъ (szary koniec), куда помѣщали гостей неважныхъ по своему положенію: тамъ имъ оказывали мало гостепріимнаго вниманія; полагалось, что сами они должны себѣ вмѣнять въ почетъ, что ихъ пригласили къ столу. За столомъ всѣ должны были вставать и пить за здоровье тѣхъ, которыхъ именовалъ хозяинъ, и произносить ихъ имена; само собою разумѣется, что при этомъ происходилъ безобразнѣйшій крикъ. Это былъ приступъ къ попойкѣ; за вторымъ блюдомъ хозяинъ пилъ изъ большаго кубка здоровье перваго, по значенію, гостя и давалъ ему въ руки кубокъ; гость вставалъ и пилъ за здоровье хозяина и всѣ гости должны были вставать. Такимъ же образомъ хозяинъ бралъ другой кубокъ, пилъ за здоровье другого гостя, и отдавалъ ему

[1]) Четыре кварты, около 5 бутылокъ.

въ руки. Служители наливали, гость вставалъ, пилъ здоровье хозяина, и снова всѣ вставали. Точно также поступали и съ третьимъ, и четвертымъ и т. д., но только съ тѣми гостьми, которыхъ, по знатности, уважалъ хозяинъ; прочіе довольствовались тѣмъ, что ихъ поминали въ имени званія, къ которому они принадлежали. Послѣ тостовъ за отдѣльныхъ лицъ, пили за здоровье и благосостояніе званій, напр. здоровье духовенства, безъ котораго не обходился ни одинъ пиръ, здоровье войсковыхъ, палестры. дамъ, дѣвицъ и пр. Принуждали непремѣнно осушать кубокъ однимъ духомъ; а если кто не выпивалъ, тому тотчасъ доливали: для этого одна прислуга стояла сзади за гостьми, а другая залѣзала подъ столъ, такъ что, если гость, держа кубокъ, поднималъ его вверхъ, то стоявшій за нимъ слуга тотчасъ наполнялъ, а если гость опускалъ кубокъ внизъ, то слуга, сидѣвшій подъ столомъ съ бутылкою, спѣшилъ влить туда вина. Послѣ этихъ заздравныхъ чашъ, пили за процвѣтаніе разныхъ отвлеченныхъ понятій, выражаемыхъ по-латыни, напримѣръ: за благосостояніе отечества, за славу его и т. д. Послѣ обѣда, когда, по обычаю, молодежь танцовала, пожилые люди сидѣли за столами, осушали и передавали изъ рукъ въ руки кубки съ обряднымъ выраженіемъ: вамъ въ руки (w ręce pana). Хозяинъ-полякъ, точно такъ, какъ и нашъ москвичъ въ старину, поставлялъ себѣ честь въ томъ, чтобы гости, подъ конецъ пира, были безъ языка и безъ ума. Иной, нагрузившись до-зѣла, выходя изъ дому, падалъ въ грязь или снѣгъ, а иной разбивалъ себѣ носъ, соскользнувши съ лѣстницы. Нерѣдко хлѣбосолы употребляли насиліе надъ гостьми, особливо если гости были невысокаго достоинства: ихъ заставляли пить угрозами. Китовичъ, въ своемъ «Описаніи польскихъ обычаевъ временъ Августа III», разсказываетъ о знаменитомъ въ свое время Адамѣ Малаховскомъ. Много было несчастныхъ, которыхъ судьба

завлекала къ нему въ гости: они принуждены были пить до того, что тутъ же засыпали вѣчнымъ сномъ. Было у него страшилище: кубокъ, съ вырѣзанными тремя сердцами и съ надписью «Corda fidelium»; туда входило полгарнца. Кто бы къ нему ни пріѣхалъ, — такой ли знатный панъ, какимъ онъ былъ самъ, простой ли шляхтичъ, жидъ, или посыльный слуга, — хозяинъ кормилъ его по достоинству завтракомъ, обѣдомъ или ужиномъ, смотря по времени пріѣзда гостя, а потомъ приказывалъ подать «Corda fidelium» и заставлялъ пить залпомъ; ёсли же гость, какъ случалось, не выпивалъ, слуга немедленно доливалъ до тѣхъ поръ, пока гость не сваливался безъ чувствъ, или не испускалъ дыханія. Всѣ обѣгали Бонкову-гуру, какъ называлось его имѣніе, и если кого онъ звалъ къ себѣ въ гости, то гостю прежде нужно было взять отъ него salvum conductum, съ присягою въ томъ, что гость не подвергнется испитію рокового «Corda fidelium». «Я самъ, — говоритъ разсказчикъ, — едва избавился отъ этой бѣды и убѣжалъ безъ сабли, шапки и лошади. Панъ Малаховскій хвалился, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который бы выпилъ залпомъ «Corda fidelium». Но нашелся одинъ бернардинъ, смѣло пріѣхалъ въ домъ Малаховскаго и, подвергнутый пыткѣ питья, нѣсколько разъ отпивалъ кубокъ, и послѣ нѣсколькихъ доливаній, однимъ залпомъ опорожнилъ «Corda fidelium». Другой знаменитый обжора и пьяница, панъ Борейко, созывалъ къ себѣ разныхъ орденовъ монаховъ, запирался съ ними на нѣсколько дней, поилъ до безобразія и заставлялъ пьяныхъ отправлять урочныя дневныя богослуженія. Онъ построилъ близъ своего двора часовню святаго Яна Непомука, уставилъ ее лавками и скамьями, велѣлъ приносить туда значительное количество вина, пива и водки, самъ садился въ часовню съ четками и молитвенникомъ, и останавливалъ всѣхъ ѣдущихъ по дорогѣ, какого бы званія они ни были: монахъ

ли, жидъ, обыватель или хлопъ, — все-равно; панъ Борейко выходилъ изъ своей часовни, разспрашивалъ, кто такой, куда ѣдетъ, зачѣмъ, выпивалъ за его здоровье вина, предлагалъ ему и поилъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не сваливался съ ногъ. Панъ Борейко не приневоливалъ къ испитію кубковъ залпомъ, а позволялъ пить съ роздыхомъ. Его обжорство вошло въ такую славу, что составилась поговорка: «а чтобъ ты такого чорта съѣлъ, какъ панъ Борейко съѣстъ!»

Въ Люблинскомъ краѣ, какъ сообщаетъ Козьмянъ, былъ подобный гуляка, Михаилъ Грановскій: у него былъ такой обычай, что когда подопьетъ, то раздѣнется до-нага и гостямъ велитъ тоже дѣлать, а кто не хотѣлъ, того раздѣвали насильно. «Я американецъ», кричалъ онъ при этомъ. Было у него два завѣтныхъ кубка, одинъ въ пять бутылокъ вмѣстительности и назывался орломъ, а другой назывался уткою и вмѣщалъ три бутылки. Однажды въ Люблинѣ въ трибуналѣ онъ выигралъ процессъ и собралъ къ себѣ на пиръ членовъ трибунала; только президентъ не поѣхалъ къ нему потому, что былъ нездоровъ. Подпивши хорошенько, панъ Грановскій закричалъ «я американецъ; кто меня любитъ, пусть дѣлаетъ то, что я». Вслѣдъ затѣмъ, онъ мгновенно раздѣлся и выскочилъ на улицу. Въ угодность ему раздѣвались гости и выскакивали за нимъ. Небогатые шляхтичи пустились бѣжать, потому что имъ было стыдно показать, что у нихъ бѣлье не въ отличномъ порядкѣ. Гайдуки и лакеи догоняли бѣглецовъ и съ помощью гостей, хотѣвшихъ угодить панской фантазіи, раздѣвали ихъ. Передъ крыльцомъ на улицѣ, по данному прежде приказанію, стояла огромная запряженная бричка съ двумя бочками вина. Былъ въ числѣ гостей нѣкто Бадовскій, славный обжора: онъ за завтракомъ выпивалъ четыре бутылки портеру, потомъ съѣдалъ цѣлое блюдо зразъ, каши и два каплуна, и запивалъ все это четырьмя

бутылками вина. Этотъ чудакъ сѣлъ на бочку, представляя изъ себя Бахуса, огромной разливательной ложкою черпалъ вино и наливалъ въ кубки, которые подставляли идущіе около брички нагіе собесѣдники. Было ихъ числомъ человѣкъ восемьдесятъ; всѣ они страшно кричали, пѣли, плясали, а нѣкоторые, не выдержавши огромнаго количества пойла, принятаго въ себя, падали на землю и извергали поглощенное. Такая толпа бросилась на домъ, гдѣ жилъ президентъ, выломала запертыя двери, стащила съ постели больнаго президента и хотѣла вести за своею процессіею. Насилу онъ умолилъ ихъ оставить его въ покоѣ.

Выходки подобнаго рода были тогда въ большой модѣ. Духовныя особы не отставали въ этомъ отъ свѣтскихъ. Тотъ же Козьмянъ разсказываетъ, что въ его время въ Люблинѣ былъ ксендзъ Ленчевскій, носившій титулъ Абдеритскаго епископа, большой любитель и даватель пировъ. Однажды онъ давалъ пиръ по случаю полученія ордена и, когда уже всѣ подпили, пьяный епископъ закричалъ: «я кавалеръ! пойдемъ на улицу съ музыкой». Всѣ вышли на улицу, гости пляшутъ: епископъ впереди подплясываетъ и припѣваетъ «дай мнѣ ночку ночевать, смочилъ меня дождикъ!» а, потомъ вскрикиваетъ: «я кавалеръ!» Монахи были большіе кутилы. Въ монастыряхъ умѣли приготовлять отличные меды, наливки и старую водку; монаховъ приглашали даже въ обывательскіе дома, какъ спеціалистовъ приготовлять напитки. Всегда радушный и хлѣбосольный монастырь, только по наружности прикрывался аскетизмомъ; монахи на виду народа, въ церкви, корчили постныя лица, а между тѣмъ обители ихъ были открыты для веселыхъ поклонниковъ Бахуса [1]), и повсю-

---

[1]) Только нѣкоторые строгіе ордена, какъ напр. камедуловъ или траппистовъ составляли исключеніе.

ду въ обывательскихъ домахъ монахи были самыми веселыми собесѣдниками. «Я видалъ, говоритъ Козьмянъ, какъ одна гостепріимная пани держала за поясъ монаха, а другой рукой наливала ему вина; онъ же, въ угоду ей, прыгалъ, представляя медвѣдя на цѣпи». Всѣ подобныя выходки, хотя и были непристойны, по крайней мѣрѣ не заключали въ себѣ ничего жестокаго; были случаи, когда панъ-озорникъ, пріучившись не сдерживать себя въ пьяномъ видѣ, позволялъ себѣ выходки не слишкомъ добродушнаго свойства. Къ такому разряду иногда принадлежалъ знаменитый Карлъ Радзивиллъ, извѣстный подъ названіемъ «Panie Kochanku», особенно въ своей молодости. Почти всегда пьяный, расточительный до безпредѣльности, поставлявшій себѣ первымъ удовольствіемъ кормить и поить всякаго встрѣчнаго и поперечнаго изъ шляхетскаго званія, въ случаѣ, когда кто-нибудь не потакалъ его пьяному капризу, тотчасъ выпускалъ тигровые когти. Однажды его собесѣдникъ, такой же кутила, какъ и онъ, панъ Пацъ, поссорился съ нимъ за пирушкой. Причина была та, что Радзивиллъ позволялъ себѣ дурачиться со всякимъ, не считая никого равнымъ себѣ; точно также началъ онъ обращаться и съ Пацомъ и задѣлъ его гоноръ. Пацъ вызвалъ его на поединокъ. Радзивиллъ кликнулъ людей, приказалъ Паца заковать въ кандалы и посадить въ тюрьму. На утро объявили ему смертную казнь и вывели одѣтаго въ саванѣ на середину двора. Палачъ стоялъ съ орудіемъ. Ксендзъ приготовилъ къ смерти осужденнаго. Тогда окружающіе бросились къ ногамъ Радзивилла и умоляли пощадить пріятеля. Радзивиллъ былъ непреклоненъ. Пацъ при видѣ смерти умолялъ, чтобы ему позволили поправить что-то на исповѣди. Радзивиллъ тогда закричалъ: «вотъ я тебя теперь лучше напугалъ, чѣмъ ты меня вчера поединкомъ». Съ этими словами, онъ взялъ Паца за руку и повелъ въ свой палацъ; но бѣдный Пацъ,

избѣжавши смерти отъ палача, умеръ на третій день отъ вина. Николай Потоцкій, староста Каневскій, прославился самыми разнообразными подвигами пьянства и озорничества. Убить человѣка для него ровно ничего не значило. Онъ забавлялся надъ іудеями, убилъ у сосѣдняго пана іудея и взамѣнъ привезъ ему цѣлый возъ іудеевъ, наклавши ихъ одного на другого и придавивши сверху гнетомъ, какъ снопы; приказывалъ женщинамъ лазить на деревья, кричать ку-ку и стрѣлять ихъ мелкою дробью въ задъ; заставлялъ доминиканцевъ, въ ихъ бѣлой одеждѣ, пролѣзать сквозь дегтяную бочку, разстрѣливать каждаго, чья физіономія ему не нравилась, сѣкъ судей, которые судили его за безчинство, положивши ихъ на утвержденный ими приговоръ, а подъ старость построилъ церковь въ Почаевѣ, проживалъ иногда въ монастырѣ, но и осудивъ себя на покаяніе, подчасъ не оставлялъ своихъ пьяныхъ выходокъ. Другой такой же забіяка Шанявскій, староста Малогосскій, дѣлалъ наѣзды на сосѣдей, убивалъ и мучилъ людей; не было ни одной каденціи трибунала, гдѣ бы не состоялось надъ нимъ приговора за его преступленіе, и никто не былъ въ состояніи его усмирить: у него была многочисленная дворня; множество загоновой шляхты служило его дикому произволу. Но думая, что онъ ни въ комъ не нуждается, сталъ онъ обижать и эту шляхту; тогда противъ него составился заговоръ: затѣвали убить его. Раздраженныхъ противъ него было такъ много, что онъ понялъ невозможность устоять противъ нихъ со своими силами. Онъ бѣжалъ изъ своихъ имѣній, но не за границу, какъ бы можно было ожидать, а въ Варшаву, зажилъ себѣ въ своемъ домѣ на Грибовѣ и, увѣнчанный трибунальскими приговорами, продолжалъ среди столицы свои дикія выходки; люди боялись ходить по улицѣ мимо его дома; иногда слышали крики тѣхъ, кого онъ мучилъ для забавы. Жена его, промучившись съ

нимъ нѣсколько лѣтъ, убѣжала отъ него подъ покровительство королевы, и только при ея содѣйствіи выхлопотала разводъ, но не рѣшалась оставаться въ мірѣ, боясь его мщенія, а пошла въ монастырь. Эти факты показываютъ, до какой степени своевольство въ Польшѣ оставалось безнаказаннымъ, и противъ дикихъ выходокъ магнатовъ не было ни полицій, ни суда, ни власти.

Когда поляки до такой степени предавались пьянству, обжорству и своевольству, польки увлекались до безумія танцами и увеселеніями. Были въ Польшѣ богатыя пани, которыя всю жизнь безпрестанно устроивали у себя кулиги, театры, балы и разныя забавы. Тогда, какъ мужья ихъ приневоливали пожилыхъ гостей пить до безчувствія венгерское, жены приневоливали молодежь танцовать мазурку до потери ногъ и рукъ. У веселой госпожи были безпрестанные съѣзды подъ разными предлогами, то чьи-нибудь имянины, то дни рожденія, то годовщина брака, то просто праздники, а тутъ еще у нихъ были кліентки, панны-резидентки, жившія у нихъ, или сосѣднія обывательскія дочки, которымъ онѣ покровительствовали; онѣ знакомили съ ними посѣщавшихъ ихъ молодыхъ людей и устраивали свадьбы; и вотъ являлся новый предлогъ къ танцамъ.

Точно какъ панъ Борейко или панъ Малаховскій затаскивали къ себѣ гостей для попойки, такъ охотницы до плясокъ и забавъ ловили всюду плясуновъ и дамскихъ угодниковъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка, въ мѣстечкѣ Белжицахъ была такая госпожа, по фамиліи Коссовская, сама очень богатая по наслѣдству, жена богатаго пана, державшая мужа подъ властью. Въ ея мѣстечкѣ факторы изъ іудеевъ, ради прибыли, для угожденія пани, подмѣчали такихъ проѣзжихъ, которые, по наружному виду, показывались порядочными людьми; одни хватали лошадей и задерживали экипажъ, другіе бѣжали въ панскій

дворъ и давали знать, а вслѣдъ за ними выбѣгали служители и резидентъ, насильно заворачивали въ панскій дворъ и приводили плѣнника въ панскій палацъ на нѣсколько дней, а иногда на нѣсколько недѣль. Не помогали ни жалобы, ни просьбы, ни изложеніе нетерпящихъ отлагательства дѣлъ, ни даже клятвы и обѣщанія скораго пріѣзда; иногда самъ супругъ просилъ отпустить плѣнниковъ, «но неумолима была польская Цирцея—говоритъ современникъ Козьмянъ—и превращала своихъ плѣнниковъ въ танцоровъ и угодниковъ своихъ шалостей и вакхическихъ утѣхъ». Какъ только гости пообѣдаютъ вкусно и сытно да погрѣютъ себя венгерскимъ, такъ являются двадцать четыре музыканта, начинаются танцы, и продолжаются далеко за полночь. Случалось, кто-нибудь выбьется изъ силъ, убѣжитъ изъ залы, забьется въ какой-нибудь закоулокъ и заснетъ мертвецки: замѣтитъ хозяйка его отсутствіе, дастъ приказаніе; отыщутъ бѣглеца, иногда раздѣтаго, несутъ съ постелью въ залу, обливаютъ водой, сѣкутъ розгами и заставляютъ плясать. При страсти къ забавамъ и гостепріимству, паны очень мало заботились объ удобствахъ для своихъ гостей. Плясуны и питухи спали какъ попало; женщинамъ не было пристойныхъ помѣщеній: каждое утро послѣ баловъ тѣснота, безпорядокъ, нечистота царствовали въ панскомъ домѣ. За множествомъ гостей, невозможно было всѣхъ помѣщать въ домѣ и во флигеляхъ, которые обыкновенно окружали главное зданіе панскаго жилища, и гости помѣщались въ грязныхъ іудейскихъ корчмахъ вмѣстѣ съ толпою прислуги, которая пьянствовала и безчинствовала въ мѣстечкѣ въ то время, какъ ея господа пили и плясали въ панскомъ палацѣ. Очень часто танцы доводили до поединковъ, особенно было въ модѣ спорить до поединка за первую пару въ полонезѣ. Рѣдко, впрочемъ, поединки кончались смертію. Во всѣхъ такихъ собраніяхъ не было и тѣни

умственной жизни, тамъ нельзя было услышать разговоровъ ни о политикѣ, ни о благоустройствѣ отечества, ни о литературѣ, ни объ искусствѣ. Безпрестанныя оргіи отъучили польскія головы отъ мысли, сердце отъ любви къ труду, пристрастили къ суетѣ, пріучили смотрѣть легко на священнѣйшія обязанности человѣка. Семейныя связи не имѣли твердости; разводы сдѣлались дѣломъ обыкновеннымъ; поляки не задавали себѣ труда удерживать преходящія побужденія и подчинять ихъ разсудку. До какой степени даже сознаніе объ истинно нравственномъ изчезло въ польскомъ обществѣ, спившемся съ круга, можно видѣть изъ того, что одинъ изъ мемуаристовъ того времени, Охоцкій, безъ зазрѣнія совѣсти разсказываетъ о себѣ, какъ онъ вошелъ въ связь съ актрисою и помогъ своему другу жениться на ней, скрывъ отъ него свои прежнія къ ней отношенія. Авторъ, сообщая объ этомъ, даже не подозрѣваетъ, что онъ дѣлалъ гнусное дѣло.

Представленный нами краткій обзоръ польскаго воспитанія и нравовъ польскаго общества достаточно показываетъ, въ какое невылазное болото попала несчастная Польша. Никакая реформа учрежденій, никакія улучшенія въ правленіи, законодательствѣ, никакіе способы къ возвышенію экономическихъ силъ, никакія средства внѣшней защиты не могли ей помочь. Спасти Польшу могло только перевоспитаніе народа, но такое перевоспитаніе, которое бы измѣнило съ корнемъ весь народный характеръ, создало другого поляка: прежній уже никуда не годился. Нѣтъ ничего невозможнаго для воспитанія, оно всесильно надъ человѣкомъ, и нѣтъ на землѣ народа, котораго бы оно не въ силахъ было измѣнить, передѣлать, облагородить и развить. Но, чтобы въ Польшѣ принялось, усвоилось и развилось новое воспитаніе и могло соз-

дать новое польское общество, для этого нужно было много времени. Исторія не ждетъ опоздавшихъ.

IV.

Избраніе Станислава Понятовскаго.—Диссидентское дѣло.—Барская конфедерація.—Покушеніе на короля.—Первый раздѣлъ Польши.

По смерти Августа III, по поводу выбора новаго короля, въ Польшѣ возникли обычныя смуты. Двѣ партіи, Чарторыскихъ и Огинскихъ, стали враждебно одна противъ другой. Обѣ заискивали помощи у Россіи. Сильная партія Чарторыскихъ, во главѣ которой стояли два брата—канцлеръ Михаилъ и русскій воевода Августъ, отправила въ Петербургъ племянника по сестрѣ этихъ братьевъ, Станислава Понятовскаго, сына умершаго мазовецкаго воеводы.

Это, можно сказать, былъ типъ поляка XVIII вѣка, соединявшій въ себѣ коренныя свойства національнаго характера со свойствами европейской знатной особы своего времени.

Отъ природы онъ получилъ счастливую память, живое воображеніе, блестящій, но никакъ не глубокій умъ, способенъ былъ на остроумныя выходки, бѣгло и складно говорилъ, особенно въ томъ кругу, гдѣ ему вѣрили и цѣнили его слова,—въ совершенствѣ владѣлъ нѣсколькими европейскими языками, читалъ и просматривалъ много книгъ, много видалъ во время своего путешествія по Европѣ, посѣщалъ общества тогдашнихъ европейскихъ знаменитостей, и потому въ высокой степени набрался того лоску (poloru), за которымъ польскіе паны ѣздили по Европѣ. Поэтическаго уклада въ его натурѣ не было; но онъ любилъ до страсти искусства и зналъ въ нихъ толкъ, насколько наслышался и начитался о нихъ; еще болѣе онъ былъ любитель и цѣнитель прекраснаго пола и въ отно-

шеніи къ нему отличался чрезмѣрнымъ непостоянствомъ и вѣтренностію. До сихъ поръ въ Лазенковскомъ дворцѣ, имъ построенномъ, показываютъ цѣлую стѣну портретовъ любовницъ послѣдняго польскаго короля. Перемѣняя ихъ какъ наряды, онъ былъ, однако, внимателенъ къ ихъ услугамъ, и, уволивъ ихъ отъ своего сердца, давалъ имъ большіе пенсіоны и тѣмъ увеличивалъ свои расходы и долги. Вообще въ немъ не было ни тѣни скупости; щедрый для другихъ и расточительный для себя, онъ любилъ самъ пожить въ свое удовольствіе, любилъ и вокругъ себя видѣть веселыя и довольныя лица.

Нравомъ онъ былъ мягокъ и кротокъ; не видно въ немъ было того самодурства, которымъ такъ часто отличались и даже чванились польскіе паны, избалованные своимъ богатствомъ и раболѣпствомъ предъ собою другихъ: воспитанный до шестнадцатилѣтняго возраста подъ надзоромъ матери, онъ носилъ на себѣ тотъ отпечатокъ женственности, который часто остается на тѣхъ, которые въ отрочествѣ испытывали сильное вліяніе матушекъ и тетушекъ; притомъ же европейскія привычки, усвоенныя въ путешествіи, не дозволяли въ немъ укорениться полуазіатскимъ признакамъ польской мужественности. Въ обращеніи онъ былъ до того любезенъ, что принцъ де-Линь призналъ его любезнѣйшимъ паче всѣхъ государей своего времени. Эта любезность не мѣшала ему въ то же время быть двоедушнымъ, хитрымъ, недовѣрчивымъ; за то въ затруднительныхъ положеніяхъ для своего ума и воли онъ былъ даже через-чуръ довѣрчивъ. Обладая свойствомъ обворожать и привлекать къ себѣ людей, онъ не умѣлъ привязывать ихъ, не въ силахъ былъ возбуждать ихъ и управлять ими, напротивъ, самъ подчинялся нравственному могуществу другихъ и всегда почти зависѣлъ отъ окружающей его среды. Никогда не показывалъ онъ ни запальчивости, ни злобы, не терпѣлъ ссоръ и всегда ста-

рался примирять другихъ и улаживать недоразумѣнія и борьбу страстей, выдумывая какую-нибудь середину на половинѣ. Чувство мщенія ему было незнакомо; его иногда обижали такъ, что доводили до слезъ; все сносилъ онъ и готовъ былъ первый протянуть руку заклятому врагу. Онъ не могъ ни къ чему глубоко и сильно привязаться; поверхностность, лживость и слабодушіе—обычныя качества охотниковъ до женскаго естества, отражались въ его поступкахъ; свои убѣжденія онъ мѣнялъ почти также какъ любовницъ, и съ трудомъ могъ возвыситься до общей идеи, подъ которую подходили бы его понятія и поступки; у него всегда на первомъ планѣ были частныя отношенія: его занимали желанія и планы удовлетворить ту или другую сторону, поставить себя въ извѣстное положеніе къ такимъ-то лицамъ, узнать: какъ думаютъ тотъ или другой, и въ какихъ отношеніяхъ находятся они между собою. Дѣятельность его была чрезвычайная, но почти всегда обращалась на второстепенные предметы, и въ ней недоставало крѣпкой нити, связующей ея направленія. Въ своихъ сужденіяхъ онъ нерѣдко отличался здравымъ взглядомъ и находчивостію, когда предметъ обсужденія не требовалъ особенной дальнозоркости и глубокомыслія, но всегда высказывался съ нѣкоторымъ колебаніемъ и часто подчинялся мнѣнію другихъ, когда видѣлъ противъ себя упорство. Онъ склоненъ былъ приставать къ смѣлымъ и отважнымъ предпріятіямъ, но безъ увлеченія, и менѣе чѣмъ кто-нибудь способенъ былъ геройски противостать обстоятельствамъ и легко склонялся подъ ихъ гнетомъ; за то былъ хвастливъ, приписывалъ себѣ вчинаніе такого дѣла, въ которомъ онъ слѣдовалъ за другими, такія мысли, которыя онъ заимствовалъ отъ другихъ, и величался такими доблестями, какихъ у него не было. Таковъ былъ этотъ послѣдній польскій король, поставленный Екатериною съ тѣмъ, чтобъ служить ей послушнымъ орудіемъ.

Владѣя изумительною способностію узнавать людей, Екатерина не обманывалась въ немъ никогда, и дѣлая его королемъ, не надѣялась отъ него твердой и незыблемой преданности; она, безъ сомнѣнія, предвидѣла его двоедушіе и коварство въ отношеніи къ ней, но это не мѣшало ея планамъ, напротивъ, скорѣе вело къ цѣли. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать изъ того, что, впослѣдствіи, императрица нѣсколько разъ внушала своимъ министрамъ въ Польшѣ не полагаться на постоянство короля, нравъ котораго, какъ она писала, ей давно извѣстенъ.

Русская императрица составляла по характеру діаметральную противоположность съ польскимъ королемъ, ея подручникомъ. Насколько онъ былъ мало способенъ сосредоточить себя всего для идеи, настолько она только и существовала для сознанной и предвзятой идеи. Правда, и въ ней можно было замѣтить пороки вѣка, которыми заражена была большая часть вѣнчанныхъ особъ: чувственность и суетность и ей были нечужды, но за то въ ней былъ геніальный умъ и геніальная воля. Нѣмка по происхожденію, призванная судьбою на престолъ русскаго государства, она охватила во всей цѣльности его историческое значеніе, усвоила его прошлыя завѣтныя преданія, глубоко и разносторонне постигла его тогдашнее положеніе, предвидѣла и устроивала его будущее. Величіе и благосостояніе Россіи было ея идеаломъ; она хотѣла сдѣлать Россію сильнѣйшею державою въ свѣтѣ, а потому поставить Польшу въ вѣчную зависимость отъ Россіи, а, если будетъ нужно, и уничтожить ее; она думала ниспровергнуть турецкую имперію, освободить славянъ и грековъ, ослабить Швецію, привязать Австрію и Пруссію и поставить ихъ въ необходимость быть, такъ сказать, на буксирѣ у Россіи, и въ то же время создать изъ Россіи внутри благоустроенное государство, развить промышленность, торговлю, благосостояніе и просвѣщеніе. Въ ней было столь-

ко же твердости и послѣдовательности, сколько въ Станиславѣ-Августѣ мягкости и слабодушія, но въ то же время въ ней не было увлеченія; она боролась съ препятствіями только до тѣхъ поръ, пока несомнѣненъ былъ успѣхъ; ея смѣлыя и широкія предпріятія сдерживались благоразуміемъ и осторожностью; она умѣла остановиться на полдорогѣ, чтобы выждать время и при удобномъ случаѣ начать снова прерванный путь; за то, когда была надежда на успѣхъ дѣла, ее уже не останавливали никакія частныя отношенія, никакіе посторонніе виды, ни кровь, ни бѣдствія поколѣній не принимались у ней въ разсчетъ, когда нужно было достигнуть цѣли—черта общая истиннымъ людямъ идеи. Она умѣла привлекать къ себѣ людей, не такъ, какъ польскій король, который выигрывалъ только то, что его называли любезнымъ; она привязывала ихъ такъ, что они дѣлались ея орудіями и служили, часто даже невольно, ея видамъ. Политика ея была нерѣдко двоедушна и коварна, но это было не то легкое двоедушіе, которое почти никогда не покидало польскаго короля. Екатерина прибѣгала къ нему только тогда, когда оно было необходимо для ея цѣлей и преимущественно тогда, когда приходилось бороться съ врагомъ его же оружіемъ; безъ нужды она была пряма и искренна.

Она не прощала зла и измѣны такъ любовно, какъ Станиславъ Понятовскій; она или презирала ихъ вовсе, когда не считала важными, или же мстила безъ послабленія, когда они ей мѣшали. Понятно, что съ такою покровительницею Польшѣ было плохо: у поляковъ не было ни самостоятельности, ни силы, ни государственнаго благоразумія настолько, чтобы Екатерина могла ихъ уважать, но они неспособны были предаться ей искренно и безусловно, чтобы она могла ихъ полюбить: она ихъ презирала, и этимъ презрѣніемъ запечатлѣны всѣ ея дѣйствія до самаго конца.

Избраніе Понятовскаго не обошлось безъ сильныхъ смутъ. Но русскія войска разогнали всѣхъ его противниковъ. Составился конфедераціонный сеймъ. Дядя Понятовскаго, Августъ Чарторыскій, сдѣланъ былъ его маршаломъ. Предводители противной партіи, старый гетманъ Браницкій и Карлъ Радзивиллъ бѣжали изъ Польши со своими единомышленниками. Станиславъ-Августъ былъ избранъ 7 сентября 1764 года.

Чарторыскіе, овладѣвъ дѣлами, старались произвести въ Польшѣ нѣкоторыя реформы и ввести новыя учрежденія, которыя, по ихъ соображеніямъ, могли обновить Польшу. Шляхта упорно стояла противъ всякихъ перемѣнъ, но Чарторыскіе нашли себѣ лазейку: покровительствуемые силою русскаго оружія, они успѣли устроить сеймъ въ образѣ конфедераціи: по обычаямъ конфедераціи, законъ принимался не единогласіемъ, а большинствомъ голосовъ, и такого сейма уже нельзя было сорвать; затѣмъ они склонили значительное число голосовъ подкупомъ и страхомъ. Такимъ образомъ, имъ удалось ограничить власть гетмана и подскарбія: до сихъ поръ эти важные сановники не отдавали никому отчета кромѣ сейма, который обыкновенно никогда не кончался; теперь устроили четыре коммисіи: войсковую, скарбовую (финансовъ), полиціи и судопроизводства. Положили увеличить войско и доходы, сдѣлано было нѣсколько распоряженій относительно городовъ, пришедшихъ въ упадокъ, въ особенности оттого, что на городскихъ земляхъ помѣщались дома шляхетства, духовенства и монастырей, не подчинявшихся городскимъ повинностямъ; постановлено, чтобы сеймики отправлялись большинствомъ голосовъ,—установлены таможенныя пошлины, которыхъ въ Польшѣ не было. Эти распоряженія сдѣланы были на сеймѣ, предшествовавшемъ избранію, и должны были утвердиться избраннымъ королемъ. Станиславъ-Августъ горячо под-

держивалъ ихъ: они обратились въ законъ къ большой досадѣ многихъ. Хотѣли даже уничтожить вовсе liberum veto, но этотъ проектъ никакъ не могъ быть принятъ: польское шляхетство привыкло называть liberum veto зеницею шляхетской вольности; притомъ русскій и прусскій посланники заявили неудовольствіе насчетъ перемѣнъ коренныхъ постановленій Рѣчи-Посполитой. Прусскій король всѣми силами не допускалъ въ Польшѣ коренныхъ реформъ, которыя бы утвердили въ ней монархическую власть. Въ его видахъ было поддерживать анархію, слабость, истощеніе, однимъ словомъ, все то, что впрочемъ, и безъ него не могло измѣниться въ Польшѣ. Фридрихъ II уже предположилъ расширить свою территорію насчетъ Польши, а потому побуждалъ и убѣждалъ Екатерину держаться той же системы. Также не былъ принятъ проектъ объ увеличеніи податей и умноженіи войска; шляхетство издавна не любило, чтобы объ этомъ даже говорили. Россія тогда не показывала намѣренія мѣшать во что̀ бы то ни стало такимъ улучшеніямъ въ Польшѣ. Проектъ Чарторыскихъ о реформѣ былъ прежде предъявленъ русскимъ посланникамъ, Кейзерлингу и Рѣпнину; Россія только хотѣла при этомъ соблюсти свои интересы и свою безопасность. Посланникъ императрицы объявилъ, что Россія соглашается на увеличеніе войска до 50,000, но только съ тѣмъ, чтобы Польша съ Россіею заключила тѣснѣйшій союзъ. Поляки стали упираться противъ союза; даже самые Чарторыскіе, до сихъ поръ дѣйствовавшіе подъ покровительствомъ Россіи, боялись, что, такимъ образомъ, Польша подпадетъ въ бо́льшую зависимость отъ Россіи. Русскій посланникъ Рѣпнинъ получилъ приказаніе не входить въ сношеніе съ поляками объ ихъ перемѣнахъ, безъ заключенія союза съ Россіею, и подалъ ноту, гдѣ императрица требовала даровать гражданскія права въ Польшѣ не-католикамъ—православнымъ

и диссидентамъ. То же требованіе заявлялъ Польшѣ, съ своей стороны, прусскій король. Но послы, воспитанные въ фанатизмѣ, отвергли это требованіе съ шумомъ и волненіемъ. Такимъ образомъ, поляки, при самомъ воцареніи короля, поставленнаго Россіею, раздражали противъ себя Россію и Пруссію, двѣ сильныя сосѣднія державы, съ которыми они, по своей слабости, бороться были не въ состояніи.

Русскія войска тотчасъ расположились въ королевскихъ имѣніяхъ. Король, слыша около себя ропотъ, хотѣлъ угодить полякамъ и показать, что онъ не намѣренъ быть орудіемъ Екатерины, а желаетъ царствовать самостоятельно; онъ вступилъ въ тайное сношеніе съ Турціей, жаловался на Россію, что она поступаетъ съ Польшею, какъ съ подвластною страною, располагаетъ свои войска на польскихъ земляхъ безъ воли націи, хочетъ, какъ видно, держать въ Польшѣ постоянный гарнизонъ. Турціи, ненавидѣвшей Россію, ничего не стоило изъявить сочувствіе къ Польшѣ, но она ничѣмъ ей не помогла, а между тѣмъ Екатеринѣ стали извѣстны сношенія короля съ Турціею, она испытала слишкомъ скоро коварство своей креатуры; ясно стало, что русская императрица не можетъ имѣть къ польскому королю довѣріе.

Дѣло о не-католикахъ въ Польшѣ было не таково, чтобъ русская императрица могла бросить его. Православные уже много вѣковъ обращались къ Россіи. Еще Иванъ III ссорился за нихъ съ зятемъ своимъ Александромъ. Алексѣй Михайловичъ велъ за нихъ кровопролитную и разорительную войну. Въ статьяхъ мирнаго договора 1686 г., польскій король обязывался съ своей стороны содержать православныхъ по давнимъ правамъ и во всякихъ свободахъ. Со временъ этого договора, когда Кіевъ навсегда отошелъ къ Россіи, православное духовенство продолжало получать рукоположенія отъ кіевскаго митрополита, а

потомъ, по основаніи святѣйшаго синода, обращались къ нему какъ къ верховному учрежденію своей вѣры. Поляки, по отношенію къ православнымъ жителямъ Рѣчи-Посполитой, не соблюдали договора съ Россіею, заключеннаго въ 1686 году; униженіе православной религіи, принужденія къ уніи, неистовства, которыя позволяли себѣ дѣлать надъ православными своевольные фанатики, были обыкновенными явленіями; православные безпрестанно обращались къ Россіи и просили ходатайства за нихъ; всѣ русскіе государи по этимъ просьбамъ вели сношенія съ Польшею. Петръ много разъ обращался къ своему союзнику Августу II, послѣ того, какъ къ нему приходили жалобы отъ православныхъ съ длинными реестрами разныхъ оскорбленій, нанесенныхъ католиками. Эти неоднократныя требованія оставались всегда безъ удовлетворенія, такъ что русскій государь, наконецъ, сталъ грозить и въ 1722 году выразился такъ: «Если, паче чаянія, по этому нашему представленію и прошенію, удовлетворенія, по силѣ договора, не воспослѣдуетъ, то мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія». Короткое царствованіе Екатерины I не обошлось безъ просьбъ, полученныхъ въ синодѣ изъ бѣлорусской епархіи и безъ ходадайства за православныхъ со стороны Россіи. При Аннѣ православные обращались съ жалобами къ россійскимъ посланникамъ и резидентамъ въ Варшавѣ и императрица вмѣняла послѣднимъ въ обязанность домогаться, «чтобъ православные люди греческаго исповѣданія въ безпрепятственномъ пользованіи принадлежащихъ имъ вольностей безъ малѣйшаго утѣсненія оставлены были». Трудно было такимъ домогательствамъ и представленіямъ имѣть въ Польшѣ силу, когда тамъ и сеймы не кончались и короля не слушали.

Елисавета энергически и, подобно своему родителю, съ угрозами заступалась за православныхъ: «чтобъ вель-

можи (писала она) предписали кому слѣдуетъ крѣпкими указами, чтобы по трактату и привилегіямъ королевскимъ въ прежней свободности и безъ всякаго препятствія и насилія, какъ въ совѣсти, такъ и въ строеніи и поправленіи церквей, безъ помѣшательства благочестивые въ покоѣ оставлены были. Въ противномъ случаѣ, таковой неправедной и безотвѣтной съ польской стороны поступокъ уничтоженія и презрѣнія нашего на толь многихъ безпрекословныхъ правахъ основаннаго участія въ ихъ жалобахъ не иначе, какъ явно показуемое намъ самимъ озлобленіе, признавать можемъ и за упомянутыхъ утѣсняемыхъ людей вступаться и имъ вспомоществовать всемѣрно обязанными себя признаваемъ, и при дальнѣйшемъ безплодствіи и презрѣніи дружескихъ представленій и домогательствъ, иные сильнѣйшіе и важнѣйшіе способы употреблять напослѣдокъ принуждены будемъ, имѣя паче надежду на другія державы, которыя для своихъ подъ именемъ диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ разумѣющихся единовѣрцевъ и ради утѣсненія оныхъ въ томъ общія съ нами обязательства имѣютъ къ нашимъ мѣрамъ къ тому приступить и общее дѣло съ нами чинить весьма готовы». Съ тѣхъ поръ каждый годъ, а иногда и не одинъ разъ въ годъ, русскіе министры въ Варшавѣ дѣлали представленія о православныхъ, но эти представленія напоминаютъ басню о Поварѣ и Котѣ, потому что, вслѣдъ за ними, святѣйшій синодъ заваливался новыми жалобами православныхъ, присылаемыми изъ владѣній Рѣчи-Посполитой. Даже и шести-мѣсячное правленіе Петра III не обошлось безъ обычнаго представленія польскому правительству о судьбѣ православныхъ. Екатерина, въ своихъ домогательствахъ въ пользу православныхъ, не показала ничего новаго, необычнаго; она шла по слѣдамъ прежнихъ государей, но она выше ихъ была по уму и дѣятельности: естественно, что

при ней дѣло пошло иначе, не такъ какъ шло оно при ея предшественницахъ.

Поляки, въ 1764 г., отвѣчали на домогательства Россіи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ привыкли отвѣчать прежнимъ русскимъ государямъ, даже еще рѣзче и неуважительнѣе, чѣмъ бывало прежде. Но скоро они увидали, что этого имъ не простятъ. Въ слѣдующемъ 1765 году, по желанію Екатерины, бѣлорусскій архіепископъ Георгій Конисскій отправился въ Варшаву и тамъ, передъ королемъ, произнесъ рѣчь, ссылался въ ней на привилегіи, данныя православнымъ прежними королями, жаловался на утѣсненія и оскорбленія, просилъ возвратить православнымъ первобытную свободу, а вмѣстѣ съ тѣмъ не забылъ объяснить, что прошеніе его поручила ему принести всероссійская императрица, «яко особливая вѣры нашей заступница».

Въ Варшавѣ, возненавидѣвъ Конисскаго, начали умышленно тянуть его дѣло; стали, по его жалобамъ, наводить справки, а онъ между тѣмъ, въ ожиданіи, безъ нужды проживался въ столицѣ. Узнала объ этомъ императрица и приказала своему министру, Рѣпнину, устроить такъ, чтобы на будущемъ сеймѣ 1766 года дѣло о православныхъ и диссидентахъ было непремѣнно рѣшено въ ихъ пользу. Екатерина не домогалась, чтобъ ихъ допускали въ сенатъ и къ высшимъ мѣстамъ, но хотѣла, чтобъ они были допущены къ выборамъ въ трибуналы, могли получать провинціальныя должности, и чтобы въ число членовъ сейма, изъ каждаго воеводства, при двухъ католикахъ помѣщался третій — не-католикъ. Черезъ чуръ трудно было согласить поляковъ на установленіе такихъ законовъ; они отъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ получили убѣжденія, что, кромѣ католика, всѣ иновѣрцы — еретики, проклятые Богомъ, и ихъ ни въ чемъ нельзя поставить на одну доску съ католиками. Это заранѣе предви-

дѣла Екатерина и предписала Рѣпнину, въ случаѣ когда сеймъ не согласится даровать не-католикамъ права, собрать православныхъ и диссидентовъ и составить конфедерацію, которая бы просила помощи у Россіи; тогда предполагалось, какъ будто уступая ея просьбамъ, послать въ Польшу русскія войска и провести дѣло силою. «Пусть поляки знаютъ и удостовѣрятся, — писала она, — что мы не допустимъ успокоить это дѣло по ихъ единовиднымъ желаніямъ, а поведемъ оное лучше до самой крайности!»

Король Станиславъ-Августъ говорилъ, что это требованіе — громовой ударъ для него и для всей страны, писалъ къ императрицѣ, умолялъ ее оставить это дѣло, сообщалъ, что на прошломъ сеймѣ, когда онъ заговорилъ объ этомъ, то поднялся страшный крикъ и шумъ, и чуть было не умертвили примаса въ присутствіи короля. Самъ Рѣпнинъ, видя безпредѣльный фанатизмъ въ Польшѣ, пытался отклонить государыню отъ ея намѣренія; но Екатерина была неподатлива, твердо рѣшившись такъ или иначе довершить то, чтó ея предшественники начинали и покидали.

Большая сумятица была тогда въ Польшѣ. Король былъ уже въ разладѣ со своими дядями Чарторыскими, которые признали его королемъ только въ надеждѣ держать его подъ своею опекою. Короля тяготила эта опека. Чарторыскіе хотѣли сохранить созданную ими конфедерацію, чтобъ, посредствомъ ея, властвовать надъ Польшею; король, напротивъ, хотѣлъ ее уничтожить. Но это не умножило его друзей. Противники Чарторыскихъ, которыхъ было много, ненавидѣли *фамилію*, какъ называли тогда Чарторыскихъ и всю ихъ партію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не любили короля, возведеннаго на престолъ съ чужою помощію. Послѣднія измѣненія на сеймѣ произвели ропотъ въ Польшѣ. Учрежденіе коммисій возбудило неудовольствіе безотчетныхъ до того времени министровъ и подчи-

ненныхъ имъ должностныхъ лицъ, которые пользовались выгодами при прежнемъ управленіи; учрежденіе таможенныхъ пошлинъ, увеличивъ дороговизну, вооружило противъ короля обывателей и купцовъ. Приморскій городъ Гданскъ, снабжавшій Польшу привозными товарами, былъ особенно недоволенъ. И безъ того король прусскій въ Маріенвердерѣ бралъ пошлины съ плывущихъ по Вислѣ польскихъ судовъ; теперь, съ прибавкою польскихъ пошлинъ, товары значительно вздорожали. Но болѣе всего приводилъ въ ужасъ поляковъ вопросъ о допущеніи къ правамъ не-католиковъ. Епископы: краковскій Солтыкъ, каменецкій Красицкій, виленскій Масальскій (будущій приверженецъ Россіи), распустили по приходамъ пастырскія посланія, предписывали священникамъ молиться въ костёлахъ объ отвращеніи бѣды, грозящей римско-католической религіи и древнимъ постановленіямъ Рѣчи-Посполитой, вопіяли противъ общенія съ еретиками и схизматиками, противъ введенія пагубныхъ новшествъ. Кармелитъ, по имени Марко, исцѣлявшій больныхъ наложеніемъ рукъ и сообщавшій водѣ цѣлительное свойство, ходилъ между народомъ и призывалъ защищать св. вѣру. Съ каѳедръ въ костёлахъ загремѣли огненныя проповѣди противъ вѣротерпимости. Вѣрная шляхта приглашалась не допускать во что бы то ни стало обращенія въ законъ ужаснаго проекта.

Когда приближалось время сейма, Рѣпнинъ объявилъ, что если не захотятъ даровать православнымъ и диссидентамъ правъ, то сорокъ тысячъ русскаго войска войдутъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Такой рѣшительный тонъ еще сильнѣе взволновалъ поляковъ. Съ религіознымъ фанатизмомъ зашевелилось оскорбленное національное самолюбіе: поляки тяжело почувствовали, какъ низко упали они въ государственной жизни. Епископы повторили свои воззванія на зло русскому послу. Король говорилъ, что готовъ

умереть за вѣру и свободу. А между тѣмъ этотъ фанатизмъ вооружалъ противъ Польши половину Европы. Требованіе о дарованіи правъ послѣдовало не отъ одной Россіи, а также и отъ Пруссіи; въ видѣ добраго совѣта ходатайствовали о томъ же Данія и Англія.

Собрался сеймъ. Королю прежде всего хотѣлось установить законъ, чтобы, при обсужденіи дѣлъ, касавшихся войска и финансовъ, принималось рѣшеніе большинствомъ голосовъ, а не единогласіемъ. Въ виду у него было умноженіе войска и податей; онъ считалъ это первою необходимостію для возрожденія отечества. Но какъ только онъ сказалъ о своемъ намѣреніи нѣкоторымъ панамъ и посламъ, —они оказались противниками такихъ нововведеній, поспѣшили сообщить объ этомъ Рѣпнину и представить ему, что король затѣваетъ противное націи. Разнеслась о желаніи короля вѣсть между другими прибывшими въ столицу сеймовыми послами и встрѣтила всеобщее неодобреніе. Подозрѣвали, какъ это уже часто случалось при прежнихъ короляхъ, что король имѣетъ замыселъ усилить монархическую власть и ограничить золотую шляхетскую вольность. Рѣпнинъ и прусскій посланникъ Бенуа́ явились къ нему и объявили, что дворы ихъ не допустятъ въ Польшѣ дѣлать того, что̀ противно желаніямъ націи, а потому они протестуютъ противъ намѣренія увеличить число войска и размѣръ податей. Король упалъ духомъ и горько заплакалъ. Оказалось, что если нація дѣйствительно огорчена и раздражена противъ Россіи за покровительство не-католикамъ, то та же нація была противна всякимъ преобразованіямъ болѣе, чѣмъ сама Россія, которая, какъ выше было сказано, была готова содѣйствовать полезнымъ преобразованіямъ въ Польшѣ, но только заручившись, для своей безопасности, крѣпкимъ и твердымъ союзомъ съ ней.

Чарторыскіе, какъ увидѣли, что преобразованія, кото-

рымъ они сами же положили починъ, не удаются, тотчасъ стали опять сближаться съ Рѣпнинымъ, заискивать черезъ него милостей императрицы и вооружали пословъ сеймовыхъ. Это еще болѣе убивало Станислава-Августа. Самъ ярый епископъ Солтыкъ, ненавидѣвшій и короля, и Чарторыскихъ, и русскихъ, сближался съ Рѣпнинымъ черезъ референдарія Подосскаго и льстилъ ему согласіемъ съ своей стороны на компромиссъ по дѣлу о диссидентахъ. Но то была только интрига. Епископъ заискивалъ у русскаго министра для того, чтобъ надѣлать непріятностей королю и, въ особенности, мѣшать проекту о большинствѣ голосовъ. Когда онъ увидалъ, что и безъ того всѣ противъ этого проекта и онъ пройти ни въ какомъ случаѣ не можетъ,—тотчасъ перемѣнилъ тонъ.

Въ засѣданіи 11-го ноября на сеймѣ заговорили о дѣлѣ не-католиковъ; поднялся страшный шумъ; большинство пословъ въ одинъ голосъ вопило, что ни за что не допустятъ нарушить права религіи. Одинъ изъ пословъ, Гуровскій, сталъ было говорить за свободу не-католиковъ, но ему угрожали саблями, кричали на короля за его планы ввести рѣшеніе посредствомъ большинства голосовъ. «Ни за что не позволю большинства,—кричалъ посолъ Чацкій,—съ большинствомъ, пожалуй, допустятъ мѣщанъ къ сейму, и хлоповъ нашихъ уволятъ отъ подданства!» Король ушелъ. Послы кричали, ругались, потомъ разошлись. Конфедерація, устроенная Чарторыскими, уничтожилась.

Послѣ этого оставалось прибѣгнуть къ средству рѣшительному, которое заранѣе государыня приказала употребить въ случаѣ крайности—составить другую конфедерацію въ пользу не-католиковъ. На Рѣпнина возложено было это трудное порученіе. Оно казалось даже почти невозможнымъ. Поляки-католики были очень фанатичны и если въ чемъ-нибудь непродажны, такъ именно въ дѣлѣ

вѣры; не-католики были немногочисленны въ высшемъ классѣ: охотниковъ до такой конфедераціи могло найтись мало, а вѣдь только о высшемъ классѣ могла идти рѣчь, когда шло дѣло о дарованіи политическихъ правъ. Но въ такомъ разлагающемся обществѣ, каково было польское, убѣжденія были второстепенными двигателями событій; главное мѣсто занимали личные интересы. Шляхту всегда можно было взволновать: не нужно было говорить за что или противъ чего надобно подниматься, а стоило указать ей только лица или фамиліи, за которыхъ или противъ которыхъ приходилось постоять, да главное, нужно посулить при этомъ ей выгоды. У Чарторыскихъ недруговъ было много; ихъ сила возбуждала зависть и соревнованіе. У знатныхъ пановъ, стоявшихъ къ нимъ непріязненно, были сторонники—обыватели и шляхта. Короля не любили и думали, что онъ все еще за одно съ Чарторыскими, хоть онъ и поссорился съ ними. Паны надѣялись его низложить; были такіе, что подумывали сѣсть сами на его мѣсто; другіе надѣялись выбрать болѣе подходящаго для себя и держать его въ рукахъ. Собрать все недовольное Чарторыскими и королемъ, поманить обѣщаніями и привязать къ этому дѣло о свободѣ не-католиковъ—такой планъ замыслилъ референдарь Подосскій, сообщивъ его Рѣпнину, и самъ взялся работать. Подосскій былъ давній врагъ короля; по смерти Августа III, онъ уговаривалъ поляковъ избрать сына покойнаго польскаго короля. Это не удалось. Екатерина посадила Станислава-Августа,— Подосскій сталъ врагомъ Россіи; теперь же, когда уже Россія стала недовольна посаженнымъ королемъ и Рѣпнинъ намекалъ на возможность низложить его, Подосскій сдѣлался вѣрнымъ орудіемъ Россіи. Рѣпнинъ обѣщалъ ему доставить мѣсто примаса. Съ Чарторыскими не считали нужнымъ церемониться; они увивались около Рѣпнина, кричали передъ нимъ противъ короля и противъ уничто-

женія liberum veto, которое уничтожить прежде сами хотѣли; имъ не вѣрили, потому что они ничего не дѣлали въ угоду Россіи для дѣла не-католиковъ. Ихъ двуличность была очевидна.

Поляковъ только дурачили, говоря имъ о низложеніи короля. Екатерина не хотѣла его низлагать, а разсчитывала наказать его за то, что, во время прошлаго сейма, онъ не только не старался дѣлать угодное императрицѣ, а еще угождалъ епископамъ и самъ подавалъ полякамъ примѣръ упрямства. Подосскій началъ собирать враговъ короля и *фамиліи* (Чарторыскихъ), Рѣпнинъ издалъ декларацію, гдѣ объяснялъ, что императрица желаетъ полякамъ добра и спокойствія, и поэтому вынуждена послать во владѣнія Рѣчи-Посполитой войско для защиты слабыхъ противъ могущественныхъ. При этомъ, именемъ своей государыни онъ ручался за цѣлость и нераздѣлимость Польши. Къ деклараціи прилагалось письмо Панина, завѣдывавшаго въ Россіи иностранными дѣлами: оно приглашало поляковъ соединиться дружно за свою свободу и права. Декларація съ письмомъ была разослана по всей Польшѣ на разныхъ языкахъ. Въ то же время болѣе тридцати тысячъ русскаго войска вошло въ Польшу. Былъ планъ устроить разомъ на различныхъ концахъ Польши и Литвы конфедераціи, а потомъ соединить ихъ въ одну, и маршаломъ этой конфедераціи учинить Карла Радзивилла (Panie kochanku), бѣжавшаго, послѣ неудачнаго сопротивленія при избраніи въ короли Понятовскаго, за-границу. Онъ проживалъ въ Дрезденѣ, и находился разомъ подъ опалою русской императрицы и польскаго короля.

Подосскій пригласилъ въ Варшаву знатнѣйшихъ пановъ; тутъ были: кіевскій воевода Салерій Потоцкій, другой Потоцкій крайчій, надворный маршалъ Мнишекъ, великій коронный подскарбій Вессель, великій коронный кухмистръ Вельогурскій, литовскій стражникъ Поцѣй, Ос-

солинскій, Тарло и другіе, все непріятели Чарторыскихъ. Старый гетманъ Браницкій самъ не пріѣхалъ, а прислалъ уполномоченнаго; здѣсь были даже главные и упорнѣйшіе враги вѣротерпимости—епископы Красинскій и Солтыкъ. На общемъ совѣщаніи, 10-го мая 1767, Рѣпнинъ предложилъ устроить конфедерацію и изложить требованія и мнѣнія для водворенія и обезпеченія порядка. Ненависть къ королю и Чарторыскимъ, боязнь за свои права и вольности, на которыя король и Чарторыскіе посягали своими реформами, заставили забыть другіе виды на время. Надѣялись низвергнуть короля. Рѣпнинъ не обѣщалъ имъ этого прямо, а говорилъ двусмысленными выраженіями: «конфедерованная нація получитъ все, чего захочетъ отъ императрицы». Паны разумѣли подъ этимъ обѣщаніе избавить ихъ отъ Понятовскаго, и этого было довольно; съ своей стороны всѣ обѣщали содѣйствовать общему дѣлу и разъѣхались. И вслѣдъ затѣмъ, по всей Польшѣ и Литвѣ, возникли конфедераціи.

Кіевскій воевода сконфедеровалъ русскія провинціи Волынь и Подоль; Мнишекъ—Великую Польшу; Красинскій—воеводство Равское, Мазовецкое и Лэнчицкое; Вессель—Краковское; Тарло—Люблинское; Оссолинскій—Сендомирское; Браницкій—Подлясье. Собственно диссидентскія конфедераціи составились въ Торунѣ и Слуцкѣ; къ послѣдней примкнули православные и въ ихъ числѣ архіепископъ Конисскій, которому обѣщано мѣсто въ сенатѣ: это было только возвращеніе прежняго права; русскіе добились этого права еще въ XVII вѣкѣ, но поляки его нарушили. Когда диссидентская конфедерація прислала своихъ депутатовъ къ королю, Станиславъ-Августъ не хотѣлъ принимать ихъ; онъ боялся этимъ самымъ узаконить требованія конфедераціи. Рѣпнинъ настоялъ, чтобъ онъ ихъ принялъ. Король покорился, но оставилъ за собою такую уловку, будто онъ принимаетъ этихъ господъ не такъ, какъ пол-

номочныхъ отъ конфедераціи, а какъ простое собраніе людей, пришедшихъ къ нему за совѣтомъ.

Въ Польшѣ и Литвѣ состоялось тогда сто-семьдесятъ-восемь собраній, и на нихъ подписалось восемьдесятъ-тысячъ особъ; и все это сдѣлалось въ теченіи мая 1767 г., въ продолженіи какихъ-нибудь восьми или десяти дней. Такая быстрота объясняется тѣмъ, что въ Польшѣ издавна обыватели и шляхта привыкли слушаться знатныхъ пановъ; во всякомъ околодкѣ былъ свой королекъ; къ нему тянуло шляхетство, ему угождало; и теперь стоило этимъ королькамъ скликать въ назначенное мѣсто обывателей и шляхту и предложить, что угодно. Такъ вездѣ и сталось. Повсюду громада шляхты приступала къ конфедераціи въ пьяномъ видѣ, послѣ пирушки, которую ей устраивалъ королекъ; никто не думалъ о вѣротерпимости, напротивъ, всѣ были воспитаны и укрѣплены въ исключительномъ фанатизмѣ и ужаснулись бы, еслибъ тогда же узнали, что дѣло идетъ о дарованіи правъ схизматикамъ и еретикамъ; имъ выставлялось, что король и Чарторыскіе хотятъ нарушить древнія шляхетскія вольности, а русская императрица ихъ защищаетъ. Отъ разныхъ конфедерацій присланы были въ Варшаву, по заданному заранѣе плану, къ Рѣпнину одинакія заявленія: уничтожить недавно учрежденныя коммисіи, отнюдь не допускать рѣшенія дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ, сохранить зеницу шляхетской вольности liberum veto, не дозволять умноженія податей и увеличенія войска и просить императрицу принять на себя гарантію ненарушимости польскаго правленія.

Между тѣмъ Рѣпнинъ снесся съ Радзивилломъ. Ему, отъ имени императрицы, обѣщано примиреніе и забвеніе прошлаго, возвращеніе всѣхъ правъ, снятіе секвестра съ имѣній, все это съ тѣмъ, чтобъ онъ принялъ на себя званіе маршала общей конфедераціи, заявилъ себя защитни-

комъ свободы совѣсти, не притѣснялъ бы въ своихъ имѣніяхъ православныхъ и диссидентовъ, возвратилъ бы имъ церкви и позволилъ строить новыя. Ему внушали, что, защищая разновѣрцевъ, онъ ничего не сдѣлаетъ преступнаго противъ собственной римско-католической религіи, которая остается по-прежнему господствующею въ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ него, въ числѣ условій, потребовали, чтобъ онъ впередъ велъ себя скромно и благообразно. Такое условіе было необходимо, потому что Panie Kochanku былъ большой руки самодуръ. Легкомысленный, расточительный до безразсудства, вѣчно веселый и вѣчно пьяный, равно добродушный и буйный, этотъ панъ-забулдыга, по ограниченности ума, былъ всегда склоненъ къ тому, чтобъ его водили за носъ, но всегда былъ увѣренъ, что дѣлаетъ такъ, какъ самому хочется, и ему казалось, что все кругомъ его слушается. Партія его въ Литвѣ была чрезвычайно велика; никто щедрѣе его не кормилъ и не поилъ братью-шляхту, никто не способенъ былъ дороже купить ее для своихъ прихотей. Радзивиллъ передъ тѣмъ, въ видахъ низложенія Екатерины, покровительствовалъ самозванкѣ Таракановой, но, получивъ дружелюбныя предложенія отъ Россіи, оставилъ претендентку и прибылъ въ Литву.

3-го іюня 1767 онъ вступилъ въ Вильну. Духовенство, городской магистратъ, нѣсколько тысячъ прибывшей нарочно шляхты встрѣчали его съ радостными восклицаніями; съ нимъ былъ не покидавшій его русскій полковникъ Карръ. Русскія войска будто для почета провожали его. Выстрѣлы русскихъ пушекъ раздавались во славу его возвращенія вмѣстѣ съ гуломъ виленскихъ колоколовъ. «Да будетъ благословенъ возвратъ твой, — кричала шляхта, — ты приносишь намъ свободу и миръ»! Радзивиллъ подписалъ свой акцессъ къ общей конфедераціи. Дѣло конфе-

дераціи съ этой минуты въ Литвѣ стало твердо: куда Радзивиллъ, туда и большая половина Литвы.

Изъ Вильны Радзивиллъ поѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ засталъ стараго гетмана Браницкаго, короля и Чарторыскихъ. Гетманъ колебался, потому что очень ненавидѣлъ Россію, но, въ тоже время и боялся ее. Пріѣздъ Радзивилла придалъ ему твердости. Онъ поѣхалъ въ Варшаву и былъ обласканъ Рѣпнинымъ. Онъ надѣялся—авось-либо, по низложеніи короля Станислава-Августа, корона достанется его сѣдой головѣ.

Радзивиллъ отправился въ сопровожденіи русскихъ войскъ въ Радомъ. Тамъ Рѣпнинъ назначилъ сборное мѣсто для соединенія всѣхъ конфедерацій, которыя туда выслали своихъ совѣтниковъ. Русскій посланникъ сообразилъ, что если оставить поляковъ на свободѣ бесѣдовать о своихъ дѣлахъ, то они перепьются, передерутся и ничего не постановятъ, а потому приказалъ полковнику Игельстрому окружить Радомъ русскимъ войскомъ. Когда эти мѣры были приняты, полковникъ Карръ, сопровождавшій Радзивилла, словно дядька, потребовалъ, чтобъ всѣ единогласно порѣшили собрать чрезвычайный сеймъ и на немъ узаконить допущеніе къ правамъ православныхъ и диссидентовъ и принять отъ Россіи гарантію правленія Рѣчи-Посполитой. Это значило, иными словами, поступить законно подъ зависимость отъ Россіи. Поляки протрезвились. Въ собраніи поднялся ропотъ. Изъ восьмидесяти восьми членовъ, присланныхъ представителями разныхъ конфедерацій, только шесть безпрекословно пристали къ требованію Карра. Всѣ прочіе шумѣли; но Карръ хладнокровно объявилъ имъ, что всякій свободенъ противиться какъ ему угодно; пусть только, при этомъ, знаетъ, что императрица поступитъ съ тѣмъ, какъ со своимъ врагомъ и возмутителемъ общественнаго спокойствія въ его собственномъ отечествѣ. Нельзя было вести много разговоровъ

въ такой обстановкѣ, въ какой находилась конфедерація. Поневолѣ всѣ должны были согласиться въ виду окружавшаго ихъ русскаго войска. Каменецкій епископъ Красинскій, сильнѣйшій противникъ вѣротерпимости, далъ такой многознаменательный іезуитскій совѣтъ: «Если хотите выпутаться изъ бѣды, то будьте во всемъ послушны и подписывайте. Чѣмъ больше зла намъ сдѣлаютъ, тѣмъ больше способовъ у насъ будетъ». О низложеніи короля нельзя было толковать. Впрочемъ, самъ Радзивиллъ былъ противъ этого и изъявилъ желаніе признать его королемъ, когда уже случилось такъ, что онъ избранъ и коронованъ. «Насъ подманили словно пташекъ на клей,—говорили послѣ спохватившіеся поляки,—обольстили, ослѣпили отдаленными надеждами на перемѣну главы государства. Хотѣли мы оборонять свою вольность, а стали невольниками, хотѣли охранить св. вѣру, и нарушаемъ ее. Такая подлость у насъ господствуетъ: хоть и видимъ, что всѣ наши поступки несомнѣнно пагубны, однако, не стыдимся самымъ гнуснѣйшимъ образомъ привыкать къ рабству».

Король въ Варшавѣ, между тѣмъ, сошелся съ русскимъ посломъ. Рѣпнинъ представилъ ему, что восемьдесятъ тысячъ подписей ясно показываютъ, какъ нетвердо онъ сидитъ на своемъ престолѣ, и какъ легко дѣлать съ поляками такія вещи, которыя съ перваго вида казались невозможными. Станиславъ-Августъ сообразилъ, что его судьба въ рукахъ Россіи, и согласился на все. «Хотя бы всѣ ваши партизаны были у васъ отняты,—сказалъ онъ Рѣпнину,– а я буду держаться съ вами и безъ изъятія стану дѣлать все, чего потребуетъ отъ меня государыня по дѣлу о диссидентахъ и о гарантіи». Это говорилъ онъ вовсе не искренно, но, тѣмъ не менѣе, Россія не находила нужнымъ потакать врагамъ его болѣе. Рѣпнинъ теперь явно и открыто сталъ всѣмъ говорить, что императрица отнюдь не дозволитъ лишить короны Станислава-Августа.

Онъ даже не велѣлъ перемѣнять обычныхъ судовъ и административныхъ мѣстъ, какъ случалось въ Польшѣ, во время конфедерацій. За то и король, въ угодность Рѣпнину, не противорѣчилъ назначенію примасомъ Подосскаго. Высокая награда, которую этотъ человѣкъ получилъ за преданность Россіи, должна была и другихъ ободрять къ вѣрности и доброжелательству Россіи. Употребляя въ дѣло враговъ Чарторыскихъ, Рѣпнинъ относился ласково къ самымъ Чарторыскимъ.—«Вы, господа,—говорилъ онъ Августу Чарторыскому,—можете приставать и не приставать къ конфедераціи: какъ вамъ угодно; только въ послѣднемъ случаѣ извольте оставаться нейтральными. Императрица никого не принуждаетъ, но будетъ почитать за злодѣевъ тѣхъ, которые противъ нея дѣйствовать будутъ». Въ хорошихъ отношеніяхъ Рѣпнинъ былъ съ сыномъ Августа, княземъ Адамомъ, но еще въ лучшихъ съ его женою, Изабеллою, урожденной Флеммингъ. Современники говорятъ, что и въ пользу короля лично настроила Рѣпнина эта госпожа, бывшая недавно въ нѣжной связи съ королемъ, а теперь перешедшая въ объятія русскаго посланника. Рѣпнинъ, большой любитель прекраснаго пола и свѣтскихъ удовольствій, легко сживался съ поляками и усвоивалъ польскіе взгляды на человѣческія отношенія. Это не мѣшало ему, однако, оставаться русскимъ человѣкомъ въ томъ смыслѣ, что онъ исполнялъ вѣрно и точно повелѣнія своего верховнаго правительства и дѣйствовалъ съ равною энергіею и тогда, когда требованія правительства расходились съ его сочувствіями, какъ и тогда, когда они съ ними совпадали. Когда приходилось дѣлать, Рѣпнинъ дѣлалъ и ни передъ чѣмъ не останавливался. Рѣпнинъ былъ хотя и православный, но безъ сердечности относился къ православному народу; онъ былъ баринъ по своимъ понятіямъ и сочувствіямъ: православная вѣра въ Рѣчи-Посполитой была почти исключительно

достояніемъ простого народа; по его личному воззрѣнію не стоило вовсе и хлопотать о томъ, чтò годится только для черни. Рѣпнинъ не видалъ православныхъ между знатными, родовитыми и богатыми господами. Въ своихъ мнѣніяхъ, посылаемыхъ въ Петербургъ, Рѣпнинъ постоянно выражалъ желаніе, чтобы домогательства правъ для не-унитовъ и диссидентовъ не нарушали преимуществъ господствующей римско-католической религіи, чтобъ не показалось, что Россія желаетъ распространенія православія. Для Рѣпнина лично какъ будто не существовало того важнаго обстоятельства, что въ русскихъ краяхъ Рѣчи-Посполитой католичество и унія распространялись съ насиліями, что утѣсняемый и насилуемый народъ долго отстаивалъ свою вѣру, проливалъ за нее кровь и, изнемогая въ многовѣковой борьбѣ, обращался съ надеждами и моленіями къ Россіи, что на Россіи лежала историческая обязанность, усвоенная прежними вѣками—поддерживать своихъ единовѣрцевъ и пользоваться для этой цѣли всѣми благопріятными обстоятельствами. Когда Россія требовала, чтобы православные епископы засѣдали въ польскомъ сенатѣ, ея посланникъ ходатайствовалъ передъ русскимъ правительствомъ не за православныхъ, а за уніатовъ: онъ даже изъявлялъ боязнь, чтобъ, даруя православнымъ больше правъ, чѣмъ имѣютъ уніаты, не побуждать уніатовъ возвращаться къ православію. Такъ-то русскіе бояре, вмѣстѣ съ прадѣдовскими кафтанами и бородами, теряли и завѣтныя преданія своихъ предковъ. Краковскій епископъ приступилъ также къ конфедераціи, но имѣлъ осторожность оговориться, что приступаетъ съ условіемъ неприкосновенности правъ и цѣльности отечества и съ тѣмъ, чтобъ не допускать диссидентовъ до излишнихъ желаній. Послѣ того, какъ совершилось засѣданіе Радомской конфедераціи подъ русскимъ оружіемъ, онъ услышалъ отъ Рѣпнина, что права для не-католиковъ, требуемыя импе-

ратрицею, состоятъ именно въ томъ, чтобы православный архіерей засѣдалъ въ сенатѣ, а православные люди и диссиденты имѣли съ католиками равное гражданское значеніе. Тогда онъ засадилъ пятнадцать секретарей и заставилъ ихъ день и ночь писать списки пастырскаго посланія къ правовѣрнымъ католикамъ: онъ приглашалъ вѣрныхъ дѣтей церкви молиться, чтобъ на нихъ низошелъ святой Духъ, и далъ имъ силу бороться съ невѣрными схизматиками и диссидентами.

Уже и безъ того, послѣ Радомской конфедераціи, по всей Польшѣ кричали, что Россія обманываетъ поляковъ, что ихъ насильно заставили подписать противное святой вѣрѣ. Посланіе Солтыка должно было подлить масла въ огонь. Напрасно Рѣпнинъ, черезъ примаса Подосскаго, старался укротить краковскаго архипастыря. — «Скорѣе тѣло свое отдамъ на разсѣченіе, чѣмъ соглашусь на уравненіе правъ не-унитовъ и диссидентовъ съ католиками», говорилъ Солтыкъ. Рѣпнинъ предвидѣлъ, что этотъ человѣкъ и другіе заклятые фанатики надѣлаютъ шума на сеймѣ и станутъ мѣшать устроенному Россіею дѣлу. Онъ истребовалъ отъ императрицы разрѣшеніе арестовать тѣхъ, кого найдетъ нужнымъ.

Стали собираться сеймики. Посланіе Солтыка и наущенія фанатиковъ дали такое направленіе шляхетству, что на сеймикахъ слѣдовало ожидать большихъ бурь. Въ этихъ видахъ Рѣпнинъ размѣстилъ русскія войска на тѣхъ пунктахъ, гдѣ надѣялся больше шума, и навязывалъ сеймикамъ проектъ инструкціи, гдѣ было показано, чего должны домогаться на будущемъ сеймѣ послы, по волѣ своихъ избирателей: они должны были требовать удовлетворенія желаній не-католиковъ и гарантіи установленныхъ въ Польшѣ законовъ со стороны Россіи. Были напередъ посланы даже имена тѣхъ, кого Рѣпнину хотѣлось имѣть послами. Король приложилъ къ этому дѣлу руку.

Такъ какъ вездѣ на виду были русскіе ружья и штыки, то поневолѣ въ невоинственной Польшѣ сеймики составили такія инструкціи, какія имъ велѣли составить, и выбирали пословъ, какихъ хотѣлось русскимъ. Проскакивало кое-гдѣ сопротивленіе, но было усмирено. На одномъ сеймикѣ былъ арестованъ обыватель Чацкій за смѣлыя рѣчи. Въ Каменцѣ, гдѣ чувствовалось вліяніе епископа Красинскаго, два русскіе офицера, прибывшіе съ инструкціями, были прогнаны и самый привезенный ими проектъ изрѣзанъ саблями. По закрытіи сеймиковъ, кое-гдѣ написаны были протесты и занесены въ градскія книги, но Рѣпнинъ приказалъ ихъ вырѣзывать оттуда и уничтожать.

Чтобы однимъ разомъ не дать силы и значенія подобнымъ протестаціямъ, Рѣпнинъ, передъ открытіемъ сейма, потребовалъ отъ конфедераціи постановленія объ уничтоженіи всѣхъ такихъ протестовъ. Тогда поднялся противъ этого одинъ изъ членовъ конфедераціи, Кожуховскій. Рѣпнинъ тотчасъ велѣлъ его арестовать. Конфедераты зашумѣли сильнѣе. Папскій нунцій возбуждалъ поляковъ именемъ вѣры, хотя въ своихъ донесеніяхъ отзывался о нихъ съ крайнимъ презрѣніемъ и называлъ развращенною и глупою націею (la traviata ed imbecile nazione). Конфедераты сошлись у Радзивилла, кричали, что всѣ готовы на мученичество за святую вѣру. Рѣпнинъ внезапно явился къ нимъ и обращался съ ними, словно учитель съ буйными школьниками; онъ говорилъ имъ: «Перестаньте шумѣть, а не то, какъ я заведу шумъ, такъ мой будетъ посильнѣе вашего»!—«Освободить Кожуховскаго»! кричали конфедераты.—«Крикомъ у меня ничего не возьмете,—сказалъ Рѣпнинъ,—будете шумѣть—ничего не сдѣлаю; а попросите тихо и учтиво, такъ можетъ быть и сдѣлаю вамъ удовольствіе». Тогда Радзивиллъ подошелъ къ нему и попросилъ его учтиво—отпустить Кожуховскаго. Рѣпнинъ тотчасъ исполнилъ его просьбу. Зная, что всякому упор-

ству виною Солтыкъ, Рѣпнинъ послалъ военную экзекуцію въ имѣніе краковскаго епископа; солдаты разоряли магазины, забирали и истребляли всякую движимость, принадлежавшую епископу. Приблизился сеймъ. Солтыкъ зналъ, или, можетъ быть, догадывался, что у Рѣпнина насчетъ его есть рѣшительныя приказанія. Онъ составилъ завѣщаніе, въ опасеніи быть высланнымъ, какъ онъ думалъ, въ Сибирь, и установилъ викаріевъ на мѣсто себя для управленія епархіею.

Сеймъ открылся (23 сентября) 4 октября. Порядокъ, выдуманный Рѣпнинымъ, былъ таковъ: сеймъ долженъ былъ выбрать изъ своей среды делегацію, уполномочить ее согласиться на все, чего требуетъ русскій посланникъ, и тѣмъ покончить все дѣло. Въ такомъ смыслѣ долженъ былъ податься проектъ на первомъ засѣданіи.

Солтыкъ не допустилъ чтенія этого проекта на первомъ засѣданіи. «Послы,—говорилъ онъ,—будучи сами выбранными, не имѣютъ права устраивать делегаціи и передавать ей одной власть, принадлежавшую имъ всѣмъ. Съ россійскимъ посланникомъ вовсе нѣтъ нужды вести трактаты. Обыкновенно трактаты ведутся по поводу заключенія мира послѣ войны, или по поводу союзнаго договора. Но императрица объявляетъ, что она желаетъ, чтобы оказано было правосудіе не-католикамъ, обратившимся къ ней съ жалобой; намъ, поэтому, предстоитъ прямой легальный путь—назначить коммисію для изслѣдованія: справедливы ли жалобы тѣхъ, которые обращались къ императрицѣ?» Обратившись къ королю, Солтыкъ сказалъ: «Ваше величество обѣщались и обязались проливать свою кровь за вѣру: вотъ теперь пришло время дать намъ доказательство искренности вашихъ чувствованій и показать собою примѣръ всему народу».

За нимъ говорилъ старый Вацлавъ Ржевускій, краковскій воевода, человѣкъ стараго времени, строгій консер-

ваторъ, ненавистникъ всякихъ реформъ и нововведеній, откуда бы онѣ ни исходили. Онъ, прежде всего, распространился въ похвалахъ своимъ предкамъ и совѣтовалъ поступать по ихъ примѣру. «Проектъ, о которомъ идетъ рѣчь, —сказалъ онъ,—такого рода, что отъ него произойдетъ или свобода, или зависимость Польши. Наши предки установили законъ—не иначе принимать важные проекты, какъ обсудивши ихъ. Нельзя принимать такого проекта необдуманно: это значитъ самому голову въ ярмо вкладывать. О насъ скажутъ: вотъ дѣти, недостойные отцовъ своихъ; это уже не поляки»!

Послѣ этой рѣчи король закрылъ засѣданіе, а Рѣпнинъ на другой же день отправилъ военную экзекуцію въ имѣніе краковскаго воеводы.

На слѣдующій день, въ засѣданіи, выступилъ кіевскій епископъ Іосифъ Залускій, знаменитый собиратель рукописей и книгъ, основатель публичной библіотеки. У него въ рукахъ были два папскія *бреве*, взывающія къ католикамъ, чтобъ они не поддавались внушеніямъ, противнымъ вѣрѣ. Чтеніе ихъ произвело поражающее впечатлѣніе.

Выступилъ сынъ Вацлава Ржевускаго, молодой Северинъ, посолъ подольскій. «Я,—сказалъ онъ:—выбранъ свободно; доказательствомъ служитъ мое постоянное сопротивленіе и чувства свободныхъ обывателей, именемъ которыхъ я обязанъ произнести слово; я, поэтому, готовъ терпѣть всякаго рода притѣсненія и самую смерть. Многіе изъ пословъ, напротивъ, выбраны русскими. Обольщенные, они сдѣлались врагами свободы. Ихъ не ужасаетъ тò, что всѣ провинціи терпятъ безмѣрныя утѣсненія; до ушей короля не доходятъ вопли народа».

Король, чтобы остановить дальнѣйшую тревогу, возбужденную на сеймѣ этой рѣчью, опять закрылъ засѣданіе.

По желанію Рѣпнина, слѣдующее засѣданіе отложено

на шесть дней. Рѣпнинъ поджидалъ еще одного заклятаго противника, каменецкаго епископа Красинскаго. Послѣ радомскаго совѣщанія онъ уѣхалъ въ свои имѣнія, лежавшія на турецкой границѣ. Знакомый лично съ хотинскимъ пашею, онъ спряталъ у него свои сокровища и отправилъ въ Константинополь каноника армянина Анкевича съ извѣщеніемъ, что русская императрица возбуждаетъ грековъ и черногорцевъ къ мятежу противъ Турціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изложилъ жалобы на самовольства, какія позволяетъ Россія въ Польшѣ. Скоро онъ получилъ отвѣтъ чрезвычайно лестный: его извѣщали, что турки готовы объявить войну Россіи за Польшу, лишь бы Австрія не мѣшала, и кромѣ того обѣщаютъ дать полякамъ взаймы денегъ. Красинскій былъ въ восторгѣ и поѣхалъ въ Варшаву съ великими надеждами. Онъ не зналъ того, что Рѣпнину были извѣстны его сношенія. Его-то Рѣпнинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобы взять вмѣстѣ съ другими и отправить, куда слѣдуетъ, подалѣе.

Услышавъ, что онъ ѣдетъ въ Варшаву, Рѣпнинъ послалъ ему на встрѣчу конвой провожать его до столицы, какъ будто для почета. Но Красинскій догадался въ чемъ дѣло, и за нѣсколько верстъ отъ Варшавы переодѣлся стрѣлкомъ, бросилъ свой экипажъ и убѣжалъ. Онъ пробрался между русскими войсками, которые окружали тогда всю Варшаву, прибылъ въ Прагу и тайно послалъ къ Солтыку совѣтъ, чтобы онъ не противился, не подвергалъ себя напрасно опасности; лучше пусть ожидаетъ благопріятнаго времени; есть большія надежды на турокъ. «Не бѣда, если и весь сеймъ уступитъ императрицѣ: пусть только одинъ смѣлый посолъ найдется, чтобы протестъ записать; а потомъ мы составимъ конфедерацію. Пусть послы сдѣлаютъ все угодное силѣ, а потомъ идутъ въ конфедерацію, только тайно до поры до времени; пусть каждый дастъ

клятву не разглашать этого, а въ свое время защищать вѣру и свободу, жертвуя за нихъ жизнью».

Солтыкъ послалъ къ нему Іосифа Пулавскаго, похвалилъ его предпріятіе и велѣлъ сказать: «Каждый изъ насъ пусть ищетъ средствъ къ спасенію отечества, сообразно своему характеру. Я съ своей стороны желаю принудить москалей поступить со мной явно по тирански. Зло, которое они мнѣ сдѣлаютъ, принесетъ пользу отечеству».

И дѣйствительно, Солтыкъ принялъ намѣреніе дразнить Рѣпнина и доводить его до крайнихъ поступковъ. Послѣ открытія засѣданій, онъ предложилъ Избѣ потребовать отъ Рѣпнина объясненія: на какихъ основаніяхъ онъ себѣ позволяетъ брать подъ арестъ обывателей, разорять имѣнія, насиловать убѣжденія и предписывать законы полякамъ?»

Это произвело одобреніе. Король сейчасъ закрылъ засѣданіе.

У Солтыка въ домѣ происходило совѣщаніе. Тамъ даже поговаривали: нельзя ли устроить надъ не-католиками чего-нибудь въ родѣ Сицилійскихъ вечерень, или Варѳоломеевской ночи. Рѣпнина объ этомъ тайно извѣстили. Тогда Рѣпнинъ рѣшился успокоить неугомоннаго епископа и его горячихъ товарищей по оппозиціи.

Въ ночь съ 13-го на 14-е октября, полковникъ Игельстромъ арестовалъ Солтыка въ домѣ великаго короннаго маршалка Мнишка, гдѣ краковскій епископъ ужиналъ. «Знаете ли, что я князь, сенаторъ и духовное лицо»? сказалъ епископъ. «Васъ-то и приказано арестовать», сказалъ Игельстромъ. «Я думалъ, — сказалъ Солтыкъ, — что меня арестуютъ въ моемъ домѣ и нарочно оставилъ золотую табакерку въ подарокъ тому, кому поручатъ такую коммисію».

Залускаго взяли въ то время, когда онъ стоялъ на молитвѣ и держалъ въ рукѣ распятіе. При видѣ русскихъ,

онъ гласно возопилъ къ Богу о прощеніи тѣмъ, которые его оскорбляютъ.

Арестовали Ржевускихъ, отца и сына. За конвоемъ, состоящимъ изъ 200 конныхъ, ихъ всѣхъ отправили въ Калугу.

Три сенатора, отъ имени короля, пріѣхали требовать у Рѣпнина объясненія. Онъ отвѣчалъ: «Я обязанъ объяснять свои поступки только своей государынѣ. Арестованные не будутъ освобождены до тѣхъ поръ, пока не будетъ все сдѣлано, согласно волѣ императрицы».

Послѣ такихъ энергическихъ поступковъ, все пошло какъ по маслу. Назначили делегацію изъ шестидесяти пословъ, а изъ нихъ выбрали четырнадцать человѣкъ и положили рѣшить дѣло большинствомъ голосовъ. Такимъ образомъ, судьба Рѣчи-Посполитой отдавалась восьми лицамъ. Совѣщанія происходили въ присутствіи русскаго посланника и министровъ Пруссіи, Англіи, Швеціи и Даніи. Поодаль сидѣлъ бѣлорусскій архіепископъ Конисскій. Очень много разсуждать и разглагольствовать нельзя было. — «Я требую не толковъ, не объясненій—говорилъ Рѣпнинъ, — а послушанія».—19 ноября рѣшено допустить православныхъ и диссидентовъ ко всѣмъ должностямъ, исключая королевскаго достоинства. Римско-католическая религія всетаки осталась господствующею, а при смѣшанныхъ бракахъ дѣти должны были исповѣдывать религію того изъ родителей, къ полу котораго сами принадлежали.

При всей рѣзкости своего обращенія, происходившей по предписанію своей власти, Рѣпнинъ не только не былъ врагомъ Польши, но ходатайствовалъ за нее передъ императрицею. Госпожа, владѣвшая его сердцемъ, настраивала его: онъ хвалилъ своей государынѣ Станислава-Августа, увѣрялъ въ его преданности Россіи и доказывалъ, что Россія должна безкорыстно помогать Польшѣ устроить у себя порядокъ, а не поддерживать въ ней анар-

хіи, и потому допустить уничтожить liberum veto. По увѣренію Рѣпнина, всѣ благомыслящіе люди въ Польшѣ этого хотѣли. Императрица отвѣчала, что нѣтъ необходимости не дозволять сосѣдямъ пользоваться «индифферентнымъ и спокойнымъ порядкомъ, тѣмъ болѣе, когда такой порядокъ можно обратить на пользу Россіи». Политика Екатерины не направлялась умышленно къ тому, чтобы препятствовать благоустройству Польши, но настолько, насколько можно было заручиться увѣренностію, что благоустройство не мѣшаетъ Россіи. Такъ, на сеймѣ 1768 г. (продолженномъ съ 1767 г.), постановлено было, съ благословенія Россіи, чтобъ въ теченіи времени, когда сеймъ бываетъ въ сборѣ, первыя три недѣли онъ занимался экономическими дѣлами, и эти дѣла должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ, а другія двѣ государственными, и по дѣламъ этого рода рѣшеніе должно происходить посредствомъ единогласія. Екатерина находила несвоевременнымъ допустить господство большинства голосовъ во всѣхъ дѣлахъ. Пользуясь давнею привычкою шляхты угождать панамъ, какой-нибудь знатный панъ могъ собрать значительную партію, добыть себѣ большинство и такимъ образомъ проводить замыслы безпокоить Россію и вредить ей. Да и безотносительно къ Россіи уничтоженіе liberum veto не водворило бы въ Польшѣ благоустройства, а скорѣе усилило бы въ ней анархію. Если оно до тѣхъ поръ препятствовало хорошимъ замысламъ, то препятствовало также и худымъ. Легко было предвидѣть, что̀ могло явиться съ его уничтоженіемъ въ такомъ продажномъ и деморализованномъ обществѣ, какимъ было польское. Знатный и богатый панъ, за-одно съ своею роднею и пріятелями, пригонитъ на разные сеймики подпоенную и подкупленную шляхту, выберетъ въ послы своихъ подручниковъ, составитъ себѣ большинство голосовъ, постановитъ такіе законы, какіе ему угодно, и захватитъ власть, раздѣливъ ее

съ своею партіею. Противъ него поднимется другой панъ, также съ своими близкими разсыплетъ еще болѣе червонцевъ между шляхтою и напоитъ ее еще усерднѣе чѣмъ первый, и большинство перейдетъ на его сторону. Страсти, разумѣется, усилились бы и ожесточились; кровопролитія, опустошенія страны были бы неминуемыми послѣдствіями такой перемѣны. Въ Польшѣ существовали уже образцы устройства съ большинствомъ голосовъ--это конфедераціи, всегда производившія тревогу и перетасовку общественныхъ отношеній, всегда почти сопровождаемыя междоусобіями и кровопролитіемъ. Допустить большинство голосовъ, значило устроить Польшу такъ, чтобы въ ней не переставали конфедераціи, чтобы вѣчно новая ниспровергала старую, а иногда, появлялось бы разомъ нѣсколько конфедерацій, противныхъ другъ другу. Ошибались тѣ, которые, видя дурныя стороны liberum veto, думали, что уничтоженіе этого закона принесло бы отечеству счастіе, силу и спокойствіе: оно бы, напротивъ, ввергнуло его еще глубже въ омутъ безурядицы.

Кромѣ закона о голосахъ, на этомъ сеймѣ, подъ вліяніемъ Россіи, издано было нѣсколько законовъ, дѣйствительно показывавшихъ стремленіе къ улучшенію и возрожденію. Такимъ образомъ, отнято было у пановъ право жизни и смерти надъ своими хлопами, и послѣдніе судились уже общимъ для всѣхъ судомъ, а не доминіальнымъ судомъ своего господина. Этимъ возвращалась имъ хоть часть человѣческаго достоинства. За убійство хлопа, господинъ отвѣчалъ передъ правосудіемъ, какъ за свободнаго человѣка; положили ввести въ войскѣ строжайшую дисциплину; запрещалось панамъ дѣлать наѣзды другъ на друга; виновнымъ въ этомъ угрожала кара. Этихъ полезныхъ учрежденій не дозволила бы ввести шляхта; только желѣзной рукѣ русскаго посланника онѣ были обязаны своимъ введеніемъ въ законъ; впрочемъ, эта желѣзная ру-

ка нужна была и для того, чтобъ новыя установленія принялись въ жизни, а не оставались на бумагѣ.

Вѣчная гарантія Россіи была утверждена этимъ сеймомъ и получила значеніе основнаго закона. Польша уже не только фактически, но и легально поступила въ зависимость отъ Россіи. Гарантія эта казалась оскорбительною для патріотическаго чувства поляковъ; но, въ сущности, ихъ щекотало болѣе слово, чѣмъ смыслъ дѣла; Польша и безъ того зависѣла прежде и отъ Россіи и отъ каждаго сильнаго сосѣда, и собственными усиліями не могла сдѣлаться независимою. Ея ровному и спокойному перевоспитанію и развитію могла содѣйствовать правильная и законная зависимость отъ какой-нибудь внѣшней силы, которая бы сдерживала сколько-нибудь и успокоивала внутреннія стихіи разрушенія. Только такая внѣшняя сила, какою была для Польши Россія, и могла обуздывать самоуправство и безпорядокъ. Безъ этого условія не предвидѣлось никакихъ средствъ къ скорому и успѣшному перерожденію націи. Какія бы усилія внутри страны ни предпринимались для этой цѣли, противъ нихъ всегда бы враждебно стояли разрушительныя начала, тѣмъ болѣе страшныя, что опирались на привычку и эгоизмъ —два важнѣйшія препятствія въ исторіи человѣческаго прогресса. Если бы въ Польшѣ въ то время была политическая мудрость, то она бы увидѣла въ такой ужасной для патріотическаго самолюбія гарантіи только средство удобнѣе совершить необходимыя перемѣны и привести Польшу въ такое состояніе, въ которомъ она могла воспитать въ себѣ условія, необходимыя для благоустройства, а слѣдовательно, приблизиться къ возможности быть независимою. Такъ именно и смотрѣлъ Подосскій, который, хотя и имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, свое собственное возвышеніе, но говорилъ справедливо, что, при всей грубости русскаго вмѣшательства, видитъ въ немъ средство воздвигнуть отече-

ство изъ упадка. [1]) Были и другіе, думавшіе также, особенно при дворѣ, но проницательность и разсчетливость не были тогда въ духѣ польскаго характера: полякъ предпочиталъ поступать такъ, какъ ему говоритъ сердце, а не разсудокъ.

Каменецкій епископъ, его братъ Михаилъ, Іосифъ Пулавскій съ тремя сыновьями составили въ Барѣ конфедерацію противъ сейма 1768 г., противъ всѣхъ перемѣнъ, узаконенныхъ на немъ и, главное, противъ дарованія правъ не-католикамъ и противъ русской гарантіи. Они отправили своихъ посланцевъ въ Турцію; самъ епископъ поѣхалъ въ Саксонію, въ Парижъ: вездѣ возбуждалъ сочувствіе къ судьбѣ своего отечества, умолялъ о дарованіи помощи Польшѣ противъ насилія. Составленная конфедерація, между тѣмъ, быстро разрослась. За сборищемъ въ Барѣ въ другихъ мѣстахъ появились такія же сборища. Образовалось военное ополченіе. Русскія войска вступили съ нимъ въ борьбу. Война была партизанскаго характера. Край пришелъ въ смятеніе; торговля останавливалась, мирное сообщеніе задерживалось; вербунки въ войско конфедератовъ, вымогательства припасовъ и денегъ отягощали народъ городской и сельскій.

Тогда фанатическая злоба конфедератовъ обратилась на православныхъ: отъ нихъ сталось униженіе Польшѣ, за нихъ, какъ за единовѣрцевъ, заступалась Екатерина; они вызвали ея вмѣшательство своими безпрестанными жалобами и просьбами въ Петербургъ. Въ Южной Руси, гдѣ вѣками укоренилась вражда къ полякамъ и католичеству, русскій народъ сталъ покидать унію и переходить къ вѣрѣ праотцевъ; приходъ за приходомъ присоединялись къ православію; въ однихъ сами священники подавали примѣръ; въ другихъ прихожане принуждали священниковъ, а тѣхъ, которые не хотѣли, прогоняли и на мѣсто ихъ вы-

---

[1]) Подобный взглядъ проскользаетъ даже въ новѣйшемъ изслѣдованіи „Sejm Czteroletni“ Калинки, хотя іезуита, но автора безпристрастнаго и здравомыслящаго.

бирали другихъ. Центромъ православной пропаганды сдѣлался Мотронинскій монастырь, гдѣ игуменствовалъ дѣятельный Мельхиседекъ Значко-Яворскій, напутствуемый въ своихъ подвигахъ переяславскимъ архіереемъ Гервасіемъ[1]). Онъ съѣздилъ въ Петербургъ, исходатайствовалъ у императрицы заступничество и въ Варшавѣ получилъ отъ короля привилегію на неприкосновенность своего монастыря. Своевольный фанатизмъ не хотѣлъ знать никакихъ привилегій. «Мы и тебѣ и королю твоему снесемъ голову, чтобъ онъ не давалъ правъ схизматикамъ, собачьей вѣрѣ!» говорили ему поляки. Особеннымъ фанатизмомъ отличался офиціалъ уніатскаго митрополита Мокрицкій, насильственно обращавшій къ уніи тѣхъ, которые въ последнее время возвратились къ православію. Священниковъ для поруганія запрягали въ плуги, били ихъ кіями, сѣкли терновыми розгами, насыпали въ голенища горячихъ углей, забивали въ колоды, морили тюремнымъ заключеніемъ, отнимали у нихъ все достояніе и пускали искалѣченныхъ по-міру. Поймали самого Мельхиседека, ругались надъ нимъ и держали въ тюрьмѣ. Барскіе конфедераты, не въ силахъ будучи ничего подѣлать Россіи, мстили ей на православномъ народѣ, подвластномъ Польшѣ. Отсчитывая усердно удары плетей по плечамъ священниковъ и мірянъ, обратившихся изъ уніи въ православіе, или не хотѣвшихъ принимать унію, они приговаривали: «это тебѣ за государыню, а это за короля, а это за архіерея, а это за вся православные христіаны!» На всю Украину навело тогда страхъ варварское истязаніе мліевскаго ктитора Данила Кушнира за то, что онъ не отдалъ уніатамъ гробницы (дароносицы). Его обвязали паклею, привязали къ дереву и сожгли. Но въ Украинѣ имя Богдана Хмельницкаго было извѣстно и старому и малому, извѣ-

---

[1]) О дѣятельности этого лица см. Архивъ Югозапад. Росс. ч. I, т. II, III.

стно не изъ книгъ, а изъ живого преданія, передаваемаго отъ родителей къ дѣтямъ; украинскія матери за панскою пряжею пѣли дѣтямъ пѣсни о томъ, какъ нѣкогда ихъ предки козаки гатили гребли панскими трупами. Тайная надежда на освобожденіе *зъ ляцькои неволі* не покидала русскій народъ, какъ Израиля во дни плѣненія. Онъ искалъ и ждалъ спасенія отъ единовѣрной Россіи, гдѣ плѣняло и ободряло его господство той вѣры, которая въ его отечествѣ нашла названіе собачьей. Взоры народа устремились на сѣверъ къ великому-свѣту-матушкѣ, какъ называлъ онъ Екатерину. Ему показалось, что пришло время отмщенія за вѣковыя страданія. Онъ поднялся, какъ нѣкогда поднимались его дѣды.

Начало возстанію положилъ Максимъ Залізнякъ, запорожецъ. Онъ оставилъ уже войсковое житье, находился на послушаніи въ монастырѣ и готовился поступить въ иноческій чинъ. Поруганіе православной вѣры, избытокъ людскихъ беззаконій, вызвали его въ міръ. Онъ явился подъ Мотронинскимъ монастыремъ и заложилъ станъ на урочищѣ Холодный-Яръ. Онъ огласилъ, что у него есть грамота императрицы, призывающая народъ къ возстанію. Мотронинскіе монахи благословили его предпріятіе. Самъ Мельхиседекъ долго держалъ народъ въ предѣлахъ повиновенія и терпѣнія; теперь же, послѣ испытанныхъ надъ собою поруганій, благословилъ предпріятіе, какъ гласитъ преданіе. Впрочемъ, остается еще нерѣшеннымъ: участвовалъ ли Мельхиседекъ въ этомъ возстаніи?

Народъ со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться къ Залізняку. Монахи и изгнанные изъ приходовъ священники, терпѣвшіе отъ уніатовъ истязанія, ходили по селамъ и возбуждали къ возстанію. Разомъ явилось нѣсколько предводителей шаекъ: Неживый, Уласенко, Бондаренко, Шило, Тимченко и другіе. Начали рѣзать панскихъ управителей и жидовъ. Обреченные на смерть народнымъ правосудіемъ

бѣжали въ укрѣпленные мѣста и въ глубину Польши. Отдѣльныя шайки присоединяются къ Залізняку. Разсылается воззваніе къ освобожденію панскихъ хлоповъ. «Коронные обыватели,—было сказано въ этомъ воззваніи,—живущіе въ панскихъ и духовныхъ имѣніяхъ! Наступило время выбиться изъ неволи, освободиться отъ ярма и тягостей, которыя вы терпѣли до сихъ поръ отъ вашихъ пановъ! Богъ съ высокаго неба воззрѣлъ на вашу недолю, услышалъ рыданія и вопли ваши на сей мірской юдоли и послалъ вамъ охранителей, которые отомстятъ за ваши бѣдствія. Прибывайте къ тѣмъ, которые хотятъ учинить васъ свободными и надѣлить правами и вольностями. Теперь-то пришла пора потребовать отчета отъ вашихъ властей за всѣ кривды, мучительства, за всѣ невыразимыя обдирательства. Посылаемъ къ вамъ предводителей. Вѣрьте имъ и идите за ними съ оружіемъ, съ какимъ кто можетъ! Покидайте домы ваши, женъ и любезныхъ дѣтей. Не будете жалѣть объ этомъ, когда опять съ ними увидитесь! Богъ намъ дастъ побѣду и станете вы всѣ вольными панами, когда выгубите змѣиное отродіе пановъ своихъ, которые до сихъ поръ сосутъ вашу кровь! Вы прежде намъ не вѣрили, когда мы къ вамъ отзывались, а теперь можете вѣрить, когда братія ваша на Украинѣ и Подоли счастливо начала выбиваться изъ ярма. Призовите Бога на помощь и прибывайте къ намъ!»

На знакомый украинскому сердцу призывъ поднялись тысячи: Залізнякъ объявлялъ возстановленіе Гетманщины, всѣхъ сообщниковъ называлъ козаками. Онъ напалъ на Лисянку: тамъ заперлась шляхта съ жидами. Мѣстечко было хорошо укрѣплено, но русскіе жители его сочувствовали возстанію и потребовали отъ начальника своего, Кучевскаго, сдачи. «Все равно,—говорили ему,—Гетманщина будетъ: не устоишь! Лучше тебѣ добровольно сдаться: живъ останешься!»—Кучевскій отворилъ ворота. Козаки поло-

жили ему на спину сѣдло, садились на него верхомъ и заставляли возить себя, а потомъ закололи. Всѣхъ католиковъ и жидовъ, искавшихъ спасенія въ замкѣ и сбѣжавшихся туда изъ околицъ, перебили. Надъ дверьми костела францисканскаго монастыря повѣсили ксендза, жида и собаку, а сверху надписали: «ляхъ, жидъ та собака: усе віра однака!» То была, кажется, не новая выдумка, а подражаніе старинѣ: русскіе этимъ поступкомъ явно мстили за то, что поляки называли православіе пёсьею вѣрою. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь стеклось шляхты и жидовъ въ Умани, принадлежавшемъ кіевскому воеводѣ Потоцкому. Залізнякъ направился туда. Управляющимъ или *губернаторомъ* въ Умани отъ Потоцкаго, былъ Рафаилъ Младановичъ. Въ городѣ была панская надворная команда изъ козаковъ, подъ начальствомъ Обуха, а отъ него зависѣли сотники; въ числѣ ихъ былъ нѣкто по фамиліи Гонта: онъ пользовался милостями пана владѣтеля Умани. Младановичъ отправилъ этихъ воиновъ противъ возстанія, но Гонта передался къ Залізняку, а по его примѣру и другіе козаки.

Въ Умани народу было биткомъ-набито, а воды не было; приходилось утолять жажду вишневкою да медомъ, и потому всѣ перепились и стали неспособны къ оборонѣ. Младановичъ былъ не храбраго десятка и потерялъ духъ. Ксендзы приготовляли всѣхъ къ смерти. Гонта вызвалъ Младановича на разговоръ, объявилъ, что идетъ съ товарищами по приказанію Екатерины и ея именемъ требовалъ покорности.

Одинъ изъ товарищей Младановича, Ленартъ, сказалъ: про̀симо на хлібъ-на-сіль! Но другой, Рогашевскій, закричалъ: стрѣлять шельму! Младановичъ не дозволилъ стрѣлять и самъ въ страхѣ убѣжалъ въ костелъ. Гайдамаки ворвались въ городъ и вторгнулись въ костелъ, куда, вслѣдъ за Младановичемъ, вбѣжала шляхта толпою искать

спасенія въ молитвѣ. Увидя входящихъ козаковъ, поляки падали на землю и просили пощады и милосердія. «Гарненько ляшеньки просяться: треба перепустити!» сказалъ одинъ козакъ. «А що зъ тобою буде, якъ имъ перепустимо!» отвѣчалъ Гонта. Разъяренная толпа бросилась убивать и мучить всѣхъ: ихъ кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Инымъ обрубливали ноги и руки и оставляли мучиться, не внимая ихъ моленіямъ докончить ихъ. Прокалывали насквозь дѣтей и подымали вверхъ на копьяхъ. Ксендзовъ запрягали въ ярма, гоняли по улицамъ, уложеннымъ трупами, потомъ приводили въ церковь, заставляли читать «вѣрую» и за чтеніемъ били по щекамъ, а потомъ выводили изъ церкви и убивали. Перерѣзали въ базиліанскомъ монастырѣ духовныхъ и учениковъ находившейся тамъ школы. Изъ сосѣднихъ селъ сбѣжались хлопы и потѣшались надъ муками и гибелью ляховъ. Ругались надъ римско-католическою святынею, одѣвались въ богослужебныя одежды и передразнивали богослуженіе, плевали на распятія и образа, разсыпали изъ ковчега и топтали ногами св. дары, приговаривая: «ото Богъ ляцькій!» Немногихъ, въ томъ числѣ дѣтей, пощадили, но заставили принять православіе и совершали надъ ними обрядъ крещенія, какъ бы непризнавая римско-католической вѣры за христіанскую. Тѣла убитыхъ свалили въ одинъ глубокій колодецъ. Поляки увѣряютъ, будто ихъ погибло въ Умани до двадцати тысячъ, число, безъ сомнѣнія, чрезвычайно преувеличенное, можетъ быть въ десять разъ.

Послѣ такой расправы, провозгласили возстановленіе Гетманщины. Залізнякъ назвался гетманомъ, Гонта уманскимъ полковникомъ. Но русскій генералъ Кречетниковъ, узнавъ, что творилось въ Умани, послалъ къ новообразованной Гетманщинѣ русскаго офицера съ отрядомъ донскихъ козаковъ. Офицеръ, по прозванію Кривой, пригла-

силъ ихъ вмѣстѣ съ русскими войсками воевать противъ барскихъ конфедератовъ, а набившуюся въ Умань толпу просилъ распустить. Залізнякъ и Гонта довѣрились и согласились. Тогда Кривой предложилъ имъ, передъ выходомъ изъ Умани, сдѣлать прощальную пирушку, и когда они перепились, приказалъ ихъ перевязать и доставить въ русскій лагерь. Оттуда Залізняка отправили въ Сибирь, наказавъ, какъ говорятъ, кнутомъ, а Гонту съ другими товарищами выдали польскимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ за-одно съ русскими противъ конфедератовъ. Въ мѣстечкѣ Сербахъ, по распоряженію региментаря Ксаверія Браницкаго, съ Гонты сняли со спины двѣнадцать полосъ кожи. Испытывая такую казнь, Гонта говорилъ: «отъ казали: буде боліти, а воно ні кришки не болить, такъ наче блохи кусають!» Въ заключеніе его четвертовали.

Другія гайдамацкія шайки свирѣпствовали въ разныхъ мѣстахъ, въ одно время съ Гонтою и Залізнякомъ. Событія, подобныя уманскимъ, совершались въ Дашовѣ, Грановѣ, Гайсинѣ, Монастырищѣ, Босовкѣ, Ладыжинѣ и другихъ мѣстахъ. Но послѣ взятія Залізняка и Гонты, убѣдившись, что императрица совсѣмъ не благословляетъ возстанія, народъ утишился. Послѣ того ограждаемые отъ мести русскаго народа русскою государынею, поляки думали навести страхъ на русскій народъ и учредили военный судъ подъ названіемъ: Judicium statarium. Предсѣдательствовалъ на этомъ судѣ полковникъ Стемпковскій, получившій отъ короля неограниченное право меча (jus gladii), право казнить и искоренять мятежъ. Мѣстопребываніе этого суда было въ мѣстечкѣ Коднѣ. Туда приводили подозрительныхъ по доносамъ. Чуть кто неосторожно подастъ на себя подозрѣніе въ буйномъ духѣ, того сейчасъ и тащутъ въ Кодню, а изъ Кодни никто не ворочался здоровымъ: иныхъ вѣшали, другихъ четвертовали, а менѣе виновнымъ обрубливали руки или ноги и пускали скитаться и ползать

по міру, чтобъ своимъ видомъ внушать русскому народу страхъ и повиновеніе. Еще въ концѣ XVIII вѣка можно было видѣть калѣкъ, просившихъ милостыни стариковъ, носившихъ на себѣ слѣды посѣщенія Кодни. Въ Украинѣ долго оставалась поговорка: «а щобъ тебе святая Кодня не минула!» Такъ говорили, разсердясь другъ на друга.

Гайдамацкое возстаніе подало случайно поводъ къ важнымъ переворотамъ въ политическихъ дѣлахъ. Одинъ изъ гайдамацкихъ начальниковъ, Шило, преслѣдовалъ поляковъ до мѣстечка Балты, лежавшаго на тогдашней турецкой границѣ. Поляки убѣжали за рѣку Кодыму въ турецкія владѣнія. Шило погнался за ними; турки стали ихъ защищать; Шило разбилъ турокъ, напалъ на татарское селеніе Галту и перебилъ скрывавшихся въ ней поляковъ.

Туркамъ въ это время нуженъ былъ только поводъ, чтобы къ Россіи придраться. Конфедерація давно уже умоляла ихъ о помощи; Турція только манила ихъ сочувствіемъ до тѣхъ поръ, пока, потерпѣвши отъ русскаго оружія, конфедераты не подали Турціи надежды пріобрѣсти отъ Польши Подоль съ Каменцемъ и Волынь, въ благодарность за объявленіе войны Россіи. И вотъ нападеніе гайдамаковъ дало ей предлогъ къ этому. Напрасно Россія объясняла, что нападеніе на турецкія владѣнія сдѣлано не русскими войсками, а своевольными шайками гайдамаковъ, польскихъ подданныхъ. Турція изъявляла притязанія, зачѣмъ Россія вводитъ войска свои въ Польшу и распоряжается ея внутренними дѣлами. Турція объявила Россіи войну, начавъ непріязненныя дѣйствія заключеніемъ въ Семибашенный замокъ русскаго посланника Обрѣзкова.

Война эта, какъ извѣстно, прославила русское оружіе блистательными побѣдами, открыла Россіи путь къ обладанію Чернымъ моремъ, ослабила Турцію, заронила въ восточныхъ христіанахъ надежду на свободу. Но для Польши она не принесла пользы; напротивъ, заступничество Тур-

ціи надѣлало ей одного вреда и приблизило къ гибели. Конфедераты терпѣли пораженія за пораженіями. Русскій полковникъ Древичъ, отличавшійся въ войнѣ лютостью и свирѣпостью, взялъ Баръ; до тысячи двухъ сотъ плѣнныхъ было отправлено въ глубину Россіи: въ ихъ числѣ былъ кармелитъ Марко, чудотворъ, воспламенявшій поляковъ своимъ даромъ. Казимиръ Пулавскій былъ стѣсненъ въ бердичевскомъ монастырѣ и сдался на капитуляцію, обѣщавъ отстать отъ конфедераціи, а потомъ убѣжалъ въ Турцію. Въ Литвѣ Радзивиллъ присталъ къ конфедераціи, но русскіе прогнали его и взяли его укрѣпленный Несвижъ. Литовская конфедерація поступила подъ маршальство Паца.

Но въ нѣдрѣ конфедераціи происходили раздоры. Потоцкій вошелъ въ непримиримую вражду съ старымъ Іосифомъ Пулавскимъ. Первый держался Турціи и на ея вмѣшательство полагалъ всѣ надежды, будучи увѣренъ заранѣе въ ея блестящихъ побѣдахъ надъ москалями, а Пулавскій обращался къ Австріи и думалъ расположить къ Польшѣ императора Іосифа. Потоцкій оговорилъ Пулавскаго передъ турецкимъ правительствомъ; по этому оговору послѣдняго взяли въ Константинополь и тамъ онъ умеръ въ тюрьмѣ. По примѣру главныхъ начальниковъ, второстепенные также ссорились между собою, одинъ подъ другимъ подрывался. Безпрестанно появлялись отдѣльныя конфедераціи и бывало такъ, что на званіе маршалка такой-то конфедераціи, является двое претендентовъ, и они спорятъ между собою до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не схватитъ другого, не засадитъ въ тюрьму или даже не убьетъ.

Отъ турокъ конфедераты не увидали себѣ великаго уваженія. Когда турки замѣтили, что между конфедератами нѣтъ ни лада, ни порядка, то стали обращаться съ ними презрительно, и въ присутствіи начальниковъ визирь на-

смѣхался надъ поляками.—«Знаете-ли, — говорилъ онъ своимъ пашамъ:—что̀ такое польская вольность? У нихъ въ томъ вольность состоитъ, чтобъ не знать надъ собою никакого закона». Недовольные Турціею конфедераты перебрались въ Венгрію, а потомъ въ Силезію, подъ защиту Австріи, которая дозволила имъ на своихъ земляхъ содержать генеральное управленіе и тѣмъ дѣлала угрожающую демонстрацію Россіи, но въ самомъ дѣлѣ уже составляла планъ воспользоваться на счетъ падающей Польши. Оттуда конфедераты врывались въ Польшу и Литву, давали движеніе и ободреніе мелкимъ конфедераціямъ, которыя безпрестанно появлялись тамъ и сямъ. Составлялись шайки, избирали предводителей или маршалковъ, нападали на русскихъ; когда одну такую шайку разобьютъ, ея остатки бѣгутъ къ другой и вновь появляются въ полѣ. Разсчитывали всегда напасть на русскихъ въ-расплохъ. Иногда, дѣйствуя такимъ образомъ, имѣли успѣхъ. Казимиръ Пулавскій подъ Брестомъ-Литовскимъ разбилъ русскій отрядъ; но потомъ снова былъ самъ разбитъ на-голову и потерялъ въ бою брата своего Франциска. Отважнѣе, удалѣе, смышленнѣе другихъ предводителей конфедерацій оказывался Шимонъ Коссаковскій. Онъ съ необычайною быстротою леталъ съ одного края въ другой, пробѣгалъ большія пространства въ короткое время, преодолѣвая утомленіе и неудобства дорогъ и непогоды, нападалъ на русскихъ неожиданно, когда никто не воображалъ, чтобъ онъ былъ близко, отнималъ у нихъ запасы. Кромѣ его славились своими партизанскими нападеніями Моравскій, Заремба, Сава. Но при ихъ раздорахъ между собою они не могли имѣть важныхъ успѣховъ. Заремба былъ во враждѣ съ Пулавскимъ, считая себя выше его чиномъ, не хотѣлъ повиноваться ему и дѣйствовалъ врознь. Конфедераты, разбитые, давали на себя такъ-называемые реверсы, то-есть отреченіе отъ конфедераціи, но потомъ не считали безче-

стнымъ нарушать данное обѣщаніе. Ксендзы имъ это разрѣшали; война для нихъ была святая, потому что шла за нетерпимость. Самъ Пулавскій показалъ на себѣ примѣръ такого нарушенія реверса, продолжая участвовать въ конфедераціи, послѣ того, какъ въ Бердичевѣ обязался не участвовать въ ней. Эти поступки раздражали русскихъ и оттого-то нѣкоторые позволяли себѣ жестокости. Такими были полковникъ Ренъ и упомянутый выше полковникъ Древичъ. Послѣдній обрубливалъ руки и ноги такимъ конфедератамъ, которые, нарушивъ данное отреченіе, попадались въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Король и окружавшіе его паны колебались и виляли между Россіею и конфедераціею, выжидая, какая сторона возьметъ верхъ, чтобы къ той пристать въ свое время. Россія, казалось, дѣлалась мягче и уступчивѣе. Вмѣсто энергическаго и рѣзкаго Рѣпнина, прислали въ Варшаву князя Волконскаго—человѣка умнаго, но мягкаго и кроткаго. Онъ давалъ знать панамъ, что, для сохраненія тишины въ Польшѣ, Россія не прочь сдѣлать нѣкоторыя уступки относительно диссидентовъ, но только тогда, когда сами диссиденты обратятся къ ней и заявятъ желаніе отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ. Пытаясь подвинуть Польшу къ войнѣ противъ Турціи, Волконскій обѣщалъ Польшѣ Молдавію и Бессарабію. Такія рѣчи, при чрезвычайно почтительномъ обращеніи, возгордили короля; паны также подняли голову, воображали, что Россія уже ослабла, боится Европы и заискиваетъ расположенія Польши; выводили изъ этого, что вѣрно въ Европѣ есть намѣреніе заступиться за Польшу. Около короля составился совѣтъ: въ немъ были: великій канцлеръ Млодзіевскій, бравшій отъ Россіи пенсію, готовый брать ее отъ кого угодно и за что бы то ни было, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не считавшій дурнымъ дѣломъ интриговать противъ тѣхъ, съ кого бралъ деньги, вице-канцлеръ Боркъ, вице-канцлеръ литовскій

Пршездзѣцкій, коронный маршалъ Любомирскій, Андрей Замойскій, Ходкѣвичъ, Хребтовичъ. Главными заправщиками были Чарторыскіе, опять получившіе власть надъ племянникомъ-королемъ. Чарторыскіе ненавидѣли Россію, увѣрившись, что Россія не слишкомъ намѣрена помогать ихъ планамъ устроенія Польши и сама болѣе всего заботится о собственныхъ видахъ. Они старались сохранить съ Россіею наружно доброе согласіе, а тайно дѣйствовали противъ нея. Въ составившемся около короля сенатскомъ совѣтѣ затѣвали отправить въ разныя страны Европы—въ Англію, Голландію, Францію посольства съ жалобами на Россію, а въ Петербургъ послать литовскаго гетмана Огинскаго съ требованіемъ уничтожить трактатъ 1768 года, то-есть, расширеніе правъ диссидентовъ и россійскую гарантію. Король осмѣливался заявлять объ этомъ желаніи русскому послу. Волконскій, исполняя полученныя свыше предписанія, перемѣнилъ тонъ, сталъ говорить рѣзче и напоминалъ королю, что на престолъ возвела его императрица и онъ можетъ удержаться на немъ только при ея содѣйствіи и благосклонности къ нему, упрекалъ его въ коварствѣ за то, что онъ тайно хочетъ сноситься съ Франціею и мирволитъ конфедераціи. Въ самомъ дѣлѣ, король, соображая, что конфедерація, разростаясь, можетъ взять верхъ, заранѣе какъ будто подготовлялъ себѣ возможность сблизиться съ нею и давалъ региментарю Браницкому тайныя приказанія не дѣйствовать противъ конфедератовъ. Но Браницкій, человѣкъ случая, служилъ болѣе Россіи, чѣмъ королю. Волконскій началъ требовать отъ короля, чтобъ онъ удалилъ отъ себя Чарторыскихъ и прочихъ совѣтниковъ: епископъ виленскій Масальскій составлялъ планъ образовать реконфедерацію, и предложилъ этотъ планъ русскому посланнику. Волконскій старался привлечь къ ней Мнишка и другихъ пановъ, непріязнен-

ныхъ Станиславу-Августу. Онъ не успѣлъ въ этомъ дѣлѣ и былъ отозванъ.

Мѣсто его, временно, занималъ генералъ Веймарнъ, а въ 1771 году присланъ въ Варшаву посланникомъ Сальдернъ, человѣкъ энергическій, но до крайности раздражительный. Планъ реконфедераціи развивался. Виленскій епископъ Масальскій, первый подавшій мысль о ней, былъ хотя человѣкъ хитрый, но облѣнившійся сибаритъ, любившій прежде всего весело проводить обыденную жизнь и до страсти преданный игрѣ въ карты; энергичнѣе его былъ приставшій къ плану примасъ Подосскій, состоявшій у Россіи на пенсіи, изворотливый и пронырливый; сообщниками ихъ стали: калишскій воевода Твардовскій, подляшскій Годскій, великій кухмистръ Понинскій, — люди продажные, перемѣнчивые и лукавые, бравшіе отъ Россіи пенсіоны и готовые при случаѣ обмануть ее; къ нимъ присоединились: поморскій воевода Флеммингъ, Рогалинскій и два брата Островскіе — епископы куявскій и познанскій,—этотъ кружокъ пытался было, при помощи Россіи, низвергнуть Станислава-Августа и дать корону саксонскому принцу.

Но такая перемѣна совсѣмъ была не въ видахъ Екатерины; она хотѣла поддержать того короля, кого сама поставила; да еслибы пришлось посадить на престолъ другого, Екатерина никогда ни дозволила бы отдавать короны какому бы то ни было чужому принцу: это значило отдать Польшу иностранному вліянію, и выпустить ее изъ-подъ своей власти. Намѣренія патріотической уніи, раболѣпствовавшей передъ Россіею, въ сущности, сходились съ духомъ конфедераціи. Конфедераты въ это время заручились покровительствомъ Франціи. Управлявшій дѣлами во Франціи герцогъ Шуазёль прислалъ имъ генерала Дюмурье и съ нимъ хорошихъ инженеровъ и офицеровъ. Находясь въ Бѣльскѣ, въ Силезіи, конфедерація объявила

короля Станислава-Августа измѣнникомъ, а тронъ его вакантнымъ и уничтожала постановленія предшествовавшаго сейма. Послѣ этого королю не оставалось ничего болѣе, какъ тѣснѣе примкнуть къ Россіи, и онъ далъ письменное обязательство дѣйствовать во всемъ согласно волѣ императрицы, никого не награждать, не наказывать безъ ея одобренія, не раздавать безъ ея согласія никакихъ должностей и вообще находиться у ней въ зависимости. Заручившись такимъ образомъ покорностью короля, Сальдернъ покончилъ съ патріотическою уніею; онъ обличалъ ее въ двоедушіи, напалъ больше всего на Подосскаго, укорялъ въ передѣлкѣ составленной русскимъ посланникомъ деклараціи, и рѣзкимъ обращеніемъ довелъ до того, что Подосскій уѣхалъ изъ Варшавы въ свои имѣнія; но Сальдернъ приказалъ привести его назадъ за конвоемъ и приставилъ къ нему стражу въ его домѣ. Онъ освободилъ его только тогда, когда императрица это приказала, давши за то выговоръ своему посланнику. Поступокъ этотъ возбудилъ ропотъ, но и навелъ страхъ; всѣ затѣи патріотической уніи рушились и сама она исчезла.

20 іюня 1771 года Сальдернъ издалъ грозную декларацію, въ которой объявилъ всѣхъ конфедератовъ разбойниками, и объявлялъ, что впередъ русскія войска не будутъ считать ихъ военно-плѣнными, а станутъ взятыхъ въ плѣнъ вѣшать. Самъ Веймарнъ, главнокомандующій русскими войсками въ Польшѣ, устрашился энергіи Сальдерна и попросилъ увольненія. На его мѣсто назначенъ генералъ Бибиковъ. Грозный посланникъ былъ имъ также недоволенъ; онъ находилъ его черезчуръ мягкимъ и притомъ легко поддающимся вліянію женщинъ, а этимъ, надобно сознаться, страдали русскіе начальники и посланники въ Польшѣ: только угрюмый Сальдернъ, какъ и впослѣдствіи Суворовъ, былъ безчувственъ къ обаянію прекраснаго пола.

Поправленная Дюмурье конфедерація начала было дѣлать успѣхи и захватила въ свои руки крѣпости, лежавшія около Кракова: Тынецъ, Боброкъ, Ландскорону. Успѣхи ея оживили духъ возстанія повсюду, но противъ нея сталъ лицомъ къ лицу великій Суворовъ, только что начавшій свое блистательное поприще полководца. Находясь въ чинѣ генералъ-майора и квартируя въ Люблинѣ, въ апрѣлѣ 1771 года, онъ вышелъ изъ этого города и подъ Урждендовымъ разбилъ конфедератовъ подъ начальствомъ козака Савы. Этотъ Сава, по прозванію Цалинскій, былъ сынъ запорожца, который передался полякамъ и за то былъ убитъ запорожцами. Воспитанный въ уніи, преданный Польшѣ, Сава былъ одинъ изъ замѣчательныхъ предводителей конфедератскихъ отрядовъ. Послѣ пораженія Суворовымъ, русскіе преслѣдовали его по пятамъ, догнали подъ Шренскомъ на прусской границѣ, разбили и взяли въ плѣнъ. Несмотря на ласковый пріемъ русскихъ, на заботы о его здоровьи, на уваженіе, которое побѣдители оказывали къ его храбрости, Сава не принималъ никакой помощи, ни лекарствъ и умеръ.

Поразивши Саву, Суворовъ двинулся по направленію къ Волыни, разбилъ партію Новицкаго, потомъ повернулъ въ противоположную сторону къ Кракову, подъ Ландскороною разбилъ самого Дюмурье, а потомъ повернулъ къ Замостью, разбилъ Казимира Пулавскаго и отнялъ у него всѣ орудія. Дюмурье, негодуя на конфедератовъ за то, что у нихъ не было ни согласія, ни послушанія, оставилъ поляковъ, о которыхъ получилъ самое дурное мнѣніе.

Суворовъ, сдѣлавъ свое дѣло подъ Краковомъ, прибылъ обратно въ Люблинъ. Въ это время возстаніе въ Литвѣ приняло широкіе размѣры. Великій гетманъ литовскій Огинскій до тѣхъ поръ хотя и мирволилъ конфедераціи, но не участвовалъ въ ней открыто. Понадѣявшись на ея успѣхи и не зная, что съ нею уже расправился Суворовъ,

онъ объявилъ себя на сторонѣ конфедераціи и сталъ предводительствовать войскомъ противъ русскихъ. Сначала ему повезло. Онъ разбилъ нѣсколько небольшихъ русскихъ отрядовъ. Дошло это до Суворова. Онъ просилъ главнокомандующаго позволить ему идти на Огинскаго. Бывшій тогда главнокомандующимъ Веймарнъ строго запретилъ ему. Суворовъ не послушался своего начальника, написалъ ему: «пушки впередъ, и Суворовъ за ними», и только съ тысячью человѣкъ бросился изъ Люблина. Онъ шелъ такъ быстро, что прошелъ 200 верстъ въ теченіи четырехъ дней, и нагналъ Огинскаго за Слонимомъ въ Столовицахъ, ночью 11-го (22-го) сентября 1771 года. Огинскій, старый сибаритъ, проводилъ ночь съ какой то француженкою и, при внезапной тревогѣ, едва успѣлъ сѣсть на коня и убѣжать. Его казна, имущество, гетманская булава достались русскимъ. Генералъ Бѣлякъ вздумалъ было остановить Суворова, сражался храбро, но принужденъ былъ уступить. Огинскій со срамомъ убѣжалъ въ Кролевецъ (Кёнигсбергъ). Суворовъ былъ подвергнутъ суду за непослушаніе, но императрица освободила его: побѣдителя нельзя было судить.

Конфедерація, потерпѣвъ пораженія, одно за другимъ, рѣшилась прибѣгнуть къ отчаянному средству — овладѣть королемъ, котораго объявила лишеннымъ короны. Порученіе это взялъ на себя нѣкто Стравинскій. Пулавскій дозволилъ ему сдѣлать это съ тѣмъ условіемъ, чтобы короля привели къ нему живымъ. Стравинскій подобралъ себѣ товарищей: Луковскаго, Козьму Косинскаго и тридцать конфедератовъ. Они отправились въ Варшаву подъ видомъ мужиковъ, доставляющихъ сѣно въ доминиканскій монастырь. Ксендзы были съ ними въ согласіи. За городомъ приготовили карету, куда слѣдовало посадить плѣннаго короля. Выбрали темную ночь съ 3-го на 4-е ноября н. с. Король посѣщалъ тогда своего дядю, канцлера Чарторыскаго. Онъ возвращался отъ него ночью въ каретѣ, въ

сопровожденіи сидѣвшаго съ нимъ адъютанта, двухъ гайдуковъ и нѣсколькихъ человѣкъ придворной прислуги. Заговорщики условились говорить между собою по-русски, чтобы мимоходящіе принимали ихъ за русскихъ. На Медовой улицѣ напали они на королевскую карету, дали нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, одного гайдука убили, другого ранили; служители разбѣжались. Короля вытащили изъ кареты за ноги, били его, нанесли легкую рану саблею по головѣ и потащили съ собою по грязи, такъ что онъ находился въ срединѣ, а впереди, сзади и по бокамъ шли толпою заговорщики и громко говорили между собою по-русски. Жители домовъ, услышавшіе выстрѣлы, отворяли окна, и спрашивали: что́ тамъ такое, а заговорщики по-русски отвѣчали имъ, что они русскіе солдаты, поймали бѣглаго и ведутъ. Потомъ, короля посадили верхомъ на лошадь и повезли за городъ. Но въ Маримонтѣ, подъ Варшавою, его конь упалъ въ ровъ и сломилъ себѣ ногу. Король завязъ въ грязи; пока его вытаскивали, нашли другую лошадь и сажали его на нее, бо́льшая часть заговорщиковъ успѣла отъѣхать отъ него впередъ. Близъ короля остался только Косинскій съ шестью конфедератами. Они повезли короля далѣе, но въ темнотѣ сбились съ дороги и попали въ болото; тутъ имъ показалось, что идутъ русскіе, и всѣ разбѣжались, исключая Косинскаго. Король обратился къ нему, и сталъ краснорѣчиво умолять спасти его. Косинскій такъ тронулся, что бросился къ ногамъ короля, и сталъ просить, чтобы ему даровали впослѣдствіи прощеніе. Король обѣщалъ. Тогда Косинскій привезъ его на хуторъ какого-то нѣмца; оттуда дали знать въ Варшаву. За королемъ пріѣхала карета и отвезла обратно во дворецъ.

Пулавскій, между тѣмъ, изъ Ченстохова приближался къ Варшавѣ, во-первыхъ для того, чтобы выманить оттуда русское войско и облегчить заговорщикамъ взятіе короля, во-вторыхъ, чтобы принять плѣнника, когда заговорщи-

камъ удастся добыть его. Первое ему удалось: русскія войска вышли, оставивъ въ городѣ только двѣсти человѣкъ, но короля не пришлось ему увидѣть.

Такой поступокъ сильно возмутилъ противъ конфедератовъ сосѣднія державы. Императрица Марія-Терезія, король прусскій Фридрихъ II, императрица Екатерина прислали къ Станиславу-Августу свои дружескія поздравленія. Тогда-то поданъ былъ благовидный предлогъ, какъ бы въ наказаніе полякамъ, обрѣзать ихъ государство.

Самъ король Станиславъ-Августъ съ этихъ поръ всецѣло, хотя все-таки не искренно, отдался Россіи. Онъ увидалъ, что не только его корона, но и безопасность жизни зависятъ отъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ это происшествіе охладило его къ католичеству. Обстоятельства его похищенія тому содѣйствовали. Провожавшіе его гайдуки были протестанты. Хозяинъ-нѣмецъ, къ которому привезли его въ Маримонтѣ, былъ также протестантъ. Напротивъ, ксендзы участвовали въ заговорѣ и благословляли покушеніе. Оно казалось плодомъ того же фанатизма, который нѣкогда руководилъ кинжаломъ Равальяка. При свиданіи съ папскимъ нунціемъ, Станиславъ-Августъ не утерпѣлъ, чтобы не сказать ему: «Вотъ слѣдствія благословенія, которое вы дали Пулавскому.»

Весною слѣдующаго 1772 года, Суворовъ доконалъ конфедерацію. Преемникъ Дюмурье, прибывшій изъ Франціи съ французами, Віомениль успѣлъ овладѣть Краковомъ очень хитро и искусно: французы пробрались черезъ подземную трубу, устроенную для стока нечистотъ. Неосторожный русскій комендантъ Штакельбергъ, позволившій водить себя за носъ какой-то полькѣ, былъ захваченъ въ-расплохъ. Но недолго утвердились тамъ французы. Явился Суворовъ и обложилъ Краковъ. Коссаковскій прибѣжалъ было на выручку, но Суворовъ разбилъ его «черныхъ витязей» въ-пухъ. Лишенный продовольствія, Краковъ

сдался. Французы со своимъ предводителемъ взяты военноплѣнными. Этимъ окончилась конфедерація.

Вслѣдъ затѣмъ наступилъ такъ-называемый *первый раздѣлъ Польши*, т. е. отторженіе нѣсколькихъ воеводствъ, прилегавшихъ къ Пруссіи, Австріи и Россіи. Мысль обрѣзать Польшу была подана прусскимъ королемъ. Россіи эта мысль совсѣмъ была некстати; Польша все болѣе и болѣе подчинялась ея власти, и русская политика могла предвидѣть, что, при такомъ ходѣ обстоятельствъ, вся Польша соединится съ Россіею въ одно политическое тѣло. Но это предвидѣлъ и прусскій король, и для пользы своего государства рѣшился, во что бы то ни стало, воспрепятствовать этому. Еще въ 1770 году, Фридрихъ II пригласилъ на свиданіе въ Нейштадъ австрійскаго императора. Совѣщаніе происходило 3-го сентября. На этомъ засѣданіи былъ и австрійскій министръ Кауницъ. Монархи порѣшили, что ихъ собственная безопасность и равновѣсіе Европы требуютъ принять мѣры, чтобы остановить чрезмѣрное расширеніе и усиленіе Россіи, которая уже наложила желѣзную руку на Польшу, и замышляетъ въ то же время разрушить Турцію. Положили не допускать Россіи одной овладѣть слабою сосѣдкою, а если Польша оказывается неспособною быть самостоятельнымъ государствомъ, то пусть, по крайней мѣрѣ, обогатитъ и усилитъ собою не одно государство. Вслѣдъ затѣмъ, прусскій король занялъ прилегавшее къ Пруссіи Вармійское епископство, а Австрія Списскую землю, которая въ 1412 году подарена была Польшѣ Людовикомъ Венгерскимъ. Теперь Австрія требовала ее назадъ къ Венгріи съ прибавкою. Кордонъ, который отмѣрила себѣ Австрія, включалъ до 500 селъ и, кромѣ того, богатыя соляныя копи Бохни и Велички.

Надобно было склонить Россію. Пруссія и Австрія воспользовались тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія вела войну съ Турціею; отъ нея требовали мира и отреченія

отъ Молдавіи и Валахіи завоеванныхъ русскимъ оружіемъ, а въ вознагражденіе военныхъ издержекъ предлагали ей взять на свою долю часть Польши. Съ 1769 по осень 1772, русскій кабинетъ отдѣлывался отъ настойчивыхъ проектовъ Пруссіи, которые были сообщаемы съ разными видоизмѣненіями черезъ королевскаго брата, принца Генриха, нарочно пріѣзжавшаго въ Петербургъ, и чрезъ прусскаго посланника при петербургскомъ дворѣ, Сольмса. Въ сентябрѣ 1771 года, прусскій король сообщалъ Россіи, что Австрія рѣшительно пристанетъ къ союзу съ Турціей, что за Турцію Франція, и поэтому, если Россія станетъ продолжать войну съ Турціею, то встрѣтится съ двумя-стами тысячъ европейскихъ союзниковъ Турціи; Россія не будетъ въ состояніи сладить съ такою коалиціею и потеряетъ свои пріобрѣтенія въ Турціи, а потому ей благоразумнѣе будетъ, по крайней мѣрѣ, заранѣе вознаградить себя насчетъ Польши, тѣмъ болѣе, что самая война съ Турціею возникла по поводу Польши. Такъ представлялъ дѣло прусскій король, прикидываясь другомъ и союзникомъ Россіи.

Въ то же время Австрія, не разрывая наружно дружественныхъ отношеній къ Россіи, дѣйствительно заключила тайный договоръ съ Турціею, по которому получала отъ Турціи значительную сумму (22 милліона гульденовъ), часть Валахіи и выгодныя торговыя условія, а за то обѣщала содѣйствовать возвращенію земель, завоеванныхъ Россіею у Турціи. Такимъ образомъ, Россія очутилась въ такомъ положеніи, что ей поневолѣ приходилось согласиться на предлагаемый обрѣзъ Польши, иначе она могла опасаться воевать съ нѣсколькими врагами разомъ, или должна была заключить съ Турціею крайне невыгодный миръ. Австріи, однако, въ то же время хотѣлось, въ глазахъ поляковъ и цѣлаго свѣта, свалить съ себя всю нравственную тягость этого дѣла на Пруссію и Россію и показать видъ, будто она приступила къ нему нé-хотя, и какъ будто по необ-

ходимости. Императрица Марія-Терезія вздыхала надъ судьбою Польши, вопіяла противъ беззаконія, съ какимъ поступаютъ съ бѣдной страною и, какъ будто послѣ долгаго упорства, исполнила желаніе сына Іосифа и министра Кауница и дала свое согласіе. За это соболѣзнованіе къ Польшѣ, Австрія наградила себя лучшими и плодороднѣйшими землями польскими. Прусскій король выдумывалъ причины для оправданія своего поступка: онъ объяснялъ полякамъ, будто польскіе короли овладѣли землями, принадлежавшими поморскимъ князьямъ, а онъ за собою считалъ право наслѣдства послѣ давно угасшихъ поморскихъ князей. Ему хотѣлось включить въ отбираемыя владѣнія важнѣйшіе торговые города: Гданскъ (Данцигъ) и Торунь (Торнъ); но русскій министръ Панинъ, въ переговорахъ объ этомъ съ Сольмсомъ, упорно настоялъ оставить за Польшею эти города, представляя, что отдача ихъ прусскому королю стѣснитъ и убьетъ польскую торговлю и приведетъ Польшу къ крайнему упадку и разоренію. Россія должна была удовольствоваться пріобрѣтеніемъ того, что замѣняло ей потерю Молдавіи. Страннымъ должно показаться, что, повидимому, въ веденіи этого дѣла забыты были тѣ притязанія на всѣ коренныя русскія земли, которыя Московское Государство нѣкогда постоянно предъявляло, изъ-за которыхъ, въ теченіи вѣковъ, не хотѣло мириться съ поляками. Россія заняла Бѣлоруссію, пространство, заключавшее 2200 кв. миль и до полутора милліона жителей: то была самая худшая часть всего польскаго государства, какъ по отношенію къ природнымъ достоинствамъ почвы, такъ и по отношенію къ обработкѣ и устройству; Пруссія взяла 700 кв. миль съ 900,000 жителей—восточную Пруссію. Австрія взяла 1,600 кв. миль и 2,500,000 жителей--Галицію. Австріи достался самый лакомый кусокъ.

Всему этому нужно было придать видъ добровольнаго

согласія со стороны Польши. Слѣдовало собрать сеймъ; этотъ сеймъ долженъ назначить, изъ среды себя, уполномоченную делегацію: послѣдняя вступитъ въ переговоры съ представителями трехъ державъ и подпишетъ уступку польскихъ земель. Это не трудно было устроить, такъ какъ между польскими панами большинство было такихъ, что готовы были продать свое отечество за выгоды, за пенсіоны и даже просто изъ трусости. Въ этомъ случаѣ, самымъ щекотливымъ дѣломъ было принять на себя должность маршалка, или руководителя такого сейма. Жребій этотъ принялъ на себя князь Адамъ Понинскій: ему дали по 3,000 червонцевъ въ мѣсяцъ. Онъ долженъ былъ убѣждать и настроивать пословъ къ уступкѣ земель; у него былъ одинъ аргументъ: невозможно противиться силѣ и потому остается только ей повиноваться. Званіе это онъ принялъ по желанію тогдашняго русскаго посланника Штакельберга, замѣнившаго Сальдерна, и черезъ то навлекъ на себя всеобщее омерзеніе, а впослѣдствіи, какъ увидимъ, и поплатился за это. Литовскимъ маршаломъ на сеймѣ былъ Михаилъ Радзивиллъ.

Большая часть пословъ была подкуплена; жалованье имъ было разное: за то, чтобъ молчать, платили отъ 200 до 300 червонцевъ въ мѣсяцъ, а тѣмъ, которые должны были отличаться краснорѣчіемъ, поболѣе. Многіе послы, взявши деньги, уклонились вовсе отъ присутствія на этомъ сеймѣ, такъ что подаваемыхъ голосовъ было только 33 сенаторскихъ и 96 посольскихъ, тогда какъ всѣхъ по комплекту было болѣе трехсотъ.

Такъ какъ обычный сеймъ отправлялся съ единогласіемъ и не было естественной возможности провести проектъ объ уступкѣ земель безъ того, чтобы кто-нибудь не закричалъ veto, то рѣшили конфедеровать сеймъ и отправлять дѣла большинствомъ голосовъ. Два посла Рейтанъ и Корсакъ стали было кричать противъ конфедера-

ціи, но ихъ исключили изъ числа пословъ и отдали подъ судъ.

Король долженъ былъ добровольно признать конфедерацію, послѣ того, какъ Штакельбергъ объявилъ ему, что если онъ не признаетъ ее, то 50,000 русскаго войска войдетъ въ Польшу. Было рѣшено, что этотъ сеймъ не долженъ прекратиться и по прошествіи опредѣленнаго срока, но можетъ оставаться въ видѣ конфедераціи до тѣхъ поръ, пока не покончитъ внутренняго устройства Польши. На делегацію, которой предоставлялось право уступки земель, возлагалось и устроеніе правительства, порядка и благоустройства Польши, съ тѣмъ, что все составленное ею будетъ отдано на утвержденіе полнаго сейма. Такое полномочіе очень безпокоило короля и людей его партіи. Они чувствовали, что делегація потребуетъ такихъ формъ и учрежденій, которыя, сколько возможно, стѣснятъ королевскую власть и предадутъ судьбу Рѣчи-Посполитой въ руки чужимъ властямъ. Король и преданные ему паны стали было противиться, но русскій посланникъ сталъ стращать ихъ введеніемъ войска не только въ Польшу, но въ самую столицу. Когда на эти угрозы со стороны поляковъ послѣдовали отговорки и уловки, Штакельбергъ далъ приказаніе войску входить въ Варшаву и занимать всѣ дворы, не исключая и дворовъ королевскихъ родственниковъ. Этимъ онъ припугнулъ сенаторовъ и пословъ; они знали, что если допустить солдатамъ хоть на день размѣститься въ городскихъ домахъ, то оттого произойдутъ громадные убытки; солдатчина все перебьетъ, перепортитъ и жителямъ надѣлаетъ оскорбленій и насилій, тѣмъ болѣе, что, введя войско въ столицу съ цѣлью принудить сеймъ къ уступкамъ, русскій посланникъ, ужъ конечно, не сталъ бы принимать мѣръ къ спокойствію горожанъ; напротивъ, чѣмъ нахальнѣе и оскорбительнѣе поступали бы солдаты въ Варшавѣ, тѣмъ это было полезнѣе для видовъ трехъ державъ.

Итакъ, не смотря на всѣ усилія короля, сеймъ 17-го мая 1773 года назначилъ делегацію, и Штакельбергъ приказалъ войску тотчасъ отступить отъ города.

Выбравши делегацію, сеймъ временно закрылся до 15-го сентября.

Делегаціи нечего было долго разсуждать объ уступкѣ земель; нужно было только согласиться на то, что̀ велятъ. Поэтому, трактатъ о раздѣлѣ безъ затрудненій былъ составленъ и поданъ на утвержденіе сейму въ сентябрѣ. Но затѣмъ оставалось еще устройство правленія и порядка, и по этому вопросу сеймъ не закрывался цѣлыхъ два съ половиною года. Делегація нарочно медлила: главныя заправщики извлекали себѣ личныя выгоды изъ того, чтобы это дѣло какъ можно долѣе тянулось. По польскимъ обычаямъ, когда въ краѣ объявлялась конфедерація, тогда временно закрывались всѣ обычные суды, и судопроизводство поручалось коммисіямъ, зависящимъ отъ конфедераціи. Понинскому, великому канцлеру Млодзѣевскому, и ихъ товарищамъ это было подъ-руку. Они назначали въ судьи кого хотѣли и выигрывали въ судахъ, что̀ угодно. Кромѣ того, въ то время, папа Климентъ XIV уничтожилъ іезуитскій орденъ. Богатыя и многочисленныя имѣнія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ обращались на фондъ, предназначенный для воспитанія юношества. Но способъ пріобрѣтенія доходовъ съ этого фонда лежалъ на делегаціи, которой сеймъ передалъ свою власть. Положили сдѣлать всѣмъ поіезуитскимъ имѣніямъ люстрацію, т. е. описать ихъ состояніе и доходы, и на этомъ основаніи отдать за плату въ наслѣдственное пользованіе желающимъ. Король хотѣлъ, напротивъ, чтобы ихъ отдавали въ наслѣдственное пользованіе безъ люстраціи, просто съ торговъ, потому что это избавило бы отъ лишнихъ расходовъ и принесло бы гораздо болѣе дохода. Но король въ этомъ случаѣ ничего не могъ подѣлать съ делегатами, увидѣвшими для

себя возможность обогатиться; король уступилъ, но съ тѣмъ, чтобы раздача имѣній происходила не черезъ коммисію, а черезъ посредство королевскихъ привилегій. Делегація постаралась найти для люстраціи преданныхъ себѣ особъ, которыя оцѣнили доходы съ этихъ имѣній сколько возможно дешевле (по свидѣтельству саксонскаго министра, въ 300,000 злотыхъ, тогда какъ при іезуитахъ они давали до полутора милліона), и по этому можно было получить ихъ чрезвычайно выгодно за малую плату въ казну. Понятно, что делегаты старались, чтобы эти имѣнія, такимъ образомъ, доставались имъ, или тѣмъ, которымъ они покровительствовали. Кромѣ того, Понинскій и Млодзѣевскій съ братіею постарались тогда захватить въ свои руки на значительныя суммы серебра, золота и вообще движимаго имущества іезуитовъ. Наконецъ, для бо̀льшаго обогащенія себя, они назначили себѣ пенсіоны. Постановлено также всѣ староства, послѣ кончины тогдашнихъ владѣльцевъ, отдать на 50 лѣтъ въ пользованіе на основаніи эмфитеутическаго права: такъ называлось право получать казенное имущество на извѣстный срокъ, для приведенія въ устройство. Делегаты постарались захватить въ свои руки нѣсколько старостръ. Короля сперва возмущало это безправіе, но его успокоили. Ему дали четыре староства и тѣмъ увеличили его доходы, да сверхъ того, дали пять старостеъ для раздачи тѣмъ, кому онъ пожелаетъ; изъ нихъ два, Бѣлоцерковское и Богуславское, онъ отдалъ Ксаверію Бранецкому, перемѣнившему свою фамилію въ Браницкаго. Этотъ человѣкъ нѣкогда оказалъ Станиславу-Августу большую услугу въ Петербургѣ. Во время барской конфедераціи онъ находился при русскихъ войскахъ, дѣйствовалъ противъ конфедератовъ и заслужилъ благосклонность Екатерины. Но больше всего возвысило его то, что онъ женился на племянницѣ Потемкина, дѣвицѣ Энгельгардтъ, и черезъ то постоянно пользовался сильнымъ по-

кровительствомъ Потемкина: онъ получилъ санъ великаго короннаго гетмана. Другія староства король отдалъ своимъ племянникамъ. Во вниманіе къ тому, что король потерялъ столовыя имѣнія въ земляхъ, отошедшихъ по раздѣлу къ сосѣдямъ, королю назначено четыре милліона злотыхъ въ годъ, кромѣ доходовъ отъ оставшихся за нимъ столовыхъ имѣній, приносившихъ въ годъ до трехъ милліоновъ, и не считая вновь данныхъ четырехъ старостѣ. Этимъ-то успокоили короля. Онъ надѣялся, что, послѣ всѣхъ уступокъ, ему останутся незагражденными пути ко введенію полезныхъ учрежденій и къ осуществленію его любимѣйшей мысли—утвердить и расширить воспитаніе народа.

Делегація, сообразно желанію посланниковъ, особенно русскаго, Штакельберга, начертала образъ правленія для Польши. Рѣчь-Посполитая оставалась по прежнему съ избирательнымъ правленіемъ, съ liberum veto, съ сенатомъ и сеймомъ. Постановлено, чтобъ только природный полякъ изъ рода Пястовъ, имѣющій шляхетское достоинство и владѣющій въ Польшѣ недвижимыми имѣніями, могъ быть избранъ въ короли; дѣти и внуки бывшаго короля не могли быть тотчасъ послѣ него выбираемыми. Это правило включено въ число коренныхъ или, такъ-называемыхъ, кардинальныхъ законовъ: они состояли изъ прежнихъ съ прибавкою новыхъ, каковы напримѣръ, признаніе свободы и правъ православныхъ и диссидентовъ. Шляхтичъ, убившій или ранившій хлопа, долженъ былъ быть судимъ въ судѣ, какъ и за шляхетнаго человѣка, и за убійство подвергаться смертной казни, а помѣщикъ лишался права судить и наказывать своихъ крестьянъ, но долженъ былъ отдавать ихъ суду. Около короля установленъ совѣтъ, называемый постояннымъ (conseil permanent, nieustająca rada). Онъ состоялъ изъ тридцати шести членовъ: изъ нихъ восемнадцать выбирались изъ сенаторовъ, но въ число ихъ входили министры, безъ

выбора, по своимъ должностямъ принадлежавшіе къ этому совѣту, а восемнадцать изъ шляхетства. Выборы производились въ сеймѣ секретными голосами. Этотъ совѣтъ, вмѣстѣ съ королемъ, имѣлъ значеніе верховнаго правительства. Король предсѣдательствовалъ въ этомъ совѣтѣ, но не могъ поступать противъ воли большинства голосовъ. Король не могъ самовольно назначать епископовъ, воеводъ, кастеляновъ и коммиссаровъ въ правительственныхъ коммисіяхъ, но за нимъ оставалось право назначать въ другія должности по прежнему. Постоянный совѣтъ наблюдалъ за всѣмъ механизмомъ внутренняго управленія, правосудіемъ, военною силой и велъ сношеніе съ иностранными державами. Вслѣдствіе этого онъ раздѣлялся на пять департаментовъ: 1) иностранныхъ дѣлъ, 2) полиціи, 3) правосудія, 4) скарбовый (казначейство), 5) войсковый. Подъ вѣдомствомъ этихъ департаментовъ были коммисіи, завѣдывавшія, ближайшимъ образомъ, соотвѣтствующими ближайшими вѣтвями управленія; войсковая, скарбовая, маршалковская (полицейская), ассесорская (надъ городами). Но однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій этого времени была эдукаціонная коммисія, подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа Масальскаго: она должна была завѣдывать ходомъ просвѣщенія и всѣми учебными заведеніями въ Рѣчи-Посполитой. Только съ этихъ поръ воспитаніе, находившееся въ рукахъ монаховъ и духовенства, зависящаго отъ папы, получило правильный ходъ и надзоръ со стороны правительства и могло сдѣлаться національнымъ. Число войска положено увеличить до тридцати тысячъ. Установлены правила о военной дисциплинѣ, обращено вниманіе на то, чтобы солдатъ не допускать до своевольства надъ жителями. Положено увеличить государственные доходы до тридцати милліоновъ злотыхъ и съ этой цѣлью установлена генеральная классификація подымнаго, собираемаго въ городахъ, сообразно значенію

городовъ, и по качеству облагаемыхъ податью домовъ, а также *чоповаго* и *шеленжнаго* съ производства горячихъ напитковъ. Установлена подать съ гербовой бумаги. Установлены покровительственныя правила для производства отечественныхъ мануфактуръ и съ этою цѣлью уволены отъ пошлинъ матеріалы, привозимые изъ-за границы для фабрикъ; поручено королю выдавать привилегіи и льготы обывателямъ и компаніямъ, учреждающимъ фабрики, а скарбовой коммисіи вмѣнено въ обязанность поощрять составленіе компаній для отысканія металловъ и другихъ земляныхъ богатствъ. Были попытки вообще облегчить судьбу простого народа. Одинъ изъ пословъ, Орачевскій, говорилъ за простой народъ такую рѣчь: «Обратите вниманіе на тѣхъ несчастныхъ дѣтей отечества, которыя доставляютъ вамъ обиліе и благополучіе; допустите въ ожесточенныя сердца ваши мысль, что вашъ убогій работникъ не получаетъ никакой награды за свой трудъ, кромѣ новаго труда для себя; ему суждено трудиться для пользы рода человѣческаго и не думать о своемъ собственномъ улучшеніи; онъ работникъ на васъ съ дѣтства, и въ молодости, и въ зрѣломъ возрастѣ, и въ старости, пока у него силъ стаетъ, и за все это въ дряхлости онъ часто долженъ питаться отъ милосердія другихъ, и нерѣдко, не находя состраданія, мерзнетъ и голодаетъ, и все-таки жалуется не на васъ, а на горькую судьбу свою». Но эта рѣчь осталась только памятникомъ краснорѣчія и благородства оратора. Для простого народа не сдѣлано ничего болѣе, кромѣ того, что еще прежде вынуждено было Россіею. Обыватели раздражались при одной мысли о стѣсненіи своихъ правъ надъ хлопами. Возстановлены были трибуналы и суды, закрытые во время конфедераціи; установленъ сеймовый судъ изъ членовъ сената, не находящихся въ постоянномъ совѣтѣ и пятидесяти четырехъ членовъ изъ шляхетства—высшая инстанція. Изданы нѣкоторыя полез-

ныя узаконенія по гражданскимъ дѣламъ, напримѣръ, о заведеніи книгъ для долговъ въ градскихъ судахъ, объ отчетахъ опекуновъ надъ имѣніями малолѣтнихъ; установлены болѣе строгія правила относительно взысканія долговъ, введено вексельное право и производство по векселямъ и т. д. Ни одинъ сеймъ не оставилъ послѣ себя такихъ важныхъ перемѣнъ и учрежденій; никогда въ Польшѣ не было такой дѣятельности, клонившейся къ улучшеніямъ и благоустройству, какъ въ это время непосредственнаго давленія русской власти. Наконецъ, принята гарантія трехъ державъ. Утвержденный на сеймѣ порядокъ со всѣми учрежденіями охранять приняла на себя одна Россія; другія двѣ державы только гарантировали цѣлость государства. Такимъ образомъ, Россія приняла на себя обязанность надзора и наблюденія за внутреннимъ составомъ и теченіемъ дѣлъ въ Польшѣ. Сеймъ окончилъ свои работы и закрылся въ мартѣ 1775 года.

V.

Польша подъ верховнымъ надзоромъ Россіи.—Ходъ воспитанія.—Неудачный проектъ Андрея Замойскаго.—Оппозиція противъ короля.

Съ этихъ поръ русскій посланникъ, которымъ до 1791 года былъ Штакельбергъ, являлся въ Польшѣ представителемъ той верховной власти, которая находилась въ Петербургѣ. Независимость Польши изчезла. Рѣчь-Посполитая фактически уже принадлежала Россіи и время должно было сдѣлать эту принадлежность опредѣленнѣе и тѣснѣе. Одинъ изъ современниковъ [1]) такъ описываетъ тогдашнее состояніе Рѣчи-Посполитой: «Россійскій посланникъ сталъ вице-королемъ Польши; его креатуры наполняли постоянный совѣтъ. Рѣчь-Посполитая сдѣлалась для русскихъ

[1]) Pam. XVIII. W. VII, 85.

войскъ какъ бы своимъ краемъ. Король, казалось, имѣлъ особенное право по отношенію къ посланнику, но это было только обольщеніе. Правда, Россія наблюдала, чтобъ королю было хорошо подъ ея властью, но въ то же время она хотѣла, чтобы, какъ король, такъ и магнаты, нуждались въ протекціи отъ Россіи. Россійскій посланникъ употреблялъ довѣріе къ себѣ магнатовъ противъ короля, а довѣріе короля противъ магнатовъ, дабы, ссоря ихъ безпрестанно, становить въ необходимость искать у него покровительства», и пр. Изъ министерскихъ бумагъ не видно, чтобы такой планъ умышленно веденъ былъ Россіею, да и не было необходимости. Факты происходили сами собою. Россіи не нужно было заводить и интригъ; оставалось только пользоваться тѣмъ, что поляки дѣлали сами, по своей давней безурядицѣ. Далѣе тотъ же современникъ говоритъ: «Смѣшно подумать, что ни одно значительное дѣло въ градскихъ и земскихъ судахъ, трибуналахъ, коммисіяхъ, консисторіяхъ (особенно въ дѣлахъ по разводамъ) не обходилось безъ того, чтобы россійскій посланникъ не давалъ протекціи; не было провинціи, гдѣ бы онъ не указывалъ кандидатовъ въ послы и не поддерживалъ ихъ на сеймикахъ, и гдѣ бы не исключали тѣхъ, которые были ему неугодны. Послѣ каждаго сейма, путемъ аппеляціи шли жалобы въ Петербургъ на россійскаго посланника, что онъ не умѣлъ угодить тому или другому магнату, что слишкомъ мирволитъ королю, что поддерживаетъ не надлежащее дѣло и т. п. Дошло до того, что Петербургъ сдѣлался нашею столицею, а Варшава стала главнымъ городомъ губерніи, принадлежавшей Россіи, гдѣ вѣжливымъ образомъ, но всѣмъ распоряжалась Москва: губернаторъ этой губерніи назывался посланникъ; московское правительство — гарантіею, губернскій совѣтъ — постояннымъ совѣтомъ, а предсѣдатель этого совѣта—королемъ; и въ этомъ совѣтѣ изъ тридцати шести членовъ большинствомъ голосовъ при-

водилось въ исполненіе то, что̀ приказывалъ посланникъ. Императрица была неограниченная повелительница и принимала на себя всѣ сношенія Польши съ иностранными державами. Никакому государству нельзя было входить съ нами въ переговоры иначе, какъ при посредствѣ Россіи; нельзя было подать ноты иностранному министру, не спросясь у русскаго посланника. Такимъ образомъ, въ Польшѣ настало великое затишье: честные обыватели молчали и запрятались въ домахъ, а все, что́ было знатнаго и сильнаго, лѣзло въ Петербургъ; тамъ было можно увидѣть и польскихъ министровъ, и сенаторовъ, и должностныхъ лицъ, и даже дамъ; все это считало нужнымъ побывать при петербургскомъ дворѣ».

Польское государство, въ прошедшіе вѣка, если не вслѣдствіе своей исторической мудрости, то вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ, играло важнѣйшую роль на сѣверѣ Европы; оно имѣло всѣ данныя, чтобы удержать это значеніе и, только по причинѣ своей деморализаціи, подпало теперь подъ власть того государства, которое за два вѣка передъ тѣмъ Польша топтала побѣдоносною ногою. Но Польша только при давленіи отъ Россіи и могла сколько-нибудь устроиться, сдѣлавшись окончательно неспособною къ самобытной политической жизни. Сами поляки сознавали это, хотя изъ патріотическаго самолюбія стыдно имъ было сознаваться въ этомъ. Біографъ Томаса Островскаго, авторъ въ высшей степени непріязненной къ Россіи книги, сознается, однако, что въ этотъ періодъ подчиненія Польши Россіи, неурядицы и анархическія затѣи уничтожались въ зародышѣ, сеймы проходили спокойнѣе, чѣмъ прежде. Liberum veto не было употреблено ни разу. «Со стыдомъ приходится сознаться, но сообразно съ историческою правдою, что присутствіе россійскаго посланника, который для политики своего двора не нуждался тогда въ смутахъ, наиболѣе способ-

ствовало удержанію въ границахъ общественнаго порядка» [1]).

Причины очевидны. Въ видахъ русскаго правительства отнюдь не было производить смутъ въ Польшѣ и держать ее въ анархическомъ состояніи, какъ поляки воображали и въ чемъ хотѣли увѣрить всю Европу. Но иное дѣло — сильное государство, а иное—благоустроенная страна. Конечно, Россія не расположена была тянуть, такъ сказать, Польши за уши и творить изъ нея сильное государство, во вредъ самой себѣ; политика Россіи всегда препятствовала бы ея политическому усиленію, но Польша и безъ того никакъ не могла сама собою сдѣлаться сильнымъ государствомъ, а сдѣлаться благоустроенной страною могла только подъ иностранною верховною властію. Россія не мѣшала ни благоустройству, ни возвышенію экономическихъ силъ, ни просвѣщенію въ Польшѣ, а напротивъ даже содѣйствовала этому. Собственно, Россія остерегалась не Польши самой по себѣ, а сосѣднихъ государствъ, которыя могли воспользоваться положеніемъ дѣлъ въ Польшѣ и обращать ее орудіемъ своей политики противъ Россіи. Россія не препятствовала Польшѣ получить лучшее внутреннее устройство, но только съ тѣмъ, чтобъ Польша оставалась въ подчиненіи у Россіи, а не у кого-нибудь другого.

Періодъ отъ перваго раздѣла до четырехлѣтняго сейма былъ временемъ составленія полезныхъ проектовъ, изданія хорошихъ законовъ, а всего болѣе благихъ желаній и порывовъ. Со стороны Россіи оказывалось желаніе умиротворить неурядицу, мѣшавшую приведенію въ исполненіе добрыхъ намѣреній. Въ 1776 году, составилась противъ

---

[1]) Wstyd wyznać, co jednak przyznać prawda historyczna nakazuje, że przytomność w stolicy ambassadora Rossyi, który pod ten czas nie potrzebował dla swego dworu polityki zamieszania w Polsce najwięcej przyczyniało do utrzymania w karbach porządku publicznego, etc.

короля партія, главою ея сталъ гетманъ Браницкій. Оба дяди короля, послѣ раздѣла, умерли. Главою партіи Чарторыскихъ сталъ князь Адамъ, человѣкъ тщеславный и недалекій, но умѣвшій ослѣплять глаза панскимъ блескомъ и патріотизмомъ. Съ нимъ за одно былъ молодой племянникъ Браницкаго Сапѣга и братья Потоцкіе, Игнатій и Станиславъ. Они примкнули къ Браницкому. Партія эта надѣялась на Потемкина по родству его съ Браницкимъ и задумывала было устроивать конфедерацію противъ короля; но Штакельбергъ, опиравшійся при своемъ дворѣ на значеніе Панина, прекратилъ всѣ эти затѣи, пославши русское войско разогнать начинавшуюся конфедерацію. Толпа подкупленныхъ Чарторыскимъ и Браницкимъ пословъ явилась на сеймѣ, но король, съ помощью Штакельберга, конфедеровалъ сеймъ, и всѣ послы, приведенные оппозиціею, были исключены. Сеймовымъ маршаломъ выбранъ Мокроновскій, человѣкъ нелюбившій Россіи. На этомъ сеймѣ уничтожена раздавательная коммисія поіезуитскихъ имѣній, прекращены злоупотребленія, которыя она себѣ дозволила, расширена власть короля надъ арміею, и ограниченъ произволъ гетмановъ надъ войскомъ. Андрею Замойскому поручено составить кодексъ законовъ и представить на разсмотрѣніе будущему сейму. Чтобы умиротворить партіи, Штакельбергъ постарался ввести въ постоянный совѣтъ Чарторыскихъ Игнатія Потоцкаго и другихъ пановъ ихъ партіи.

Главнымъ двигателемъ возрожденія Польши было воспитаніе. Злоупотребленія, допущенныя при раздачѣ поіезуитскихъ имѣній, дѣлали недостаточными средства эдукаціонной коммисіи. Въ 1780 году, постоянный совѣтъ назначилъ визитацію, которая открыла большія упущенія. Предсѣдатель коммисіи, Масальскій, заимообразно бралъ изъ кассъ коммисіи деньги и проигрывалъ ихъ. Ему за это не сдѣлали ничего, какъ всегда въ Польшѣ злоупотребленія магнатовъ оставались безъ наказанія; назначены

только надежные кассиры, и доходы коммисіи, приведенные въ порядокъ, возвысились до 2.311,000 злотыхъ. Коммисія раздѣлена была на отдѣлы: великопольскій, малопольскій, мазовецкій, полѣсскій, литовскій, украинскій, волынскій, жмудскій и піарскій. Въ распоряженіи послѣдняго были школы піарскаго ордена, а первые восемь отдѣловъ завѣдывали устройствомъ и содержаніемъ школъ, каждый въ отведенномъ ему участкѣ страны. Ксендзъ Гугонъ Коллонтай получилъ порученіе преобразовать краковскую академію; онъ перемѣнилъ многихъ профессоровъ, замѣстилъ устарѣлыхъ молодыми и болѣе знакомыми съ ходомъ наукъ въ Европѣ, усилилъ преподаваніе математики, указалъ, чтобы преподаваніе физики примѣнялось къ пользамъ жизни, а въ естествознаніи обращено было особое вниманіе на предметы, производимые природою Польши; установилъ, чтобы профессорà составляли программы своего преподаванія и подавали деканамъ, указалъ на новѣйшихъ авторовъ для руководства при изложеніи наукъ, учредилъ для студентовъ экзамены съ тою цѣлью, чтобы не дать имъ лѣниться, и опредѣлилъ посылать достойнѣйшихъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Въ виленской академіи ввели медицину и усилили естественныя науки, въ томъ числѣ астрономію, для которой былъ тогда въ Вильнѣ знаменитый ученый Почобутъ. При академіяхъ устроили учительскія семинаріи для наполненія учительскихъ мѣстъ въ среднихъ заведеніяхъ. Курсъ ихъ былъ трехгодичный. Академіи были не только высшими училищами, но и начальственными мѣстами надъ школами, которыя были подчинены академическимъ совѣтамъ. Послѣдніе наблюдали надъ системой правильнаго преподаванія и посылали визитаторовъ по школамъ. Вообще въ школахъ введено и усилено преподаваніе исторіи, естественнаго права, географіи, математики, физики и естественныхъ наукъ. Вмѣсто латинскаго языка

предписали преподавать науки на польскомъ и внушать дѣтямъ любовь къ своему родному слову. Направленіе новаго ученія клонилось къ тому, чтобы оно непосредственно и прямо приносило пользу въ жизни. Такимъ образомъ, положили ввести въ школы преподаваніе сельскаго хозяйства, чтобъ дѣти получали понятіе о землѣ, ея свойствахъ, о разныхъ видахъ сельской производительности и о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, которыя могли быть въ свое время введены для умноженія сельскаго дохода. Въ разныхъ мѣстахъ предполагали основать спеціальныя заведенія механики и архитектуры. Наконецъ, положено было завести школы для простого народа, по приходамъ. Такъ какъ былъ ощутителенъ крайній недостатокъ учебныхъ книгъ, то въ Варшавѣ образовалось общество для изданія элементарныхъ учебныхъ руководствъ и назначены для того преміи. Скоро начали появляться опыты разныхъ учебниковъ. Въ составленіи этихъ проектовъ принималъ особенно дѣятельное участіе Іоакимъ Хребтовичъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ Польшѣ.

Реформы коснулись и духовныхъ училищъ; между прочимъ, опредѣлили ввести преподаваніе церковной исторіи.

Величайшій недостатокъ эдукаціонной коммисіи состоялъ въ томъ, что она оставила воспитаніе женщинъ въ пренебреженіи; не сдѣлано было никакихъ распоряженій о заведеніи женскихъ школъ и о способѣ въ нихъ ученія. Женщины, по прежнему, должны были получать воспитаніе у визитокъ или сакраментокъ, или въ своихъ семьяхъ отъ иностранныхъ гувернантокъ. Безъ этого, великая цѣль перевоспитанія народа не могла быть достигнута: образованіе половъ шло въ разрѣзъ одно съ другимъ. Это въ особенности чувствовалось въ Польшѣ, гдѣ женщина во всѣхъ видахъ оказывала сильное вліяніе на мужчину, а нерѣдко и власть надъ нимъ.

Блистательнѣе всего въ Польшѣ казалось воспитаніе

въ корпусѣ кадетъ, гдѣ было около восьмидесяти учениковъ. Директоромъ его былъ князь Адамъ Чарторыскій, содержавшій нѣкоторыхъ учениковъ на свой счетъ. Здѣсь хорошо преподавались точныя науки, отечественный языкъ и новые языки. Здѣсь обращалось вниманіе на выработку въ юношествѣ патріотическихъ чувствъ и честныхъ побужденій. Изъ этого-то заведенія вышли Костюшко, Нѣмцевичъ и вообще кружокъ людей, отличавшихся въ послѣдней борьбѣ за существованіе Польши. Вмѣсто прежняго монашескаго, рабскаго, эгоистическаго направленія, юношамъ внушали гражданское мужество, отвагу свободной мысли и готовность на самоотверженіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ вовсе не внушали благоразумной осторожности и сдержанности. Имъ толковали, что ихъ отечество лишено самостоятельности, подпало подъ чужое ярмо, что долгъ молодого поколѣнія побѣдить и изгнать завоевателей; но имъ мало объясняли ту горькую истину, что ихъ отечество отъ вѣковой гнили сдѣлалось неспособнымъ къ самостоятельности и нуждается въ нравственномъ пересозданіи, которое могло совершиться только вѣками. Юноши привыкали видѣть причину печальной судьбы своей родины только во внѣшнихъ ударахъ, и воображали, что стòитъ только пышными фразами пробудить въ своихъ соотечественникахъ временно-усыпленныя благородныя побужденія, и поляки покажутъ свѣту величайшія доблести, тогда какъ то, что́ они считали только усыпленнымъ, на самомъ дѣлѣ было мертво; полякамъ нужно было не пробужденіе, а воскрешеніе: нужно было иныхъ поколѣній, иного времени. Такимъ образомъ, воспитаніе въ этой такъ-называемой рыцарской школѣ страдало кореннымъ недостаткомъ польскаго характера: воспитанниковъ пріучали смотрѣть на дѣло отечества сердцемъ, а не умомъ. Хорошихъ послѣдствій отъ такого рода воспитанія не могло быть. Перевоспитаніе польской націи въ томъ и должно было состоять, чтобы пріучить новое

поколѣніе смотрѣть на вещи болѣе умомъ, чѣмъ сердцемъ, подчинять горячность сердечныхъ побужденій холоду разсудка. А такъ какъ этого не было, то получившіе воспитаніе въ рыцарской школѣ бросались на смѣлыя предпріятія, съ увѣренностью, что вся Польша раздѣляетъ ихъ увлеченія и готова всѣмъ жертвовать для великихъ дѣлъ; этого на самомъ дѣлѣ не оказывалось. Они думали спасти Польшу революціями, а революціи могли приводить ее къ окончательной гибели, что̀ и сталось; ей нужны были не агитаторы, а учители, не борцы съ внѣшними завоевателями, а скромные, трудолюбивые дѣятели, устроители внутренняго порядка, проповѣдники правды собственными поступками въ гражданской обыденной жизни, предпріимчивые промышленники, заботливые сельскіе хозяева, разумночестные собиратели капиталовъ; ей нужно было сознаніе первыхъ правъ человѣка, свобода крестьянина, его прочное благосостояніе и просвѣщеніе,—а прежде всего и паче всего полякамъ нужно было поменьше пить и плясать, а побольше работать. Ко всему этому могло привести одно только благоразумное воспитаніе, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, безъ всякихъ политическихъ увлеченій.

Но вообще воспитаніе, такъ красиво начертанное въ уставѣ эдукаціонной коммисіи, не такъ-то легко осуществлялось на дѣлѣ. Преподаватели въ училищахъ не легко отставали отъ прежней рутины. Пока могли воспитаться и подготовиться молодые наставники, ихъ мѣсто занимали старые, болѣе всего ксендзы и эксъ-іезуиты. Введеніе польскаго языка казалось польскому обществу униженіемъ науки. Отцы скорбѣли о томъ, что дѣти теперь будутъ хуже знать латынь, и слѣдовательно, хуже будутъ обучены: закоренѣлымъ въ старыхъ предразсудкахъ латынь казалась альфою и омегою человѣческой мудрости. Сама коммисія должна была дѣлать уступки и допустить преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ по латыни. Введеніе

естественныхъ наукъ казалось польской публикѣ чѣмъ-то страннымъ. Надъ нимъ отпускали глупыя и невѣжественныя насмѣшки. «Вотъ,—говорили, —учатъ нашихъ дѣтей, что коня ведутъ за поводъ спереди, а не за хвостъ сзади; да это всякій пастухъ знаетъ!» Не смотря на строгія приказанія коммисіи отнюдь не употреблять варварскихъ наказаній, розги и нагайки медленно выводились изъ школъ. Дѣдовскія привычки вездѣ брали верхъ. Монахи и ксендзы настраивали общество противъ новаго воспитанія, жаловались на упадокъ благочестія, большинство вздыхало объ іезуитахъ, желало и требовало ихъ возвращенія, находило, что, съ прекращеніемъ господства монашескаго воспитанія въ Польшѣ, наступило невѣжество и нечестіе. Многіе обыватели не хотѣли отдавать дѣтей въ школы, боясь, что они тамъ потеряютъ благочестіе, и воспитывали ихъ дома, или у монаховъ. Понятно, что такая важная реформа, какую предначертала эдукаціонная коммисія, не могла совершиться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ.

Во всякомъ случаѣ, поляки, учившіеся въ школахъ, устроенныхъ на новый ладъ, все-таки выходили съ большимъ запасомъ полезныхъ знаній и съ лучшими нравственными задатками, чѣмъ ихъ отцы и дѣды. Въ нѣкоторыхъ школахъ и дѣтей били меньше; отъ этого молодымъ паничамъ, по возвращеніи домой, не казалось совершенно хорошимъ дѣломъ безчеловѣчное битье хлоповъ, и несчастные рабы начинали уже находить себѣ въ этихъ паничахъ ходатаевъ и защитниковъ передъ грубыми отцами.

Обращено вниманіе на искусства. Основана въ Варшавѣ школа живописи, и Польша скоро имѣла замѣчательнаго своего художника Шмуглевича. Заведена также школа музыки. Молодые люди посылались за границу для усовершенствованія въ изящныхъ искусствахъ. Основанъ публичный театръ въ Варшавѣ, и поляки показали, что

природа одарила ихъ способностями къ этому роду искусства. Варшавская сцена заблистала истинными талантами, каковы были: Богуславскій, Витковскій, Овсинскій, Свѣжавскій, Трускуловская и пр. Въ драматической отечественной поэзіи отличались писатели: Красицкій, Дроздовскій, Адамъ Чарторыскій, Юліанъ Нѣмцевичъ, актеръ Богуславскій. Вообще отечественная поэзія всѣхъ родовъ украсилась произведеніями Игнатія Красицкаго, писателя талантливаго и разнообразнаго, остроумнаго сатирика, автора, между прочимъ, нравоописательнаго романа «Панъ Подстоличъ»,—неглубокаго, но даровитаго и игриваго лирика Трембецкаго, Княжнина, сатирика Венгерскаго, Шимановскаго, Карпинскаго, Езерскаго. Въ разработкѣ отечественной исторіи отличались: Нарушевичъ—авторъ «Исторіи польскаго народа», Альбертранди, Китовичъ, оставившій драгоцѣннѣйшее описаніе обычаевъ и быта въ восемнадцатомъ вѣкѣ, Когновицкій, написавшій біографію Сапѣгъ, Ѳедоръ Островскій, оставившій капитальный трудъ по исторіи польской церкви, Самуилъ Бантке, историкъ юристъ, только-что начавшій свое учено-литературное поприще. По естественнымъ наукамъ поляки могутъ съ честью указать на Клюка, Юндзилла, химика Андрея Снядецкаго, Губе, Рогалинскаго,—астрономовъ Почобута и Яна Снядецкаго, геолога Сташица, бывшаго также публицистомъ. Словомъ, по всѣмъ отраслямъ знанія являлись у поляковъ писатели. Но кругъ интересовавшихся успѣхами отечественной литературы былъ не великъ, большинство польской публики оставалось ей чуждымъ; аристократія предпочитала читать французскія книги; обыватели почти ничего не читали: въ любомъ гостепріимномъ и открытомъ обывательскомъ домѣ, гдѣ сходились сотни гостей, имена всѣхъ этихъ писателей были почти никому неизвѣстны.

Канцлеръ Андрей Замойскій, которому сеймъ поручилъ

составить кодексъ законовъ, внесъ въ него проектъ въ пользу крестьянъ. Онъ не рѣшался тотчасъ освободить ихъ отъ власти пановъ, а хотѣлъ доставить имъ свободу постепенно, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, и для этого, во-первыхъ, обязывалъ владѣльцевъ заводить въ своихъ селахъ для крестьянъ школы, а во-вторыхъ, непремѣнно дозволять изъ каждой крестьянской семьи увольнять мальчиковъ въ ученіе, за исключеніемъ двухъ, которые должны оставаться при землѣ. Проектъ Замойскаго оканчивался такими словами: «Хлопство наше живетъ въ грубой простотѣ, не имѣетъ никакихъ понятій объ обязанности къ Богу, къ себѣ самому и ближнему: они всѣ плохіе христіане и нерачительные хозяева; религія и общественное благо требуютъ не оставлять народъ въ такомъ невѣжествѣ». Сверхъ того, объявлялись лично свободными тѣ крестьяне, о которыхъ законно могло быть извѣстно, что они нѣкогда поселились на владѣльческихъ земляхъ на условіяхъ: они могли уходить отъ помѣщика, исполнивши эти условія. Какъ ни малы были льготы, предоставленныя крестьянамъ этимъ проектомъ, но шляхетство увидало въ немъ посягательство на свои права и тайное намѣреніе лишить его власти надъ крестьянами, если не тотчасъ, то въ будущее время. Сначала проектъ, представленный на сеймѣ 1778 года, былъ отложенъ до будущаго сейма въ 1780 году. Замойскій на этотъ послѣдній сеймъ представилъ свой проектъ снова, и негодованіе противъ него доходило до того, что составителя открыто называли измѣнникомъ отечества. Кодексъ, составленный Замойскимъ, былъ отвергнутъ цѣликомъ, ради того, чтобъ удалить вопросъ о крестьянствѣ. Для соблюденія приличія, Замойскаго, однако, поблагодарили за трудъ, но нашли его неудобнымъ къ принятію. Семидесятилѣтній канцлеръ удалился отъ дѣлъ въ свои имѣнія. Занимавшійся при немъ въ качествѣ секретаря, Выбицкій, разсказываетъ въ своихъ

запискахъ, что когда онъ самъ послѣ того пріѣхалъ въ Великую Польшу, то его жизнь была въ опасности. «Они,— кричала шляхта,—хотѣли у насъ отнять хлоповъ, обратить шляхту въ хлоповъ, а хлоповъ въ шляхту». Достойно замѣчанія, что подобныя остроты отпускали поляки при Владиславѣ IV, передъ возстаніемъ Хмельницкаго, обвиняя своего короля въ намѣреніи присвоить самодержавную власть, опираясь на хлоповъ.

Вліянію русскаго посланника никакъ нельзя приписать неудачъ на этомъ сеймѣ. Штакельбергъ именно въ то время вовсе не мѣшался въ дѣла, и Россія какъ будто предоставила полякамъ полную свободу. Даже русскія войска были выведены изъ Польши. Штакельбергъ получалъ инструкціи, которыя заставляли его оставаться непричастнымъ: происходило-ли это, какъ думаютъ иностранцы, оттого, что при петербургскомъ дворѣ ослабѣло вліяніе Панина и взялъ верхъ Потемкинъ, или же оттого, что сама Екатерина сочла нужнымъ, въ видахъ своей политики, не налегать слишкомъ на Польшу и предоставить полякамъ самимъ устраиваться—пусть рѣшаютъ другіе, а для насъ несомнѣнно то обстоятельство, что въ это время полякамъ никто не мѣшалъ. На этомъ же сеймѣ, когда конченъ былъ отчетъ объ устройствѣ арсенала и литейнаго завода, по скупости, съ какою поляки открывали свои карманы для общихъ нуждъ, король изъ собственныхъ суммъ выдалъ 701,491 злотыхъ. «Этотъ сеймъ,—говоритъ саксонскій министръ Эссенъ,—доказалъ, что громада поляковъ питаетъ явное отвращеніе ко всему, что только отзывается улучшеніемъ и правосудіемъ».

Жалуясь на политическую тиранію Россіи надъ собою, поляки хотѣли быть у себя дѣйствительными тиранами. Тѣмъ не менѣе духъ времени невольно бралъ свое. Нѣкоторые паны, проникнутые свободомысліемъ вѣка, дѣлали въ своихъ имѣніяхъ облегченія для своихъ крестьянъ.

и учреждали новые порядки. Андрей Замойскій, племянникъ короля Станиславъ Понятовскій, Чарторыскіе увольняли своихъ крестьянъ отъ панщины и замѣняли эту повинность денежнымъ оброкомъ. Это былъ уже прогрессъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Оригинальнѣе поступилъ Іоакимъ Хребтовичъ: онъ приказалъ всѣ свои пахатные грунты порѣзать на четвероугольники, вмѣщавшіе каждый по волокѣ, и подѣлилъ ихъ по достоинству на три рода. Каждый четвероугольникъ составлялъ отдѣльный участокъ; всѣ ихъ отдалъ онъ крестьянамъ, предоставивъ на выборъ платить за нихъ работою, или натуральными произведеніями. На этихъ участкахъ приказано крестьянамъ поселиться, такъ что все имѣніе Хребтовича представляло видъ шахматницы. Нельзя не замѣтить здѣсь того духа реформъ XVIII вѣка, которымъ проникались тогда многіе, думавшіе, что можно устроивать счастіе людей теоріями и распоряженіями, не спрашиваясь съ теоріями и пріемами текущей жизни. Прелатъ Бржостовскій сдѣлалъ въ своемъ имѣніи подобіе Рѣчи-Посполитой; онъ даровалъ подданнымъ привилегіи, подобно тому, какъ давали короли городамъ, устроилъ суды съ присяжными и, вдобавокъ, ввелъ военныя упражненія, а самъ величался какъ бы въ санѣ короля надъ созданной имъ республикой. Безъ всякихъ подобныхъ затѣй и выходокъ, отличался гуманностью обращенія съ крестьянами и заботливостью о ихъ благѣ панъ, который впослѣдствіи навлекъ на себя, болѣе чѣмъ кто-нибудь, проклятія прогрессивной польской партіи — то былъ Щенсный Потоцкій, владѣтель неизмѣримыхъ пространствъ въ Украинѣ. Онъ былъ постоянный приверженецъ старо-шляхетской вольности и безправія. Съ одной стороны, онъ не обладалъ выходящимъ изъ обычнаго уровня умомъ и не получилъ хорошаго образованія, которое могло бы освѣжить въ немъ прадѣдовскую затхлость, съ другой, былъ слишкомъ пански себялюбивъ, честолюбивъ и избалованъ,

чтобъ пожертвовать завѣтными предразсудками; за то отъ природы былъ очень добраго сердца и поэтическаго воображенія. Въ молодости онъ самъ перенесъ страшный ударъ отъ панскаго самодурнаго деспотизма своихъ родителей. Сынъ высокомѣрнаго магната, кіевскаго воеводы Салерія Потоцкаго, онъ страстно полюбилъ дѣвицу Гертруду Комаровскую, дочь сосѣда обывателя, хотя не послѣдняго по происхожденію, но въ глазахъ Потоцкаго никакъ недостойнаго чести породниться съ знатными родами. Молодой Щенсный женился тайно, и до поры до времени оставлялъ жену въ домѣ ея родителей. Вдругъ узнали объ этомъ отецъ и мать и послали довѣренныхъ схватить ее: у стараго воеводы была мысль засадить ее въ монастырь, и при помощи своей панской силы вытребовать разводъ. Довѣренные схватили молодую Потоцкую, повезли ее по осенней кóлоти, ночью встрѣтили обозъ чумаковъ и чтобъ жертва не закричала и не завопила о помощи, стали ее душить подушками и случайно задушили, а потомъ бросили трупъ ея въ прудъ, откуда, впослѣдствіи, случайно вытащилъ ее мельникъ. Молодой Потоцкій былъ въ отчаяніи, хотѣлъ лишить себя жизни, но потомъ предался волѣ родителей и вступилъ въ бракъ съ дѣвицей изъ фамиліи Мнишковъ. Эта была женщина пустая, тщеславная, болтливая и вѣтренная; Потоцкій не любилъ ее, но, по мягкосердію, нерѣдко находился подъ ея вліяніемъ. Потоцкій принадлежалъ къ такимъ натурамъ, которыя не ищутъ развлеченій въ перемѣнныхъ сношеніяхъ съ прекраснымъ поломъ, но для которыхъ необходима всегда женская опека. Онъ никогда не могъ забыть первой любви; на груди у себя носилъ онъ изображеніе своей первой жены, и на всемъ характерѣ его остались до гроба слѣды глубокой меланхоліи. Неразговорчивый, задумчивый, онъ не раздѣлялъ общей всѣмъ панамъ страсти къ шумнымъ пирамъ и кутежамъ. Высокомѣрный съ равными, онъ

былъ добродушенъ и привѣтливъ съ низшими и подвластными. По свидѣтельству знавшихъ его, печальная катастрофа въ молодости содѣйствовала этой чертѣ его характера [1]). Обыкновенно паны раздавали свои имѣнія въ поссессіи, мало обращая вниманія на то, кто ихъ бралъ и наблюдали свои выгоды болѣе чѣмъ благосостояніе крестьянъ. Потоцкій выгналъ изъ своихъ имѣній всѣхъ поссессоровъ и коммисаровъ, на которыхъ къ нему поступали жалобы отъ народа; половину своихъ маетностей роздалъ въ поссессіи такимъ лицамъ, на которыхъ вполнѣ надѣялся, а другую принялъ въ собственное управленіе, раздѣлилъ ихъ на фольварки или округи, заключавшіе по нѣскольку селъ, ввелъ между крестьянами громадское управленіе, не требовалъ отъ нихъ повинностей, кромѣ одного дня панщины въ мѣсяцъ, двѣнадцати дней такъ-называемаго шарварка и двѣнадцати-лѣтнихъ дней покоса и жатвы, разводилъ и побуждалъ крестьянъ разводить лучшіе роды хлѣбнаго зерна, выписалъ лучшую породу рогатаго скота изъ Венгріи и Италіи и поправилъ домашній рогатый скотъ, первый завелъ въ Украинѣ мериносовъ, насаживалъ сады и огороды. Доступный своимъ подданнымъ, внимательный къ ихъ нуждамъ, онъ не думалъ просвѣщать крестьянъ, но не мѣшалъ ихъ благоденствію въ той сферѣ, въ какой они находились; его села блистали бѣлыми хатами посреди роскошныхъ садовъ, окруженные изобиліемъ скирдъ хлѣба, стоговъ сѣна, воловъ, овецъ, пчелъ и пр. У него не слышно было о нищетѣ: крестьяне его не знали европейскихъ одеждъ, за то не было у нихъ недостатка въ произведеніяхъ домашней мануфактуры, потому что женщины, необремененныя панскою работою, имѣли время прясть, ткать и шить для

---

[1]) Мы распространяемся объ этомъ лицѣ потому, что оно играетъ очень важную роль въ исторіи этого времени.

себя и своихъ семей. Вездѣ было довольство и веселіе, вездѣ жили по старинѣ. Щенсный терпѣть не могъ перемѣны обычаевъ, какъ въ своихъ имѣніяхъ, такъ и въ Рѣчи-Посполитой. Впрочемъ, возможность такого управленія зависѣла отъ того, что Потоцкій былъ чрезмѣрно богатъ и получалъ до 80,000 червонцевъ въ годъ. Но онъ не могъ служить образцемъ для всѣхъ, ни даже для своихъ собственныхъ дѣтей и наслѣдниковъ. Притомъ, въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя не состояли подъ его непосредственнымъ управленіемъ, а отданы были въ поссессіи, положеніе крестьянъ было хуже.

Вообще же возстаніе Гонты и Зализняка мало вразумило поляковъ. Современникъ-полякъ, писавшій въ 1790 году, представляетъ южно-русскій народъ страдающимъ подъ страшнымъ произволомъ необузданнаго деспотизма поссессоровъ и коммисаровъ. Крестьянъ изнуряли произвольною работою; съ нихъ брали тяжелыя подати; оффиціантъ производилъ экзекуціи, ѣздилъ съ козаками и гайдуками съ нагайками въ рукахъ, мучилъ безъ состраданія и обиралъ хлоповъ: такъ, напримѣръ, нужно съ крестьянина получить корецъ жита (въ четыре четверика), а онъ беретъ съ него шесть четвериковъ и, такимъ образомъ, вмѣсто трехъ сотъ корцевъ, слѣдуемыхъ пану или поссессору, получаетъ до четырехъ сотъ и болѣе. И лишнее обращается, разумѣется, въ его пользу. Случится неурожай—крестьянину нѣтъ льготы; онъ сбываетъ жиду за безцѣнокъ вола, овецъ, продаетъ свою послѣднюю ветошь, чтобы купить и везти овесъ и рожь въ панскіе магазины. «Мы несчастные,—вопили хлопы,—работаемъ, не переводя духъ; не даютъ намъ собрать собственнаго хлѣба; гніемъ въ дыбахъ (колодахъ), умираемъ подъ канчуками». Украинскіе хлопы, не смотря на неудачу возстанія, все еще продолжали надѣяться на Россію. По извѣстію одного поляка (Bunty ukrainskie), матери, сидя за пряжею, пѣли своимъ

дѣтямъ завѣтныя пѣсни о временахъ Хмельницкаго, а при случаѣ украинскій хлопъ, подпивши, осмѣливался сказать ляху: «о, мы и не такихъ різали»; на это полякъ отвѣчалъ ему: «а мы и не такихъ вішали». Хотя въ послѣднее время законъ запрещалъ помѣщику убивать крестьянъ, но такого рода своевольства продолжались по прежнему; нужно было, чтобы убійца при свидѣтеляхъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія; судьи всегда были готовы защищать обывателя, чтобы не дать потачки посягательству на шляхетскія права. Ограниченіе работъ не имѣло силы; очень часто помѣщикъ, или поссессоръ, по старинѣ томилъ крестьянъ панщиною цѣлую недѣлю, оставляя для крестьянской работы одно воскресенье; крестьянинъ не имѣлъ права ничего купить и продавать иначе, какъ жиду-арендатору, и вообще въ это время крестьянинъ у большинства пановъ продолжалъ имѣть значеніе вещи. За то вездѣ, исключая Украины, гдѣ вѣялъ козацкій духъ, польскій крестьянинъ былъ такъ забитъ, что и не помышлялъ о возможности свободы. Крестьяне въ староствахъ имѣли право жаловаться на злоупотребленія старостъ, но не пользовались этимъ правомъ, потому что было напрасно искать его: старосты всегда умѣли остаться правыми. Въ имѣніяхъ духовныхъ состояніе хлоповъ ничуть не было легче. Они всѣ почти были отданы въ поссессіи и находились въ крайнемъ утѣсненіи.

Являлись попытки къ водворенію фабричной и заводской промышленности. Въ этомъ отличился особенно Тизенгаузъ, получившій въ управленіе столовыя королевскія имѣнія близъ Гродна. Онъ устроилъ тамъ нѣсколько фабрикъ, обращая однако вниманіе на предметы роскоши, проводилъ черезъ дикіе лѣса дороги, но забылъ интересы сосѣднихъ обывателей, и раздражилъ ихъ своимъ обращеніемъ: самъ онъ былъ человѣкъ пьяный, буйный и свое-

вольный; поднялись противъ него жалобы, а между тѣмъ, при дворѣ старались ему вредить другіе паны, между прочимъ Радзивиллъ и Чарторыскіе. Онъ не умѣлъ также поладить и со Штакельбергомъ. Король отнялъ у него управленіе столовыми имѣніями и поручилъ Ржевускому. Затѣи Тизенгауза остались безъ послѣдствій. Въ другихъ мѣстахъ, однако, также проявлялись признаки фабричной дѣятельности. Въ Корцѣ дѣлали фарфоръ, въ Ловичѣ полотна, въ Слуцкѣ пояса. Нѣсколько позже въ русскихъ земляхъ отличался Протъ Потоцкій: въ Махновкѣ основалъ у себя разныя заведенія и скупалъ крестьянскія произведенія, и черезъ то возвышалось благосостояніе сельскаго класса въ Польшѣ и Литвѣ.

Торговля въ Польшѣ и Литвѣ должна была подняться послѣ вырытыхъ двухъ каналовъ: Огинскаго между Припетью и Нѣманомъ, и Мухавецкаго между Припетью и Бугомъ. Но торговля не могла идти хорошо: прусскій король стѣснялъ торговый путь по Вислѣ, взималъ большія пошлины и задерживалъ польскія суда; эти распоряженія совпадали съ постояннымъ намѣреніемъ Пруссіи не допускать Польшѣ приходить къ благоустройству и благосостоянію. Кромѣ того, успѣхамъ торговли мѣшало отсутствіе честности въ исполненіи договоровъ. «Ни купецъ, ни дворянинъ,—писалъ саксонскій министръ Эссенъ,—не въ силахъ истребовать отъ польскаго магната денежной уплаты; суды отказывали въ экзекуціи. У поляковъ, хотя и введено вексельное право, но польскій дворянинъ разрываетъ вексель, представленный ему купцомъ для уплаты, а правосудіе не преслѣдуетъ такихъ должниковъ и не заботится о тѣхъ, которыхъ они разоряютъ. Несмотря на мѣры къ искоренію корыстолюбія и неправды, установленныя предшествовавшими сеймами, все обращается къ прежнему варварству».

Въ 1784 г., этотъ саксонскій министръ изобразилъ чер-

ными красками нравственный уровень поляковъ высшаго класса. По его наблюденіямъ, Польша, при Станиславѣ-Августѣ, вмѣсто того, чтобы поправиться, еще болѣе впадала въ деморализацію. «Двадцатилѣтнее царствованіе короля (говоритъ онъ), оказывающаго примѣрное равнодушіе ко всему, что́ честно, прилично и уважительно, произвело такую распущенность, какой не представляетъ Европа нигдѣ. Поступки, за которые въ другихъ странахъ подвергаютъ тѣлесному наказанію, совершаются здѣсь высшими сановниками, и нѣтъ имъ за то наказанія. Они живутъ въ Варшавѣ, близъ короля, при его дворѣ, состоя въ своихъ должностяхъ. Хотите подробностей? Не угодно ли узнать воеводу, который укралъ перстень, или графа, мальтійскаго кавалера, которому, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, жена русскаго воеводы сказала: «вы у меня украли часы; небольшой вамъ отъ этого выигрышъ: они стоятъ всего восемьдесятъ червонцевъ». А вотъ кавалеръ синей ленты (Бѣлаго Орла). Онъ приказалъ украсть свои заемныя обязательства у адвоката, которому его заимодавцы дали ихъ для взысканія по нимъ денегъ. Этотъ фактъ случился всего двѣ недѣли назадъ (писано 1 мая 1784 г.). Есть въ республикѣ министръ, который съ своимъ камердинеромъ пошлетъ въ залогъ свое серебро, и прикажетъ отправить это серебро въ свое имѣніе, а потомъ начинаетъ процессъ противъ тѣхъ, которые ему дали денегъ подъ серебро впередъ, не получивши еще залога, требуетъ обратно серебра, не платитъ денегъ, подъ предлогомъ, что камердинеръ укралъ серебро, а камердинеръ черезъ полгода опять у него служитъ. А вотъ другой министръ—несправедливо захватилъ имѣніе у сосѣда. Трибунальскій декретъ далъ послѣднему право вступить во владѣніе своею собственностію. Министръ подалъ апелляцію въ постоянный совѣтъ, гдѣ самъ засѣдаетъ. При явной подачѣ голосовъ онъ выигрываетъ, при тайной про-

игрываетъ. Тогда онъ поручаетъ своему сыну, полковнику, съ вооруженною силою захватить имѣніе. Послѣ сраженія между солдатами и крестьянами, на которомъ пало тридцать четыре человѣка солдатъ, полковникъ убѣжалъ. Одного воеводу потянули къ суду за составленіе фальшивыхъ векселей, другой въ судѣ отрекался отъ собственноручной подписи, третій держалъ у себя въ домѣ фальшивыя карты и обыгрывалъ молодыхъ людей: такую непріятность испыталъ и королевскій племянникъ. Четвертый продавалъ имѣніе, которое ему не принадлежало, такъ что покупщикъ, пріѣхавши въ купленное имѣніе, нашелъ тамъ иного собственника, который принялъ его за съумасшедшаго. Пятый, чтобъ сдѣлать себя ложнымъ банкротомъ, выдумалъ на свое имѣніе залоги и собиралъ спокойно съ нихъ доходы подъ чужимъ именемъ, а заимодавцамъ своимъ не платилъ. Шестой разорвалъ вексель передъ глазами своего заимодавца и приказалъ послѣдняго крѣпко отколотить. Седьмого стращаетъ императорско-королевскій чиновникъ обѣщаніемъ опубликовать его имя въ газетахъ, за то, что отрекается въ займѣ денегъ у вѣнскаго гражданина, который выручилъ его отъ заимодавцевъ. Осьмой, коронный офицеръ, заманилъ къ себѣ молодую даму, приказалъ своимъ слугамъ придержать ее и изнасиловалъ. Девятый взялъ у иностранца-врача на сохраненіе вещи, цѣною на три тысячи червонцевъ, и потомъ отрекся отъ своего долга. Я упоминалъ только о такихъ поступкахъ, которые въ высшей степени преступны и совершены въ послѣднее время лицами высшаго общества, занимающими притомъ важныя мѣста въ государствѣ, устраиваютъ у себя блестящія собранія, о которыхъ никто не скажетъ дурного слова, хотя знаютъ всѣ, что̀ за ними водится. Стало быть саксонскій маршалъ (Marechal de Saxe—извѣстный Морицъ, побочный сынъ Августа II, знаменитый полководецъ) не былъ не правъ, ска-

завши, что полунегодяй (demicoquin) въ Германіи будетъ въ Польшѣ честнѣйшимъ человѣкомъ... Еслибъ курфирсту понадобилось, чтобъ я указалъ ему три честныя и прямыя личности въ Польшѣ, я бы не могъ указать ни единой. Государи, говорятъ поляки, ничего не дѣлаютъ безъ собственныхъ выгодъ; мы республиканцы и государи; мы готовы служить чужимъ государямъ, насколько они намъ дѣлаютъ. И вотъ Россія, великая и страшная держава, истрачиваетъ отъ сорока до пятидесяти тысячъ червонцевъ въ годъ на пенсіоны для того, чтобы въ постоянномъ совѣтѣ, въ скарбовой коммисіи и въ другихъ учрежденіяхъ держать служащихъ ей людей, а все-таки, несмотря на повелѣнія и письма императрицы, русскіе подданные постоянно проигрываютъ процессы. Такое состояніе дѣлъ, достойное удивленія, до того взволновало одного изъ здѣшнихъ иностранныхъ министровъ, что онъ съ каждою почтою проситъ увольненія изъ этой страны, гдѣ онъ живетъ только два года. Онъ говоритъ, что если его не отзовутъ, то онъ возьметъ отставку отъ службы вовсе, потому что честному человѣку унизительно занимать здѣсь должность министра.» Это былъ англійскій министръ, лордъ Dalrymple [1]).

Нельзя не замѣтить въ этомъ письмѣ, какъ вообще въ письмахъ Эссена, того предубѣжденія, какое почти всегда и вездѣ питаетъ нѣмецъ къ славянамъ; кромѣ того, саксонскій министръ хочетъ видимо представить кругъ, въ которомъ находится, въ возможно-грязномъ свѣтѣ, для того, чтобъ возвысить цѣну своихъ трудовъ и безпокойствъ по занимаемой должности, и тѣмъ самымъ показать, что за это онъ достоинъ особой милости и вниманія своего князя-избирателя. Такія происшествія, какъ оспариваніе подлинности и законности векселей, отреченіе отъ соб-

---

[1]) Hermann. VI, Anhang, III, 190.

ственной подписи, бываютъ вездѣ и могутъ быть слѣдствіемъ недоразумѣній; чтобы обвинить за это кого-нибудь, нужно выслушать съ его стороны доказательства. Но за то другіе признаки, какъ напр. наѣзды на имѣнія, карточныя продѣлки, продажа небывалаго имѣнія — все это факты, о которыхъ мы узнаемъ и изъ польскихъ источниковъ того времени, и это только даетъ нравоописанію Эссена достоинство достовѣрности, несмотря на его пристрастный тонъ. Самый горячій патріотъ того времени, Коллонтай, въ своихъ письмахъ говоритъ: «Всеобщій безпорядокъ въ домахъ, злонравіе и развратъ въ семействахъ, несправедливость въ судахъ, безнравственность и невѣжество духовенства, негодность войска, неповиновеніе закону и властямъ, все это привело насъ къ тому презрѣнному и подлому состоянію, которое даетъ нашимъ сосѣдямъ противъ насъ смѣлость». Но, слѣдуетъ замѣтить, однако, что въ тотъ вѣкъ много можно найти примѣровъ безнравственности въ аристократическихъ обществахъ другихъ странъ Европы, а потому было бы несправедливо взваливать на поляковъ исключительно тѣ пороки, какіе болѣе или менѣе встрѣчались вездѣ. Для насъ важно не столько то, что за поляками водились дурныя дѣла, и Польша изобиловала темными сторонами, какія можно было видѣть въ другихъ странахъ, сколько то, что у поляковъ почти не видно было тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, которыми, при всѣхъ порокахъ своихъ высшихъ сферъ, обладали другія націи.

VI.

Оппозиція противъ короля.—Процессъ Угрюмовой.—Сеймъ 1786 года

Съ 1780 г. до четырехлѣтняго сейма (1788 г.) король боролся съ внутренними противниками, которыхъ соединяли противъ него разнородныя побужденія. Оппозиція

эта вначалѣ, какъ было сказано, вертѣлась около личности Адама Чарторыскаго. Къ нему примкнули два брата Потоцкіе, Игнатій и Станиславъ, хотѣвшіе играть роль реформаторовъ и передовыхъ вожаковъ своей націи. Оба воспитывались сначала въ конviктѣ піаровъ, потомъ получили образованіе за границей, усвоили новыя европейскія понятія о перестройкѣ обществъ и хотѣли примѣнить ихъ въ Польшѣ, задавались мыслью о возрожденіи своего отечества, о прогрессѣ воспитанія, о равноправности гражданъ, о внутренней силѣ и внѣшней независимости своей страны. Игнатій прежде готовился къ духовному званію, и для этой цѣли получилъ высшее образованіе въ Римѣ, а въ Польшу воротился въ видѣ моднаго аббата того вѣка, но потомъ раздумалъ и оставилъ это поприще. Оба брата женились на родныхъ сестрахъ, дочеряхъ богатаго коронного маршала, князя Любомирскаго, находившагося подъ вліяніемъ жены своей, урожденной Чарторыской, которая, по своимъ огромнымъ средствамъ и по умѣнію держать себя съ пышностью, пользовалась во всей Рѣчи-Посполитой большимъ значеніемъ. Игнатій былъ человѣкъ даровитый, обладалъ превосходною памятью, много читалъ, но блисталъ болѣе краснорѣчіемъ, остроуміемъ и свѣтскимъ лоскомъ, чѣмъ глубокомысліемъ и основательностью, не чуждъ былъ склонности къ интригамъ и думалъ быть великимъ политикомъ, хотя постоянно въ этомъ дѣлалъ промахи. Станиславъ былъ основательнѣе своего брата, ослѣплялъ поляковъ своимъ краснорѣчіемъ, но былъ очень заносчивъ. Современники находили въ Станиславѣ болѣе эгоизма; Игнатій былъ его задушевнѣе и безкорыстнѣе любилъ родину; его замашка хитрить и интриговать болѣе происходила отъ воспитанія и обстоятельствъ, чѣмъ отъ характера. Они склонялись къ демократическимъ идеямъ, хотя не смѣли еще выявлять ихъ рѣзко, но въ то же время задушевнымъ желаніемъ обоихъ было—возвышеніе и блескъ

своей фамиліи. Около нихъ собирались люди съ меньшимъ значеніемъ по роду и богатству, также знакомые съ европейскими современными идеями, пропитанные мыслью о поднятіи своего отечества. Къ нимъ стали склоняться и сердца молодежи, получавшей воспитаніе въ корпусѣ кадетъ. Эта прогрессивная партія была въ то время во враждѣ съ королемъ и это обстоятельство соединило ее съ гетманомъ Браницкимъ; и онъ также кричалъ о возрожденіи отечества, вопіялъ противъ короля, указывалъ на него, какъ на причину, замедлявшую въ Польшѣ улучшенія. По происхожденію своему отъ предковъ онъ былъ козакъ и по характеру подходилъ къ типу тѣхъ ошляхтѣвшихъ малоруссовъ, въ родѣ Выговскихъ, Бруховецкихъ, Мазепъ, которые полвѣка волновали Малороссію, съ любовью къ смутамъ, интригамъ и безурядицѣ. Веселаго нрава, разгульный, буйный, щедрый, съ воинственными замашками—онъ имѣлъ много такого, что̀ могло привязать къ нему толпу шляхты: съ виду казался открытымъ и прямымъ, въ самомъ дѣлѣ былъ хитеръ и двоедушенъ. Это былъ эгоистъ, думавшій только о себѣ, безъ чести, безъ вѣры, безъ убѣжденій, мстительный, самолюбивый, не терпѣлъ короля и Штакельберга, и куролесилъ противъ нихъ, надѣясь на протекцію Потемкина, дяди жены своей. Онъ постоянно восхвалялъ свободу, вопіялъ противъ наклонности королей къ деспотизму, но однажды въ бесѣдѣ съ нимъ его покровитель Потемкинъ ловко и рѣзко обличилъ его, сказавши ему: «если бы ты былъ достоинъ, чтобъ тебя сдѣлали королемъ, не было бы въ свѣтѣ злѣйшаго деспота какъ ты.» Онъ всегда былъ покоренъ Екатеринѣ, но не по истинной привязанности къ Россіи, напротивъ, не терпѣлъ *москалей*, а держался ихъ потому, что видѣлъ въ этомъ свою силу и свои выгоды. Его огромныя имѣнія лежали въ Украинѣ, и въ случаѣ непокорности Россіи, могли быть тотчасъ захвачены. Екатерина знала

это, понимала его, ласкала и берегла на случай, потому что онъ былъ способенъ сдѣлаться для нея какимъ угодно орудіемъ, когда окажется крайность употребить его въ дѣло. Съ нимъ былъ заодно племянникъ его, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, сынъ бывшей любовницы короля, женщины нѣкогда веселаго поведенія, а потомъ ханжи и отъявленной интригантки: она любила дѣлать разныя каверзы и козни на сеймикахъ и трибуналахъ, подкупала судей для рѣшенія несправедливыхъ тяжбъ, въ Варшавѣ устраивала великолѣпные балы и домашніе театры, но для этого занимала деньги и безстыдно ихъ не платила: въ числѣ ея заимодавцевъ была одна французская принцесса, у которой она заняла пять тысячъ червонцевъ и не хотѣла платить; тогда графъ Верженъ говорилъ, что нужно издать королевскій ордонансъ, запрещающій французамъ давать въ долгъ деньги полякамъ. Сынъ ея, находившійся долго подъ ея вліяніемъ, былъ повѣса, кутила, забіяка, самолюбивый и пустой, корчившій изъ себя оратора и гражданина и безпрестанно рисовавшійся. Къ нимъ присталъ Северинъ Ржевускій, польный гетманъ, сынъ того, который былъ сосланъ Рѣпнинымъ въ Калугу, товарищъ отцовскаго изгнанія; это былъ человѣкъ до безумія самолюбивый, высокомѣрный, взбалмошный, горячій, о которомъ даже близкіе его говорили подчасъ, что у него мозгъ не въ порядкѣ. Съ ними сошелся Вельогорскій, большой любитель всего французскаго, щеголявшій сладкими манерами, гордившійся личнымъ знакомствомъ съ Жанъ-Жакомъ Руссо, любовникъ жены Станислава Потоцкаго. Къ этому кружку принадлежали и даже управляли имъ знатныя женщины. Первая изъ нихъ была гетманша Огинская (урожденная Чарторыская), богатая и чрезвычайно гостепріимная госпожа, умѣвшая соединять около себя общество; это была, такъ сказать, вѣщая жена оппозиціи. Другая была Изабелла Чарторыская, жена Адама,

урожденная Флеммингъ; прежде она была любовницею короля, потомъ находилась въ связи съ Рѣпнинымъ и такъ обирала его, что русскій посланникъ былъ весь въ долгу, и Екатерина должна была выручать его; перебывавши со многими въ короткихъ отношеніяхъ, она расточала свои ласки Ржевускому. Патріоты, плѣняемые широкимъ гостепріимствомъ въ ихъ домѣ, смотрѣли на нее, какъ на божество. Дочь ея была отдана за принца Виртембергскаго и мать замышляла, вмѣсто Понятовскаго, посадить на тронъ своего зятя, тогда какъ Огинская замышляла то же для своего мужа. Третья была княгиня Любомирская, также бывшая нѣкогда любовницею короля, женщина властолюбивая и чрезвычайно богатая; ея зятья, Потоцкіе, зависѣли отъ нея и пользовались ея благодѣяніями, потому что состояніе Потоцкихъ, хотя немалое, было недостаточно для такой открытой жизни, какую надо было вести въ Польшѣ, для того, чтобы имѣть вліяніе. Любомирская была большая непріятельница короля, но не покровительствовала новымъ идеямъ и была сторонницею прежняго шляхетскаго порядка, тогда какъ Чарторыская, вмѣстѣ съ мужемъ, возбуждали свое общество къ новизнѣ и реформамъ. Четвертая была княгиня Сапѣга, мать Казимира-Нестора; она въ то время дышала свирѣпою ненавистью противъ короля. Пятая была Коссаковская, каштелянша каминская, большая интригантка. Бывшія любовницы короля и покинутыя имъ, теперь стали заправщицами оппозиціи противъ короля. Въ Польшѣ все зависѣло отъ знатныхъ домовъ, гдѣ можно было ѣсть, пить и плясать; эти женщины, устраивая у себя веселыя сборища, двигали всѣмъ дѣломъ и давали направленіе всей Польшѣ; у каждой изъ нихъ были родные, пріятели, поклонники, секретари, пленипотенты, резиденты и, наконецъ, такъ-называемые гермки, слуги изъ шляхты: всѣ

эти люди, по инициативѣ госпожъ, кричали противъ короля, возбуждали къ нему неудовольствiе.

Между всѣми важными лицами оппозицiи было мало общаго въ основанiяхъ. Теперь ихъ соединяла непрiязнь къ королю, но когда обозначились политическiя стремленiя, то многiе изъ этихъ лицъ стали враждебно другъ къ другу. Теперь, пока еще они были между собой согласны и за каждымъ изъ нихъ была толпа обывателей и шляхты: оппозицiя представляла единство и силу. Они дѣйствовали обычнымъ въ Польшѣ порядкомъ, т. е. подпаивали шляхту на сеймикахъ и выбирали такихъ пословъ, которые за полученныя деньги или обѣщанiя, кричали и поступали на сеймахъ такъ, какъ имъ велѣли господа.

На сеймѣ 1782 года эта оппозицiя стала перечить во всемъ королю. Вражда открылась по поводу дѣла объ арестованiи краковскаго епископа Солтыка, котораго умственныя способности пришли въ разстройство; король отдавалъ доходы епископства плоцкому епископу, своему брату; и хотя братъ короля былъ такъ остороженъ, что отказывался отъ этихъ доходовъ, но оппозицiи нуженъ былъ предлогъ. Въ засѣданiи сейма Браницкiй кричалъ, что король хочетъ присвоить абсолютную власть, роптатъ на деспотизмъ и говорилъ, что шляхтѣ приходится работать уже не языкомъ, а саблею. Ржевускiй дошелъ до того, что сказалъ: «Польская шляхта не нѣмецкая, и если польскiй король хочетъ сообразить, до чего можетъ дойти польскiй народъ, защищая свою вольность, то пусть припомнитъ судьбу англiйскаго короля Карла I». Шумъ и безурядица на сеймѣ достигли того, что скоро пошли бы въ дѣло сабли; но этому положилъ предѣлъ Штакельбергъ. Онъ объявилъ: «Ея величество императрица вовсе не желаетъ, чтобы Польшу волновали партiи; она будетъ поддерживать порядокъ и законныя формы существующаго въ Польшѣ правленiя; конечно, никому не запре-

щаетси говорить о сохраненіи своихъ правъ и привилегій, но я желаю, чтобъ несогласія ваши были принесены въ жертву нуждамъ отечества, чтобъ предложенія отъ трона были подвергаемы надлежащему и спокойному обсужденію». Это заявленіе успокоило сеймъ. Крики перестали, но сеймъ, составленный изъ подкупленной толпы, ничего не сдѣлалъ важнаго.

Король, послѣ этого, прильнулъ тѣснѣе къ Россіи и просилъ императрицу, черезъ своего посланника въ Петербургѣ, устроить между Польшею и Россіею тѣснѣйшій дружественный союзъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, находясь въ долгахъ, просилъ поручиться за него въ новомъ займѣ. Императрица благодарила за желаніе союза и заявила, что когда будетъ нужда, тогда пусть Польша покажетъ свою дружбу къ Россіи: что́-же касается до займа, то императрица напомнила королю, что еще прежде занятыя суммы подъ доходъ съ королевскихъ экономій, за поручительствомъ Россіи, не выплачены, и потому она не приметъ на себя гарантіи въ новомъ займѣ, а прикажетъ своему посланнику, чтобы на предстоящемъ сеймѣ были приняты мѣры къ уплатѣ королевскихъ долговъ. Требовать этой уплаты отъ сейма, казалось тѣмъ законнѣе, что король тратилъ занятыя суммы на общественныя постройки и на предметы государственныхъ нуждъ.

Слѣдующій сеймъ отправлялся въ Гродно въ 1784 году необыкновенно спокойно. Императрица приказала посланнику внушить Браницкому, чтобы онъ велъ себя благоразумнѣе и не буянилъ на сеймѣ, а лучше пусть не является туда вовсе. Браницкій повиновался. Съ другой стороны, княгиня Любомирская, которая въ это время склонялась къ покою, не пустила туда своего зятя Ржевускаго, злѣйшаго крикуна, и даже, какъ говорятъ, обѣщала ему за то семь тысячъ червонцевъ. Сеймъ состоялъ изъ пословъ, преимущественно подобранныхъ сторонни-

ками Штакельберга—Рачинскимъ въ Великой Польшѣ и Радзивилломъ въ Литвѣ. Король, передъ созваніемъ сейма, съѣздилъ самъ лично въ Нѣсвижъ. Panie Kochanku видѣлъ, что самолюбіе его удовлетворилось, принялъ короля съ большими почестями, и съ тѣхъ поръ сдѣлался его приверженцемъ. Стоило одного слова этого магната, чтобы вся литовская шляхта была за короля. На сеймѣ положили принять въ уплату королевскій долгъ — семь милліоновъ, разложили его на десять лѣтъ, со взносомъ ежегодно по семисотъ тысячъ. Но королю не удалось склонить пословъ увеличить налоги и, тѣмъ самымъ, дать средства къ умноженію военныхъ силъ. Поляки, по слѣдамъ отцовъ своихъ и дѣдовъ, не любили давать денегъ на общественныя нужды.

Вслѣдъ за сеймомъ 1784 г. произошло событіе, связанное съ оппозиціею. Какая-то Угромова или Угрюмова, англичанка по происхожденію, жена русскаго офицера, сперва доносила, черезъ посредство королевскаго камердинера Рикса и генерала Комаржевскаго, будто Чарторыскіе и Тизенгаузъ подкупали ее отравить короля, повторяла этотъ доносъ трижды, и была отвергаема, наконецъ король запретилъ принимать отъ нея доносы. Тогда она явилась къ Чарторыскому и объявила, что королевскій камердинеръ Риксъ уговаривалъ ее отравить Чарторыскаго. Послѣдній сообщилъ объ этомъ своей сестрѣ Любомирской, а та поручила приняться за это дѣло зятьямъ своимъ Потоцкимъ. Станиславъ, вмѣстѣ съ Тэйлоромъ, обанкрутившимся купцомъ, схватилъ Рикса въ квартирѣ Угромовой и привезъ къ Любомирской. Игнатій составилъ оффиціальный искъ. Показывали, будто слышали, какъ Риксъ предлагалъ Угромовой пять тысячъ червонцевъ за поручительствомъ Комаржевскаго.

Началось дѣло въ маршалковскомъ судѣ. Король приказалъ вести его какъ можно открытѣе и публичнѣе и до-

пустилъ истцовъ выбрать съ своей стороны ассессоровъ, которые бы сидѣли въ судѣ и участвовали въ сужденіи. Къ удивленію многихъ, такимъ ассессоромъ былъ Игнатій Потоцкій, одинъ изъ истцовъ. Процессъ возбуждалъ вниманіе всей Польши. Повсюду въ домахъ нѣсколько времени только и рѣчей было, что объ удивительномъ дѣлѣ; многіе нарочно пріѣхали изъ имѣній въ столицу слѣдить за процессомъ. Враги силились опозорить короля и его придворную партію. Любомирская, Чарторыскій, Огинская, Браницкій потратили большія суммы, разсыпали ихъ не только въ Варшавѣ, но въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Берлинѣ, чтобъ задобрить въ свою пользу иностранные дворы и найти пути къ благосклонности государей. Императора Іосифа удалось имъ такъ заинтересовать, что, по выраженію его министра въ Варшавѣ, онъ столь горячо принималъ къ сердцу это дѣло, какъ будто бы шло о пріобрѣтеніи новыхъ областей. Но Екатерина и Фридрихъ II сразу поняли, что все это значитъ, и называли поднятую въ Варшавѣ кутерьму интригою оппозиціи противъ короля. Дѣло Угромовой окончилось въ пользу короля. Оппозиція, просадивши огромныя суммы, осталась побѣжденною и осрамленною. Угромова была присуждена къ позорному столбу, а потомъ къ тюремному заключенію въ исправительномъ домѣ. Замѣчательно, что Тэйлоръ потерпѣлъ шестимѣсячное заключеніе за оскорбленіе Рикса, но за то потомъ награжденъ былъ отъ Любомирской имѣніемъ; Потоцкіе же не потерпѣли наказанія за оскорбленіе Рикса. Адамъ Чарторыскій, за ложный доносъ, подвергся кондемнатѣ, т. е. лишенію чести и изгнанію, но это замѣнено денежною пенею. Впрочемъ, безъ этого, явное безчестіе падало, въ глазахъ всей Европы, какъ на Чарторыскаго, такъ и на братьевъ Потоцкихъ. Съ ихъ ли наущенія стала Угромова доносить о намѣреніи отравить Чарторыскаго, или они только вос-

пользовались этимъ случаемъ — носомнѣнно то, что они хотѣли обратить этотъ случай во вредъ королю нечестными средствами. Другіе корифеи оппозиціи — Браницкій, Вельогорскій, Ржевускій, поддерживали ихъ. Королевская партія твердила, что Угромова была только жалкое орудіе заранѣе придуманной интриги.

Чтобъ очистить себя отъ понесеннаго срама, оппозиція хотѣла, во чтобы то ни стало, торжествовать на будущемъ сеймѣ. Ей необходимо было устроить такой составъ сеймовой Избы, который бы всецѣло находился у нея во власти и безусловно служилъ ея видамъ. И вотъ, оппозиціонные паны стали дѣлать у себя многочисленныя сборища, привлекать всѣми мѣрами обывателей и настраивать общественное мнѣніе противъ короля жалобами на упадокъ отечества. Съ враждою къ королю сливалось патріотическое стремленіе къ возрожденію отечества. Дѣло принимало видъ политическаго заговора. Главныя сборища были у княгини Огинской: въ ея имѣніи Сельцахъ, въ теченіи мѣсяца каждый день обѣдали человѣкъ двѣсти и больше. Два брата Потоцкіе, Браницкій, Сапѣга, Чарторыскій были двигателями на этихъ собраніяхъ. Къ нимъ присталъ тогда и Щенсный-Потоцкій, богатый и потому сильный. Тогда поляки надѣялись, что имъ придетъ спасеніе изъ Австріи: тамъ надобно было искать нѣжнѣйшаго участія и безкорыстной помощи; восхваляли милосердіе и справедливость Іосифа II; прославляли величіе и могущество его державы. Въ Сельцахъ, подъ вліяніемъ хлѣбосольства, обыватели усвоивали враждебное настроеніе противъ короля и разъѣзжались домой, готовые поддерживать, на сколько могли и умѣли, дѣло оппозиціи; коноводы поспѣшили въ разные края подготовлять подпоемъ и подкупомъ сеймики. Браницкій и Сапѣга взяли на себя подготовку Великой Польши, да сверхъ того Сапѣга еще и Бреста-Литовскаго: Браницкій хвалился, что уже за-

платилъ подымное за три тысячи шляхты. Чарторыскій взялъ на себя Подоль и Холмъ, Пнинскій и Липскій — Люблинъ, Огинскіе Литву, Щенсный-Потоцкій Украину; на Волыни принялись работать Сангушко, Чапскій и другіе.

Паны, по обычаю, повезли шляхту на сеймики. Трата денегъ и вина была чрезмѣрная. Два сеймика, говорятъ, стоили Чарторыскому сто тридцать тысячъ червонцевъ. Не обходилось безъ кровавыхъ сценъ. Современникъ Нѣмцевичъ, приживалецъ Чарторыскихъ, разсказываетъ, что въ Каменцѣ, противодѣйствуя Чарторыскимъ, собиралъ въ доминиканскомъ монастырѣ шляхту князь Нассау-Зигенъ, нѣмецъ, получившій право шляхетства (индигенатъ) въ Польшѣ. Взяла верхъ большинствомъ партія Чарторыскихъ, и шляхта этой партіи напала на пьяную, лежавшую безъ чувствъ на валу крѣпости, шляхту противной партіи. Загнувъ лежавшимъ полы кунтушей и жупановъ кверху, надѣлали имъ саблями насѣчки на заднихъ мягкихъ частяхъ тѣла. Чарторыскій, узнавъ объ этомъ, по своему великодушію, послалъ на свой счетъ жидовъ-цирюльниковъ зашивать дратвою израненныхъ противниковъ. Это была милая шутка онаго времени.

Но король также не остался безъ дѣла. Расположенные къ нему паны работали на сеймикахъ и, по ихъ нaущенію, выбирались такіе послы, которые шли съ тѣмъ, чтобъ защищать короля. Притомъ оппозиція ошиблась въ разсчетѣ: нѣкоторые изъ тѣхъ пословъ, которые были ею выбраны и на которыхъ она надѣялась, не рѣшались стоять за нее, когда Штакельбергъ началъ склонять ихъ къ смиренію. Только Чарторыскому удалось привести на сеймъ человѣкъ шестьдесятъ задорныхъ, тогда, когда всѣхъ пословъ было сто восемьдесятъ, а съ принадлежащими къ сенаторской Избѣ всего 338. Изъ остальныхъ пословъ,

хотя значительная часть была согнана на сеймъ оппозиціею, но они тотчасъ готовы были отступить изъ страха.

Сеймъ открылся. Браницкій, въ посольской Избѣ, первый поднялъ противъ короля голосъ. Онъ не обратилъ вниманія на предостереженія Штакельберга и даже несчелъ нужнымъ, по отношенію къ нему, исполнить долгъ вѣжливости и отвѣчать на письмо его. За Браницкимъ заговорилъ Чарторыскій; за нимъ заорала толпа подкупленныхъ пословъ. Но приверженцы короля, также подговоренные и подкупленные его партіею, силились перекричать противниковъ. Тутъ потушили свѣчи. Сенаторы и министры бѣжали, послы стали между собой ругаться и схватились за сабли. Сеймовая Изба, говорятъ современники, стала похожа на жидовскую корчму. Но король поспѣшилъ окружить ее гвардіею, а Штакельбергъ объявилъ Браницкому, что если онъ сдѣлаетъ малѣйшее поползновеніе къ ниспроверженію гарантированнаго императрицею порядка, то посланникъ императрицы приметъ рѣшительныя мѣры. Это внушеніе прохолодило и Браницкаго и его соумышленниковъ.

На другой день, по вліянію Штакельберга, большинство исключило изъ своей среды толпу пословъ, неправильно выбранныхъ и навезенныхъ Чарторыскимъ; такимъ образомъ, сто тридцать тысячъ червонцевъ ушли изъ его кармана понапрасну.

На этомъ сеймѣ, по протекціи Потемкина, русскій посланникъ долженъ былъ объявить желаніе императрицы, чтобъ имя Браницкаго было вычеркнуто изъ процесса Угромовой. По ходатайству императора Іосифа, Екатерина желала, чтобъ и Чарторыскій былъ освобожденъ отъ приговора. Король съ своей стороны также заявилъ желаніе, чтобъ Чарторыскій и всѣ замѣшанные въ этотъ процессъ были очищены отъ безчестія. Это великодушіе, однако, не помѣшало ему наслушаться отъ Ржевускаго такихъ оскорбленій, послѣ которыхъ послѣдняго заставили у ко-

роля просить прощенія. Сеймъ этотъ, не сдѣлавши ничего важнаго, разошелся.

Чарторыскій, нѣсколько разъ осрамленный, удалился въ свое имѣніе Пулавы, и тамъ зажилъ роскошно, въ качествѣ покровителя искусствъ, литературы и патріотическихъ стремленій. Такъ какъ затѣи его не удавались, главнымъ образомъ, отъ Россіи, то онъ сдѣлался отъявленнымъ врагомъ ея и распространялъ вражду къ ней между своими гостьми и блюдолизами. Сестра его, Любомирская, съ досады уѣхала изъ Польши и проживала въ Парижѣ, а потомъ въ Вѣнѣ.

Итакъ, во все время отъ перваго раздѣла, поляки, кричавшіе о возрожденіи отечества, не сдѣлали почти ничего для этой великой цѣли. Впослѣдствіи они говорили, что виною этому была Россія, умышленно поддерживавшая духъ раздоровъ и мѣшавшая водворенію благоустройства. Мысль исторически невѣрная. Польское войско не простиралось болѣе 18,000, а на дѣлѣ было его меньше, тогда какъ Россія не только не препятствовала его увеличенію, но побуждала увеличить его до тридцати тысячъ. Поляки не только не старались объ усиленіи его, но даже портили то, что̀ прежде у нихъ было хорошаго; напр., король приглашалъ въ польское войско иностранцевъ, опытныхъ въ военномъ искусствѣ; оппозиція, чтобъ только досадить королю, провела на сеймѣ 1786 года законъ о предоставленіи доступа къ высшимъ военнымъ чинамъ однимъ лицамъ шляхетскаго происхожденія. Такимъ образомъ, Польша оставалась съ ограниченнымъ числомъ войска, въ то время, когда ея опасная сосѣдка, Пруссія, нѣкогда зависимая отъ Польши, имѣла до 200,000 войска. Доходы Польши не возвышались до 18-ти милліоновъ злотыхъ или 3 милліоновъ талеровъ, тогда какъ доходы той же Пруссіи, которая все еще была гораздо меньше Польши, простирались до 28 милліоновъ талеровъ. Этому при-

чиною отнюдь была не Россія. Со стороны императрицы невидно никакихъ дѣйствій, клонившихся къ тому, чтобы не допустить Польшу до увеличенія налоговъ. Императрица, мы видѣли, даже облегчила полякамъ занятія по этому предмету, допустивъ рѣшеніе экономическихъ дѣлъ большинствомъ голосовъ, вмѣсто единогласія. Причина недостатка финансовъ въ Польшѣ была одна и таже, что̀ и въ былыя времена. Поляку казалось удобнѣе пропить или проиграть деньги, чѣмъ внести на предметъ государственной пользы. Судопроизводство не улучшалось— та же путаница, то же кривосудіе, то же угодничество силѣ господствовало въ судахъ, какъ и прежде; сеймики представляли по прежнему безобразное зрѣлище пьянства, подкупа и дракъ, а сеймы, если не срывались, то единственно благодаря русскому посланнику. Положеніе хлоповъ улучшалось только у немногихъ пановъ; не смотря на законныя воспрещенія, обыватели, также какъ и прежде, судили ихъ и тиранили. Богатые паны, также какъ и прежде, держали у себя вооруженные отряды; повсюду происходили по прежнему своеволіе и самоуправство. Безнравственность, пьянство, продажничество, бездѣльничество не только не уменьшались, но увеличивались. Законъ 1775 года, дозволивъ въ городахъ каждому заводить шинки, усилилъ пьянство въ народѣ. Польза, которую принесла эдукаціонная коммисія, по наружности казалась важнѣе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Люди новаго воспитанія были очень немногочисленны въ сравненіи съ громадою шляхетства, коснѣвшаго въ прежнихъ предразсудкахъ, съ прежнимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ потребностей вѣка, съ прежнею умственною лѣнью и съ неизбѣжнымъ колебаніемъ при столкновеніи съ современными вопросами. Самые люди новаго воспитанія отличались легкомысліемъ, увлекались французскими идеями, непереваренными и непережеванными и мало приложимыми къ польской общественной

почвѣ. Были въ Польшѣ люди, по легкомыслію невѣрившіе въ Бога, кощунствовавшіе надъ религіей, которой однако основательно не знали, и несравненно болѣе было людей, вздыхавшихъ также легкомысленно объ іезуитахъ, вѣрившихъ въ приходящихъ изъ чистилища мертвецовъ и считавшихъ схизматика хуже собаки. Небреженіе къ воспитанію женскаго пола приводило къ тому, что люди, хлѣбнувшіе новаго ученія, легко теряли и хорошіе плоды его въ сообществѣ своихъ женъ, любовницъ, сестеръ. Величайшая ошибка образованныхъ людей тогдашней Польши въ дѣлѣ возрожденія своего отечества была та, что у нихъ въ мысляхъ на первомъ планѣ было не внутреннее благоустройство, не нравственное и умственное улучшеніе, а политическая сила государства: все прочее въ ихъ глазахъ было только средство къ этой цѣли; иными словами, они хотѣли не того, надъ чѣмъ можно было потрудиться хотя долго, но все-таки съ успѣхомъ, а того, что̀, при всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, было рѣшительно недостижимо. По ихъ соображеніямъ, важнѣйшее зло для Польши было избирательное правленіе, и, поэтому, возникло въ Польшѣ желаніе ввести правленіе наслѣдственное. Но такъ какъ Польша не могла уже двинуться сама собою, безъ опоры со стороны внѣшнихъ силъ, то имъ пришлось метаться то въ ту, то въ другую сторону, просить покровительства то у той, то у другой державы. Россія стала имъ ненавистна—это понятно: судьба склонила слабую Польшу подъ зависимость всего болѣе этой державы; естественно надо было искать защиты у другихъ державъ, которыя могли бы оборонить Польшу отъ Россіи. И вотъ патріоты стали искать спасенья сперва у Австріи, потомъ у Пруссіи. «Я предвижу,—писалъ саксонскій министръ Эссенъ,—что сеймъ 1786 года сдѣлается зародышемъ великаго броженія — эпохою, съ которой начнется сильное разстройство Польши, по мѣрѣ того,

какъ въ Петербургѣ будутъ созрѣвать проекты противъ Турціи. Оппозиціонная партія образовалась вполнѣ; видимо составилась факція, которая будетъ слѣдовать за иностранными внушеніями».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Путешествіе Екатерины на югъ.—Свиданіе Станислава Августа съ Екатериною и Іосифомъ.—Проектъ союза Польши съ Россіею.

Въ сосѣдствѣ съ Польшею возникали важные замыслы, происходили приготовленія къ великому перевороту. Екатерина съ большимъ рвеніемъ принялась за свою давнюю мысль освобожденія восточныхъ христіанъ отъ мусульманской власти. Ослабѣло вліяніе Панина, державшагося союза съ Пруссіей; предпріимчивый и смѣлый Потемкинъ поддерживалъ въ императрицѣ намѣреніе рѣшить судьбу Востока. Еще въ 1782 году заключенъ былъ тайный договоръ съ Іосифомъ II о взаимномъ дѣйствіи противъ турокъ. Замышляли уничтожить Турецкую имперію. Россія пріобрѣтала себѣ только берега Чернаго моря. Іосифъ II отмежевывалъ себѣ полосу, начиная отъ Хотина, для прикрытія Галиціи и Буковины, часть Валахіи по правому берегу Алюты, а отъ устья этой рѣки, противъ Никополиса, по теченію Дуная до Бѣлграда, лѣвый берегъ его, съ пространствомъ въ три мили на правомъ берегу, и слѣдовательно, города: Виддинъ, Орсову и Бѣл-

градъ; отъ Бѣлграда, по самой прямой и кратчайшей линіи, до залива Дрины въ Адріатическомъ морѣ,—слѣдовательно, часть Сербіи, Босніи и Герцеговину, да еще къ тому и венеціянскія владѣнія въ Далмаціи, съ прилежащими островами. Венецію хотѣли вознаградить Критомъ, Кипромъ и еще кое-чѣмъ изъ Архипелага; вдобавокъ императоръ хотѣлъ пріобрѣсти въ Италіи, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ морской портъ; затѣмъ, изъ остальной Валахіи и Молдавіи предполагали составить государство, подъ именемъ Дакіи, для раздѣленія границъ трехъ имперій. Изъ всѣхъ прочихъ турецкихъ владѣній предполагали возстановить Греческую имперію и на престолъ ея посадить великаго князя Константина, внука Екатерины. Россія обязывалась оставить новосозданную имперію въ совершенной отъ себя независимости; Константинъ ни въ какомъ случаѣ не могъ получить русской короны, и никогда двѣ имперіи, Россійская и Греческая, не должны быть соединены подъ единою властью.

Собирали силы. Ожидали удобнаго времени, предоставляя туркамъ самимъ начать непріязненныя дѣйствія. Разрывъ былъ на-волоскѣ въ 1787 году, когда императрица предприняла путешествіе въ южную Россію, куда приглашала на свиданіе и союзника своего Іосифа II.

Это путешествіе совершалось со всѣмъ блескомъ, обычнымъ XVIII вѣку. Императрица ѣхала до Кіева цѣлый мѣсяцъ январь. Каждая перемѣна лошадей требовала ихъ до 500 штукъ подъ экипажи, сопровождавшіе государыню; для этого, изъ отдаленныхъ провинцій Россіи, сгоняли ямщиковъ и лошадей. На тѣхъ станціяхъ, гдѣ разсчитано было останавливаться государынѣ для ночлега, обѣда, или завтрака—построены были дворцы, со всѣми внутренними удобствами, богатою мебелью и коврами по лѣстницамъ. Свита и прислуга императрицы такъ обильно угощалась, что всѣ были постоянно на-веселѣ. Ночью,

отъ станціи до станціи, на извѣстныхъ разстояніяхъ, зажигались смоляныя бочки; если же государынѣ приходилось въѣзжать ночью въ какой-нибудь городъ, то народъ становился на протяженіи версты или двухъ по обѣимъ сторонамъ дороги, съ зажженными свѣчами. Городскіе обыватели обязаны были красить крыши и стѣны домовъ и заборовъ, и часто терпѣли черезъ то убытки и нужду; иная семья должна была нѣсколько дней голодать, истративъ деньги на покраску и поправку своего дома и заборовъ къ пріѣзду государыни. Въ разныхъ мѣстахъ устраивались тріумфальныя ворота. Дворянство спѣшило представляться государынѣ въ своихъ блестящихъ мундирахъ. Нужно было, чтобы все носило признаки удовольствія, обилія, роскоши; народъ заставляли пѣть пѣсни; только дурно одѣтыхъ, нищихъ и голодныхъ гоняли прочь, чтобы они своимъ видомъ не нарушали общей милой картины; а нищихъ и голодныхъ на Руси въ то время было множество, по причинѣ неурожая. Такъ, шествуя въ торжественномъ величіи, императрица прибыла 29 января въ Кіевъ. Тамъ встрѣтило ее, при звукѣ колоколовъ, духовенство, за отсутствіемъ больного въ то время митрополита Самуила, предшествуемое переяславскимъ епископомъ Викторомъ, кіевскій генералъ-губернаторъ, фельдмаршалъ Румянцевъ, множество дворянъ и вся кіевская магдебургія со своими средневѣковыми отличіями. Въ Кіевѣ императрица рѣшилась остаться до весны въ нарочно-устроенномъ для нея деревянномъ дворцѣ. Съ нею были могучій Потемкинъ, тогдашній ея фаворитъ Мамоновъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи Чернышевъ, канцлеръ Безбородко, оберъ-камергеръ Шуваловъ, извѣстный весельчакъ и острякъ своего времени оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, гофмаршалъ князь Барятинскій, генералъ-адъютантъ князь Ангальтъ, генералъ Левашевъ и иностранные посланники, австрійскій — графъ Кобенцель,

англійскій—Фрицъ-Гербертъ и французскій—графъ Сегюръ. Туда съѣхалось нѣсколько знатныхъ иностранцевъ, искавшихъ расположенія Екатерины и службы у нея: принцъ де-Линь, оставившій записки объ этомъ времени, принцъ Нассау-Зигенъ, славный своими путешествіями по свѣту и приключеніями, испанецъ Миранда и пр. Тихій, уединенный Кіевъ вдругъ зашумѣлъ невиданною жизнью: придворные балы, фейерверки, всевозможныя свѣтскія увеселенія. Туда съѣхались польскіе паны и наперерывъ съ русскими щеголяли великолѣпіемъ, гостепріимствомъ и многочисленностью своей свиты и прислуги. У одного Щенснаго-Потоцкаго было въ Кіевѣ болѣе двухсотъ прислуги шляхетскаго происхожденія.

И король Станиславъ-Августъ отправился на свиданіе съ императрицею. Это свиданіе условлено было въ Каневѣ, послѣ открытія плаванія по Днѣпру.

Послѣднія событія должны были внушать королю, что для него и для Польши не было иного пути, кромѣ отдаться всецѣло Россіи и устроить тѣмъ или другимъ способомъ соединеніе съ этой державою. Хотя договоръ Екатерины съ Іосифомъ и заключенъ былъ втайнѣ, но всѣ уже соображали, что между Россіею и Турціею произойдетъ разрывъ скоро. Король и люди его партіи разсчитывали, что если когда, то именно при такихъ обстоятельствахъ, союзъ съ Россіею можетъ быть для Польши полезенъ. Принять участіе въ турецкой войнѣ, помогать Россіи въ ниспроверженіи Оттоманской имперіи, въ случаѣ успѣха, значило дать Польшѣ возможность возвратить потерянное къ себѣ уваженіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поставить Россію въ необходимость, ради собственныхъ выгодъ, содѣйствовать укрѣпленію Польши: для Россіи тогда выгодно будетъ, если Польша образуетъ у себя значительное войско; оно послужитъ къ увеличенію ея собственныхъ силъ; равнымъ образомъ, Россія никакъ не станетъ препятствовать

внутреннему устроенію Польши, коль скоро поляки подадутъ ей увѣренность въ томъ, что они навсегда примкнутъ къ ней и будутъ съ нею въ союзѣ и соединеніи. Тогда Польша могла бы избавиться отъ притязаній и покушеній со стороны Пруссіи и Австріи: первая не была бы настолько сильна, чтобъ не уважать Россіи и Австріи; вторая, удовольствовавшись пріобрѣтеніями насчетъ Турціи, при помощи Россіи, связанная съ послѣднею взаимными выгодами, едва ли пошла бы наперекоръ своей союзницѣ. Лучше для Польши было зависѣть отъ одной державы, чѣмъ отъ трехъ разомъ. Сама по себѣ война могла быть полезна для Польши; для новообразованнаго войска она была бы школою; король, получивъ начальство надъ войскомъ, имѣлъ бы въ своихъ рукахъ силу для обузданія своевольныхъ магнатовъ и для укрѣпленія власти. Наконецъ, война, оконченная счастливо, могла даровать Польшѣ территоріальныя пріобрѣтенія и загладить потери перваго раздѣла. Король заявлялъ Штакельбергу желаніе пріобрѣсти чрезъ предполагаемую войну отъ Турціи часть Молдавіи и Бессарабіи съ аккерманскимъ портомъ. Можно было надѣяться, что Польшѣ возвратится и Галиція, если Австрія удовлетворится за нее пріобрѣтеніями отъ Турціи, что тогда заставятъ и Пруссію отдать взятое у Польши, или какимъ-нибудь инымъ способомъ замѣнятся понесенныя Польшею отъ Пруссіи утраты. Такъ помышляли, въ то время, король и его партія. Примкнуть къ Россіи казалось наиболѣе подходящимъ дѣломъ уже и потому, что, по первому раздѣлу, Россіи достались земли, о которыхъ Польша менѣе могла сожалѣть, чѣмъ о тѣхъ, которыя достались Австріи и Пруссіи. Въ то время король и его партія не прочь были, въ крайнемъ случаѣ, не только отъ временного союза, но и отъ вѣчнаго соединенія съ Россіею. Они уже опасались, чтобъ Польша, находясь въ неопредѣленной зависимости отъ трехъ державъ.

въ случаѣ возникшихъ между ними недоразумѣній, не сдѣлалась примирительною жертвою для водворенія между ними согласія. Если случился одинъ раздѣлъ, то могъ случиться и другой и третій, пока Польшу не раздерутъ до конца. Въ такомъ случаѣ, значительная часть ея должна была достаться Россіи, и тогда ужъ нельзя будетъ помышлять о какихъ нибудь договорахъ: надобно будетъ отдаваться на милость побѣдителей; такъ лучше же было предупредить возможность раздѣла и, отрѣзавшись отъ Пруссіи и Австріи, цѣликомъ отдаться Россіи, улучивъ время, когда Россія могла дорожить дружбою съ Польшею; тогда можно, соединившись съ нею, сохранить государственную цѣлость. Недаромъ Жанъ-Жакъ Руссо, идолъ тогдашнихъ модныхъ мечтателей, за нѣсколько времени предъ тѣмъ говорилъ полякамъ: «Скоро будетъ опять война между Россіею и Турціею; васъ будутъ звать; не колебайтесь: идите смѣло; не упускайте случая сдѣлать улучшенія въ своемъ отечествѣ».

Подъ такими соображеніями король и его партія склонялись тогда къ союзу и, если неизбѣжно будетъ, къ соединенію съ Россіею; они только этимъ путемъ надѣялись избавиться и отъ ненавистной оппозиціи, которая не переставала строить козни.

Король выѣхалъ изъ Варшавы 28 февраля и останавливался въ разныхъ мѣстахъ. Обыватели являлись къ нему на поклонъ. Не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, онъ прибылъ въ Каневъ и тамъ оставался до мая, ожидая свиданія съ русскою императрицею. Въ маленькомъ Каневѣ у него образовался временно дворъ. Съ нимъ были паны, его сторонники: Мнишекъ съ женою, королевскою племянницею, Дзѣдушицкій, правитель его собственной канцеляріи, Тышкевичъ, женатый на другой его племянницѣ, генералъ Комаржевскій, Плятеръ, польскій посланникъ въ Петербургѣ Деболи и племянники короля—Іосифъ и Ста-

ниславъ. Близъ него былъ и Штакельбергъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ окружавшихъ короля пановъ ѣздили въ Кіевъ представляться императрицѣ и опять возвращались къ королю. Король, черезъ Штакельберга, заранѣе сообщилъ императрицѣ на письмѣ свои желанія подъ титуломъ: Souhaits de roi, и ждалъ отвѣта.

Оппозиція успѣла забѣжать впередъ, увивалась около русскаго двора въ Кіевѣ, лѣзла изъ кожи, чтобы пріобрѣсть вниманіе и милость государыни. Кромѣ Браницкаго и Щенснаго-Потоцкаго, тамъ были Игнатій и Станиславъ Потоцкіе, жившіе у Браницкаго въ домѣ, двое Любомирскихъ—Михаилъ и Іосифъ, Северинъ Потоцкій, Бнинскій, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, Мошинскій и другіе. Екатерина была очень милостива къ Браницкому и женѣ его, но не подавала ему надеждъ на свою помощь въ борьбѣ съ королемъ. Самъ Потемкинъ, хотя любилъ Браницкаго до слабости, но вмѣсто того, чтобъ принимать со вниманіемъ и участіемъ его наговоры на короля, дружески совѣтовалъ ему помириться съ Станиславомъ-Августомъ и не раздражать его болѣе. Когда Браницкій вздумалъ-было упрямиться, Потемкинъ кричалъ на него и даже махалъ ему подъ носомъ кулакомъ. Въ другой разъ, при Браницкихъ, у Потемкина случился нелюбимый Браницкимъ Штакельбергъ; жена Браницкаго стала съ нимъ обходиться нелюбезно. Потемкинъ схватилъ свою племянницу за носъ и подвелъ къ Штакельбергу.

Браницкаго хотѣли во что̀ бы то ни стало помирить съ королемъ, дѣлали ему внушенія, нравоученія, а всетаки дорожили имъ и ласкали его; многое прощали ему, потому что вѣрили въ его готовность служить покорно Россіи и берегли его на случай. Но рекомендація и заступничество этого самаго Браницкаго ни къ чему не послужили другимъ членамъ оппозиціи; Игнатій Потоцкій имъ самимъ представленъ былъ императрицѣ: Екатерина

отвернулась отъ него и не сказала ему ни одного слова. Такой пріемъ глубоко огорчилъ его самолюбіе. Императрица считала его человѣкомъ пустымъ, безчестнымъ, со зловредными понятіями. Его никуда не приглашали. Также дурно принятъ былъ Сапѣга, хотя Браницкій усильно добивался, чтобъ императрица почтила его вниманіемъ. Императрица возненавидѣла этихъ двухъ господъ. Угождая своей государынѣ, Потемкинъ, когда пріѣзжалъ къ Браницкому обѣдать, то заранѣе объявлялъ, что не хочетъ встрѣчаться съ Потоцкимъ и Сапѣгою. Игнатія онъ называлъ мерзавцемъ (scélérat), а Казимира-Нестора лгунишкою и другимъ нелестнымъ именемъ (ce prince menteur et pisseur). Разсерженный Игнатій обратился къ французскому посланнику Сегюру, поддѣлывался къ нему разными способами и наговаривалъ ему на своего короля: онъ увѣрялъ Сегюра, будто король прибылъ на свиданіе съ императрицею нарочно для того, чтобъ возбуждать ее на Турцію. Эти обстоятельства объясняютъ, почему эти два пана, Потоцкій и Сапѣга, впослѣдствіи дышали такою злобою противъ Россіи. Другіе члены оппозиціи также не удостоились милостей императрицы; Бинскій думалъ-было выпросить себѣ булаву польнаго гетмана, но на него такъ сурово посмотрѣли, что онъ убѣжалъ изъ Кіева. Только Щенсный-Потоцкій, хотя и находился въ оппозиціи, былъ принятъ лучше. Государыня изумительно умѣла узнавать людей, подмѣчать ихъ слабыя стороны, оцѣнивать ихъ способности и умѣнье быть ей полезными. Щенсный понравился Екатеринѣ. Она сразу сообразила, что изъ этой личности, тщеславной и высокомѣрной, но вмѣстѣ прямой и сердечной, бѣдной разсудкомъ и богатой имѣніями и деньгами, можно все сдѣлать, если ее приласкать. Она не только обласкала Щенснаго, но надавала ему двусмысленныхъ надеждъ. «На васъ, не на кого другого, я полагаю упованіе спасенія Польши» гово-

рила она. У Потоцкаго закружилась голова отъ такого счастья, и онъ былъ долго внѣ себя отъ восторга. Михаилъ Чацкій разсказываетъ, что, впослѣдствіи, вспоминая о свиданіи съ Екатериною, онъ восклицалъ: «Чтó за женщина! Боже мой! Что это за женщина! Она осыпала дарами своихъ любимцевъ, а я бы отдалъ половину своего состоянія, чтобъ быть ея любимцемъ!»

Паны королевской партіи, представляясь въ Кіевѣ государынѣ, удостоились отъ нея ласковаго пріема. Епископа Нарушевича, историка, Екатерина особенно полюбила, какъ человѣка ученаго, и назначила ему пенсію въ тысячу пятьсотъ рублей, отъ которой онъ впослѣдствіи, какъ говорятъ, отказался. Большое вниманіе было оказано коронному маршалку Мнишку и женѣ его. Императрица пожаловала этой дамѣ орденъ св. Екатерины и, когда пригласила ее вмѣстѣ съ мужемъ къ столу, приказала Браницкой уступить высшее мѣсто Мнишковой, какъ племянницѣ польскаго короля. Также ласково были приняты племянники короля, Понятовскіе.

Съ Потемкинымъ король видался, еще не доѣхавъ до Канева, въ Хвастовѣ, куда также пріѣзжалъ и Браницкій. Оставшись наединѣ съ Потемкинымъ, Станиславъ-Августъ сталъ ему жаловаться на Браницкаго и на всю оппозицію: «Вы, конечно, слыхали,—говорилъ онъ,—чтò я перенесъ въ послѣдніе годы понапрасну. Я не мстителенъ и не хочу дѣлать вреда никому, но долженъ стараться, чтобъ не дѣлали вреда странѣ моей и не преслѣдовали близкихъ мнѣ людей и вѣрныхъ моихъ слугъ».

«Я считаю,—сказалъ Потемкинъ, — надворнаго маршала Игнатія Потоцкаго самымъ негоднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Русскій воевода Щенсный-Потоцкій—подъ властію у жены, а она большая интригантка. Гетманъ же Браницкій, право, добрый человѣкъ, полезный вашему величеству; да вотъ бѣда, что онъ поддается дур-

нымъ людямъ; хоть онъ и обѣщалъ мнѣ исправиться, однако, я боюсь—онъ опять попадетъ въ сѣти».

«Да,—сказалъ король,—человѣкъ онъ военный, а выгналъ изъ службы иностранцевъ и старыхъ инвалидовъ, все только для того, чтобы мнѣ досадить и обидѣть тѣхъ, кто мнѣ вѣренъ».

Потемкинъ сказалъ: «это очень не хорошо; но я его буду отводить отъ дурныхъ связей».

Болѣе нечего было говорить королю. Онъ ясно видѣлъ, что Потемкинъ желаетъ поставить въ границы буйство Браницкаго, но не пожертвуетъ имъ для короля.

Король обратилъ рѣчь на соединеніе съ Россіею и сказалъ:

«Вы пріобрѣтете себѣ вѣковую славу и благодарность потомства, если будете содѣйствовать соединенію въ политическую связь русскихъ и поляковъ, двухъ народовъ и безъ того уже близкихъ между собою по вѣрѣ, языку и коренному происхожденію».

Потемкинъ, съ видимымъ сочувствіемъ, слушалъ слова короля и обѣщалъ содѣйствовать его желанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ навелъ разговоръ на соединеніе церквей—любимый свой конекъ. Въ молодости, думая вступить въ монашество и мечтая о достиженіи архіерейскаго сана, Потемкинъ до смерти удержалъ охоту толковать о церковныхъ вопросахъ. Заговоривъ теперь объ уніи, Потемкинъ сказалъ королю:

«О происхожденіи св. Духа никто ничего не понимаетъ; а вотъ, что̀ касается до главенства папы, такъ нужно побол҃ѣе снисходительности со стороны папы. Къ сожалѣнію, нашъ уніатскій архіепископъ Лисовскій просилъ папу дозволить уніатамъ приблизиться своими обрядами къ нашимъ, но папа не соглашался, и сказалъ: надобно поддерживать то средостѣніе, которое насъ отдѣляетъ другъ отъ друга. Папа пѣтушится, выставляется, дурачится, объ существенномъ не помышляетъ».

Король, какъ правовѣрный католикъ, защищалъ папу и началъ жаловаться на православнаго переяславскаго епископа и слуцкаго архимандрита Садковскаго, называлъ несправедливыми его безпрестанныя жалобы на притѣсненія, оказываемыя православнымъ католиками и уніатами отбираніемъ у нихъ церквей, и просилъ назначить съ обѣихъ сторонъ коммисаровъ для разсмотрѣнія: къ какому исповѣданію принадлежитъ та или другая церковь? Король показывалъ на Садковскаго, что онъ насильно принуждалъ къ православію поселившихся въ польскихъ владѣніяхъ старообрядцевъ и требовалъ, чтобъ Садковскій произнесъ присягу на вѣрность Рѣчи-Посполитой.

Потемкинъ нашелъ послѣднее требованіе короля справедливымъ.

Браницкій съ досадою увидѣлъ, что тотъ, на кого онъ единственно полагалъ надежды, обходится съ королемъ почтительно. По выраженію короля, онъ сталъ тогда похожъ на мокраго волка. Но Браницкій не думалъ съ королемъ мириться и разсчитывалъ, что рано-ли, поздно, Станиславъ-Августъ, по своей измѣнчивой натурѣ, доведетъ Россію до того, что она будетъ нуждаться въ Браницкомъ, какъ въ орудіи противъ короля.

Въ Каневѣ къ Станиславу-Августу пріѣзжали русскіе сановники: сынъ фельдмаршала Румянцева, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, генералы Левашевъ, Шуваловъ и канцлеръ Безбородко. Послѣдняго представилъ королю Штакельбергъ и сказалъ: «рѣдкое событіе: подчиненный представляетъ королю своего начальника, ваше величество!» Король все еще не зналъ, будетъ ли скоро война у Россіи съ Турціей, и спросилъ объ этомъ у Безбородка. «Не такъ близко къ разрыву, какъ думаютъ», сказалъ Безбородко.

Король представлялъ тогда императрицѣ просьбу о дозволеніи собрать сконфедерованный сеймъ, въ видахъ провести, при большинствѣ голосовъ, союзъ съ Россіею. Ког-

да объ этомъ король заговорилъ съ Безбородкомъ, осторожный канцлеръ хотя и отозвался собственно отъ себя лично одобрительно о такомъ намѣреніи, но отъ лица государыни не высказалъ ничего положительнаго. Императрица смотрѣла на сконфедерованный сеймъ какъ на орудіе обоюдо-острое.

Большинство могло послужить и въ пользу и во вредъ ея планамъ, смотря потому, какъ это большинство составится. Притомъ же, прежде чѣмъ допускать конфедерованный сеймъ для устроенія большинства голосовъ, нужно было сообразить и окончательно условиться, для какого рода договора Польши съ Россіею потребуется большинство голосовъ. Станиславу-Августу Екатерина мало довѣряла, полякамъ вообще еще менѣе. У ней на то были важныя основанія. Дѣйствительно, король предлагалъ союзъ съ Россіею, но неопредѣленно, не выяснялъ, какой именно союзъ долженъ заключиться: то казалось, онъ готовъ былъ на вѣчное политическое соединеніе съ Россіею, то какъ будто хотѣлъ съ нею союза только на случай предстоящей войны. Съ русской стороны подозрѣвали, что онъ теперь льнетъ къ Россіи для того, чтобъ получить отъ государыни право расширить свою власть, увеличить войско и взять его подъ свою команду, чтобъ имѣть возможность осуществлять свои планы, которые непремѣнно пошли бы въ-разрѣзъ съ видами Россіи.

Станислава-Августа не пустили въ Кіевъ подъ разными предлогами. Въ Кіевѣ, между прочимъ, думали, что онъ подлѣзаетъ къ императрицѣ съ цѣлію упрочить преемничество престола за своимъ племянникомъ. Это также не было въ то время въ видахъ Россіи, по крайней мѣрѣ безусловно.

Вниманіе русскаго двора къ панамъ королевской партіи достаточно показывало, однако, членамъ оппозиціи, что Россія не намѣрена мирволить и послѣдней. Это по-

дѣйствовало на Щенснаго-Потоцкаго. Онъ явился къ королю, почтительно извинялся передъ нимъ за прошлое и приглашалъ короля къ себѣ въ гости въ Тульчинъ. Король обѣщалъ. Императрица послала Станиславу-Августу письменный отвѣтъ на его Souhaits de roi, но король никому не показывалъ его и держалъ у себя въ шкатулкѣ.

Пробывши полтора мѣсяца въ Каневѣ, Станиславъ-Августъ 8-го мая, наконецъ, дождался Екатерины. Императрица прибыла въ Каневъ въ великолѣпной галерѣ, въ сопровожденіи другихъ шести галеръ, на которыхъ помѣщались ея сановники и придворные. Безбородко и князь Борятинскій отправились къ королю приглашать его. Съ ближайшими особами своей партіи—Мнишкомъ, Тышкевичемъ, Комаржевскимъ, Нарушевичемъ, Шидловскимъ, Моравскимъ, Бышевскимъ и Киркоромъ и съ двумя иностранными министрами Уйсвортсомъ и Мэсоннэ, король отправился къ государынѣ на десяти-весельномъ суднѣ, при громѣ музыки и пушечныхъ выстрѣловъ.

Свиданіе было не долгое. Король обѣдалъ съ императрицею, потомъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ дѣлалъ визиты русскимъ сановникамъ и генераламъ подъ именемъ графа Понятовскаго, вечеромъ воротился къ государынѣ, вмѣстѣ съ ней крестилъ ребенка у графа Тарновскаго, вмѣстѣ съ нею смотрѣлъ, какъ другіе—Штакельбергъ, Мамоновъ и Потемкинъ, играли въ карты, участвовалъ въ веселомъ разговорѣ, слушалъ любезныя остроты принца де-Линь; наконецъ, императрица дала ему почувствовать, что время разставаться. Станиславъ-Августъ шепотомъ сказалъ Потемкину:

«Есть ли надежда, что можно оставаться долѣе?»

Потемкинъ отвѣчалъ: «нѣтъ».

Вслѣдъ затѣмъ Потемкинъ ввелъ короля въ особый кабинетъ, и тамъ императрица сказала ему:

«Уже поздно; я знаю, что вы приглашали гостей на ужинъ; плаваніе продолжительно,—это вынуждаетъ меня,

къ моему сожалѣнію, проститься съ вашимъ величествомъ».

Король выразилъ сожалѣніе, что такъ мало дозволили ему бесѣдовать съ его покровительницею.

«Не допускайте къ себѣ черныхъ мыслей; разсчитывайте на мою дружбу и мои намѣренія, дружелюбныя къ вамъ и къ вашему государству», сказала Екатерина.

Этимъ окончилось свиданіе. Король, во время бесѣды съ императрицею, подалъ ей собственноручно еще одну записку о польскихъ дѣлахъ, но не получилъ отъ нея отвѣта, подъ тѣмъ предлогомъ, что она не успѣла ее прочитать.

Станиславъ-Августъ естественно былъ недоволенъ этимъ свиданіемъ, прождавши семь недѣль въ Каневѣ. «Бѣдный король!—замѣчаетъ въ своихъ запискахъ де-Линь,—за три мѣсяца онъ истратилъ три милліона злотыхъ, только ради того, чтобы повидать императрицу въ продолженіи трехъ часовъ». Въ утѣшеніе ему, Безбородко, относительно поданной имъ записки, сказалъ: «будьте увѣрены, что все уладится; мы въ принципахъ сходимся, только не нужно разславлять этого, ни собирать экстраординарнаго сейма, чтобъ не возбудить противъ себя сосѣдей».

Поляки приводятъ одну изъ поданныхъ королемъ записокъ императрицѣ въ такомъ видѣ:

«Благодарность короля къ императрицѣ и обязанности его по отношенію къ отечеству побуждаютъ его представить, какъ важно, чтобы два народа—русскій и польскій—были между собою на вѣки соединены охранительнымъ союзомъ. Пока въ Европѣ господствуетъ миръ, и Россія ни съ кѣмъ не ведетъ войны, кромѣ Порты, до тѣхъ поръ настоящее состояніе Польши мало вредитъ Россіи. Но положеніе поляковъ до крайности невыносимо, по причинѣ частыхъ утѣсненій, испытываемыхъ отъ могущественныхъ сосѣдей; а оно тотчасъ измѣнится, какъ только Поль-

ша соединится съ Россіею формальнымъ союзомъ. Когда же начнется въ Европѣ война, или Порта получитъ помощь отъ какого-нибудь сосѣда Польши, тогда Россія поздно пожалѣетъ, что не обратила вниманія на представленныя королемъ предложенія. Сосѣдъ Польши, поссорясь съ Россіею, создастъ себѣ въ Польшѣ партію, и эта партія станетъ препятствовать всѣмъ соглашеніямъ, какія пожелала бы Россія учинить съ польскимъ королемъ и народомъ.

«Чтобы предотвратить такого рода печальныя событія, вредныя для обоихъ государствъ (тѣмъ болѣе, что Польша въ такомъ случаѣ подверглась бы всѣмъ ужасамъ междоусобной войны), неизбѣжно заключить поскорѣе формальный союзъ и заблаговременно сдѣлать Польшу полезною для Россіи въ каждомъ случаѣ. Для этого необходимо:

«1) Подготовить себѣ вѣрное вліяніе пріобрѣтеніемъ несомнѣннаго большинства. Это намѣреніе требуетъ времени и средствъ, потому что послѣ раздѣла, каждый изъ сосѣдей сталъ имѣть на нее вліяніе, по мѣрѣ богатства и ловкости особъ, сдѣлавшихся разомъ подданными двухъ государствъ, сопредѣльныхъ между собою, и по мѣрѣ связей, которыя легко могутъ найти для себя подданные этихъ двухъ государствъ. Но такъ какъ Россія можетъ быть по опыту убѣждена въ неизмѣнности правилъ короля, постоянно привязаннаго къ системѣ исканія блага для себя и для своего народа единственно въ союзѣ съ нею, то это государство не должно было бы препятствовать его вліянію на страну, напротивъ, должно допустить, чтобъ нѣкоторыя неумѣстныя учрежденія, производящія гибельную безурядицу, были устранены, а королю возвращено было данное ему, по силѣ условій принятія короны (Pacta conventa), право выбора и назначенія особъ на разныя государственныя должности. Россіи легче будетъ соглашать-

ся съ однимъ королемъ, чѣмъ отдѣльно съ особами, которыя прибѣгаютъ къ ней съ своими заявленіями только для того, чтобъ имѣть за собою ея сильную рекомендацію для достиженія своихъ превратныхъ цѣлей.

«2) Такъ какъ формированіе войска требуетъ времени, то нужно, чтобъ Россія пожелала помочь поставить его на приличную степень. Что касается до числа войска, до управленія имъ и обученія его, то каждая изъ трехъ провинцій: Великая Польша, Малая Польша и Литва могли бы поставить, по крайней мѣрѣ, по двѣнадцати тысячъ, усиливая уже существующіе корпусы и включая сюда королевскіе полки и артиллерію: это увеличило бы количество войска, годнаго къ бою, до тридцати шести тысячъ, исключая батальонъ полиціи, скарбовыхъ, трибунальскихъ компаній и проч., которые всѣ не содержатъ въ себѣ болѣе четырехъ или никакъ не болѣе пяти тысячъ и не могутъ причисляться къ военной силѣ.

«При такомъ положеніи дѣлъ, Польша могла бы обязаться, въ силу своего союза съ Россіею, доставлять двадцать пять или тридцать тысячъ войска на время войны, съ условіями насчетъ жалованья. Фондъ на снаряженіе этого войска и на его содержаніе въ мирное время можетъ быть придуманъ и найденъ въ Польшѣ, еслибъ только Россія позволила искать его на конфедерованномъ сеймѣ, потому что на сеймѣ вольномъ никакъ нельзя этого сдѣлать. Хотя трактатомъ 1775 года и дозволяется Польшѣ на вольномъ сеймѣ большинствомъ голосовъ возвысить поборы до суммы 33 милл., однако, опытъ показалъ какъ нельзя лучше, что всѣ усилія къ этому обращаются въ ничто и противъ этого отыскиваютъ тысячи предлоговъ и поводовъ, которые самая форма вольныхъ сеймовъ подаетъ зложелателямъ. Если же выраженное мною и не заслуживаетъ принятія, то пусть, по крайней мѣрѣ, эта записка останется памятникомъ добрыхъ мыс-

лей короля и желанія быть полезнымъ для Россіи сосѣдомъ. Такія чувствованія, кажется, заслуживаютъ того, чтобъ остатокъ дней его былъ избавленъ отъ непріятностей. Это совершенно въ рукахъ императрицы.»

Изъ этой записки, однако, мы узнаемъ не все, что предлагалъ Екатеринѣ Станиславъ-Августъ, заискивая покровительства и союза. Саксонскій министръ доносилъ своему правительству, будто въ Каневѣ были дѣйствительно постановлены условія между королемъ и императрицею, по которымъ Польша заключала съ Россіею наступательный и оборонительный союзъ, обязывалась доставлять, въ случаѣ каждой войны, двѣнадцать тысячъ войска, съ платою со стороны Россіи этому войску жалованья, Россія же обѣщала давать Польшѣ каждогодно сто тысячъ червонцевъ; король, при этомъ, имѣлъ право перемѣнять министровъ, утверждать и не утверждать опредѣленія сеймовъ, могъ увеличить свои доходы на два милліона; его долги должны быть заплачены, а его роднымъ даны староства и пр. Намъ, однако, кажется, что Эссенъ сообщилъ невѣрные слухи; по крайней мѣрѣ, послѣдующія событія ни мало не показываютъ, чтобъ къ Каневѣ заключено было что-нибудь подобное. Гельбигъ, саксонскій министръ въ Петербургѣ, увѣряетъ, будто въ Каневѣ король хлопоталъ, чтобы преемникомъ ему былъ племянникъ его Станиславъ. И на это нѣтъ никакихъ подтвержденій. По ходу послѣдующихъ обстоятельствъ кажется, что Станиславъ-Августъ, желая, во что бы то ни стало, пріобрѣсть полное довѣріе императрицы и найти въ ней опору противъ всякихъ враждебныхъ движеній на будущее время, предлагалъ ей тѣснѣйшее соединеніе Польши съ Россіею и соглашалсл, чтобы, на случай его кончины, Екатерина назначила ему преемникомъ одного изъ своихъ внуковъ. По крайней мѣрѣ, въ 1792 году, когда король открыто просилъ Екатерину дать Польшѣ въ короли великаго

князя Константина, онъ, по этому поводу, просилъ также императрицу вспомнить о томъ, что̀ онъ подалъ ей на письмѣ въ Каневѣ на галерѣ. При этомъ, онъ замѣчалъ, что въ то время, когда онъ писалъ это, то-есть въ 1792 году, исполненіе такого плана стало удобнѣе, чѣмъ было прежде. Къ этому какъ нельзя болѣе подходятъ и загадочныя слова Безбородки о томъ, что не слѣдуетъ, до поры до времени, разглашать какихъ-то намѣреній, чтобъ не возбудить сосѣдей. Была ли приведенная нами записка послана прежде свиданія, или же во время свиданія подана императрицѣ, утвердительно рѣшить нельзя, но только въ это время со стороны Станислава-Августа было предлагаемо не только то, что̀ находится въ этой запискѣ, а еще и другое, что онъ держалъ въ большомъ секретѣ.

Въ томъ положеніи, въ какомъ тогда находились дѣла Россіи, отъ императрицы можно было ожидать только того, что она сдѣлала: она похвалила Станислава Августа за изъявленія дружбы и оставила исполненіе его предположеній до будущаго времени. Еще война съ Турціей не начиналась, а въ видахъ императорскихъ дворовъ не было самимъ дѣлать вызова; дожидались, чтобъ Турція сама начала, формальный же союзъ съ Польшей, съ условіями о войнѣ, былъ бы явною воинственною выходкою противъ Турціи. Еще менѣе императрица расположена была раздражать Европу: преждевременный союзъ съ Польшею встревожилъ бы не только прусскаго короля, но самаго союзника Екатерины, Іосифа II, и вообще скорѣе принесъ бы Россіи вредъ, чѣмъ пользу. Въ искренность короля, какъ выше сказано, императрица не вѣрила, да кромѣ того король, если бы даже поступалъ искренно, то въ этомъ дѣлѣ не значилъ всего. Нужно было еще удостовѣриться въ расположеніи поляковъ; Екатерина же знала, что, по первомъ оглашеніи такого союза, враждеб-

ныя Россіи силы тотчасъ возстановятъ противъ нея всю Польшу.

Оставивши Каневъ, Станиславъ-Августъ въ Корсунѣ встрѣтился съ Іосифомъ, путешествовавшимъ подъ именемъ графа Фалькенштейна. Свиданіе происходило на почтовомъ дворѣ. Іосифъ, чрезъ королевскаго племянника, Станислава Понятовскаго, далъ знать королю, что желаетъ пріѣхать къ нему. Увидавши въ первый разъ польскаго короля, нѣмецкій императоръ обнялъ его, какъ давняго знакомца. Двери за ними заперли. Іосифъ сѣлъ на канапэ по лѣвую руку отъ Станислава-Августа. Разговоръ продолжался часъ съ четвертью. Польскій король старался наговорить ему какъ можно болѣе любезностей.

«Я бы могъ, — говорилъ Іосифъ, — воспользоваться моимъ саномъ для того, чтобъ имѣть побольше удовольствій, но я предпочелъ посвятить себя благу моего отечества и потомства. Отъ этого я сталъ нововводителемъ и много предразсудковъ пришлось мнѣ побѣждать. Главное уже сдѣлано, но еще довольно затрудненій предстоитъ мнѣ преодолѣвать».

Польскій король при этомъ, по собственному его выраженію, подкадилъ ему.

«И вы также,—продолжалъ императоръ,—хотѣли тоже дѣлать, положили много хорошихъ началъ, но обстоятельства для васъ были противны и ужасны: меня особенно удивляетъ распространенное опасеніе насчетъ проектовъ, которые вамъ приписываютъ».

«Позвольте мнѣ увѣрить васъ,—сказалъ польскій король,—что эти опасенія притворны; есть двѣ причины ихъ выдумывать. Первая, чтобъ имѣть благовидный предлогъ оправдывать несправедливую ненависть и козни противъ меня; вторая — нужны видимыя причины всякій разъ, когда обращаются къ вамъ за помощью».

«Я сомнѣвался въ этомъ,—сказалъ Іосифъ.—Надобно

согласиться, что ходитъ невѣроятное множество лживыхъ слуховъ, опасныхъ потому, что они внушаютъ безпокойство и недовѣріе. Вамъ сообщали объ нихъ, вѣроятно, въ послѣднее время».

«Такъ какъ вы объ этомъ говорите, — сказалъ Станиславъ-Августъ,—то я не отрицаю: мнѣ сообщали много такого, что мнѣ было чувствительно, и только вы можете меня освободить отъ этихъ непріятностей».

Императоръ съ живостію взялъ короля за руку, потрясъ ее и сказалъ:

«Даю вамъ честное слово, и вы можете повторить его цѣлому свѣту: я ничего не хочу отъ Польши; понимаете — ничего, ни одного деревца. Впрочемъ, императрица должна была уже васъ увѣрить».

Поговоривъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ, о воспитаніи женскаго пола, насчетъ чего императоръ обѣщалъ прислать свой уставъ, Іосифъ опять навелъ разговоръ на дѣла Польши.

«Я не хотѣлъ,—сказалъ онъ,—отнимать у Польши ни одного дюйма земли, но Россія и покойный прусскій король сказали мнѣ: мы рѣшились взять себѣ по куску Польши; предлагаемъ тоже и вамъ, если угодно вамъ сойтись съ нами, а не хотите, такъ мы будемъ воевать съ вами. Нечего дѣлать; надобно было брать нашу долю; и вы бы на моемъ мѣстѣ также поступили».

Польскій король не сталъ ему возражать и промолчалъ.

«Зачинщикъ всему дѣлу прусскій король», продолжалъ императоръ.

Станиславъ-Августъ замѣтилъ, что прусскій король себя выгораживаетъ отъ этого. Разговоръ перешелъ къ другимъ предметамъ. Когда императоръ сѣлъ уже въ карету, Станиславъ-Августъ подбѣжалъ къ ней и закричалъ:

«Дайте мнѣ еще разъ вашу руку».

«Отъ всего сердца!» сказалъ Іосифъ и протянулъ ему изъ кареты руку.

Многіе польскіе паны представлялись въ разныхъ мѣстахъ Іосифу. Былъ въ числѣ ихъ и Игнатій Потоцкій. Іосифу онъ не понравился; нѣмецкій императоръ отвернулся отъ него также, какъ и русская императрица, и сказалъ: c'est un brouillon! Отвергнутый, осрамленный двумя монархами, пораженный въ самое сердце, Потоцкій рѣшился всецѣло отдаться третьему, но послѣ того, какъ придется и отъ третьяго испытать еще что-нибудь похуже, чѣмъ отъ двухъ первыхъ, ему ничего не останется, какъ сдѣлаться демократомъ.

Станиславъ-Августъ отправился въ Тульчинъ. Щенсный-Потоцкій принялъ короля съ такимъ радушіемъ, что, казалось, миръ между ними водворился. Щенсный сказалъ: «На память радостнаго пріѣзда ко мнѣ короля моего, я увольняю отъ подданства здѣшній городъ и отдаю его въ юрисдикцію ассессорскаго суда». «А я,—сказалъ королевскій племянникъ,—по этому поводу увольняю не только отъ панщины, но и отъ всякаго оброка двадцать пять новобрачныхъ въ Корсуни».

Король, подъ вліяніемъ пріема, оказаннаго ему Щенснымъ-Потоцкимъ, писалъ къ своимъ пріятелямъ: «я всегда былъ того мнѣнія, что русскій воевода добрый человѣкъ, честный и желаетъ добра отечеству; мы съумѣемъ его приголубить къ себѣ».

Въ Тульчинѣ во время пріѣзда короля произнесъ присягу на вѣрность архіерей Викторъ Садковскій.

Послѣ примиренія съ Потоцкимъ оставалось королю примириться съ Чарторыскими; люблинскій подкоморій Длускій хотѣлъ устроить это примиреніе и обратился къ королю. Станиславъ-Августъ сказалъ ему: «послѣ прошедшаго сейма я принялъ князя Адама любезно; онъ съ своей стороны это понялъ. Но пришла княгиня съ суровымъ

видомъ, и я напрасно старался смягчить ее. Я все сдѣлалъ съ моей стороны; теперь спокойно и терпѣливо буду ждать времени, когда они опомнятся и сами поймутъ, что на меня не за что дуться. Но напрашиваться самому —мнѣ неудобно и нѣтъ пользы. Знаю, что князь Адамъ лично не желалъ мнѣ зла, какъ и я ему, но вижу, что ему трудно освободиться изъ сѣтей женскаго пола». Король жаловался, что Чарторыская оговариваетъ его передъ императоромъ, въ службѣ котораго находился ея мужъ.

Король надѣялся, что уже разувѣрилъ въ свою пользу Іосифа, что Екатерина была къ нему милостива, что, наконецъ, Потемкинъ, которымъ его стращали, расположенъ къ нему и теперь уже не страшны ему враги. Правда, съ Браницкимъ ему не удалось сойтись: въ Каневѣ король говорилъ съ нимъ очень дружелюбно и пытался возстановить прежнее согласіе, которое когда-то между ними было. «Вы меня знаете тридцать лѣтъ, — говорилъ ему Станиславъ-Августъ,—я не мстителенъ и не завистливъ; я лучше люблю вспоминать о томъ добрѣ, которое мнѣ когда-то оказывали, чѣмъ о томъ злѣ, которое мнѣ причиняли впослѣдствіи, даже если и не перестаютъ его причинять. Князь Потемкинъ желаетъ, чтобъ вы со мною сблизились, мое сердце не заперто для васъ. Рѣшеніе зависитъ отъ вашего поведенія». Браницкій отвѣчалъ королю, какъ послѣдній выражался, сеймовымъ слогомъ, запирался во многомъ, что ему король ставилъ въ вину, и сказалъ: «въ Польшѣ каждый можетъ имѣть свое мнѣніе и стоять за свободу и справедливость». — «Я король, — сказалъ ему Станиславъ-Августъ, — я вамъ протянулъ руку, я вамъ отворилъ двери, вы не хотите входить. Теперь мнѣ говорить съ вами нечего болѣе. Пусть вашъ дядя, вашъ отецъ будетъ судьею вашего поведенія». Обратившись послѣ того къ Потемкину и раз-

сказавши ему о разговорѣ своемъ съ Браницкимъ, король получилъ такой отвѣтъ: «я думаю, Потоцкій и Чарторыская его околдовали, онъ ихъ боится и не смѣетъ дѣлать и говорить такъ, какъ слѣдуетъ. Извините, простите, государь, я вамъ обѣщаю, что исправлю его».

И на этомъ обѣщаніи основывался пока Станиславъ-Августъ.

II.

Положеніе и виды Пруссіи.—Партіи въ Польшѣ.—Движеніе умовъ.—Приготовленія къ сейму.--Избраніе маршала [1])

Лѣтомъ 1787 г., война между Россіею и Турціею вспыхнула. Подстрекаемая французскимъ и прусскимъ послами, Турція объявила ее России и начала свои непріязненныя дѣйствія тѣмъ, что русскаго посланника Булгакова засадила въ Семибашенный замокъ. Іосифъ объявилъ Турціи войну въ февралѣ 1788 года.

Война эта взволновала Европу. Шведскій король Густавъ III объявилъ Россіи войну.

Пруссія заключила союзъ съ Англіею и Голландіею противъ замысловъ Россіи и Австріи. Прусскій главный министръ Герцбергъ, управлявшій, по смерти Фридриха II, дѣлами при слабомъ и женолюбивомъ преемникѣ его Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, не имѣлъ намѣренія вводить Пруссію въ дѣйствительную войну съ кѣмъ бы то ни было и предпочиталъ дѣйствовать интригами, пугать Россію и Австрію, но не выступать противъ нихъ рѣшительно и всегда показывать имъ желаніе сойтись, но не иначе, какъ съ особенными выгодами для Пруссіи. Пруссія съ Портою вступала въ союзъ, но не думала ей помогать

---

[1]) См. выше, Источники: №№ 12, 18, 36, 81, 109, 96, 100, 58, 80, 118, 23.

оружіемъ, а только наблюдала, чтобъ Россія и Австрія не взяли у Турціи слишкомъ много; за уступки, которыя Турція сдѣлаетъ Россіи и Австріи, и вообще за пріобрѣтенія, которыя получатъ какимъ бы то ни было образомъ двѣ послѣднія державы, Пруссія хотѣла захватить что-нибудь для себя. Это желанное пріобрѣтеніе для Пруссіи могло быть только въ Польшѣ. Ближайшіе виды Пруссіи были на Гданскъ и Торунь съ ихъ округами; овладѣвъ этими городами, которые держали въ рукахъ своихъ польскую торговлю, Пруссія соединяла свои владѣнія, раздѣляемыя полосою земли, принадлежавшею Польшѣ. Это было первичное и самое скромное желаніе; даже Пруссія предполагала сдѣлать это пріобрѣтеніе, выговоривши отъ Австріи уступку для Польши отнятой Галиціи. Но при бо̀льшихъ успѣхахъ прусская дипломатія имѣла въ виду пріобрѣсть насчетъ Польши и поболѣе. Нужно было только вооружить поляковъ противъ Россіи, и тѣмъ самымъ привязать Польшу къ Пруссіи и отдать ее въ распоряженіе послѣдней. Такимъ образомъ, когда Россія и Австрія искали расширенія своихъ предѣловъ, подвергаясь опасностямъ и непостоянству войны, наживая себѣ новыхъ враговъ, Пруссія составляла планъ получить пріобрѣтенія болѣе мирнымъ и спокойнымъ образомъ: другіе будутъ тратить милліоны и жизнь своихъ подданныхъ,—Пруссія будетъ работать съ малыми издержками. Но императрица русская поняла этотъ разсчетъ и рѣшилась противодѣйствовать прусской дипломатіи въ Польшѣ своею дипломатіею, однако не доходить до открытой вражды съ Пруссіею, и всегда была готова сойтись съ нею на обоюдныхъ условіяхъ, если будетъ необходимо.

Въ то время, когда польскій король, вслѣдствіе каневскаго свиданія, началъ подготовлять своихъ пановъ къ мысли о союзѣ съ Россіею, прусскій министръ въ Польшѣ Бухгольцъ и генералъ Гольцъ стали вооружать поляковъ

противъ Россіи и налегли на оппозиціонную партію: это имъ было подручно, послѣ того какъ братья Потоцкіе и Сапѣги кипѣли злобою за оскорбленія, нанесенныя въ Кіевѣ ихъ самолюбію. Екатерина знала все и поняла, что такого рода политика со стороны Пруссіи, впослѣдствіи, принесетъ Россіи, вмѣсто вреда, пользу. Когда министръ Іосифа, Кауницъ, предлагалъ Россіи дѣлать въ Польшѣ то же, что дѣлаетъ Пруссія: вооружать поляковъ противъ Пруссіи и обѣщать имъ возвращеніе земель, отнятыхъ Пруссіею по первому раздѣлу, Екатерина не согласилась на это. Король Станиславъ-Августъ, въ виду предстоявшаго сейма, послалъ къ императрицѣ проектъ о главныхъ предметахъ совѣщаній на этомъ сеймѣ, и въ этомъ проектѣ предлагалъ отобрать отъ Пруссіи земли, захваченныя по первому раздѣлу, такъ какъ прусскій король явно намѣревается дѣлать пріобрѣтенія насчетъ Польши. На польскіе совѣты Екатерина еще меньше поддавалась, чѣмъ на австрійскіе. По этому поводу императрица писала Штакельбергу: «Не надобно отнюдь возбуждать жадности въ другихъ такою же съ своей стороны; не отрицаю: быть можетъ, прусскій король хочетъ еще распространить свои предѣлы насчетъ Польши, но мы не желаемъ заключать съ Польшею договоровъ, предосудительныхъ для прусскаго короля». Отстраняясь отъ возможности поссориться съ Пруссіею изъ-за Польши, императрица не дозволяла и внутри Польши чего-нибудь такого, что могло ослабить зависимость Польши отъ Россіи. Польскій король, въ томъ же проектѣ, указывалъ на необходимость пересмотра правленія, составленнаго послѣ 1772 года. Императрица, по этому поводу, писала Штакельбергу: «Пусть этотъ сеймъ занимается сперва только дѣлами союза съ Россіею». Выгоды Россіи требовали допустить въ Польшѣ радикальныя измѣненія только послѣ того, когда можно было увѣриться, что Польша связана съ Россіею настоль-

ко, что перемѣны въ ней не повлекутъ за собою возможности сдѣлаться орудіемъ враговъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ императрица понуждала скорѣе сформировать польское войско, чтобъ послать его дѣйствовать противъ турокъ вмѣстѣ съ русскимъ, и обѣщала на него триста тысячъ червонцевъ, уплачивая эту сумму по пятидесяти тысячъ въ годъ.

По мѣрѣ того, какъ приближалось время открытія сейма, Бухгольцъ усилилъ свою дѣятельность и разжигалъ въ полякахъ вражду къ Россіи: онъ объяснялъ имъ, что союзъ съ Россіею не можетъ состояться и навлечетъ на Польшу бѣду; Пруссія не допуститъ Польшу до этого союза и начнетъ, въ случаѣ упорства поляковъ, дѣйствовать противъ нихъ энергическими мѣрами. Внушенія прусскаго министра поддерживалъ и англійскій, Гэльсъ. Они оба увѣряли поляковъ, что въ Европѣ уже составился тайный союзъ противъ поползновеній двухъ императорскихъ дворовъ. Англія, Швеція, Голландія, Порта, Пруссія и нѣмецкіе владѣтели образовали этотъ союзъ для поддержанія равновѣсія въ Европѣ. Къ этому союзу слѣдуетъ приступить Польшѣ; теперь-то ей пришла такая пора, какой до сихъ поръ не бывало — выбиться изъ-подъ русской опеки и возвратить себѣ прошлое значеніе и независимость; прусскій король—ближайшій сосѣдъ Польши и искреннѣйшій ея другъ; онъ ей поможетъ; онъ станетъ ее защищать, еслибъ Россія вздумала оказать противъ нея какія-нибудь насильственныя дѣйствія. Обстоятельства давали вѣру прусскимъ внушеніямъ. Поляки соображали, что Россія не выиграетъ въ предпринятой войнѣ: у ней одна только союзница Австрія, а за турокъ, какъ ихъ увѣряли, заступится вся Европа. Уже шведскій король и началъ войну съ Россіей; уже силы Россіи раздѣлены, и она должна вести войну на двухъ противоположныхъ оконечностяхъ своего государства. Уже первыя военныя дѣйствія обоихъ

императорскихъ войскъ не представляли много блеска. Іосифъ II, начавши самъ лично воевать противъ турокъ, оказался плохимъ полководцемъ; генералы у него были не превосходные, и войско, сражавшееся на берегахъ Дуная, терпѣло отъ болѣзней и дурныхъ распоряженій. Русскія силы имѣли у себя геніальнаго Суворова, но послѣ блестящей побѣды подъ Кинбурномъ, началась продолжительная и въ высшей степени изнурительная для войска осада Очакова. Все подавало надежду полякамъ, что война съ Турціею не послужитъ къ усиленію Россіи, а потому теперь-то и слѣдуетъ имъ пользоваться тѣмъ, что Россія не въ состояніи обратить своего оружія для удержанія Польши въ зависимости; слѣдуетъ не терять удобнаго времени и расположенія Европы, свергнуть съ себя гарантію Россіи, уничтожить постановленія и учрежденія, навязанныя ею, создать военную силу, устроить государственный механизмъ и гражданскій порядокъ, сдѣлать, однимъ словомъ, Польшу благоустроенною державою, которая бы, впослѣдствіи, могла выдержать борьбу за свою независимость противъ покушеній Россіи. Но слабой, истощенной Польшѣ нуженъ союзникъ: этотъ союзникъ, сильный, благородный, великодушный и безкорыстный, явился полякамъ въ особѣ прусскаго короля. Игнатій Потоцкій, братъ его Станиславъ, Чарторыскіе, Сапѣга сдѣлались корифеями партіи, обращавшей взоры упованія на Пруссію. Къ нимъ присталъ старый Станиславъ Малаховскій, человѣкъ очень богатый, не бойкаго разсудка, но добродушный и честный, а послѣднее составляло рѣдкость между польскимъ панствомъ. Онъ искренно желалъ добра своему отечеству и былъ готовъ на всякія реформы; не смотря на его старыя лѣта, въ немъ было много юношеской живости; по своей доброй натурѣ, онъ довѣрился всему, что́ слышалъ отъ прусскаго министра и, вслѣдъ за братьями Потоцкими, началъ видѣть въ прусскомъ королѣ спасителя Польши.

Передъ тѣмъ онъ, какъ и братъ его, который сдѣлался канцлеромъ, не былъ врагъ Россіи и даже горячо говорилъ за союзъ съ нею, находилъ полезнымъ, еслибъ два близкіе славянскіе народа соединились во-едино; но ему успѣли представить въ черномъ цвѣтѣ деспотизмъ и коварную политику Россіи, которая не допуститъ ни за что́ полезныхъ измѣненій въ Польшѣ: и такъ, онъ склонился на прусскую сторону. Братъ его остался навсегда сторонникомъ Россіи. На Станислава Малаховскаго мѣтили, какъ на будущаго маршала сейма, не только люди расположенные къ Пруссіи, но и пріязненные къ Россіи, даже самъ русскій посланникъ, который долго не зналъ о перемѣнѣ убѣжденій и склонностей Малаховскаго и долго считалъ его преданнымъ человѣкомъ.

Бывшая оппозиція раздѣлилась. Браницкій, Ржевускій, Щенсный-Потоцкій не пристали къ прусской партіи. Браницкій кричалъ о возрожденіи отечества, поддѣлывался къ патріотамъ, говорилъ о необходимости произвести радикальныя измѣненія, но держался императрицы, ибо разсчиталъ, что судьба Польши и, слѣдовательно, его собственная, зависитъ отъ нея. У него была большая партія, партія эгоистовъ, подобныхъ ему, у которыхъ первою цѣлію въ жизни было пожить весело, какими бы средствами ни пріобрѣталось такое житье; свои узкіе виды для нихъ были дороже отечества, и потому они льнули туда, гдѣ чуяли силу и гдѣ ожидали для себя выгодъ. Эгоисты часто видятъ вещи прямѣе, чѣмъ тѣ, которые способны увлекаться идеями: эгоисты чуютъ, гдѣ имъ будетъ лакомо и чутьемъ идутъ туда, какъ звѣри на запахъ добычи. Отъ этого люди продажные, преданные себѣ самимъ, склонялись къ Россіи, какъ будто предчувствуя, что такъ ли, или иначе, поворотятся въ Европѣ обстоятельства, а для Польши сильнѣе Россіи не будетъ державы. Польскіе историки и публицисты называютъ этого рода людей рус-

скою, или какъ они выражаются, московскою партiею. Собственно, партiею назвать ихъ нельзя. Это были люди, думавшiе только о своихъ выгодахъ и готовые служить и Россiи, и Пруссiи и кому угодно, но такихъ въ Польшѣ было безчисленное множество. Изъ нихъ были люди, стоявшiе на высокой степени государственнаго сановничества, и они получали отъ Россiи деньги, но также точно готовы были получить ихъ отвсюду.

Щенсный - Потоцкiй не принадлежалъ къ разряду такихъ людей. Его любящая и поэтическая душа увлеклась величественнымъ образомъ Екатерины; онъ полюбилъ ее и благоговѣлъ предъ нею; онъ вѣрилъ въ нее, въ ея благодушiе, и искренно думалъ, что она только можетъ спасти его отечество. Щенсный желалъ Польшѣ добра, но допускалъ для ея возрожденiя только то, чтó сходилось съ его традицiями и предразсудками. Подобно ему, думали обыватели стараго покроя: по ихъ понятiямъ, Рѣчь-Посполитая должна была не вводить что-нибудь новое, а поправлять старое, воскресить забытое; ихъ идеалы были не впереди, а назади; они хотѣли не сотворить изъ Польши европейское государство въ современномъ вкусѣ, а воротить ее къ тому блестящему перiоду старинныхъ доблестей и добродѣтелей, которыми, по ихъ лживому мнѣнiю, полна была польская исторiя. Впрочемъ, кромѣ Щенснаго-Потоцкаго, который былъ дѣйствительно человѣкъ убѣжденiя, хотя и превратнаго, трудно различить, кто искренно принадлежалъ къ такому разряду консерваторовъ, а кто былъ просто продажнымъ и безчестнымъ эгоистомъ.

Король, его братья, родственники и кружокъ болѣе или менѣе ему преданныхъ людей, составляли въ Польшѣ партiю, которую противники окрестили именемъ дворской. Это были люди, которые находили, что вся бѣда Польши происходитъ отъ дурного воспитанiя, отъ ослабленiя монархической власти и безпорядковъ въ управленiи. Эти

люди, поэтому, заботились о воспитаніи, думали усилить королевскую власть, ограничить произволъ пановъ, установить законность, уничтожить liberum veto. Партія эта въ то время разсчитывала, что Польшѣ единый исходъ— быть въ союзѣ съ Россіею, и потому она хотѣла угождать Екатеринѣ съ тѣмъ, чтобъ заслужить съ ея стороны вниманіе и получить отъ нея дозволеніе произвести въ Польшѣ перемѣны. Они думали, что избирательное правленіе для Польши источникъ бѣдствій, хотѣли ввести наслѣдственное, и, чтобъ склонить къ этому Екатерину, готовы были утвердить его за такимъ домомъ, за какимъ угодно будетъ ей. Однимъ словомъ, цѣль ихъ была вести Польшу къ благоустройству въ дружбѣ съ Россіею. Нельзя сказать, чтобъ они въ самомъ дѣлѣ любили Россію и искренно были ей преданы, напротивъ, каждый изъ принадлежавшихъ къ этой партіи всегда готовъ былъ отшатнуться отъ Россіи, еслибъ только предстояла возможность и Россія перестала имъ быть опасною; такъ многіе изъ нихъ и поступили впослѣдствіи. Люди этой партіи, какъ и король самъ, вообще не могли похвалиться твердостію, напротивъ, отличались легкомысліемъ и поверхностною податливостію въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ, а кромѣ того всѣ, болѣе или менѣе, соразмѣряли свои политическія убѣжденія съ своими личными выгодами. Между ними по уму, дарованію, отличались Іоакимъ Хребтовичъ, Кицинскій, генералъ Комаржевскій. Два послѣдніе занимали видное мѣсто между людьми этой партіи при дворѣ. Братъ короля, примасъ Михаилъ Понятовскій, по знатности занимаемаго имъ сана, стоялъ виднѣе всѣхъ. Намѣренія этой партіи сходились съ видами прогрессистовъ, уклонившихся къ Пруссіи, но разница между ними была та, что одни хотѣли опираться на Пруссію, возбуждавшую поляковъ противъ Россіи, а другіе пока до времени держались Россіи.

Въ августѣ 1788 г. разосланы были универсалы на сеймики для выбора пословъ на предстоящій сеймъ, который заранѣе объявлялся конфедерованнымъ. Императрица, въ видахъ заключенія союза съ Россіею, согласилась, чтобъ онъ былъ конфедерованъ. Король и его партія хотѣли, также какъ и прусская партія, чтобъ маршаломъ предстоящаго сейма былъ Малаховскій. Его считали столько же честнымъ, сколько податливымъ, и чрезъ него надѣялись имѣть вліяніе на сеймъ; сеймовый маршалъ былъ важное лицо: онъ давалъ движеніе работамъ на сеймѣ, направлялъ пренія, соблюдалъ порядокъ, имѣлъ право прекращать засѣданія. Соперникомъ Малаховскому выставляли Щенснаго-Потоцкаго. Уже въ самомъ взглядѣ на конфедерованіе сейма видно было, какъ будетъ вести сеймъ тотъ и другой, сдѣлавшись маршаломъ. Щенсный-Потоцкій не хотѣлъ знать никакихъ другихъ формъ, кромѣ тѣхъ, которыя оставили предки; онъ желалъ составленія конфедераціи, такъ какъ она составлялась въ былыя времена, то-есть, составить конфедераціи по воеводствамъ и повѣтамъ и потомъ соединить ихъ въ одну общую. При такомъ устройствѣ конфедераціи, сообразно древнему обычаю, прекратились бы всѣ суды, перемѣнились бы должностныя лица; всѣ должны были произнести присягу конфедераціи. Отъ нея бы зависѣло все управленіе страны, правосудіе, финансы, войско. Противники его замѣчали, что поступить такимъ образомъ—значитъ умышленно возбудить мятежъ и безпорядки. Цѣль конфедераціи была ни болѣе, ни менѣе, какъ только устранить единогласіе и допустить рѣшеніе дѣлъ посредствомъ большинства голосовъ, и поэтому нужно было выбрать обычнымъ образомъ на сеймикахъ пословъ на сеймъ; эти послы съѣдутся въ Варшаву, и тамъ тотчасъ объявятъ сеймъ сконфедерованнымъ, не дѣлая никакихъ перемѣнъ въ ходѣ управленія, оставляя власть по-прежнему во

всѣхъ текущихъ отправленіяхъ. Малаховскій только съ этимъ условіемъ соглашался принимать званіе сеймоваго маршала. Щенсный-Потоцкій говорилъ, что онъ не иначе признаетъ маршала сейма, какъ тогда, когда онъ избранъ будетъ единогласно. Всѣ партіи, по извѣстному обычаю, принялись дѣйствовать на сеймикахъ и подготовлять себѣ силу на будущемъ сеймѣ. Штакельбергъ узналъ тогда, что Пруссія разослала своихъ агентовъ по Великой Польшѣ для внушенія на сеймикахъ полякамъ мысли о томъ. что теперь пришла пора освободиться отъ московскаго ига, что никакъ не слѣдуетъ заключать договора съ Россіею, а надлежитъ заключить союзъ съ прусскимъ королемъ— онъ истинный другъ Польши и защитникъ: нечего полякамъ бояться Москвы; пусть она нападаетъ на Польшу— прусскій король защититъ ее. Императрица писала Штакельбергу: «Берлинскій дворъ составляетъ противъ насъ партію въ Польшѣ; слѣдуетъ и намъ отложить всякое уваженіе и искать утвердить нашу силу въ Польшѣ, воспользоваться тѣмъ расположеніемъ, какое теперь многіе имѣютъ». Императрица приказывала своему министру увѣрять поляковъ, что Россія хочетъ тѣсной связи съ Польшею, но вмѣстѣ и сохраненія за нею независимости въ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ; Россія не иначе вмѣшается въ польскія дѣла, какъ только тогда, когда Польша сама этого захочетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Штакельбергу поручалось указать полякамъ на непристойность дѣйствій прусскаго короля, увѣрять ихъ, что Пруссія ихъ обманываетъ и хочетъ поссорить Польшу съ Россіею, чтобъ изъ этой ссоры извлечь себѣ выгоды въ ущербъ Польшѣ.

Въ Польшѣ приготовлялись къ сейму съ великими ожиданіями. Небывалое волненіе умовъ сдѣлалось въ польскомъ обществѣ. Одна за другою появлялись книжечки, съ размышленіями, соображеніями и воззваніями о необходимости приступить къ кореннымъ реформамъ, испра-

вить злоупотребленія, отмѣнить устарѣлыя учрежденія и замѣнить ихъ иными, сообразными съ требованіями вѣка; книжечки эти распространялись всѣми способами.

Видное мѣсто между этими книжечками занимало въ свое время напечатанное два года предъ тѣмъ сочиненіе Сташица: «Размышленія о жизни Яна Замойскаго». Авторъ говоритъ менѣе всего о Замойскомъ, но распространяется о воспитаніи, судопроизводствѣ, избраніи королей, сеймахъ, исполнительной власти, о торговлѣ, правахъ сословій, военной силѣ, доходахъ и расходахъ, о системѣ податей, вообще о всѣхъ предметахъ общественнаго устроенія, возбуждавшихъ тогда вопросы и пренія, излагаетъ недостатки и злоупотребленія, бывшія въ Польшѣ по всѣмъ этимъ частямъ, представляетъ планы и соображенія объ ихъ исправленіи. Онъ врагъ избирательнаго правленія. Оно можетъ быть хорошо только у дикихъ и отъ нихъ получило начало; въ наше время, при избирательномъ правленіи короны могутъ быть раздаваемы только деньгами, хитростями и кознями, говоритъ онъ. По его мнѣнію, надобно было ввести въ Польшѣ наслѣдственное правленіе и вручить корону какому-нибудь изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царствующихъ домовъ. Если ужъ никакъ нельзя ввести наслѣдственности, то пусть, по крайней мѣрѣ, избираютъ въ короли изъ своихъ, а не изъ чужихъ, и въ такомъ случаѣ предлагалъ такой оригинальный способъ: выбирать воеводъ большинствомъ голосовъ, и изъ всѣхъ воеводъ сеймъ пусть большинствомъ выберетъ третью часть въ кандидаты на королевское достоинство, а изъ нихъ, когда умретъ король, выбирается ему преемникъ жребіемъ. Увеличить войско онъ думалъ посредствомъ учрежденія военныхъ поселеній: слѣдовало освободить отъ панщины королевскихъ и панскихъ хлоповъ и надѣлить ихъ землею извѣстной пропорціи, и за эту землю водворенный на ней поселянинъ обязанъ ходить на ученье и

въ теченіе пятидесяти лѣтъ числиться въ военномъ званіи; вмѣсто прежнихъ подстаростъ, экономовъ и коммисаровъ управляли бы ими офицеры. Сташицъ допускалъ мѣщанъ и крестьянъ къ участію въ дѣлахъ государственныхъ и давалъ имъ право посылать пословъ на сеймы и вообще уничтожалъ сословное различіе гражданскихъ правъ. Картину печальнаго состоянія крестьянъ въ то время Сташицъ изображаетъ, заставляя крестьянина разсказывать собственную біографію. Указывая на кучу книгъ, содержащихъ законы Рѣчи-Посполитой, польскій крестьянинъ говоритъ: «Въ этой кучѣ только нѣсколько тысячъ жителей находятъ для себя правосудіе, а нѣсколькимъ милліонамъ нѣтъ въ нихъ спасенія, и я изъ ихъ числа. Я сохранялъ Божіи заповѣди, жилъ по правиламъ религіи, считалъ свою судьбу волею Провидѣнія—меня гоняли на тяжелыя работы, посылали въ путь по дурнымъ дорогамъ, я терялъ свои заработки, и ни на кого не жаловался; никто мнѣ не могъ оказать правосудія, кромѣ моего пана, а я его не видалъ и никто изъ его подданныхъ не зналъ его лично. Мой панъ запутался въ долгахъ и продалъ свое имѣніе шляхтичу. Новый владѣлецъ былъ намъ хуже тираномъ, чѣмъ прежніе экономы; онъ не зналъ надъ собой господина. Было у меня два сына: одинъ получилъ землю, другой безъ земли, безъ хлѣба остался и ушелъ учиться ремеслу. Панъ стращалъ меня суровыми наказаніями и приказывалъ доставить ему моего сына; меня посадили въ тюрьму и не выпускали, пока я не заплатилъ нѣсколько сотъ злотыхъ за моего сына. Меня, по этому, сочли богачемъ, и надѣясь взять съ меня еще болѣе, приказали забить въ колодку и держали до тѣхъ поръ, пока я не доставлю своего сына. Я жаловался на несправедливое обращеніе со мною: это сочли дерзостью, велѣли забрать у меня изъ дома все, мучили меня, ковали въ кандалы и запирали въ хлѣвъ. Я убѣжалъ изъ

тюрьмы, но мнѣ нѣтъ правосудія въ здѣшнемъ краѣ: кто меня мучитъ, тотъ же мнѣ единственный судья. Въ вашихъ законахъ человѣкъ моего званія не находитъ обороны болѣе, чѣмъ скотъ». По отношенію къ сосѣдямъ, Сташицъ благоволитъ къ реформамъ Іосифа II, Россіи предсказываетъ внутреннія потрясенія на томъ основаніи, что тамъ народъ находился почти въ такой же неволѣ, какъ въ Польшѣ, а о бранденбургскомъ домѣ отзывается съ ненавистью: вспоминаетъ козни Фридриха II, впущеніе въ Польшу фальшивой монеты, насилія отъ прусскихъ войскъ и раздѣлъ Польши, котораго главнымъ виновникомъ признаетъ прусскаго короля.

Сочиненіе Сташица вызвало противъ себя появленіе толстой книжечки подъ названіемъ: «Размышленія надъ размышленіями». Авторъ проводитъ ту мысль, что корень зла надобно искать не въ учрежденіяхъ, а въ деморализаціи, и думаетъ, что многія учрежденія сами по себѣ не дурны и совсѣмъ не были бы вредны, еслибъ исправились нравы. Онъ сторонникъ избирательнаго правленія. «Многіе кричатъ противъ него,—говоритъ онъ,—толкуютъ о превосходствѣ наслѣдственнаго, а я питаю къ послѣднему прирожденное омерзѣніе; я не хочу считать выше себя того, кто не имѣетъ надо мною ни физическаго, ни нравственнаго превосходства, безгласнаго копронима, обернутаго въ пурпурныя пеленки. Кому изъ сильныхъ сосѣдственныхъ царственныхъ домовъ отдавать польскую корону, когда они всѣ выродились и испортились? Высокомѣріе, упрямство, нетерпѣливость стали ихъ врожденными качествами; едва ли между ними найдется одна личность, которая бы обладала внутреннимъ сознаніемъ человѣчности. Говорятъ, элекціи нашихъ королей порождали междоусобія, безпорядки, кровопролитія. Но въ другихъ краяхъ споры за наслѣдство производили еще больше кровопролитій». Онъ никакъ не соглашается допус-

тить къ сеймамъ не-шляхетскія сословія. «Если,—говоритъ онъ, — эти земледѣльческія поселенія съ кучами крытыхъ соломой хижинъ, называемыя у насъ городами, допустить къ публичнымъ совѣщаніямъ, то отъ этой толпы, забитой неволею и нищетою, незнающей даже своихъ мѣстныхъ интересовъ, не имѣющей никакого понятія о политическихъ и гражданскихъ правахъ, можно ожидать не разумныхъ размышленій, а рабскаго молчанія, либо скотскаго мычанія. Мало-по-малу предводители кружковъ будутъ усиливать свои партіи ихъ голосами». Авторъ противится и освобожденію крестьянъ на томъ основаніи, что они не приготовлены къ принятію свободы. «Дать, — говоритъ онъ,— свободу народу, забитому и униженному до скотоподобія, значитъ большую часть полезныхъ тружениковъ пустить бродяжничать, красть и разбойничать». Онъ требуетъ подготовки даже и для того, чтобы замѣнить панщину оброкомъ. «Были примѣры,—говоритъ этотъ публицистъ,—что этихъ бѣдняковъ увольняли отъ панщины, а потомъ нужно было воротиться снова къ панщинѣ, потому что хлопъ не хотѣлъ давать легкаго оброка и совсѣмъ опускался, такъ что нужно было владѣльцу спасать его отъ гибели.» Такими благовидными аргументами отстаивали обыватели свою власть надъ рабочею силою хлопа. Достойно замѣчанія, что этотъ публицистъ дѣлается защитникомъ бранденбургскаго дома противъ Сташица. Нé за что, по его мнѣнію, нападать на него такъ ожесточенно за то, что онъ хочетъ распространить свои владѣнія; всѣ такъ поступали, когда могли; сама польская Рѣчь-Посполитая въ былыя времена не чужда была подобныхъ стремленій.

Очень важное значеніе въ ряду появлявшихся тогда брошюръ имѣли письма анонима къ будущему маршалу предстоявшаго сейма, вышедшія въ свѣтъ перваго августа 1788 года. Авторъ ихъ, — извѣстный Гугонъ Коллонтай,

коронный референдарій. Здѣсь съ обильною риторикою излагаются совѣты, какъ вести сеймъ и какого рода измѣненія и улучшенія предстоитъ сдѣлать въ Польшѣ. Письма эти важны потому, что многое, предначертанное Коллонтаемъ, дѣйствительно было постановлено на сеймѣ такъ, что письма эти въ извѣстной степени были и программою дѣйствій сейма. Только въ совѣтахъ, какъ вести себя на сеймѣ, авторъ совершенно не имѣлъ успѣха: на перекоръ нравоученіямъ Коллонтая, послы отличались впослѣдствіи тѣми именно пороками, отъ которыхъ онъ ихъ предостерегалъ: Коллонтай убѣждалъ ихъ не предаваться хвастливой и безплодной болтовнѣ, не лѣниться, не отвлекаться отъ главныхъ вопросовъ и не развлекаться мелочами, не задирать самолюбія товарищей, не заводить изъ-за этого ссоръ и не проводить ночей на пирахъ и на балахъ. Коллонтай не является сторонникомъ ни Россіи, ни Пруссіи, а хочетъ, чтобъ Рѣчь-Посполитая опиралась сама на себя. Онъ предполагаетъ увеличить войско до 60,000, именно, до того числа, до котораго сеймъ, намѣтивъ число крупнѣйшее, долженъ былъ спуститься; онъ требуетъ также увеличенія податей и при этомъ предлагаетъ простѣйшую систему налоговъ. По его плану, Рѣчь-Посполитая должна представлять федерацію изъ воеводствъ, которыя слѣдуетъ, какъ только возможно, округлить и сдѣлать похожими одно на другое по величинѣ, раздѣливъ каждое на четыре повѣта. Каждое воеводство должно на своемъ сеймикѣ выбирать себѣ судей и должностныхъ лицъ. На этихъ сеймикахъ выбираются и послы на великій сеймъ: имъ даются инструкціи, отъ которыхъ они не должны отступать; они только органы націи, передатчики воли ея, а не самобытные законодатели. Мелкая шляхта не допускается на сеймики, и этимъ отнимается у богатыхъ и знатныхъ пановъ возможность ворочать сеймиками; тамъ могутъ участвовать и подавать голоса

только тѣ, которые владѣютъ землею не менѣе $7^1/_2$ волокъ (до 150 нашихъ десятинъ), или платятъ до 500 злот. налога съ капитала. Кромѣ шляхты допускались на сеймики представители разныхъ корпорацій и уполномоченные отъ городовъ. Сеймъ долженъ быть соединительнымъ центромъ федераціи воеводствъ и состоять изъ двухъ Избъ: въ высшей были сенаторы и послы отъ шляхетства изъ воеводствъ (по два сенатора и по четыре посла отъ каждаго воеводства); во второй, низшей—послы городовъ, но выбранные не самими городами, а на воеводскихъ сеймикахъ, гдѣ были уполномоченные отъ городовъ (по три посла отъ каждаго воеводства). Для крестьянъ Коллонтай вымышлялъ трибуновъ, числомъ трехъ: одинъ изъ нихъ былъ бы маршаломъ низшей Избы. Ихъ обязанность была заступаться за интересы простого сельскаго народа; они выбирались шляхетскими послами на сеймѣ изъ особъ шляхетскаго званія. Понятно, что въ случаѣ столкновенія шляхетскихъ интересовъ съ крестьянскими, эти лица могли быть плохими заступниками послѣднихъ. Мѣщане хоть и допускались на сеймъ, но Коллонтай хотѣлъ поставить ихъ такъ, чтобъ шляхетство имѣло надъ ними преимущество; такимъ образомъ, послы городскіе выбирались не въ самыхъ городахъ, не безъ участія шляхетства, были въ числѣ меньшемъ противъ числа пословъ шляхетскаго званія, и, сверхъ того, низшая Изба была отстранена отъ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ, напримѣръ выбора министровъ и посланниковъ къ иностраннымъ дворамъ, заключенія договоровъ и всякихъ сношеній съ иностранными державами. Возведеніе въ шляхетское достоинство было также дѣломъ одной высшей Избы. Послы выбирались на шесть лѣтъ. Сеймъ дѣлался постояннымъ: на него возлагали не только законодательство, но и наблюденіе надъ исполненіемъ законовъ. Единогласіе уничтожалось; всѣ дѣла рѣшались большинствомъ голо-

совъ; королевское достоинство было наслѣдственно, но всѣ должностныя лица—выборныя, какъ по государственному управленію, такъ и по воеводствамъ. Прежній постоянный совѣтъ уничтожался, а вмѣсто него около короля составлялся совѣтъ изъ министровъ, подъ вѣдѣніемъ которыхъ находилось пять правительственныхъ коммисій: скарбовая, войсковая, заграничная (иностранныхъ дѣлъ), полицейская и эдукаціонная. Коллонтай указывалъ на злоупотребленія, происходившія при раздачѣ королевщинъ въ староства, и совѣтовалъ всѣ такія имѣнія пустить въ продажу, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить старостинскіе и градскіе суды, замѣнивъ ихъ общими для всѣхъ земскими: мѣра эта, какъ извѣстно, была впослѣдствіи предпринята сеймомъ. Коллонтай—врагъ титуловъ и княжескихъ и графскихъ, но особенно ненавидитъ тѣ, которые нѣкогда получили начало въ придворной службѣ и въ послѣднее время не имѣли ровно никакого смысла, но щекотали суетность и тщеславіе. «Не понимаю, — говоритъ онъ,— какъ честолюбіе свободнаго обывателя можетъ плѣняться титуломъ честника (czesnik), мечника, крайчаго, подчашаго, ловчаго, пивничнаго, кухмистра. Все это или награды невольникамъ за ихъ службу, или занятія частныхъ лицъ, приспособительно къ ремесламъ и заработкамъ. Честникъ долженъ подавать кушанья [1]), мечникъ оправлять саблю, ловчій смотрѣть за псарнею, крайчій кроить и шить платье, подчашій и пивничный наблюдать надъ погребомъ и напитками, кухмистеръ готовить явства и т. д. Въ другихъ странахъ такія должности относятся только ко двору государя, а у насъ каждое воеводство, каждая земля, каждый повѣтъ, да еще къ тому отдѣльно, Корона и Литва, имѣютъ свои такого рода почетные чины. Уничтожимъ эти подобія и памятники монархиче-

---

[1]) Чествовать, частвовать (малорос.).

ской власти, не оставляя слѣда для узурпатора и приманки для тѣхъ, которыхъ низкій вкусъ влечетъ къ тому, чтобы получить значеніе въ воеводствѣ по признакамъ значенія при дворѣ!» Но Коллонтай, при своей нелюбви къ неравенству въ высшемъ сословіи, стои́тъ, однако, за преимущества шляхетства: его будущая Польша все-таки шляхетская Рѣчь-Посполитая, только онъ хочетъ открыть къ шляхетству болѣе правильный доступъ: воинъ, получившій на сраженіи раны или отличившійся храбростію, гражданинъ, спасшій жизнь ближнему или оказавшій какую-нибудь пользу отечеству, должны были награждаться допущеніемъ къ шляхетскому достоинству. Коллонтай заступается за хлоповъ: — «Нашъ земледѣлецъ, — говоритъ онъ,—въ шляхетскихъ имѣніяхъ сдѣлался вещью владѣльца и вопреки очевидному гласу природы, пересталъ быть личностію. Онъ отданъ на произволъ пана, связанъ легально неволею, сравненъ со скотомъ, запроданъ въ руки жида, погруженъ въ пьянство, въ невѣжество, въ нищету... Если по чему, то по состоянію подданныхъ нашихъ можно сообразить, что́ такое польская свобода; и кто-жъ меня убѣдитъ, чтобы человѣкъ, который знаетъ и любитъ преимущества свободы, который содрогается предъ насиліемъ и беззаконіемъ, съ холоднымъ равнодушіемъ смотрѣлъ на порабощеніе равнаго ему человѣка?» Но Коллонтай, однако, предоставляетъ крестьянину личную свободу—и только. «Хлопъ,—говоритъ онъ,—не требуетъ большихъ жертвъ. Не требуетъ онъ напраснаго міроправленія (gminowladstwa), онъ желаетъ только естественнаго и гражданскаго правосудія. Отдадимъ ему то, что́ мы у него святотатственно похитили, въ чемъ мы нарушили божественное и человѣческое право, отдадимъ ему свободу его личности и его рукъ, и этотъ трудолюбивый народъ, который насъ кормитъ, обработываетъ наши поля, удвоитъ охоту къ труду и, привязавшись крѣпко къ землѣ,

обогатитъ наше общество, увеличитъ наши доходы, полюбитъ отечество, сознáетъ, что оно истинное его отечество, тогда какъ теперь онъ едва разнится отъ скота». Коллонтай приглашаетъ сеймъ обратить особенное вниманіе на русскія земли, гдѣ такъ часто происходили явленія, которыхъ одно воспоминаніе приводило въ ужасъ поляковъ. Онъ совѣтуетъ припомнить гадячскій договоръ, который нарушила Рѣчь-Посполитая, и поправить ошибки предковъ въ этомъ отношеніи. Ему нравится въ этомъ памятникѣ XVII вѣка особенно то, что тогда постановлено было завести для Руси два университета. Коллонтай хочетъ, чтобы приняты были мѣры къ образованію русскаго духовенства, которое, съ своей стороны, будетъ стараться о просвѣщеніи народа.

Такой смыслъ имѣли эти письма одного изъ первыхъ виновниковъ переворота, наступившаго въ послѣдующее время.

Люди консервативной партіи выпускали также съ своей стороны брошюры. Изъ нихъ нельзя не обратить вниманія на одну подъ названіемъ: «Соображенія о политическихъ обстоятельствахъ по поводу обывательскаго задора»; она замѣчательна по вѣрному взгляду на вещи и благоразумному предвѣдѣнію будущаго.

«Всѣ наши сосѣди,—говоритъ авторъ, — занялись войною, которая теперь въ самомъ разгарѣ ведется въ отдаленныхъ странахъ; только одинъ изъ сосѣдей сохраняетъ спокойствіе, никуда не вмѣшивается, а выжидаетъ, пока другіе ослабѣютъ. Но этотъ сосѣдъ не утратилъ желанія увеличивать свои владѣнія, онъ только поступаетъ осторожно (авторъ разумѣетъ Пруссію). Можно ли допустить, чтобъ, въ то самое время, когда чужая политика созрѣетъ въ грозномъ для нáсъ образѣ, мы сдѣлались орудіемъ собственной нашей погибели, по причинѣ нашего безразсуднаго увлеченія? Торопливый задоръ взялъ у насъ верхъ

надъ видами спасительной политики. Мы слѣдуемъ за побужденіями той непріязни и ожесточенія, которыя внѣдрило въ насъ вліяніе чуждой власти, вмѣшивавшейся въ наше внутреннее управленіе (авторъ разумѣетъ Россію); но мы не обращаемъ вниманія на то, что эта власть хочетъ только нашей политической слабости, а не погибели; напротивъ, для нея, болѣе чѣмъ для кого другого, нужно наше существованіе; мы поддаемся сердечному отвращенію къ ней и слушаемъ подъущеній нашихъ прирожденныхъ непріятелей (нѣмцевъ); мы отвергаемъ все, что эта власть, ко взаимному нашему интересу, можетъ намъ присовѣтовать, отвергаемъ всѣ способы, которые она хочетъ подавать намъ для нашего сохраненія; для насъ всѣ другія опасности не кажутся страшными, и мы обратимся всецѣло къ тому, чтобъ ей показать, какъ глубоко врѣзалась въ наше сердце память тѣхъ обидъ, которыя она намъ причинила, и насильно навязанной намъ зависимости. Что же ей, запутанной теперь въ войны съ разными сторонами, останется предпринять? Она отречется отъ мысли беречь насъ для своей пользы, и гнѣвъ противъ насъ и необходимость выпутаться изъ войны продиктуютъ ей иные виды: она или отдастъ насъ на жертву другимъ, или же съ охотою приметъ предлагаемую ей долю нашего отечества. До сихъ поръ отъ полнаго завоеванія насъ охраняетъ единственно то, что чужіе до этого не допускаютъ. Несчастные мы: будемъ знать, что торгъ идетъ не съ нами, а объ насъ!»

Кромѣ печатныхъ брошюръ, знатные паны, имѣвшіе по всей Польшѣ большія связи и кліентства, писали письма къ обывателямъ, указывали на многозначительность настоящаго времени, излагали важность предстоявшаго сейма, убѣждали содѣйствовать на сеймикахъ ихъ планамъ: составлять инструкціи въ указанномъ духѣ, выбирать подходящихъ пословъ, а къ тѣмъ, которыхъ хотѣли

видѣть послами, писали приглашенія быть кандидатами. Обыватели, занятые своими пирами и ссорами, мало думавшіе о политикѣ и землестроеніи, теперь какъ будто отъ сна пробуждались, стали читать газеты, слѣдить за ходомъ европейскихъ дѣлъ; въ ихъ обществѣ поднялись толки о судьбѣ отечества; полученныя письма и брошюры открывали имъ, что Польша находится въ такомъ положеніи, что ей приходится выбирать что-нибудь либо одно, либо другое: съ одной стороны, Россія, ведя вмѣстѣ съ Австріею войну противъ Турціи, приглашала Польшу къ союзу съ собою; съ другой—нѣсколько европейскихъ державъ вооружали Польшу противъ Россіи и приглашали къ союзу съ собою. Смотря по тому, отъ кого получались письма, къ кому имѣли читатели болѣе довѣрія, такъ и настраивались. Однихъ заставляли всего лучшаго ожидать отъ Россіи, другихъ увѣряли, что Россія есть древній врагъ Польши, хочетъ лишить ее независимости и даже уничтожить,—что Польшѣ слѣдуетъ пользоваться временемъ и примкнуть къ европейской коалиціи противъ Россіи. Всѣ чувствовали себя наканунѣ чего-то рѣшительнаго: предстоящему сейму заранѣе навязывали долгъ совершить великія перемѣны. Всѣ кричали объ улучшеніяхъ (poprawach), но въ чемъ состояли эти улучшенія, это не сознавалось ясно и согласно; только сходились на томъ, что нужно умножить войско, ибо возникшая по сосѣдству война требуетъ предосторожности, и опытъ перваго раздѣла научилъ поляковъ, что̀ значитъ не имѣть войска. Вообще же и на этотъ разъ волненія умовъ носили характеръ прежней неопредѣленности и необдуманности. Оппозиція стекалась въ Куровъ къ братьямъ Потоцкимъ, и еще болѣе въ Пулавы къ Чарторыскимъ.

Козьмянъ оставилъ намъ любопытное описаніе, какъ составился въ то время сеймикъ въ Люблинѣ, одинъ изъ самыхъ важныхъ, потому что оттуда вышли послы, отли-

чавшіеся на сеймѣ дѣятельностью и прогрессивнымъ направленіемъ. Адамъ Чарторыскій генералъ подольскихъ земель съ своею супругою въ Пулавахъ задавали шумные и блестящіе пиры. Къ нимъ съѣзжались братья Потоцкіе —Игнатій и Станиславъ, Северинъ и Янъ Потоцкіе, Петръ Потоцкій, Длускій, Витославскій, Северинъ Ржевускій, множество обывателей и духовныхъ. Хотѣли заманить Щенснаго-Потоцкаго: онъ былъ тогда въ апогеѣ своей славы; онъ подарилъ Рѣчи-Посполитой 12 пушекъ и обѣщалъ снарядить на свой счетъ цѣлый полкъ; вся Польша кричала, что онъ великій патріотъ. Въ честь его въ Пулавахъ приготовили театръ и хотѣли играть пьесу «Мать спартанка», но Щенсный не пріѣхалъ, къ большой досадѣ всѣхъ гостей. Пропировавши и протанцовавши нѣсколько дней, обыватели, размягченные гостепріимствомъ хозяевъ, обѣщали выбрать Чарторыскаго посломъ. Гости, будучи навеселѣ, нѣсколько соблазнились тѣмъ, что онъ надѣлъ мундиръ австрійской службы, но панъ Витославскій объяснилъ, что Чарторыскій имѣетъ обычай нѣсколько разъ въ день наряжаться въ разные костюмы. Въ угоду гостямъ, Чарторыскій тотчасъ надѣлъ воеводскій мундиръ и выпилъ чашу венгерскаго за здоровье люблинскихъ обывателей. Послѣ обѣда и взаимныхъ объятій съ гостями, хозяинъ сталъ у камина, турокъ подалъ ему трубку съ богато украшеннымъ длиннымъ чубукомъ и зажегъ вѣткою изъ алоэ. Тутъ ему подвернулся на глаза между обывателями нѣкто Янъ Дмоховскій, буянъ на сеймикахъ, королевскій пленипотентъ. Князь, глянувъ на него, приказалъ подать себѣ кубокъ шампанскаго, выпилъ за здоровье пріятелей и, отдавая Дмоховскому, сказалъ: «панъ Дмоховскій, можетъ быть ты задумалъ стоять противъ меня на сеймикахъ? Смотри же, помни сударь, я не Дмоховскій»! Это было предвѣстіемъ ссоры, но подбѣжала княгиня и сказала мужу: «иди спать, ты буянишь когда

выпьешь», и вмѣстѣ съ тѣмъ приказала убрать бутылки и кубки. Князь разсмѣялся, наговорилъ всѣмъ вѣжливостей и ушелъ. Подпившіе гости у него въ домѣ окончательно порѣшили, кого слѣдуетъ выбрать.

Настало время сеймиковъ. Козьмянъ разсказываетъ, какъ онъ пріѣзжалъ тогда на сеймикъ съ отцомъ своимъ. «Когда мы проѣзжали черезъ люблинскую греблю,—говоритъ онъ, — насъ поразилъ огромный обозъ, словно татарское кочевье, на урочищѣ Татарахъ, на правой сторонѣ отъ плотины. Мы увидали бѣлые шатры на жердяхъ, покрытые кусками матеріи, шалаши изъ хворосту; передъ ними пылали костры, рѣзали воловъ и пекли на рожнахъ огромные куски мяса; у столовъ и у стульевъ сидѣла кучами шляхта и пожирала кушанье; другіе припали къ бочкамъ съ пивомъ, медомъ, горѣлкою, черпали оттуда напитки сткляницами, гарнцами, жбанами и кричали: виватъ! Иные сбились въ кружки, пробовали свои палаши и рубились между собою. Табунъ лошадей пасся между ними; нѣсколько сотъ подлясскихъ повозокъ въ одну лошадь, съ поднятыми въ верхъ оглоблями, окружали обозъ и образовали таборъ. «Что это такое?» спросилъ мой отецъ, встрѣтивъ нѣсколько шляхтичей на плотинѣ.—«Это подлясская партія нашего князя», сказали ему. Мы поѣхали на предмѣстье къ доминиканамъ и встрѣчали по дорогѣ бродящія толпы шляхты, въ капотахъ и епанчахъ, съ саблями, и съ трудомъ могли добраться до каменнаго строенія. Едва мой отецъ успѣлъ перемѣнить платье, какъ къ нему пришло нѣсколько обывателей, городскихъ и сельскихъ, съ жалобою, что нѣтъ никакой безопасности въ городѣ; головы нельзя высунуть на улицу — отрубятъ; въ городѣ и на Жидахъ (часть Люблина) заперли лавки; шляхта ихъ отбиваетъ и товары грабитъ. Пьяные напали на почтеннаго обывателя Янишевскаго и изранили его, вообразивъ, что это Дмоховскій, потому что онъ былъ рыжій и низкоро-

слый, хотя одинъ изъ нихъ ходилъ прямо, а другой хромалъ; его, раненаго, чуть спасъ братъ и унесъ домой. На люблинскаго хорунжаго Понятовскаго напали на улицѣ и хотѣли сорвать съ него саблю съ богатою рукояткою, дошло до свалки, да отважный старикъ сталъ противъ нихъ смѣло и крѣпко; тутъ пріятели его прибѣжали и разогнали назойливую сволочь. Меценасу и осѣдлому въ городѣ обывателю выбили окна: онъ было сталъ имъ выговаривать, что непристойно шляхтѣ дѣлать насилія и грабежи; а они ему отвѣчали каменьями и ранили его въ голову. Обыватели просили моего отца ходатайствовать у князя, чтобъ онъ приказалъ вывести изъ города эту полудикую орду, запретилъ поить ее и впускать въ городъ. Въ день сеймика всѣ пошли въ костелъ. Хотя въ то время и не ожидали буйства и все, казалось, должно было обойтись покойно, однако я увидѣлъ, что одинъ только Чарторыскій былъ въ парикѣ, въ шляпѣ и въ мундирѣ люблинскаго воеводства, а другіе паны, которыхъ выбирали въ послы: Станиславъ Потоцкій, Ржевускій, Сангушко, надѣли на голову шапки туго настеганныя ватою и, вмѣсто шпагъ, привѣсили палаши на перевязяхъ. Вся толпа не могла помѣститься въ костелѣ, не малая часть шляхты оставалась на лугу надъ Быстрицею, у шатровъ и у бочекъ; другая наполняла корридоры и дворъ монастыря; ея хвостъ волочился по улицамъ. Сеймикъ окончился, однако, спокойно; единогласно выкрикнули всѣхъ кандидатовъ, и къ нимъ присоединился стольникъ Выбрановскій, сѣдой и почтенный обыватель люблинскаго воеводства; шляхта принесла его и другихъ передъ маршальскій столъ; князь въ короткихъ словахъ поблагодарилъ братію за выборъ. Тутъ я въ первый разъ услышалъ выразительную, произнесенную безъ подготовки, рѣчь Станислава Потоцкаго. По выходѣ изъ костела, всѣ обыватели отправились обѣдать къ князю. По приготовленіи Laudum (постановленія) и инструкціи

для выбранныхъ пословъ, стали разъѣзжаться и развозить шляхту; исчезъ таборъ съ луга, но еще цѣлую недѣлю послѣ того по городу шатались повѣсы съ саблями. На этомъ сеймикѣ, какъ обыкновенно бывало на каждомъ, два-три шляхтича опились, другіе, пьяные, слетѣли со второго яруса и убились или разшиблись».

Эти краснорѣчивые факты показываютъ, что, для начала преобразованій, о которыхъ толковали, употребляли старые пріемы. На этотъ сеймъ, послѣдній въ исторіи Рѣчи-Посполитой, составленный не по волѣ чужой власти, послы выбирались не по сознательной волѣ гражданъ, а посредствомъ подкупа и подпоя шляхетской толпы, точно также, какъ и на всѣ предшествовавшіе сеймы въ теченіи вѣковъ. Это одно затрудняло и даже дѣлало почти невозможнымъ истинное возрожденіе націи. Инструкціи, опредѣлявшія дѣйствія пословъ, писались по волѣ могучихъ пановъ, какъ и прежде дѣлалось. Тогда какъ въ люблинскомъ воеводствѣ заправляли выборами паны прусской партіи, въ южно-русскихъ краяхъ подбирали партію Щенсный-Потоцкій и Браницкій, и они также обсыпали золотомъ и опаивали виномъ шляхту, настраивая ее выбирать людей противнаго направленія.

Современникъ Охоцкій говоритъ, что, подъ вліяніемъ Щенснаго-Потоцкаго, на брацлавскомъ сеймикѣ въ инструкціи посламъ были заявленія объ улучшеніи участи хлоповъ: вопросъ этотъ всегда обходило шляхетство, и только Щенсному, при его силѣ, возможно было произвести такое необычное дѣло. Самъ Щенсный руководился въ этомъ случаѣ вліяніемъ извѣстнаго тогда поэта Трембицкаго, который проживалъ у него.

Браницкій, черезъ посредство Потемкина, хлопоталъ у Екатерины, чтобъ ему было дозволено составить конфедераціи и потомъ соединить ихъ во единую. Въ этомъ духѣ Потемкинъ подавалъ государынѣ проектъ. Въ немъ дока-

зывалось, что дозволить въ Варшавѣ составить конфедерацію опасно. Внушалось опасеніе, что въ конфедерацію, составленную такимъ образомъ послѣ съѣзда сеймовыхъ пословъ, войдутъ люди убѣжденій, противныхъ Россіи, и такая конфедерація не будетъ оставаться въ зависимости отъ русскаго двора, а подвергнется вліянію иностранныхъ министровъ, станетъ препятствовать военнымъ операціямъ Россіи и сдѣлается вообще болѣе вредною для ней, чѣмъ полезною: король не станетъ служить видамъ Россіи а будетъ преслѣдовать свои собственные виды. Гораздо безопаснѣе составить конфедерацію изъ отдѣльныхъ лицъ, которые не посмѣютъ нарушать обязательствъ къ Россіи, изъ опасенія навлечь на себя страшный для нихъ ея гнѣвъ. Нужно при этомъ стараться, чтобъ въ конфедерацію не входили люди нерасположенные къ Россіи; для этого нужно собрать войско подъ начальствомъ Браницкаго и Потоцкаго, присоединить къ нему, для усиленія войска, часть россійскаго и тогда составить конфедерацію изъ тѣхъ, на которыхъ можно понадѣяться, а для того, чтобъ купить такихъ людей, нужно получить отъ Россіи двѣсти тысячъ червонцевъ. Проектъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ дѣйствительно осуществился, но не теперь, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1792 г.; тарговицкая конфедерація существовала въ теоріи еще въ 1788 году: это показываетъ, что въ свое время она вытекала изъ необходимости и была неизбѣжна какъ явленіе, сложившееся прежними обстоятельствами. По плану Потемкина, конфедерація, составленная подъ принужденіемъ со стороны Россіи, заключила бы союзъ Польши съ Россіею и сдѣлала бы короля и все правительство орудіемъ Россіи; но тогда Браницкій, Ржевускій, Щенсный-Потоцкій, Валевскій и проч. правили бы всею Рѣчью-Посполитою, учредили бы свои суды, давали бы, кому хотѣли, должности, распоряжались бы произвольно казною и вообще поступали такъ,

какъ только можно въ анархіи и какъ дѣлалось во время конфедерацій. Екатерина отвергла этотъ проектъ, потому что не видѣла еще необходимости въ то время возбуждать и поддерживать смуту въ Польшѣ. Въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ Потемкина императрица выразилась, что для Россіи нѣтъ пользы, чтобы Польша сдѣлалась активнѣе, и потому хотѣла, чтобъ дѣятельность предстоявшаго сейма ограничилась заключеніемъ союза съ Россіею, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она требовала, чтобы конституція, уже существовавшая, оставалась непоколебимою, ибо она была гарантирована императрицею. По ея соображеніямъ, эта конституція была достаточна для того, чтобъ въ Польшѣ могли происходить внутреннія улучшенія, не вредныя для Россіи. По плану Екатерины, слѣдовало собрать чрезвычайный сеймъ; этотъ сеймъ долженъ конфедероваться, а потомъ изъ среды своей выбрать делегацію, которая была бы уполномочена заключить союзъ съ Россіею. «Составленіе въ Польшѣ конфедерацій по провинціямъ, говорила императрица, имѣетъ видъ бунта, и такой образъ дѣйствія можетъ прежде всего прусскому королю подать поводъ составить съ своей стороны другую конфедерацію, или по крайней мѣрѣ, поддерживать ту, которую устроятъ поляки. Подобные внутренніе бунты должны будутъ отвлечь въ Польшу часть русскаго войска для ихъ усмиренія». Екатерина отдавала справедливость приватнымъ лицамъ, о расположеніи которыхъ намекалось въ проектѣ, но замѣчала, что она не думаетъ, чтобъ король забылъ долгъ благодарности и собственную безопасность, и склонился бы къ видамъ, противнымъ Россіи. Поэтому Штакельбергъ получилъ предписаніе содѣйствовать тому, чтобъ сеймъ въ Варшавѣ сконфедеровался, чтобъ онъ также, какъ сеймъ, рѣшившій первый раздѣлъ, продолжался не болѣе шести недѣль и былъ «лимитованъ» (временно закрытъ), а потомъ возобновленъ по надобности для учрежденій.

Послы собрались въ октябрѣ 1788 года, и Штакельбергъ, до тѣхъ поръ считавшій Станислава Малаховскаго преданнымъ Россіи, увидалъ, что онъ заурядъ съ братьями Потоцкими чаетъ спасенія отъ Пруссіи. Это поразило русскаго посланника. Онъ хотѣлъ препятствовать избранію его въ маршалы, сталъ покровительствовать Щенсному-Потоцкому, но уже было поздно. На первомъ засѣданіи, маршалъ предшествовавшаго сейма огласилъ выборъ новаго маршала. Нѣсколько голосовъ изъ Литвы и Руси закричало: Щенснаго-Потоцкаго! Но шестьдесятъ голосовъ королевской партіи въ свою очередь закричали: «Нѣтъ на то согласія. Пана Станислава Малаховскаго коронваго референдарія просимъ маршалкомъ!» За ними закричали: Малаховскаго! великополяне, а потомъ послы литовскіе и русскіе увлеклись въ пользу Малаховскаго и измѣнили Щенсному. Впрочемъ есть современныя достовѣрныя свидѣтельства, что самъ Щенсный не расположенъ былъ добиваться маршальскаго жезла на предстоявшемъ сеймѣ, получивши недавно, не безъ большихъ издержекъ, важную должность генерала артиллеріи, при пособіи Штакельберга, старавшагося, чтобъ эта должность находилась въ рукахъ вѣрнаго сторонника русской государыни. Въ это время Петръ Потоцкій староста щержецкій, какъ бы ради поддержанія чести рода Потоцкихъ, сталъ домогаться для себя кандидатуры на маршальство. Но то была только комедія. Этому пану хотѣлось разыграть передъ всѣми великодушнаго и благороднаго человѣка. Онъ былъ панъ съ кредитомъ, а поэтому нашелъ кружокъ пановъ, преимущественно изъ Подлясья. Они стали поддерживать его, измѣнивъ Малаховскому. Засѣданіе разстроилось. На другой день нужно было рѣшить споръ баллотировкою. Тогда Петръ Потоцкій объявилъ, что, изъ уваженія къ такой почтенной личности, какъ панъ Малаховскій, онъ отступается отъ своей кандидатуры. Въ награду ему по-

сыпались похвалы его аристидовской доблести. Малаховскій единогласно сдѣлался маршаломъ. Щенсный показывалъ видъ, что не чувствуетъ никакого оскорбленія: и отправился къ Малаховскому съ поздравленіемъ. Маршаломъ литовскимъ или литовской конфедераціи на сеймѣ избранъ Казимиръ—Несторъ Сапѣга.

III.

Открытіе сейма.—Прусскія внушенія.—Увеличеніе войска.—Уничтоженіе войсковаго департамента.—Учрежденіе войсковой коммисіи [1]).

По избраніи маршала, обѣ Избы: сенаторская и посольская, соединились въ одну сеймовую. Засѣданія съ 7-го октября стали отправляться въ большой залѣ, въ лѣвой сторонѣ варшавскаго замка (отъ главныхъ воротъ съ Краковскаго предмѣстья). Король приходилъ въ засѣданіе, торжественно предшествуемый четырьмя маршалами (двумя великими и двумя коронными) и окруженный сенаторами, и садился на тронѣ. Сенаторы засѣдали въ креслахъ, послы на лавкахъ. Въ залѣ, по бокамъ, за лавками и на хорахъ толпились арбитры, то-есть, посторонніе посѣтители; ихъ было очень много; тогда въ Варшаву наѣхали обыватели съ тѣмъ, чтобъ слѣдить за дѣлами сейма: это не были безгласные зрители; напротивъ, они своими знаками одобренія или порицанія, рукоплесканіями или шиканьями давали направленіе и перевѣсъ сеймовымъ преніямъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ публики были дамы, владѣвшія сердцами пословъ. Когда шла рѣчь о дѣлахъ иностранной политики, требующихъ секрета, арбитровъ удаляли, но они не всегда слушались. Въ важныхъ случаяхъ проекты разсматривались предварительно на провинціальныхъ засѣданіяхъ, которыя отправлялись корон-

---

[1]). Кромѣ журнала сеймового, см. „Sejm Czteroletni“ Калинки.

ными послами у сеймоваго маршала Малаховскаго, а литовскими—у Сапѣги или Радзивилла.

Намѣреніе короля было предложить сейму союзъ съ Россіею, но, при самомъ открытіи засѣданій, онъ нашелъ, что раздраженіе противъ Россіи уже сильно раздуто прусскою партіею. Станиславъ Августъ, въ разговорахъ съ Штакельбергомъ и въ рѣчи, произнесенной въ Постоянномъ Совѣтѣ, выражался о необходимости заручиться заранѣе мѣрами противъ могущихъ повториться покушеній новаго раздѣла Польши со стороны прусскаго короля. Не смотря на то, что засѣданія въ Постоянномъ Совѣтѣ были секретны, прусскій король узналъ объ этомъ и прусскій министръ Бухгольцъ отъ 1 (12) октября подалъ ноту, которая, съ перваго раза, преградила возможность выступить съ проектомъ союза съ Россіею. Нота эта была такого содержанія:

«Въ концѣ августа текущаго года, графъ Штакельбергъ, россійскій посланникъ, оффиціально сообщилъ нижеподписавшемуся, что императрица россійская вознамѣрилась на предстоящемъ сеймѣ предложить заключеніе союза съ королемъ и Рѣчью-Посполитою, котораго цѣлію будетъ безопасность и цѣлость Польши и оборона противъ общаго непріятеля. Нижеподписавшійся доложилъ объ этомъ своему государю, и вслѣдствіе полученнаго приказанія отвѣчалъ графу Штакельбергу, что его величество, король его, также предлагаетъ возобновить издавна существующіе между Пруссіею и Польшею договоры, потому что выгоды этой сосѣдней націи интересуютъ его королевское величество не менѣе, какъи другія государства. Такъ какъ предполагаемый между Польшею и Россіею союзъ имѣетъ главною цѣлію сохраненіе цѣлости Польши, то его величество прусскій король не видитъ ни пользы, ни нужды въ такомъ союзѣ, потому что цѣлость Польши достаточно обезпечена послѣдними договорами. Нельзя предполагать, чтобъ договоры эти

могли быть нарушены россійскою императрицею или римскимъ императоромъ. Съ своей стороны, его величество прусскій король приглашаетъ благомыслящую часть польскаго народа засвидѣтельствовать о неизмѣнной его пріязни къ этому народу. Его величество прусскій король вынужденъ торжественно протестовать противъ намѣреній такого союза, если бы онъ былъ обращенъ противъ его королевскаго величества, и въ такомъ случаѣ не можетъ не видѣть, что онъ замышляется съ цѣлію разорвать доброе согласіе и доброе сосѣдство, утвержденное торжественными договорами между Пруссіею и Польшею. Если же этотъ союзъ можетъ быть направленъ противъ общаго врага, то-есть, противъ Оттоманской Порты, то этимъ нарушается карловицкій миръ, и каждый благоразумный полякъ легко пойметъ, какъ трудно было бы охранить отечество отъ близкаго, многочисленнаго и счастливаго въ войнѣ непріятеля. Поэтому онъ полагаетъ, что тѣ, которые бы старались о заключеніи союза противъ Порты, подобнымъ поступкомъ увольняли бы короля, по силѣ шестой статьи договора 1773 г., отъ гарантіи цѣлости областей Рѣчи-Постолитой, потому что въ этомъ договорѣ ясно исключенъ случай войны между Польшею и Портою. Его величество отнюдь но противится, чтобъ Рѣчь-Посполитая возвела свою военную силу на высшую степень значенія. Прусскій король надѣется, что наияснѣйшіе чины Рѣчи-Посполитой, для блага своихъ владѣній, пожелаютъ не разрывать узы искреннѣйшей дружбы, постояннаго и вѣчнаго мира. Если жъ бы, вопреки ожиданію, пожелали приступить къ заключенію вышеупомянутаго союза, то, въ такомъ случаѣ, его величество прусскій король предлагаетъ наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой отъ себя такой же союзъ и возобновленіе существующихъ между Польшею и Пруссіею договоровъ. Его королевское величество считаетъ себя въ состояніи обезопа-

сить собственность Рѣчи-Посполитой въ такой же степени, какъ и всякое другое государство. Его величество прусскій король приглашаетъ всѣхъ истинныхъ патріотовъ и добрыхъ обывателей польскихъ соединиться съ нимъ, въ видахъ отвращенія отъ Польши взаимными средствами тѣхъ великихъ несчастій и бѣдствій, которыя ей угрожаютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его величество прусскій король обѣщаетъ дать имъ всякую помощь и дѣйствительнѣйшее пособіе въ видахъ поддержанія независимости, свободы и безопасности Польши».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бухгольцъ сообщилъ секретно ноту Оттоманской Порты. Въ ней, отъ имени султана, изъявлялась жалоба на Россію за то, что она не допускаетъ поляковъ устроить въ своемъ государствѣ перемѣны. Россія хочетъ держать поляковъ въ качествѣ своихъ невольниковъ. Неслыханное дѣло, — было сказано въ турецкой нотѣ, — чтобъ народъ народу препятствовалъ составлять планы для своего управленія. Вотъ несомнѣнное доказательство, что Россія хочетъ распространить свое могущество на всѣхъ своихъ сосѣдей; поэтому, если Польша станетъ просить для своего избавленія отъ притѣсненій Россіи помощи, то султанъ съ великимъ удовольствіемъ исполнитъ обязанности дружбы, существующей между Польшею и Портою, и покажетъ себя опорою слабыхъ и бичемъ высокомѣрныхъ, потому что Богъ далъ ему право охранять слабыхъ и взывающихъ о помощи и защитѣ. Бухгольцъ добавлялъ словами то, что изложилъ въ своей нотѣ, и увѣрялъ пановъ, что Пруссія немедленно пошлетъ сорокъ тысячъ войска для охраненія Польши, если только Россія вздумаетъ мстить ей за сверженіе съ себя зависимости. Англійскій и шведскій посланники также возстановляли поляковъ противъ Россіи. Въ такихъ обстоятельствахъ союзъ съ Росіею казался рѣшительно невозможнымъ дѣломъ. Заключить его—значило вооружить про-

тивъ себя Европу. Польша, казалось, должна была подвергнуть себя въ такомъ случаѣ немедленно вторженію непріязненныхъ войскъ. Турція, Швеція, а потомъ и Пруссія, послали бы противъ нея свои силы. Такимъ образомъ и тѣ, которые искренно желали этого союза, должны были пріостановиться и мало-по-малу склоняться къ инымъ убѣжденіямъ. Предложенія враговъ Россіи оказывались гораздо выгоднѣе и надежнѣе. Императрица хотѣла только союза, но не изъявляла желанія дозволить полякамъ производить перемѣны въ своемъ государствѣ, выходя изъ предѣловъ, данныхъ имъ въ основы правленія, тогда какъ Пруссія заохочивала ихъ къ кореннымъ преобразованіямъ, предоставляла имъ полную свободу дѣйствій, и пока не только ничего для себя не требовала, но еще безкорыстно обѣщала помощь. Число сторонниковъ Пруссіи возрасло мгновенно. Нѣкоторые паны и послы, до сихъ поръ колебавшіеся, открыто заявляли себя на сторонѣ Пруссіи. Въ числѣ ихъ былъ Радзивиллъ, Panie Kochanku, который, по своему обычаю, вѣчно пьяный, сопѣлъ и дремалъ въ Избѣ, сидя въ сенаторскомъ креслѣ, щеголяя краснымъ бархатнымъ кунтушемъ съ брилліантовою застежкою, посреди которой сверкалъ крупный карбункулъ, богато оправленной корабелею, и большими усами. За нимъ его многочисленные кліенты, каждый день опивавшіеся у него въ палацѣ, стали превозносить Пруссію и бранить Россію.

При такомъ настроеніи, сеймъ далъ слѣдующій отвѣтъ прусскому министру чрезъ своихъ маршалковъ:

«Нижеподписавшіеся, по приказанію короля и чиновъ Рѣчи-Посполитой, въ настоящемъ конфедерованномъ сеймѣ, честь имѣютъ сообщить г. фонъ-Бухгольцу, послу е. в. короля прусскаго, отвѣтъ, сообразно чувствованіямъ его королевскаго величества прусскаго короля, изложеннымъ въ декларацiи отъ 12-го октября. По прочтеніи означенной декларацiи, все собраніе чиновъ прониклось чувствомъ

живѣйшей и искреннѣйшей благодарности, подобающей великодушному образу мыслей короля, сосѣда и друга, который, охраняя цѣлость Польши, укрѣпляетъ особеннымъ увѣреніемъ прочность союза и утверждаетъ существующее въ народѣ мнѣніе о немъ, какъ о могущественнѣйшемъ и добродѣтельнѣйшемъ государѣ! Проектъ союза между Польшею и Россіею не находится въ совѣтѣ, не представленъ на сеймѣ сконфедерованнымъ чинамъ государства, не сдѣлался цѣлію настоящей конфедераціи, которая, сообразно всеобщей волѣ народа и подданнымъ отъ трона предложеніямъ, обратитъ всѣ труды свои и усилія къ увеличенію податей и умноженію войска Рѣчи-Посполитой, не съ наступательною, но съ оборонительною цѣлію, дабы Рѣчь-Посполитая могла защищать и поддерживать свое достояніе и свое свободное правительство. Если-жъ бы, въ ряду сеймовыхъ работъ для вышеозначенныхъ цѣлей, подано было предложеніе и проектъ какого-либо союза, то Рѣчь-Посполитая, по существу сеймовыхъ занятій обязанная въ дѣйствіяхъ своихъ идти явными шагами, не можетъ и не желаетъ скрывать своего поведенія, всегда сообразуясь съ независимостію, приличною своей самостоятельности, съ указаніями публики и священнаго для ней права, съ правилами осторожности и должнаго вниманія къ дружескимъ чувствованіямъ его величества прусскаго короля; а такъ какъ народная воля, всегда справедливая и явная, руководитъ занятіями настоящаго сейма, то собранные чины Рѣчи-Посполитой нераздѣльно и единогласно приложатъ всяческое усиліе, чтобы въ мнѣніи его королевскаго величества заслужить лестное одобреніе своему просвѣщенному патріотизму». Императрица Екатерина, узнавши о продѣлкахъ прусской политики, сама отказалась настаивать на окончаніи предпринятаго союзнаго договора съ Польшею и написала королю Станиславу-Августу письмо, въ которомъ выражалась: «Берлинскій дворъ, узнавши о

нашемъ планѣ, поднялъ тревогу и показываетъ намѣреніе образовать прямую оппозицію, а это имѣло бы опасныя послѣдствія для спокойствія Польши, поэтому, для ея собственнаго благополучія, я нахожу умѣстнымъ въ настоящее время пріостановить дальнѣйшее движеніе начатаго дѣла». Затѣмъ русская государыня увѣряла короля въ неизмѣнности своего доброжелательства къ королю и всей Рѣчи-Посполитой.

Король Станиславъ-Августъ предостерегалъ сеймъ, убѣждалъ не раздражать Россіи и не довѣрять Пруссіи. «Сосѣди наши заняты войной,—говорилъ онъ,—и вы хотите, слѣдуя сердечнымъ побужденіямъ, оскорблять Россію, которая совсѣмъ не хочетъ нашего уничтоженія; вы отдаетесь съ довѣріемъ державѣ, которая уклоняется отъ войны единственно съ желаніемъ собрать силы, чтобы, въ удобное время, сдѣлать насчетъ насъ новыя пріобрѣтенія. Мы можемъ надѣлать Россіи затрудненій, но это доведетъ ее до того, что она принуждена будетъ отдать насъ на жертву судьбѣ нашей, или принять отъ другихъ предложенную ей часть нашего отечества». Самъ Малаховскій, сеймовый маршалъ, впослѣдствіи совершенно отдавшійся Пруссіи, при началѣ сейма заявлялъ передъ королемъ нерасположеніе и опасеніе къ прусской политикѣ и казался склоннымъ къ союзу съ Россіею. Его только смущала существовавшая гарантія Россіи; Малаховскій видѣлъ изъ ней, что Польша—какъ бы не самостоятельная держава и заговаривалъ о уничтоженіи гарантіи, такъ какъ она оскорбляла національное самолюбіе поляковъ. «Никому какъ мнѣ такъ не противна эта гарантія,—сказалъ король,—но въ политикѣ слѣдуетъ руководствоваться не чувствованіями, хотя бы и справедливыми, а единственно имѣть въ виду, что можетъ принести для отечества благо и устранить зло. Мы опасаемся замысловъ прусскаго короля. Но мы безсильны. Намъ нужна опора, и мы ее нигдѣ не найдемъ

безъ Россіи. Вотъ по этой-то причинѣ мы должны избѣгать всего, что можетъ ее раздражать, и слѣдуетъ намъ теперь не поднимать толковъ о гарантіи». Братъ короля, примасъ, говорилъ противъ Пруссіи еще рѣзче и вспоминалъ разныя несправедливости, испытанныя Польшею отъ этой сосѣдней державы. Противъ него сильно кричали, восхваляли Пруссію и бранили Россію Сухоржевскій, Суходольскій и Кублицкій, люди, всѣ, впослѣдствіи, служившіе Россіи. Бухгольцъ, услышавъ, что̀ происходитъ на сеймѣ, написалъ ноту, гдѣ выразилъ надежду, что государственные чины не увлекутся внушеніями духа пристрастія, надѣвающаго личину патріотизма съ цѣлью отвлечь Рѣчь-Посполитую отъ прусскаго короля, ея давняго и искренняго союзника. Вмѣстѣ съ тѣмъ прусскій министръ, отъ имени своего короля, побуждалъ сеймъ какъ можно дѣятельнѣе работать надъ реформой. Король извѣщалъ письменно русскую императрицу, что духъ партіи и раздраженіе все сильнѣе и сильнѣе ослѣпляютъ умы его соотечественниковъ и всѣ его представленія оказываются безполезными. Угрозы преслѣдуютъ его министровъ, которыхъ подозрѣваютъ въ желаніи союза Польши съ Россіей, какъ бы одно такое желаніе было уже преступно. «Ваше величество,—выражался король въ своемъ письмѣ,— хорошо знаете ту пружину, которая приводитъ въ движеніе направленіе, имѣющее цѣлію не только лишить меня послѣднихъ королевскихъ прерогативъ, но и возмутить всю страну распространеніемъ конфедераціи, до сихъ поръ ограничивавшейся только въ предѣлахъ сейма. Поступки опозиціонной партіи и поддержка, которою она хвалится, заставляютъ ожидать опасности въ близкомъ будущемъ».

Первымъ дѣломъ было умноженіе войска. Лэнчицкій посолъ Ермановскій говорилъ: «Значеніе Польши упало въ ряду европейскихъ державъ съ тѣхъ поръ, какъ уменьшилось наше войско. Иноземныя войска проходили черезъ

наши земли, назначали себѣ здѣсь стоянки; насъ никто не призывалъ на помощь, никто не дорожилъ союзомъ съ нами; упалъ духъ старопольскаго мужества, не стало охоты къ военному дѣлу. Поляки праздно и лѣниво проводили время. Только обладаніе военною силою можетъ насъ поднять». Но другіе представляли неудобства, проистекающія для страны отъ содержанія большого войска, вспоминали, какъ въ старину реестровое войско возбуждало жалобы шляхетства, какъ жолнѣры наѣзжали на шляхетскіе домы, брали подводы, не щадили ни шляхетскихъ, ни духовныхъ имѣній. Увеличеніе войска однако не производило слишкомъ горячихъ споровъ. Въ засѣданіи, 20-го октября, рѣшено было увеличить войско до ста тысячъ. Но такое число легко было только написать. Надобно было содержать это войско. Нужны были средства. Послы иноземныхъ державъ въ своихъ депешахъ, русскій, австрійскій, англійскій, какъ будто сговорившись, осмѣивали легкомысліе поляковъ. Поляки словно дѣти,—выражался Штакельбергъ:—они скоро опомнятся, когда подумаютъ, чѣмъ содержать такое войско: на него потребуется до 50 милліоновъ, а у нихъ весь годовой доходъ достигаетъ только до 18-ти. Австрійскій—писалъ въ такомъ же смыслѣ. Пруссакъ не хуже понималъ суть дѣла, но ободрялъ поляковъ всячески вооружая ихъ умы противъ Россіи. Англійскій посолъ замѣчалъ, что Польша не въ состояніи поднять издержекъ и на половину того количества войска, какое намѣчено сеймомъ. До сихъ поръ на войско Рѣчи-Посполитой тратилось шесть милліоновъ злотыхъ, теперь по смѣтѣ находили, что нужно было болѣе сорока милліоновъ; слѣдовало отыскать недостающіе тридцать четыре милліона. Не меньше того нужно было установить и правильное начальство надъ войскомъ. Сверхъ того, по обычнымъ понятіямъ, нужно было еще, чтобы войско не сдѣлалось опаснымъ орудіемъ для ограниченія свободы Рѣчи-Поспо-

литой. Прежнее уменьшеніе войска въ Польшѣ было слѣдствіемъ ревнивой осторожности и боязни за шляхетскую свободу. Поляки издавна опасались, чтобы у королей не было въ распоряженіи военной силы; теперь повторялась та же извѣстная пѣсня. Прежде опасеніе оправдывалось тѣмъ, что польскіе короли были чужестранные принцы, не связанные съ Польшею ни происхожденіемъ, ни воспитаніемъ. Теперь, хотя на престолѣ царствовалъ природный полякъ, но его считали подручникомъ и орудіемъ Екатерины. Когда зашла рѣчь о начальствѣ, холмскій посолъ Суходольскій предложилъ уничтожить войсковый департаментъ, установленный конституціею 1775 года, какъ отдѣлъ постояннаго совѣта. По сознанію самихъ поляковъ, это учрежденіе принесло странѣ пользу. Оно ввело въ ней болѣе порядка и благочинія и если не прекратило вовсе, то значительно уменьшило разбойническіе наѣзды пановъ другъ на друга, сопровождаемые кровопролитіями и разореніями. Но оно не нравилось свободолюбивому шляхетству, потому что по распоряженію департамента военная сила вторгалась въ дома обывателей, извлекая оттуда виновныхъ для преданія ихъ суду и расправѣ и вымогая силою слѣдуемыя въ казну подати, которыя прежде платить или не платить обыватели, по шляхетской вольности, предоставляли собственному желанію. Кромѣ того, поднимались жалобы на своевольства и наглости войсковаго люда во время вербунокъ, когда захватывали людей противъ ихъ воли въ войско; такіе поступки, возмущавшіе обывателей, приписывались войсковому департаменту, завѣдывавшему всѣми военными силами Рѣчи-Посполитой. И потому требовалось настойчиво его уничтоженія. Но это было бы первое посягательство на конституцію, данную Россіею и гарантированную ею. Король былъ противъ. Еще смѣлость противъ Россіи не шагнула слишкомъ далеко: еще не всѣ были увѣрены, что Россія ослабѣвала.

Когда начали собирать голоса, то шестьдесятъ голосовъ были съ королемъ за сохраненіе войсковаго департамента. Но когда, потомъ, сдѣлана была секретная баллотировка, то большинство защитниковъ спало до семи. Очевидно, что многіе хотѣли того же, чего и другіе, да не были слишкомъ смѣлы. Эта двуличность такъ поразила короля, что онъ сдѣлался нездоровъ. Споръ о начальствѣ шелъ нѣсколько дней. Патріоты ни за что не хотѣли допустить ни короля, ни гетмановъ къ начальству надъ войскомъ, чтобы не было, какъ говорили они, государства въ государствѣ. Люблинскій посолъ Станиславъ Потоцкій предложилъ учредить коммисію, которая зависѣла бы не отъ короля, а отъ сейма. Его единомышленники развивали мысль, чтобъ въ этой коммисіи гражданское начало брало верхъ надъ военнымъ. Рѣзкимъ противникомъ ихъ былъ тогда черскій каштелянъ Островскій. Главнымъ неудобствомъ принять проектъ Потоцкаго онъ выставлялъ то обстоятельство, что эта коммисія въ промежуткѣ отъ одного сейма до другого будетъ оставаться безъ всякаго надзора. Послѣ многихъ споровъ, 3-го ноября, большинствомъ восемнадцати голосовъ, рѣшено было подчинить военную силу верховной власти войсковой коммиссіи. Въ случаѣ, еслибъ эта коммиссія употребила во зло свою власть, она отвѣчала передъ сеймовымъ судомъ, который долженъ быть составленъ изъ шести сенаторовъ, четырехъ министровъ (маршала, гетмана, печатника и подскарбія) и двадцати четырехъ пословъ, по ровному числу выбранныхъ отъ каждой изъ трехъ провинцій: малопольской, великопольской и литовской. Воинскій департаментъ былъ уничтоженъ. «Безмѣрная радость господствовала въ Варшавѣ въ тотъ день. Незнакомые другъ другу обыватели обнимали одинъ другого, женщины плакали отъ радости, дѣти прыгали и били въ ладоши—говоритъ современникъ Нѣмцевичъ:—всѣ были въ восторгѣ отъ того, что поляки,

столько лѣтъ исполнявшіе волю москаля, впервые поступили не по его приказанію, а какъ сами захотѣли».

Но упраздненіе учрежденія, установленнаго по волѣ Россіи, не обошлось безъ протеста съ ея стороны. Русскій посланникъ Штакельбергъ представилъ, 5-го ноября, ноту на сеймъ такого содержанія: «Нижеподписавшійся, чрезвычайный уполномоченный посолъ ея императорскаго величества императрицы всероссійской, хотѣлъ оставаться въ молчаніи и потому не дѣлалъ никакихъ съ своей стороны заявленій относительно учиненныхъ свѣтлѣйшими чинами Рѣчи-Посполитой постановленій, которыя, хотя и нарушили конституцію 1776 года, заключенную съ тремя дворами, но еще не разорвали прямо акта гарантіи 1775 года. Повелѣнія ея императорскаго величества всегда дышали чувствами дружбы къ народу польскому, такъ что нижеподписавшійся желалъ бы не быть приведеннымъ къ непріятной необходимости протестовать противъ нарушенія формы правленія, освященнаго торжественнымъ актомъ гарантіи 1775 года. Но мысль, заключающаяся въ разныхъ проектахъ, имѣющая цѣлью полное ниспроверженіе правительства, предписываетъ нижеподписавшемуся потребность объявить, что ея величество, съ сожалѣніемъ отказываясь отъ дружбы, которую питала къ королю и Рѣчи-Посполитой, не можетъ смотрѣть на малѣйшую отмѣну конституціи 1775 года иначе, какъ на нарушеніе дружелюбныхъ отношеній и договора между Польшей и Россіей».

Эта нота произвела взрывъ негодованія на сеймѣ. Тутъ кстати были получены рапорты о дурномъ поведеніи квартировавшихъ въ Польшѣ русскихъ войскъ. Прусская партія возрастала. Сеймовой маршалъ, вначалѣ заявлявшій предъ королемъ опасеніе коварныхъ замысловъ прусской политики, круто измѣнился, поддавшись обаянью бесѣдъ съ Бухгольцемъ и сталъ рѣшительно противъ союза съ

Россіей. Едва пятая часть всего состава сеймовыхъ пословъ относилась дружелюбно къ мысли о такомъ союзѣ. Но король Станиславъ-Августъ сталъ опять говорить за Россію. «Несоблюдать,—говорилъ онъ,—трактатовъ, значитъ вызывать на себя и слѣдствія этого несоблюденія. Богатыри, которые нарушали трактаты, тогда только получали черезъ то славу и уваженіе, когда у нихъ было достаточно не только отваги, но и умѣнья и средствъ вести дѣло, и обстоятельства имъ благопріятствовали. У насъ же нѣтъ силъ сопротивляться и мы можемъ сдѣлаться добычею чуждыхъ интригъ. Нѣтъ государства, которому бы наши выгоды были менѣе противны, какъ Россіи, и если бы я не былъ королемъ, а только родился полякомъ, то и тогда, изъ любви къ отечеству, долженъ былъ бы желать и совѣтовать поступать осторожно и уважительно съ Россіей». Но его представленія не имѣли на этотъ разъ успѣха. Попытки соблюсти доброе согласіе съ Россіею произвели такое смятеніе на сеймѣ, что нѣкоторые брались за сабли. Прусскій министръ, между тѣмъ, въ своихъ свиданіяхъ съ членами сейма, подстрекалъ ихъ выступать какъ можно энергичнѣе противъ Россіи, заявлять свою самостоятельность и рѣшительно потребовать выступленія русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ. Въ случаѣ мщенія со стороны Россіи, онъ снова ободрялъ ихъ надеждою, что прусскій король пришлетъ имъ войска, когда нужно.

10-го ноября, поданъ королю адресъ: требовалось продолжить сеймъ до 22-го ноября съ правомъ продолжить его и на дальнѣйшее время, до тѣхъ поръ, пока не окончатся всѣ занятія, лежавшія на обязанности сейма, не закрывать сеймовыхъ засѣданій безъ согласія членовъ и просить императрицу вывести русскія войска изъ Польши, а въ случаѣ отказа, выгнать ихъ силою; для этого обратиться къ сосѣднимъ иностраннымъ державамъ съ жало-

бами на пребыванiе иностранныхъ войскъ въ земляхъ Рѣчи-Посполитой и на угрозы русскаго посланника. Какъ ни горячились, однако отвѣтъ на ноту Штакельберга былъ написанъ княземъ Чарторыскимъ въ вѣжливыхъ выраженiяхъ. Рѣчь-Посполитая давала замѣтить, что она—держава независимая и имѣетъ право распоряжаться своимъ внутреннимъ строемъ; изъявлялась надежда, что россiйская императрица окажетъ великодушiе и прiобрѣтетъ право на благодарность польской нацiи: просили о выводѣ русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ.

24-го ноября, Штакельбергъ отвѣчалъ, что русскихъ войскъ нѣтъ въ Польшѣ; есть только незначительное число солдатъ, охраняющихъ магазины, которые, находясь въ Польшѣ, приносятъ жителямъ пользу, давая имъ возможность сбывать сельскiя произведенiя. Въ подобномъ же духѣ отвѣчалъ австрiйскiй уполномоченный нотою отъ 27-го ноября на словесное сообщенiе о нѣкоторыхъ оскорбленiяхъ, которыя причиняли австрiйскiе солдаты польскимъ жителямъ.

Такимъ образомъ, прусская интрига устроила начало разрыва Польши съ Россiею. 19-го ноября, Бухгольцъ написалъ ноту, гдѣ еще разъ побуждалъ поляковъ къ произведенiю реформъ въ своемъ государствѣ и обѣщалъ содѣйствiе своего короля въ случаѣ нужды. «Прусскiй король, — говорилъ онъ,—понимаетъ гарантiю 1775 года не иначе, какъ въ смыслѣ огражденiя независимости Рѣчи-Посполитой, а вовсе не такъ, чтобы эта гарантiя давала право стѣснять свободу сужденiй и вмѣшиваться во внутреннiя учрежденiя страны». Такое заявленiе подбодрило патрiотовъ, усилило ненависть къ Россiи и преданность къ Пруссiи. Первой приписывались всякiе зловредные умыслы противъ Польши, второй всевозможнѣйшiя доброжелательства. Стороннiе безпристрастные люди въ то самое время провидѣли, однако, что Пруссiя играетъ Польшею.

«Если Польшѣ,—писалъ тогда саксонскій министръ Эссенъ, — придется прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ Россіи, не думаю, чтобы дворъ берлинскій сталъ тогда поддерживать польскій энтузіазмъ. Не можетъ же Пруссія вдругъ измѣнить прежней политики и стремленій къ расширенію». По замѣчанію того же Эссена, между самими поляками были люди, которые сомнѣвались, чтобъ ихъ новые законодатели и землестроители оказались лучшими Ликургами и Солонами, чѣмъ были ихъ отцы и дѣды. Польша опять сдѣлается театромъ раздоровъ и междоусобій и все кончится тѣмъ, что сосѣди согласятся установить въ Польшѣ спокойствіе и порядокъ, и Польша сдѣлается добычею миротворцевъ. Немногіе такъ здраво судили. Патріоты добродушно довѣрялись ласковымъ выраженіямъ и, что̀ всего было гибельнѣе, считали написанное ими на бумагѣ также твердымъ, какъ будто уже оно было приведено въ дѣйствіе.

29-го ноября, по предложенію Залѣскаго, принято было единогласно продолжить сконфедерованный сеймъ на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, этотъ сеймъ сдѣлался постояннымъ правительственнымъ учрежденіемъ.

Законъ объ умноженіи войска повлекъ ко многимъ проектамъ; недѣли проходили безполезно, послы пускались въ мелочи, щеголяли краснорѣчіемъ, величались доблестями и сбивались съ прямой дороги, отклоняясь къ постороннимъ вопросамъ. Такимъ образомъ, толкуя о составѣ Войсковой Коммиссіи, свернули на вопросъ о взаимныхъ правахъ Польши и Литвы. Великопольскіе послы держались централизаціи, смотрѣли на Литву, какъ на страну совершенно единую съ Польшею и не хотѣли допустить въ устройствѣ Коммиссіи особенностей въ пользу автономіи Литвы. Литовскіе послы, напротивъ, добивались какихъ-нибудь, хотя формальныхъ, отличій. Ихъ сторону держали нѣкоторые послы изъ Малой Польши. Подольскій

посолъ Ржевускій предложилъ, чтобы, для угожденія національному самолюбію поляковъ и литовцевъ, Коммиссія производила четыре года свои дѣла въ Коронѣ, а два въ Литвѣ. «Мы теряемъ напрасно время», сказали наконецъ нѣкоторые; и тогда прочіе, замѣтивши, что, въ самомъ дѣлѣ время теряется, торопливо принялись за дѣло и порѣшили, чтобы Коммиссія была постоянно при сеймѣ, а въ промежуткѣ между сеймами, два года она должна находиться въ Польшѣ, а третій въ Литвѣ. Этимъ думали удовлетворить федеративной особности Литвы; но представители послѣдней съ неохотою должны были признать первенство Польши, допустивъ для пребыванія Войсковой Коммиссіи въ Польшѣ два года, и только одинъ для пребыванія въ Литвѣ.

Споръ этотъ въ сущности не имѣлъ смысла: дворянство литовское, по языку, воспитанію и нравамъ, не отличалось отъ польскаго.

Нѣсколько засѣданій прошло въ толкахъ о томъ, какая одежда должна быть въ войскѣ. 27 ноября рѣшено было, чтобы войска ходили въ одеждѣ польскаго покроя. Казимиръ-Несторъ Сапѣга, въ примѣръ другимъ, снялъ съ себя парикъ и европейскій кафтанъ и нарядился въ брошенную одежду предковъ. Она была ему очень къ лицу, когда онъ, выставя правую ногу впередъ и опершись лѣвою рукою на саблю, разсыпалъ перлы своего краснорѣчія. Затѣмъ, нѣкоторые другіе послы и литовскій гетманъ Огинскій надѣли старинный польскій костюмъ.

Занялись вопросомъ о средствахъ къ содержанію войска. Поляки охотно согласились, чтобы у нихъ было огромное войско, но платить на его содержаніе большой охоты не оказалось. Холмскій посолъ Сухоржевскій предложилъ, чтобы владѣльцы и посессоры заплатили одно подымное, и чтобы, сверхъ того, была открыта подписка для добровольныхъ пожертвованій. Положили во всѣхъ гродскихъ

канцеляріяхъ, въ приходахъ, въ судейскихъ кагалахъ, въ ремесленныхъ цехахъ открыть добровольные сборы: всякій могъ вносить, сколько хотѣлъ; коматоры должны были собирать внесенное и доставлять въ скарбовыя коммиссіи— коронную и литовскую. Нѣкоторые богатые паны тотчасъ же показали свою тороватость. Канцлеръ Малаховскій пожертвовалъ двѣнадцать пушекъ. Волынскій посолъ Гулевичъ обѣщалъ снарядить на свой счетъ эскадронъ изъ двухсотъ-пятидесяти человѣкъ. Разными приношеніями набрали до 80,000 злотыхъ. Дамы жертвовали свои бриллі-анты. Щенсный Потоцкій по этому поводу говорилъ о своей женѣ: «Вотъ гражданка, мать девяти дѣтей, хочетъ украшаться только однѣми добродѣтелями и лишаетъ себя драгоцѣнностей на пользу республики; эта гражданка — жена моя; цѣнность приносимыхъ ею пожертвованій равняется цѣнности десяти тысячъ ружей, которыя я самъ отъ себя сдамъ въ арсеналъ Рѣчи-Посполитой». Этотъ панъ, стараясь показать, что не имѣетъ предпочтенія ни къ Россіи, ни къ Пруссіи, взывалъ къ соотечественникамъ такъ: «Народъ нашъ ни на кого не долженъ надѣяться, кромѣ самого себя, пока у него есть руки и металлъ, изъ котораго дѣлаютъ оружіе. Клянусь Богомъ, я никогда не буду служить чужимъ монархамъ; и если жестокая судьба и пороки Рѣчи-Посполитой погубятъ ее, если я буду такъ несчастливъ, что вмѣстѣ съ нею не похоронятъ и меня—я покину отечество, и за морями, въ другомъ полушаріи, съ моими девятью дѣтьми пойду дышать вольнымъ воздухомъ. Разобьемъ наши оковы, забудемъ несогласія, возненавидимъ козни! Да погибнетъ память тѣхъ, которые призывали чужое войско для пролитія крови соотечественниковъ и открывали чужестранцамъ входъ въ Рѣчь-Посполитую!» Эта рѣчь въ устахъ будущаго автора тарговицкой конфедераціи, главнаго разрушителя, съ чужестранною помощью, всѣхъ сеймовыхъ затѣй, многознаменательна, какъ

образчикъ того, въ какой степени пышныя патріотическія фразы сходились съ поступками и насколько тогдашній полякъ могъ надѣяться самъ на себя. Нѣкоторые, не увлекаясь блескомъ фразъ, сопровождавшихъ пожертвованія, замѣчали, что стотысячное войско не можетъ содержаться на счетъ дамскаго туалета.

Увлеченіе охладѣвало, когда надобно было толковать не о добровольныхъ пожертвованіяхъ каждаго, а о наложеніи обязательныхъ податей въ пользу войска. Владѣльцы обширныхъ маетностей и посессоры королевщинъ старались, чтобы имъ пришлось платить какъ можно меньше.

Проектъ о наложеніи подымнаго встрѣтилъ сопротивленіе. Виленскій посолъ Романовичъ кричалъ: «Мы еще не въ такой большой опасности, чтобы намъ отягощать шляхетскія имѣнія. Издержки на войско могутъ покрыться доходомъ съ поіезуитскихъ имѣній». Извѣстно, что доходы съ этихъ имѣній давно уже были обращены на народное воспитаніе. Брестскій посолъ Матушевичъ устранялъ на этотъ разъ совсѣмъ этотъ щекотливый вопросъ, доказывая, что прежде слѣдуетъ устроить правительство, а войско безъ твердаго правительства будетъ только на пагубу. Щенсный Потоцкій, такъ щедро раздававшій на войско брилліанты жены своей, былъ противъ наложенія подымнаго, на томъ основаніи, что это только временная мѣра, а для содержанія войска нужны постоянныя средства. Этотъ панъ предложилъ еще на свой счетъ поставить тысячу человѣкъ. За нимъ Panie Kochanku предложилъ отъ себя 600 человѣкъ; но оба хотѣли, чтобы власть надъ этимъ войскомъ оставалась за ними.

Но тутъ случились событія, которыя побудили Избу къ большей дѣятельности и рѣшимости. Получено извѣщеніе отъ командующаго польскимъ войскомъ въ Украинѣ, что русскіе не только не выводятъ войскъ изъ Польши, но еще три новые полка проходятъ черезъ Украину и

вербуютъ людей. Это подало поводъ къ рѣзкимъ выходкамъ противъ Россіи.

Прусскій министръ послалъ 2 декабря на сеймъ еще одну ободрительную ноту, восхвалялъ поляковъ за ихъ смѣлость и увѣрялъ въ расположеніи прусскаго короля. Съ новыми надеждами на покровителя и благодѣтеля, сеймъ, въ своемъ отвѣтѣ прусскому министру, вознося до небесъ великодушіе и умѣренность прусскаго короля, жаловался на Россію, что она злоупотребляетъ правами гарантіи и просилъ Пруссію защищать Польшу отъ Россіи. Затѣмъ разнеслись слухи, что русскій народъ въ Украинѣ начинаетъ волноваться: это безъ дальнихъ размышленій приписали кознямъ москалей. Сухоржевскій, тотъ самый, который впослѣдствіи такъ усердно искалъ милости императрицы, теперь кричалъ на сеймѣ такъ: «наияснѣйшій король, если хочешь увидѣть поляковъ, готовыхъ умирать за достоинство твоего престола,—пусть они услышатъ изъ твоихъ устъ желанный голосъ: будемъ бить москалей! Наияснѣйшій король, если хочешь видѣть единодушное согласіе всего народа, произнеси одно слово: бить москалей!» Въ томъ же духѣ говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, а подольскій посолъ, Красинскій, припоминалъ о неисчислимыхъ могилахъ Украины, свидѣтельствовавшихъ о старыхъ бунтахъ хлопскихъ, которые, по его мнѣнію, начиная отъ Хмельницкаго и до позднихъ временъ, всѣ были возбуждены москалями. Возбужденіе противъ Россіи имѣло за собою желаніе показать свѣту сознаніе самостоятельности и ниспровергнуть тѣ условія, которыя казались унизительными.

До сихъ поръ Польша, по волѣ Россіи, не смѣла держать при иностранныхъ дворахъ своихъ посланниковъ. 9 декабря, брацлавскій посолъ Северинъ Потоцкій подалъ проектъ объ учрежденіи Депутаціи иностранныхъ дѣлъ и о назначеніи къ иностраннымъ дворамъ послан-

никовъ. «Мы народъ слабый,—говорилъ онъ,—народъ попираемый, презираемый, покрывшій себя стыдомъ; лучше намъ вовсе не существовать, чѣмъ питать гордость какого-нибудь чужого владыки». Проектъ его былъ принятъ, назначены были къ иностраннымъ дворамъ послы и учреждена депутація иностранныхъ дѣлъ [1]).

Въ январѣ 1789 г. покусились на уничтоженіе Постояннаго Совѣта, который былъ уже значительно надорванъ упраздненіемъ одной важнѣйшей его части—департамента воинскаго. Этотъ совѣтъ былъ особенно ненавистенъ, тогда какъ нежеланіе выводить русскія войска изъ Польши чрезвычайно волновало умы, а въ предъидущіе годы дозволеніе на проходъ русскихъ войскъ черезъ Польшу давалось не сеймомъ, а Постояннымъ Совѣтомъ. Проектъ уничтоженія представленъ люблинскимъ посломъ Станиславомъ Потоцкимъ. Король, подъ страхомъ навлечь немилость Екатерины, сталъ-было защищать Постоянный Совѣтъ. «Вотъ,—говорилъ онъ,—скоро четыре мѣсяца, какъ мы стараемся раздражить противъ себя императрицу; мы нарочно дѣлаемъ то, что̀ ей противно, и умышленно не дѣлаемъ того, что̀ ей угодно. Подумайте: уничтоженіе Постояннаго Совѣта будетъ конечнымъ нарушеніемъ мирнаго договора съ Россіею». Но этого именно нарушенія и хотѣли патріоты: Постоянный Совѣтъ во многомъ былъ полезнымъ учрежденіемъ и давалъ хоть какой-нибудь порядокъ Польшѣ. Сами польскіе писатели, такіе, которыхъ

---

[1]) Въ ней были: надворный литовскій маршалъ Игнатій Потоцкій, куявскій епископъ Рыбицкій, бецкій каштелянъ Зеленскій, черниковскій посолъ Михаилъ Чацкій, сѣрадскій посолъ Любенскій, варшавскій посолъ Соболевскій, брестскій Матушевичъ и ливонскій Забѣлло. Къ иностраннымъ дворамъ назначали: въ Вѣну Войну, въ Берлинъ Чарторыскаго (но вмѣсто его посланъ былъ Яблоновскій), въ Лондонъ Букатаго, въ Константинополь Мажецкаго (посланъ былъ Петръ Потоцкій), въ Петербургъ хотѣли послать Щенснаго Потоцкаго, но оставили Деболи.

никто не упрекнетъ въ расположенiи къ Россiи, (Kalinka «Sejm czterol». 1.306—308) признаютъ, что это учрежденiе, находясь подъ контролемъ русскаго посланника, принесло не мало пользы Польшѣ. Очень хорошо велъ свои дѣла войсковой департаментъ, благодаря заботливости дѣльнаго генерала Комаржевскаго. Департаментъ маршалковскiй, завѣдывавшiй полицiей, оставилъ по себѣ слѣды учрежденiемъ городскихъ полицейскихъ коммиссiй (boni ordinis) въ столицѣ и важнѣйшихъ городахъ, которыя показали свою полезную дѣятельность приведенiемъ въ извѣстность городскихъ фондовъ, преданныхъ забвенiю до того времени, поправкою городскихъ зданiй, мостовыхъ, костёловъ, основанiемъ врачебныхъ специальныхъ училищъ, имѣвшихъ задачею своею снабдить край врачами, въ чемъ до того времени ощущался недостатокъ, умаленiемъ нищенства и бродяжничества и при содѣйствiи военной силы разбойничества. Департаментъ скарбовый, вѣдавшiй финансы государства, вмѣстѣ со скарбовою коммиссiею, завелъ правильность во взиманiи податей, не прибѣгая къ новымъ налогамъ, умножилъ доходы государства, которые стали превышать расходы и въ 1788 году сохранилъ три миллiона въ сберегательный капиталъ. Кромѣ того имъ были сдѣланы распоряженiя, способствовавшiя производству желѣза и положено основанiе торговой черноморской компанiи, которая однако не могла укрѣпиться по причинѣ войны, возникшей между Россiею и Турцiею. Другiе департаменты—правосудiя и иностранныхъ дѣлъ, менѣе могли оказать благотворной дѣятельности, но тѣмъ не менѣе и въ этихъ сферахъ прилагались заботы, достойныя одобренiя. Душею власти былъ самъ король, иногда дѣйствовавшiй черезъ свои канцелярiи, но не въ разрѣзъ съ Постояннымъ Совѣтомъ и всегда соединяя его имя съ своимъ королевскимъ именемъ. Но полякамъ, въ эту эпоху патрiотическихъ увлеченiй, это учрежденiе стало до нельзя

противнымъ именно потому, что оно создано было Россіею. Удерживать его, казалось, значило бояться Россіи и повиноваться ей, а полякамъ хотѣлось показать всему свѣту и самимъ себѣ, что они болѣе не зависятъ отъ Россіи. «Если мы будемъ бояться Россіи, то лучше откажемся отъ званія свободныхъ людей и перестанемъ стыдиться называться рабами», говорили патріоты. Опасно было заикнуться за удержаніе Совѣта; задорные прогрессисты готовы были пустить въ дѣло сабли. Сторонники прежняго порядка прибѣгли-было къ хитрости; подъ видомъ еще крайнѣйшаго патріотизма они говорили: «Если уничтожать Постоянный Совѣтъ, такъ уничтожимъ же разомъ всѣ ненавистныя постановленія сейма 1775 года». Но у многихъ пановъ права собственности на имущество опирались на постановленія и приговоры именно этого сейма. Противники реформы, прикидываясь ея поборниками, хорошо понимали, что такого повальнаго уничтоженія всѣхъ постановленій означеннаго сейма состояться не можетъ, и разсчитывали, что подобными заявленіями можно добиться до того, что патріоты охладѣютъ въ своемъ задорѣ и оставятъ въ покоѣ сеймъ 1775 года, а тѣмъ самымъ и учрежденный на немъ Постоянный Совѣтъ будетъ существовать. Но Казимиръ-Несторъ Сапѣга противопоставилъ этой уловкѣ другую, ей равную: онъ привелъ силу закона 1775 года, по которому не дозволялось на сеймъ вносить предложеній, заключающихъ нѣсколько предметовъ разомъ, а здѣсь представлялось разомъ множество вопросовъ: по силѣ приводимаго закона, ихъ слѣдовало раздѣлять особо. Онъ доказывалъ, что Постоянный Совѣтъ и безъ того уже лишился своего значенія, по уничтоженіи двухъ его департаментовъ и по замѣненіи ихъ Войсковою коммисіею и Депутаціею иностранныхъ дѣлъ; уничтожить остальное вовсе не такъ было важно, какъ казалось: дѣло состояло больше въ одномъ имени. Станиславъ По-

тоцкій сказалъ: «Выкинемъ самое имя Постояннаго Совѣта изъ нашихъ учрежденій. Если мы не вычеркнемъ перомъ, то оно вычеркнется саблею». Предложили баллотировку. Примасъ, нѣсколько сенаторовъ и тридцать пословъ объявили, что не участвуютъ въ баллотировкѣ; она тѣмъ не менѣе состоялась и Постоянный Совѣтъ, въ засѣданіи 19 января 1789 года, былъ уничтоженъ большинствомъ 122 голосовъ противъ 12.

Говорятъ, наканунѣ этого дня, Штакельбергъ видѣлся съ маршаломъ Малаховскимъ и замѣчалъ ему, что онъ не умѣетъ обуздывать многословія и увлеченія пословъ. «Я, — сказалъ Малаховскій, — свою обязанность знаю, нельзя зажать рта послу, если бы онъ позволилъ себѣ сказать даже что́-нибудь и лишнее. Вѣдь онъ имѣетъ равное со мною достоинство». Это было сообщено нѣкоторымъ посламъ и побудило ихъ съ досады поспѣшить поступкомъ, который будетъ непріятенъ Россіи. «Черезъ-чуръ занеслись поляки,—сказалъ тогда Штакельбергъ,—а вѣдь достаточно четырехъ православныхъ поповъ, чтобы сбить съ нихъ спѣсь». Онъ намекалъ на крестьянскіе бунты православнаго народа, такъ часто пугавшіе и потрясавшіе шляхетскую республику. Штакельбергъ въ своихъ донесеніяхъ выражалъ полнѣйшее презрѣніе къ польской націи и называлъ сеймовую Избу «роемъ дураковъ». Онъ зналъ, замѣчаетъ саксонскій министръ Эссенъ, что имперіалы и рубли все передѣлаютъ въ свое время. Впрочемъ, расходы на пенсіоны отъ Россіи въ это время были не велики и простирались до 41,638 червонцевъ. Намъ извѣстно, что Понинскій и Гуровскій получали по 2,400 червонцевъ, маршалъ Рачинскій и епископъ Коссаковскій по 1,500, каштелянъ Островскій 2,000, Мястковскій 4,000, пани Гумецкая 1,200, агентъ Боскампъ 500, каштелянъ Лобачевскій 240 и. пр. Другіе, напр., полковникъ Островскій, Іозефовичъ и пр. получали по-мѣсячно червонцевъ по десяти.

Нѣкоторые изъ пословъ получали отъ императрицы квартиру и содержаніе.

Поляки, чтобы показать свое геройство, тотчасъ сообщили объ уничтоженіи Постояннаго Совѣта всѣмъ дворамъ. Пруссія, Англія и Швеція восхвалили ихъ мужество и рѣшимость, но французскій министръ въ Польшѣ, Оберъ, сообщилъ имъ не совсѣмъ лестную отвѣтную ноту французскаго правительства. Въ ней, правда, говорилось о давней дружбѣ между Франціей и Польшей, но вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано: его величество французскій король надѣется на благоразуміе польскаго народа и полагаетъ, что, трудясь надъ устройствомъ управленія, поляки будутъ избѣгать всего того, что̀ можетъ повести къ недоразумѣніямъ съ какимъ-бы то ни было государствомъ, помня, что нельзя исправить въ нѣсколько мѣсяцевъ того, что̀ нарушено и искажено вѣками, а потому—взвѣшивать обстоятельства и сохранять умѣренность, дабы не сдѣлать изъ себя печальнаго зрѣлища разрушенія, въ надеждѣ возвратить отечеству прежнюю крѣпость и блескъ. Австрійскій главный министръ Кауницъ рекомендовалъ своему уполномоченному въ Варшавѣ, де-Камѐ, не раздражать оппозиціонной партіи крутыми заявленіями, чтобъ не побудить ее поскорѣе отдаться совершенно наволю прусскому королю, который того только и желаетъ, чтобъ императорскіе дворы стали открыто во враждебное отношеніе къ полякамъ, а онъ бы черезъ то нашелъ себѣ путь къ исполненію своихъ хищническихъ намѣреній. Такой же совѣтъ, черезъ своего уполномоченнаго въ Петербургѣ, Кобенцеля, Кауницъ подавалъ и Россіи. Екатерина сначала раздосадовалась на поляковъ, а потомъ поддалась внушенію своего вицеканцлера Остермана, раздѣлявшаго мнѣніе Кауница.

21-го января прошелъ единогласно проектъ о денежномъ займѣ на 10 милліоновъ для Короны и на три для Литвы черезъ Геную и Голландію. Заемъ этотъ поручено

было устроить Петру Потоцкому, заводившему тогда свой банкъ, и варшавскимъ банкирамъ Тепперу, Шульцу, Арнту, за что имъ дозволяли пріобрѣтать въ Польшѣ земскія имѣнія. Но проектъ этотъ могъ бы принести пользу тогда, когда бы дали денегъ тѣ, на кого надѣялись, а дать могли бы только тогда, когда бы имѣли довѣріе къ Польшѣ.

Для покрытія займа опять принялись за вопросъ о налогахъ и, 26-го января, рѣшили устроить особый налогъ двойного подымнаго подъ названіемъ «протунковой» подати, т. е. временной—pro tunc, пока не установится постоянный. Сначала шляхетные послы хотѣли все свое сословіе освободить отъ этой тягости и навалить ее исключительно на жидовъ. Ливскій посолъ Кублицкій возсталъ противъ такой несправедливости надъ іудейскимъ племенемъ и доказывалъ, что несправедливо отягощать народъ, который не имѣетъ за себя представителей на сеймѣ. Порѣшили, чтобы всѣ дѣдичи (владѣльцы-собственники), поссессоры, чиншовники, духовныя имѣнія и пр. заплатили два раза за годъ подымное съ тѣмъ, чтобъ разлагать его на дворы, а не на земледѣльцевъ. Освобождалась та шляхта, которая имѣла только по одному дому, а также бѣдные монастыри и священники. На евреевъ накладывалось двойное поголовное. Споры о средствахъ установленія прочныхъ постоянныхъ налоговъ шли около двухъ мѣсяцевъ, и только 24-го марта 1789 года сеймъ порѣшилъ это дѣло. Наслѣдственныя дворянскія имѣнія должны были заплатить десять процентовъ со своего дохода, духовенство двадцать процентовъ, но тѣ изъ духовныхъ, которые получали дохода не свыше 2,000 злотыхъ, и монастыри, имѣвшіе школы съ тремя учителями, подвергались платежу десяти процентовъ; тѣ же, которые получали не болѣе 500 зл. дохода, вовсе не платили ничего. Король отъ своего дохода пожертвовалъ 80,000 злотыхъ. Тѣ же, которые владѣли королевщинами, должны были заплатить

болѣе для образованія войска: старосты половину дохода, а владѣвшіе подъ другими наименованіями (экспектанты, эмфитеуты)—болѣе. Такимъ образомъ, казна должна была получить 48½ милліоновъ злотыхъ. На евреевъ налагали разныя статьи акциза. Крестьяне, по закону, исключались отъ этой подати. Но помѣщики брали съ своихъ хлоповъ то, что обязаны были платить сами, а когда объ этомъ доложено было сейму, то, вмѣсто изысканія принудительныхъ мѣръ, порѣшили ограничиться нравоучительнымъ универсаломъ, полагаясь на совѣсть шляхетства. Налогъ этотъ назывался вѣковымъ пожертвованіемъ (ofiara wieczysta). Королевскій секретарь Лошинскій подавалъ проектъ устроить правильную оцѣнку, принимая за основаніе цѣну, означаемую въ продажныхъ актахъ за десять лѣтъ, чтобы вывести приблизительно цѣну каждаго дома и чрезъ то опредѣлить сумму годоваго дохода. Но проектъ его не былъ принятъ, за оппозиціею великопольскихъ пословъ, представившихъ другой проектъ, принимавшій за основаніе показаніе о своихъ доходахъ каждаго владѣльца имѣнія, данное подъ присягою. Этотъ проектъ былъ принятъ большинствомъ. Для произведенія люстраціи доходовъ имѣній и сбора налога назначались коммиссіи по воеводствамъ изъ множества коммиссаровъ. Они должны были истребовать отъ владѣльцевъ свѣдѣнія о доходахъ подъ присягою. Установлена была штемпельная бумага для всякаго рода контрактовъ и актовъ, съ тѣмъ, что съ этихъ поръ всякое владѣніе, основанное не на документѣ, писанномъ на штемпельной бумагѣ, признавалось недѣйствительнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ установлена плата за привилегіи, или грамоты на чины и достоинства.

Послѣ этого сеймъ шагнулъ далѣе, съ цѣлію задирать Россію. Негодованіе противъ нея съ каждымъ днемъ увеличивалось. Не довольствовались требованіемъ вывода русскихъ войскъ изъ польскихъ предѣловъ; потребовали отъ

фельдмаршала Румянцева удалить отъ границъ Рѣчи-Посполитой отряды, расположенные отъ границъ Молдавіи по кіевской дорогѣ. Румянцевъ отвѣчалъ генералу артиллеріи Щенсному Потоцкому, что «такое требованіе оскорбительно для достоинства императрицы. Члены сейма—люди умные и образованные: какъ они могли подумать, что я соглашусь исполнить такую претензію, противную моимъ обязанностямъ и чести русскаго оружія?» Такой отвѣтъ распалилъ патріотовъ еще болѣе; повторили требованія Штакельбергу о выводѣ войскъ и снова давали знать, что Польша считаетъ себя независимою державою. Штакельбергъ отвѣчалъ въ самомъ умѣренномъ тонѣ. «Независимость и свобода наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой,— писалъ онъ,—такія несомнѣнныя истины, о которыхъ нечего напоминать. Онѣ не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извѣщалъ, что просьба сейма будетъ послана императрицѣ. Ожидая отъ Россіи суроваго отвѣта, Депутація иностранныхъ дѣлъ обратилась къ ходатайству прусскаго и англійскаго министровъ, просила ихъ правительства заступиться за Польшу въ случаѣ грозы отъ Россіи и постараться, съ своей стороны, чтобы русскія войска были выведены изъ Польши. 16-го февраля, была получена новая нота Штакельберга, умѣренная и кроткая. Онъ извѣщалъ, что императрица, по сосѣдству и дружбѣ, обращалась къ Рѣчи-Посполитой о проводѣ своихъ войскъ чрезъ польскія земли; что за все, нужное для этого войска, платились наличныя деньги; что присутствіе этихъ войскъ оберегаетъ Польшу отъ татаръ и турокъ; что эти войска выведутся, какъ только окончится война, а до того времени строжайше приказано, чтобы отъ русскихъ войскъ не было никакихъ оскорбленій польскимъ жителямъ. На счетъ уничтоженія Постояннаго Совѣта, какъ и на счетъ всѣхъ реформъ, предпринятыхъ вопреки видамъ Россіи, русскій посолъ не дѣлалъ никакихъ намековъ. Онъ и въ

разговорахъ держалъ себя такъ какъ будто ничего не замѣчаетъ, или какъ будто все совершающееся не касается до Россіи вовсе. Это ободрило поляковъ. Они начали думать, что Россія испугалась ихъ воинственной рѣшимости, что объявленіе о стотысячномъ войскѣ для Россіи не шутка, что, наконецъ, пришла пора Польшѣ раздѣлаться съ Россіею, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ Польши будетъ Пруссія и Англія: Россіи не сдобровать. Прусскій король, однако, не изъявлялъ готовности оказывать полякамъ содѣйствіе въ такомъ случаѣ, когда бы у нихъ недоразумѣнія съ Россіею дошли до оружія. Ему прислана была копія съ ноты Штакельбергу и съ нею просьба помогать очищенію польскихъ земель отъ военныхъ силъ русскихъ. Король на это далъ польскому послу совѣтъ мирными путями уладить съ Россіею дѣло такъ, чтобъ не вводилось русское войско безъ особаго разрѣшенія Рѣчи-Посполитой, пока берлинскій дворъ не увидитъ средствъ понудить Россію поступить по настоянію посредствующихъ державъ въ содѣйствіи съ Пруссіею. Своему же министру въ Варшавѣ король Фридрихъ Вильгельмъ писалъ: «можешь увѣрить польскихъ патріотовъ, что я забочусь о нихъ и никогда не предамъ польскаго народа на произволъ Россіи, но ихъ ко мнѣ довѣріе черезъ чуръ дорого обошлось бы мнѣ, еслибъ я началъ войну изъ-за того только, чтобъ выгнать изъ Польши какихъ нибудь двѣ или три тысячи русскихъ солдатъ». Но въ это время самоувѣренности на сеймъ повѣяло ужасомъ изъ Украины. Пролетѣли знакомые зловѣщіе слухи; южнорусскій народъ опять волнуется; схизматическіе попы поджигаютъ его; москаль посылаетъ къ народу своихъ эмиссаровъ [1]).

---

[1]) См. Источники: №№ 21 (ч. 1-4) 15. 18. 12. 23. 49. 7. 8. 115. Также протоколы четырехлѣтняго сейма въ Лит. Метрикѣ:

IV[1]).

Архіерей Викторъ Садковскій.—Усиленіе православія.—Страхъ крестьянскихъ бунтовъ.—Казни и преслѣдованія —Арестованіе Садковскаго.—Нота Штакельберга.

Прежде было показано, что русское народонаселеніе областей Рѣчи-Посполитой, при закоренѣлой ненависти къ ляхамъ, всегда обращалось къ Россіи и отъ нея надѣялось перемѣны. Эти надежды, приглушенныя суровостію, съ какой отнеслась Екатерина къ эпохѣ Залізняка и Гонты, опять пробудились сообразно съ обстоятельствами, предшествовавшими сейму. На поприще церковной дѣятельности выступилъ энергическій человѣкъ, Викторъ Садковскій. До 1783 г. онъ былъ священникомъ при посольствѣ въ Варшавѣ, а въ этотъ годъ, по протекціи Штакельберга, получилъ санъ архимандрита Слуцкаго монастыря. Владѣлецъ Слуцка, Радзивиллъ Panie Kochanku, согласился на это. Послѣ перваго раздѣла, когда Бѣлоруссія отошла къ Россіи, православные, въ польскихъ владѣніяхъ, завися въ духовномъ отношеніи отъ россійскаго синода, не имѣли у себя мѣстнаго архіерея. Неутомимый въ ревности къ православію Конисскій, подалъ мысль назначить въ польскія области особаго епископа, который бы жилъ въ Слуцкѣ и былъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, слуцкимъ архимандритомъ. Санъ этотъ приличнѣе оказалось предоставить кіевскому викарію, съ титуломъ переяславскаго епископа, на томъ основаніи, что кіевскій митрополитъ — духовный начальникъ православной церкви въ Польшѣ, а переяславскій епископъ—его намѣстникъ. Вы-

---

[1]) См. Источн.: 4. 93, 2. 21. (ч, 4. 18. бум. Штакельберга) 80 (ч. 1 стр. 266—301) 25. (ч. 2. стр. 375). Рапорты сейму 1789 г. хран. въ Лит. Метрикѣ.

боръ палъ на Садковскаго, и 9-го іюня 1785 г. онъ былъ посвященъ въ Кіевѣ. Русское правительство положило ему содержаніе 5,900 руб.; онъ долженъ былъ зависѣть отъ верховной власти кіевскаго митрополита и наравнѣ со всѣми епархіальными начальниками, подвѣдомственными синоду, доставлять свѣдѣнія о числѣ и состояніи церквей, метрическія и исповѣдныя книги, вѣдомости о церковныхъ и экономическихъ доходахъ и проч. Кромѣ того, онъ долженъ былъ доставить вѣдомость о всѣхъ церквахъ, которыя послѣ 1717 года обращены изъ православія въ унію и которыя, по силѣ трактатовъ 1768 и 1771 г., должны быть возвращены православію: для этой цѣли узаконялась особая коммиссія, которая должна была разсмотрѣть, какія изъ церквей слѣдуютъ къ отдачѣ, но эта коммиссія не приводилась въ дѣйствіе. Новому архіерею вмѣнялось не дѣлать никакихъ самовольныхъ присвоеній и дожидаться рѣшенія коммиссіи, въ случаѣ же оскорбленій со стороны католиковъ или унитовъ, обращаться къ русскому посланнику въ Варшавѣ. «Вы должны,—писано ему въ указѣ св. синода,—внушать своему духовенству, чтобъ оно всѣми мѣрами удерживалось отъ непристойныхъ поступковъ противъ католиковъ и унитовъ и не подавало ни малѣйшаго повода ко враждѣ и раздору, равно удалялось бы отъ неумѣстныхъ диспутовъ и старалось бы съ соотечественниками жить мирно, дабы черезъ то каждый могъ пользоваться свободою своего вѣроисповѣданія во всеобщемъ мирѣ». Ему приказано было обратить особое вниманіе на просвѣщеніе духовенства и вообще православныхъ людей, завести семинарію въ Слуцкѣ, на что ассигновалось ему 1200 р. въ годъ, и также основать, по возможности, разныя школы при монастыряхъ и церквахъ. По вступленіи своемъ въ должность уже въ концѣ 1785 г., Садковскій издалъ пастырское посланіе, извѣщалъ, что онъ сдѣлался пастыремъ въ польскомъ государствѣ по

высочайшей волѣ ея императорскаго величества и давалъ своей паствѣ совѣтъ въ самомъ кроткомъ духѣ. «Мнѣ не безъизвѣстно,—писалъ онъ,—что вы живете въ утѣсненіи и озлобленіи отъ разновѣрцевъ, и я подаю вамъ спасительный совѣтъ—терпѣть всякое зло, вамъ причиняемое. Всѣмъ вѣдома сила любви и кротости, какъ равно и сила противленія и мести. Вражда возбуждаетъ вражду и одно подозрѣніе влечетъ за собой другое. Не такъ скоро охлаждается желѣзо, брошенное въ воду, какъ злобный человѣкъ, при встрѣчѣ съ кроткою и долготерпѣливой душою». Но злоба противъ православія не могла остыть и отъ десятка такихъ миролюбивыхъ посланій. Новый архіерей слышалъ безпрестанно о насиліяхъ надъ православіемъ. По поводу предстоявшаго сейма, въ числѣ разныхъ соображеній, появилась брошюра подъ названіемъ «Голосъ обывателя», гдѣ авторъ требовалъ уничтоженія и истребленія не только православія, но и самаго уніатства въ областяхъ Рѣчи-Посполитой. «Важныя причины побуждаютъ замѣнить совершенно русскій обрядъ латинскимъ, чтобъ русскаго въ нашемъ краѣ отнюдь не было». Такъ говорилъ этотъ голосъ. «О согласіи толковать нечего; знаемъ, какъ часто по поводу обрядовъ бывали недоразумѣнія. Соблюденіе постовъ и праздниковъ причиняетъ теперь безпорядокъ. Извѣстно, что въ русскихъ воеводствахъ и повѣтахъ шляхта и паны по большей части обряда латинскаго, а ихъ крестьяне—русскаго. Шляхтичу и пану служатъ его подданные. Поваръ, лакей, конюхъ, земледѣлецъ—русакъ; у нихъ праздники и посты другіе, чѣмъ у пана, которому они служатъ. Какое же изъ этого происходитъ замѣшательство! У пана—пасха, а у слуги только масляница окончилась; у пана праздникъ, у слуги нѣтъ его; у пана постъ,—у слуги или у дворни *усяндница*, и наоборотъ, у слуги великій четвергъ и пятокъ, — у пана Вознесеніе, у дворни праздникъ и постъ, а у пана ни праздника, ни поста. Прибавимъ еще,

что отъ множества праздниковъ русскаго обряда происходитъ бѣдность и обнищаніе народа. У русскихъ такъ много праздниковъ, что сами священники знать ихъ не могутъ: одинъ приказываетъ соблюдать, а другой не велитъ». Когда этотъ голосъ явился въ печати, Конисскій написалъ на него отвѣтъ и поручилъ Садковскому представить его лично на сеймѣ. Излагая въ немъ историческія права православія и защищая духовенство отъ преувеличенныхъ нападокъ, Конисскій сдѣлалъ автору «Голоса» такое полновѣсное замѣчаніе: «Авторъ «Голоса» забываетъ два важныхъ обстоятельства, по поводу которыхъ слѣдовало бы дать совѣтъ почтеннымъ чинамъ государства: 1) по уничтоженіи унитовъ, что̀ дѣлать съ неунитами и диссидентами, которые пребываютъ подъ защитою сосѣдней сильной державы, любимой почти всею громадою народа русскаго, и какъ преградить этому народу путь къ возвращенію къ неуніи, когда онъ не захочетъ принять латинскаго обряда? 2) По уничтоженіи уніи и по обращеніи на священническіе фонды (римско-католическіе) имуществъ епископскихъ и митрополичьихъ, что̀ надлежитъ дѣлать съ самыми епископами и съ митрополитомъ, и куда ихъ дѣть, чтобъ они не искали нигдѣ такой протекціи, при помощи которой имъ могли быть возвращены ихъ каѳедры?» Этими вопросами Конисскій напоминалъ, что латинская ревность безсильна предъ властію Россіи. Его отвѣтъ оканчивался воззваніемъ къ унитскому митрополиту, приглашеніемъ обратиться къ покровительству Россіи. «Вы думали,—писалъ онъ, —и были убѣждены, что вы составляете истинный образъ неразрывной вѣры и любви христіанской, будучи соединены во единое тѣло съ римскою церковью такъ, какъ было въ оные святые вѣка: посмотрите же, что̀ замышляютъ надъ вами братья ваши римскіе католики. Мы увѣрены, что апостольская столица того не желаетъ, но если она не могла предотвратить ва-

шего униженія, то навѣрно не спасетъ васъ отъ задуманнаго окончательнаго погубленія, которое если не теперь, то на будущее время постигнетъ васъ. Промышляйте же о себѣ заранѣе; поступите такъ, какъ сдѣлали неуниты и диссиденты: не въ силахъ будучи терпѣть невыносимаго и тяжелаго гоненія за вѣру, они искали у высокихъ сосѣднихъ державъ обороны и защиты; а для нихъ тогда раздавался такой же роковой голосъ истребленія, какъ теперь для васъ: они чрезъ то не перестали быть добрыми гражданами Рѣчи-Посполитой и не признаются клятвопреступниками и невѣрными своему монарху и отечеству. И вамъ нечего бояться прослыть вѣроломными и измѣнниками отечества, если вы обратитесь къ высокому покровительству непобѣдимой всемилостивѣйшей императрицы всероссійской, которую наияснѣйшая Рѣчь-Посполитая признала императрицею всей Руси, а слѣдовательно и всей Руси покровительницею. Предъ вами примѣръ вашего собрата архіепископа полоцкаго: онъ пользуется особымъ покровительствомъ всемилостивѣйшей государыни, и черезъ то не нарушаетъ послушанія апостольской столицѣ, сообразно данной присягѣ! И вы, подъ высокою и кроткою защитою, можете остаться счастливо и невредимо, и покинувши внушенное вамъ, отъ вашихъ губителей, нерасположеніе къ неунитамъ и неправильное предубѣжденіе, можете содѣлаться орудіемъ и счастливымъ средствомъ для привлеченія ихъ къ той уніи, которая утверждается на любви и мирѣ во Христѣ, о которой святая вселенская церковь римская и греческая ежедневно проситъ Бога».

Изъ этого отвѣта могли видѣть всю близость опасности: православные признавали уже право русской императрицы быть покровительницею всей Руси вообще, православные склоняли унитовъ къ Россіи, и Садковскій, прибывши въ Варшаву, лѣтомъ 1785 года, жаловался на

унитскаго митрополита, что онъ совращаетъ православныхъ въ унію, указывалъ, что это противно трактату, жаловался на то, что католики называютъ православіе схизмою, обличалъ изданную въ Польшѣ географію, гдѣ восточная церковь названа схизмою. Не богословскіе догматы служили ему оружіемъ; онъ ссылался на трактатъ, по которому слѣдовало не дозволять такихъ презрительныхъ названій восточной церкви. Его приняли въ Варшавѣ очень холодно, какъ и слѣдовало ждать. Отъ него потребовали присяги на подданство Рѣчи-Посполитой. Какъ русскій подданный по рожденію, онъ не давалъ ея, безъ приказанія отъ своего правительства. Король, однако, все-таки выдалъ ему привилегію. Садковскій замѣтилъ въ своихъ донесеніяхъ, что она была писана еще прошлаго года и была измята — знакъ, что многимъ она была сообщаема, съ цѣлію узнать о ней мнѣнія, и многіе читали ее прежде, чѣмъ тотъ, кому она назначалась. Прождавши все лѣто послѣдней аудіенціи у короля и не дождавшись ея, Садковскій уѣхалъ изъ Варшавы въ октябрѣ 1786 года. Жалоба короля Потемкину на Садковскаго, будто онъ приневоливалъ раскольниковъ къ православію, едва ли не преувеличена. Достаточно было полякамъ видѣть въ этомъ человѣкѣ ревностнаго православнаго духовнаго и преданнаго Россіи, чтобы выдумать на него что-нибудь. Въ тогдашнихъ дѣлахъ мы не встрѣчаемъ ничего указывающаго на это обвиненіе. Присяга на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, произнесенная имъ въ Тульчинѣ, не только не связала, но скорѣе развязала его на первыхъ порахъ. Заручившись подданствомъ королю и Рѣчи-Посполитой, Садковскій выступилъ уже не какъ чужеземецъ, а какъ соотечественникъ въ областяхъ Рѣчи-Посполитой и сталъ смѣлѣе. Вслѣдъ затѣмъ онъ обозрѣлъ южныя провинціи своей епархіи и тамъ возникло поразительное стремленіе народа къ возвращенію отъ уніи къ православію. По изысканіямъ

депутаціи, назначенной впослѣдствіи, по дѣлу объ украинскихъ бунтахъ, оказалось, что въ короткое время, вмѣсто девяноста четырехъ приходовъ, явилось триста; всѣ они перешли изъ уніи. Мы навѣрное не знаемъ, въ какой степени это явленіе было дѣломъ самого Садковскаго. Быть можетъ (и всего умѣстнѣе такъ предположить), если онъ и въ сильной степени этому событію способствовалъ, то все-таки не онъ произвелъ его. Для южно-русскаго народа не нужно было предвзятой пропаганды. Еще послѣ диссидентскаго сейма, мы видѣли, народъ бросился оставлять насильствнено навязанную вѣру. Стремленіе его было пріостановлено. Страшныя казни, произведенныя Стемпковскимъ, на многія лѣта навели паническій страхъ на русскій народъ. Переходъ изъ уніи въ православіе въ глазахъ поляковъ былъ преступленіемъ достойнымъ казни, а народъ былъ подъ произволомъ поляковъ и на Россію надежды было мало. Теперь народъ опять почувствовалъ со стороны Россіи благодатное вѣяніе. Путешествіе Екатерины ободрило его. Онъ могъ вблизи увидѣть ея величіе; онъ могъ узнать, какъ его король и могучіе паны-ляхи спѣшили на поклоненіе къ той царицѣ, которая была одной вѣры съ нимъ и имѣла достаточно силы покровительствовать этой вѣрѣ вездѣ. До него доходила вѣсть, что эта царица заступается за своихъ единовѣрцевъ въ Турціи и ведетъ войну съ бусурманомъ; естественно рождалась надежда, что если ей Богъ поможетъ, то она заступится и за своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, тѣмъ больше, что тамъ не только ея единовѣрцы, но еще и русскіе. Изъ писемъ Садковскаго, писанныхъ въ это время, видно, что въ южной Руси было тогда движеніе въ народѣ. Онъ писалъ, что во время его объѣзда украинскихъ монастырей и церквей, множество монаховъ и черницъ скрывалось въ чигиринскихъ, черкасскихъ и смилянскихъ лѣсахъ. Садковскій не думалъ

потакать ничему такому, что̀ бы клонилось къ возмущенію народа, которое такъ легко могло вспыхнуть въ этихъ странахъ. Онъ поручалъ губернаторамъ (управителямъ) ловить бродячихъ монаховъ и отправлять въ монастыри, а тѣмъ, которыхъ монастыри не захотятъ принимать, обривать бороды и обращать на общественныя работы. Но поляки не вѣрили искренности поступковъ схизматическаго архіерея. Привыкши считать русскій народъ безмысленнымъ стадомъ скотовъ, они не допускали въ этомъ народѣ самобытныхъ побужденій, и когда замѣчали въ немъ признаки народнаго его самосознанія, то всегда искали поводовъ къ этому во внѣшнемъ подстрекательствѣ, либо отъ духовенства, либо отъ коварнаго москаля. Отпаденіе отъ уніи русскихъ было невыносимо для поляковъ. Нѣсколько вѣковъ истрачено ими на то, чтобъ истребить мерзостную схизму. Это стоило Польшѣ многихъ усилій, многихъ пожертвованій, и плоды вѣковыхъ трудовъ, казалось, готовы были исчезнуть въ нѣсколько лѣтъ. Поляки увидѣли, какъ они слабы тамъ, гдѣ казались сами для себя сильными. Отъ этого они до неистовства озлобились не только на православныхъ, но и на унитовъ, за то, что послѣдніе такъ легко оставляли унію. Вмѣстѣ съ этой злобой возникла боязнь, чтобъ не возвратились времена Залізняка и Гонты; тѣмъ болѣе, что передъ коліивщиною происходило такое же обращеніе унитовъ въ православіе. Волынская, подольская и украинская шляхта, въ предупрежденіе бѣды на себя, сочла нужнымъ навести страхъ на русскій народъ.

Случилось происшествіе, какъ будто оправдывавшее такое опасеніе народнаго возстанія. Въ селѣ Невѣрковѣ на Волыни зарѣзали помѣщика Вылежинскаго, жену его и нѣсколько человѣкъ домашнихъ, всего, говорили, восемь особъ.

Вѣсть объ этомъ переполошила до того обывателей, что

они начали бросать свои имѣнія и бѣжать въ города съ семьями. Впослѣдствіи, оказалось, что убійство совершено было злодѣями изъ-за денегъ, и невѣрковская громада вовсе была непричастна этому дѣлу. Но съ-горяча всѣ были увѣрены, что убійство Вылежинскихъ было починъ рѣзни надъ всею шляхтою. Случилось другое происшествіе, надѣлавшее шуму. Въ селѣ Куриловкѣ дубенскаго повѣта къ помѣщицѣ Прушинской на праздникъ Рождества Христова подъ окно пришла толпа сельской молодёжи и, по обычаю, запѣла колядки. Пани Прушинская, уже настроенная слухами о томъ, что крестьяне хотятъ бунтовать, испугалась и приказала угостить колядниковъ палками вмѣсто пироговъ, которыхъ малороссы просятъ въ своихъ колядныхъ пѣсняхъ. Одинъ парубокъ, отвѣдавши на своей спинѣ панскаго угощенія, сказалъ: «какая же недобрая наша пани! Надобно на нее Гонтина сына, чтобъ научилъ ее по-людски обращаться съ людьми!» Эти слова донесли госпожѣ. Прушинская приказала забить въ колоды нѣсколько десятковъ крестьянъ, всѣхъ кто только показался ей почему-нибудь подозрительнымъ, и отправила ихъ въ Дубно.

Въ это время русскіе покупали много хлѣба для своего войска; обывателямъ это было выгодно. Чтобъ соблюсти порядокъ и сохранить свои выгоды, они учредили изъ среды себя коммиссію для установленія и поддержанія цѣнъ, для закупки и принятія отъ обывателей хлѣба и сѣна и доставки въ русскія руки, а равно и для полученія денегъ за доставленные запасы. Коммиссія эта получила значеніе полицейской; самъ сеймъ поручилъ ей смотрѣть за спокойствіемъ края; но она присвоила себѣ еще и судебную власть. Коммиссія эта разобрала и судила дѣло Прушинской. Нѣсколькимъ изъ присланныхъ ею крестьянъ отрубили головы, другихъ повѣсили, остальныхъ отпороли такъ больно, что они были чуть живы, и отправили въ

Куриловку. Въ какой степени судъ коммиссіи могъ быть справедливъ, можно видѣть изъ характеристики, какую даетъ членамъ коммиссіи въ Дубно и Луцкѣ современникъ, бывшій самъ членомъ такой коммиссіи [1]): одинъ изъ коммиссаровъ, панъ Рогозинскій—помѣшанный, другой—панъ Требуховскій—спившійся съ кругу, третій — панъ Заленскій—разбойникъ, дѣлавшій наѣзды на сосѣднія имѣнія и убивавшій въ нихъ крестьянъ.

За расправою съ крестьянами Прушинской послѣдовала другая подобная, въ Луцкѣ. Въ имѣніи князя Воронецкаго, Любечъ, былъ поссессоръ Вильчинскій, утѣснявшій крестьянъ. Крестьяне жаловались на него владѣльцу. Князь Воронецкій обѣщалъ имъ свое покровительство, но поссессора отъ нихъ не удалилъ. Начали ходить зловѣщіе слухи о намѣреніи хлоповъ поднять бунтъ. Вильчинскій увидѣлъ удобный случай отомстить тѣмъ, которые на него жаловались. Онъ придрался къ нимъ, что у нихъ есть огнестрѣльное оружіе. Ихъ отправили въ коммиссію въ Луцкъ, а коммиссія одного изъ нихъ повѣсила, другихъ отправила назадъ, распорядившись, чтобъ имъ на пути, въ каждомъ встрѣчающемся селеніи, давали по сту ударовъ. Такимъ образомъ, ихъ привезли домой чуть живыми, а одинъ изъ этихъ крестьянъ, восьмидесятилѣтній старикъ не вынесъ пытокъ и умеръ въ тюрьмѣ, въ колодѣ. Увѣрившись, что хлопы готовятся рѣзать поляковъ, обыватели стали думать о томъ, кто ихъ на это поджигаетъ, и дошли своимъ умомъ къ тому, что все это интриги Россіи—и затѣмъ-то именно приходятъ въ польскія владѣнія великоруссы, которыхъ называли маркитантами. То были не что иное, какъ офени. Они издавна обыкли ѣздить по южной Руси и продавать полотно, ситецъ, мыло, платки, разную мелочь, женскія

---

[1]) Въ запискахъ архипресвитера Бродовскаго въ книгѣ Widok przemocy.

украшенія и хозяйственныя орудія, въ томъ числѣ ножи. На нихъ прежде поляки не обращали вниманія, а теперь замѣтили, что ихъ стало ѣздить что-то много, вообразили, что они—тайные агенты Екатерины, и разъѣзжаютъ затѣмъ, чтобъ возмущать хлоповъ противъ пановъ. Эти такъ-называемые маркитанты, странствуя по селамъ съ товарами, часто приставали къ священникамъ. Отсюда обыватели заключили и сообразили, что черезъ нихъ русскимъ попамъ передаются порученія поджигать хлоповъ къ бунту. Католики злились вообще на русскихъ священниковъ, не только на православныхъ, но и на унитскихъ: въ послѣднее время изъ нихъ такъ много перешло къ православію, что это побуждало считать ихъ всѣхъ способными къ отпаденію отъ уніи, а затѣмъ и ко всякаго рода поступкамъ, враждебнымъ Польшѣ и благопріятнымъ Россіи. Пошли ходить изъ устъ въ уста слухи, что у того или другого священника ночевали маркитанты, въ такомъ или другомъ селеніи у крестьянъ въ скирдахъ и стогахъ спрятаны большіе ножи, привезенные нарочно изъ Россіи. Иные говорили, что у великорусскихъ торговцевъ ножи и копья кладутся на исподъ въ возахъ, накладываются товаромъ, и такимъ образомъ, привозятся. Говорили, что они, кромѣ ножей и копей, провозятъ какія-то мучительныя орудія для вырыванія тѣла и внутренностей. Говорили, что уже хлопы, сбираясь въ корчмахъ, пьяные хвалятся, что у нихъ есть московскія деньги, что они только дожидаются, пока придетъ къ нимъ отъ царицы сынъ Гонты, и тогда они всѣ примутся за рѣзню. Такія вѣсти о маркитантахъ и извощикахъ (zwoszczykach) сильно всполошили всю шляхту на Украинѣ, Подоли и Волыни, она съѣхалась въ Житомиръ, Луцкъ и Брацлавъ и совѣщалась, какъ ей защищаться. Она постановила составить милицію, куда должны были войти одни католики, а русскихъ отнюдь

не слѣдовало допускать — не только православныхъ, но и унитовъ.

Коммиссіи, руководимыя ксендзами, налегли паче всего на духовенство: забитые, невѣжественные, по необходимости, ради насущнаго хлѣба, привыкшіе ползать передъ панами, унитскіе духовные достаточно заразились общею деморализаціею, и легко было ихъ запугать и найти между ними такихъ, которые, ради собственнаго спасенія, готовы были сдѣлаться покорнымъ орудіемъ шляхетской злобы. По малѣйшему подозрѣнію хватали поповъ, дьячковъ и тащили въ коммиссію. Такимъ образомъ, поймали и привезли въ Луцкъ русскаго священника Лукаевича. На него донесли, что онъ далъ у себя переночевать какому-то такъ-называемому маркитанту. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, Аксакъ, поѣхалъ за нимъ. Попъ этотъ оказался трусъ первой руки; онъ совершенно потерялся отъ страха и сталъ просить пана Аксака научить его, какъ обращаться и чтó говорить въ коммиссіи. «Не бойся, попъ, сказалъ ему Аксакъ, тебѣ ничего худого не будетъ; ты скажи, что у тебя былъ маркитантъ, подговаривалъ тебя къ бунту и показывалъ письмо отъ царицы, а ты на это не поддался». — «Да этого, пане, совсѣмъ не было—сказалъ попъ:—разговоръ у меня съ нимъ былъ о московской войнѣ, что гдѣ-то кто-то съ кѣмъ-то дерется; и о томъ была рѣчь, что поляки собираютъ войска, думаютъ можетъ быть съ кѣмъ-нибудь воевать, а больше ни о чемъ не говорили». — «А этого развѣ мало?—сказалъ Аксакъ:—маркитантъ говорилъ тебѣ, что Москва хочетъ воевать поляковъ, ты самъ долженъ былъ догадаться, что онъ хочетъ уговорить тебя взбунтовать хлоповъ противъ насъ. Какъ привезутъ тебя въ коммиссію, ты скажи, что онъ тебя подговаривалъ и показывалъ тебѣ московское писаніе; а не то — пропадешь, и жену и дѣтей своихъ погубишь: мнѣ жаль тебя! На, возьми, попъ: это тебѣ пригодится на прожитье въ Луцкѣ.

Если хорошо сдѣлаешь дѣло, такъ и больше получишь!» Онъ сунулъ ему въ руку два червонца. Испуганный и вмѣстѣ обрадованный попъ обнималъ ноги своего благодѣтеля. «А буду-жъ я на волѣ?» спрашивалъ онъ. «Не только будешь на волѣ,—отвѣчалъ Аксакъ,—а еще дадутъ тебѣ большое награжденіе за вѣрность».

По пріѣздѣ въ Луцкъ, Аксакъ тотчасъ объявилъ коммиссіи, что теперь уже все открыто. Привели Лукаевича. Съ коммиссарами сидѣли ксендзы. Лукаевичъ, по наученію Аксака, объявилъ, что у него ночевалъ москаль маркитантъ, уговаривалъ попа подущать къ бунту своихъ прихожанъ и показалъ ему какое-то писаніе: прочитать онъ его не могъ, а видѣлъ только, что тамъ подписано: *Екат...* «Маркитантъ, показывалъ Лукаевичъ, говорилъ, что царица такъ желаетъ, а кто ее послушаетъ, тотъ большую награду получитъ!»

«Вотъ наконецъ-таки по ниточкѣ мы до клубка дошли!» воскликнули обыватели и начали изо-всѣхъ силъ бранить москалей и грозить имъ. «Присягни, — сказали попу, — что было въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ ты говоришь!»

Попъ сначала смутился, испугался, что ему приходится присягать ложно, онъ поглядывалъ на Аксака, а тотъ грознымъ взглядомъ показалъ, что уже теперь отступать нельзя. Трусость за жизнь взяла верхъ надъ совѣстью; священникъ присягнулъ.

«Вотъ,—восклицали поляки,—нашелся-таки одинъ шляхетный попъ: открылъ заговоръ, устроенный на нашу погибель. О, эти попы все знаютъ: и самъ ихній епископъ вѣрно съ ними въ заговорѣ».

Попъ, какъ говорится, вошелъ во вкусъ, понялъ, что панамъ коммиссарамъ тѣмъ будетъ пріятнѣе, чѣмъ онъ больше имъ наговоритъ, и сказалъ:

«Я было не хотѣлъ пускать на ночлегъ этого марки-

танта, да мать моя сказала мнѣ: неужели жиды будутъ милосерднѣе насъ? Они дозволяютъ у себя ночевать прохожимъ; отъ чего же намъ нельзя! Маркитантъ мнѣ такъ говорилъ: поляки хотятъ воевать съ москалями, да наша матушка царица съумѣетъ ихъ усмирить; вотъ она скоро пришлетъ вамъ сына Гонты; тотъ выберетъ куколь изъ пшеницы, всѣхъ собакъ-ляховъ перерѣжетъ, чтобъ не брехали! Я ему сказалъ: чѣмъ же поляки виноваты? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: распустились какъ собаки; мясо въ постъ жрутъ! Говорилъ онъ, что такихъ, какъ онъ, маркитантовъ и извощиковъ тысячи три бродитъ по Руси».

Съ этихъ поръ на Волыни безцеремоннѣе стали хватать духовныхъ и мірянъ, и въ короткое время набрали въ Луцкъ сто тридцать три человѣка, какъ значится въ рапортѣ, представленномъ коммиссіею на сеймъ. Нѣкоторыхъ повѣсили, другихъ засаживали въ тюрьмы, иныхъ сѣкли нагайками, сперва по спинѣ, а потомъ, перевернувши навзничъ, по груди и животу, такъ что сѣченые распухали; иные отъ такой экзекуціи отдавали Богу душу. Какой-то полусумасшедшій нищій показывалъ, будто москали-маркитанты научали его носить къ разнымъ попамъ записки возмутительнаго содержанія. Онъ объявилъ, что нерозданныя еще имъ записки спрятаны въ селѣ Торчинѣ, въ соломенной кровлѣ хаты крестьянина, его родственника. Крестьянинъ, на котораго онъ показалъ, не призналъ его своимъ родственникомъ; разломали указанную соломенную кровлю —не нашли ничего: нищаго повѣсили, но, по его показанію, продолжали хватать и мучить духовныхъ и мірянъ, думая добраться и по этой нити до клубка.

Въ числѣ такимъ образомъ схваченныхъ былъ священникъ Рубиновичъ. Его подвелъ въ бѣду нѣкто Кржижановскій; рапортъ, посланный объ немъ на сеймъ, именуетъ его австрійскимъ дезертиромъ, а письмо очевидца (приводимое въ запискахъ Бродовскаго), говоритъ, что онъ

былъ польскій солдатъ и нарочно сказывался дезертиромъ, чтобъ подвести священника. Пришедши къ нему ночью, онъ просилъ спрятать его и выдалъ себя за поповича, насильно взятаго въ службу и убѣжавшаго. Онъ говорилъ, что пойдетъ къ москалямъ, что москали, вмѣстѣ съ здѣшними русскими хлопами, будутъ рѣзать поляковъ; не худо, —говорилъ онъ,—зарѣзать вашего пана и взять его деньги, я знаю такое средство, что всѣ будутъ спать и не услышатъ, какъ къ нимъ подойдутъ.—Попъ былъ пьянъ и не противорѣчилъ. Потомъ Кржижановскаго какъ будто поймали въ качествѣ бѣглаго солдата. Тогда онъ оговорилъ попа, у котораго ночевалъ, и объявилъ, что попъ этотъ показывалъ ему бумагу за подписью русской императрицы, гдѣ попы приглашались возмутить крестьянъ и подвигать ихъ на рѣзню пановъ и жидовъ.

Арестованный по этому наговору попъ сталъ оговаривать другихъ, которыхъ затѣмъ брали и допрашивали. Такимъ образомъ, по наговору, взяли попа изъ Рафаловицъ—имѣнія пана Олизара, и повели черезъ мѣстечко Чарторыскъ. Увидя толпу русскихъ людей, этотъ попъ закричалъ: «Гвалтъ! ратуйте! Ото ляхи якъ чорты беруть мене». Это поставили ему въ преступленіе, достойное смерти. «Повѣсить! повѣсить!» кричалъ панъ Требуховскій, одинъ изъ коммиссаровъ; и попа вѣрно повѣсили бы, еслибъ на ту пору не пришло отъ сейма запрещеніе коммиссіямъ казнить смертію.

Не такъ отдѣлался схваченный тогда же великорусскій офеня, котораго оговорилъ Лукаевичъ. Отысканный и доставленный въ коммиссію, онъ объяснилъ, что дѣйствительно показывалъ попу бумагу, но эта бумага была не иное что, какъ его паспортъ, и у него, при обыскѣ, не нашли никакой другой бумаги, кромѣ паспорта.

«Мы,—сказали коммиссары,—не будемъ тебя казнить,

если ты добровольно сознаешься въ томъ, что императрица послала тебя подговаривать хлоповъ къ рѣзнѣ».

«Я не куплю себѣ жизни клеветою на свою государыню»,сказалъ великоруссъ.

Въ великую пятницу, его привели къ висѣлицѣ, сѣдой монахъ исповѣдывалъ его. Не давъ ему окончить обряда, фанатики закричали: «Пусть этотъ бородатый еретикъ перестанетъ его исповѣдывать: онъ его подговариваетъ на рѣзню». Офеню повѣсили. «Напрасно погибаю!» было его послѣднее слово. Къ усугубленію смертной муки осужденныхъ, ихъ вѣшали такъ, что они долгое время томились и медленно удушались! Не умѣли вѣшать!

Въ разныхъ мѣстахъ, въ Кременцѣ, Житомирѣ, Махновкѣ, Владимірѣ, Хмельникѣ, Брацлавѣ и другихъ городахъ происходили казни и истязанія надъ православными и унитскими духовными, надъ русскими хлопами и россійскими подданными. Шляхта, въ паническомъ страхѣ, ожидала повторенія приснопамятной для нея эпохи 1768 года и спѣшила мстить за новую рѣзню прежде, чѣмъ она началась. Особенно страхъ повсемѣстно обуялъ ее на послѣднихъ дняхъ страстной недѣли по русскому календарю. Полякамъ представилось, что схизматики выберутъ именно праздникъ пасхи для своего дѣла. И вотъ, въ предотвращеніе ужаснаго событія, запретили въ русскихъ церквахъ отправлять обычныя ночныя богослуженія (послѣдованіе Господнихъ страстей и пасхальную заутреню). Въ великую субботу въ городахъ поднималась тревога, и составленная изъ шляхты милиція выѣзжала въ поле во всеоружіи мужественно встрѣчать ужасныхъ маркитантовъ и извощиковъ, которые съ граматами царицы будутъ предводительствовать народомъ, собравшимся рѣзать ляховъ и жидовъ.

Доносы слѣдовали за доносами. Ихъ никто не считалъ дурнымъ дѣломъ, хотя бы они оказывались ложными. Тамъ

попъ доносилъ на эконома, здѣсь—экономъ на попа. Толпами гоняли подозрѣваемыхъ хлоповъ на расправу въ города! «Выбиваютъ изъ нихъ розгами мятежническій задоръ и чаще всего достается совсѣмъ невиннымъ,—говоритъ современный корреспондентъ:—страшно вообразить, какому поруганію подвергаются хлопы, и остается только желать, чтобъ такіе поступки съ ними не довели ихъ до крайняго отчаянія. Да если-бъ до такихъ бѣдъ не дошло, всетаки для цѣлаго края настало великое разореніе. Помѣщикъ покидаетъ хозяйство и бѣжитъ въ городъ; а мужикъ не радѣетъ о плодахъ своей нивы, потому что ихъ у него могутъ каждый часъ отнять, да еще и съ его собственною жизнію».

Сеймъ былъ заваленъ рапортами изъ разныхъ городовъ русскихъ земель; нѣкоторые были оригинальны до смѣшного. Такъ напр., изъ Хмельника доносили, что какой-то слесарь дѣлаетъ копья для хлоповъ, и пойманные хлопы сознались, что по Украинѣ ходятъ двѣсти поповъ и носятъ писаніе съ печатью, на которой вырѣзаны копья, ножи и другія принадлежности рѣзни съ надписью: теперъ часъ ляхівъ різати! Это писаніе приписывалось русской государынѣ. Писали, что въ одномъ и въ другомъ мѣстѣ остановили московскихъ маркитантовъ съ ножами. Присылались даже бумажныя выкройки ножей, которыми россійская императрица жаловала русскій народъ для рѣзни ляховъ. Въ Варшавѣ подобныя донесенія принимались за справедливыя. Все общество проникнулось страхомъ. Сеймъ на нѣсколько дней оставилъ всякія другія занятія и обратился исключительно къ вопросу объ опасности со стороны русскихъ хлоповъ. Враги Россіи пользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобъ возбуждать противъ нея умы. Послы въ столицѣ также легко повѣрили въ возможность того, чтобъ императрица посылала своихъ торговцевъ и извощиковъ для возмущенія русскаго народа, какъ и пугливые

волынскіе и украинскіе обыватели. Къ пущему раздраженію противъ Россіи, сеймъ получилъ тогда отъ Штакельберга ноту, гдѣ была жалоба на польскую команду, не пропустившую гренадерскаго прапорщика Вахая, который, черезъ земли Рѣчи-Посполитой ввелъ въ Россію семьдесятъ три турецкихъ плѣнныхъ. Штакельбергъ просилъ, чтобъ Рѣчь-Посполитая дозволила по прежнему свободный проходъ русскихъ войскъ черезъ ея области и устройство въ этихъ областяхъ военныхъ магазиновъ. Тогда полились одна за другою враждебныя Россіи рѣчи, произносимыя преимущественно такими господами, которые, впослѣдствіи, заискивали у той же Россіи себѣ лично милостей. Кублицкій подалъ совѣтъ обратиться за покровительствомъ и вразумленіемъ къ сердечному другу Польши, прусскому королю, и также выслать къ другимъ иностраннымъ дворамъ посланниковъ съ заявленіемъ о томъ, что̀ дѣлаетъ Россія. Сухоржевскій кричалъ, что дружба съ Москвою главная причина всѣхъ несчастій Польши. «У насъ несогласія,— говорилъ онъ,—дошли до того, что король не вѣритъ народу, народъ королю, отецъ сыну, сынъ отцу, братъ брату—всему этому причиной Россія. Неужели мы пропустимъ очевидно удобную пору для отмщенія оскорбленій, нанесеныхъ намъ Москвою, дозволивши московскимъ войскамъ проходить черезъ наши области, оскорбимъ расположеннаго къ намъ и всегда твердаго въ договорахъ турка, и тѣмъ заслужимъ вѣчное порицаніе историковъ? Возьмемъ примѣръ съ той печати, которую Москва вручила русинамъ на погибель нашу съ надписью: теперъ часъ ляхівъ різати! Издадимъ универсалъ, объявляющій войну Россіи, и припечатаемъ его печатью, на которой вырѣжемъ слова: «теперь время отмстить Россіи за ея обиды!» Я совѣтую не только выгнать немедленно всѣхъ москалей, какіе теперь у насъ найдутся, съ ихъ маркитантами, извощиками, филипонами, чернецами, но и назначить немедленно сборъ

пожертвованій на военную экспедицію противъ Москвы. Теперь, повторяю, пришла пора раздѣлаться съ Москвою, и потому предлагаю выслать пана Штакельберга изъ Варшавы или, по крайней мѣрѣ, приставить къ его особѣ караулъ; это полезно и для его безопасности, потому что уже вездѣ говорятъ, что убьютъ его тотчасъ, какъ только услышатъ о рѣзнѣ, учиняемой надъ нашими кровными и пріятелями».

Послѣ задирательной рѣчи Сухоржевскаго, послы бросились толковать о скорѣйшемъ укомплектованіи войскъ въ видахъ объявленія войны Россіи. Одинъ голосъ замѣтилъ, при этомъ, что надобно прежде установить гражданско-военные суды, для огражденія обывателей отъ оскорбленій по поводу рекрутовки.

«Не можетъ быть,—сказалъ подольскій посолъ Красинскій,—чтобъ у насъ въ странѣ нашелся командиръ, который бы въ такое несчастное время утѣснялъ обывателей!»

За нимъ поднялъ голосъ Суходольскій, произнесъ длинную напыщенную рѣчь, въ которой приглашалъ Избу женить постоянство на осторожности, а въ заключеніе, вооружился противъ тѣхъ, которые находили, что мѣстная шляхта, хватая безъ разбора подозрительныхъ людей и осуждая ихъ, можетъ, раздраживъ народъ, произвести болѣе опасности, чѣмъ самые поджигатели къ бунту. «Пусть кто хочетъ говоритъ — сказалъ онъ — что волынская коммиссія дурно поступила, что какого-нибудь бунтовщика казнила; я скажу: дурно она поступила, что мало ихъ казнила! Почему не поставила разомъ сто висѣлицъ для этихъ конкуррентовъ? Шляхта дѣлаетъ свое дѣло: хватая подозрительныхъ, она охраняетъ страну свою и себя; кто боится шляхты, тотъ уже самъ пересталъ быть шляхтичемъ и полякомъ». Но Кублицкій доказывалъ, напротивъ, что коммиссія—мѣсто полицейское,

неправильно присвоила себѣ судебную власть; довольно будетъ, если, поймавши подозрительнаго человѣка, она отошлетъ его въ гродскій судъ. За Кублицкимъ въ такомъ же смыслѣ говорили гнѣзненскіе послы, и большинство Избы согласилось съ ними. Волынскій посолъ Стройновскій упросилъ Избу, чтобъ, запретивши коммиссіямъ судить на будущее время, не ставить имъ въ преступленіе прежняго присвоенія судебной власти.

Относительно отвѣта на ноту Штакельберга порѣшили прежде сообщить объ этой нотѣ прусскому двору и спросить его совѣта, а потомъ уже отвѣчать русскому посланнику.

Въ это время пришли новыя угрожающія вѣсти изъ Слуцка. Нѣкто Гротусъ, писарь табачной таможни въ Слуцкѣ, писалъ къ пану Выковскому контролеру, что дизунитскій епископъ Викторъ Садковскій созывалъ схизматическихъ поповъ, приводилъ ихъ къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ и возбуждалъ ихъ къ мятежу. Другое донесеніе оттуда же сообщало діалогъ, происходившій между евреемъ и русскимъ хлопомъ. «Правда ли, —спрашивалъ еврей,—что въ вашей божницѣ присягали на вѣрность императрицѣ?»—«Да,—отвѣчалъ хлопъ,— мы присягали передъ попами, а попы передъ епископомъ, въ Слуцкѣ».—«А есть у васъ на готовѣ оружіе?» спросилъ еврей.—«Пойдемъ всѣ съ чѣмъ попало,— отвѣчалъ хлопъ,—кто съ косою, кто со списомъ, кто съ ружьемъ». —«А когда же начнется вашъ бунтъ?»—«Если не на пасху, то въ маѣ», отвѣчалъ хлопъ.

Все это была выдумка. Никакой присяги не происходило; Садковскій, напротивъ, по приказанію своего правительства, внушалъ своей паствѣ повиновеніе королю и Рѣчи-Посполитой. Это видно изъ тѣхъ же самыхъ бумагъ, которыя были собраны для его обвиненія. Но на сеймѣ, безъ всякой критики, признали полученныя донесенія

вполнѣ заслуживающими вѣроятія. «И мнѣ,— говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга, — писалъ воевода виленскій Радзивиллъ, что русскій епископъ—главный зачинщикъ бунтовъ». Тогда Суходольскій предложилъ арестовать православнаго архіерея. Того же потребовалъ инфлянтскій посолъ Вейсенгофъ, и вся Изба согласилась на эту мѣру.

Отъ 18 апрѣля выданъ былъ универсалъ. «Король и конфедерованные чины Рѣчи-Посполитой,—было въ немъ сказано,—не могутъ хладнокровно смотрѣть на поведеніе схизматическихъ поповъ, которые проникаютъ въ Польшу, а равно и тѣхъ, которые подъ видомъ маркитантовъ, извощиковъ, филипоновъ, чумаковъ, пробираясь въ государство наше, подущаютъ польскихъ хлоповъ схизматической религіи къ бунту противъ католическаго дворянства, что несомнѣнно доказано военными рапортами и слѣдствіями, произведенными въ судахъ». Всѣмъ такимъ иностранцамъ, уличеннымъ, по рапортамъ военныхъ и судебныхъ властей, въ намѣреніяхъ возмущать народъ, велѣно въ теченіи двухъ недѣль оставить Польшу, а тѣ, которые не послушаются этого приказанія, должны быть арестованы, отправлены въ крѣпость и примѣрно наказаны. Далѣе въ томъ же универсалѣ говорилось: «Такъ какъ дошло до нашего свѣдѣнія, что схизматическіе попы, имѣющіе постоянное жительство въ Польшѣ, до сихъ поръ не присягнули на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой и осмѣливаются молиться за иноземную власть, отвращая этимъ схизматическій народъ отъ вѣрности, покорности и повиновенія, то предписывается всѣмъ духовнымъ схизматической религіи, жительствующимъ въ Польшѣ и желающимъ пользоваться выгодами, сопряженными съ ихъ должностями, въ продолженіи двухъ недѣль, присягнуть на вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой, и отнюдь не упоминать въ своихъ молитвахъ иноземныхъ властей, а молиться за короля и за польскую Рѣчь-Посполитую.

Кто же станетъ поступать вопреки этому повелѣнію, тотъ лишится своего мѣста и долженъ будетъ оставить Польшу». Печатные экземпляры этого универсала разосланы по всѣмъ правительственнымъ и судебнымъ мѣстамъ, а священникамъ велѣно ихъ читать въ церквахъ. Въ южнорусскій край отправлено войско для усиленія милиціи.

Посланникъ Рѣчи-Посполитой въ С.-Петербургѣ, Деболи, получилъ въ маѣ порученіе подать россійскому двору ноту; тамъ излагалось, что злонамѣренные люди восточной вѣры поджигаютъ хлоповъ къ бунту, сорятъ деньгами, и увѣряютъ грубый, необразованный и склонный къ ослѣпленію народъ, что приходъ русскаго войска будетъ для нихъ сигналомъ всеобщаго возстанія. Поэтому Рѣчь-Посполитая просила государыню, чтобы она приказала своимъ войскамъ, когда они будутъ идти на войну противъ Турціи, обходить владѣнія Рѣчи-Посполитой, а въ случаѣ крайности, чтобъ войско входило не иначе, какъ отрядами не болѣе какъ въ пятьсотъ человѣкъ; каждый отрядъ могъ бы входить только по выходѣ другого и проходилъ бы черезъ владѣнія польскія въ сопровожденіи коммиссара, да чтобъ согласно съ этимъ каждый разъ, когда придется такому отряду проходить, россійскій посланникъ испрашивалъ бы дозволенія, сообщая при этомъ: какіе именно офицеры будутъ находиться при отрядѣ и сколько дней такой отрядъ будетъ проходить; сверхъ того, чтобъ такіе отряды шли не иначе, какъ по одному указанному пути; вслѣдъ за тѣмъ, военные магазины должны быть снесены, а впередъ для закупки припасовъ, могутъ существовать подрядные магазины. Эти требованія въ нотѣ, представленной Деболи, составлены были поляками, такъ сказать, подъ диктовку прусскаго министра [1]). Депу-

[1]) Нота прусскаго министра въ отвѣтъ на ноту, отъ имени сейма, поданную Чарторыскимъ, написана была такъ: „Его величество король прусскій, дружественно принимая къ сердцу судьбу Рѣчи-Посполитой,

тація иностранныхъ дѣлъ отправляла къ прусскому королю ноту съ перечнемъ донесеній изъ южно-русскаго края, свидѣтельствовавшихъ о грозившей опасности бунтовъ, возбуждаемыхъ тайно Россіею. Берлинскій кабинетъ призналъ эти донесенія неосновательными и нестоющими большого вниманія, но далъ совѣтъ, ради осторожности подать императрицѣ требованія относительно прохода ея войскъ черезъ польскія владѣнія. По такому совѣту и подалъ ноту уполномоченный Рѣчи-Посполитой, Деболи,

---

сосѣдней дружественной державы, съ соболѣзнованіемъ узналъ, что чины означенной Рѣчи-Посполитой встревожены нотою, которую послалъ имъ россійскій посланникъ отъ 6-го апрѣля, по поводу прохода россійскихъ войскъ чрезъ польскія земли, вмѣстѣ съ тѣмъ поражены явными признаками возмущенія крестьянъ греческой религіи, которое легко можетъ вспыхнуть, по поводу прохожденія россійскихъ войскъ.

„Съ чувствомъ принявъ это сообщеніе и довѣріе, которое оказываютъ ему чины Рѣчи-Посполитой, желая его совѣта и его мнѣнія въ такомъ критическомъ положеніи дѣлъ, его величество не колеблется изложить свои мысли съ искренностью и откровенностью, какъ всегда считаетъ своею обязанностію поступать.

„Е. В. король прусскій убѣжденъ, что почтенный польскій народъ можетъ съ увѣренностію уповать на доброжелательство и великодушіе россійской императрицы, что эта великая государыня не захочетъ учинить или дозволить произойти чему-нибудь такому, что могло бы нанести разореніе и бѣдствія государству свободному, дружелюбному и находящемуся въ мирѣ съ Россіею: пребываніе и постоянный неограниченный переходъ россійскихъ войскъ черезъ польскія земли, равно какъ и договоръ, который предлагалъ въ этихъ видахъ г. россійскій посланникъ, могли бы произвести неудобства: именно, чрезъ это какъ бы нарушалась независимость и нейтральность Рѣчи-Посполитой, Оттоманская Порта имѣла бы поводъ желать такой же льготы для своихъ войскъ, отсюда произошли бы отягощенія тѣмъ провинціямъ польскимъ, черезъ которыя проходили бы воюющія войска, и чрезъ то, наконецъ, поддерживался бы духъ мятежа у крестьянъ греческой религіи, живущихъ въ Польшѣ.

„Его величество прусскій король полагаетъ, что можно будетъ обоюдно удалить эти неудобства и вредныя послѣдствія, если Рѣчь-Посполитая обратится къ ея величеству россійской императрицѣ съ

русскому вицеканцлеру. Остерманъ прочиталъ ее хладнокровно и сказалъ: «безъ провода нашихъ войскъ черезъ польскія владѣнія обойтись мы не можемъ; запрещать намъ проходъ черезъ земли Рѣчи-Посполитой, все равно что запрещать намъ вести войну съ турками. Вы боитесь прусскаго короля напрасно; если бъ вы были съ нами за одно, то боялся бы онъ васъ, а не вы его. Если вы не будете съ нами въ-ладахъ, то слѣдствіемъ этого будетъ то, что выйдетъ въ свѣтъ второй томъ раздѣла Польши!»

полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ къ ея великодушію, будетъ просить ее избавить польскій народъ отъ опасностей и отягощеній по поводу безпрестаннаго перехода войскъ, избравъ для этого нѣсколько окольный путь; если же случится неизбѣжная необходимость провести нѣкоторыя россійскія войска черезъ Польшу, то чтобъ они проходили малыми командами, и всякій разъ о томъ предваряла ихъ просьба россійскаго посланника, а равно, чтобъ императрица дозволила сопровождать россійскія войска коммиссарамъ Рѣчи-Посполитой, какъ это дѣлается въ областяхъ нѣмецкой имперіи даже и по отношенію къ имперскимъ войскамъ: наконецъ, предложить, чтобы россійскій дворъ отнюдь не устроивалъ новыхъ магазиновъ въ Польшѣ, тѣ же, которые уже устроены, должны оставаться подъ надзоромъ нѣсколькихъ коммиссаровъ и небольшого числа людей, вооруженныхъ особеннымъ образомъ, и Рѣчь-Посполитая могла бы охранять эту страну и магазины своими войсками. Такія мѣры предосторожности были бы достаточны для показанія и установленія нейтральности и независимости Рѣчи-Посполитой, для уменьшенія неудобствъ, происходящихъ отъ устройства магазиновъ и отъ перехода россійскихъ войскъ; вмѣстѣ съ тѣмъ россійскому двору даны будутъ доказательства истиннаго вниманія и доброжелательства Рѣчи-Посполитой къ россійскимъ интересамъ, съ желаніемъ совмѣстить ихъ съ благомъ Рѣчи-Посполитой. Его величество король льститъ себя надеждою, что если чины Рѣчи-Посполитой поручатъ сдѣлать россійской императрицѣ такого рода предложенія, то пресвѣтлѣйшая государыня приметъ ихъ съ тѣмъ великодушіемъ, котораго она уже дала доводы, а его величество король равнымъ образомъ готовъ предложить ихъ россійскому двору и поддерживать ихъ согласно его желанію охранять спокойствіе и благосостояніе польскаго королевства".

Отправляя ноту въ Петербургъ къ Деболи, польская Депутація иностранныхъ дѣлъ хотѣла узнать, на сколько можно полагать надежду на помощь союзниковъ, если дойдетъ дѣло до разрыва съ Россіею и пригласила на совѣщаніе Люккезини, а разомъ съ нимъ англійскаго уполномоченнаго Гэльса. Послѣдній сдѣлалъ довольно рѣзкое заявленіе: «если вы, господа,—сказалъ онъ:— не станете слушать нашихъ совѣтовъ, и сами найдете поводы довести ваши недоразумѣнія съ Россіею до открытой вражды, то будьте увѣрены, что въ такомъ случаѣ не получите отъ насъ помощи». Люккезини выражался любезнѣе: «конечно, вамъ теперь приходится уладить свое дѣло дружелюбно съ Россіею, но если, принявши условія, она ихъ соблюдать не станетъ, тогда король прусскій будетъ себя считать обязаннымъ стать за Рѣчь-Посполитую!» Такіе отзывы не по сердцу пришлись польскимъ патріотамъ.

Между тѣмъ новыя вѣсти изъ русскихъ земель съ каждою почтою продолжали еще нѣсколько времени пугать сеймъ. Прислали списокъ триста семидесяти особъ заговорщиковъ, съ обозначеніемъ, сколько ихъ въ какомъ селѣ, нѣкоторыхъ означали по именамъ и указали даже сколько каждый изъ нихъ взялъ денегъ отъ Россіи. Назначали даже генеральнаго коменданта этого вымышленнаго заговора: то былъ какой-то попъ Карповецкій. Важнѣйшими заправщиками числились: попъ въ Алибкахъ съ какимъ-то Милютою, взявшіе двѣ тысячи злотыхъ на пятьсотъ человѣкъ, Василько Кушнировскій въ селѣ Кушнировкѣ, взявшій пять тысячъ злотыхъ на двѣ тысячи человѣкъ, попы въ Чаданцахъ и Рощѣ (w Roszczu), взявшіе первый три тысячи злотыхъ на 300 человѣкъ, второй тысячу злотыхъ на двѣсти человѣкъ, Шлецюхъ въ селѣ Базасіи, взявшій шесть тысячъ злотыхъ на четыре тысячи человѣкъ, Яцко Швецъ съ братомъ въ селѣ Писановкѣ, взявшій двѣсти злотыхъ на шесть-сотъ человѣкъ

и т. д. Пинскій посолъ Бутримовичъ читалъ на сеймѣ вѣсти, которыя присылали ему земляки. Разсказывали, что передъ пасхою схизматики сходились ночью въ церквахъ для своего богослуженія (ktòre się u nich nazywa Wsionoczna) и тамъ попы читали имъ письма отъ царицы, побуждающія рѣзать католиковъ и жидовъ; что пинскій игуменъ, прочитавши на такомъ богослуженіи подобное письмо, зазвалъ первѣйшихъ схизматиковъ къ себѣ и показалъ имъ орудія для рѣзни, привезенныя маркитантами и попами; въ городѣ Пинскѣ схватили двухъ москалей-маркитантовъ, продававшихъ десятка два-три ножей, эти ножи были обыкновенные, какіе употребляются въ хозяйствѣ, но ясно казалось, что москали привезли ихъ для рѣзни, потому что, пріѣхавши въ польскій край подъ предлогомъ торговли, не показали ихъ на таможнѣ особенно, а они прошли заурядъ съ другимъ мелочнымъ товаромъ. Давая вѣру всему этому, Бутримовичъ горовилъ: «Послѣ такихъ извѣстій, полученныхъ изъ моего края, обильнаго лѣсами, неприступными болотами, представляющими пріютъ для злодѣевъ и наполненнаго *дизуніею*, я требую и прошу наияснѣйшихъ чиновъ, чтобы безопасность нашего повѣта была ограждена не только войскомъ, но также скорѣйшею карою преступниковъ, осмотромъ оружія въ монастыряхъ и церквахъ, и отысканіемъ читаннаго попами писанія!» Красинскій подалъ проектъ не пускать схизматиковъ въ Кіевъ для поклоненія печерскимъ чудотворцамъ, но Чарторыскій отклонилъ этотъ проектъ. «Ихъ раздраженный фанатизмъ,—говорилъ онъ,—можетъ стать причиною большихъ мятежей и раздоровъ». За то было принято предложеніе Суходольскаго: онъ, подъ видомъ человѣколюбія, далъ мысль прощать тѣхъ, которые, обвинивъ самихъ себя и указавъ на тѣхъ, кто ихъ подущалъ, сами отступились отъ злого предпріятія. Его поддержалъ Станиславъ Потоцкій. «Я,—говоритъ послѣдній,—былъ недавно

въ Дубно и видѣлъ, какъ тамъ казнили смертію нѣсколько десятковъ разомъ, а по правдѣ семерыхъ изъ нихъ слѣдовало бы успокоить только тѣлеснымъ наказаніемъ». Средство, одобренное по проекту Суходольскаго, было ужасно: оно развязывало мѣстнымъ судамъ руки; поймавъ какого-нибудь несчастнаго попа или хлопа, объявляли ему, что онъ будетъ помилованъ, если сознается и на другихъ покажетъ; само собою разумѣется, что пойманный искушался, ради собственнаго спасенія, клеветать на другихъ. Самъ сеймъ ободрилъ къ этому не только постановленіемъ, но и примѣромъ, наградивъ попа Лукаевича деньгами, медалью и грамотою отъ имени сейма. По такимъ ободреніямъ, въ Луцкѣ Глодовскій, священникъ села Хорупани, налгалъ и на себя и на другихъ, будто онъ видалъ у другого попа консисторскій указъ объ избіеніи ляховъ. По этому дѣлу арестовали одного члена консисторіи, а затѣмъ происходили казни и варварскія истязанія. Еще болѣе надѣлалъ зла на Подоли Кирилло Пундикъ: отъявленный мошенникъ, приговоренный къ наказанію за воровство, онъ, для избавленія себя отъ наказанія, взялся оговаривать русскій людъ. Множество священниковъ и еще болѣе крестьянъ было, по его указанію, схвачено. Расправа для нихъ была въ Кременцѣ. Ихъ сажали въ тюрьмы, на ночь замыкали нѣсколько человѣкъ въ одну общую колоду, такъ-что имъ нельзя было повернуться, и всю ночь они должны были лежать на одномъ боку. Кормили ихъ самою скверною пищею, и отъ этого иные заболѣли и померли; нестерпимый смрадъ отъ нечистотъ, при большомъ накопленіи народа, душилъ ихъ; умываться имъ не давали и чужеядныя насѣкомыя покрывали не только людей, но землю и стѣны тюрьмы. Въ такомъ положеніи совершенно невинные страдали многіе мѣсяцы, и когда, наконецъ, прочитывался имъ приговоръ, то тѣ, которыхъ ожидала казнь, слушали это съ истинною радостію; другіе

осуждались на работу въ каменецкой крѣпости на нѣсколько лѣтъ. По какимъ поводамъ брали людей и сажали въ такого рода тюрьмы, можно видѣть изъ слѣдующаго приключенія. Въ село Кончу прибылъ какой-то перехожій цыганъ-кузнецъ, и, какъ водится, разбилъ себѣ шатеръ и устроилъ въ немъ кузницу, куда приходили къ нему жители для поправки своихъ домашнихъ орудій. Священникъ того села, въ числѣ другихъ, носилъ ему свои вещи, а между ними, два ножа. Пришелъ къ цыгану, послѣ того, жолнѣръ и заказывалъ себѣ ножъ. Малолѣтная дочь цыгана сказала, что ея отецъ сдѣлалъ хорошій ножъ священнику. Жолнѣръ сейчасъ донесъ; схватили священника, нѣсколькихъ крестьянъ, которые заказывали себѣ у цыгана работу; самого кузнеца и всѣхъ продержали въ смрадной тюрьмѣ нѣсколько недѣль.

Кромѣ неправеднаго суда, русскіе люди терпѣли повсюду и отъ неудержимаго произвола поляковъ и евреевъ. Въ одномъ селѣ, напримѣръ, проѣзжали украинцы, продавшіе свое сало и ворочавшіеся домой. Заѣхали они въ жидовскую корчму, спросили водки и тарелку, на которой хотѣли разрѣзать оселедця (селедку). Еврей не далъ имъ тарелки и еще обругалъ ихъ. Тогда украинецъ указалъ на столъ своему товарищу и сказалъ: отъ ту рiжъ! (вотъ здѣсь рѣжь!) Еврей заоралъ во все горло; сбѣжались его соотечественники; корчмарь кричалъ, что хлопы хотѣли рѣзать жидовъ. Хлоповъ связали, повели къ эконому, а тотъ влѣпилъ каждому по пятидесяти батоговъ. Онъ былъ, однако, изъ милосердыхъ, потому что, по крайней мѣрѣ, не отправилъ ихъ въ городъ, гдѣ бы имъ пришлось протомиться въ тюрьмѣ и можетъ быть даже пойти на висѣлицу; правилъ твердыхъ не было, кого выпустить, кого повѣсить—все зависѣло отъ расположенія духа и отъ того, не замѣшивалась-ли тутъ личная вражда. Если кто съ кѣмъ поссорился и хотѣлъ почувствительнѣе насолить вра-

гу, если кто хотѣлъ кого ограбить — оговоръ въ бунтѣ былъ лучшее средство. У священника яблонецкаго, на Волыни, по фамиліи Бубаловича, панъ Богуцкій отнялъ церковныя земли, но по приговору епископскаго суда долженъ былъ возвратить захваченное. Богуцкій оговорилъ священника. Нужны были свидѣтели, чтобъ подтвердить доносъ. Богуцкій пригласилъ къ себѣ пономаря Кабасюка, прочиталъ ему пункты обвиненія и требовалъ, чтобъ Кабасюкъ лжесвидѣтельствовалъ противъ попа. Кабасюкъ сперва отказался, а потомъ согласился, послѣ того какъ Богуцкій завалилъ ему триста розогъ, и объявилъ, что засѣчетъ его до смерти, если онъ не станетъ свидѣтелемъ на попа. Потомъ созвали изъ сосѣднихъ селъ человѣкъ двѣнадцать крестьянъ, прочитали имъ обвинительные пункты на попа; Кабасюкъ подтвердилъ ихъ, и мужики поставлены были свидѣтелями, быть можетъ, сами не зная въ чемъ дѣло; священникъ просидѣлъ двѣнадцать лѣтъ въ тюрьмѣ, а его дворъ, имущество забралъ Богуцкій, и въ добавокъ его попадью жестоко высѣкли розгами.

Привыкши поступать по настроенію духа въ данную минуту, самые добродушные паны дѣлали варварство. Такъ одинъ изъ волынскихъ пановъ, ротмистръ народовой кавалеріи, Пулавскій, заступался за священниковъ въ судѣ, когда ясно видѣлъ, что они невинны, а въ Корцѣ, подгулявши, приказалъ къ себѣ доставить благочиннаго и его викарія, приложилъ благочинному къ груди пистолетъ и спрашивалъ: «когда у тебя въ приходѣ начнется рѣзня?» Священникъ отвѣчалъ: «на русское духовенство говорятъ напраслину». — «Бросить ихъ въ прудъ!» закричалъ Пулавскій. Панское приказаніе хотѣли исполнить, какъ вдругъ Пулавскій одумался и ограничился тѣмъ, что приказалъ отсчитать блогочинному пятьдесятъ, а викарію тридцать ударовъ плашмя. На другой день, добросердечный Пулавскій, протрезвившись, пожалѣлъ о священникахъ и обѣ-

щалъ щедро наградить ихъ, какъ только сами они пожелаютъ.

Шляхта была въ непрерывномъ страхѣ, постоянно наготовѣ къ самооборонѣ; не сегодня—завтра, казалось ей, закипитъ народное возстаніе. По ея соображеніямъ, если схизматики не начали своего страшнаго дѣла на пасху, то, вѣроятно, начнутъ въ другой какой-нибудь праздникъ послѣ пасхи. Боялись — Ѳоминой недѣли, Преполовенія, Вознесенія... Грозные дни проходили; опасеніе не сбывалось; Троицынъ день казался страшнѣе... И этотъ праздникъ наступилъ; схизматики не брались за роковые ножи, спрятанные, какъ воображала себѣ шляхта, въ скирдахъ и погребахъ. Тогда распространилось, что схизматики поминаютъ царицу въ своихъ церквахъ: въ томъ удостовѣряли свидѣтели, слышавшіе это собственными ушами. Шляхта вскипѣла негодованіемъ; казалось, мало висѣлицы для такихъ непокорныхъ, которые, несмотря на поднятую противъ себя грозу, ругались надъ властью и силою шляхетской республики. Но скоро объяснилось, что схизматики въ своихъ церквахъ поминали царицу не россійскую, а небесную, Матерь Божію [1]). Послѣ Троицына дня, шляхта соображала, что вѣрно возстаніе отложено до Петрова дня. Но и этотъ праздникъ прошелъ. Тогда тревога стала уменьшаться; шляхта успокоивалась; рѣже и рѣже стали хватать по подозрѣнію въ намѣреніи производить рѣзню. Офени и чумаки перестали появляться тамъ, гдѣ имъ грозила бѣда. Къ осени все затихло. Русскій народъ вошелъ опять въ обычную колею терпѣливаго рабства.

Увѣренность въ томъ, что россійская императрица подущаетъ, чрезъ своихъ москалей, хлоповъ къ бунту и хо-

---

[1]) Вѣроятно, этому подало поводъ пѣніе на Троицынъ день девятой пѣсни канона пятидесятницы: Радуйся, царице, матеродѣвственная славо!

четъ произвести рѣзню, была до того велика, что если бы кто и думалъ иначе, то не смѣлъ заявить объ этомъ гласно, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія въ измѣнѣ шляхетскому дѣлу. Только Щенсный Потоцкій не побоялся высказывать правду. Подкомандные донесли ему, какъ генералу артиллеріи, что московскихъ *звощиковъ* въ Украинѣ стало больше чѣмъ воловъ, и просили дать приказаніе ловить и выгонять за границу этихъ схизматиковъ. Онъ отвѣчалъ: «Не мудрено, что ихъ много: на воловъ былъ падежъ, а на людей мора не было. Нельзя выгонять людей какой бы то ни было религіи: это причинило бы стыдъ нашему правительству; я не вижу въ этомъ обстоятельствѣ никакой опасности для нашего края. Знаю: распространяютъ слухи, будто Москва подстрекаетъ къ бунту нашихъ хлоповъ. Эти выдумки достойны презрѣнія и надобно убѣждать обывателей въ томъ, что все это ложь».

Сеймъ, въ большинствѣ увѣренный въ томъ, что слухи о предстоящемъ бунтѣ основательны, вознегодовалъ на Щенснаго Потоцкаго. Суходольскій ставилъ ему въ вину и то, что онъ вѣжливо и дружелюбно сносился съ россійскими командирами, и называлъ такіе поступки заговоромъ противъ отечества, достойнымъ кары. Щенсный взялъ отставку отъ должности генерала артиллеріи. Замѣчательно, что на сеймѣ заступался за него человѣкъ совершенно противной партіи, Игнатій Потоцкій, который вообще, во время толковъ, происходившихъ въ Избѣ о рѣзнѣ, почти не касался этого предмета. Впослѣдствіи, большинство поляковъ думало объ этомъ заговорѣ также, какъ и Щенсный Потоцкій.

Не было никакихъ существенныхъ признаковъ несомнѣнной опасности, тѣмъ не менѣе, однако, нельзя сказать, чтобъ страхъ поляковъ былъ лишенъ всякаго основанія. Если южнорусскій народъ учинилъ рѣзню въ 1768 г., то могъ сдѣлать тоже въ 1789 г. Преслѣдуя православ-

ную вѣру, предавая ее самому крайнему поруганію, поставивши себѣ задачею искоренить ее въ своихъ областяхъ, какъ гибельную заразу, поляки справедливо думали, что умноженіе православныхъ умножитъ число враговъ шляхетской республики. Православные должны будутъ, по единовѣрію, обращаться сердцемъ къ Россіи; кромѣ того, православіе поддерживало русскую народность: въ польскихъ областяхъ кто былъ православнымъ, тотъ уже тѣмъ самымъ былъ русскій. Было вполнѣ естественно русскому народу желать скорѣе присоединиться къ русскому православному государству, чѣмъ оставаться подъ властію чужою, котолической, гдѣ, притомъ, онъ на каждомъ шагу слышалъ, что его вѣра—собачья вѣра, гдѣ, сверхъ того, лишенный гражданскихъ правъ, порабощенный польскимъ и ополяченнымъ дворянствомъ, онъ не пользовался ничѣмъ такимъ, что бы его побуждало быть вѣрнымъ существующей власти. Возвращеніе къ православію пробуждало въ немъ и воспоминаніе борьбы за православіе; несмотря на свою безграмотность, онъ изъ пѣсенъ и преданій зналъ свою прошлую исторію настолько, чтобъ стремиться повторить то, что дѣлали дѣды, да и примѣровъ свѣжихъ, недавнихъ было не мало; еще многіе были живы изъ тѣхъ, которые видали Гонту и Залізняка; даже зять Гонты, сельскій священникъ, былъ тогда живъ. Новая коліивщина была вполнѣ желаніемъ народа, и если поляки не ускорили ее своими преслѣдованіями и казнями, если она не вспыхнула, то причины этому были таковы: во-первыхъ, тогда уже не было Запорожья, которое въ 1768 году дало починъ народному дѣлу и поставило для него вооруженный контингентъ, къ которому могли примыкать громады возставшихъ хлоповъ; во-вторыхъ, народъ не смѣлъ уже такъ необдуманно понадѣяться на помощь русской царицы, какъ это дѣлалось прежде: теперь нужно было уже ясно видѣть, что она не благопріятствуетъ воз-

танію; въ-третьихъ, за Днѣпромъ уже не было Гетманщины и народъ видѣлъ, что его единоземцы подъ властію Россіи также осуждены работать панамъ, а слѣдовательно, его не могла питать надежда, чтобъ царица освободила его отъ панской власти; въ-четвертыхъ, православное духовенство, исключая, можетъ быть, какихъ нибудь бродячихъ чернецовъ, вовсе не благословляло народа на кровавое дѣло и проповѣдывало ему терпѣніе. Архіерей Викторъ Садковскій болѣе всего давалъ ему миролюбивый тонъ, и ему много обязяны были поляки тѣмъ, что народъ, возвращаясь къ православію, не смѣлъ браться за ножи. Безъ этихъ счастливыхъ для поляковъ условій, народъ, безъ сомнѣнія, кинулся бы истреблять и выгонять изъ своей земли своихъ поработителей и передалъ бы, въ свое время, русскій край русской державѣ въ такомъ видѣ, что въ немъ, по выраженію народной пѣсни, не было бы уже *ни ляха, ни жида, ни уніи.*

И между тѣмъ однако, этого Садковскаго поляки считали величайшимъ врагомъ своимъ и главнымъ виновникомъ народнаго волненія. По приказанію сейма, его арестовали на дорогѣ. Офицеръ, который схватилъ его, въ своемъ рапортѣ донесъ, что при немъ найдена печатная книжка, гдѣ была напечатана форма присяги духовенства на вѣрность императрицѣ. «Можетъ ли быть, — говорилъ по этому поводу въ засѣданіи сейма Суходольскій,—бóльшаго доказательства его виновности? По его приказанію попы передъ пасхою исповѣдывали только такихъ, которые пригодны оказывались для рѣзни: стариковъ, женщинъ и дѣтей отгоняли прочь. По этимъ несомнѣннымъ доводамъ, Садковскій не можетъ пользоваться закономъ: neminem captivaibmus, будучи пойманъ на самомъ совершеніи преступленія». Между тѣмъ, найденная при Садковскомъ печатная книжка была не болѣе, какъ книга, изданная въ Россіи, и заключавшаяся въ ней форма присяги на вѣрность императрицѣ не считалась обязательною для па-

ствы Садковскаго, тѣмъ болѣе, когда ему самому российское правительство уже велѣло присягнуть на вѣрность Рѣчи-Посполитой. Но большинство Избы раздѣляло сужденіе Суходольскаго. Преосвященнаго Виктора Садковскаго сначала привезли въ Несвижъ, въ оковахъ; отсюда онъ написалъ окружное посланіе къ своей паствѣ о вѣрности королю и Рѣчи-Посполитой, приказывалъ молиться за короля и за благополучное окончаніе трудовъ сейма, завѣщалъ народу не только поступками, но даже и словами не оказывать противности правительству и своимъ панамъ, угрожалъ, въ противномъ случаѣ, церковною клятвою и вѣчною мукою въ будущей жизни. «Во время нашего посѣщенія Украины,—было сказано въ этомъ посланіи,—и по возвращеніи въ Слуцкъ, мы неоднократно обращали къ своей паствѣ наказанія и напоминовенія сохранять вѣрность королю и Рѣчи-Посполитой и повиноваться панамъ и владѣльцамъ своимъ, исполнять свою обязанность, не допускать къ себѣ мысли о сопротивленіи, а наипаче о мятежѣ, нарушающемъ общественное спокойствіе».

Это не защитило православнаго архіерея. Его привезли въ Варшаву и засадили въ пороховомъ складѣ (w prochowni), съ нимъ были: игуменъ Кипріанъ, слуцкій протопопъ, нѣсколько священниковъ, два дьячка и пѣвчіе. Нарядили депутацію для изслѣдованія дѣла объ обвиненіи въ бунтѣ, подъ предсѣдательствомъ маршаловъ сейма [1]).

---

[1]) Членами были сенаторы: луцкій епископъ Турскій, каштеляны Пражмовскій и Фелкерзамбъ, и послы, числомъ двѣнадцать, по четыре изъ каждой провинціи: малопольской (Кохановскій, Залѣскій, Длускій и Страшковскій), великопольской (Рожновскій, Тымовскій, Маловѣйскій и Шимановскій), литовской (Грабовскій, Берновичъ, Залѣскій и Бутримовичъ). Черезъ годъ, въ 1790 г., они представили два напечатанныхъ томика своей реляціи, съ приложеніемъ актовъ, найденныхъ у Садковскаго: изъ этихъ книгъ, при всемъ стараніи натянуть дѣло во вредъ православному владыкѣ, онъ вполнѣ оказывается невиннымъ предъ судомъ исторіи.

Когда православнымъ священникамъ велѣли присягнуть, нѣкоторые воспротивились и спасали себя бѣгствомъ. Завися, по прежнему порядку, отъ россійскаго синода, они находили затруднительнымъ, сообразно приказанію сейма, не молиться за власти, находившіяся за предѣлами Рѣчи-Посполитой, когда въ Россіи находилось ихъ духовное начальство, а въ Польшѣ, его не было вовсе. Такъ поступилъ, между другими, виленскій игуменъ Варлаамъ Шишацкій, тотъ самый, который, впослѣдствіи, будучи могилевскимъ архіепископомъ, молился за Наполеона въ 1812 году и за это былъ лишенъ сана. Въ 1789 г. онъ убѣжалъ въ Россію. Также убѣжалъ изъ Украины протопопъ Левандовскій, котораго приказано было схватить и привезти въ Варшаву. Игуменъ Медвѣдовскаго монастыря не успѣлъ убѣжать и былъ доставленъ въ столицу въ кандалахъ.

Такой образъ дѣйствій поляковъ, казалось, клонился къ тому, чтобъ раздражить русскую государыню и вызвать ее на рѣзкія заявленія. Въ противность тому, 4 іюня, Штакельбергъ подалъ сейму ноту, гдѣ извѣщалъ, что, сообразно желанію Рѣчи-Посполитой, императрица приказала своему фельдмаршалу распорядиться о перевозѣ своихъ магазиновъ на лѣвый берегъ Днѣпра, а впередъ доставка провіанта и военныхъ принадлежностей къ войску, воюющему въ Турціи, будетъ происходить иными путями, минуя территоріи Рѣчи-Посполитой. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлялось желаніе, чтобы подданные Рѣчи-Посполитой дружественно помогли скорѣе и удобнѣе вывезти эти магазины изъ предѣловъ польскихъ.

Австрійскій уполномоченный при петербургскомъ дворѣ, Кобенцель, сообщилъ отъ Кауница, что перехвачена депеша прусскаго главнаго министра Герцберга къ прусскому уполномоченному въ Константинополѣ, Дитцу. Изъ ней видно было, что прусскій король ищетъ только повода,

чтобъ имѣть возможность начать войну противъ императорскихъ дворовъ и объ этомъ велѣлъ сообщить визирю. Этотъ поводъ онъ скоро надѣется найти въ Польшѣ. Императрица, получивши такое предостереженіе, сочла за лучшее обходиться съ поляками кротко и уступчиво на время, пока не окончится турецкая война.

V.

Виды Россіи.—Процессъ Понинскаго.—Его побѣгъ.—Конституціонная депутація.—Исканіе финансовыхъ средствъ.—Просьба городовъ [1]).

Уступчивость Екатерины закружила головы полякамъ. Патріоты стали выводить, что Рѣчь-Посполитая достигла такого состоянія, когда можетъ заставить себя уважать. Нѣкоторые разсуждали, что этимъ Польша обязана не Пруссіи: прусское ходатайство передъ петербургскимъ дворомъ было слабое; сама Польша, сама своею энергіею, своею блестящею героическою рѣшимостью заставила смириться коварнаго врага, который рылъ подъ нею яму. На самомъ дѣлѣ уступчивость Россіи соединялась съ ея дальновидною политикою. Занятая войною съ Турціею, Россія уступала пока Польшѣ, чтобы избѣгать столкновеній съ европейскими дворами, при увѣренности, что Польша, при всемъ желаніи, не въ силахъ причинить ей зла. Поляки воображали, что ихъ уважаютъ и боятся, а на самомъ дѣлѣ Екатерина разсчитывала тогда уже, что предоставленные самимъ себѣ, поляки будутъ шумѣть, составлять проекты, спорить, ничего не сдѣлаютъ и въ концѣ концовъ передерутся; какая нибудь партія непремѣнно обратится къ Россіи: тогда можно будетъ вмѣшаться въ

---

[1]) См. Источ. №№ 21, 15, 18, 47. Проток. сейма хран. въ Лит. Метр.

ихъ дѣла законнымъ и благовиднымъ образомъ и взять ихъ въ руки такъ крѣпко, какъ они еще не были; противиться же ихъ реформамъ при настоящихъ обстоятельствахъ значило побудить ихъ отдаться преждевременно въ руки прусскаго короля и поставить Россію въ явно враждебныя отношенія къ Пруссіи, а это Россіи было вовсе некстати до окончанія войны.

Продажность государственныхъ людей въ Польшѣ была постояннымъ предметомъ обличенія и смѣлыхъ рѣчей. «Въ Польшѣ,—говорилъ посолъ Суходольскій,—до того вошло въ обычай брать заграничные пенсіоны, что ихъ помѣщали даже въ завѣщаніяхъ. Да постигнетъ суровое наказаніе тѣхъ, которые говорятъ: «пусть Рѣчь-Посполитая на насъ гнѣвается, а мы будемъ брать гдѣ даютъ и когда даютъ». Послѣ такихъ обличительныхъ выходокъ, членовъ Депутаціи иностранныхъ дѣлъ обязывали произнести присягу, что они не брали и не будутъ брать пенсіоновъ отъ иностранныхъ дворовъ. «Довольно будетъ,—сказалъ по этому поводу плоцкій епископъ Шембекъ,—если они присягнутъ, что не будутъ брать: зачѣмъ же имъ присягать, что не брали?» Онъ зналъ, что иные дозволяли себѣ это прежде.

Тогда, разсердившись на пенсіоны, накинулись на Понинскаго, бывшаго маршалкомъ сейма 1772—1775 годовъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ, въ тѣ времена получая отъ Россіи пенсіонъ, обязался дѣйствовать ко вреду Рѣчи-Посполитой, подъ страхомъ русскаго войска принудилъ избрать себя посломъ противно желанію другихъ пословъ, потомъ заставилъ избрать себя маршаломъ, превратилъ обыкновенный сеймъ въ конфедераціонный, установилъ конфедераціонные суды, наполнилъ ихъ своими подручниками, принялъ званіе короннаго подскарбія и чрезъ то распоряжался казною, и, изъ угожденія иностраннымъ дворамъ, содѣйствовалъ отторженію отъ Польши ея земель. Пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ, Понин-

скій нажилъ огромное состояніе цѣнностію въ нѣсколько милліоновъ, зажилъ богато и роскошно, держалъ открытый столъ для званыхъ и незваныхъ, и черезъ то пріобрѣлъ у шляхетства чрезвычайное къ себѣ уваженіе, но патріоты не переставали клеймить его именемъ предателя. Но мотовство скоро оказало роковыя послѣдствія: мало по малу его состояніе истощилось и въ 1784 году имѣнія его были проданы съ публичнаго торга. Тогда потерпѣли многіе, которые прежде, надѣясь на неистощимость его богатствъ, повѣряли ему свои капиталы за проценты, и Понинскій нажилъ сразу много недоброжелателей. Однако, Понинскій, получая пособіе отъ русскаго посланника и надѣясь на покровительство русской императрицы, до сихъ поръ во время сейма предсѣдательствовалъ въ скарбовой коммиссіи, но когда раздались пламенныя рѣчи Суходольскаго и вооружили патріотовъ противъ продажности, вся злоба ихъ излилась на Понинскаго. Гетманъ Браницкій кричалъ противъ него и требовалъ правосудія, хотя самъ получилъ нѣкогда староства за услуги Россіи. Назначили особый сеймовый судъ. Членовъ его выбрали по жребію: жребій палъ между прочимъ на Браницкаго; такимъ образомъ, человѣка, котораго надобно было судить за то же, за что́ судили Понинскаго, сдѣлали его судьею. Предложили, предавъ суду, арестовать Понинскаго. Послѣднее казалось беззаконно, потому что по польскимъ законамъ дворянина нельзя было арестовать, не осудивши. Нарушеніе закона Neminem captivabimus предлагалось въ видѣ исключенія по чрезвычайной важности преступленія. Посолъ Морскій доказывалъ, что этотъ законъ имѣетъ цѣлью ограничивать произволъ короля, а сейма не долженъ стѣснять. На это возражали, что въ такомъ случаѣ нужно, чтобъ это произошло путемъ единогласія; говорившіе такъ знали, что это было трудно: за Понинскимъ были голоса на сеймѣ. Тогда враги его и обвинители, Суходольскій и Сухоржевскій, объявили, что

сами идутъ подъ арестъ и подвергнутъ себя наказанію, положенному клеветникамъ, если Понинскій по суду окажется невиннымъ. Выходка эта понравилась большинству, Понинскаго рѣшили арестовать, но содержать прилично его званію. Это уваженіе къ званію было поводомъ къ тому, что Понинскій содержался въ собственномъ домѣ, окруженный всѣми удобствами, даже принималъ посѣтителей. Такимъ образомъ онъ сидѣлъ до 2-го іюля, и тогда убѣжалъ. Вотъ какъ это случилось. У изголовья его постели былъ небольшой шкафъ, за которымъ находилась задѣланная дверь, выходившая въ пустую комнату. Понинскій спалъ въ комнатѣ одинъ, а передъ его спальнею находился караулившій его офицеръ. Слуги отмуровали дверь за шкафомъ, Понинскій сдѣлалъ изъ платковъ, полотенецъ и подушекъ чучело, придавши ему такой видъ, чтобы оно издали казалось закрытымъ человѣческимъ тѣломъ, надѣлъ на него колпакъ, закрылъ одѣяломъ, а самъ исчезъ въ продѣланную дверь. Офицеръ, по имени Напюрковскій, утромъ входилъ къ нему въ комнату освѣдомиться, спитъ ли онъ, потому что его объ этомъ кто-то спрашивалъ, увидалъ, какъ ему показалось, что Понинскій лежитъ подъ одѣяломъ и отошелъ прочь, но потомъ ему стало странно, что Понинскій такъ долго спитъ; онъ вошелъ снова въ спальню, два или три раза назвалъ его по имени, не получилъ отвѣта, открылъ одѣяло и понялъ, что узникъ ушелъ. Донесли сейму. Арестовали офицера и бывшихъ съ нимъ на караулѣ солдатъ. По приказанію сейма, войсковая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ гетмана Огинскаго, оповѣстила, что тотъ, кто схватитъ Понинскаго, получитъ награды тысячу червонцевъ.

Понинскій, выскочивъ изъ своего дома, сѣлъ въ наемную карету, которую для него приготовили заранѣе; съ нимъ сѣли его сынъ и дворецкій. Карета пріѣхала въ Прагу; тамъ бѣглецъ, съ своими товарищами, сѣлъ въ лодку.

Лодочника увѣрили, что тотъ, который нанималъ его, хочетъ догнать барку, отправленную въ Гданскъ и непремѣнно долженъ къ слѣдующей ночи достигнуть до Торуня. Это подало лодочнику подозрѣніе; передъ отплытіемъ, онъ сообщилъ о томъ своей женѣ. На другой день, когда по всѣмъ дорогамъ отправили погоню и объявили обѣщанную награду тысячу червонцевъ, жена лодочника смекнула, что ищутъ того, который нанялъ ея мужа, и объявила объ этомъ. Ей дали сорокъ червонцевъ и, такъ какъ жена лодочника объяснила, что бѣглецъ поплылъ до Торуня, то въ погоню на Торунь отправили капитана Рудницкаго съ командою на почтовыхъ лошадяхъ. Себѣ на бѣду, доплывая до Торуня, Понинскій захотѣлъ закусить, вошелъ въ какую-то хатку и послалъ слугу купить водки и закуски. Рудницкій попалъ на слугу, когда тотъ возвращался съ закускою. Слуга, вѣрный своему пану, сталъ-было выдумывать небылицы, но бывшіе тутъ пастухи указали ему на хатку, куда причалила лодка. Рудницкій бросился неожиданно на Понинскаго съ пистолетомъ въ рукѣ. Люди схватили бѣглеца. Рудницкій на почтовыхъ доставилъ Понинскаго въ столицу и, вмѣсто обѣщанныхъ тысячи червонцевъ, просилъ простить офицера Напюрковскаго. Говорили, будто послѣдняго напоили опіумомъ, и оттого онъ заснулъ.

Попытка бѣжать увеличила вину Понинскаго; его засадили въ зданіе казармъ коронной артиллеріи, подъ крѣпкимъ карауломъ: 9-го августа назначили надъ нимъ судную коммиссію. Понинскій хотѣлъ запутать въ дѣло другихъ и особенно Браницкаго, который, будучи соучастникомъ въ дѣйствіи Понинскаго, теперь чернилъ своего пріятеля. Братъ Понинскаго Калликстъ также явился обвинителемъ своего брата, будто изъ патріотизма; но кажется, для того, чтобы усложнить дѣло и привлечь къ нему болѣе прикосновенныхъ. Чѣмъ болѣе судная коммиссія раз-

бирала подробности, тѣмъ болѣе убѣждалась, что преступленіе Понинскаго раздѣляется многими. Нѣкоторые предлагали покрыть дѣло общею амнистіею; но Станиславъ Потоцкій доказывалъ, что это будетъ примѣромъ безнаказанности важнѣйшаго преступленія—государственной измѣны. Судная коммиссія устранила прикосновенныхъ отъ разбирательства дѣла и занялась судомъ исключительно надъ Понинскимъ, несмотря на ропотъ многихъ, которые справедливо указывали на неправильность такой постановки суда. Процессъ затянулся на годъ.

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ сейма 1789 года было назначеніе, 12-го сентября, конституціонной депутаціи, которая имѣла цѣлью составить проектъ уложенія правительства для Польши и представить его сейму. Она состояла изъ одиннадцати членовъ: пять были назначены королемъ [1]), а шесть выбраны сеймомъ [2]).

Во всемъ прочемъ было мало удачи. Поляки скоро сами увидѣли, что написаннаго на бумагѣ стотысячнаго войска нельзя было поставить на ноги; тѣ милліоны, которые казались достаточными для его содержанія, по дальнѣйшемъ соображеніи, не доставали бы для шестидесяти

---

[1]) Маршалъ литовскій Игнатій Потоцкій, каменецкій епископъ Красинскій, гетманъ литовскій Огинскій, под-канцлеръ литовскій Хребтовичъ, коронный подскарбій Коссовскій.

[2]) Послы: холмскій Суходольскій, познанскій Дзялынскій, иноврацлавскій Соколовскій, ливонскій Вейсенгофъ, и брацлавскіе: Мощенскій и Вавржецкій. Въ постановленіи объ учрежденіи этой депутаціи говорится: „Такъ какъ благосостояніе народа и слава его зависятъ отъ прочнаго правленія, а умноженіе войска и увеличеніе доходовъ безъ неизмѣнныхъ уставовъ и раздѣленіе власти магистратуръ и ихъ между собою связи могутъ сдѣлаться тяжелымъ бременемъ и нарушить внутреннее спокойствіе (которое обезпечить имѣемъ цѣлію), то мы, король, всегда въ соединеніи съ возлюбленнымъ народомъ, желая увѣнчать наши двадцатипятилѣтніе труды для отечества новыми заботами о его счастіи, вмѣстѣ съ конфедерованными чинами назначаемъ“ и пр.

тысячъ. Такимъ числомъ сеймъ думалъ было ограничиться, но и то было трудно поставить. Новые доходы далеко не достигали предполагаемыхъ цифръ и къ концу года, вмѣстѣ со старыми доходами, они могли достигнуть только до тридцати восьми милліоновъ злотыхъ. На эту сумму можно было содержать только сорокъ четыре тысячи, слѣдовательно менѣе половины того числа, которое предполагалось сначала. Много толковали о конницѣ въ войскѣ. Конница (kawalerya narodowa) была издавна любимымъ отдѣломъ войска у поляковъ. Въ нее вступали люди шляхетскаго происхожденія и назывались въ войскѣ товарищами; каждый прибывалъ съ рядовымъ (szeregowym) и служителемъ (luzakiem), и такимъ образомъ въ трехъ коняхъ. Всей кавалеріи число въ послѣднее время простиралось до 5500 ч. Гетманъ Браницкій подалъ проектъ увеличить его до 19800 ч., назначивъ въ каждой хоругви, на которыя дѣлилась конница, вмѣсто ста—стопятьдесятъ особъ. Такъ какъ это совпадало со вкусомъ польскаго шляхетства, то этотъ проектъ былъ принятъ, но небольшимъ перевѣсомъ голосовъ (120 противъ 51): оппозиція подозрѣвала, что Браницкій проводилъ его съ заднею цѣлью въ пользу Россіи, въ своихъ дальнихъ видахъ, по связи своей съ Потемкинымъ. Устройство войска зависѣло отъ войсковой коммиссіи, которая получала деньги отъ скарбовой и по этому поводу безпрестанно входила съ нею въ недоразумѣніе и должна была за разрѣшеніемъ ихъ обращаться къ сейму; это занимало цѣлыя сеймовыя засѣданія: такимъ образомъ, и въ снаряженіи войска происходила остановка, и время, драгоцѣнное для сейма, пропадало въ толкахъ о предметахъ второстепеннаго значенія.

Въ октябрѣ доложили сейму, что у солдатъ нѣтъ ни дровъ, ни свѣчъ, а у государства нѣтъ фондовъ для доставленія того въ Каменецкую крѣпость; арестанты буквально умирали отъ голода и отъ болѣзней, вслѣдствіе

дурного помѣщенія. По такому докладу сеймъ предписалъ немедленно скарбовой коммиссіи доставить въ войсковую нужныя средства; но скарбовая коммиссія не могла исполнить предписанія по недостатку денегъ. Умноженіе коннаго войска сначала очень понравилось въ краѣ шляхетству, и оно такъ бросилось на службу въ конницу, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ были полны въ своемъ комплектѣ всѣ хоругви, но поступившіе въ конницу только щеголяли другъ передъ другомъ своими конями да экипажами и мало упражнялись въ военной выправкѣ, и по старымъ обычаямъ такъ обращались съ мѣщанами и хлопами, что на нихъ стали со всѣхъ сторонъ приходить жалобы не только отъ простыхъ людей, но и отъ своей братьи, обывателей шляхетскаго званія. Наборъ войска вербунками представлялъ невыносимую тягость для народа, давалъ поводъ къ буйствамъ и безчинствамъ: вербовщики не смѣли вторгаться въ шляхетскія имѣнія и брать обывательскихъ хлоповъ, но за то они безъ церемоніи хватали ихъ по дорогамъ и городамъ, куда тѣ пріѣзжали для продажи, или покупки; паны давали своимъ крестьянамъ билеты, по которымъ вербовщики должны были знать, что это люди панскіе и брать ихъ не слѣдуетъ. Но и это не помогало: вербовщики иногда говорили, что не знаютъ панской руки. Между тѣмъ, новонабранные рекруты получали дурное содержаніе и разбѣгались, а потомъ безчинствовали и грабили жителей, сами военачальники жаловались, что набравши много рекрутъ не имѣютъ средствъ содержать ихъ и потому, потратившись на вербунку, должны ихъ распускать. Въ ноябрѣ войсковая коммиссія совсѣмъ прекратила рекрутовку по малости суммъ посылаемыхъ ей изъ скарбовой коммиссіи. Пинскій посолъ Бутримовичъ замѣтилъ, что рекрутовка не удается главнымъ образомъ отъ того, что нѣтъ правилъ, какъ паны должны поступать съ подданными и всякій налагаетъ на нихъ что хочетъ, и

сколько хочетъ. На это бецкій каштелянъ Зелинскій сказалъ: «Я бы стыдился имени поляка, еслибъ не зналъ навѣрное, что въ Польшѣ нѣтъ нигдѣ угнетеній надъ крестьянами и нигдѣ паны не налагаютъ на подданыхъ болѣе того, сколько нужно!» Чрезвычайный налогъ подъ именемъ вѣковаго патріотическаго пожертвованія не удавался; обыватели показывали доходовъ меньше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ и, вмѣсто десяти, платили до-трехъ и даже до двухъ процентовъ. Люстрація производилась фальшиво и лѣниво; посланные для собираній свѣденія о доходахъ люстраторы или сговаривались съ владѣльцами и получали отъ нихъ явно фальшивыя свѣдѣнія, или же вступали съ ними въ ссоры; владѣльцы жаловались на люстраторовъ, а люстраторы на владѣльцевъ и нужно было разбирать ихъ; въ такомъ случаѣ владѣльцы, въ ожиданіи рѣшенія спора, ничего не платили. Были староства, о которыхъ всѣ знали, что они даютъ до сорока тысячъ злотыхъ дохода, а старосты показывали только десять и притомъ подъ присягою. Въ присягѣ признавалась вся суть дѣла, но тогдашнее шляхетство легкомысленно относилось къ этому и не стѣснялось, ради спасенія своихъ злотыхъ, призывать всуе Божіе имя, а наказанія никакого за то не ожидали и, такимъ образомъ, всего налога этого рода было собрано едва шесть милліоновъ злотыхъ. Сеймъ назначилъ послѣдній срокъ для собранія вѣковаго пожертвованія 15-го декабря, но потомъ долженъ былъ отложить его до неопредѣленнаго времени. Оказывалось, что спасеніе отечества отъ грядущихъ бѣдъ, возведеніе Рѣчи-Посполитой на высокую степень могущества и благосостоянія, все о чемъ говорили сеймовые риторы, были предметы второстепеннаго значенія для обывателей, прозябавшихъ въ своихъ имѣніяхъ среди обычныхъ пировъ и сплетень. Были добровольныя патріотическія пожертвованія отъ дворянъ; такъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга подарилъ казнѣ 156,180 злот., которые ему слѣдовало получить за

сдѣланныя издержки по военной части въ качествѣ генерала литовской артиллеріи, заручившись сеймовымъ утвержденіемъ за собою владѣемыхъ имъ съ 1775 года имѣній, приносившихъ 120000 годоваго дохода и когда-то завѣщанныхъ Пацомъ въ пользу литовской артиллеріи. За такую дутую щедрость Сапѣга былъ прославляемъ какъ великій патріотъ послами, которыхъ онъ роскошно угощалъ послѣ оказаннаго имъ благодѣянія отечеству. Другіе паны тогда отличались также подвигами патріотизма. Радзивиллъ изъявилъ готовность поставить отъ себя пѣхотный полкъ въ 2000 чел. а Іоахимъ Потоцкій—триста обмундированныхъ солдатъ; братья Малаховскіе — предложили на орудія желѣзо изъ своихъ заводовъ. Король съ своей стороны дѣлалъ пожертвованія. Но то были частные случаи, которые не могли въ значительной степени увеличить доходы Рѣчи-Посполитой; дворянскихъ денегъ уходило за границу каждогодно болѣе пяти милліоновъ. Духовные, вмѣсто того, чтобы показать другимъ примѣры патріотической добродѣтели, отнюдь не отличались ревностью къ пожертвованіямъ въ пользу отечества. Люди, проникнутые духомъ тогдашняго либерализма, выражались противъ духовенства весьма рѣзко и говорили: «два несчастія удручаютъ нашихъ бѣдныхъ хлоповъ: жидъ въ корчмѣ и ксендзъ въ костелѣ». Набожные люди старались подмѣчать разные грѣхи за тѣми, которые такъ говорили. Въ то время на сеймѣ отличался нерасположеніемъ къ духовенству сенаторъ Езерскій; его упрекали въ томъ, что онъ былъ когда-то коммиссаромъ въ имѣніяхъ бывшаго примаса Подосскаго, обкрадывалъ своего пана и такимъ образомъ нажилъ себѣ состояніе [1]). Важное значеніе возъимѣло дѣло о краковскомъ епископствѣ, которое осталось вакантнымъ. 17 іюля по-

[1]) Его упрекали также, что онъ употребилъ свой капиталъ на постройку въ Варшавѣ публичныхъ бань въ античномъ вкусѣ, куда сходились веселые люди обоего пола.

солъ Суходольскій подалъ проектъ доходы съ этого епископства обратить на содержаніе войска, назначивъ будущему епископу годовой окладъ въ 100000 злотыхъ. Его проектъ, подкрѣпляемый ораторскимъ талантомъ проектоподателя, нашелъ себѣ сразу много сторонниковъ, которые добавляли, что такое правило надлежитъ распространить и на другія епархіи, по крайней мѣрѣ начиная съ остающихся въ данное время вакантными. Проектъ прошелъ быстро при малочисленности пословъ, бывшихъ въ томъ засѣданіи и большинствомъ 62 противъ 20-ти. Король, хотя былъ въ числѣ неодобрявшихъ, но защищалъ права духовенства вяло и уклончиво. Споры начались объ этомъ вопросѣ уже послѣ того какъ папскій нунцій въ Польшѣ Салюццо подалъ ноту, въ которой, впрочемъ очень вѣжливо и любезно, изложилъ протестъ во имя апостольской столицы. Но послѣ пятидневныхъ толковъ партія, стоявшая за новый законъ о краковскомъ епископствѣ, не только не допустила передѣлывать его, но провела новый проектъ, утвержденный 24 іюля. По этому проекту, обратившемуся въ сеймовую конституцію или законъ, положено всѣ имѣнія краковскаго епископства отдать на шесть лѣтъ въ аренду и выплачивать изъ доходовъ будущему епископу 100000 зл. а затѣмъ тоже распространить на всѣ епархіи, остающіяся вакантными, назначая ежегодное содержаніе латинскимъ епископамъ и унитскому митрополиту по 100000 зл., примасу вдвое болѣе, а унитскимъ епископамъ вдвое менѣе. Нунцій, донося объ этомъ въ Римъ, замѣчалъ, что король мало интересуется духовными вопросами, а польская шляхта все болѣе и болѣе проникается духомъ невѣрія, приходящаго съ береговъ Сены и такимъ образомъ есть опасность, что скоро заговорятъ объ упраздненіи монастырей и всякихъ поборовъ въ пользу церкви (десятинъ, аннатъ и пр). На это донесеніе папа Пій VI въ сентябрѣ послалъ въ Польшу свое breve, въ которомъ порицалъ по-

ступокъ сейма, толкуя, что достояніе церковное можетъ быть обращено, по мѣрѣ надобности, на поддержку убогихъ епархій и приходовъ, на госпитали и публичныя училища, но обращать ихъ на войска могутъ только государи еретики, а въ котолическомъ государствѣ всѣ имущества церковныя должны быть святы и неприкосновенны. Прочитанное въ сеймовомъ засѣданіи (19 октября) папское breve произвело большое потрясеніе, и многіе, въ числѣ ихъ и кн. Адамъ Чарторыскій, требовали отмѣны конституціи; но Суходольскій и его сторонники уперлись на томъ, что отмѣнить уже состоявшуюся конституцію, какъ законъ, на томъ же сеймѣ можно только при единогласіи. Такого единогласія не могли никакъ ждать. Въ октябрѣ состоялось опредѣленіе о продажѣ остававшихся въ Польшѣ имѣній тѣхъ духовныхъ, которые сами отошли по первому раздѣлу въ сосѣднія государства, и потому потребовались вѣдомости объ этихъ имѣніяхъ и принадлежащихъ къ нимъ движимыхъ имуществахъ. Постановивъ сдѣлать заемъ, хотѣли налечь на города и на городское сословіе: наложить четыре гроша со ста грошей цѣнности домовъ въ городахъ и по этому поводу обязать хозяевъ домовъ сообщить подъ присягой, что́ стоила имъ постройка этихъ домовъ. Тогда кто-то замѣтилъ: невозможно, чтобы хозяинъ зналъ и помнилъ сколько стоилъ ему домъ, нужно, чтобы онъ сохранилъ всѣ записки во время постройки. «У меня,—сказалъ Ржевускій,—домъ въ городѣ, но я никакъ не въ силахъ показать, что́ онъ мнѣ стоилъ». Варшава предлагала пожертвованія 400,000 злотыхъ, только просила за это нѣкоторыхъ льготъ и выгодъ, и между прочимъ жаловалась на евреевъ и на шляхтичей. Первые сговаривались и устанавливали цѣны, вторые, живя въ городахъ, не несли мѣщанскихъ повинностей; владѣя въ городской чертѣ дворовыми мѣстами, строили на нихъ шинки, пивоварни, винокурни; вели торговлю своими произведеніями и подрывали

мѣщанскую промышленность. Тутъ нѣкоторые изъ пословъ, знакомые съ либеральными идеями того времени, стали заступаться за права мѣщанъ и требовали допущенія ихъ къ представительству на сеймѣ, въ особенности выступалъ защитникомъ мѣщанскихъ правъ Юліанъ Нѣмцевичъ. «Каждый гражданинъ,—говорилъ онъ,—долженъ участвовать въ платежѣ податей соразмѣрно выгодамъ, какія онъ получаетъ отъ государства; у насъ есть разныя отличія и преимущества для шляхетства, а мѣщанамъ заграждена дорога. Съ нихъ собирается подать на войско, но мѣщанинъ не можетъ быть офицеромъ. Будемъ осторожны и предусмотрительны; со временемъ мѣщанинъ потребуетъ принадлежащія ему права природы, потребуетъ отъ тѣхъ, которые у него ихъ отнимаютъ». Противъ Нѣмцевича и его партіи возсталъ Суходольскій: онъ соглашался допускать мѣщанъ въ службѣ къ пріобрѣтенію офицерскихъ чиновъ, но вооружался противъ допущенія ихъ къ представительству на сеймѣ. «Я не хочу,—говорилъ онъ,—чтобы мѣщане были рабами, пусть имѣютъ свое представительство, но, какое: пусть представляютъ намъ свои жалобы, а чтобы допустить ихъ до чего-нибудь большаго—нужно ихъ сдѣлать прежде шляхтичами. Вспомните упадокъ Даніи съ того времени, какъ города пошли за королемъ — погибла дворянская вольность». Суходольскій требовалъ, чтобъ на Варшаву наложить 800,000 злотыхъ вмѣсто 400,000, которые она сама предлагала. Епископъ Нарушевичъ замѣчалъ, что Варшава послѣднее время чрезвычайно быстро разрослась и разбогатѣла; если начать обременять ее, то купцы и ремесленники оставятъ свои занятія, городское благосостояніе упадетъ, и этотъ упадокъ отзовется на доходахъ самой шляхты.

Всего этого было недостаточно для поправленія финансовъ. Волынскій посолъ Скаржинскій представилъ сейму разсчетъ, что на войско нужно сорокъ восемь милліоновъ,

а доходовъ въ настоящее время можно ожидать не 38 милліоновъ, какъ прежде предполагали, а только 26: 16 съ Короны и 10 съ Литвы—недостаетъ 22-хъ милліоновъ. Повысили пошлины съ привозныхъ винъ. Посолъ Мадалинскій подалъ проектъ установить налогъ шкурами убитаго скота. Проектъ этотъ послѣ многихъ преній прошелъ 18-го октября большинствомъ 84 голосовъ противъ 30 при 119 отсутствующихъ. (Послѣднее обстоятельство показываетъ, какъ половина пословъ мало обращала вниманія на свои обязанности). Но, установивши налогъ, начали толковать о разныхъ изъятіяхъ отъ этого налога; спорили, не сходились и сами замѣчали, что всѣ предполагаемыя изъятія вели только къ отягощенію убогихъ людей и къ стѣсненію промысловъ.

Процедура, которая наблюдалась въ веденіи этихъ вопросовъ, безпрестанно возбуждала жалобы и обличенія самихъ этихъ пословъ. Отложивши въ сторону дѣла важныя, общія, тратили время на то, что́ могло быть предметомъ обсужденія отдѣльныхъ коммиссій; такъ, напр., толковали объ устройствѣ войска, и цѣлыя засѣданія проходили въ преніяхъ о томъ, кого назначить генераломъ или бригадиромъ. Иногда, напр., вдругъ прекращалось важное государственное дѣло и начинались толки по поводу какого-нибудь староства. «Время проходитъ,—говорилъ посолъ Косцялковскій,—и въ томъ только наша слава, что мы болтаемъ. Пусть каждый справится со своей совѣстью; пусть она ему скажетъ, по какому побужденію онъ болтаетъ и для чего время протягиваетъ. О, еслибы у всѣхъ насъ вдругъ открылись сердца, какими чудовищами мы показались бы другъ другу! Проекты идутъ за проектами, голосованіе за голосованіемъ, и вотъ уже годъ прошелъ, какъ мы здѣсь засѣли и ничего еще не сдѣлали. Воленъ посолъ говорить, оттого и пускается свободно въ безбрежное море многословія, болтаетъ часъ, день, на то онъ

вольный посолъ, вольно ему болтать». «Если мы подобнымъ образомъ будемъ вести дѣла,—сказалъ Северинъ Потоцкій, —то всѣ наши надежды должны замѣниться отчаяніемъ». Каждый говорилъ о чемъ хотѣлъ и сколько хотѣлъ, считая себя вправѣ такъ поступать по шляхетской вольности. Вся Изба обязана была его слушать. Маршалъ Малаховскій то и дѣло закрывалъ засѣданія, а для эффекта заканчивалъ текстомъ изъ Евангелія: «весь день трудились, ничего не поймали». Многіе, подобными жалобами на всеобщую болтовню, хотѣли щегольнуть своимъ краснорѣчіемъ. Когда двухнедѣльные толки о шкурахъ надоѣли членамъ, они оставили ихъ и принялись толковать о налогѣ на табакъ, перебѣжали къ вопросу о госпиталяхъ, потомъ толковали о средствахъ вспоможенія безприданнымъ дѣвицамъ, а потомъ снова стали толковать о рекрутовкѣ и объ устройствѣ войска. Въ сентябрѣ подано было до трехъ сотъ проектовъ, сопровождаемыхъ объяснительными рѣчами подававшихъ и ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ подвергнутъ обсужденію.

Занятія вопросомъ о войскѣ повлекли къ устройству, въ 1789 году, воеводскихъ порядковыхъ гражданско-военныхъ коммиссій изъ выбранныхъ на сеймикахъ членовъ, шестнадцати свѣтскихъ и трехъ духовныхъ, которые должны служить безъ жалованья и каждый будній день засѣдать отъ 8 часовъ утра до часу по полудни: ихъ обязанность была наблюдать за состояніемъ войска, назначать имъ квартированіе, препровождать и доставлять рекрутъ, ловить дезертировъ, разбирать недоразумѣнія между военными и гражданскими, снаряжать подводы, вести вѣдомость прихода и расхода, наблюдать за цѣнами, мѣрами и вѣсами, въ случаѣ неурожая не допускать вывоза хлѣба за границу, наблюдать надъ исправленіемъ путей сообщенія и брать пени за неисправность, охранять торговцевъ отъ притѣсненій, доносить скарбовой коммис-

сіи о состояніи промысловъ, извѣщать о вакантныхъ староствахъ, о пожарахъ, о новыхъ слободахъ и вообще о всѣхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, побуждать заводить школы для бѣдной шляхты, учреждать госпитали и вообще наблюдать за дѣлами милосердія. На содержаніе коммиссіи, со всѣхъ платящихъ патріотическое пожертвованіе десятаго гроша, шло по одному шелягу. Это былъ опытъ введенія правильной полиціи въ государствѣ. Относительно комплекта войска, остановились пока на числѣ шестидесяти пяти тысячъ. Рекрутъ положили поставить съ дымовъ, съ обязанностью службы на шесть лѣтъ и съ платежемъ поставщиками рекрутскихъ денегъ. Шляхетство старалось, какъ можно болѣе, выгородить свои наслѣдственныя имѣнія. Такимъ образомъ, когда въ имѣніяхъ духовныхъ и въ королевщинахъ постановили давать одного рекрута съ пятидесяти дымовъ, въ наслѣдственныхъ положено давать одного со ста дымовъ.

По поводу затронутаго вопроса о городахъ, обратилъ на себя вниманіе замѣчательный человѣкъ своего времени, варшавскій президентъ городского совѣта Декертъ. Онъ не хотѣлъ, подобно другимъ, въ своемъ положеніи и съ своимъ богатствомъ, добиваться разными происками шляхетскаго достоинства, какъ дѣлали другіе, хотя это и было ему легко: дочь его была за дворяниномъ и сынъ служилъ офицеромъ въ прусской службѣ. Онъ твердилъ своимъ братьямъ-мѣщанамъ, что слѣдуетъ не по одиночкѣ проскакивать въ шляхетство, а, оставаясь въ мѣщанствѣ, добиваться политическихъ правъ для всего сословія. При помощи пріятеля своего Коллонтая, онъ сносился черезъ агентовъ съ разными городами, убѣдилъ прислать разомъ депутацію въ Варшаву и подать на сеймъ коллективную просьбу отъ всего городского сословія въ Польшѣ. На челѣ этихъ прибывшихъ депутатовъ былъ самъ Декертъ. Мимо канцлера, который издавна наблюдалъ надъ городскими дѣлами

въ Польшѣ, 17 декабря 1789 онъ подалъ на сеймъ составленную Коллонтаемъ записку, изложилъ очень обстоятельно исторію городовъ, доказалъ документами, что въ старину мѣщане наравнѣ со шляхтою принимали участіе въ законодательствѣ и избраніи королей, что шляхта могла быть мѣщанами, не теряя шляхетскаго достоинства, какъ сдѣлалось послѣ, что мѣщане имѣли права покупать шляхетскія имѣнія, что въ судѣ они пользовались такими же правами какъ шляхтичи, что, однимъ словомъ, мѣщанство въ старину было вполнѣ свободнымъ сословіемъ и теперь просило о возвращеніи древнихъ правъ. Это явленіе поразило, какъ громомъ, консерваторовъ. Болѣе всего озлился на города и въ особенности на Декерта канцлеръ Малаховскій. Поступокъ этотъ онъ считалъ личною для себя обидою; мало того, что Декертъ мимо канцлера подалъ на сеймъ записку, онъ еще въ ней отзывался неблагопріятно о канцлерскихъ судахъ. Притомъ въ просьбѣ былъ намекъ на событія, происходившія во Франціи: «до нашихъ ушей,— было сказано,—доходятъ слухи объ иноземныхъ смутахъ. Невольникъ разрываетъ свои цѣпи, когда властвующій надъ нимъ попираетъ права человѣка и гражданина. Но мы хотимъ оставаться въ вѣрности Рѣчи-Посполитой и вдохновляемые этимъ желаніемъ, будемъ соразмѣрять съ нимъ наши поступки».—На сеймѣ стали толковать эти слова какъ угрозу, понимали, что авторъ просьбы хочетъ испугать сеймъ опасеніемъ, чтобы и польскіе мѣщане въ случаѣ отказа не надѣлали того, что̀ произошло во Франціи. Даже наружность, съ какою явились мѣщанскіе депутаты на сеймъ, перетолковали въ другую сторону. Сообразно древнему обычаю, представители городовъ были въ черной нѣмецкой одеждѣ и при оружіи. «Что значитъ этотъ черный нарядъ?—говорили тогда на сеймѣ.—Этимъ они хотятъ дать намъ понять, что если мы не удовлетворимъ ихъ просьбѣ, то насъ ожидаютъ печальныя послѣдствія». Они

ѣздили съ визитами къ разнымъ знатнымъ особамъ — государственнымъ сановникамъ и къ посламъ Рѣчи-Посполитой и у многихъ изъ нихъ получили холодный пріемъ и даже наслушались терпкихъ замѣчаній. Консерваторы не только не хотѣли дать мѣщанамъ такихъ правъ, какихъ послѣдніе домогались, но даже не позволяли имъ чинить у себя раскладку налоговъ, изъ опасенія, что мѣщане станутъ отягощать шляхетскіе домы, построенные въ городахъ. Одинъ только польскій городъ не пошелъ по призыву Декерта, это былъ Краковъ: онъ подалъ особую отъ себя записку совсѣмъ въ другомъ духѣ, не добивался равенства со шляхтою, а просилъ только мѣстныхъ льготъ; самая записка была подана не прямо на сеймъ, а канцлеру. Консерваторы, по наущенію канцлера, домогались, чтобы записка Кракова была прочитана на сеймѣ, а коллективная записка Варшавы и другихъ городовъ отослана къ канцлеру. «Поступить такъ,—говорилъ Станиславъ Потоцкій,—значитъ дать предпочтеніе средневѣковымъ привилегіямъ передъ требованіями вѣка. Я хвалю Краковъ за его вѣрность, но болѣе его люблю человѣчество; хвалю Краковъ, но зачѣмъ же бросать подозрѣніе на другіе города? У Кракова есть свои привилегіи; но и у другихъ городовъ есть свои. Я не изъявляю желанія допускать мѣщанъ къ участію въ законодательствѣ и къ равенству со шляхтою, но требую законнаго, чтобы просьба городовъ была передана въ конституціонную депутацію, а не канцлеру». За города говорилъ брестскій посолъ Матушевичъ и другіе послы прогрессисты. Іоахимъ Хребтовичъ, указавъ на связь между интересами шляхетства и благосостояніемъ городовъ, далъ дѣлу такой оборотъ: «старые короли наши давали привилегіи городамъ по одиночкѣ—и они процвѣтали. Сдѣлаемъ для всѣхъ городовъ разомъ то, что̀ дѣлали эти короли, и вы увидите, какъ города разольютъ богатство во всемъ краѣ». Самъ король былъ за города. Консерва-

торы, чтобъ заглушить дѣло, начали подавать разомъ множество проектовъ: одинъ совался съ проектомъ коммиссаріата, другіе съ производствами въ чины, и такимъ образомъ старались оттѣснить городской вопросъ. Ограничились тѣмъ, что 19 декабря назначили депутаціи для разсмотрѣнія всѣхъ актовъ и привилегій городовъ. Эти депутаціи были подъ предсѣдательствомъ канцлера. Это значило—отложить дѣло въ дальній ящикъ.

VI [1]).

Маркизъ Люккезини.—Первыя основы будущей конституціи.

Выступилъ на сцену человѣкъ, игравшій одну изъ главныхъ ролей въ польской трагедіи: это былъ маркизъ Джелорамо Люккезини, прусскій посланникъ въ Варшавѣ, замѣстившій съ 29 апрѣля 1789 года отозваннаго Бухгольца и съ тѣхъ поръ ставшій уже не товарищемъ другого прусскаго посланника, а единственнымъ представителемъ прусскаго короля въ Польшѣ. Этотъ итальянецъ началъ свою карьеру при Фридрихѣ II его домашнимъ библіотекаремъ, скоро обратилъ вниманіе короля своими дарованіями и свѣдѣніями и сдѣланъ камергеромъ. Разсказываютъ, что однажды Фридрихъ II, вѣроятно въ шутку, спросилъ его: «долго ли маркизы итальянскіе будутъ на столько подлы, чтобы себя продавать нѣмецкимъ государямъ?» Итальянецъ отвѣчалъ: «пока нѣмецкіе цари будутъ на столько глупы, чтобъ ихъ покупать». И этотъ чужеземецъ такъ честно былъ преданъ интересамъ государства, которому по происхожденію былъ чужой, какъ бы могъ быть самый патріотическій нѣмецъ. Его таланты открыли ему путь къ дипломатическому поприщу. Трудно было найти другую личность,

[1]) См. Источ. №№ I. 21, 4—8, 18, 26, 47, 78, 110, 104. Проток. сейма, хранящ. въ Лит. Метрикѣ.

которая въ такой степени могла обворожить поляковъ и овладѣть ихъ умами. Это былъ человѣкъ столько же глубокій, сколько остроумный, разносторонне образованный, привлекательный въ пріемахъ, любезный въ обращеніи, вкрадчивый и вмѣстѣ скрытный, умѣвшій понимать съ перваго раза людей, замѣчать ихъ слабыя стороны и направлять къ своимъ видамъ, лгать и обманывать съ видимымъ подобіемъ истины и простодушія, и неуклонно стремившійся всѣми возможными путями къ заданной цѣли. Это былъ дипломатъ по идеалу Маккіавелли: особенно онъ кажется такимъ въ сношеніяхъ съ легковѣрнымъ польскимъ обществомъ. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ сдѣлалъ визиты всѣмъ членамъ сейма и всѣмъ умѣлъ понравиться, а нѣкоторыхъ сразу приковалъ къ себѣ. Вся прусская партія прильнула къ нему. Онъ увѣрялъ поляковъ въ добромъ расположеніи прусскаго короля, доказывалъ, что польза Пруссіи требуетъ возрожденія Польши, побуждалъ скорѣе вести и кончать дѣло реформы, но въ то же время заявлялъ, что Пруссія воздерживается отъ всякаго прямого вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. Этимъ замѣчаніемъ онъ еще болѣе располагалъ поляковъ къ себѣ, потому что льстилъ ихъ самолюбію. По поводу мѣщанскаго вопроса, Люккезини показывалъ сочувствіе тѣмъ, которые стояли за расширеніе правъ мѣщанамъ. «Мой государь, — говорилъ онъ полякамъ, — стоитъ выше политическихъ предразсудковъ, и думаетъ, что сосѣдствующіе между собою народы, въ видахъ собственныхъ же выгодъ, должны желать взаимно улучшенія внутренняго быта другъ у друга. Ни одинъ край не въ состояніи произвести всего, что нужно для его жителей: чѣмъ болѣе будетъ зажиточности, тѣмъ болѣе явится желаній и потребностей; отсюда вытекаетъ необходимость обмѣна произведеній и взаимной услужливости.» Поляки съ довѣріемъ слушали такія благовидныя рѣчи, а между тѣмъ тотъ же, кто произносилъ ихъ передъ

ними, въ своихъ депешахъ сообщалъ прусскому королю, что, не показывая явнаго неодобренія, онъ изподтишка всѣми силами старается тормозить мѣщанское дѣло. «Пока мѣщанскій классъ, состоящій въ большинствѣ изъ нѣмцевъ, находится въ порабощеніи у шляхетства, никому не придетъ охоты переселяться въ Польшу и заводить тутъ промыслы,—разсуждалъ итальянецъ въ этихъ депешахъ:— но если мѣщане добьются участія въ управленіи, тогда много заграничныхъ мѣщанъ сюда перейдетъ и вообще примѣръ Польши станетъ заразителенъ для сосѣднихъ государствъ». Король Фридрихъ-Вильгельмъ похвалилъ своего посланника и въ своемъ отвѣтѣ замѣтилъ ему: «если бы городамъ польскимъ удалось возвратить себѣ свои давнія привилегіи, то изъ моихъ владѣній промышленники начнутъ выселяться въ Польшу». Онъ показывалъ себя отъявленнымъ врагомъ Россіи, говорилъ, что москали извѣчные враги полякамъ, а Пруссія ихъ вѣрная и неизмѣнная союзница. Пруссію побуждаетъ желать устройства Польши то, что она надѣется вести съ нею выгодную торговлю; если Польша достигнетъ цвѣтущаго состоянія, то будетъ доставлять Пруссіи тѣ произведенія, какія теперь доставляетъ Россія, слѣдовательно Польша обогатѣетъ и подымется, а Россія упадетъ. Поэтому Пруссія желаетъ прежде всего заключить съ Польшей торговый договоръ и предоставить ей значительныя торговыя выгоды; за это Польша должна уступить Пруссіи два города: Гданскъ и Торунь. Уступка эта не будетъ потерею для Польши, а напротивъ выигрышемъ: теперь Пруссія беретъ огромныя пошлины съ польской торговли, а тогда сложитъ ихъ. Такова была теорія соглашенія съ Пруссіей, которая должна была предшествовать тѣснѣйшему политическому союзу. Люккезини объявлялъ полякамъ, что берлинскій дворъ не прежде войдетъ съ Рѣчью-Посполитой въ тѣсный союзъ, какъ тогда, когда Польша установитъ у себя новое законодательство на твер-

дыхъ началахъ и прочный порядокъ: Пруссія должна знать, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло и въ какой степени Польша можетъ оградить себя отъ Россіи на будущее время. Казимиръ-Несторъ Сапѣга, переговариваясь съ Люккезини, настаивалъ, напротивъ, чтобы скорѣе былъ заключенъ политическій договоръ съ Пруссіею, ибо тогда дѣло внутренней реформы пойдетъ скорѣе. Другіе паны прусской партіи представляли Люккезини, что республиканское правленіе было до сихъ поръ источникомъ золъ, и что ихъ намѣреніе—передѣлать Польшу въ конституціонную монархію съ наслѣдственнымъ правленіемъ. Они дѣлали предложеніе вручить его по смерти Станислава-Августа саксонскому князю-избирателю. Люккезини говорилъ, что его король оправдываетъ выборъ саксонскаго князя-избирателя; что же касается до наслѣдственности правленія, то въ этомъ прусскій король не станетъ препятствовать, но впередъ обращаетъ вниманіе на то, что такая перемѣна возбудитъ противъ Польши императорскіе дворы и въ самой странѣ произведетъ усобицы, потому что много есть нежелающихъ измѣнить древнее правленіе. Это, однако, говорилось только въ видѣ совѣта: поляки имѣютъ полное право дѣлать какія угодно измѣненія; нужно только поскорѣе установить новый внутренній порядокъ. Но прусская политика далека была отъ того, чтобъ на самомъ дѣлѣ допустить въ Польшѣ введеніе наслѣдственнаго правленія и король, дозволяя своему уполномоченному манить поляковъ правомъ, предоставляемымъ имъ самимъ устроить у себя какой хотятъ порядокъ правленія, писалъ ему, чтобъ онъ соблюдалъ съ ними крайнюю осторожность, потому что Пруссія не позволитъ Польшѣ стать наслѣдственною монархіею: пусть будетъ избирательною или республикою. Во всякомъ случаѣ надлежитъ выждать окончанія войны императорскихъ дворовъ съ Турціею, чтобъ видѣть какъ поворотятся обстоятельства. Англійскій министръ Гэльсъ также

вмѣстѣ съ Люккезини подстрекалъ поляковъ къ дѣятельности, возбуждалъ противъ Россіи и совѣтовалъ скорѣе сдѣлать коренной переворотъ въ правленіи. Подъ вліяніемъ этихъ подстрекательствъ, конституціонная депутація принялась дѣятельнѣе работать надъ проектомъ. Въ ней, кромѣ упомянутыхъ выше одиннадцати членовъ, заправлялъ работами Коллонтай, котораго Игнатій Потоцкій пригласилъ въ депутацію.

Десятаго декабря 1789 года Игнатій Потоцкій произнесъ на сеймѣ вступительную рѣчь, извѣстилъ объ окончаніи работъ депутаціи. Онъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ прусскому королю и возвѣщалъ, что новый порядокъ устанавливается подъ его покровительствомъ и вліяніемъ. «По волѣ Провидѣнія,—говорилъ онъ,—могучій сосѣдъ подаетъ намъ помощь въ эпоху потрясенія нашего законодательства, побуждаетъ насъ укрѣпить наше бытіе національной конституціей. Онъ намъ не говоритъ: я вамъ помогу составить законы и предложу ихъ вамъ, мои министры будутъ вліять на васъ. Нѣтъ. Онъ намъ говоритъ: вы видите у меня порядокъ и крѣпость; желаніе мое таково, чтобы и у васъ было тоже. Одни вы можете устроить свое дѣло, а мнѣ надлежитъ смотрѣть, будетъ ли оно прочно». Составители проекта не смѣли оффиціально внести въ него мысли о престолонаслѣдіи, тѣмъ болѣе, что и въ самой депутаціи были люди несогласные на такую важную государственную перемѣну. Но прежде подачи проекта на сеймѣ уже знали, что въ депутаціи были хотѣвшіе наслѣдственности престола и потому заранѣе получили предубѣжденіе противъ того, что̀ подастъ эта депутація. Хотѣли подъ разными предлогами отложить чтеніе проекта, въ особенности потому, что много членовъ сейма разъѣхались; но настойчивость прусскаго посланника подвигала членовъ къ дѣлу. Боявшихся монархизма Люккезини увѣрялъ, что прусскій король ни въ какомъ случаѣ не допуститъ до водворенія того зла и доказывалъ, что и безъ монархизма можетъ

состояться новая конституція, которая дастъ Польшѣ крѣпость и силу; онъ обѣщалъ союзъ и дружбу Пруссіи, съ условіемъ коренной перемѣны въ правленіи Польши и установленія въ ней прочнаго порядка.

16-го декабря 1789 года проектъ былъ прочитанъ. Въ началѣ составители, находившіеся подъ вліяніемъ моднаго французскаго свободомыслія, поставили правило, что всѣ обыватели Рѣчи-Посполитой должны быть свободны и равны. Но это до крайности не сходилось съ польскимъ республиканскимъ строемъ, опиравшемся на порабощеніи безправнаго хлопства могучимъ шляхетствомъ. Правило это сразу было отброшено и никто не осмѣливался его отстаивать, а вмѣсто того, по предложенію Анквича, принято признаніе свободы и равенства единственно шляхетству, а прочимъ, не принадлежащимъ къ шляхетскому званію, обѣщано право собственности и покровительство власти. Въ подробностяхъ весь проектъ заключалъ восемь пунктовъ. Въ первомъ въ общихъ чертахъ излагались главныя права націи, которыя состояли въ слѣдующемъ: a) сочинять законы и подчиняться только тѣмъ изъ нихъ, которые установитъ сама Рѣчь-Посполитая; b) заключать съ иностранными державами договоры и вести войны; c) разбирать дѣйствія исполнительныхъ властей; d) избирать короля, и непремѣнно римско - католической религіи; e) избирать лицъ въ тѣ общественныя должности, которыя признавались и впередъ будутъ признаваться избирательными. Во второмъ пунктѣ говорится о томъ, что нація свои права и власть выражаетъ сеймиками, на которыхъ лица шляхетскаго происхожденія, владѣющія имѣніями и ихъ взрослые сыновья, избираютъ пословъ на сеймъ и даютъ имъ инструкціи и желанія (desideria) относительно своихъ воеводствъ, земель и повѣтовъ. Въ третьемъ говорится: чтобъ власть Рѣчи-Посполитой могла всегда наблюдать и дѣйствовать, сеймъ долженъ быть составленъ

на двухлѣтній срокъ, а именно: по истеченіи срока, назначеннаго для ординарной сеймовой дѣятельности, послы возвращаются домой и на реляційныхъ сеймикахъ даютъ отчетъ о своей дѣятельности; эти послы на такихъ сеймикахъ или могутъ быть утверждены въ своемъ званіи на дальнѣйшее время, или перемѣнены другими, такъ что во всякомъ случаѣ въ государствѣ остается постоянно «готовый» сеймъ, съ верховною законодательною и учредительною властью и можетъ быть созванъ, но только въ крайнихъ нуждахъ и обстоятельствахъ Рѣчи-Посполитой, а именно: a) въ обстоятельствахъ, не терпящихъ отлагательства, касающихся народныхъ правъ, особенно по поводу происходящей по сосѣдству съ Польшею войны; b) по поводу внутреннихъ безпорядковъ и столкновеній между магистратурами; c) въ случаѣ опасности голода; d) въ случаѣ смерти короля или опасной его болѣзни, и въ первомъ случаѣ, онъ заступаетъ мѣсто конвокаціонныхъ сеймовъ безъ законодательной власти, не вдаваясь въ права, принадлежащія элекційнымъ сеймамъ. Приговоры этого сейма не входятъ въ кодексъ законовъ и обязательны только до тѣхъ поръ, пока слѣдующій сеймъ ихъ не уничтожитъ. Въ четвертомъ и пятомъ говорится о способѣ голосованія: въ предметахъ, касающихся коренныхъ правъ, необходимо единогласіе, въ предметахъ касающихся договоровъ о мирѣ и войнѣ—три части голосовъ, а при выборѣ въ должности и проч. будутъ руководствоваться правилами, которыя укажутся въ будущей конституціи. Въ шестомъ и седьмомъ говорится о верховныхъ магистратурахъ; судопроизводство поручается трибуналу и судамъ, а верховная исполнительная власть королю и учреждаемому при немъ совѣту, подъ названіемъ «стражи», котораго члены не входятъ въ составъ сейма; верховный судъ надъ ними, какъ и вообще надъ государственными преступленіями, принадлежитъ сеймовому суду; наконецъ было

сказано, что впредь никакимъ образомъ не допускаются конфедераціи.

Этотъ проектъ, составленный, какъ ясно видно, по указанію писемъ Коллонтая къ Малаховскому, не измѣнялъ, какъ нѣкоторые боялись, существеннаго содержанія республиканскаго строя и избирательнаго правленія и ужъ никакъ не дѣлалъ никакого шага къ усиленію монархической власти, котораго поляки всегда опасались; напротивъ, онъ ослаблялъ ее до крайнихъ предѣловъ. «По этому проекту,—замѣчаетъ одинъ изъ немногихъ трезво смотрящихъ на событія того времени польскихъ писателей, Калинка,—король хотя и названъ тамъ главою народа, но его скорѣе можно назвать туловищемъ безъ головы, безъ рукъ и безъ ногъ, посаженнымъ на золоченомъ креслѣ, такъ что въ сущности выходило все равно: есть ли въ государствѣ король или нѣтъ его. Верховная власть—въ рукахъ народныхъ представителей, пословъ сеймовыхъ, управленіе разными вѣтвями администраціи—въ рукахъ отдѣльныхъ коммиссій, отъ короля независимыхъ. Король ничего никому не приказываетъ, никого ни къ чему не можетъ принудить, никого не можетъ покарать». Однако этотъ проектъ все-таки возбудилъ противъ себя тѣхъ, которые дрожали за шляхетскія преимущества. Ихъ соблазняло то, что право участія на сеймикахъ предоставлялось только шляхтичамъ, владѣвшимъ имѣніями, а не безземельнымъ; слѣдовательно, одно шляхетское званіе не сообщало всѣхъ политическихъ правъ. Отсюда вытекало, что эти права принадлежали не только благородному сословію, но и матеріальному благосостоянію, а отъ этого уже казалось не далекимъ, что современемъ благосостояніе, безъ шляхетскаго званія, будетъ давать право и, такимъ образомъ, шляхетское званіе падетъ. Суходольскій, за нимъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга и Валевскій начали говорить противъ этого длинныя рѣчи. Другіе паны, за

ними, дѣлали свои неблагопріятныя замѣчанія. Сеймовый маршалъ, самъ сторонникъ проекта, чтобы не допустить на сеймѣ лишнихъ толковъ, замѣтилъ, что коль скоро существуетъ конституціонная депутація для составленія формы правленія, то всѣ поправки и добавки члены сейма могутъ сообщать этой депутаціи, не теряя времени въ толкахъ и преніяхъ объ этомъ предметѣ въ сеймовой Избѣ. Тогда противъ маршала поднялись голоса во имя шляхетской свободы; ему напоминали, что нельзя удерживать пословъ свободной націи отъ заявленія мнѣній. Другіе послы думали повредить проведенію проекта тѣмъ, что подавали какъ и прежде проекты о другихъ второстепенныхъ вопросахъ: тотъ объ устройствѣ коммиссаріата, другой о порядкѣ производства въ чины, третій о трибуналахъ и т. д. Но потомъ все-таки перешли къ проекту, поданному сеймовою депутаціею. За право участія на сеймикахъ безземельной шляхты стоялъ Браницкій съ своею многочисленною партіею. Его противники видѣли въ этомъ московскую интригу и соображали, что, если допустить безземельную шляхту на сеймики, то магнаты, служащіе Россіи, будутъ подбирать промотавшихся, развращенныхъ, лѣнивыхъ, всякое отребіе въ шляхетскомъ сословіи, чтобъ защищать и проводить такія постановленія, которыя будутъ выгодны ихъ честолюбивымъ и корыстнымъ побужденіямъ въ ущербъ общимъ желаніямъ и потребностямъ. «Если мы,—говорилъ Станиславъ Потоцкій, — не удалимъ безземельныхъ отъ участія на сеймикахъ, то у насъ повторится рѣпнинскій сеймъ».

«Да и что за польза бѣдной шляхтѣ ходить по сеймикамъ?—говорилъ Анквичъ.—Вѣдь она тамъ только получаетъ побои и портитъ здоровье, а въ домѣ у нея въ дѣлахъ остановка».

Прошло нѣсколько засѣданій въ такихъ толкахъ; они были бурны, и въ одномъ изъ нихъ патріоты грозили

выбросить изъ Избы своихъ противниковъ. Король ушелъ изъ собранія и не являлся на другой день. Наконецъ, 30 декабря, большинство порѣшило принять проектъ конституціонной депутаціи и не допускать на сеймики иной шляхты, кромѣ владѣющей имѣніями. Партія Браницкаго и вообще защитниковъ шляхты была побѣждена. Послѣ этого засѣданія сеймъ былъ отложенъ до восьмого февраля.

Въ заключеніе маршалы сейма извѣстили націю универсаломъ по воеводствамъ; расхваливались подвиги сейма: освобожденіе Польши изъ-подъ гарантій, возвращеніе ей независимости, уничтоженіе Постояннаго Совѣта, созданіе арміи. При этомъ давалось націи знать, что дѣла сейма заслужили вниманіе и одобреніе прусскаго короля, наилучшаго друга и благодѣтеля польскаго народа; прибавляли, что и Оттоманская Порта съ большой похвалой отзывается о дѣлахъ польскаго сейма.

VII.

Сеймъ въ 1790 году.—Финансовыя затрудненія.—Политическій договоръ съ Пруссіею.—Толки объ уступкѣ Гданска и Торуня.—Недоразумѣнія Пруссіи съ Австріею.—Письмо прусскаго короля къ польскому.—Рейхенбахская конференція.—Новые толки объ уступкѣ Гданска и Торуня.—Законъ о запрещеніи предлагать уступки.—Судьба Понинскаго.—Отозваніе Штакельберга.—Булгаковъ.—Виды Россіи. — Вопросъ о наслѣдственности.—Обращеніе къ народу. — Временное закрытіе сейма [1]).

8-го февраля 1790 года сеймъ открылся снова. Маршалъ Малаховскій проговорилъ восторженную рѣчь въ пользу Пруссіи и совѣтовалъ пользоваться поскорѣе расположеніемъ добраго сосѣда, чтобы заключить съ нимъ оборонительный договоръ и умножить войско. О стотысяч-

[1]) См. источн. №№ 21. 18. 81. 1. 53. 115. 104. 113. 78. 26. 25. 14. 36. 47. 49. 118. 35. 126. Проток. сейма хран. въ Лит. Метрикѣ.

ной арміи перестали думать, ограничились комплектомъ 65,000, но на лицо могли собрать только 44,000; на содержаніе ихъ оказывалось нужнымъ 43,421,645 зл. да на аммуницію 5,785,350 зл. Этихъ денегъ требовали отъ скарбовой коммиссіи, но скарбовая коммиссія препроводила въ войсковую только 13,000,000. «Дѣла идутъ плохо, полки отдалены отъ границы,—говорилъ на сеймѣ Нѣмцевичъ,—отдѣлы ихъ стоятъ въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что при первомъ вторженіи непріятеля должны будутъ разсыпаться. Войску нѣтъ жалованья, а въ казнѣ дефицитъ; о магазинахъ для продовольствія войска никто не думаетъ; между тѣмъ обыватели отправляютъ въ большомъ количествѣ за границу хлѣбъ изъ Польши».

Обратились снова къ разсужденіямъ о предполагаемомъ займѣ. Безъ залога не давали Польшѣ нигдѣ денегъ; стали думать, какъ бы обезпечить заемъ. Думали поставить на гипотеку десятую часть стоимости королевщинъ, но этотъ проектъ возбудилъ противъ себя сильную оппозицію, потому что многіе изъ присутствовавшихъ имѣли въ рукахъ своихъ королевщины. Кублицкій предлагалъ умножить раздачу шляхетскихъ дипломовъ за деньги.

«Напрасно искать косвенныхъ источниковъ,—сказалъ Станиславъ Потоцкій,—ничего не будетъ, пока не устроится хорошо и пропорціонально сборъ податей. Мы установили сборъ десятаго гроша со шляхетскихъ имѣній; и что же? одинъ мой пріятель говорилъ, что съ имѣнія въ Руси ему приходится платить десять процентовъ, а съ имѣнія въ Мазовіи только два. Надобно уравнять подати».

Волынскіе и подольскіе послы поднялись противъ уравненія въ наслѣдственныхъ имѣніяхъ; они желали взвалить всю тяжесть взносовъ на королевщины.

Патріоты стояли за всеобщее уравненіе. Чарторыскій подалъ проектъ объ этомъ. Въ немъ предлагалось средство

для достиженія вѣрныхъ свѣдѣній о доходахъ: ввести опись и оцѣнку шляхетскихъ имѣній, тогда какъ прежде, при взиманіи налоговъ или пожертвованій съ шляхетскихъ имѣній, довольствовались показаніями владѣльцевъ подъ присягою.

«Я вижу,—говорилъ Зелинскій,—въ этомъ проектѣ нарушеніе шляхетской вольности, оскорбленіе религіи, попираніе присяги, которая до сихъ поръ считалась достаточною для рѣшенія споровъ; вижу уничтоженіе общественнаго довѣрія и подрывъ гражданскаго спокойствія».

«Нѣтъ края въ мірѣ,—возражалъ Вавржецкій,—гдѣ бы при такомъ населеніи и пространствѣ, какъ въ нашей Польшѣ, были такіе ничтожные доходы, какіе показываются нашими обывателями. Если бы у насъ имѣнія въ самомъ дѣлѣ давали такіе скудные доходы, то невозможна была бы никакая торговля, и паны не могли бы держать у себя во дворахъ столькихъ людей. Ясно, что большею частью доходы показываются фальшиво».

Защитникъ правъ и чести шляхетскаго сословія, Сухоржевскій, говорилъ: «могутъ быть ошибки въ подачѣ сказокъ о доходахъ, но не умышленныя и не подъ фальшивой присягой. Если бы у насъ было столько играющихъ присягою, сколько неправильно платящихъ подати, то Рѣчь-Посполитая была бы недостойна существованія и благословенія Божьяго.»

Послѣ споровъ о разныхъ подробностяхъ, принятъ былъ проектъ о назначеніи депутаціи для уравненія податей въ имѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ. Она должна была сдѣлать оцѣнку въ имѣніяхъ шляхетскихъ и духовныхъ, руководствуясь собранными свѣдѣніями за шесть лѣтъ о всякаго рода отчужденіяхъ имуществъ (о продажахъ, залогахъ, контрактахъ и т. д.), вывести изъ нихъ доходъ и по этому доходу наложить подати, принявъ во вниманіе количество доход-

ныхъ статей, указанныхъ самими владѣльцами въ поданныхъ сказкахъ.

«Все это прекрасно, — сказалъ 26 февраля король, — только законъ объ уравненіи требуетъ времени, а войско нуждается въ жалованьи теперь же. Пополнить казну можно только немедленными пожертвованіями; не хочу отставать отъ другихъ. У меня нѣтъ въ наличности денегъ, но есть на полмилліона украшеній и драгоцѣнностей, все отдаю въ руки сеймоваго маршала».

По примѣру короля, маршалъ Малаховскій предложилъ Рѣчи-Посполитой милліонъ злотыхъ безъ процентовъ. Въ томъ соображеніи, что сборъ вѣчнаго пожертвованія десятаго и двадцатаго гроша не можетъ состояться скоро, на предстоящую четверть года наложили въ Великой Польшѣ двойное подымное, въ Малой обыкновенное, а евреи должны были заплатить за цѣлый годъ поголовное не въ счетъ.

Вечеромъ въ тотъ день, когда король на сеймѣ сдѣлалъ пожертвованіе, онъ былъ встрѣченъ въ театрѣ громкими рукоплесканіями публики. Это былъ важный день для него; патріоты, которые до сихъ поръ относились къ нему враждебно, или по крайней мѣрѣ косились на него, съ этого дня начали съ нимъ сближаться и переставали считать врагомъ отечества.

Люккезини, ѣздившій въ Берлинъ, по возвращеніи, въ концѣ февраля, привезъ отвѣтъ прусскаго короля на предложеніе заключить торговый и оборонительный союзъ съ Польшею. Пруссія предлагала разрѣшить съ платежемъ пошлинъ двухъ процентовъ (запрещаемый вопреки договору 1775 года) вывозъ польскихъ продуктовъ, переходящихъ черезъ Силезію и Саксонію, четыре процента съ тѣхъ товаровъ, которые идутъ по Вислѣ и обѣщала, въ случаѣ нужды, доставлять такое же количество пѣхотнаго войска, какое Польша будетъ доставлять конницею. За это Пруссія требовала уступить ей города Гданскъ и То-

рунь, да староство Дыбовъ, а въ вознагражденіе Польшѣ уступала клочекъ польской же земли около озера Гопло въ Куявіи.

Долго не смѣла депутація предложить этого сейму, зная раздраженіе, которое можетъ произвести всякая попытка къ уступкѣ земель. Депутація старалась войти въ соглашеніе съ Люккезини и прибѣгала къ такому извороту: она предложила отдѣлить союзно-оборонительный трактатъ (alliance) отъ коммерческаго; такъ какъ уступка Польшею Гданска и Торуня предлагалась въ вознагражденіе торговыхъ выгодъ, предоставляемыхъ Пруссіею, то этотъ щекотливый вопросъ признавался сущностью коммерческаго договора, а не политическаго, слѣдовательно послѣдній могъ быть заключенъ независимо отъ всякихъ территоріальныхъ уступокъ. Поляки думали, что они этимъ совершаютъ дѣло великой политической мудрости, но можно было предвидѣть, что въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ находилась Польша съ Пруссіею, политическій договоръ безъ торговаго былъ безплоденъ; такъ какъ отъ торговаго зависѣло благосостояніе Польши, то поляки неизбѣжно, вслѣдъ за политическимъ, должны были домогаться торговаго договора, на который Пруссія никакъ не согласилась бы иначе, какъ только получивши отъ Польши новыя владѣнія. Всей Польшѣ было очень тяжело отъ Пруссіи, потому что послѣдняя обложила польскіе товары чрезмѣрными пошлинами, но городу Гданску — въ особенности; этотъ городъ, ради собственныхъ выгодъ и спокойствія, готовъ былъ отойти добровольно къ Пруссіи. Въ глазахъ многихъ поляковъ казалось, что уступка Гданска и Торуня скорѣе было пріобрѣтеніе, чѣмъ потеря, если отъ этого выигрывала польская торговля. Люккезини объяснялъ имъ, что Пруссія должна же вознаградить себя за потери, которыя понесетъ, даровавши полякамъ торговыя льготы: прежде Пруссія брала съ товаровъ 12 процентовъ.

теперь понижаетъ ихъ на четыре и на два, и черезъ то теряетъ около 200,000 талеровъ: естественно желать ей вознагражденія за эти утраты. Но при существованіи партіи, противной прусскому вліянію, при щекотливости патріотической чести, невозможно было склонить къ этимъ видамъ большинство на сеймѣ: Депутацію иностранныхъ дѣлъ обвинили бы въ измѣнѣ. Потому единственнымъ средствомъ къ соглашенію съ Пруссіею казалось отдѣлить коммерческое дѣло отъ политическаго. Люккезини согласился, и по сношеніи со своимъ дворомъ сдѣлалъ замѣчаніе Депутаціи, что предложеніе объ уступкѣ Гданска и Торуня дано было только въ видахъ вознагражденія Пруссіи за доставленіе Польшѣ новыхъ торговыхъ видовъ, а никакъ не въ видахъ политической необходимости. Уступая полякамъ, онъ въ тоже время надѣялся мало-по-малу склонить ихъ къ уступкѣ. Говорятъ, что Люккезини тогда интриговалъ между послами, нельзя ли устроить правительственнаго совѣта изъ небольшого числа членовъ, которымъ бы дать власть въ родѣ той, какую имѣлъ недавно уничтоженный Постоянный Совѣтъ, помѣстить въ немъ благопріятелей Пруссіи и провести дѣло объ уступкѣ городовъ. Но маршалъ Малаховскій, хотя благопріятель Пруссіи, объяснилъ ему однако, что это невозможно, и даже далъ ему тонко замѣтить, что прусскому послу неумѣстно вмѣшиваться во внутреннія учрежденія страны.

Въ то же время Австрія дѣлала попытки отклонить Польшу отъ союза съ Пруссіей и привлечь къ себѣ. Началось это отъ русскаго посла Штакельберга. Узнавши о готовности поляковъ заключить союзный договоръ съ прусскимъ королемъ, Штакельбергъ два раза обращался къ королю письменно, убѣждалъ его не допускать ни до союза съ Пруссіею, ни до учрежденія наслѣдственнаго правленія, и не торопиться съ такими важными предпріятіями. Король, черезъ подканцлера Литовскаго Хреб-

товича, отвѣчалъ, что оба императорскіе двора могутъ легко остановить заключеніе союза съ Пруссіею: пусть россійскій посланникъ вмѣстѣ съ австрійскимъ вступятъ въ конференцію съ Депутаціею иностранныхъ дѣлъ и увѣрятъ ее, что Россія и Австрія не только не помышляютъ объ измѣненіи постановленій текущаго сейма, но признаютъ новую конституцію и поручатся за нее; пусть кромѣ того покажутъ готовность заключить съ Рѣчью-Посполитою оборонительный союзъ съ цѣлью охранять предѣлы и независимость Польши. Тогда все успокоится, не станутъ думать о наслѣдственности престола и союзъ съ Пруссіею отложится. Штакельбергъ отнесся объ этомъ къ своему двору. Екатерина прислала ему отвѣтъ съ курьеромъ 16 марта. Императрица положительно запрещала ему давать полякамъ какое бы то ни было письменное оффиціальное заявленіе безъ особаго высочайшаго повелѣнія, ему дозволялось, при всякомъ удобномъ случаѣ, увѣрять вліятельныхъ лицъ, что императорскіе дворы не имѣютъ никакого нерасположенія къ полякамъ, что форма польскаго правленія для нихъ—вещь совершенно посторонняя, что мстить за прежнее они не станутъ, если только Польша не приметъ участія въ задирательныхъ замыслахъ прусскаго короля. Австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, гр. Кобенцель, сообщалъ своему правительству, что русское правительство ни въ чемъ не довѣряетъ Станиславу Августу, а надѣется скорѣе худа, чѣмъ добра отъ тѣхъ горячихъ головъ, которыя теперь взяли въ свою власть дѣла Рѣчи-Посполитой. Россія держится такого правила, что лучше ждать, пока люди къ намъ обратятся, чѣмъ выступать къ нимъ впередъ. Но Кауницъ, державшій тогда въ рукахъ всю правительственную власть австрійскаго государства, получивши обо всемъ этомъ свѣдѣнія отъ Де Каше́, отнесся иначе къ этому дѣлу. Смутное положеніе внутри австрійской монархіи, преимущественно же

готовое вспыхнуть въ Галиціи возстаніе поляковъ побуждали во что бы то ни стало не допускать прусскаго короля усиливаться и объявить Австріи войну, а средствомъ къ этому представлялось разрушить завязывавшійся союзъ его съ Польшею. Кауницъ говорилъ польскому уполномоченному при вѣнскомъ дворѣ Войнѣ, что было бы хорошо, если бы Польша заключила союзъ съ Австріею; въ такомъ случаѣ Австрія сбавила бы пошлины съ величковской соли, ввозимой въ Польшу; вмѣстѣ съ тѣмъ Кауницъ обѣщалъ освободить подданныхъ Австрійской имперіи въ присоединенныхъ отъ Польши земляхъ отъ контрибуціи, платимой ими тогда, когда они жительствовали за предѣлами Австрійскаго государства. Депутація не поддалась на австрійскія обѣщанія и болѣе довѣряла Пруссіи. За Пруссію было вліяніе другихъ иностранныхъ пословъ. Гэльсъ продолжалъ увѣрять поляковъ въ готовности помогать Польшѣ въ случаѣ враждебныхъ столкновеній съ Россіею и Австріею. Еще сильнѣе подстрекалъ тогда депутацію шведскій посланникъ Энгерстромъ, указывалъ ей на честолюбивые виды русской императрицы, хотѣвшей господствовать на всемъ сѣверѣ, представлялъ, что Польшѣ, какъ слабѣйшей, достанется отъ Россіи прежде всѣхъ, и потому ей слѣдуетъ предупредить опасность и вступить въ оборонительный союзъ противъ Россіи съ Пруссіею, Англіею и Швеціею: только общими силами можно сломить опаснаго общаго врага. Подстрекаемые надеждою разомъ пріобрѣсть столько союзниковъ, поляки не стали дорожить возможностію союза съ Австріею. Сообщенное Войною предложеніе Кауница не было даже представлено Депутаціею Иностранныхъ Дѣлъ сейму. Депутація эта ограничилась приказаніемъ Войнѣ объявить Кауницу благодарность за вниманіе и сообщить ему, что, прежде окончанія договора съ Пруссіею, Рѣчь-Посполитая не находитъ основаній заключать такіе же договоры съ другою державою. Кауницъ

на это спокойно сказалъ: «мы полагали, что вы уже сами додумались до этого и заранѣе дали вамъ знать, что нашъ дворъ приметъ предложеніе союза, если вы съ нимъ къ намъ обратитесь, но мы рѣшительно просить васъ не станемъ, чтобъ вы съ нами вступали въ такой договоръ, какой вы заключили съ прусскимъ королемъ». Императрица Екатерина была недовольна этою всею выходкою Кауница, а Штакельбергъ, конечно, по волѣ своей государыни, замѣтилъ австрійскому уполномоченному въ Польшѣ, что поляки возмечтаютъ о страхѣ императорскихъ дворовъ передъ союзомъ Польши съ прусскимъ дворомъ. Русская политика въ этомъ не ошиблась. Игнатій Потоцкій, главный заправщикъ дружбы съ Пруссіею, говорилъ: «вотъ такъ-то Габсбургскій домъ хочетъ съ нами вступить въ такой же союзъ, какъ прусскій король! Народъ польскій, который Австрія ни во что ставила, и сеймъ, надъ которымъ ея главный министръ смѣялся, теперь возбуждаютъ опасенія!»

15-го марта, Депутація объявила сейму, что его величество король прусскій предлагаетъ заключить коммерческій трактатъ и въ видахъ вознагражденія за потери, неизбѣжныя для него при дарованіи Польшѣ торговыхъ выгодъ, желаетъ, чтобы Польша уступила ему Гданскъ и Торунь, да староство Дыбовъ, но узнавъ, что такое соображеніе уже начинаетъ толковаться поляками въ дурную сторону, устраняетъ заранѣе свое требованіе, для облегченія же польской торговли обѣщаетъ сбавить 6 процентовъ на форданской таможнѣ; это произвело всеобщее одобреніе. Наканунѣ дня, когда сдѣлано было представленіе сейму, король имѣлъ свиданіе съ Люккезини въ Виляновѣ; прусскій посланникъ обворожилъ его; король въ то время боялся русскихъ козней, хотя въ то же время не довѣрялъ и Пруссіи. Изъ письма его къ посланнику польскому въ Лондонѣ, Букатому, видно, что тогда рас-

пространилась вѣсть, будто Россія приказывала всѣмъ православнымъ священникамъ въ польскихъ владѣніяхъ присягать уже не только на духовную зависимость отъ Россіи, но и на подданство императрицѣ. На короткое время опять возникъ-было страхъ, подобный прошлогоднему. Такимъ образомъ, послы сейма въ это время, испугавшись Россіи, спѣшили предупредить опасность, ожидаемую отъ нея, союзомъ съ прусскимъ королемъ. Въ то же время начали толковать, какъ бы сойтись съ константинопольскимъ патріархомъ, подданнымъ Турціи, и поручить ему въ вѣдѣніе православную церковь, избавивъ ее отъ санктпетербурскаго синода. Самъ король, склоняясь къ прусской партіи, въ бесѣдахъ съ русскимъ посланникомъ, увѣрялъ его, что желаетъ заключить съ Пруссіей только торговый договоръ и всѣми силами препятствуетъ политическому, который былъ бы не угоденъ русской императрицѣ.

Подъ вліяніемъ страха русскихъ козней, а особенно возмущенія хлоповъ по интригамъ Россіи, которое не переставало мерещиться полякамъ, договоръ съ Пруссіею пріобрѣталъ сторонниковъ. Противники его замѣчали, что не слѣдуетъ приступать къ союзно-оборонительному трактату иначе, какъ напередъ обезпечивъ себя въ торговлѣ. Прусскіе сторонники возражали на это такъ: положимъ, что нашей торговлѣ не станетъ лучше послѣ союза; но оставаясь безъ союзника, мы все-таки не избавимся отъ прежнихъ тягостей, а еще скорѣе навлечемъ на себя бо̀льшія опасности и оскорбленія. Если жъ мы войдемъ въ союзъ съ Пруссіею, то вмѣстѣ съ нею войдемъ въ союзъ съ Англіею, Голландіею, Швеціею, Турціею и почти со всею нѣмецкою имперіею, и это спасетъ насъ отъ захватовъ, отъ мести, отъ военныхъ переходовъ, отъ усиленія того вліянія, которое снова замышляетъ держать насъ въ зависимости. Въ такомъ союзѣ столько союзныхъ государствъ будутъ защи-

щать наши владѣнія и независимость, и мы постепенно дойдемъ до того значенія въ Европѣ, котораго такъ желаемъ.

Сильнѣе всѣхъ за союзъ раздавался голосъ Игнатія Потоцкаго. «Заключая какой бы то ни было договоръ,— говорилъ онъ,—слѣдуетъ прежде всего себѣ уяснить: кто тотъ, съ кѣмъ договоръ заключается. Безъ предубѣжденія скажемъ: прусскій король держитъ въ своихъ рукахъ судьбу войны и равновѣсія всего сѣвера. Если мы, вопреки примѣру другихъ государствъ, станемъ медлить союзомъ съ нимъ, если, такимъ образомъ, станемъ отклонять средства, которыя этотъ монархъ готовитъ для своихъ высокихъ цѣлей, то не навлечемъ ли холодности и недовѣрія этого посредника народовъ? Не подадимъ ли тѣмъ, которымъ противно наше возрожденіе, наши труды, замыслы и стремленія, повода считать правительство наше непослѣдовательнымъ, край нашъ годнымъ только для того, чтобъ чужіе могли вознаградить имъ себѣ понесенныя утраты? Сознаюсь, что мнѣ трудно спорить противъ тѣхъ, которые хотятъ торговыхъ выгодъ; но совѣсть говоритъ мнѣ, что я спасаю отечество. Я не желаю себѣ за то никакой награды, кромѣ его благополучія. Моя обязанность для меня выше всего на свѣтѣ. Намъ нельзя оставаться безъ союза, который бы обезпечивалъ существованіе имени и народа польскаго: иначе, это значило бы оставаться жертвою чуждаго могущества, чуждыхъ соображеній, подвергаться тягости приговора, изреченнаго въ св. писаніи словами: vae soli! (горе единому!)».

Рѣчь Игнатія произвела энтузіазмъ. Напрасно противники пытались доказывать, что какими превосходными качествами ни обладалъ бы прусскій король, но договоръ заключается не съ лицомъ, а съ государствомъ; напрасно другіе представляли, что такого важнаго дѣла нельзя рѣшать опрометчиво, и требовали предварительнаго обсужденія (делибераціи),—всякое возраженіе патріоты относили

къ московскому внушенію и дѣлали на счетъ этого намеки. Проектъ договора былъ принятъ 15 марта.

Депутація Иностранныхъ Дѣлъ по порученію сейма заключила его 29 марта [1]).

---

[1]) Его содержаніе таково:

1) Отселѣ да пребываетъ дружба и искреннее постоянное согласіе между его величествомъ королемъ прусскимъ и его наслѣдниками съ одной стороны и его величествомъ королемъ польскимъ, его преемниками и всею наияснѣйшею польскою Рѣчью-Посполитою съ другой; въ силу чего высокія договаривающіяся стороны приложатъ всевозможнѣйшее стараніе, чтобы между ихъ государствами и ихъ подданными поддерживалось совершенное дружество и взаимныя добрыя сношенія, почему они обязываются всѣми возможными силами защищать другъ друга и сохранять обоюдно въ мирѣ и согласіи.

2) Вслѣдствіе обязательства, указаннаго предъидущею статьею, обѣ высокія договаривающіяся стороны учинятъ всевозможное, дабы упрочить и сохранить ненарушимое обладаніе краями, провинціями, городами и всѣми землями, какими они владѣютъ во время заключенія настоящаго трактата. Эта гарантія существующихъ владѣній не должна однако мѣшать дружелюбному разрѣшенію нѣкоторыхъ недоразумѣній, существовавшихъ прежде заключенія договора о рубежахъ, еще не приведенныхъ въ ясность.

3) Если бы случилось, что одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ была угрожаема непріятельскимъ нападеніемъ отъ кого бы то ни было, то другая сторона безотлагательно употребитъ дѣятельнѣйшее стараніе, чтобы предотвратить непріязненныя дѣйствія, доставить оскорбленной сторонѣ удовлетвореніе и привести спорное дѣло на путь примиренія; если же такое стараніе не произведетъ желаемаго успѣха въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, и если одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ будетъ въ это время непріязненно затронута, обезпокоиваема и оскорбляема въ своихъ краяхъ, правахъ и владѣніяхъ, и во всѣхъ своихъ выгодахъ, то другая обязывается безотлагательно помогать своей союзницѣ, чтобы поддержать взаимное обладаніе всѣми краями, территоріями, городами и мѣстами, принадлежавшими имъ до начала непріятельскихъ дѣйствій: почему если польское королевство потерпитъ нападеніе, то его величество король прусскій доставитъ его величеству королю польскому помощь въ 14,000 пѣхоты и 4,000 кавалеріи съ артиллерійскимъ снарядомъ, со-

Черезъ два дня послѣ того Люккезини писалъ своему государю: «теперь, наконецъ, эти люди у насъ въ рукахъ и будущность Польши зависитъ отъ нашихъ соображеній; край этотъ послужитъ для вашего величества театромъ

отвѣтственнымъ такому количеству войскъ; а если его величество король прусскій потерпитъ нападеніе, то его величество король польскій и наияснѣйшая Рѣчь-Посполитая доставятъ ему помощь въ 8,000 кавалеріи и 4,000 пѣхоты съ соразмѣрнымъ артиллерійскимъ снарядомъ: такая помощь должна быть доставлена въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, считая со дня, когда будетъ заявлено требованіе отъ нуждающейся стороны и это войско будетъ находиться въ распоряженіи послѣдней до окончанія войны. Эта военная сила должна получать жалованье и содержаніе на счетъ требовавшей ее стороны повсюду, гдѣ союзница захочетъ съ нею дѣйствовать, и нуждающаяся въ ней сторона должна безплатно доставлять ей хлѣбъ и фуражъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ обычно даетъ собственнымъ войскамъ. Если же оскорбленная и нуждающаяся сторона предпочтетъ военной силѣ денежную помощь, то въ такомъ случаѣ эта денежная помощь должна имѣть стоимость 20,000 голландскихъ червонцевъ въ годъ на тысячу человѣкъ пѣхоты и 26,666 голл. червон. на тысячу человѣкъ конницы на годъ, или же по соразмѣрному разсчету по-мѣсячно. Если польская Рѣчь-Посполитая предпочтетъ въ такомъ случаѣ оказать помощь доставкою въ продовольственные магазины хлѣбнаго зерна, то его величество прусскій король согласится на это, насколько его собственныя выгоды на то дозволятъ, и тогда хлѣбъ оцѣнивается по текущимъ въ Польшѣ цѣнамъ.

4) Въ случаѣ, если установленная помощь будетъ недостаточною для защиты нуждающейся стороны, то союзная просимая сторона умножитъ ее сообразно необходимости, и такое умноженіе можетъ доходить со стороны е. в. прусскаго короля до 30,000, а со стороны его величества короля польскаго и наияснѣйшей Рѣчи-Посполитой до 20,000. Если же, кромѣ того, несмотря на указанное количество вспомогательнаго войска, одна изъ договаривающихся сторонъ будетъ нуждаться въ пособіи всѣхъ силъ другой, тогда обѣ стороны будутъ совѣщаться о такой чрезвычайной помощи.

5) Войска, доставленныя просимою стороною, будутъ находиться подъ начальствомъ генерала, командующаго арміею нуждающейся стороны, но должны оставаться въ сборѣ въ вѣдѣніи собственныхъ генера-

войны и будетъ заслонять собою Силезію отъ востока, или, находясь въ рукахъ вашего величества, сдѣлается предметомъ торга при мирныхъ переговорахъ. Вся ловкость съ нашей стороны должна состоять въ томъ, чтобъ эти люди ни до чего не додумались и не могли предвидѣть до какихъ

ловъ и офицеровъ; они не должны быть выставляемы на опасность болѣе собственныхъ войскъ и обращеніе съ ними должно быть въ равной степени внимательное, какъ съ собственными войсками нуждающейся стороны.

6) Если какое бы то ни было государство, на основаніи какихъ бы то ни было актовъ и предшествовавшихъ договоровъ, будетъ присвоивать себѣ право вмѣшиваться во внутренія дѣла польской Рѣчи-Посполитой и ея владѣній, въ какое бы то ни было время и какимъ бы то ни было образомъ, его величество прусскій король сначала употребитъ самое дѣятельное стараніе предупредить непріязненныя дѣйствія по отношенію къ такого рода притязаніямъ, но если его старанія останутся безъ успѣха, противъ Польши начнутся непріятельскія дѣйствія, то его величество прусскій король, признавая этотъ случай подходящимъ къ условіямъ союза, заступится за Рѣчь-Посполитую, сообразно содержанію четвертой статьи настоящаго договора.

7) Обѣ договаривающіяся стороны порѣшили, для обоюдныхъ выгодъ, заключить торговый договоръ, но такъ какъ такой договоръ, по своему существу, требуетъ времени, то они не хотѣли, чтобъ чрезъ то происходила задержка въ заключеніи оборонительнаго союзнаго договора, желаемаго равномѣрно обѣими сторонами, однако будутъ продолжать сношенія съ цѣлію открыть и исправить злоупотребленія, вкравшіяся въ послѣдній торговый трактатъ, а равнымъ образомъ для того, чтобы заключить новый договоръ, который долженъ наилучшимъ образомъ утвердить взаимныя торговыя выгоды для благосостоянія обѣихъ націй.

8) Настоящій союзно-оборонительный договоръ будетъ одобренъ и ратификованъ е. в. королемъ прусскимъ и е. в. королемъ польскимъ и наияснѣйшею польскою Рѣчью-Посполитою, а потомъ достодолжнымъ порядкомъ послѣдуетъ выдача и обмѣнъ ратификацій въ продолженіи четырехъ недѣль, или ранѣе, если возможно, считая со дня подписи настоящаго трактата.

уступокъ доведены они будутъ въ то время, когда ваше величество пожелаете отъ нихъ благодарности».

Польскіе патріоты, не зная, конечно, того, что̀ на ихъ счетъ писалъ ихъ прусскій доброжелатель, на первыхъ порахъ послѣ заключенія этого договора были въ восторгѣ; имъ казалось, что теперь Рѣчь-Посполитая вдругъ стала изъ слабой державы сильною, и смѣлѣе стали отпускать на счетъ Россіи колкости и угрозы, даже самому Штакельбергу въ глаза, думая досадить ему. Штакельбергъ съ обычной своею сдержанностію и мягкостію въ обращеніи сказалъ: «Императрица далека отъ всякаго мщенія и никакъ не можетъ негодовать и досадовать, если Польша въ самомъ дѣлѣ усиливается и ея правительство укрѣпляется; напротивъ, дружественная Россія, заботясь о сохраненіи Польши, можетъ только радоваться мѣрамъ, ведущимъ къ ея прочности». Въ своихъ депешахъ къ Остерману Штакельбергъ выражался такъ: «Намъ нужно выигрывать время, пока окончится наша война съ Турціею; будемъ пока бросать кости на грызеніе патріотической жадности.» Что касается до Пруссіи, то заключая договоръ съ Польшею, Герцбергъ ближайшимъ образомъ имѣлъ въ виду на ту пору болѣе Австрію, чѣмъ Россію. Вѣрный политикѣ Фридриха II, этотъ министръ держался той системы, что Пруссія при каждомъ удобномъ случаѣ должна не допускать Австрію до возвышенія. Обстоятельства для Австріи стали тогда неблагопріятны. Война съ Турціею шла не такъ удачно какъ предполагалось. Іосифъ II своими реформами возбудилъ противъ себя разнородныхъ подданныхъ своей имперіи. Бельгія была въ открытомъ возстаніи. Чехи и венгры волновались. Шляхетство въ новопріобрѣтенной Галиціи стремилось къ возсоединенію съ Польшею. Въ такомъ положеніи дѣлъ, Пруссіи выгодно было наброситься на Австрію. Во второй половинѣ 1789 года Люккезини манилъ поляковъ надеждою возвращенія Галиціи

отъ Австріи при помощи Пруссіи. Вмѣстѣ съ маршаломъ Малаховскимъ и Игнатіемъ Потоцкимъ онъ устроивалъ тайныя сношенія съ галиційскими поляками. Веденіе ихъ поручалось нѣкоему Игнатію Морскому, прежде состоявшему въ австрійской службѣ. Предполагалось произвести возстаніе въ Галиціи, въ надеждѣ военной помощи отъ прусскаго короля. Галиційскіе поляки прислали въ Варшаву депутацію толковать о заключеніи съ прусскимъ королемъ условій относительно такой помощи. Вѣсть объ этомъ разошлась въ Варшавѣ и сношенія уже не могли оставаться тайными; узналъ обо всемъ австрійскій уполномоченный Декаше и сообщилъ своему министру Кауницу. Австрійское правительство немедленно распорядилось двинуть въ Галицію корпусъ войска. Но прусское правительство не отваживалось на слишкомъ крайній шагъ — поддерживать мятежныхъ подданныхъ сосѣдняго государства; Герцбергъ все еще надѣялся дипломатическимъ путемъ достигнуть своихъ цѣлей. Въ Варшаву былъ посланъ изъ Берлина отвѣтъ неблагопріятный польскимъ видамъ на содѣйствіе галиційскимъ полякамъ. Станиславъ-Августъ, относившійся очень недружелюбно къ этимъ галиційскимъ затѣямъ, выразился тогда прямо и рѣзко прусскому послу. «Мнѣ донесли, что вы поджигаете нашу молодежь и обольщаете поляковъ возвращеніемъ Галиціи. Но ихъ увлеченія могутъ принести только крайнее бѣдствіе Польшѣ.» Люккезини передъ королемъ отъ всего отпирался, а своихъ польскихъ пріятелей увѣрялъ, что весною слѣдующаго года ихъ дѣло поправится и успѣхъ будетъ зависѣть отъ союза, какой заключится съ Пруссіею. Когда такимъ образомъ Люккезини подготовлялъ въ Варшавѣ союзный трактатъ Польши съ Пруссіею, прусскій посланникъ въ Константинополѣ, Діецъ, 31 января, послѣ долгой возни съ турецкою дипломатіею, устроилъ договоръ Пруссіи съ Турціею: по этому договору слѣдовало принудить Россію уступить Турціи завоеван-

ный Крымъ, а Австрію—Польшѣ Галицію. Герцбергъ былъ недоволенъ этимъ договоромъ; онъ обвинялъ Діеца, что тотъ превысилъ данное ему полномочіе. Герцбергу не хотѣлось выступать по-непріятельски противъ России. Ему даже вообще не хотѣлось втягивать Пруссію въ дѣйствительную войну, онъ разсчитывалъ только застращать Австрію и заставить ее понести потери, съ тѣмъ, чтобы Пруссія при этомъ осталась въ выигрышѣ. За уступку Польшѣ Галиціи, отъ Австріи, прусскій министръ хотѣлъ пріобрѣсти для Пруссіи Гданскъ и Торунь; Герцбергъ сталъ умышленно тянуть ратификацію договора съ Турціею. Между тѣмъ, дѣла стали измѣняться нежданно.

Императоръ Іосифъ II умеръ 20 февраля; преемникъ его, бывшій тосканскій великій герцогъ Леопольдъ, былъ человѣкъ совсѣмъ другихъ свойствъ и правилъ, чѣмъ его покойный братъ. Онъ понялъ, что преждевременныя и крутыя реформы, упорно проводимыя Іосифомъ II, могутъ довести Австрію до разложенія, а потому, тотчасъ же по принятіи правленія, началъ дѣйствовать обратно: въ Венгріи и Чехіи возвратилъ большую часть отнятыхъ Іосифомъ II привилегій дворянству и духовенству, возстановилъ старинныя учрежденія, уничтоженныя Іосифомъ II, давалъ обѣщанія и надежды такимъ же образомъ успокоить Бельгію, показывалъ себя защитникомъ стараго феодализма и клерикальнаго порядка, хотя въ сущности былъ не таковъ по своимъ убѣжденіямъ и наклонностямъ, и обратился къ прусскому королю съ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что не желаетъ новыхъ пріобрѣтеній, довольствуясь тѣмъ, если Австрія, по отношенію къ Турціи, останется въ границахъ пожаровацкаго мира. Сначала Пруссія не довѣряла ему или показывала видъ, что не довѣряетъ: Герцбергу хотѣлось вовсе не того, чтобъ все утишилось на старинныхъ основаніяхъ; онъ домогался при всеобщемъ успокоеніи пріобрѣсти отъ Польши города. Но тутъ Англія

вдругъ заговорила съ Пруссіею иным языкомъ и стала предлагать, чтобъ война прекратилась на основаніи statu quo. Англія была недовольна договоромъ, который устроилъ въ Константинополѣ Діецъ. Англія не противилась пріобрѣтенію Пруссіею Гданска и Торуня, но желала бы, чтобъ это произошло добровольною уступкою со стороны Польши, а вовсе не хотѣла раздувать войну на Востокѣ, въ которой она не могла получить прямыхъ выгодъ и должна была тратиться и трудиться на пользу Пруссіи, въ качествѣ ея союзницы.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, Герцбергъ пытался склонить Австрію путемъ переговоровъ на уступку Польшѣ хоть части Галиціи, съ тѣмъ, чтобы за это Польша уступила Пруссіи Гданскъ и Торунь, или по крайней мѣрѣ хоть Гданскъ. Леопольдъ былъ непреклоненъ и стоялъ за statu quo. Старанія прусскаго посланника при австрійскомъ дворѣ, Якоби, остались напрасными. Австрійскій министръ Кауницъ былъ еще непреклоннѣе своего государя и изъявлялъ готовность воевать съ Пруссіею, если послѣдней угодно. «Мы вамъ не мѣшаемъ овладѣть Гданскомъ и Торунемъ,—говорилъ онъ прусскому посланнику, —но зачѣмъ Австрія будетъ терять изъ-за этого?»

Послѣ напрасныхъ усилій достичь желаемаго путемъ переговоровъ, Пруссія рѣшилась принять относительно Австріи угрожающее положеніе, съ цѣлію принудить ее уступить Польшѣ часть Галиціи за Гданскъ и Торунь. Въ концѣ мая, прусскій король отправилъ войска въ Силезію, а въ іюнѣ отправился туда и самъ лично. Корпусъ генерала Калькрейта вступилъ въ Польшу для совмѣстнаго съ поляками вторженія въ Силезію.

Но Англія не допустила до непріятельскихъ дѣйствій. При ея посредствѣ, условились съѣхаться на конференцію въ Рейхенбахѣ.

Между тѣмъ поляки не оказывали желанія сдѣлать

угодное своему союзнику мирнымъ путемъ, какъ хотѣла Англія. По заключеніи союзно-оборонительнаго договора съ Пруссіею, сеймъ поручилъ королю Станиславу-Августу вести съ прусскимъ королемъ переговоры о торговомъ трактатѣ. Польскій король написалъ къ прусскому собственноручное письмо. Онъ разсыпался въ похвалахъ Фридриху-Вильгельму. «Много затрудненій,—писалъ онъ между прочимъ,—пришлось мнѣ преодолѣть въ день 15 марта. Однако, всѣ они исчезли отъ одной мысли, что мы имѣемъ дѣло съ вами, король. Я сказалъ моему народу, что самъ лично обращусь къ вашему величеству и представлю жалобы и желанія моего народа, и сеймъ единогласно воскликнулъ: поскорѣе станемъ союзниками этого короля, истинно великаго, истинно справедливаго: онъ не употребитъ во зло наше довѣріе къ нему. Онъ, конечно, прикажетъ своимъ министрамъ поскорѣе удовлетворить справедливыя жалобы поляковъ; онъ скажетъ: желаю, чтобъ съ этихъ поръ поляки не испытывали напрасныхъ стѣсненій и лишеній; я желаю, чтобъ они были довольны, потому что они объявили себя моими союзниками».

Станиславъ-Августъ лгалъ, увѣряя Фридриха-Вильгельма, будто онъ убѣждалъ сеймъ согласиться на союзъ съ прусскимъ королемъ. Онъ, напротивъ, побаиваясь Россіи, вилялъ и держалъ себя такъ, чтобы, впослѣдствіи, когда окажется нужно, можно было увѣрять всѣхъ, что онъ былъ противъ союза съ Пруссіею. Но прусскій король зналъ это хорошо и написалъ польскому такой отвѣтъ:

«Вы просите меня быть справедливымъ, я готовъ, но прошу также ваше величество и весь польскій народъ быть съ своей стороны справедливымъ и ко мнѣ. Если вы припомните все, что происходило со времени уступки Западной Пруссіи, то должны сознаться, что тягости и затрудненія, испытываемыя польскою торговлею на Вислѣ и у Балтійскаго моря, имѣютъ свое начало и источникъ

въ томъ, что города Гданскъ и Торунь были исключены изъ уступки, хотя и находятся посреди Западной Пруссіи. Обстоятельства въ 1775 году вынудили такую конвенцію между Пруссіею и Польшею, по силѣ которой всѣ товары, отправляемые поляками въ Гданскъ и привозимые изъ Гданска, были облагаемы тою же пошлиною двѣнадцати процентовъ со ста, какая собиралась прежде, при польскомъ владѣніи Западною Пруссіею. Если въ сборѣ пошлинъ таможенные чиновники допускали нѣкоторыя злоупотребленія, то я, какъ и король, мой предшественникъ, старался по возможности исправить ихъ, въ случаѣ, когда возникали жалобы. Сверхъ того, я приказалъ понизить таксу съ польскихъ продуктовъ на пограничной таможнѣ и уменьшить три процента транзитной пошлины со всѣхъ товаровъ, которые поляки провозятъ изъ-за границы черезъ мои земли. Кромѣ того, я сдѣлалъ то, чего не сдѣлалъ ни одинъ государь, и чего даже самъ польскій народъ не могъ домогаться. Я снесъ сборъ пошлинъ и оплаты съ бо̀льшей части продуктовъ и товаровъ, доставляемыхъ литвинами въ мои порты Кролевецъ и Мемель, уничтоживъ таможни, которыя издавна существовали между Пруссіею и Литвою. Я полагаю, что сдѣлалъ все, и даже болѣе того, сколько отъ меня можно было требовать для облегченія польской торговли въ моихъ владѣніяхъ. Торговля эта можетъ производиться безпошлинно до моихъ портовъ Кролевца и Мемеля, и съ оплачиваніемъ восьми процентовъ со ста въ моихъ приморскихъ городахъ Эльблонгѣ и Штетинѣ. Если же поляки, желая вести торговлю съ Гданскомъ, обязываются оплачивать свои товары двѣнадцатью процентами, то это естественное и неизбѣжное слѣдствіе существованія давнихъ польскихъ пошлинъ конвенціи 1775 г. и положенія города Гданска. Нельзя по справедливости требовать отъ меня, чтобъ я допустилъ къ такому же тарифу и къ такимъ же льготамъ, какими

пользуются мои собственные города, такой городъ, который окруженъ моими владѣніями и не принадлежитъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что контрабанда его жителей и представленія объ этомъ магистрату мнѣ причиняютъ много хлопотъ. Я понимаю, что польскій народъ отъ этого терпитъ, но въ этомъ его собственная вина, а не короля прусскаго, и поляки должны были бы вспомнить, что не менѣе терпѣли и отъ монополіи города Гданска, который присвоивалъ ее еще при польскомъ владычествѣ надъ прусскимъ краемъ, съ ущербомъ прусскихъ городовъ. Это неудобство для торговли поляковъ по Вислѣ не можетъ быть устранено до тѣхъ поръ, пока города Гданскъ и Торунь останутся отдѣленными отъ моей территоріи, и въ особенности первый изъ этихъ городовъ. Для устраненія такихъ вредныхъ условій, не видя иного средства, я приказалъ предложить вашему величеству и почтенному сейму учинить со мною новую сдѣлку, по которой бы я могъ уменьшить установленный на Вислѣ двѣнадцати-процентный сборъ на такую цифру, которою народъ польскій могъ быть доволенъ, а потому желалъ, чтобы въ вознагражденіе большихъ убытковъ, долженствующихъ произойти отъ этого въ моихъ доходахъ на таможняхъ, была мнѣ уступлена власть надъ городами Гданскомъ и Торунемъ, принадлежащими, по естественному положенію, къ территоріи западной Пруссіи и при уступкѣ послѣдней оставленными за Польшею по частнымъ и маловажнымъ причинамъ. Я полагалъ, что сдѣлавши такое предложеніе, я избѣгну несправедливаго обвиненія въ жадности и въ желаніи неправаго завладѣнія, потому что города Гданскъ и Торунь находятся посреди моей территоріи, и власть надъ ними приличнѣе всего владѣтелю Западной Пруссіи и союзнику Польши, который, увеличивая свои силы, сдѣлаетъ ихъ полезными какъ Пруссіи, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Польшѣ; притомъ же обладаніе этими городами не приноситъ ни-

какой пользы, а напротивъ мѣшаетъ Польшѣ и отягощаетъ ея торговлю установленными пошлинами. Я же, безъ пріобрѣтенія Гданска и Торуня, не могу уменьшить этихъ пошлинъ; иначе, я понесу убытка въ годовомъ доходѣ до двухсотъ тысячъ талеровъ. Если бы ваше величество понесли какіе-нибудь убытки въ своемъ годовомъ доходѣ, то, конечно, старались бы вознаградить ихъ для себя. Я не считалъ себя вправѣ надѣяться, чтобъ сеймъ такимъ образомъ принялъ мое предложеніе, еще менѣе могъ предвидѣть, чтобъ государь просвѣщенный и добрый патріотъ сталъ сопротивляться этому, какъ поступили ваше величество. Признаюсь, я ожидалъ другого пріема отъ сейма и потому, какъ скоро увидѣлъ, что предложеніе, въ сущности полезное для Польши, непріятно вашему величеству и сейму, тотчасъ приказалъ моему министру Люккезини ограничиться единственно заключеніемъ союзно-оборонительнаго договора; считаю себя обязаннымъ вашему величеству за то, что предложили своему народу заключеніе этого договора, и вмѣняю себѣ въ честь быть союзникомъ такого благороднаго и мужественнаго народа.

«Не сомнѣваюсь, что этотъ народъ пойметъ, что̀ я для него сдѣлалъ, и что̀ мнѣ еще остается сдѣлать для пользы и выгоды обѣихъ сторонъ. Если ваше величество желаете отъ меня дальнѣйшихъ соглашеній относительно торговли, я не замедлю содѣйствовать этому со всѣмъ моимъ доброжелательствомъ, но надѣюсь, что съ польской стороны будетъ такая же уступчивость, и отъ меня не станутъ требовать того, что̀ не умѣстно по самой природѣ вещей даже для самого польскаго народа. Я согласенъ на пересмотръ существующаго торговаго договора и на учиненіе новаго, съ увѣренностію, что скоро будетъ понято, что предложенное мною вознагражденіе мнѣ за уменьшеніе значительной пошлины остается и будетъ оставаться единственнымъ средствомъ къ возрожденію торговли польскаго

народа, и что я требовалъ себѣ не уступки, а обмѣна, приносящаго Польшѣ выгоды. Этотъ обмѣнъ уменьшилъ бы мои доходы, но послужилъ бы мнѣ къ загражденію входа въ мои владѣнія и способствовалъ бы моему усиленію, а тѣмъ самымъ далъ бы мнѣ возможность сдѣлаться полезнѣйшимъ союзникомъ Польши. Я полагаю, что мнѣ слѣдовало войти въ эти подробности и предложить вашему величеству соображенія, которыя въ Варшавѣ не были приняты съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ бы слѣдовало».

Фридрихъ-Вильгельмъ, такимъ образомъ, давалъ знать полякамъ, что ему, во что бы то ни стало, хочется пріобрѣсть Гданскъ и Торунь, и, безъ уступки этихъ городовъ, для Польши ничего не выйдетъ изъ заключеннаго союзно-оборонительнаго договора: англичане, подсмѣиваясь надъ нимъ, называли его договоромъ волка съ бараномъ.

Станиславъ-Августъ продолжалъ вилять: въ бесѣдахъ съ людьми, нерасположенными къ Пруссіи, онъ говорилъ, что не слѣдуетъ дѣлать уступокъ Пруссіи, а въ своихъ интимныхъ письмахъ къ Букатому дѣлалъ соображенія, что Польшѣ приходится уступить Пруссіи по крайней мѣрѣ одинъ Гданскъ безъ Торуня, но съ тѣмъ, чтобы король прусскій снялъ обременительныя пошлины и сверхъ того отдалъ Польшѣ часть торунской территоріи, захваченной покойнымъ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, да сверхъ того, чтобъ содѣйствовалъ Польшѣ въ пріобрѣтеніи отъ Австріи Галиціи. Люккезини, освѣдомившись, что Станиславъ-Августъ однимъ говоритъ то, а другимъ иное, замѣтилъ ему въ глаза, что сестры королевскія имѣютъ надъ королемъ вліяніе. «Я глава и первый гражданинъ Рѣчи-Посполитой,—сказалъ король,—я обязанъ наблюдать какъ торговыя, такъ и политическія выгоды моей націи. Не скрою отъ васъ: меня безпокоитъ то, что, не получивъ отъ васъ торговыхъ выгодъ, мы подвергаемся опасности отъ императорскихъ дворовъ». Этимъ онъ давалъ знать,

что понимаетъ безплодность политическаго договора Польши съ Пруссіею, потому что Пруссія не станетъ защищать Польши въ случаѣ опасности, не получивъ отъ нея желаемаго по торговому договору. Люккезини, утѣшая его, сказалъ: «У Пруссіи достаточно войска, чтобъ заступиться за Польшу и защитить ее отъ опасностей».

Польскіе обыватели продолжали испытывать тягость положенія, въ какомъ находилась Польша относительно Пруссіи. Литвины подали на сеймъ жалобу и изложили въ ней, что прусскій король своими распоряженіями въ Кролевцѣ стѣсняетъ ввозъ хлѣба, и отъ этого литовскіе землевладѣльцы несутъ потери доходовъ. Письмо прусскаго короля къ польскому, прочитанное въ Избѣ въ засѣданіи 7 іюля, возбудило неблагопріятныя для прусскаго короля замѣчанія. О пониженной имъ пошлинѣ съ транзитныхъ товаровъ говорили, что это совсѣмъ не благодѣяніе для поляковъ, что и полпроцента было бы достаточно. Вопреки обѣщаніямъ понизить пошлины на форданской таможнѣ, заявленнымъ Люккезини при заключеніи союзно-оборонительнаго договора, тамъ явились такія распоряженія, которыя еще болѣе обременяли торговлю. Плывшимъ по Вислѣ польскимъ судамъ отказывали въ билетахъ для проплытія въ Гданскъ и направляли ихъ на Эльблонгъ (Эльбингенъ). Прусскій король въ своемъ письмѣ называлъ двѣнадцатипроцентную пошлину старинною, существовавшею еще при польскомъ обладаніи Западною Пруссіею, а члены сейма замѣчали, что такой пошлины прежде не было. «Прусскій король,—говорили послы,—желаетъ Гданска и Торуня потому, что эти города принадлежатъ Западной Пруссіи, а Западная Пруссія его владѣніе. А что же это за владѣніе? Развѣ это древнее владѣніе? Это печальное слѣдствіе раздѣла, эпохи, о которой воспоминаніе тяжело и нестерпимо для Рѣчи-Посполитой». Вся Изба, за исклю-

ченіемъ самыхъ отъявленныхъ обожателей Пруссіи, была тогда противъ отдачи городовъ.

Тогда патріоты приписывали неудачу заключенія торговаго договора съ Пруссіею русскимъ интригамъ и говорили, что для спокойствія Рѣчи-Посполитой слѣдовало бы удалтиь изъ Варшавы русскаго посланника и не принимать его вовсе. Такимъ образомъ, ярые сторонники Пруссіи опять готовы были вызывать Россію на войну. Но въ то же время нѣкоторые изъ нихъ находились со Штакельбергомъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ: маршалъ Потоцкій входилъ съ нимъ даже въ соображеніе о выгодахъ, какія извлечетъ Польша изъ союза съ Пруссіей. «Вотъ, —говорилъ онъ, —дѣло, политической мудрости! Этотъ оборонительный союзъ съ Пруссіей навсегда пресѣкъ Пруссіи путь къ расширенію границъ ея на счетъ Польши, и Польша перестанетъ быть цѣлью ея политическихъ спекуляцій».—«Вы очень обманываетесь,—говорилъ Штакельбергъ:—какой пользы вы можете ожидать отъ Пруссіи, пока Висла въ ея рукахъ. Разрушенія вашей торговли? Развѣ не видите, что ваше обнищаніе будетъ обогащеніемъ Пруссіи. Сложная организація этого государства не можетъ себя поддерживать иначе, какъ уменьшая цѣнность польскихъ произведеній, съ цѣлью обогатить свои магазины дешевой цѣной, а потому она будетъ всегда поддерживать высокія пошлины, которыя вамъ будутъ приносить разореніе». Штакельбергъ смѣялся надъ политическими соображеніями поляковъ и не давалъ вѣса никакимъ союзамъ Польши съ кѣмъ бы то ни было. Въ апрѣлѣ, когда, повидимому, близко подходило къ тому, что могла возникнуть вражда между Пруссіею и Австріею, Штакельбергъ въ своихъ депешахъ замѣчалъ: «нужно только денегъ, да вступленія русскаго корпуса въ польскія владѣнія, и въ Польшѣ составится конфедерація противъ Пруссіи за Австрію».

Въ іюнѣ, прусскій король стоялъ въ воинственномъ строѣ въ Шенвальдѣ, а между тѣмъ въ Рейхенбахѣ собрались прусскіе и австрійскіе дипломаты на совѣщанія при посредствѣ пословъ англійскаго и голландскаго. Тамъ на конференціи съ австрійскими уполномоченными, Шпильманомъ и графомъ Рейсомъ, Герцбергъ объявилъ, что Пруссія желаетъ пріобрѣсти Гданскъ и Торунь, съ ихъ округами и сверхъ того земли за рѣкою Оброю, отъ ея впаденія въ Варту до предѣловъ Силезіи; и округъ между Нотецою и Вартою до Оборника, а оттуда, по прямой линіи къ Торуни или до впаденія въ Вислу Древеницы; Герцбергъ считалъ на этомъ пространствѣ 120,000 жителей и до 600,000 талеровъ дохода. Отъ Австріи требовали уступки для Польши куска Галиціи, заключавшаго 300,000 жителей и приносившаго 343,000 гульденовъ дохода. Сверхъ того домогались возвращенія Бохни и Велички. Австрійскіе уполномоченные послали въ Вѣну спрашивать рѣшенія. Между тѣмъ пріѣхалъ Люккезини и сообщилъ королю, что поляки ни за что не хотятъ отдавать городовъ. Прусскій король сильно разсердился на поляковъ, упрекалъ ихъ въ неблагодарности, рѣшился не требовать болѣе отъ Австріи никакихъ уступокъ и соглашался, чтобы все оставалось in statu quo, какъ было до войны съ Турціей. На этомъ, къ досадѣ Герцберга, покончились рейхенбахскія конференціи. Прусское войско оказалось ненужнымъ въ Польшѣ, и генералъ Калькрейтъ получилъ приказаніе воротиться въ Пруссію. Рейхенбахскій конгрессъ принесъ Польшѣ только ту временную выгоду, что съ тѣхъ поръ Россія принуждена была вести войну съ Турціею одна, безъ Австріи, потому что Россія не находила удобнымъ, какъ того желала Австрія, двигать своего войска противъ поляковъ и пруссаковъ на защиту Галиціи въ пользу Австріи. Это побудило Австрію заключить съ Турціею перемиріе до окончательнаго мира, который долженъ со-

стояться на условіяхъ возвращенія Турціи всѣхъ завоеванныхъ австрійскимъ оружіемъ турецкихъ земель. Герцбергъ не терялъ однако надежды пріобрѣсти Гданскъ и Торунь. «Хотя бы,—говорилъ онъ,—эти города прикованы были къ облакамъ, все-таки они должны были оторваться и достаться Пруссіи». Маркизъ Люккезини замѣчалъ, что если поляки не понимаютъ своего положенія и путемъ дружелюбнаго согласія отъ нихъ нельзя ничего выиграть, то удобнѣе будетъ доставить Пруссіи желаемое пріобрѣтеніе посредствомъ соглашенія съ императорскими дворами. Такимъ образомъ, союзно-оборонительный договоръ съ Пруссіею не принесъ пока Польшѣ ничего: Польша, желая себѣ покровительства, помощи и выгодъ отъ Пруссіи, ровно ничего не хотѣла дать послѣдней. А Пруссія отъ союза съ Польшею, кромѣ пріобрѣтенія территоріи, ничего и желать не могла.

Въ ожиданіи обѣщанной королемъ прусскимъ войны противъ Австріи, въ которой и Польша думала принять участіе по призыву своего благодѣтеля, сеймъ принялся за распоряженія по устройству войска. 8 марта, по предложенію Малаховскаго, положено было учредить войсковой коммиссаріатъ для обмундированія войска. Предписано было войсковой коммиссіи принять строгія мѣры для укомплектованія войска до 65,000, но вскорѣ на коммиссію поступили жалобы, что войско плохо обучается, недостаточно комплектуется новыми рекрутами, а офицерамъ и солдатамъ не платится исправно жалованье. Въ апрѣлѣ, по извѣстіямъ Люккезини, всего войска на лицо было въ польской Рѣчи-Посполитой 43,600 человѣкъ при 132 орудіяхъ; опытныхъ генераловъ не было, хотя нѣкоторые, записанные еще дѣтьми въ народовую кавалерію, считались состоявшими на службѣ лѣтъ пятьдесятъ, но изъ нихъ никто не видалъ близко войны. Между тѣмъ обращено было вниманіе лицъ прусской партіи на Галицію,

которая для поляковъ была главною цѣлью въ предполагаемой войнѣ.

Люккезини въ 1790 году возобновилъ въ Варшавѣ прошлогоднія галиційскія затѣи. Устроился тайный галиційскій комитетъ, членами его были: маршалъ Малаховскій, Потоцкіе, Игнатій и Северинъ, Казимиръ Сапѣга, Рыбынскій, Морскій и другіе. Цѣль его была—возвращеніе Галичины Рѣчи-Посполитой. Люккезини увѣрялъ поляковъ, что непремѣнно и въ теченіе этого года прусскій король объявитъ войну Австрійской державѣ и въ это время въ Галичинѣ должно вспыхнуть возстаніе. Комитетъ этотъ велъ свои дѣла такъ секретно, что ни король, ни сеймъ не знали о его дѣятельности. Нѣкто Казимиръ Ржевускій, человѣкъ отважный и лихорадочно дѣятельный, хотя по отзывамъ его же соумышленниковъ, неумный, исколесилъ всю Галичину отъ Бродъ до Тарнова и возбуждалъ тамошнее шляхетство, ободряя его надеждами на скорую войну прусскаго короля и на помощь отъ него полякамъ. Не трудно было найти сочувствіе къ предпріятію: польское шляхетство въ Галичинѣ ненавидѣло австрійское правительство за урбаріальный законъ, ограничивавшій произволъ шляхетства надъ хлопами, а духовенство было недовольно реформами Іосифа II, касавшимися церкви и церковныхъ имуществъ; образовалась во Львовѣ коммиссія изъ тридцати членовъ, а подъ ея руководствомъ появились такія же коммиссіи въ другихъ галицкихъ городахъ; всѣми заправлялъ тайный въ Варшавѣ галиційскій комитетъ. По иниціативѣ послѣдняго львовская коммиссія составила и отправила къ своему монарху Леопольду адресъ съ проектомъ особой конституціи для Галиціи. Проектъ этотъ вмѣщалъ въ себѣ такой всевластный мѣстный сеймъ, при существованіи котораго значеніе государя становилось въ уровень съ тогдашнимъ значеніемъ польскаго короля и, кромѣ того, шляхетство домогалось имѣть сорокъ тысячъ

мѣстнаго войска, составленнаго исключительно изъ поляковъ. Такой проектъ подавался нарочно съ увѣренностію, что его не примутъ, а послѣ того галицкимъ полякамъ можно будетъ, когда откроется война съ Пруссіею, пристать къ прусской сторонѣ и оправдывать себя тѣмъ, что, прежде открытаго возстанія, дѣлались ими попытки достигнуть желаемыхъ преобразованій легальнымъ путемъ. Проектъ, разумѣется, не былъ принятъ и вся затѣя, измышленная прусскимъ дипломатомъ итальянцемъ, пошла по вѣтру. Не даромъ Люккезини писалъ своему королю, что въ Польшѣ, какъ въ республикѣ, невозможно вести секретныхъ дѣлъ, затѣи польскія стали въ пору извѣстны и въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ. Остерманъ нѣсколько разъ говорилъ Деболи, что если поляки втянутъ прусскаго короля въ войну противъ Австріи, то императрица должна будетъ защищать своего союзника и прикажетъ своимъ войскамъ вступить въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Въ такомъ же духѣ дѣлалъ ему предостереженія и Кобенцель. Не надѣйтесь,—говорилъ онъ:—на то, что нашъ императоръ и русская императрица заняты войнами турецкою и шведскою. Овладѣть Галиціею вамъ не легко будетъ. Россія, наша союзница, тотчасъ станетъ поступать съ вами по-непріятельски, вашъ край будетъ театромъ войны, тогда какъ если бы и возгорѣлась у насъ война съ Пруссіею, а вы не будете въ нее вмѣшиваться, то и воюющія стороны не зацѣпятъ вашего края. Объ этомъ сообщилъ въ Варшаву Деболи. Изъ Вѣны пришли туда вѣсти еще грознѣе: Леопольдъ сказалъ галиційскимъ депутатамъ, что если въ Галичинѣ начнутся безпокойства, то тамъ немедленно явятся козаки. Игнатій Потоцкій ни во что ставилъ эти предостереженія, полагая надежду на могущество и силу прусскаго короля. Но ему справедливо возражали, что Фридрихъ-Вильгельмъ, занятый военными дѣйствіями противъ австрійцевъ, не поспѣетъ подать помощи полякамъ,

какъ войдетъ Потемкинъ съ войскомъ: тотчасъ поднимутся хлопы, и это еще наименьшая бѣда, если Украина, Волынь и Подоль достанутся во власть Москвы, и Рѣчь-Посполитая лишится 12-ти милліоновъ дохода съ податей на содержаніе войска. Хуже будетъ отъ хлопскихъ бунтовъ, которые ужъ и такъ настращали шляхту по всей Руси. И нельзя было сказать, чтобы опасенія поляковъ съ этой стороны были суетны. Кобенцель извѣщалъ свое правительство, что когда онъ замѣтилъ Остерману, что поляки какъ бы на угрозу Россіи собираютъ подъ Брацлавомъ войска тысячъ двадцать пять, а можетъ быть и болѣе, Остерманъ отвѣтилъ: а мы противъ нихъ выставимъ тысячъ тридцать козаковъ. Наконецъ, если бы поляки и остались въ выигрышѣ, то не легко бы пришлось расплачиваться съ прусскимъ королемъ, за его услуги, тѣмъ болѣе, что онъ сулилъ Польшѣ только часть Галиціи, а не всю, а себѣ заранѣе требовалъ уже Гданскъ, Торунь и три воеводства великопольскія. Все это прохолодило польскій задоръ, а прусскій король, вмѣсто войны противъ Австріи, обѣщанной чрезъ Люккезини, поддаваясь совѣтамъ Герцберга, составлялъ уже себѣ иные планы, не такъ благожелательные для поляковъ.

Въ августѣ опять возникъ вопросъ объ отдачѣ Пруссіи городовъ. Пруссія все-таки снова давала знать, что Польшѣ необходима ея дружба, а эта дружба можетъ быть куплена только цѣною территоріальнаго пожертвованія. Гэльсъ уговаривалъ поляковъ уступить Пруссіи и доказывалъ, что Польша черезъ это не потеряетъ, а выиграетъ. Во-первыхъ, Пруссія не даромъ возьметъ эти города, а за сбавку пошлинъ; во-вторыхъ, онъ отъ имени Англіи предлагалъ Польшѣ такія выгоды, которыя сами по себѣ покроютъ потерю городовъ: вся торговля Англіи съ Россіею перейдетъ къ Польшѣ. 10-го августа, Гэльсъ имѣлъ съ королемъ длинный разговоръ объ этомъ. «Вамъ извѣстно,—

сказалъ король,—какъ назадъ тому тридцать лѣтъ ваши министры находили, что содержаніе Гибралтара сопряжено съ большими издержками, и готовы были уступить его. Испанія предлагала за него Англіи разныя выгоды, но никто изъ вашихъ министровъ не рѣшился представить этого предложенія на обсужденіе народа, зная, что народъ противъ этого».—«Я понимаю ваше сравненіе—сказалъ Гэльсъ,—только мое предложеніе происходитъ не по наущенію Пруссіи, но въ силу того убѣжденія, что, пока прусскій король не овладѣетъ Гданскомъ, до тѣхъ поръ мы, англичане, не въ силахъ склонить его даровать Польшѣ торговыя льготы, а намъ онѣ нужны также, какъ и Польшѣ».—«Я не принимаю предложенія,—сказалъ король,—не обѣщаю выхлопотать принятія его на сеймѣ, а только предположительно спрошу васъ, можете ли вы выхлопотать намъ, чтобъ и въ Кролевцѣ, какъ и въ Гданскѣ, были уничтожены стѣснительныя постановленія для нашей торговли? Будетъ ли Голландія за одно съ вами? Даруется ли намъ свобода торговли въ Силезіи и торговый транзитъ въ Саксоніи и во всей Германіи? Примутъ ли наконецъ Англія и Голландія на себя гарантію даже до того, чтобы объявить войну прусскому королю, если онъ будетъ стѣснять нашъ транзитъ до Гданска и обратно, и вообще устраивать намъ разныя затрудненія на Вислѣ». На второй и третій вопросы Гэльсъ отвѣчалъ утвердительно, но относительно перваго и четвертаго не могъ дать рѣшительнаго отвѣта безъ предварительнаго соглашенія со своимъ дворомъ. «Англія,—сказалъ онъ,—дорожитъ торговлею съ Польшей, ей нужно получать дерево для судовъ и мачтъ, ленъ, коноплю, смолу, деготь и желѣзо, словомъ все, что̀ нужно для мореходства по низшей цѣнѣ, чѣмъ эти продукты получаются изъ Россіи, съ которою Англія не хотѣла бы дружить; но торговля съ Польшею не состоится, пока прусскій король не уничтожитъ пошлинъ.

пока не получитъ Гданска, вотъ почему Англія и совѣтуетъ вамъ потерять Гданскъ, который безъ того не приноситъ вамъ никакой пользы, а вы за то пріобрѣтете выгоды, какихъ не имѣли». Король мало-по-малу склонялся къ мысли о необходимости отдать города, по крайней мѣрѣ Гданскъ. «Наша Рѣчь-Посполитая больна—говорилъ онъ на сеймѣ, и лучше ей сдѣлать ампутацію и пріобрѣсть за то дружбу сильнаго сосѣда, чѣмъ упорнымъ отказомъ возбудить въ немъ холодность, а можетъ быть и нажить въ немъ врага, тѣмъ болѣе опаснаго, что, по близости, онъ имѣетъ возможность вступить во владѣнія Рѣчи-Посполитой прежде, чѣмъ далекіе союзники могутъ прійти къ полякамъ на помощь. Намъ предстоитъ что̀-нибудь одно изъ двухъ: или допустить перемѣну въ судьбѣ Гданска и Торуня, или подвергать Рѣчь-Посполитую опасности разрушенія». Маршалъ Малаховскій былъ за отдачу. Игнатій Потоцкій кричалъ, что Польшѣ представляется великое счастье и надобно имъ пользоваться, пока можно уступкою двухъ городовъ купить расположеніе сильнаго сосѣда. Но большинству пословъ казалась противною и страшною одна мысль отдавать что̀-нибудь послѣ того, какъ Польшу насильно принудили къ уступкамъ по первому раздѣлу. Послы твердили, что у поляковъ есть только одинъ приморскій городъ, и ка̀къ съ нимъ разстаться: тогда все море будетъ отъ нихъ отрѣзано. Прусская партія находила смѣшными и дѣтскими такіе доводы. «Странно думать,—говорили люди этой партіи,—о приморскомъ городѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи цѣлаго государства». Были и такіе, которые были во всемъ прочемъ за-одно съ Игнатіемъ Потоцкимъ, но на отдачу Пруссіи городовъ ни за что не соглашались. Наконецъ, 5-го и 6-го сентября, на сеймѣ состоялся законъ, по которому впредь запрещалось дѣлать какія бы то ни было предложенія объ уступкахъ или обмѣнахъ владѣній Рѣчи - Посполитой.

Этому закону назначали заранѣе мѣсто въ числѣ коренныхъ законовъ будущей конституціи. Послѣ этого долго никто не смѣлъ заикнуться объ отдачѣ Гданска и Торуня. Изъ лицъ, составлявшихъ полный комплектъ Избы, большая половина отлынула отъ дѣлъ. Въ засѣданіи было не болѣе 130 человѣкъ, и тѣхъ большая часть слѣдовала за нѣкоторыми крикунами. Прусской партіи не удалось на этотъ разъ перекричать противныхъ ей крикуновъ. Масса пословъ не хотѣла входить въ размышленія о выгодахъ или невыгодахъ такой отдачи, а просто по чувству національнаго самолюбія волновалась при одной мысли уступать что-нибудь изъ польской территоріи.

Рейхенбахскій конгрессъ, постановившій оставить дѣла безъ перемѣны въ прежнемъ положеніи, разрушалъ надежды польскихъ патріотовъ на войну, которая, какъ они думали, вспыхнетъ между Пруссіею и Австріею и въ которую, казалось, должна впутаться Россія. Извѣстіе, что все кончилось мирно, привело ихъ на первыхъ порахъ въ уныніе. Но тутъ прусскій король, чрезъ своего уполномоченнаго, Гольца, замѣнявшаго мѣсто Люккезини, временно находившагося въ отсутствіи изъ Варшавы, сообщилъ, что дѣло еще не совсѣмъ кончено и что онъ предложитъ Россіи принять также рейхенбахское постановленіе, а слѣдовательно помириться съ Турціею на такихъ же условіяхъ какъ Австрія; если же Россія не согласится, то можетъ быть Рѣчи-Посполитой придется употребить въ дѣло свои военныя силы вмѣстѣ съ прусскими. На ту пору посланникъ Рѣчи-Посполитой въ Константинополѣ, Петръ Потоцкій, прислалъ для утвержденія сеймомъ проектъ союзнаго договора Польши съ Турціею, составленный по наущенію турецкихъ министровъ, по которому Польша и Турція взаимно обязывались дѣйствовать войною противъ Россіи съ цѣлію возвращенія отнятыхъ Россіею турецкихъ и польскихъ областей. Надѣясь на заявленіе прусскаго короля о

возможности войны противъ Россіи, патріоты, съ Игнатіемъ Потоцкимъ и сеймовымъ маршаломъ Малаховскимъ во главѣ, ухватились съ восторгомъ за этотъ проектъ. Подъ ихъ руководствомъ Депутація Иностранныхъ Дѣлъ постановила представить этотъ проектъ на сеймъ для утвержденія. Между тѣмъ самъ, объявившій имъ заявленіе прусскаго короля, Гольцъ, въ своемъ донесеніи къ своему государю, смѣялся надъ легкомысліемъ и легковѣріемъ поляковъ. «У этого народа,—писалъ онъ,—такой характеръ, что малѣйшая противность сбиваетъ поляковъ съ ногъ, а чуть только они успокоятся духомъ, тотчасъ готовы на смѣлыя и энергическія затѣи. Достаточно было представленій отъ меня и отъ уполномоченныхъ англійскаго и шведскаго, чтобъ они измѣнили взглядъ на рейхенбахскія постановленія. Австріи поляки теперь уже не страшатся; у нихъ отзывается ненависть къ Россіи и является желаніе отомстить ей за ту зависимость, въ которой они отъ нея находились до настоящаго сейма.» Къ счастію, король Станиславъ-Августъ, къ которому явилась Депутація Иностранныхъ Дѣлъ съ Малаховскимъ, остановилъ горячность патріотовъ, представивъ имъ опасность, какой они подвергаютъ отечество, раздражая не кстати и преждевременно Россію и убѣдилъ ихъ по крайней мѣрѣ дать полномочіе послу Рѣчи-Посполитой въ Константинополѣ заключить предполагаемый договоръ съ Турціею только тогда, когда пребывающіе въ Константинополѣ уполномоченные прусскій и шведскій дадутъ поручительство, что ихъ дворы разомъ объявятъ войну Россіи. Король заранѣе предвидѣлъ, что этого не будетъ и такимъ образомъ договоръ Рѣчи-Посполитой съ Турціею не состоится. Съ такою оговоркою проектъ былъ представленъ сейму 2 сентября при закрытыхъ дверяхъ, былъ утвержденъ и отосланъ въ Константинополь. Договоръ дѣйствительно не состоялся и что̀ всего замѣчательнѣе, не состоялся, главнымъ образомъ, по тай-

ному противодѣйствію прусскаго посла въ Константинополѣ Кнобельсдорфа, который, по внушенію своего правительства, не допустилъ заключить торговыхъ условій Польши съ Турціею, долженствовавшихъ предоставить Рѣчи Посполитой свободу торговыхъ сношеній на черноморскихъ берегахъ, потому что Пруссія находила, что это было бы въ ущербъ ея торговымъ выгодамъ на Балтійскомъ морѣ.

Князь Понинскій сдѣлался тогда истиннымъ «козломъ отпущенія грѣховъ», тяготѣвшихъ на многихъ. Процессъ его тянулся до сентября 1790 года. Его выпустили изъ-подъ ареста и отдали на поруки иноврацлавскому послу Лещинскому. Когда, по поводу Гданска и Торуня, сеймъ вообще былъ раздраженъ противъ уступокъ въ чужія руки польскихъ земель, налегли на него, какъ на виновнаго въ подобномъ дѣлѣ въ былое время. Понинскій, предвидя, что ему не сдобровать, убѣжалъ снова изъ Варшавы на почтовыхъ лошадяхъ, но случилось, что тотъ самый офицеръ, который въ первый разъ упустилъ его, встрѣтился съ нимъ въ Гнѣвошевѣ, ѣдучи по дѣламъ службы, задержалъ и доставилъ въ Варшаву. Это второе покушеніе ускорило приговоръ надъ нимъ. Черезъ нѣсколько дней, Понинскаго присудили къ лишенію всѣхъ титуловъ и шляхетскаго достоинства и къ изгнанію изъ отечества. Самое фамильное прозваніе у него было отнято. Для примѣра и назиданія современникамъ и потомкамъ, его хотѣли-было водить по варшавскимъ улицамъ при звукѣ трубъ, со всенародными возгласами: «вотъ измѣнникъ»! Но члены его семейства просили избавить ихъ фамилію отъ такого поношенія: ходатайство ихъ было уважено тѣмъ болѣе, что одна изъ сестеръ его была за братомъ курляндскаго герцога. Преступника отправили за городъ въ каретѣ, подъ прикрытіемъ военнаго караула, съ тѣмъ, чтобъ черезъ четыре недѣли его уже не было въ границахъ Рѣчи-Посполитой. Но Понинскій, какъ бы въ насмѣшку надъ судомъ и надъ

цѣлымъ сеймомъ, прибылъ въ свое имѣніе не далеко отъ Варшавы, и тамъ задалъ великолѣпный пиръ, надѣвши мундиръ русскаго генерала и навѣсивъ русскіе ордена. Его осужденіе не помѣшало многимъ съѣхаться къ нему по его приглашенію; онъ все-таки былъ вельможа, покровительствуемый Россіею. Понинскій удалился въ Галицію, гдѣ у него были имѣнія.

Въ сентябрѣ, Штакельбергъ попрощался съ Польшею. Екатерина была недовольна этимъ старымъ и осторожнымъ слугою, въ особенности за совѣты примириться съ Турціею. Вмѣсто него прибылъ Яковъ Булгаковъ, бывшій посломъ въ Константинополѣ и при началѣ войны засаженный тамъ въ Семибашенный за́мокъ. Система дѣйствій, предписанная ему, была система выжиданія и видимаго невмѣшательства. «Я мыслю, —писала ему Екатерина,—что въ ихъ дѣлѣ, по злобѣ націи польской къ Россіи, мѣшаться не должно, дондеже часть націи меня не призоветъ; развѣ откроется впередъ случай такой, гдѣ съ пристойностью къ тому приступить могу, котораго не уступлю конечно». Императрица приказывала приласкать поляковъ, замѣчать: «если они сходны къ реконфедераціи и обнадеживать доброжелающихъ, но не ходить за ними и не показывать, что сіе нужно, либо на сердцѣ лежитъ». Екатерина считала поляковъ продажными, была увѣрена, что всегда можно будетъ подкупить вліятельныхъ лицъ, и оставляла рѣшеніе своихъ плановъ до будущаго времени. Наклонность къ Пруссіи она объясняла исключительно подкупомъ. «Пусть поляки поживутъ на счетъ короля прусскаго», писала она. Игнатія Потоцкаго она почитала вполнѣ продажнымъ и выражалась о немъ въ письмѣ къ Булгакову такъ: «Понеже надворный маршалъ Потоцкій, несмотря на присягу свою, къ деньгамъ оказался лакомъ, гдѣ полезенъ быть можетъ, вы то къ случаю не оставьте сіе употребить въ нашу и друзей нашихъ пользу». Россіи

непріятна была связь Польши съ Пруссіею, а равно и замыслы ввести наслѣдственное правленіе. Булгаковъ долженъ былъ мѣшать и тому и другому. Канцлеръ Остерманъ объ этомъ предметѣ такія писалъ наставленія Булгакову: «Надо стараться всѣми силами, чтобы выборъ не палъ ни на котораго изъ принцевъ прусскихъ, ниже на кого либо изъ преданныхъ двору тамошнему; сего-то событія отвращеніе ея императорское величество поручаетъ бдѣнію и попеченію вашему... И потому остерегать благомыслящихъ поляковъ и умѣющихъ о пользѣ своей разсуждать отъ такого хитраго берлинскимъ дворомъ ихъ уловленія. Вы можете изъяснить, что при выборѣ кандидата, надобнаго сему двору, Польша подвергнется тому жребію, каковый постигъ республику Голландскую, по принятіи королемъ прусскимъ въ дѣлахъ ея участія подъ предлогомъ свойства со статгальтеромъ, и надежнымъ пріятелямъ вы должны внушать словесно, коль неосновательно удостовѣреніе соотчичей ихъ въ великодушіе и безкорыстіе двора берлинскаго, приводя имъ на память учиненное республикѣ о уступкѣ ему городовъ Торуня и Гданска предложеніе и всѣ происходившіе въ Рейхенбахѣ переговоры, гдѣ не столько настояло дѣло о выгодѣ его союзниковъ, сколько о распространеніи его собственныхъ областей, и хотя онъ объявилъ, что отъ требованія своего на тѣ города отрицается, однако извѣстно, что присвоеніе ихъ и нынѣ не упускаетъ изъ вида». При этомъ Остерманъ поручилъ Булгакову показать, кому нужно, письмо русскаго посланника Алопеуса въ Берлинѣ, доказывающее, что прусскій король такъ или иначе, а все-таки помышляетъ о пріобрѣтеніи Гданска и Торуня.

Булгаковъ, пріѣхавъ въ Польшу, нашелъ, что тамъ въ публикѣ господствуетъ неблагопріятное расположеніе къ Россіи. «Всѣ почти чуждаются насъ,—писалъ онъ въ своихъ донесеніяхъ;—быть врагомъ Россіи сдѣлалось модою:

иной и не чувствуетъ къ ней вражды, а притворяется человѣкомъ прусской партіи». Враждебное настроеніе къ Россіи нѣсколько ослабѣло послѣ рейхенбахскаго конгресса, но осенью опять усилилось. «Причина та,—писалъ Булгаковъ,—что Пруссія пожертвовала тогда 150,000 червонцевъ для раздачи посламъ, поручивъ раздавать ихъ Игнатію Потоцкому» [1]). Оттого, по замѣчанію Булгакова, внезапно появилось въ Польшѣ множество прусской монеты. Поляковъ манили обѣщаніями, что Пруссія соединяется съ Австріею; другія европейскія страны пристанутъ къ союзу; всѣ пойдутъ на Россію за Польшу и отнимутъ у Россіи Бѣлую Русь, Кіевъ и пр. «Теперь,—писалъ Булгаковъ,— послы прожились и разорились, и многіе только и живутъ что прусскими деньгами; не безъ основанія можно думать, что всѣ падки на деньги и продадутъ себя тому, кто дороже заплатитъ».

Вопросъ о наслѣдственности престола долго не смѣлъ появляться въ сеймовой Избѣ, но давно уже кружился въ обществѣ; у маршала Малаховскаго и у Игнатія Потоцкаго часто совѣщались объ этомъ. Въ началѣ 1790 года, поляки, толкуя объ этомъ вопросѣ, сами недоумѣвали, откуда онъ явился; иные говорили, что мысль эта навѣяна отъ Россіи: ее считали плодомъ честолюбивыхъ замысловъ Потемкина, которому, какъ утверждали, хотѣлось быть государемъ или княжества, составленнаго изъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, или же Польши. Указывали на гетмана Браницкаго, что онъ, по свойству съ Потемкинымъ, распространялъ эту мысль. Браницкій, чтобъ снять съ себя это обвиненіе, тотчасъ заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ наслѣдственности. Щенсный Потоцкій и Ржевускій показали себя ярыми врагами этого

---

[1]) Трудно рѣшить, въ какой степени справедливо это извѣстіе. не имѣвъ подъ рукою секретныхъ прусскихъ дѣлъ.

замысла, и оба удалились изъ Варшавы. Ржевускій, проживая въ Дрезденѣ, напечаталъ брошюру, гдѣ порицалъ наслѣдственность и защищалъ избирательное правленіе. Браницкій распространялъ въ Польшѣ это сочиненіе въ тысячахъ экземпляровъ. Сторонники стараго порядка полагали, что мысль о наслѣдственности внушилъ Люккезини, въ надеждѣ, что поляки выберутъ на престолъ принца изъ прусскаго дома, и Пруссія такимъ образомъ современемъ, если не тотчасъ, овладѣетъ Польшею. Король Станиславъ-Августъ старался уклоняться отъ этого вопроса, а когда его наводили на разговоръ объ этомъ, то онъ соображался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и прогрессистамъ онъ говорилъ, что, по его мнѣнію, упадокъ Польши начался со введеніемъ избирательнаго правленія. Штакельбергъ при всякомъ случаѣ, сообразуясь со своими инструкціями, отклонялъ короля и пановъ отъ этой мысли. Главный аргументъ его состоялъ въ томъ, что Польша никакъ не можетъ избѣжать войнъ, которыя будутъ для нея разрушительны. «Но ужъ если поляки рѣшатся ввести у себя наслѣдственное правленіе,—говорилъ онъ,—то пусть вводятъ не иначе, какъ съ согласія императорскихъ дворовъ, и дадутъ корону тому, на чей выборъ оба двора будутъ согласны». Штакельбергъ думалъ - было воспользоваться ссорою, которая произошла между Игнатіемъ Потоцкимъ и Казимиромъ-Несторомъ Сапѣгою и нѣсколько времени занимала весь городъ, но не успѣлъ ни въ чемъ. Люккезини такъ настроилъ пановъ-патріотовъ, что они, если и не ладили между собою, то все-таки не выходили изъ-подъ вліянія прусскаго посланника. Люккезини, однако, не давалъ имъ прямыхъ совѣтовъ ввести наслѣдственное правленіе и напротивъ прямо говорилъ, что прусскій король не потерпитъ его, какъ только увидитъ въ немъ небезопасность для спокойствія Пруссіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ настраивалъ поляковъ на введеніе такихъ пере-

мѣнъ, которыя шли въ-разрѣзъ съ избирательнымъ правленіемъ. Въ Петербургѣ понимали дѣло такъ, что мысль о наслѣдственности считали внушеніемъ прусскаго двора, желавшаго посадить на польскій престолъ своего принца. Послѣ отъѣзда Штакельберга, Булгаковъ, сначала видя, что все настроено противъ Россіи, посыпалъ русскими полуимперіалами и тѣмъ открылъ себѣ путь къ дружескимъ бесѣдамъ съ послами. «Вѣдь прусскому королю,— говорилъ онъ полякамъ,—хочется обмануть васъ, вы отдадите ему города, онъ свое возьметъ и покинетъ васъ». Отвѣдавши русскихъ денегъ, нѣкоторые послы начали сильнѣе кричать противъ прусской жадности и двоедушія.

Работы по разсмотрѣнію конституціи шли чрезвычайно вяло, и для внутреннихъ улучшеній сеймъ не сдѣлалъ ничего. Финансы не поправлялись: обыватели не вносили исправно установленныхъ сеймомъ налоговъ. Налогъ на шкуры потерпѣлъ великое посрамленіе. По распоряженію правительства учрежденные для этого писаря брали шкуры отъ мясниковъ и доставляли въ нарочно устроенные по городамъ сараи: постройка сараевъ, жалованье чиновникамъ, перевозка шкуръ, ихъ размѣщеніе потребовали сразу значительныхъ затратъ. Отъ плохого присмотра шкуры портились и наполняли воздухъ въ городахъ заразительнымъ смрадомъ. Отъ порчи множества шкуръ цѣны на кожевенные товары возвысились. Они вздорожали еще и оттого, что для удобства продажи изъ казны опредѣлено было продавать ихъ только тѣмъ, которые покупали не менѣе 60-ти шкуръ за-разъ. Большая часть ремесленниковъ, занимавшихся выдѣлкою шкуръ, были люди бѣдные и не могли дѣлать большихъ закупокъ; поэтому шкуры покупали въ казнѣ евреи и высылали ихъ за-границу, или продавали по одиночкѣ очень дорого. Такимъ образомъ, дороговизна кожевенныхъ издѣлій дошла до того, что

простые мужичьи сапоги стоили никакъ не менѣе 12 злотыхъ, что́ по тогдашнимъ цѣнамъ было неслыханно дорого. Казна сама почувствовала скоро неудобство своихъ операцій: войско нуждалось въ обуви, въ конской сбруѣ и вообще въ разныхъ принадлежностяхъ изъ кожи, и скарбовая коммиссія понуждала ремесленниковъ доставлять въ войско необходимыя издѣлія; тогда ремесленники доставляли заказы изъ дурного матеріала и отговаривались тѣмъ, что изъ казны получаютъ испорченныя шкуры. Правительство нашло, что писаря, учрежденные для отбиранія у мясниковъ шкуръ, дѣлаютъ злоупотребленія, а это еще болѣе умножило неудобство, потому что потребовалось содержаніе новыхъ чиновниковъ. Съ дороговизною на кожи возникла дороговизна на мясо: за фунтъ платили 10 грошей, скотъ, напротивъ, дешевѣлъ. Много мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ лишились средствъ пропитанія. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемой по разсчету прибыли десяти милліоновъ, казна не получила и трехъ; за то эта мѣра возбудила всеобщій ропотъ и негодованіе. Въ то время носилась молва, будто оставшіеся безъ куска хлѣба рабочіе производили пожары. Дѣйствительно, въ теченіи лѣта 1790 года, по всѣмъ областямъ Рѣчи-Посполитой было множество пожаровъ, но надобно принять во вниманіе, что лѣто было чрезвычайно сухое, горѣли лѣса и болота.

Установленная, 10-го сентября 1789 года, депутація для составленія проекта формы правленія подала часть своего проекта, о сеймикахъ; противъ нея поднялись голоса. Находили, что депутація не соблюдаетъ предписаній сейма. Ей предписано было изложить кардинальные законы Рѣчи-Посполитой, обязанности верховныхъ магистратуръ и ихъ отношенія между собою. Депутація умышленно проминула кардинальные законы. Это сдѣлано было потому, что въ число кардинальныхъ законовъ входило избирательное правленіе, а большинство членовъ депута-

ціи склонялось къ наслѣдственности. Тогда въ публикѣ болѣе и болѣе развивалась мысль о необходимости замѣнить избирательное правленіе наслѣдственнымъ или, какъ говорилось, ввести избирательное правленіе по фамиліямъ, а не по лицамъ. Депутація думала, что, подавая проектъ по частямъ, она успѣетъ обратить въ законъ многое касающееся управленія, а кардинальные законы оставить на послѣдокъ, а между тѣмъ, умы болѣе подготовятся, и освоятся съ мыслію о наслѣдственности. Но этого ей не удалось. Сеймъ предписалъ ей изготовить проектъ, начиная съ кардинальныхъ правъ. Въ іюнѣ, онъ постановилъ продолжать свою дѣятельность до 1-го марта 1791 года, въ тѣхъ видахъ, что много изъ старыхъ учрежденій уничтожено, новыя еще не установлены, или не приведены въ дѣйствіе, а чтобъ не стали говорить, что сеймъ самовольно захватываетъ въ свои руки верховную власть на многіе годы, безъ воли націи, то многіе тогда заявляли мысль просить собранные сеймики выбрать новыхъ пословъ и присоединить къ старымъ, такъ, чтобы сеймъ былъ въ двойномъ числѣ. Присутствіе старыхъ въ сеймовой Избѣ представлялось необходимымъ потому именно, что много важныхъ дѣлъ, ими начатыхъ, оставалось не оконченными; казалось благоразумнымъ, чтобы ихъ кончали непремѣнно прежніе, которые начали, хотя и вмѣстѣ съ новыми. Въ августѣ, депутація для составленія проекта формы правленія подала вновь свой проектъ и прибѣгла къ другого рода увертке. Ей предписывали начать съ кардинальныхъ правъ, но сдѣлать такъ значило заранѣе объявить кардинальными правами такіе законы, которыхъ измѣненія они домогались, поэтому она представила конституціонныя права, обозначивъ въ рубрикѣ: права конституціонныя, въ число которыхъ входятъ и кардинальныя. Такимъ образомъ, депутація предоставляла сейму порѣшить, чтó признавать кардинальнымъ; между

тѣмъ по дѣламъ, касающимся, такъ-называемыхъ, конституціонныхъ законовъ, необходимо было двухъ третей голосовъ, для измѣненія же кардинальныхъ нужно было единогласіе. При извлеченіи кардинальныхъ законовъ изъ представленной массы конституціонныхъ, выступилъ наружу вопросъ объ избирательности и наслѣдственности престола, и сдѣлался предметомъ преній. Но потомъ оставили его и начали заниматься другими, составлявшими также сущность кардинальныхъ законовъ. Въ сентябрѣ коснулись религіи. Сперва сеймъ рѣшилъ принять господствующими три вѣроисповѣданія: римско-католическое, греко-уніятское и дизунитское (православное); но черезъ нѣсколько дней, 25-го сентября, сеймъ сдѣлалъ измѣненіе, призналъ господствующею одну римско-католическую религію обоихъ обрядовъ: латинскаго и греко-славянскаго; православная религія наравнѣ съ протестантствомъ допускалась только въ качествѣ терпимой. Одинъ изъ кардинальныхъ законовъ долженъ былъ опредѣлить, должна-ли законодательная власть Рѣчи-Посполитой сосредоточиваться исключительно въ шляхетскомъ сословіи? Тогда отъ прогрессивной партіи послѣдовало новое домогательство даровать городамъ право посылать представителей, но еще разъ было отвергнуто. Такое неблагопріятное для городовъ настроеніе произошло также и оттого, что въ Варшавѣ въ это время случились безпорядки. Какой-то портной поймалъ на улицѣ шедшаго съ работой еврея, незаписаннаго въ цехъ и, слѣдовательно, не имѣвшаго права заниматься ремесломъ. Онъ потащилъ его въ цехъ. Евреи стали отбивать своего единовѣрца и прибили портного. Тогда толпа ремесленниковъ бросилась на евреевъ, грабила ихъ домы и бросала въ колодцы ихъ пожитки. Городская маршалковская стража бросилась унимать свалку, мѣщане прогнали ее и кидали на нее каменьями, это дало на сеймѣ поводъ указывать неодобрительно на

мѣщанское сословіе вообще и находить, что мѣщане недостойны чести, какую имъ хочетъ дать прогрессивная партія.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ домѣ маршала Малаховскаго, а также и въ собраніяхъ, бывшихъ у разныхъ пословъ, членовъ сейма, разговоры и пренія всѣ сходились къ одному вопросу о томъ: должно ли быть въ Польшѣ избирательное или наслѣдственное правленіе? Сторонниковъ наслѣдственнаго становилось все болѣе и болѣе, но между ними еще не составлялось единогласія относительно выбора лица, достойнаго открыть рядъ наслѣдственныхъ польскихъ королей. Игнатій Потоцкій расположенъ былъ отдать польскую корону прусскому принцу или даже самому прусскому королю. Однажды, находясь въ домѣ княгини Сангушковой, гдѣ часто собирались лица высшаго круга, Потоцкій, проповѣдуя свои идеи, говорилъ: «Ахъ, если бы намъ убѣдить прусскаго короля принять польскую корону; это трудно, потому что онъ боится отважиться на войну, которая послѣдуетъ съ Россіею и Австріею. Ахъ, если бы можно было успѣть въ этомъ! Вотъ былъ бы наилучшій для насъ исходъ. Польша соединилась бы съ Пруссіею, какъ нѣкогда соединилась съ Литвою, съ равнымъ правомъ, какъ для католиковъ, такъ и для диссидентовъ, покупать въ Польшѣ и Пруссіи имѣнія, занимать мѣста и должности, съ открытіемъ свободной торговли между обѣими соединенными странами. Можно, мнѣ кажется, усыпить Россію и Австрію, дозволя имъ расширить свои владѣнія насчетъ Турціи, а со временемъ, когда мы окрѣпнемъ, можно будетъ войной отнять тѣ земли, которыя отъ насъ отторгнули эти государства. Европа не будетъ препятствовать соединенію Пруссіи съ Польшей. Напротивъ, царствующій въ Европѣ духъ свободы встрѣтитъ хорошо идею соединенія двухъ государствъ подъ конституціоннымъ правленіемъ». Ему за-

мѣчали, что невозможно согласить на это польское дворянство. «Правда,—отвѣчалъ Потоцкій,—но въ крайнемъ случаѣ мы поднимемъ мѣщанъ и освободимъ крестьянъ». Но слова остались словами. Дѣло было черезъ-чуръ трудное, и самъ Потоцкій остановился бы, когда бы встрѣтился въ области дѣла съ тѣмъ, что́ льстило его воображенію. Надобно было, во-первыхъ, принять во вниманіе, что прусскій король былъ протестантъ и по отношеніямъ, привязывавшимъ его къ своей наслѣдственной странѣ, не могъ сдѣлаться католикомъ; этого уже было достаточно, чтобы поляки отвергли его кандидатуру; во-вторыхъ, Фридрихъ-Вильгельмъ властвовалъ въ своемъ государствѣ неограниченно, и ужъ конечно былъ склоненъ скорѣе въ Польшѣ властвовать такимъ же образомъ, чѣмъ вводить въ свое государство что-нибудь новое, похожее на польское, какъ того хотѣлъ Потоцкій, выражаясь о соединеніи Польши и Пруссіи подъ однимъ конституціоннымъ правленіемъ. Что же касается до поднятія мѣщанъ и крестьянъ, то на это не достало бы у Игнатія Потоцкаго дѣятелей; а если бы возможно было начать такое волненіе, то оно ничего не подѣлало бы противъ организованныхъ войскъ сосѣднихъ государствъ, которыя тотчасъ бы наводнили Польшу.

Другіе говорили, что Польшѣ лучше всего слѣдуетъ пріобрѣсть союзъ съ сильной Англіей, и выбрать въ наслѣдственные короли англійскаго принца. При тогдашнихъ обстоятельствахъ, это казалось самымъ здравымъ предположеніемъ, но оно не имѣло за собою популярности; не находилось охотниковъ взяться энергически за эту мысль. Притомъ было два препятствующихъ обстоятельства: во-первыхъ, англійскому принцу надобно было перемѣнять вѣру, во-вторыхъ, онъ былъ бездѣтенъ. Король Станиславъ-Августъ думалъ еще объ одномъ кандидатѣ—о внукѣ Екатерины; объ этомъ у него, какъ кажется, и было говорено

съ государынею еще въ Каневѣ, но въ тѣ времена трудно было рѣшиться заговорить объ этомъ, да и король сталъ не тотъ, что былъ прежде. Хотя онъ сдерживалъ задоръ польскихъ патріотовъ противъ Россіи и постоянно давалъ совѣты избѣгать всего, что могло дразнить ее, но уже не отвращался, какъ въ началѣ сейма, отъ союза съ прусскимъ королемъ, соперникомъ русской императрицы, напротивъ признавалъ, какъ выразился въ одномъ своемъ письмѣ къ Букатому, польскому послу въ Англіи, что желаетъ находиться въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Пруссіею и Англіею, потому что только такое положеніе заставитъ Россію уважать польскую націю. Къ числу кандидатовъ въ преемники Станиславу-Августу причисляли также, въ то время, герцога брауншвейгскаго, родственника прусскаго короля, шведскаго принца герцога зюдерманландскаго и самого шведскаго короля Густава III, о которомъ говорили, что онъ старался поддѣлаться къ полякамъ и съ этой цѣлію на балѣ, данномъ въ Дротнингсгольмѣ, явился въ польской національной одеждѣ. Есть извѣстіе, что онъ сообщалъ свое желаніе соединить своею особою двѣ короны, шведскую и польскую, императрицѣ Екатеринѣ, и она не противорѣчила ему, держа свое на умѣ. Всѣ эти кандидатуры остались только въ области политическихъ сплетень своего времени и не имѣли партій у поляковъ на сеймикахъ. Большинство склонялось къ выбору въ преемники Станиславу-Августу саксонскаго князя-избирателя, родственника покойнаго польскаго короля Августа III, католика по вѣрѣ, знавшаго даже по-польски. Этотъ принцъ болѣе чѣмъ всякій другой казался подходящимъ; притомъ поляки думали, хотя ошибочно, что берлинскій дворъ не будетъ препятствовать его выбору; даже тѣ, которые ни за что не хотѣли наслѣдственнаго правленія, готовы были признать его преемникомъ Станиславу-Августу, въ качествѣ будущаго избирательнаго короля. Когда объ этихъ вопро-

сахъ толковали у Малаховскаго, то подъ вліяніемъ хлѣбосольства многіе послы потакали рѣчамъ о преимуществѣ наслѣдственнаго правленія; другіе, по крайней мѣрѣ, уклонялись отъ рѣзкихъ возраженій, но какъ скоро начали говорить объ этомъ въ сеймовой Избѣ, тотчасъ оказывалось, что большинство стоитъ за сохраненіе старины. Какъ лучшій и законнѣйшій исходъ этого дѣла, нѣкоторые предлагали обратиться къ народу съ вопросомъ о преемничествѣ и спросить на сеймикахъ все польское шляхетство, желаетъ ли оно назначить преемникомъ Станиславу-Августу саксонскаго князя-избирателя Фридриха Августа. Противъ этого стали-было возражать, что такое обращеніе несообразно съ законами государства, не дозволявшими открывать сеймиковъ въ то время, когда сеймъ собранъ или находится въ дѣйствіи. Брестскій посолъ Матушевичъ далъ такую мысль: надобно прекратить дѣятельность сейма на ту пору, когда соберутся сеймики, и въ такомъ случаѣ нужно считать сеймъ распущеннымъ. Предложили выбрать на сеймикахъ новыхъ пословъ и на сеймъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердить на дальнѣйшій срокъ представительство за старыми такъ, чтобы сеймъ отправлялся двойнымъ числомъ голосовъ. Король согласился на это изъ первыхъ, и вообще старался въ то время заслужить расположеніе прогрессивной партіи, не объявляя впрочемъ себя рѣшительно за наслѣдство, и постоянно твердя, что онъ соображаетъ свои убѣжденія съ волею народа.

Кіевскій посолъ Трипольскій, говоря противъ намѣренія назначать польскому королю преемника при жизни царствующаго лица, привелъ анекдотъ о каноникѣ, который заранѣе составилъ завѣщаніе въ пользу своихъ родныхъ и служителей, а они за это ускорили его кончину. «Я люблю отечество болѣе самого себя и потому не боюсь ничего подобнаго», сказалъ король, и заслужилъ одобреніе прогрессистовъ за хорошую фразу. Послѣ восьмидневныхъ

споровъ и горячихъ криковъ, наконецъ, 20 сентября, порѣшили открыть сеймики для выбора новыхъ пословъ, которые бы составляли сеймовую Избу вмѣстѣ съ прежними, и предложить къ обсужденію и рѣшенію вопросъ въ такой формѣ: можно ли при жизни настоящаго короля избрать ему преемника въ особѣ князя-избирателя. Нѣкоторые прогрессисты долго боялись этого; они знали, что̀ такое польскіе сеймики, какъ легко ими руководить богатымъ и ловкимъ панамъ, и какъ крѣпко укоренена была въ шляхетствѣ рутина старо-польской вольности, но потомъ на эту мѣру согласились съ большинствомъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, эта мѣра послужитъ въ пользу и имъ, какъ противникамъ: и они со своей стороны имѣли въ виду разъѣхаться по воеводствамъ, и настраивать сеймики на свою сторону. Формула вопроса о преемникѣ составлена уклончиво: спрашивали только о преемничествѣ, а никакъ не о наслѣдственности; такимъ образомъ можно было въ нѣкоторыхъ воеводствахъ настроить сеймики до того, чтобы они сами, какъ будто по своему произволенію, потребовали наслѣдственнаго правленія; въ другихъ же, если не скажется объ этомъ ничего ни за, ни противъ, то потомъ можно будетъ на сеймѣ установить наслѣдство, опираясь на то, что нѣсколько сеймиковъ заявили желаніе, а другіе не заявили своего нежеланія. Такимъ образомъ, маршалъ сейма отъ 8 октября издалъ универсалъ о собраніи сеймиковъ на 16-е ноября, а сеймъ закрывался до 16 декабря, когда долженъ былъ открыться съ двойнымъ числомъ пословъ. Въ универсалѣ не только не было ничего о наслѣдствѣ, но ясно было заявлено, что избирательное правленіе останется ненарушимымъ.

Такое послѣднее рѣшеніе было противоположно совѣтамъ саксонскаго министра Эссена, который говорилъ полякамъ: «Установите прежде твердый порядокъ правленія, потомъ уже выбирайте преемника, потому что вашимъ сосѣдямъ,

особенно Россіи, въ вашихъ реформахъ непріятнѣе всего то, что вы пытаетесь вводить наслѣдственное правленіе; избѣгайте преждевременно раздражать сильныхъ, пока вы сами не усилились». Но полякамъ казалось, что они достаточно сильны: уже они заручились союзомъ съ Пруссіею.

Между тѣмъ прусскій король уже измѣнилъ свои планы, прекратилъ недоразумѣнія съ Австріею и сближался съ Россіею: послѣдняя, будучи принуждена воевать противъ Турціи одна, соглашалась на примиреніе при посредствѣ Пруссіи. Прежній другъ Польши, Люккезини, отправился въ Турцію примирителемъ и хлопоталъ о томъ, что́ шло въ разрѣзъ съ желаніями и видами Польши. Онъ уговаривалъ турокъ уступить требованіямъ Россіи. Въ видахъ Пруссіи было устроить этотъ миръ для того, чтобы потомъ можно было вмѣстѣ съ Россіею пріобрѣсть на счетъ Польши тѣ выгоды, которыхъ Пруссія не могла получить добровольно по причинѣ упрямства поляковъ; не зная этого, поляки хлопотали о продолженіи войны, мечтали не только обезопасить отъ Россіи свое государство, но напомнить «москалямъ» былыя побѣды, унизить, наказать, потоптать враждебную Москву. Польскія затѣи заключить съ Оттоманскою Портою договоръ во вредъ Россіи становились на будущее время самымъ благовиднымъ предлогомъ для Россіи. Россія не показывала непріязненныхъ дѣйствій къ Польшѣ, вывела свои войска изъ польскихъ владѣній по требованію сейма, удерживалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши. Екатерина предвидѣла, что поляки сами объявятъ ей вражду. Ожидать пришлось недолго. Безсильная держава легкомысленно задирала сильную и, конечно, должна была ожидать себѣ за то возмездія.

VIII.

Варшавское общество и нравы во время сейма. [1])

Характеръ сейма—медленность въ работахъ, широкіе замыслы и узкое пониманіе способовъ ихъ осуществленія, богатство затѣй и скудость средствъ, мало дѣла и много словъ, все, чѣмъ отличался тогдашній сеймъ, шло какъ нельзя болѣе въ уровнѣ съ образомъ жизни пословъ за предѣлами сеймовой Избы и съ характеромъ общества тогдашней польской столицы. Живой и легкій нравъ поляковъ располагалъ ихъ къ тому, чтобы начинать и не кончать, спѣшить къ цѣли и внезапно останавливаться на полдорогѣ, и, главное, убѣгать тяжелаго труда, когда послѣдній долженъ былъ смѣнять краснорѣчіе. У поляковъ всегда, гдѣ только собиралось большое общество, являлись кутежи, пиры и битье въ баклуши. Никогда еще Варшава не видала въ стѣнахъ своихъ такого стеченія шляхетства, и никогда не предавалась съ такою забывчивостью широкому разгулу. Въ прежнія времена Варшава не славилась шумнымъ обществомъ; паны не любили жить въ столицѣ, какъ и вообще польское дворянство не жаловало городовъ. Дѣдовскія привычки располагали пановъ предпочитать городамъ свои наслѣдственные палаццы въ имѣніяхъ, гдѣ жилось имъ такъ весело; если же кто чувствовалъ однообразіе такой жизни, тотъ ѣхалъ не въ польскій городъ и не въ польскую столицу, а куда-нибудь во Францію, или Италію, гдѣ поляки своею расточительностью и податливостью всякому надувательству произвели даже пословицу: «far viaggio alla Polacca»—странствовать по-польски. Только во время сеймовъ, въ продолженіе шести недѣль, Варшава оживлялась, когда съѣзжались туда послы, а за ними всякіе любопытные обыватели и евреи, кото-

[1]) См. Источники: № 117, 118, 89, 80, 75, 47.

рымъ только въ это время дозволялось торговать въ Варшавѣ; отовсюду привозились товары для прельщенія панскихъ глазъ. Неудивительно, что вообще Варшава, въ былыя времена, казалась скучнымъ и заброшеннымъ городомъ. Съ Августа III, она начала мало-по-малу оживляться, но блистательное ея положеніе наступило при Станиславѣ-Августѣ. Городъ расширялся, пролагались цѣлыя новыя улицы, воздвигались зданія за зданіями, обновлялись ветхія и пришедшія въ упадокъ отъ долгаго небреженія. Заброшенный дворецъ Яна-Казимира, на Краковскомъ Предмѣстьи, былъ возобновленъ, украшенъ и отданъ подъ корпусъ кадетъ. Королевскій зáмокъ, на который мало обращали вниманіе при Августахъ, жившихъ больше въ Дрезденѣ, былъ отдѣланъ, наряженъ и украшенъ картинами художниковъ, пользовавшихся покровительствомъ польскаго короля. Построены красивыя казармы для гвардіи и артиллеріи. Явилось нѣсколько новыхъ красивыхъ церквей: кармелитскій монастырь, двѣ протестантскія церкви и уніятскій монастырь на Медовой улицѣ; выстроено зданіе публичнаго театра на площади Красинскихъ; за городомъ распространенъ дворецъ въ Бѣлянахъ и построены великолѣпныя Лазенки съ прекраснымъ садомъ: король особенно объ нихъ заботился. Подражая ему, паны начали поправлять свои палаццы и воздвигать новые; сдѣлалось модою содержать ихъ въ столицѣ, щеголять ими и проживать въ нихъ отъ времени до времени, расточая свое гостепріимство. Такой характеръ Варшавы дошелъ до своего апогея въ эпоху конституціоннаго сейма; какъ будто чувствуя, что надъ Польшей виситъ роковой приговоръ судьбы, всѣ спѣшили пожить, какъ можно необузданнѣе и размашистѣе; всеувлекающее, всеопьяняющее веселье охватило польскую столицу.

Если мы перенесемся воображеніемъ въ Варшаву конца XVIII вѣка, то не найдемъ въ ней того европей-

скаго образа, который дѣлаетъ ее теперь похожею на всѣ вообще столицы и большіе города Европы. Несмотря на важныя улучшенія во времена Станислава-Августа, она все еще усѣяна была бѣдными деревянными постройками съ гонтовою крышею, нерѣдко снабженною живописными щелями, обросшими травою, которыя хозяева отъ бѣдности и безпечности не могли починить. Такимъ образомъ, улица Новый-Свѣтъ, составляющая продолженіе Краковскаго Предмѣстья, красивѣйшей части города, въ то время еще вся почти состояла изъ такихъ зданій. Такъ-называемое «Старое Място» наполнено было каменными строеніями съ виду поразительно грязными, обыкновенно въ два этажа, но иногда и въ три; дома эти принадлежали торговому классу, внизу были погреба и лавки, вверху лишніе покои отдавались въ наемъ, и здѣсь гнѣздилась бѣдность и нечистота. Всѣхъ улицъ, большихъ и малыхъ, считалось тогда 190, но изъ нихъ не болѣе десяти были порядочно вымощены; на остальныхъ, если и была мостовая, то въ такой степени дурно устроенная и плохо содержимая, что скорѣе препятствовала ѣздѣ, чѣмъ способствовала ея удобствамъ. Осенью и во время большихъ дождей, грязь была невылазная,—переходить улицы можно было не иначе, какъ въ большихъ сапогахъ. Впрочемъ, сколько-нибудь зажиточный полякъ не ходилъ по городу, а ѣздилъ въ экипажѣ, или верхомъ, стараясь при этомъ щегольнуть лошадьми. Отъ этого, во время конституціоннаго сейма, въ Варшавѣ была такая безпрерывная ѣзда, что лошадей могло казаться на улицѣ больше, чѣмъ людей, въ особенности потому, что если какой-нибудь господинъ подумаетъ погарцовать по улицамъ столицы верхомъ, то за нимъ ѣхало три, четыре гайдука, а когда выѣзжала знатная дама въ каретѣ, то ее везли восемь и даже двѣнадцать лошадей. Варшавскіе модники, сверхъ того, любили щеголять гоньбою во весь духъ въ кабріолетахъ,

запряженныхъ превосходными лошадьми, которыми они въ такомъ случаѣ управляли сами безъ кучера, представляя изъ себя подобіе древнихъ римскихъ авригъ; даже дамы отваживались прокатиться въ такихъ кабріолетахъ и сами управляли иногда шестью, а иногда и восемью лошадьми. Этимъ отличались особы высшаго круга; иногда барыни невысокаго полета, и даже мѣщанки задумывали тоже дѣлать, но часто имъ это вовсе не удавалось, и лошади у нихъ были хуже, и сами онѣ не имѣли такой ловкости. Зимою такимъ образомъ катались по городу на саняхъ разнообразной конструкціи съ яркими украшеніями изъ серебра и даже золота, и съ малиновыми или голубыми сѣтками, закрывавшими господъ и госпожъ отъ снѣга, взбиваемаго конскими копытами. Упряжь также, какъ и сани, блистала серебромъ съ насѣчкою изъ золота. Между ними мелькали верхомъ кавалеры, выказывая богатство сѣделъ, сбруй и собственныхъ нарядовъ.

Франтовство одеждою доходило до страсти; старались одѣться какъ можно фигурнѣе и оригинальнѣе; пріѣзжій въ Варшаву европеецъ поражался разнообразіемъ и часто безвкусіемъ видѣнныхъ на улицѣ костюмовъ. Старый польскій нарядъ у знатныхъ пановъ въ XVIII вѣкѣ почти вышелъ изъ употребленія; только немногіе оригиналы, въ родѣ Panie Kochanku, не разставались съ нимъ. Большинство предпочло ему французскіе кафтаны и пудру. Теперь патріоты, которыхъ помышленія направлялись къ прошедшимъ временамъ отечества, стали показываться въ публикѣ въ тафтяныхъ и атласныхъ жупанахъ, застегнутыхъ частыми пуговками и подпоясанныхъ серебристымъ или золотистымъ поясомъ, въ накинутыхъ сверху кунтушахъ яркаго цвѣта, съ прорѣзными рукавами, откинутыми назадъ, въ четвероугольной народной шапкѣ и со старо-польскою карабелею, оправленною въ золото и камни. Этотъ костюмъ составлялъ противоположность

съ костюмомъ франта, одѣтаго въ цвѣтной фракъ, съ длинными до пятъ фалдами, въ расшитомъ золотомъ жилетѣ, на которомъ болтались толстыя золотыя часовыя цѣпи со множествомъ печатей, ключиковъ и побрякушекъ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, въ треуголкѣ на напудренной головѣ, съ толстымъ и высокимъ галстукомъ, завязаннымъ огромнымъ бантомъ въ видѣ розетки. Многіе надѣвали польскій костюмъ для временнаго щегольства и опять облекались въ европейскій; многимъ хотѣлось быть и поляками и европейцами въ полномъ смыслѣ; отъ этого можно было встрѣтить польскую четвероугольную шапку на напудренномъ французскомъ произведеніи и, наоборотъ, треуголку на бритой головѣ; съ европейскимъ фракомъ сочетались высокіе красные сапоги и польскіе усы, нафабренные до того, что стояли, какъ деревянные.

Среди блеска упряжи, экипажа и нарядовъ, сновали по Варшавѣ многочисленныя толпы бѣдняковъ: исхудалые, чахлые отъ плохой пищи и болѣзней, они были покрыты самыми пестрыми лохмотьями, какія трудно было увидѣть въ другихъ мѣстахъ Европы, даромъ, что нищихъ, въ XVIII вѣкѣ, было вездѣ вдоволь, благодаря заботамъ тогдашнихъ правительствъ о благосостояніи и воспитаніи народа. То были безобразнѣйшіе сшивки различныхъ кусковъ всякихъ тканей, всякихъ цвѣтовъ; кусокъ истертаго малиноваго бархата пришивался къ куску грязнаго полотна или сѣраго сукна; иные бродили босикомъ, иные безъ штановъ. Между ними были женщины съ грудными младенцами, мальчишки и дѣвчонки босые, полунагіе, дрожащіе отъ холода, пискливымъ голосомъ просящіе хлѣба; жиды въ длинныхъ черныхъ кафтанахъ и ермолкахъ, изъ-подъ которыхъ торчали вьющіеся пейсы, жидовки въ пестрыхъ платьяхъ и черныхъ передникахъ, обшитыхъ галунами; солдаты въ мундирахъ своихъ полковъ и пора-

зительное множество монаховъ и монахинь въ одеждахъ своихъ орденовъ.

Въ массѣ бѣдныхъ и грязныхъ лачугъ возвышались монастыри со своими тѣсно замкнутыми каменными корпусами келій, и панскіе палаццы съ широкими дворами и со множествомъ флигелей и пристроекъ. Наружность ихъ была очень разнообразна; ихъ хозяева хотѣли показать въ нихъ свой вкусъ и свои наклонности. Иной палаццо напоминалъ суровое аббатство, другой греческіе и римскіе портики. На Краковскомъ Предмѣстьи ихъ было одиннадцать: между ними, по величинѣ и богатству, отличались палаццы Браницкихъ, Малаховскаго, Тышкевичей, Радзивилла, краковскаго епископства, примаса и др.; на Сенаторской улицѣ ихъ было тринадцать, и въ томъ числѣ великолѣпный дворецъ Любомирскихъ; на Медовой шесть, и между прочимъ дворецъ банкира Теппера и домъ русскаго посольства; на Долгой пять; сверхъ того возвышались тамъ-и-сямъ палаццы на другихъ улицахъ и, кромѣ того, было нѣсколько лѣтнихъ, загородныхъ; число всѣхъ панскихъ палацповъ въ описываемое время доходило до 80.

Эти дворцы, снаружи разукрашенные лѣпною работою, внутри богато омеблированные, блиставшіе позолотою, зеркалами, люстрами, гобленовскими коврами, итальянскими и французскими картинами и статуями, имѣли въ то время громады обитателей. Польскій панъ переселялся въ столицу, какъ владѣтельный принцъ. Отправивъ впередъ громоздкія вещи, значительную часть прислуги и даже цѣлый табунъ лошадей, панъ ѣхалъ въ Варшаву въ сопровожденіи пятнадцати и даже двадцати экипажей. На дорогѣ онъ не останавливался въ гостинницахъ, въ Польшѣ онѣ были грязны до-нѐльзя, никто объ нихъ не заботился; когда нужно было отдохнуть, разбивали шатры, устраивали спальню, столовую, готовили кушанье, накры-

вали на столъ, однимъ словомъ, возникалъ походный домъ. По окончаніи отдыха или ночлега, все это убиралось свертывалось, укладывалось, и панъ слѣдовалъ дальше. Съ нимъ поселялись въ Варшавѣ повара, кучера, лакеи, истопники, музыканты, разные придворные чины, маршалки, подскарбіи, конюшіе, домашніе секретари, врачи, учителя, придворные поэты, резиденты и резидентки, не имѣвшіе никакого опредѣленнаго занятія — все люди шляхетнаго достоинства, потому что, кромѣ истопниковъ и водовозовъ, вся панская прислуга была изъ шляхты.

Пребываніе пановъ въ столицѣ на этотъ разъ было для нихъ истиннымъ разореніемъ. Издержки ихъ превышали безмѣрно не только то, что̀ они могли прожить въ собственныхъ имѣніяхъ, но даже то, что̀ они могли пропутешествовать за-границею. Никогда еще они не были въ такомъ положеніи, какъ теперь; отъ каждаго требовалось показать себя, не только не скупѣе, но роскошнѣе и гостепріимнѣе другихъ. Средства имъ доставлялись изъ имѣній, но ихъ пленипотенты, дозорцы и экономы безжалостно ихъ обманывали, обкрадывали. Въ XVIII столѣтіи въ Польшѣ считался бы пошлымъ дуракомъ тотъ, кто, управляя панскими имѣніями, не съумѣлъ нажить состоянія настолько, чтобы самому купить хорошее имѣніе. У главнаго управляющаго, завѣдывавшаго нѣсколькими селами, были субалтерны, экономы и дозорцы; изъ нихъ каждый въ своей населенной мѣстности старался обратить панское достояніе въ свою пользу, въ надеждѣ со временемъ купить имѣніе. У послѣднихъ были распорядители изъ панскихъ хлоповъ; и эти слѣдовали общимъ нравамъ и выжимали изъ народа сокъ, такъ чтобы, передавая слѣдуемое экономамъ и пленипотентамъ, что нибудь доставалось и для нихъ. Такой хлопъ, облеченный отъ эконома довѣріемъ, обыкновенно былъ величайшимъ тираномъ надъ своею братіею. Такъ управлялись панскія имѣнія. Панъ

старался, чтобъ ихъ было много въ разныхъ воеводствахъ и хвастался тѣмъ, что у него по всей Польшѣ были разсѣяны имѣнія, отъ этого онъ имѣлъ право участія на сеймикахъ разныхъ воеводствъ, и вездѣ у него были кліенты изъ шляхты, подававшіе голоса по его волѣ. Во многихъ имѣніяхъ своихъ онъ не бывалъ никогда и зналъ ихъ только по представленнымъ отчетамъ, въ которыхъ была ложь. Владѣлецъ мало интересовался узнать, какъ идутъ у него дѣла; довольно было съ него и того, что ему присылались доходы, даромъ, что эти доходы составляли менѣе половины того, что въ дѣйствительности получалось. Если ему казались присылаемые доходы уже черезъ-чуръ малыми, то онъ дѣлалъ замѣчанія своимъ пленипотентамъ, и послѣ того ему начинали присылать больше, но писали, что для этого принуждены были наложить на крестьянъ болѣе прежняго тягостей; и въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ случаѣ обременяли крестьянъ больше прежняго работами и приглашали евреевъ выдумывать новые источники пріобрѣтенія для пана; но это дѣлалось не для того, чтобы имѣть возможность прислать пану столько, сколько онъ требуетъ, а для того, чтобы, за отсылкою того, что онъ требовалъ, не уменьшались воровскіе доходы управлявшихъ и надзиравшихъ за имѣніями.

У польскаго пана, очень богатаго, часто былъ недостатокъ въ деньгахъ; въ Варшавѣ въ описываемое время это бывало почти со всѣми, потому что сколько ни посылалось пану денегъ изъ дохода имѣній, все оказывалось мало, всегда возникали новыя нужды; доставленныя суммы сейчасъ ускользали, и экономія панскаго дома терпѣла недостатокъ; всего было хуже, когда панъ проигрывалъ въ карты, а этою болѣзнью страдали очень многіе: тогда наличныя деньги требовались немедленно и панъ обращался къ банкиру; банкиръ ссужалъ его въ счетъ будущихъ доходовъ, но вычиталъ при этомъ большіе проценты за

всю выданную сумму. Такимъ образомъ, кромѣ того, что плутовство управляющаго и эконома лишало пана значительной части слѣдуемыхъ ему доходовъ съ имѣній, онъ много тратился на платежъ процентовъ банкирамъ.

Отъ этого рядомъ съ панскими палаццами, въ Варшавѣ выростали пышные дома банкировъ; дѣла ихъ шли такъ хорошо, что они забыли прежнюю мѣщанскую бережливость и стали спорить съ панами въ гостепріимствѣ и мотовствѣ. Изъ нихъ особенно выступали по богатству и роскоши дома Теппера, Бланка и Кобрита. Какъ всегда бываетъ съ выскочками, эти господа чванились своимъ богатствомъ, надувались изъ всѣхъ силъ, чтобы походить на родовитыхъ аристократовъ. Въ первое время дѣятельный, разсчетливый Тепперъ, разжившись, началъ корчить изъ себя знатнаго пана, перестать заниматься дѣлами, оставилъ ихъ на волю своимъ прикащикамъ и дошелъ до того, что вовсе не слѣдилъ за ними, не повѣрялъ ихъ счетовъ, чтобы не навлечь на себя укора въ дурномъ тонѣ, самъ бралъ горстями изъ кассы червонцы и предоставлялъ конторщикамъ записывать сколько угодно; отъ этого его прикащики, получая отъ него жалованья тысячи по двѣ червонцевъ, жили такъ, какъ можно только жить на десять тысячъ. Тепперъ купилъ себѣ за большія суммы дворянство, украсился за деньги мальтійскимъ орденомъ, меблировалъ великолѣпно свой домъ и задавалъ роскошнѣйшіе обѣды и блистательные балы. На обѣдахъ у него бывалъ самъ король. Знатные паны, поневолѣ, должны были дѣлать ему честь потому, что были его должниками. Его дочери до такой степени изнѣжили себя и позволяли себѣ разныя прихоти, что говорили, будто не могутъ пить кофе приготовленнаго на польскихъ угольяхъ, а нужно привозить имъ углей изъ Англіи. По примѣру пановъ, Тепперъ былъ любитель прекраснаго пола и содержалъ трехъ любовницъ, которыя ему очень дорого стоили, но его всего болѣе разоряло то,

что онъ, подражая родовитому панству, пустился въ карточную игру и потому окончилъ свою карьеру печальнѣйшимъ образомъ: его дворецъ, мебель, картины, лошади, все продано было за долги съ публичнаго торга, и онъ принужденъ былъ ходить по Варшавѣ пѣшкомъ, потому что не на что было нанять извощика. Онъ умеръ въ бѣдности посмѣшищемъ тѣхъ, которые его обыгрывали и предметомъ ненависти тѣхъ, которые ввѣрили ему свои капиталы и понесли черезъ то потери. Кобритъ былъ хотя и природный нѣмецъ, но также поддался обаянію польской жизни и промотался въ-пухъ. Бланкъ былъ счастливѣе ихъ. Кромѣ главныхъ банкировъ, въ Варшавѣ было довольно мелкихъ изъ евреевъ; къ нимъ обращались обыватели не первой руки: съ ними было удобнѣе сладить и можно было больше получить подъ залогъ, за то они брали больше процентовъ, чѣмъ первоклассные банкиры, дававшіе взаймы только большія суммы. Проценты брались огромные, именно потому, что банкиръ плохо вѣрилъ въ честь польскаго дворянина и старался устроить дѣла такъ, чтобы, получивъ нѣсколько разъ проценты на выданный капиталъ, можно было воротить самый капиталъ, такъ что если съ должника трудно было получить, то заимодавецъ не остался бы въ большихъ убыткахъ. Сверхъ процентовъ брали еще и за коммиссію. Мелкіе ростовщики, какъ и большіе банкиры всѣ, не исключая и евреевъ, увлекались общимъ порывомъ мотовства и какъ только чувствовали, что въ ихъ руки приходитъ много денегъ, тотчасъ пускались жить весело.

Варшавское мѣщанство не отставало отъ шляхетства. Купцы расширили и разукрасили свои дома, задавали обѣды, балы, веселились въ своемъ кругу, пріобрѣтали средства всякимъ обманомъ и неправдою и клонились къ упадку и разоренію.

Тогда въ Варшавѣ было много иностранцевъ, и они-то

наживались на счетъ поляковъ. Всѣ предметы роскоши и комфорта приходили изъ-за границы. Мотовство и кутежи увеличили привозъ до чрезмѣрности; вездѣ нуженъ былъ пану иностранный товаръ; дѣлаетъ онъ обѣды—ему нужны иностранныя вина, иностранныя приправы, иностранные сервизы; для украшенія палацца онъ покупаетъ картины за границей; мебель выписываетъ изъ-за границы, или заказываетъ иностранцамъ; одежды — изъ иностраннаго товара, сшитыя иностранцами. Около дѣтей онъ держитъ иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ, камердинеры у него иностранцы, у пани прислуга—иностранки; наконецъ, у знатныхъ пановъ проживали иностранцы на правѣ резидентовъ, ради суетнаго желанія, чтобы, уѣхавши за границу, они ославляли радушіе, великодушіе, щедрость и великолѣпіе польскихъ пановъ. За все иностранное панъ платилъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ то же самое покупалось нѣмцами и французами; даже когда панъ заводилъ библіотеку, что̀ нужно было для хорошаго тона, онъ и за книги платилъ дороже, чѣмъ онѣ были въ продажѣ.

Когда для панскаго тщеславія нуженъ былъ орденъ—требовались особыя издержки, и панъ давалъ съ этой цѣлью нѣсколько почетныхъ обѣдовъ и баловъ. Въ управленіе своего дома въ Варшавѣ онъ не входилъ, его жена тѣмъ менѣе. Все лежало на маршалкѣ (дворецкомъ): онъ приказывалъ закупать все что нужно было для обѣдовъ, баловъ, освѣщенія, отопленія, содержаніе прислуги, и все это покупалось такъ, что въ карманахъ его субальтерновъ оставалась значительная часть той суммы, которая ставилась пану на счетъ. Прислуги, чѣмъ было больше, тѣмъ это считалось сообразнѣе съ хорошимъ тономъ. Панская челядь отличалась повальною лѣнью и всегда отбивалась отъ дѣла; всякъ, кто чувствовалъ возможность ничего не дѣлать, бѣжалъ въ трактиръ, гдѣ пьянствовалъ съ подоб-

ною себѣ челядью изъ другихъ дворовъ, и тамъ происходили безпрестанно буйства и драки.

Находясь на сеймѣ, вельможи заботились о томъ, чтобы поддержать свою партію, раздавали пенсіоны менѣе богатымъ посламъ, которые составляли въ Избѣ громаду, не имѣвшую собственныхъ твердыхъ убѣжденій, готовую пристать къ той или другой сторонѣ, смотря по выгодамъ. Исключая знатныхъ, богатыхъ пановъ и немногихъ пословъ съ извѣстными убѣжденіями, всѣ остальные послы составляли такого рода толпу. Съѣхавшись въ Варшаву, они прежде всего думали какъ бы хорошо пожить, повеселиться; имѣнія ихъ не доставляли для этого удовлетворительныхъ средствъ, и вотъ они пополняли этотъ недостатокъ жалованьемъ и подачками отъ знатныхъ пановъ и чужеземныхъ посланниковъ. За это имъ приходилось говорить и поддерживать такое мнѣніе, какого держались ихъ благодѣтели. Наслажденіе было для нихъ цѣлью жизни, какимъ бы образомъ оно ни покупалось, чего бы оно ни стоило впослѣдствіи. Многіе послы прибывали съ семьями; ихъ жены, дочери, сестры требовали денегъ на наряды, балы и спектакли. Еще болѣе требовали денегъ любовницы. Вдобавокъ, въ Варшаву съѣзжалось множество обывателей, не принадлежавшихъ къ сейму и составлявшихъ публику, цѣнившую дѣйствія сейма, такъ-называемые арбитры, посѣщавшіе сеймовыя засѣданія. Ими очень дорожили послы; они были для нихъ все равно, что публика для актеровъ въ театрѣ. Эти арбитры также жили весело, роскошно, приглашали къ себѣ пословъ и были угощаемы послами. Празднества шли за празднествами, обѣды за обѣдами, балы за балами, и съ этимъ всегда соединялись политическіе виды; тутъ составлялись и поддерживались партіи, составлялись замыслы проводить такой или иной проектъ, или не дать пройти противнымъ проектамъ.

Роскошнѣйшій и расточительнѣйшій, высокомѣрнѣйшій

и необузданнѣйшій изъ магнатовъ Карлъ Радзивиллъ, Panie Kochanku, божокъ всей Литвы, преклонявшейся передъ его остроуміемъ, когда онъ разсказывалъ о томъ, какъ онъ лазилъ по снурку на небо и пилъ кофе съ Богородицею, приводилъ поляковъ въ благоговѣйное изумленіе своимъ хлѣбосольствомъ; балъ и ужинъ, данные имъ въ день св. Екатерины 1789 года, въ годовщину королевской коронаціи, сдѣлались у нихъ историческимъ событіемъ. Пригласительныхъ билетовъ роздано было четыре тысячи; король, сенаторы, послы, вся знать обоего пола тамъ участвовали. Балъ происходилъ въ огромной залѣ, гдѣ прежде устраивался театръ; король съ курляндской княгинею открылъ его. Въ боковыхъ покояхъ происходила игра. Ужинъ приготовленъ былъ въ трехъ большихъ залахъ, расположенныхъ анфиладою: тамъ черезъ всѣ эти три комнаты поставленъ былъ столъ, оказавшійся до того длиннымъ, что съ одного конца нельзя было различить человѣка на другомъ; кромѣ того, четыре боковыя залы заставлены были столами, а пятая назначена была для короля и знатнѣйшихъ дамъ. Стѣны дворца были обиты богатою камкою съ золотыми позументами и кистями. На столахъ блистало множество серебра филигранной работы; кубки, блюда, тарелки припоминали, какъ говорили, времена Ольгерда; до двухъ тысячъ восковыхъ свѣчъ въ богатыхъ старинныхъ подсвѣчникахъ освѣщали залу. Несмотря на огромные столы, гостей набралось такъ много, что третья часть удостоивалась насыщать себя панскою трапезою не иначе, какъ стоя у боковыхъ столовъ, густо уставленныхъ кабаньими головами, всякаго рода дичиною, заливными рыбами и т. п., и всевозможнѣйшими напитками. «Невозможно было,—говоритъ Охотскій,—сосчитать выпитыхъ бутылокъ одного шампанскаго, разносимаго слугами, одѣтыми въ желтые атласные жупаны, а сверхъ ихъ въ голубые кунтуши: всѣ они были съ саблями, потому что

всѣ были изъ шляхты. Самъ Радзивиллъ безпрестанно ходилъ между гостьми, одѣтый въ пунцовый жупанъ и сверхъ того въ гранатовый кунтушъ, рукоятка его карабели блистала большими брилліянтами, а за поясомъ у него были лосиныя перчатки: издавна велось въ обычаѣ, что каждый шляхтичъ долженъ былъ носить такія перчатки. Подбритая чуприна и большіе висячіе усы придавали Радзивиллу сарматскую наружность, какъ выражались тогдашніе риторы. Хлѣбосольный вельможа безпрестанно обращался то къ тому, то къ другому: «Panie kochanku ничего не кушаете, и не пьете, какіе вы недобрые!» Чтобы угодить гостепріимному кутилѣ, гости спѣшили въ глазахъ его осушать кубки и кричали: «здоровье пана князя!»

Вожаки партій, паны-патріоты, блиставшіе на сеймѣ краснорѣчіемъ и вчинаніемъ дѣлъ: маршалъ Малаховскій, Казимиръ Сапѣга, братья Потоцкіе, Чарторыскіе, Огинскіе, дѣлали у себя постоянно шумныя собранія, чтобы расположить къ себѣ и привлечь пословъ и публику. У маршала Малаховскаго каждый вторникъ собирались послы и посторонніе лица. На эти вторники не посылалось приглашеній; двери гостепріимнаго палацца были отворены всѣмъ безъ разбора, лишь бы только входящій былъ въ приличномъ видѣ. Гостей занимали музыкой, устраивались танцы, производилась игра. Передъ ужиномъ незнакомые обыкновенно расходились; ужинать оставались только знакомые. Казимиръ-Несторъ Сапѣга каждую недѣлю давалъ у себя обѣдъ и балъ. У гетманши Огинской каждый день, съ полудня до ночи, домъ былъ отворенъ для всѣхъ; приходили званые и незваные, обѣдали, послѣ обѣда танцовали или играли въ карты; княгиня не различала кто къ ней входилъ, всѣхъ одинаково радушно принимала. Три знатныя дамы, Ляндскоронская, вдова княгиня Радзивиллъ и княгиня Сангушкова въ своихъ палацахъ давали балы для огромнаго числа публики, хотя не для всѣхъ

безъ различія, какъ Огинская. Ляндскоронская славилась своимъ остроуміемъ и многостороннимъ воспитаніемъ; у ней всегда толпились иностранцы; здѣсь можно было услышать разомъ много языковъ, сюда приходили щеголять тѣ поляки, которые говорили со всякимъ иностранцемъ на его языкѣ также хорошо, какъ на природномъ. Домъ княгини Сангушковой, украшенный старинною красивою мебелью, персидскими коврами и рѣдкими картинами, славился превосходнымъ оркестромъ; здѣсь было сходбище молодыхъ людей обоего пола, мѣсто любовныхъ затѣй; свобода и непринужденность царствовали здѣсь вмѣстѣ съ изяществомъ обращенія. У вдовы Радзивиллъ собирались любители музыки. Ея двѣ дочери блистали красотой и любезностью и превосходно исполняли музыкальныя пьесы; имъ помогали братья и сама мать: все семейство было музыкальное. Княгиня Сапѣга, мать Казимира-Нестора, въ своемъ дворцѣ на Новомъ-Мѣстѣ, давала великолѣпные балы и домашніе спектакли. У примаса, королевскаго брата, каждую пятницу происходили собранія, называвшіяся cosetta, и всегда оканчивались роскошнымъ ужиномъ. У сестры короля, которая носила титулъ краковской госпожи (M-me de Cracovie — Pani Krakowska) каждый понедѣльникъ давался обѣдъ, гдѣ былъ самъ король; послѣ обѣда начинались танцы, и домъ ея былъ открытъ для всѣхъ. Туда нарочно приходили всѣ тѣ, которые желали представиться королю или имѣть случай поговорить съ нимъ. Въ восемь часовъ всѣ разъѣзжались; гостямъ оставалось время поспѣть и на другія собранія. Виленскій епископъ Масальскій былъ одинъ изъ гостепріимнѣйшихъ вельможъ, но въ его домѣ происходила отчаянная игра. Самъ король дѣлалъ часто обѣды для пословъ; лѣтомъ онъ устраивалъ въ Лазенкахъ собранія съ танцами; съѣзжались гости въ полдень, завтракали въ саду, потомъ танцовали, затѣмъ обѣдъ и снова танцы; иностранные послы

также давали у себя обѣды, балы и праздники. При всей нѣмецкой экономіи, прусскій посланникъ принужденъ былъ собирать и угощать у себя гостей, въ надеждѣ вернуть въ сто разъ затраченное; но всѣхъ гостепріимнѣе были русскіе посланники, особенно Булгаковъ, умѣвшій въ высшей степени обворожить поляковъ роскошью, веселостью и радушіемъ. Въ моменты сильнаго раздраженія противъ Россіи посѣщать русскіе балы и обѣды считалось предосудительнымъ для патріотической партіи, но Булгаковъ умѣлъ ладить съ самыми восторженными противниками Россіи. Онъ избѣгалъ разговоровъ о политикѣ и, повидимому, заботился только объ общемъ удовольствіи. Трудно было пересчитать тѣ дома, которые другъ передъ другомъ хотѣли отличиться гостепріимствомъ. Всякій сколько-нибудь видный членъ сейма, всякій состоятельный обыватель, проживавшій въ Варшавѣ въ числѣ арбитровъ, непремѣнно давалъ въ теченіи года обѣды и балы и привлекалъ къ себѣ толпу гостей. Самый скромный праздникъ такого рода обходился не менѣе трехъ тысячъ червонцевъ. На любомъ панскомъ балѣ гостей бывало человѣкъ до восьмисотъ и болѣе. Изобиліе въ кушаньяхъ и питьяхъ, роскошь въ посудѣ, убранство покоевъ—доходили до крайнихъ предѣловъ; считалось нужнымъ, чтобъ не только всего доставало, но чтобъ какъ можно болѣе оставалось, такъ что дворецкіе и служители могли продавать остатки въ свою пользу.

Танцы у поляковъ слѣдовали непосредственно за обѣдомъ; такъ велось издавна и такъ еще соблюдалось въ это время; съ четырехъ часовъ начинался балъ и продолжался до десяти часовъ вечера, а иногда и до полуночи, и оканчивался ужиномъ. Въ огромныхъ серебряныхъ сосудахъ варились кофе и шеколадъ. Прислуга разносила это на серебряныхъ подносахъ, вмѣстѣ съ оршадомъ, лимонадомъ, плодами и всякими лакомствами; въ одной

комнатѣ ставились батареи бутылокъ венгерскаго, шампанскаго и другихъ винъ, туда безпрестанно заглядывали охотники, и вино развязывало имъ языкъ для комплиментовъ или для политическихъ разговоровъ. Хотя иностранные танцы и входили въ Польшѣ въ употребленіе, но полонезъ съ его величавостью и мазурка съ ея разнообразною прелестью господствовали въ пляшущемъ свѣтѣ. Иностранцы, видѣвшіе эти танцы, въ одинъ голосъ сознавались, что въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего изящнѣе польскихъ танцевъ. Тогда въ модѣ было переодѣваться; каждый польскій танецъ требовалъ соотвѣтствующаго наряда, и потому знатные кавалеры и дамы являлись въ одномъ нарядѣ въ полонезѣ, въ другомъ въ мазуркѣ. Для полонеза мужчины надѣвали длинный кунтушъ съ откидными рукавами, дамы длинныя платья съ хвостомъ; напротивъ, для мазурки мужчина надѣвалъ такъ-называемую куртку (кафтанъ съ полами до бедръ), а женщина узкій корсетъ и короткую юбку. Въ тогдашнемъ высшемъ кругу лучшимъ мазуристомъ считался племянникъ короля, Іосифъ Понятовскій. Онъ былъ замѣчательно хорошо сложенъ, въ самой цвѣтущей порѣ жизни, съ большими блестящими глазами, съ густыми усами, придававшими ему воинственный видъ; узкіе панталоны такъ ловко обхватывали его ноги, что нельзя было замѣтить ни одной складки. Его куртка была расшита узорами и застегнута напереди частыми золотыми пуговицами вплоть до горла. Славу первой мазуристки своего времени пріобрѣла Юлія Потоцкая, жена Яна, извѣстнаго путешественника и археолога, писавшаго ученыя розысканія о скиѳахъ и сарматахъ. Въ то время, какъ супругъ плѣнялъ общество разсказами объ отдаленныхъ краяхъ земного шара, которые онъ посѣтилъ, жена плѣняла всѣхъ мазуркою. «Юлія,—говоритъ одинъ очевидецъ,—была воплощенная красота; когда въ мазуркѣ ея гибкое тѣло кружилось съ необычайной быстротой,

едва прикасаясь землѣ; когда она изъ рукъ одного кавалера бросалась въ руки другого, вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько разъ оборачивалась, а потомъ возвращалась къ первому кавалеру, который обхватывалъ ее и съ быстротою молніи кружился съ нею въ вальсѣ; когда ея прелестная головка, какъ будто утомленная, лѣниво склонялась къ нему на плечо и дыша пыломъ наслажденія, слитаго съ легкою стыдливостью, опускалась на грудь, а глаза, встрѣчаясь съ глазами кавалера, какъ будто выражали одолѣвающую страсть... зрители, сбившись въ кружокъ, затаивали дыханіе, жадно впивались въ нее глазами, и изъ стѣсненной груди невольно вырывалось восклицаніе: «Боже, какъ прекрасна Юлія!» Но недолго эта красавица очаровывала Варшаву. Ея жизнь кончилась вмѣстѣ съ польскими затѣями о возрожденіи отечества. Другая красавица плѣняла всѣхъ въ менуэтѣ съ Іосифомъ Бѣлинскимъ, какъ Юлія въ мазуркѣ съ Іосифомъ Понятовскимъ: то была Христина, дочь Игнатія Потоцкаго, молоденькая дѣвушка, рѣдкой красоты, прелести и ума: и она недолго пожила на свѣтѣ, и умерла дѣвицей. Кокетство польскихъ свѣтскихъ дамъ въ то время доходило до крайности: въ высшемъ кругу вошло въ моду одѣваться въ греческій костюмъ, нарушавшій скромность. То была тонкая, чуть не прозрачная туника, обыкновенно бѣлаго цвѣта, надѣваемая прямо на тѣло; всѣ формы тѣла ясно обрисовывались, ноги оставались обнаженными въ сандаліяхъ, а на пальцы ногъ надѣвались богатые перстни. Въ такомъ костюмѣ щеголихи являлись въ общество.

Изъ кавалеровъ славился также красотою и любезностью принцъ Виртембергскій, женатый на дочери Чарторыскаго, братъ великой княгини (будущей императрицы русской); онъ получилъ индигенатъ (право дворянства въ Польшѣ), всегда одѣвался по-польски, превосходно танцовалъ и ѣздилъ верхомъ; на балахъ и на улицахъ по-

ляки, глядя на него, восклицали: «ахъ, какой молодецъ!»

Но всѣ эти лица прославились оттого только, что высоко были поставлены въ свѣтѣ; въ варшавскомъ обществѣ было много не уступавшихъ имъ мужчинъ и дамъ, когда приходилось отличиться въ танцахъ, верховой ѣздѣ и свѣтской любезности. Поляка и польку знатнаго круга воспитывали такъ, какъ будто танцы и веселость были главною цѣлью ихъ земной жизни. Французы и француженки, которымъ они были отданы подъ надзоръ, пріучали ихъ къ суетной и праздной жизни. Дѣвочкамъ матери рано вбивали въ голову кокетство, заставляли ихъ обращать вниманіе, какой нарядъ имъ больше къ лицу, какое положеніе тѣла красивѣе, какъ съумѣть понравиться мальчикамъ, ихъ ровесникамъ; въ десять или двѣнадцать лѣтъ онѣ уже перенимали всѣ пріемы, нужные для того, чтобы блистать въ свѣтѣ. Школою для нихъ были дѣтскіе балы, которые давались съ такою же обстановкою, какъ и балы для взрослыхъ: съ блистательнымъ освѣщеніемъ, съ роскошью угощенія. Взрослые пріѣзжали на дѣтскіе балы не только для того, чтобы посмотрѣть на дѣтей, но чтобъ и самимъ повеселиться; на этихъ дѣтскихъ балахъ франты потѣшали публику такими танцами, которые не принято было танцовать на обыкновенныхъ балахъ. Такъ, въ то время нѣкто панъ Стась Разважовскій прославился въ Варшавѣ умѣньемъ танцовать казачка на дѣтскихъ балахъ.

Сравнивая характеръ свѣтскаго обращенія этого времени съ прежнимъ, можно было сразу замѣтить большое измѣненіе, касавшееся впрочемъ больше наружности. Прежде паны держали себя надменно; въ ихъ гостепріимствѣ всегда слышалось высокомѣріе къ низшимъ себя; теперь современные французскіе пріемы начали входить въ общество; паны, побывавшіе не такъ давно за-границею и

хотѣвшіе показать, что они не отстаютъ отъ вѣка, начали изгонять изъ своихъ домовъ старинную чопорность; въ особенности отличались этимъ тѣ, которые говорили съ голоса французовъ о равенствѣ правъ человѣческихъ. У такихъ всякій, кто умѣлъ прилично держать себя, какого бы происхожденія онъ ни былъ, допускался въ домъ господъ уже не въ качествѣ полу-лакея, какъ бывало прежде: съ нимъ обращались, какъ и со всякимъ другимъ гостемъ. Въ такихъ домахъ не важной породы шляхтичъ садился за столъ рядомъ съ княземъ и даже осмѣливался танцовать съ дочерью вельможи, если чувствовалъ, что не ударитъ лицомъ въ грязь передъ другими. Свобода обращенія въ разговорахъ казалась даже странною иноземцамъ; иногда подымались живые споры, и если кому случалось иногда выходить изъ-себя за свои убѣжденія послѣ хорошаго пріема венгерскаго—все прощалось тому, особенно, если хозяинъ раздѣлялъ его убѣжденія. Панамъ нужны были партіи, поэтому, для того, чтобы привлечь къ себѣ пословъ и вліятельныхъ лицъ публики, они были снисходительны къ своимъ гостямъ. Иногда паны дѣлали обѣды не въ своемъ домѣ, а за-городомъ, особенно когда имѣли дѣло не съ лицами своей партіи. Нужно, напримѣръ, чтобы на слѣдующій день противные голоса не мѣшали проведенію какого-нибудь проекта; панъ пригласитъ человѣкъ двадцать или тридцать за-городъ на обѣдъ и нагрузитъ ихъ до того, что они на другой день дѣлаются неспособными и не являются въ засѣданіе; тутъ безъ нихъ подсунутъ проектъ, и онъ обращается въ законъ за отсутствіемъ оппозиціи. Такъ поступлено было въ дѣлѣ о староствахъ, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Публичный театръ былъ явленіемъ недавнимъ въ Варшавѣ. Поляки, хотя и были охотники до театральныхъ представленій, но устроивали спектакли у себя въ домѣ. Это естественно мѣшало процвѣтанію публичнаго театра;

тѣмъ не менѣе мало-по-малу стало почитаться требованіемъ хорошаго тона, заглянуть, хотя разъ въ недѣлю, въ театръ; но это дѣлалось не столько ради любви къ искусству, сколько для показа нарядовъ. Самое зданіе, построенное на площади Красинскихъ, было красиво. Обстановка сцены по своему времени безукоризненна. Иностранцы находили, что во многихъ отношеніяхъ варшавскій театръ былъ выше другихъ европейскихъ, но сочувствія въ высшемъ обществѣ было такъ мало, что нерѣдко всѣ ложи были пусты. Кромѣ польскихъ пьесъ, въ которыхъ отличались талантливые актеры, антрепренеръ Богуславскій, Витковскій, Овсинскій, Трускулавская, нѣсколько позже на варшавскомъ театрѣ давались итальянскія оперы. Но нельзя сказать, чтобы итальянская опера была очень хороша, притомъ же примадонны были некрасивы, а это очень отталкивало публику въ такомъ царствѣ прекрасныхъ женщинъ, какимъ была Польша. Тизенгаузъ положилъ начало балету; онъ составилъ труппу изъ своихъ крѣпостныхъ, нанялъ французскаго балетмейстера Леду обучить ихъ, потомъ подарилъ королю, а король отпустилъ ихъ на волю; новая забава очень понравилась варшавской публикѣ. Но вообще знатное панство не очень горячо относилось къ публичнымъ представленіямъ, и предпочитало домашніе спектакли любителей. Юлія Потоцкая очаровывала всѣхъ также на сценѣ, какъ и въ мазуркѣ; кромѣ того, двѣ знатныя дамы, жена Северина Потоцкаго и жена Тышкевича, племянница короля, пріобрѣли славу своимъ драматическимъ талантомъ; но онѣ играли болѣе французскія пьесы. Достойно замѣчанія, что превосходная комедія Бомарше, «Свадьба Фигаро», была сыграна первый разъ варшавскими любителями: ее досталъ у автора князь Нассау, вступившій въ бракъ съ Масальскою и, наравнѣ съ природными поляками, расточавшій гостепріимство въ своемъ богато-убранномъ дворцѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ удовольствій, лѣтомъ происходили шумныя и многолюдныя гулянья въ Саксонскомъ саду и за городомъ, между прочимъ въ Виляновѣ. Эти гулянья имѣли политическое значеніе. Окончивъ засѣданіе, послы собирались тамъ толковать о своихъ дѣлахъ, встрѣчались съ знакомыми и направляли ихъ на свою сторону, распространяя такимъ образомъ свои убѣжденія. Зимою два раза въ недѣлю бывали такъ-называемые редуты въ большой залѣ Радзивилловскаго палацца. Это были маскарады, открытые для всѣхъ съ платою нѣсколькихъ злотыхъ за входъ, и съ единственнымъ условіемъ оставлять при входѣ оружіе. Здѣсь царствовала чрезвычайная свобода. Знатныя дамы позволяли себѣ посѣщать эти собранія не иначе, какъ въ маскахъ, а безъ масокъ приходили туда только женщины сомнительной нравственности.

Самое распространенное послѣ танцевъ и самое гибельное по послѣдствіямъ удовольствіе въ Варшавѣ была карточная игра, и она-то чрезвычайно способствовала матеріальному разоренію и нравственному разстройству польскаго общества. Любимая игра того времени была такъ-называемый банкъ фараона. Играли вездѣ, и въ частныхъ домахъ, и въ трактирахъ, и въ редутахъ, и знатные паны, и средней руки обыватели, и епископы, и прелаты, и евреи, и убогая шляхта, бравшая во всемъ примѣръ со своихъ божковъ; прекрасный полъ не отставалъ отъ мужчинъ и часто побуждалъ къ игрѣ и заправлялъ ею. Десятки тысячъ червонцевъ переходили въ одно мгновеніе изъ рукъ въ руки; нерѣдко утромъ богатый, вечеромъ оставался безъ гроша и наоборотъ. Выигравшій не думалъ обогащаться, а спускалъ все на удовольствія также скоро, какъ и пріобрѣталъ; проигравшійся не унывалъ; если нельзя было ему угощать другихъ, то угощался самъ на чужой счетъ и не очень стѣснялся выборомъ средствъ поправить свое положеніе. Это была одна изъ причинъ, почему знатные паны

и послы такъ легко могли быть подкупаемы иностранными министрами. Проигравшійся въ-пухъ бѣжалъ къ Штакельбергу, Булгакову, Люккезини и продавалъ имъ свое законодательное право, чтобъ можно было еще на нѣсколько времени пуститься въ вихрь наслажденій.

Среди этой лихорадочной страсти къ удовольствіямъ, семейная нравственность въ столицѣ упала также низко, какъ и гражданская. На супружескій союзъ смотрѣли только, какъ на сдѣлку для взаимныхъ видовъ. Въ знатныхъ домахъ обыкновенно мужъ жилъ на одной половинѣ, жена на другой; панъ содержалъ трехъ, четырехъ любовницъ, пани имѣла разомъ трехъ, четырехъ любовниковъ. Все это дѣлалось почти явно, никто этимъ не соблазнялся. Ревность была качествомъ наименѣе сроднымъ поляку; онъ склоненъ былъ выходить на поединокъ за малѣйшее слово, которымъ задѣнутъ его самолюбіе, но уважалъ женскую свободу, какъ свою, и рѣдко ополчался за нарушеніе своихъ супружескихъ правъ. «Между нашими великими панами, — говоритъ современникъ Китовичъ, — почти нѣтъ настоящихъ поляковъ, такихъ, которые бы дѣйствительно принадлежали тѣмъ, которыхъ считаютъ отцами. Все это дѣти танцмейстеровъ, фехтмейстеровъ, гувернеровъ, нерѣдко дѣти камердинеровъ и гайдуковъ».

При многолюдствѣ и разгулѣ въ Варшавѣ во время конституціоннаго сейма господствовала большая дороговизна. Необходимость усилить расходы заставила пановъ сбыть въ большомъ количествѣ свои произведенія за-границу по дешевой цѣнѣ; отъ этого въ краѣ сдѣлался недостатокъ, падавшій тяжелыми послѣдствіями на бѣдныхъ людей. Число нищихъ значительно увеличилось. Почти на всѣ потребности цѣны удвоились, а на иныя утроились. Даже дрова были дороги, несмотря на то, что Варшава окружена лѣсами. Обѣдъ въ ресторации нельзя было имѣть менѣе шести злотыхъ, что́ составляло вдвое противъ преж-

нихъ цѣнъ и втрое противъ того, за сколько можно было имѣть обѣдъ въ Германіи. Наѣздъ пановъ изъ провинцій вздорожилъ квартиры до ужасающей степени. Лучшій отель въ то время былъ на Тлумацкой площади—гостинница «Бѣлаго Орла», чрезвычайно дорогая; другая, уступавшая ей, но также приличная, считалась «Польская» на Сенаторской улицѣ. Всѣ прочія, кромѣ того, что были дороги, были еще и крайне грязны. Прислуга нанятая получала по червонцу въ день. Всѣ заграничные товары поднялись на 30% выше прежняго. За бутылку обыкновеннаго краснаго вина платили отъ 4-хъ до 8-ми злотыхъ. Дороговизна винъ была очень чувствительна для поляковъ, привыкшихъ потреблять ихъ въ нещадныхъ размѣрахъ. Это вздорожаніе происходило главнымъ образомъ оттого, что другъ и благодѣтель Польши, прусскій король, налагалъ огромную пошлину на польскую торговлю.

Какъ скоро мы себѣ ясно представимъ образъ тогдашней варшавской жизни, гдѣ сеймовые послы играли тогда главную роль, станетъ понятно, отчего сеймовыя работы шли такъ вяло и поляки на каждомъ шагу оказывали неспособность подвигать великое дѣло спасенія и возрожденія отечества. Втянувшись въ пустоту забавъ, возненавидѣвъ трудъ, снявши съ себя строгость семейной чистоты, гоняясь за мимолетными удовольствіями и отдавая за нихъ совѣсть и честь, нельзя было вести дѣло иначе, какъ оно велось, нельзя было привести его къ иному концу, кромѣ такого, къ какому оно дошло. Послы не вникали въ дѣла, о которыхъ болтали; имъ приходилось составлять проекты безъ всякой подготовки и необходимыхъ знаній: не было времени ихъ обдумать и ясно изложить; другимъ приходилось читать эти проекты, имъ некогда было въ нихъ хорошенько вдуматься, оцѣнить и обсудить. Дѣлами законодательства и землестроенія приходилось заниматься за бутылками венгерскаго или на переѣздахъ съ обѣда на

балъ, сидя въ коляскѣ и прерывая углубленіе въ государственныя дѣла мыслію о томъ, какъ бы сохранить свою фигуру поинтереснѣе для прохожихъ и проѣзжающихъ, или же въ бесѣдахъ съ дамами: случалось, посолъ, собиравшійся громить противный проектъ, прочтетъ свою демосѳеновскую филиппику дамѣ своего сердца; даму вовсе не занимаетъ такое не-дамское чтеніе; она ему говоритъ то, чтò ей въ голову взбредетъ, а любезникъ дѣлаетъ поправки, сообразно дамскимъ замѣткамъ, и на другой день представляетъ это на сеймъ. Случалось и такъ, что посолъ приготовитъ проектъ, а тутъ его позовутъ обѣдать и расточаютъ ему знаки вниманія, а между тѣмъ направляютъ его къ противному; голова патріота наполняется винными парами, сердце умягчается отъ фразъ и лести, и патріотъ выходитъ совсѣмъ съ иными намѣреніями и взглядами. Бывало и такъ, что посолъ подаетъ голосъ, самъ не зная о чемъ идетъ дѣло, голова его не въ состояніи освободиться отъ похмѣлья; онъ смотритъ на другихъ и ему кажется, что эти другіе за проектъ, тогда какъ эти другіе противъ проекта, и потомъ уже онъ разберетъ, что ошибался, и тутъ же перемѣняетъ свое мнѣніе. Штакельбергъ, слѣдившій за ходомъ засѣданій, не разъ отзывался, что сеймовая Изба походитъ на домъ умалишенныхъ. Охота блистать риторствомъ была неудержимая, но такъ какъ нужно было все-таки время, для того чтобъ составить рѣчь и обдумать ее, а у пословъ за пирами, танцами и картами времени не было, то нѣкоторые заказывали писать рѣчи другимъ, обыкновенно монахамъ, и читали ихъ на сеймѣ съ бумажкою въ рукѣ. Съ однимъ такимъ ораторомъ произошла смѣшная сцена: ему за два червонца написалъ рѣчь піаръ; въ надеждѣ блеснуть краснорѣчіемъ, посолъ потребовалъ у маршала голоса, всталъ и произнесъ обращеніе: «Наияснѣйшій король и вы, почтенные чины Рѣчи-Посполитой», и вслѣдъ затѣмъ

полѣзъ въ свой карманъ за рѣчью,—но рѣчи не оказалось; товарищъ, провѣдавши о его продѣлкѣ, утащилъ у него рѣчь изъ кармана. Цицеронъ сталъ въ-тупикъ; поднялся всеобщій смѣхъ; но на счастье оратора вошли въ залу депутаты отъ городовъ и члены обратили на нихъ вниманіе; такимъ образомъ онъ избавился отъ дальнѣйшихъ насмѣшекъ.

Одною изъ особенностей сейма было безпрестанное учрежденіе коммиссій и депутацій; чуть только подастся проектъ о какомъ-нибудь головоломномъ дѣлѣ, члены, чтобы избавить себя отъ труда, поболтавши о немъ нѣсколько времени, назначали коммиссію для разсмотрѣнія его, и дѣло откладывалось въ долгій ящикъ. Такимъ образомъ въ то время наплодилось такое множество коммиссій, что сама Изба потеряла имъ счетъ.

Всегда почти сеймовая Изба наполнена была арбитрами, которые шумѣли, апплодировали, шикали и вообще оказывали вліяніе на ходъ дѣла. Только тѣ засѣданія, гдѣ разсуждали о сношеніяхъ съ иностранными государями, отправлялись безъ арбитровъ; но и то, что̀ говорилось тамъ, не составляло впослѣдствіи тайны для публики, которая слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣлъ сейма. Въ особенности вопросы о томъ: должно ли быть въ Польшѣ избирательное или наслѣдственное правленіе, должна ли законодательная власть по прежнему находиться исключительно въ шляхетскомъ сословіи,—занимали умы. Появилось множество брошюръ и въ консервативномъ и въ прогрессивномъ духѣ. Образчикомъ прогрессивной публицистики того времени могутъ служить сочиненія Сташица, того самаго, который въ 1785 г. написалъ «Размышленія о Замойскомъ». Это былъ писатель, чуть ли не единственный въ свое время, происходящій не изъ шляхетскаго, а изъ мѣщанскаго званія и потому болѣе, чѣмъ всякій другой, способный выступить съ духомъ,

противнымъ старо-шляхетской исключительности. Въ 1790 г. онъ напечаталъ «Предостереженіе Польшѣ» (Przestrogi dla Polski). Изложивъ ученіе о правахъ человѣка и объ основахъ человѣческихъ обществъ по Жанъ-Жаку Руссо, онъ, переходя къ Польшѣ, обращаетъ вниманіе преимущественно на экономическое состояніе страны, совѣтуетъ отдать въ потомственное пользованіе, за установленную годичную плату, староства, столовыя королевскія имѣнія и имѣнія духовныхъ, замѣнивъ доходы короля и духовенства жалованьемъ изъ казны. Для правильной оцѣнки этихъ имѣній онъ предлагаетъ принимать количество производимаго хлѣба и думаетъ, что такимъ образомъ можно установить на вѣчныя времена правильный налогъ: авторъ забываетъ, что и самая земля отъ лучшей обработки можетъ давать болѣе, отъ худшей менѣе. Въ шляхетскихъ имѣніяхъ онъ совѣтуетъ уничтожить панщину, даровать крестьянамъ не только личную свободу, но и грунты ихъ, съ опредѣленнымъ платежемъ панамъ, а тамъ, гдѣ найдутъ удобнымъ замѣнить платежъ работою, установить правила для такихъ работъ, съ тѣмъ, чтобы крестьянинъ былъ огражденъ отъ произвольнаго принужденія къ работѣ. Онъ требуетъ также уничтоженія, такъ - называемыхъ, женскихъ имѣній, хочетъ совершеннаго равенства въ имущественныхъ правахъ между мужчинами и женщинами, называетъ неравный раздѣлъ между братьями и сестрами варварскимъ обычаемъ, требуетъ также чтобы жена владѣла своимъ имѣніемъ независимо отъ мужа. Сташицъ вовсе не сторонникъ монархическаго правленія, онъ считаетъ его зломъ, слѣдствіемъ человѣческой неразвитости, но сознаетъ его необходимость до времени и потому требудетъ для Польши наслѣдственной монархіи, ограниченной прочной конституціей, съ тѣмъ, чтобы къ законодательству были допущены, вмѣстѣ съ шляхетствомъ, и мѣщане. Съ большимъ чувствомъ и жаромъ заступается онъ за

польскаго крестьянина. «Предъ моими глазами,—говорилъ онъ,—пять частей польскаго народа; вижу милліоны несчастныхъ твореній: полунагіе, прикрытые шкурами и жесткими сермягами, высохшіе, оброcшіе, корявые, закоптѣлые, со впалыми глазами, безпрестанно задыхающіеся, угрюмые, одурѣлые, оглупѣлые, они мало чувствуютъ, мало думаютъ,—едва можно въ нихъ подмѣтить разумную душу. По наружному виду это болѣе животныя, чѣмъ люди. Хлѣбъ съ мякиной ихъ обыкновенная пища, а въ продолженіе четверти года—одно зелье; пьютъ они воду, да жгучую водку, живутъ въ землянкѣ, или въ хижинѣ, чуть-чуть не вравнѣ съ землею; солнце туда не проникаетъ; смрадъ и дымъ тамъ душатъ человѣка и нерѣдко убиваютъ его до смерти въ маломъ возрастѣ. Изнуренный дневнымъ трудомъ, хозяинъ вмѣстѣ съ своими нагими ребятишками спитъ на гнилой соломѣ, на томъ самомъ логовищѣ, на которомъ стоитъ его корова со своимъ теленкомъ и лежитъ свинья со своими поросятами. Вотъ, добрые поляки, какъ роскошествуетъ та часть вашего народа, отъ которой зависитъ судьба Рѣчи-Посполитой! Вотъ, что́ такое человѣкъ, который васъ кормитъ!.. Привычка заглушила въ вашемъ сердцѣ врожденное чувство состраданія; воспитаніе сдѣлало васъ тиранами; вы отняли у равнаго вамъ человѣка землю и права, и не помышляете объ этомъ и не чувствуете этого. 5,200,000 рабовъ въ вашемъ краѣ: мнѣ стыдно становится, когда я подумаю, что я полякъ. И такая жестокость посреди христіанства, а вы вѣрите, что есть Богъ, и каждый день васъ убѣждаетъ въ томъ, что придетъ смерть. Религія васъ учитъ, что вы предстанете на судъ божій. Вы продаете людей, какъ скотъ, промѣниваете, какъ коровъ. Тираны, богохульцы, вы не боитесь, что наконецъ переполняется мѣра беззаконій вашихъ! Долго терпѣло небо, разгнѣвается Богъ и повергнетъ васъ въ самое тяжкое рабство. И те-

перь уже, для приведенія васъ въ память, Онъ попустилъ суровой рукѣ деспотовъ налечь на васъ. Ни нравственное ученіе, ни религія уже не въ силахъ возбудить въ васъ любви къ ближнему, и потому Онъ приводитъ васъ къ ней грозою иноземнаго могущества». Касаясь польскаго духовенства, Сташицъ говоритъ: «Нѣтъ,—поругатели, а не учители вѣры Христовой, всѣ священники, которые говорятъ вамъ, что, будучи безчестными и жестокими, вы имѣете возможность соединиться съ Богомъ и содѣлаться участниками милостей Его, Бога, умершаго изъ любви къ человѣку. Искренно говорю вамъ: если Богъ справедливъ, то предъ очами Его не можетъ быть большей мерзости, какъ ваша мерзость!»

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Сеймики 1790-го года.—Открытіе сейма съ двойнымъ числомъ пословъ.—Пьеса Нѣмцевича.—Возобновленіе дѣла о Гданскѣ и Торунѣ [1]).

Польскіе сеймики не могли вдругъ переродиться, и на этотъ разъ явились съ прежними нравами. Шляхта привыкла руководиться вліяніемъ сильныхъ пановъ. Обѣ партіи, и старая и новая, основывали на этомъ вліяніи свои надежды и старались овладѣть сеймиками посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ; все зависѣло отъ того, какъ выскажется большинство сеймиковъ по поводу перемѣны въ правленіи и какихъ пословъ выберутъ для составленія Избы въ двойномъ числѣ. Булгаковъ работалъ черезъ своихъ агентовъ. Императрица писала къ нему: «какъ для отвращенія разныхъ вредныхъ новостей, такъ и для умноженія прилѣпляющихъ къ видамъ нашимъ нужно дѣйствовать по провинціямъ, но сіе надлежитъ производить вамъ подъ рукою черезъ посредство друзей вашихъ; для расходовъ въ подобномъ случаѣ потребныхъ назначено отъ меня въ распоряженіе ваше пятьдесятъ тысячъ

---

[1]) См. Источ, №№ 8, 15, 18, 21, 28, 35, 36, 76, 78, 81, 94, 118.

червонцевъ, на которые кредитивъ при семъ вложенъ, включая въ то число и тѣ двадцать тысячъ червонцевъ, что вамъ отъ князя Григорія Александровича дозволено употребить и коихъ суммы, вѣдомству его надлежащія, возвратить слѣдуетъ. Имѣвъ опыты вашей бережливости въ казенныхъ издержкахъ, знаю, что вы оную въ полной мѣрѣ соблюсти не оставите». Булгаковъ довѣрялъ друзьямъ своимъ настроивать сеймики такъ, какъ нужно было Россіи, но замѣчалъ въ своихъ донесеніяхъ правительству, что число этихъ друзей пока не велико, но оно могло увеличиться, потому что много было боявшихся наслѣдственнаго правленія, котораго не хотѣла допустить въ Польшѣ Екатерина, и общіе интересы направляли ихъ къ сближенію съ Россіею. Булгаковъ заранѣе обнадеживалъ такихъ поляковъ помощью Россіи въ случаѣ надобности. «Я не отрекусь,—писала государыня,—по востребованію нашихъ пріятелей дать такое ручательство, которое вѣрнымъ образомъ обезпечило бы ихъ бытіе, цѣлость владѣній и свободу учреждать ихъ внутреннія дѣла». Полезнѣйшимъ для Россіи изъ друзей ея былъ гетманъ Браницкій и не даромъ Екатерина щадила его и прощала ему буйныя выходки въ прошлое время, разсчитывая, что онъ со временемъ пригодится ея видамъ. Теперь онъ пригодился. Ему не нужно было давать денегъ: онъ и такъ былъ богатъ по милости Россіи; онъ сорилъ своими деньгами для ея пользы, разослалъ на сеймики своихъ агентовъ волновать шляхту противъ прусской партіи и противъ наслѣдственности. Его жена и сестра, Сапѣга, много помогали ему въ этомъ дѣлѣ. Тогда Россія боялась болѣе всего замысловъ Пруссіи и Булгаковъ старался главное о томъ, чтобы не выбрали преемникомъ Станиславу-Августу прусскаго принца и не утвердили наслѣдственности въ прусскомъ домѣ. Избраніе саксонскаго князя-избирателя не считали дѣломъ опаснымъ: знали, что

этотъ кандидатъ не рѣшится идти противъ сильныхъ сосѣдей.

Есть современный разсказъ одного изъ дѣятелей сейма (Михаила Чацкаго), дающій понятіе о томъ, что̀ такое были въ то время сеймики. Этотъ посолъ пріѣхалъ въ свой край, откуда былъ выбранъ, чтобъ настраивать сеймикъ въ пользу саксонскаго князя-избирателя и, если можно, въ пользу признанія за нимъ наслѣдственности. Онъ узналъ, что партія Браницкаго уже обработала шляхту по-своему и успѣла настроить ее противъ нововведенія до того, что паны братья выходили изъ себя и грозили изрубить саблями всякаго, кто осмѣлится говорить за нарушеніе старинныхъ правъ шляхты избирать себѣ королей. Казалось, патріоту трудно было тутъ что-нибудьподѣлать. Но ему на помощь подоспѣла нѣкая госпожа Цѣшковская. «Васъ не пустятъ въ сеймовую Избу,— сказала она ему,—одѣньтесь лакеемъ и станьте на запяткахъ за моею каретою. Мы проѣдемъ такимъ образомъ въ городъ». Посолъ сдѣлалъ такъ, какъ ему совѣтовали: одѣлся въ ливрею, взялъ подъ мышку воеводскій мундиръ и сталъ на запятки. Шляхта партіи Браницкаго стояла у моста при въѣздѣ въ городъ и не пропускала тѣхъ, о которыхъ знала, что они думаютъ не такъ, какъ ея патронъ. Карета счастливо проѣхала посреди этой толпы, стоявшей съ обнаженными палашами на страхъ всякому противнику. Карета завернула къ знакомому обывателю. Тутъ Чацкій проворно сбросилъ съ себя ливрею, надѣлъ воеводскій мундиръ и вскочилъ въ сеймовую Избу. Собравшаяся тамъ шляхта, увидя его, зашипѣла, закричала: «А, это онъ! Зачѣмъ онъ здѣсь! Онъ хочетъ намъ глаза замыливать! Къ чорту съ его электоромъ! Какъ можетъ пропасть liberum veto — зѣница шляхетской вольницы»! — «Братья шляхта! я прошу голоса!» сказалъ смѣлый посолъ.—«Нѣтъ согласія! Нѣтъ согласія!» кричали со всѣхъ

сторонъ. — «Уваженіе къ праву», сказалъ Чацкій. — Это вдругъ заставило шляхту опомниться: если не дать голоса одному изъ своей среды, особенно уже избранному послу, тогда значитъ и каждому шляхтичу могутъ также зажать ротъ. Шляхта считала своимъ важнымъ преимуществомъ то, что всякій изъ ея сословія имѣетъ право свободнаго голоса посреди своихъ собратій по сословію. Собраніе замолчало. Посолъ началъ изображать несчастныя послѣдствія мнимой вольности избранія королей, приводилъ разные печальные примѣры изъ исторіи. Шляхта, предубѣжденная заранѣе противъ всѣхъ такихъ доводовъ, теряла терпѣніе; ей, наконецъ, надоѣло слушать оратора; взрывъ криковъ и шиканье прервали его. Казалось все пропало. Вдругъ Чацкому пришла счастливая мысль: «Милѣйшіе братья:—сказалъ онъ,—вспомните, какъ за покойнаго Саса (короля изъ саксонскаго дома) отцы наши спускали *паса*» (отпускали поясъ, т. е. отжирѣли). То была тогда всѣмъ знакомая пословица. На этотъ разъ она была произнесена до нельзя кстати; она понравилась шляхтѣ больше чѣмъ всѣ доводы посла; раздались крики: «Да здравствуетъ саксонскій электоръ! Да здравствуетъ будущій король польскій!» Пользуясь счастливою минутою, посолъ достаетъ изъ кармана заранѣе изготовленный актъ единогласнаго согласія на введеніе наслѣдственнаго правленія въ саксонскомъ домѣ и подаетъ къ подписи. Дѣло повернулось такъ неожиданно. «Вотъ,—замѣтилъ Чацкій,—на какихъ собраніяхъ почіетъ всевластіе народа!»—Въ этомъ событіи, какъ будто выразилась типически вся польская исторія. Достаточно этого примѣра, чтобъ видѣть, какъ мало можно было по мнѣніямъ сеймиковъ заключить о волѣ націи и какъ трудно узнать, въ чемъ состояла воля націи.

Въ брацлавскомъ и волынскомъ воеводствахъ Щенсный Потоцкій и Ржевускій имѣли вліяніе. Тамъ поднялись яростные крики за старинныя права шляхетской

вольности, за избирательное правленіе и liberum veto. Повсюду сеймики были бурны. Въ Цѣхановѣ и Добржинѣ во время засѣданій происходили смертоубійства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ увлекались до того, что опрокидывали алтари въ церкви, когда приходилось присягать новоизбраннымъ посламъ. Браницкій увѣрялъ короля, что не станетъ вовсе мѣшаться въ сеймики, а между тѣмъ его подручники въ разныхъ мѣстахъ работали, чтобъ не допускать перемѣнъ, неугодныхъ Россіи. Ревностно трудилась, по наказу Булгакова, мать Казимира-Нестора Сапѣги и истощала свое обычное искусство, чтобы повредить дѣлу, за которое такъ отличался въ Избѣ ея сынъ. Адамъ Чарторыскій, по извѣстію Булгакова, истратилъ двадцать тысячъ червонцевъ на подготовку шляхты къ наслѣдственному правленію и къ уничтоженію liberum veto, но мало успѣлъ въ Люблинѣ, гдѣ у него, однако, была партія. Впослѣдствіи поляки увѣряли, будто въ то время большинство сеймиковъ высказывалось за наслѣдство и за реформы, но современныя извѣстія показываютъ не то. По единогласнымъ извѣстіямъ англійскаго посланника Гэльса, русскаго—Булгакова и сеймоваго посла Сухоржевскаго только пять сеймиковъ соглашались тогда на введеніе наслѣдственнаго правленія. Король въ письмахъ своихъ къ Букатому въ Лондонъ и къ Малаховскому (племяннику маршала) въ Дрезденъ называетъ три коронные сеймика: краковскій, плоцкій и кіевскій, которые сказались за наслѣдство. Остальные два были литовскіе. Зато многіе выразительно объявили свое желаніе держаться старины и поручили своимъ посламъ наблюдать, чтобъ свято сохранялась зѣница шляхетской вольности—избирательное правленіе. Всѣ сеймики однако, исключая волынскаго, согласились на избраніе преемника Станиславу-Августу въ особѣ саксонскаго князя-избирателя, Фридриха-Августа. Задушевная мысль Игнатія Потоцкаго о соединеніи Польши съ Прус-

сіею подъ единою короною не могла быть оглашена на сеймикахъ. Поляки, жившіе въ своихъ воеводствахъ и повѣтахъ, были такъ мало подготовлены къ тому, что̀ замышлялось въ варшавскихъ кружкахъ, что за подобное заявленіе можно было заплатить головою. Ка̀къ тогдашнее настроеніе шляхетскаго общества было далеко отъ преобразовательныхъ затѣй, которымъ предавались въ Варшавѣ, можно видѣть изъ того, что на многихъ сеймикахъ разомъ раздались желанія о возстановленіи іезуитовъ Почти во всѣхъ инструкціяхъ были выходки противъ принятой системы воспитанія, нападали на эдукаціонную коммиссію, заявляли мысль, что надобно ее уничтожить, возвратить въ казну фонды, обращенные на воспитаніе и самое воспитаніе юношества отдать снова въ руки монахамъ. Къ этому располагали шляхетство монахи, которые тогда боялись, чтобъ свободомысліе не стало господствовать въ Польшѣ въ такой степени, какъ во Франціи, и не рѣшились бы закрыть монастыри. Ксендзъ Лускина, передъ началомъ сеймиковъ, помѣстилъ въ варшавской газетѣ соображенія о томъ, что польскіе эксъ-іезуиты примутъ на себя даровое обученіе. Въ подобномъ духѣ говорили бернардины и францисканы и внушали шляхетству опасеніе, что если воспитаніе не возвратится въ руки монаховъ, то охладится религія, распространится зловредное безбожіе. Отцы боялись за дѣтей, за спасеніе ихъ душъ. Прежній способъ обученія у монаховъ имъ казался привлекательнѣе и достойнѣе шляхетнаго званія; они сами такимъ образомъ были воспитаны въ свое время.

Новые послы собрались къ назначенному времени. Сеймъ открылся въ удвоенномъ числѣ. Всѣхъ участвовавшихъ, съ сенаторами, по комплекту должно было находиться болѣе 500 человѣкъ. Въ первыхъ дняхъ стало замѣтно склоненіе на сторону Россіи. Тогда многихъ раздражило требованіе Пруссіи объ уступкѣ городовъ и по-

тому они были недовольны Пруссіею, а уступчивость Россіи, оказанная въ послѣднее время, побуждала ихъ вѣрить, что теперь Россія оставила свои прежніе виды на подчиненіе Польши. Большинство новыхъ пословъ было противъ наслѣдственнаго правленія: оно не сходилось съ ихъ завѣтными понятіями о свободѣ; писанія Ржевускаго имъ болѣе приходились по вкусу, чѣмъ доводы прогрессистовъ. Это обстоятельство сближало ихъ на ту пору съ Россіею, о которой знали, что она не хочетъ наслѣдственнаго правленія въ Польшѣ и благопріятствуетъ старошляхетской свободѣ. Притомъ же и между новыми послами, какъ и между старыми, очень много было падкихъ на чужое золото, готовыхъ успокоивать свою совѣсть тѣмъ, что если берутъ деньги, то отъ друзей ихъ отечества и, служа имъ, не дѣлаютъ ничего вреднаго отечеству. «Прежде,—писалъ Булгаковъ тотчасъ по открытіи сейма,—нужны были деньги для настроенія сеймиковъ; теперь сеймики окончились; полезно употреблять эти деньги для пословъ, коихъ надобно будетъ обращать на истинный путь, а можетъ быть иныхъ и содержать». Многіе изъ этихъ пословъ, взявши подачку, только тѣмъ и отслуживали ее, что не ходили въ Избу вовсе и, если не помогали, то не мѣшали. Значительное число тогдашнихъ пословъ содержалъ Браницкій у себя въ домѣ; онъ же ихъ и на сеймикахъ выбралъ; нѣкоторые изъ тѣхъ, которыхъ онъ выбралъ, стали, однако, дѣйствовать противъ него впослѣдствіи.

Изъ донесеній Булгакова видно, однако, что русскій посланникъ не очень былъ расточителенъ, какъ говорили о немъ иностранцы. «Нечего бросать деньги въ воду», выражался онъ и не истрачивалъ того, что государыня ассигновала на раздачу за услуги Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, было неблагоразумно платить деньги за то, что и безъ

денегъ достигалось [1]). На польское расположенiе, какъ и на польскую вражду въ то время нельзя было разсчитывать. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ было страшное озлобленiе противъ Россiи и склоненiе къ Пруссiи, теперь уже недовольны были Пруссiею и склонялись къ Россiи. Прусскiй уполномоченный, замѣнившiй временно Люккезини, въ 1790 году, писалъ въ это время къ Герцбергу, что тотчасъ, послѣ удвоенiя сеймовой Избы, послы казались расположенными болѣе къ Россiи, чѣмъ къ Пруссiи. «Сходство характеровъ,—писалъ онъ,—единство происхожденiя, близость языковъ, воспитанiя, нравовъ и интересовъ и даже самая религiя внушаетъ полякамъ болѣе довѣрiя къ русскимъ, чѣмъ къ пруссакамъ. Послѣднiе для нихъ—всегда ненавистные нѣмцы», но какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство могло вдругъ отвратить умы и сердца отъ Россiи, что́ и сдѣлалось очень скоро. Убѣжденiя и симпатiи поляковъ быстро и легко мѣнялись, особенно тамъ, гдѣ имъ недоставало ни основательнаго знанiя вещей, ни навыка. Англiйскiй посланникъ такъ очертилъ новыхъ пословъ: «Многiе изъ нихъ проводили время въ деревенскихъ занятiяхъ; теперь они брошены на необычное для нихъ поле политики. Вслѣдствiе крайняго невѣжества въ дѣлахъ, между ними господствуетъ взаимное недовѣрiе, подозрительность и крайняя безтолковщина. Иностранный министръ, имѣющiй здѣсь дѣла, долженъ толковать съ тремя или четырьмя стами особъ, которые

---

[1]) Кромѣ разныхъ одновременныхъ подачекъ, въ концѣ 1790 г. Булгаковъ выдалъ полковнику Островскому за полгода 60 черв., королевскому секретарю Фризу, за сообщенiе секретныхъ свѣдѣнiй, 90 черв., совѣтнику двора Юзефовичу 100 черв. въ треть, гнѣзненскому каштеляну Мястковскому 200 черв. за полгода, г-жѣ Гумецкой 600 черв. за полгода, Боскампу 500 черв. за полгода, Захаркевичу, регенту брестскаго куявскаго суда 280 черв. за сообщенiе разныхъ бумагъ и за сочиненiе брошюры противъ наслѣдственности.

не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о состояніи своей собственной страны и объ интересахъ чужихъ краевъ».

Завзятые сторонники Пруссіи стали кричать, что значительная часть новыхъ пословъ подкуплена Россіею. Казимиръ-Несторъ Сапѣга подалъ проектъ, чтобъ члены сейма произнесли присягу въ томъ, что не брали и не будутъ брать пенсіоновъ отъ иностранныхъ дворовъ. Послы равского и брестъ-литовскаго воеводствъ поддерживали его. Но ему возражали: «это недостойно представителей свободной націи, которая должна понимать свои обязанности на основаніи чувства чести, а не по присягѣ. Развѣ страшнѣе нарушить присягу, чѣмъ употребить во зло довѣріе своихъ избирателей? Есть обязанности не для всѣхъ общія, обязанности служебныя: тамъ понятна присяга. Человѣкъ принимаетъ ихъ на себя и долженъ исполнять ихъ столько, сколько требуетъ долгъ, сопряженный съ ихъ принятіемъ; но есть обязанности общія для всѣхъ и для всѣхъ неизбѣжныя, напр., почитать родителей, не красть и т. д. Можно ли кого-нибудь приводить къ присягѣ въ исполненіи такихъ обязанностей? Это имѣло бы такой смыслъ, что безъ присяги можно дѣлать то, чего нельзя дѣлать, давши присягу». Король присталъ къ противникамъ Сапѣги. Проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 130 противъ 109. Но потомъ поданъ былъ проектъ о томъ, чтобъ тотъ, кто впередъ будетъ брать пенсіоны отъ иностранныхъ дворовъ, подвергался смертной казни. Если проектъ о присягѣ можно было отстранить благовидными соображеніями, то проекта о назначеніи смертной казни за взятіе пенсіоновъ невозможно было недопустить. Онъ обратился въ законъ Виновный подвергался смертной казни, доноситель награждался восьмою частію его имущества, но подвергался той же казни, если бы доносъ оказался ложнымъ. Этому осужденію не подпадали тѣ, которые отъ иностранныхъ державъ получали пенсіоны за нахожденіе въ службѣ въ этихъ дер-

жавахъ или же въ видѣ вознагражденія за доходы въ тѣхъ частяхъ Польши, которыя отошли отъ ней по первому раздѣлу. Это было первое торжество прогрессивнаго направленія въ удвоенной Избѣ. Наступило другое.

Консерваторы стали жаловаться на то, что въ печати появляются статьи предосудительныя для чести нѣкоторыхъ особъ и подняли вопросъ о томъ: можно ли редактору газеты подъ названіемъ «Gazeta narodowa y obca» дозволить печатать рѣчи, произнесенныя на сеймѣ? Примѣръ Франціи оказывалъ вліяніе на умы и въ подражаніе французской гласности вопросъ рѣшенъ утвердительно.

Въ январѣ 1791 года, въ Избѣ опять стали толковать: съ чего слѣдуетъ начать разсмотрѣніе проекта новой конституціи: съ правъ кардинальныхъ или съ формъ правленія по частямъ, отдѣльно. Шляхетская партія, трепетавшая за избирательное правленіе и liberum veto, стояла въ этомъ случаѣ за кардинальныя права, и желала, чтобы прежде всего провозглашены были эти два основанія старошляхетской свободы, и далѣе не было бы мѣста толкамъ объ ихъ измѣненіяхъ. Противники доказывали, что прежде всего нужно устроить порядокъ и опредѣлить значеніе сеймиковъ, какъ главнаго рычага законодательства: кардинальныя же права сами собою уяснятся и опредѣлятся, когда будетъ установлена форма правленія. Доказательства патріотовъ взяли верхъ; большинствомъ 174 противъ 89-ти рѣшено было начинать разсмотрѣніе проекта конституціи съ вопроса о сеймикахъ, а не съ вопроса о кардинальныхъ правахъ. Прогрессивная партія еще разъ вышла съ побѣдою. Тоже было и 19-го января по поводу новой комедіи Нѣмцевича, подъ названіемъ «Возвращеніе посла».

Комедія эта съиграна была въ первый разъ 15-го января. Она была написана именно съ цѣлію возбудить въ публикѣ наклонность къ реформамъ и къ уничтоженію liberum veto. Авторъ вывелъ на сцену два типа своего

времени: старосту—сторонника старошляхетской рутины и пана Шарманскаго, пустого щеголя, любителя забавъ и амурныхъ дѣлъ. Въ уровнѣ съ послѣднимъ поставлена жена старосты, отгулявшая кокетка, со всею пустотою, легкомысліемъ и безнравственностію модной барыни такого разряда. Имъ всѣмъ въ противоположность выведенъ честный и умный старикъ подкоморій съ доброю супругою, и ихъ сынъ Валерій, посолъ на сеймѣ. Драматизмъ пьесы состоитъ въ томъ, что пріѣхавшій во время лимиты сейма домой посолъ хочетъ жениться на дочери старосты отъ перваго брака, Терезѣ. Мачиха этому препятствуетъ и хочетъ выдать падчерицу за Шарманскаго; но такъ какъ староста скупъ, а Шарманскій, истасканный женолюбецъ, думаетъ только о приданомъ, то дѣло не клеится и устраивается желанный бракъ Валерія съ Терезою. Содержаніе пьесы бѣдно, но она замѣчательна по современнымъ идеямъ и намекамъ на пороки и предразсудки тогдашняго общества. Староста — представитель тѣхъ началъ, съ которыми приходилось бороться въ Избѣ прогрессивной партіи. «Богъ знаетъ,—говоритъ въ пьесѣ это лицо—что̀ это сеймъ выдѣлываетъ? Къ чему это правленіе, къ чему эти перемѣны? Развѣ намъ плохо было до сихъ поръ! Развѣ предки наши были безъ ума? Развѣ мы не были сильны подъ ихъ уставами? Развѣ мы не благоденствовали при Августахъ? Какой былъ дворъ! Какіе трибуналы! Человѣкъ—ѣлъ, пилъ, ничего не дѣлалъ и карманы его были полны. Теперь все измѣняется, все портится; злодѣи посягаютъ на liberum veto — зѣницу шляхетской свободы. А прежде, безъ всякихъ интригъ, безъ всякой измѣны, каждый могъ прервать ходъ сейма, каждый держалъ въ рукахъ судьбу отечества. А кому отъ этого было дурно? Напротивъ: можно было за это достать нѣсколько деревенекъ. А теперь достанешь? Какъ бы не такъ! Новомодныя головы выдумываютъ какую-то Стражу, какой-то готовый сеймъ. Это чисто поле для деспотизма».

Бесѣдуя съ подкоморіемъ о наслѣдственности королевскаго достоинства, староста сказалъ: «Никому не совѣтую заикаться объ этомъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ ужасныхъ приключеній. Когда я былъ въ трибуналѣ въ Радомѣ, одинъ молодецъ вздумалъ пощеголять своимъ просвѣщеніемъ и началъ говорить противъ вольнаго избиранія королей; мы тогда выходили изъ-за стола и бросились на него съ саблями. Насъ было много. Онъ чуть живъ остался, получивъ ударовъ пятнадцать по головѣ, и потомъ жидъ цирюльникъ сшивалъ ему шелкомъ оба уха. Послѣ того уже онъ не совался съ этимъ». — Хорошъ способъ убѣжденія! сказалъ подкоморій.—«А зачѣмъ же имѣть такія глупыя понятія—сказалъ староста—и желать повергнуть народъ въ рабство посредствомъ наслѣдственнаго правленія! Кому польза отъ наслѣдственнаго правленія? Король сегодня умретъ, а завтра сынъ его вступитъ на престолъ, и все останется спокойно, какъ прежде бывало. Въ элекцію же каждый стоитъ за своего претендента, всѣ садятся на коней; паны составляютъ партіи. Одинъ панъ говоритъ мнѣ: будь со мною, любезный панъ Петръ. Я тебѣ дамъ въ державу деревню. Другой же панъ проситъ, чтобъ я съ нимъ былъ и даетъ мнѣ имѣніе въ заставу. Третій предлагаетъ мнѣ денежную сумму. И вотъ человѣкъ такимъ образомъ разживается. Правда, доходило, бывало, и до волосотрепки: такъ было по смерти Августа II; одни за саксонскаго принца, другіе за Лещинскаго, и жгутъ одни другимъ села. Да чтожъ тутъ за бѣда! Придетъ иностранное войско и все усмиритъ, а потомъ амнистія, и тутъ панамъ булавы раздаютъ и должности, а шляхтѣ войтовство, обѣщанія, ласки»...

Подкоморій, защищая дѣйствовавшій сеймъ, говоритъ:

«Чернить сеймъ вошло уже въ обычай. Онъ не сдѣлалъ столько, сколько могъ бы сдѣлать—это уже всѣмъ извѣстно; но примите во вниманіе множество затрудненій и тогда

надобно будетъ благодарить его за то, что́ имъ сдѣлано. Мы уже болѣе не подчиняемся чуждому владычеству, какъ было года два тому назадъ. Мы были слабы, угнетены, несогласны между собою; иностранцы насъ не знали или не хотѣли знать; теперь же возвращены народу его слава и уваженіе, обыватель съ радостію платитъ подати, свободный союзъ возвратилъ намъ честь; теперь у насъ есть союзникъ, а прежде былъ надъ нами владыка; возрастаетъ наше войско, исполненное благородной отваги: посмотрите на эти почтенные ряды юношества въ вооруженіи; казна наша пополняется золотомъ, арсеналъ орудіями, для Польши наступаютъ блистательныя времена». Подкоморій въ концѣ пьесы произноситъ такія слова: «настоящій день для меня священенъ и радостенъ. Пусть онъ ознаменуется счастіемъ тѣхъ, которые насъ кормятъ трудомъ своимъ—честныхъ земледѣльцевъ; съ настоящаго дня прекращается у меня ихъ зависимость. Я объявляю свободу всѣмъ моимъ крестьянамъ». Эти послѣднія слова были воззваніемъ къ дворянству, напоминавшимъ, что пора пришла послѣдовать такому совѣту, внушаемому духомъ времени.

Пьеса была встрѣчена съ восторгомъ. Похвалы сейму и королю вызвали овацію въ честь короля, который находился при представленіи и кланялся изъ ложи народу. На другой день представленіе повторили: когда вошелъ въ ложу маршалъ Малаховскій—раздались продолжительныя рукоплесканія и крики, выражавшіе уваженіе къ его особѣ и признательность за труды. Рѣдки бывали случаи, чтобъ театральная пьеса имѣла такое громадное вліяніе на умы общества, какъ эта. Она сразу перемѣнила многихъ, настроила иначе и обратила помыслы къ прогрессивной сторонѣ. Замѣтно было, что именно съ появленія этой пьесы опять начали ругать москаля, относиться дружелюбнѣе къ Пруссіи и думать высоко о своихъ подвигахъ; распространилась увѣренность, что Польша по-

правилась и усилилась. Пьеса эта сдѣлала больше, чѣмъ многія рѣчи и убѣжденія. Зато упрямые консерваторы съ самаго появленія этой пьесы возненавидѣли ее отъ всей души и Сухоржевскій, въ засѣданіи 18 января, выступилъ противъ нея съ грозною рѣчью. Говорятъ, что тогда нѣкоторые члены сейма подстрекнули его на эту выходку смѣха ради: «я обвиняю автора,—говорилъ онъ,—за то, что онъ унизилъ и осмѣялъ народное право свободнаго выбора королей и восхвалилъ наслѣдственность престола, т. е. кандалы для всѣхъ насъ. Зачѣмъ тогда, когда расхищали нашъ край, не возбуждали насъ на театрѣ къ защитѣ отечества, къ возрожденію старопольскаго мужества, зачѣмъ не играли тогда комедіи «Мать Спартанка», или другой пьесы «Единственный сынъ?» Когда я поѣхалъ въ Пулавы на спектакль, надо мной смѣялись. Теперь же, когда играется комедія, въ которой восхваляется наслѣдственность правленія, кричатъ: «браво, авторъ!» Обращаюсь къ тебѣ, публика: въ оное тяжелое время, когда капуцинъ говорилъ съ амвона: защищайте отечество, его стащили и посадили въ тюрьму. Зачѣмъ, публика, ты тогда не кричала: браво, проповѣдникъ! а теперь ты кричишь: браво, авторъ! Сама суди, публика, справедливъ ли я? Предлагаю огласить врагомъ отечества всякаго, кто станетъ говорить или писать за наслѣдственное правленіе и прошу господъ маршаловъ созвать сеймовыхъ судей для суда надъ авторомъ комедіи: «Возвращеніе посла».

Никто не отозвался одобрительно на эту рѣчь. Не поддержали Сухоржевскаго думавшіе съ нимъ одинаково. Многіе зажимали себѣ ротъ отъ смѣха. Потомъ заявлены были просьбы къ маршалу обратить совѣщанія Избы къ другимъ дѣламъ. Неудача Сухоржевскаго придала бодрости противной сторонѣ.

22-го февраля удалось литовскому послу Кицинскому

провести законъ объ отмѣнѣ постановленія 1768 года, по которому всѣ статьи, слѣдуемыя ко введенію въ законодательство, непремѣнно должны были во всѣхъ подробностяхъ, даже по отношенію къ слогу изложенія, обсуждаться не иначе, какъ въ полномъ собраніи, а не въ коммиссіяхъ: отъ этого сеймъ занимался мелочами. Сверхъ того, для порядка занятій установили, чтобъ одну недѣлю сеймъ занимался устройствомъ формы правленія, а другую посвящалъ дѣламъ финансовымъ, военнымъ и воспитательнымъ. Съ этихъ поръ, въ назначенныя по этому правилу недѣли, сеймъ принялся за разсмотрѣніе проекта о сеймикахъ.

Пруссія опять начала работать надъ своимъ дѣломъ; прусская дипломатія соперничала въ Варшавѣ съ русскою. Въ пользу Пруссіи распущена была брошюра на французскомъ языкѣ: «Mémoire sur les affaires actuelles de la Pologne». Она, какъ говорили, написана была Гэльсомъ, который, слѣдуя англійской политикѣ, управляемой министромъ тогдашнимъ Питтомъ, какъ говорится, изъ кожи вонъ лѣзъ, чтобъ угодить видамъ Пруссіи. Англичанинъ старался увѣрить, что уступка Пруссіи Гданска, который не составлялъ и прежде нераздѣльной части Рѣчи-Посполитой, вознаградится для Польши выгодами, какія пріобрѣтетъ ея торговля отъ убавки пошлинъ прусскимъ королемъ. Англіи же безъ того невыгодно будетъ получать изъ Польши сырые матеріалы и она станетъ ихъ получать изъ Россіи и такимъ образомъ русская торговля будетъ процвѣтать, а польская придетъ въ упадокъ, отчего Россія обогатится, а Польша обѣднѣетъ. Въ своихъ конференціяхъ съ Депутаціею Иностранныхъ Дѣлъ Гэльсъ манилъ поляковъ тѣмъ, что договоръ съ Пруссіею при уступкѣ Гданска будетъ гарантированъ Англіей и Голландіей и Польша найдетъ себѣ союзниковъ въ цѣлой Европѣ противъ козней Россіи. Депутація поддавалась

убѣжденіямъ англійскаго и голландскаго дипломатовъ, но на сеймъ было мало надежды и Гэльсъ, въ своихъ депешахъ, выражался такъ о сеймовыхъ послахъ: «большая часть ихъ проводила жизнь за сельскимъ хозяйствомъ и не имѣютъ понятія ни о положеніи своего края, ни о заграничныхъ отношеніяхъ. Они недовѣрчивы и подозрительны, какъ вообще отличаются такими качествами невѣжды». Противники, по наущенію Булгакова, тотчасъ распустили другую брошюру: Examen d'une brochure intitulée Mémoire etc. и тамъ доказывали, что полякамъ никакъ не слѣдуетъ отдавать Пруссіи городовъ, особенно приморскихъ. Игнатій Потоцкій всячески старался склонить соотечественниковъ на уступку; онъ былъ твердо убѣжденъ и убѣждалъ другихъ, что у Польши былъ только одинъ надежный союзникъ—прусскій король, и его надобно во что́ бы то ни стало задобрить. «Медлить намъ не слѣдуетъ,—говорилъ онъ,—теперь Польша отъ Россіи уже безопасна, Россія занята войною съ Турціей и поэтому находится въ недружелюбныхъ отношеніяхъ съ европейскими державами; намъ нужно этимъ пользоваться». Люккезини былъ въ Турціи; въ Польшу доходили слухи, что этотъ другъ ея старается о водвореніи мира между Россіею и Турціею, а это было противно видамъ прогрессивной партіи. Можно было предвидѣть, что когда Россія помирится съ Турціею, то на Пруссію плоха будетъ надежда, если только Польша не удовлетворитъ ея желанію заранѣе. Такъ разсчитывалъ Игнатій Потоцкій. Прежде онъ былъ закоренѣлый врагъ Станислава Августа, теперь отношенія ихъ измѣнились. Игнатій поддѣлался къ пани Грабовской, а король всегда поддавался вліянію тѣхъ женщинъ, которыми былъ увлеченъ. Былъ у Игнатія еще другой путь сближенія со Станиславомъ Августомъ: у послѣдняго въ милости былъ итальянецъ аббатъ Пьятоли, проповѣдникъ новыхъ идей свободы и равенства, вольнодумецъ, другъ человѣ-

чества. Король очень полюбилъ его: итальянецъ плѣнялъ его своимъ живымъ нравомъ и остроуміемъ. Съ нимъ подружился Игнатій и они оба направляли чувства и убѣжденія короля. Это было для нихъ тѣмъ удобнѣе, что они, внушая ему свои мысли и предположенія, въ то же время держались такъ, что королю казалось, будто все отъ него исходитъ, будто онъ имѣетъ на нихъ вліяніе, а не они на него. Вмѣстѣ съ королемъ, до извѣстной степени, сблизились съ Игнатіемъ и Пьятоли люди королевской партіи. Дѣйствуя въ то же время на кружокъ пословъ прогрессистовъ, Игнатій разсчитывалъ, что силой своего краснорѣчія ему удастся склонить сеймъ къ отдачѣ городовъ; онъ находилъ нужнымъ заранѣе расположить къ Польшѣ прусскаго короля и поселить въ немъ увѣренность, что поляки исполнятъ его желаніе. На посланника Рѣчи-Посполитой въ Берлинѣ, князя Яблоновскаго, Игнатій не смѣлъ положиться; Яблоновскій былъ тогда влюбленъ въ Стецкую, дочь сѣрадскаго воеводы Валевскаго, который былъ сторонникъ Браницкаго. Этого казалось довольно, чтобъ заподозрить искренность Яблоновскаго. Потоцкій выбралъ для своей цѣли пана Морскаго и поручилъ ему, отправившись въ Берлинъ, довести до свѣдѣнія прусскаго короля, что несмотря на нѣкоторую оппозицію, возбуждаемую Россіею, онъ, Игнатій, доведетъ сеймъ до того, что города Гданскъ и Торунь будутъ отданы Пруссіи. Въ Берлинѣ поняли это совсѣмъ не такъ какъ хотѣлось Потоцкому. Тамъ показалось, что Потоцкій увѣряетъ въ томъ, въ чемъ самъ не увѣренъ, хочетъ обмануть Пруссію льстивыми обѣщаніями и подвинуть на какой-нибудь шагъ въ пользу Польши, а потомъ обѣщаніе можетъ и не исполниться. Въ мартѣ случилось событіе, повредившее надеждамъ Потоцкаго расположить сеймъ въ пользу Пруссіи. Война изъ Вѣны доносилъ, что прусскій посланникъ при императорскомъ дворѣ сообщалъ этому двору, что его

король готовъ пособить императору въ пріобрѣтеніи земель и выгодъ насчетъ Турціи, если императоръ съ своей стороны согласится на присоединеніе къ Пруссіи нѣсколькихъ земель отъ Польши. Депутація Иностранныхъ Дѣлъ, получивъ такое извѣстіе, обратилась за объясненіемъ къ прусскому министру. Гольцъ отвѣчалъ, что въ его инструкціяхъ нѣтъ ничего указывающаго на что̀-нибудь подобное, и, вѣроятно, Во́йна присылаетъ такія выдуманныя извѣстія съ цѣлью посѣять подозрѣнія въ искренности прусскаго короля. Въ заключеніе онъ обѣщалъ объ этомъ справиться у своего правительства. Пока Гольцъ справлялся, въ публикѣ распространилось извѣстіе, сообщенное Во̀йною и возбудило безпокойство и толки. На сеймѣ стали требовать чтенія депеши.

Депутація Иностранныхъ Дѣлъ отговаривалась тѣмъ, что нельзя давать гласности дипломатическимъ сношеніямъ.

«Какъ!—возражали послы,—не давать гласности такому предмету, о которомъ повсюду кричатъ».

Напали на маршала Малаховскаго, которому еще недавно оказывали большіе знаки вниманія, и даже прекращали сеймовыя засѣданія по поводу смерти и погребенія жены его. Теперь его обвиняли за то, что огласилъ слухъ, сообщенный Во̀йною.

«Еслибъ и такъ было,—говорили сторонники маршала— то въ этомъ нѣтъ вины: пусть грозящая опасность будетъ всѣмъ извѣстна; тѣмъ лучше: всѣ будутъ осторожны».

«Никакой опасности нѣтъ,— говорилъ Малаховскій, — никто не затѣваетъ раздѣла Польши; депеши Во̀йны не имѣютъ оффиціальнаго значенія».

«Я не думаю, — сказалъ Игнатій Потоцкій, — чтобы мысль о раздѣлѣ могла безпокоить просвѣщенную публику. Извѣстно, что между Пруссіею и Австріею нѣтъ со-

гласія и довѣрія. Слухи о предположеніяхъ насчетъ раздѣла Польши распускаются съ цѣлью отвлечь насъ отъ вѣрнаго и сильнаго союзника».

Малаховскому и Потоцкому удалось успокоить Избу, но не надолго. Въ публикѣ продолжали ходить зловѣщіе слухи и толки. Говорили, что Пруссія хлопочетъ о примиреніи Россіи съ Турціею именно для того, чтобы вмѣстѣ съ Россіею накинуться на Польшу; Россія скопляетъ войска въ Бѣлой Руси; въ Пруссіи также дѣлаются военныя приготовленія. Изъ частныхъ собраній эти толки переходили въ сеймовую Избу. Арбитры, постоянно наполнявшіе залу засѣданія, заставили пословъ своими криками прекратить занятія внутренними дѣлами и приняться снова за политическія пренія. Витебскій каштелянъ Ржевускій требовалъ, чтобъ Депутація объявила о содержаніи депеши Войны. Матушевичъ, самъ будучи однимъ изъ членовъ Депутаціи, возражалъ ему такъ: «если всѣ получаемыя депеши читать на сеймѣ, тогда нѣтъ нужды и въ Депутаціи Иностранныхъ Дѣлъ. Никакой иностранный кабинетъ не довѣритъ депутаціи тайны, зная, что тайна эта тотчасъ станетъ извѣстна. Я требую, напротивъ, чтобъ члены депутаціи, подъ опасеніемъ смертной казни, хранили ввѣренную тайну».

Игнатій Потоцкій и маршалъ Малаховскій опять увѣряли, что нѣтъ никакихъ основательныхъ свѣдѣній о раздѣлѣ, и опять превозносили великодушіе и благородство прусскаго короля.

Среди такихъ тревожныхъ толковъ депутація получила отъ Гольца ноту отъ 25 марта, опровергающую слухи о коварствѣ Пруссіи.—«Его величество прусскій король,—было сказано въ этой нотѣ,—останется навсегда въ дружбѣ съ Польшею и будетъ поддерживать цѣлость ея владѣній». Самъ прусскій король написалъ къ польскому письмо и въ немъ выразился, что не можетъ скрыть своего удив-

ленія: какъ могли поляки съ такимъ довѣріемъ принимать нелѣпые слухи?

Между тѣмъ, къ досадѣ сторонниковъ Пруссіи, извѣстія изъ Вѣны подтверждались извѣстіями изъ Константинополя: оттуда писали, что прусскій посланнихъ при турецкомъ дворѣ, баронъ Кнобельсдорфъ, объявилъ, что Пруссія соглашается на заключеніе мира Турціи съ Россіею безъ вмѣшательства другихъ державъ. Нерасположенные къ Пруссіи члены депутаціи толковали, что тутъ видна со стороны прусскаго короля хитрость, онъ оставляетъ себѣ на будущее время возможность сойтись съ Россіею ко вреду Польши. Друзья Пруссіи указывали на безкорыстіе прусскаго короля, который объявлялъ уже, что никакъ не домогается Гданска и Торуня иначе, какъ только тогда, когда поляки сами найдутъ для себя выгоднымъ отдать эти города.

Между тѣмъ занятія финансовыми вопросами невольно повернули самый сеймъ къ роковому вопросу объ уступкѣ городовъ. Депутація иностранныхъ дѣлъ имѣла порученіе продолжать сношенія по вопросу о торговомъ договорѣ съ Пруссіею, при посредствѣ англійскаго и голландскаго министровъ, и выхлопотать черезъ нихъ отъ Пруссіи свободный провозъ товаровъ, льготы для склада ихъ и новый тарифъ съ пониженіемъ пошлинъ. Но Гэльсъ и Рээде повторили тоже, чтó говорили прежде, именно, что заключить договоръ съ Пруссіею, выгодный для Польши въ торговомъ отношеніи, иначе нельзя, какъ съ уступкою городовъ, по крайней мѣрѣ хоть одного Гданска.

Напрасно король Станиславъ-Августъ въ бесѣдѣ съ послами англійскимъ и голландскимъ представлялъ, что король прусскій для собственной пользы и безопасности долженъ сохранить расположеніе къ себѣ поляковъ и съ этой цѣлью не добиваться пріобрѣтенія польскихъ городовъ, а уменьшить тяжелыя для торговли съ Польшею пошлины

на таможняхъ фордунской и гданской,—иначе увеличится непріязнь къ Пруссіи и усилится москальская партія, а чрезъ то Польша подпадетъ снова подъ вліяніе Россіи и дѣло можетъ дойти до того, что, въ случаѣ разрыва Пруссіи съ Россіею или союзною съ нею Австріею, Польша станетъ помогать врагамъ прусскаго короля. Не даромъ,—прибавлялъ король,—недавно по поводу разсужденій объ уступкѣ Гданска нѣкоторые господа, которыхъ прежде считали антимоскалями и приверженцами прусскаго короля, посылали къ чорту обоихъ сосѣдей—и прусскаго короля и русскую императрицу за-одно.

31-го марта Депутація донесла сейму, что она не можетъ продолжать переговоровъ о торговомъ трактатѣ, такъ какъ уступка Гданска посредствующими сторонами ставится неизбѣжнымъ условіемъ, а Депутація уже получила отъ сейма инструкцію ни въ какомъ случаѣ не касаться этого. Въ началѣ апрѣля вопросъ этотъ занималъ сеймъ нѣсколько дней сряду. Споры доходили до того, что послы стали вызывать другъ друга на поединокъ.

Король боялся слишкомъ раздражать съ одной стороны иностранныхъ министровъ, домогавшихся уступки, съ другой—противниковъ, стоявшихъ за цѣлость и неприкосновенность предѣловъ Рѣчи-Посполитой, а потому на сеймовыхъ засѣданіяхъ уклонялся отъ выраженія своего мнѣнія и собственно былъ ни за уступку, ни противъ уступки. Противники говорили такъ: «уже состоялся законъ, по которому сеймъ лишилъ самъ себя права отчуждать безъ единогласія земли Рѣчи-Посполитой. Этотъ законъ положено включить въ число кардинальныхъ; слѣдовательно, толковать нечего: Депутаціи остается объявить прямо на чистоту, что уступка Гданска не можетъ служить основою дальнѣйшимъ сношеніямъ».

Члены, хотѣвшіе избрать примирительный путь между двумя противными сторонами, говорили: «пусть послѣднее

слово о Гданскѣ отложится на будущее время, а сношенія идутъ своимъ чередомъ: прежде пусть покажутъ намъ, какія выгоды можетъ извлечь Польша изъ торговаго договора съ Пруссіею».

«Нечего толковать,—продолжали противники,—мы понимаемъ, что хотятъ умышленно тянуть дѣло, чтобъ рано или поздно сдѣлать по-своему. Нѣтъ, нѣтъ! теперь же надобно отсѣчь иностраннымъ державамъ всякія надежды на увеличеніе своихъ владѣній насчетъ Польши».

«Единственное средство,—возражали имъ,—соединиться тѣснѣе съ государствами, которыя намъ помогутъ утвердить нашу независимость, и если только уступка Гданска есть цѣна такого союза, не будетъ ли уже Рѣчь-Посполитая вознаграждена тѣми выгодами, какія дадутъ ей новыя связи и договоры?»

Враждебныя стороны стали укорять другъ друга въ томъ, что ихъ настроили чужія державы: сторонники отдачи попрекали противниковъ Россіею, послѣдніе первыхъ—Пруссіею. Всего задорнѣе кричали противъ отдачи витебскій каштелянъ Ржевускій и иноврацлавскій посолъ Лещинскій. Послѣдній говорилъ по этому поводу длиннѣйшую рѣчь, производившую въ свое время большое впечатлѣніе: въ ней однако почти не было доводовъ, а одна риторика. Онъ оканчивалъ свою рѣчь такими словами: «Поляки, если вы отдадите Гданскъ, убѣдившись коварными доводами, то я скажу, что въ нашемъ народѣ нѣтъ честнаго человѣка».

Наконецъ, по предложенію брацлавскаго посла Вавржецкаго, рѣшено сообщить Депутаціи: пусть она объявитъ иностраннымъ посланникамъ, что не имѣетъ никакихъ данныхъ отъ сейма насчетъ уступки Гданска, но ей поручено продолжать сношенія по торговому договору. Городу Гданску объявлена благодарность за вѣрность и привязанность къ Рѣчи-Посполитой.

Прусскій король, получивши такой рѣшительный отказъ, разсчелъ, что такъ или иначе, а Гданскъ долженъ быть въ его рукахъ, и писалъ къ Гольцу отъ 25 апрѣля: «Поляки черезчуръ дорожатся своимъ Гданскомъ и уступать его не хотятъ; поэтому, для меня будетъ лучше, когда все останется по старому и они будутъ платить мнѣ высокія таможенныя пошлины, пока сами не убѣдятся въ неправильности своего разсчета. Нечего мнѣ предлагать имъ выгоды за выгодами; я останусь въ нейтральномъ положеніи относительно Польши, если она вступитъ въ войну съ Россіею, тогда пусть себѣ дѣлаютъ чтó хотятъ: увидятъ, къ чему дойдутъ». Разсказывали, что Фридрихъ-Вильгельмъ, въ кругу своихъ приближенныхъ, выразился такъ: «Если эти оборвыши задумаются отдать мнѣ Гданскъ и Торунь, то я свяжу имъ руки и ноги и отдамъ Россіи».

Игнатій Потоцкій болѣе не пытался вести тайныхъ сношеній съ прусскимъ королемъ и боялся, чтобъ Морскій не объявилъ о своихъ прежнихъ порученіяхъ; поэтому Потоцкій поспѣшилъ спровадить Морскаго посланникомъ въ Испанію.

Въ то же время Пруссія побаивалась, чтобы Австрія, ея постоянная соперница, не образовала себѣ въ Польшѣ партіи. Дѣйствительно, въ это время видны были нѣкоторыя попытки къ этому; Австрія ласкала поляковъ въ присоединенной къ ней Галиціи, давала имъ льготы, сбавила пошлины за соль, доставляемую въ Польшу. Въ Вѣнѣ отлично принимали пріѣзжавшихъ туда поляковъ и, при случаѣ, мимоходомъ, давали имъ знать, что императоръ Леопольдъ настолько справедливъ и благожелателенъ, что готовъ возвратить Польшѣ отобранныя провинціи, еслибы другія государства, участвовавшія въ раздѣлѣ, также поступили. Между поляками мало-по-малу образовывался кружокъ, начинавшій чаять спасенія отъ

Австріи. Два знатныхъ пана, Ржевускій и Шенсный Потоцкій, находились тогда въ Вѣнѣ и составляли заговоръ противъ прусской партіи, думая опереться на Австрію въ случаѣ неудачи съ Россіею. Княгиня Чарторыская, хотя прежде ревностная сторонница прогрессивной партіи, проживши долго въ Вѣнѣ, въ это время возвратилась въ Варшаву и настраивала тамошнее общество въ пользу Австріи. Именемъ Россіи было сдѣлано косвенное заявленіе въ томъ же родѣ, какъ австрійское. По извѣстію графа Гольца, посланникъ датскаго короля, Буркенъ, сообщилъ Малаховскому и Игнатію Потоцкому, что россійская императрица не прочь возвратить Польшѣ отобранныя провинціи, еслибы она знала напередъ, какое положеніе приметъ Польша въ случаѣ разрыва между Россіею и Пруссіею. Крѣпчайшій и неизмѣнный союзникъ Пруссіи, Малаховскій, напрямикъ отвѣчалъ: «Въ такомъ случаѣ Польша будетъ держаться союза съ государствомъ, которому одолжена своею независимостью и тою степенью благосостоянія, какой теперь достигла». Эти простодушныя слова были сказаны въ то время, когда Гольцъ писалъ своему правительству, что, по его соображеніямъ, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Пруссіи ничего не оставалось, какъ сблизиться съ Россіею насчетъ Польши: иначе послѣдуетъ сближеніе Россіи съ Австріею, во вредъ Пруссіи.

II.

Устройство сеймовъ.—Мѣщанское дѣло.—Городской уставъ [1])

Въ Избѣ, съ удвоеннымъ числомъ членовъ, раздавались такія же жалобы на медленность работъ, какъ и въ прежней. «Еслибы,—говорилъ краковскій посолъ Солтыкъ,—поляки жили себѣ на уединенномъ островѣ, то имъ мож-

---

[1]) См. Источники, №№ 18, 28, 36, 81, 113.

но было бы сказать: пишите свои законы хоть цѣлыя столѣтія, останавливайтесь не только надъ словами, но и надъ буквами; но я вижу, что намъ угрожаетъ опасность отъ чужихъ государствъ и боюсь, чтобы мы не заслужили укора отъ нашихъ собратій и презрѣнія отъ иноземцевъ!» «Никогда, — замѣчалъ холмскій епископъ Скаржевскій, — такъ много не жаловались на потерю времени, какъ теперь и никогда такъ мало не дѣлали, какъ на настоящемъ сеймѣ.» Важнѣйшими вопросами, которые рѣшилъ сеймъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, были устройство сеймиковъ и устройство городовъ. Депутація, составлявшая проектъ объ устройствѣ сеймиковъ, нѣсколько разъ подавала его и онъ былъ ей возвращаемъ для переправки. Главный предметъ спора состоялъ въ томъ, что проектъ допускалъ къ участію на сеймикахъ только осѣдлыхъ шляхтичей. Старошляхетская партія — послы волынскіе, бресто-куявскіе, минскіе домогались, чтобы всякій шляхтичъ, по рожденію, имѣлъ на это право. Сначала эта партія взяла-было верхъ и проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 94 противъ 73, а потомъ прогрессисты взяли верхъ и проектъ былъ утвержденъ большинствомъ 101 секретнаго голоса противъ 64. Изъ этого малаго числа присутствовавшихъ въ сеймовыхъ засѣданіяхъ видно, какъ большинство членовъ мало занималось своими обязанностями. Вопросъ о правахъ городовъ нѣсколько разъ уже появлялся и всегда отступалъ передъ взрывами шляхетской исключительности. Въ тогдашней публикѣ онъ сдѣлался живымъ предметомъ разсужденій впрямь и вкось. Люди консервативные говорили объ немъ такъ: «До сихъ поръ у насъ не представлялось опасности народныхъ смутъ и революціи; нововводители хотятъ подвергнуть Польшу такимъ же несчастіямъ, какія испытываетъ Франція. Слава Богу, теперь одна шляхта имѣетъ доступъ къ законодательству и къ управленію государствомъ.

Поспольство въ Польшѣ никогда не имѣло правъ и не домогалось ихъ, а потому и не забурлитъ такъ, какъ французское. А какъ дадутъ мѣщанамъ права, такъ и начнутся смуты. Шляхта всегда захочетъ держать верхъ надъ мѣщанами, а мѣщане будутъ стараться показывать, что они такіе же люди, какъ шляхта. Мѣщане будутъ добиваться мѣстъ, а шляхта будетъ стараться оттѣснять ихъ. Вотъ и возникнетъ вражда между шляхетствомъ и мѣщанствомъ; тогда король, котораго на пущую бѣду хотятъ сдѣлать наслѣдственнымъ, увидитъ возможность увеличить свою власть и приметъ сторону мѣщанства; шляхта будетъ стараться сохранить мѣщанскую свободу, а мѣщанство, на зло шляхтѣ, станетъ съ королемъ за самодержавіе и начнется въ Польшѣ ужаснѣйшая междоусобица». Но не такъ разсуждали люди, подпавшіе вліянію современныхъ европейскихъ идей. Сколько противники ихъ старались отстранить вопросъ о реформѣ городовъ, столько прогрессисты пытались выдвинуть его впередъ. Вопросъ этотъ поднятъ былъ снова 29 марта. Первый внесъ его на сеймъ познанскій посолъ Глищинскій: онъ требовалъ распространенія на мѣщанъ закона neminem captivabimus, дозволить имъ засѣдать въ тѣхъ коммиссіяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о городскомъ устройствѣ, пріобрѣтать земскія имѣнія, освободить отъ суда старостъ тѣ города, которые этому суду подлежали, наконецъ дозволить городамъ высылать на сеймъ представителей съ правомъ рѣшенія въ предметахъ, касающихся быта городовъ и торговли. За нимъ сталъ говорить Нѣмцевичъ, пріобрѣвшій значеніе передового человѣка въ прогрессивной партіи послѣ блистательнаго успѣха своей комедіи. «Города имѣли прежде нѣкоторыя привилегіи, теперь забытыя; слѣдуетъ отдать имъ то, что̀ у нихъ отнято и чего они желаютъ. Они желаютъ судиться сами собою. Во всѣхъ свободныхъ странахъ—первое право, чтобы каж-

дый судился себѣ равными. Они просятъ участія на сеймахъ. Это не новость. Мы видимъ въ древности ихъ представителей на съѣздахъ, трактатахъ, сеймахъ, видимъ ихъ подписи на важномъ и священномъ актѣ уніи народовъ. Мы хвалимъ уставы нашихъ предковъ; мало ихъ хвалить—нужно ихъ и уважать. Мѣщане хотятъ участвовать въ раскладкѣ податей. Представьте, еслибы на васъ налагали подати король и сенатъ—не кричали бы вы, что васъ отягощаютъ безъ вашего участія? Какъ же можетъ быть не противнымъ для мѣщанъ то, что́ для васъ несносно? Они просятъ дозволить имъ покупать имѣнія. Тутъ нѣтъ ничего дурного. Умножится промышленность, разовьется народная экономія, богатые люди получатъ привязанность къ родному краю: ничто къ нему такъ не привязываетъ, какъ кусокъ владѣемой земли. Не понимаю, почему имъ не дозволить служить въ войскѣ? Отвага и мужество получаются отъ природы, а вырабатываются воспитаніемъ и трудомъ. Всякій можетъ имѣть эти достоинства. Пусть всякій имѣетъ право защищать отечество и умирать за него. Часто люди, называемые неродовитыми, спасали свою страну. Кто знаетъ, кто былъ отецъ Вашингтона и дѣдъ Франклина, а всѣ знаютъ, что Вашингтонъ и Франклинъ освободили Америку! Бросьте взоры на разсѣянные города наши. Это не города, а какія-то развалины... Вездѣ упадокъ, бѣдность, промыслы въ небреженіи; стыдъ намъ, когда смотритъ на все это чужеземецъ. Что̀ подумаетъ онъ о нашемъ правленіи и о нашемъ правосудіи? О вы, воздвигающіе Рѣчь-Посполитую изъ упадка и униженія! Неужели оставите безъ вниманія столько тысячъ обитателей, столько городовъ, которые должны быть источникомъ нашего богатства и украшеніемъ нашего края. Вы сами знаете, какъ необходимо, чтобы они привязаны были къ отечеству и къ священнымъ правамъ его свободы. Пусть же охраняютъ они его вмѣстѣ съ нами. Дайте имъ

законы, обезпечивающіе ихъ собственность, личность, свободу: увидите, какъ со всѣхъ сторонъ свѣта стекутся къ вамъ, подъ кроткое ваше правленіе, обитатели честные, промышленные и трудолюбивые и заселятся обширныя степи и дикіе лѣса и болота, до сихъ поръ нетронутые людскою рукой, и зацвѣтутъ у васъ ремесла и искусства, за которыя вы такъ дорого платите иноземцамъ. Въ вашихъ рукахъ заселить и обогатить край, или оставить его навсегда въ запустѣніи и нищетѣ!»

Хитрый епископъ Коссаковскій въ этомъ засѣданіи прервалъ преніе о городахъ, обративъ вниманіе на другой предметъ.

Но 6 апрѣля вопросъ возобновился снова. Секретарь депутаціи, составленной для разсмотрѣнія городскихъ привилегій, Збоинскій, читалъ докладъ этой депутаціи: въ немъ выводилось, что города въ старину пользовались правомъ участія въ судопроизводствѣ, законодательствѣ и избраніи королей.

Тутъ начали подаваться разные проекты объ устройствѣ городовъ. Длускій въ своемъ проектѣ совѣтовалъ дозволить мѣщанамъ вступать въ духовное званіе, но только до каноника, а въ военной службѣ дослуживаться только до чина полковника. Платтеръ предлагалъ раздѣлить города на категоріи и каждой категоріи дать разный объемъ правъ. «Не надобно,—говорилъ онъ,—допускать города до большого возрастанія, чтобы одни другихъ не заглушали, и чтобы поселяне не переходили въ города; иначе отъ этого потерпитъ земледѣльческая служба панамъ». Одинъ изъ коноводовъ шляхетской исключительности, троцкій посолъ Савицкій, доказывалъ, что и безъ того шляхетство оказало много милости городамъ. «Посмотрите,—восклицалъ онъ,—что̀ дѣлаютъ города въ благодарность за это. Ввозятся предметы роскоши, вывозятся капиталы; купцы стараются поскорѣе накупить товаровъ, чтобъ ихъ подо-

роже продать. Эти люди служатъ болѣе чужимъ, чѣмъ намъ. Хотятъ притомъ дозволить шляхтѣ заниматься торговлею, ремеслами, торгашествомъ и содержаніемъ шинковъ. Это измѣна рыцарскому званію. Рыцарское сословіе должно вѣдать мечъ да землю и пренебрегать такими низкими занятіями. Законъ, который дозволитъ это шляхтѣ, зловреденъ и достоинъ уничтоженія. Первый основатель Рима отдалъ шляхтѣ землю, а посполъству ремесла и торговлю. У насъ города упали оттого, что торговлю захватили иностранцы. Потолкуемъ о городахъ тогда, когда будемъ говорить о полиціи, а теперь займемся чѣмъ-нибудь другимъ».—«Да,—подхватилъ волынскій посолъ Олизаръ, — о городахъ толковать безполезно, какъ и вообще объ устройствѣ правленія; лучше всего займемся средствами охраненія государства и его безопасности».

«Да, именно безопасность и охраненіе Рѣчи-Посполитой укрѣпляется мѣщанствомъ», сказалъ познанскій посолъ Брониковскій.—«Политическіе виды заставляютъ насъ обратиться къ этому предмету,—сказалъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга:—пусть и Польша испытаетъ революцію, но революцію спокойную. Къ такому краю, какъ нашъ, все прихлынетъ, надѣясь на покровительство законовъ и на свободу. Отчего возрасла Пруссія? Оттого, что въ кровавое время изгнанія гугенотовъ изъ Франціи она приняла къ себѣ богатыя фамиліи и такимъ образомъ водворила у себя ремесла и фабрики».

Король, чтобы заставить сеймъ заниматься городскимъ вопросомъ, отъ котораго хитрецы хотѣли отвлечь его, говорилъ: «При вступленіи на престолъ я присягалъ хранить всѣ старыя права и привилегіи; оказывается, что города ихъ имѣютъ, и я, исполняя свою присягу, побуждаю чины государства возвратить мѣщанамъ то, что̀ имъ слѣдуетъ».

Шляхетные консерваторы то пытались навести сеймъ

на пренія о другихъ предметахъ, то открыто шли противъ попытокъ, благопріятныхъ мѣщанамъ. Епископъ Коссаковскій, ни разу не сказавшій слова противъ намѣренія расширить права городовъ, два раза заговаривалъ о другомъ, а по поводу городовъ сказалъ: «Я особа духовная и стою паче всего за религію». Другіе подхватили это и распространились насчетъ опасности, грозившей католической религіи отъ того, что въ числѣ мѣщанъ много протестантовъ.

«Города будутъ присылать представителей, а не апостоловъ»,—сказалъ инфлянтскій посолъ Кублицкій.—Сигизмундъ-Августъ справедливо сказалъ: «Я король надъ людьми, а не надъ совѣстью людей».

«Мѣщане,—говорили противники, — начнутъ скупать шляхетскія имѣнія и шляхта останется безземельною; кто же тогда на сеймикахъ будетъ, куда безземельные не допускаются?»

«Да развѣ возможно,—возражалъ тотъ же Кублицкій,—чтобы шляхетское сословіе лишило себя земли, отъ которой зависитъ дѣйствительное право гражданства?»

«Право владѣть земскими имѣніями—шляхетское право изстари,—говорили приверженцы старины,—не слѣдуетъ давать другимъ тѣхъ правъ, которыя исключительно принадлежатъ одному шляхетству».

«Эти права не шляхетства, а вельможъ,—сказалъ познанскій посолъ Закржевскій,—это право немногихъ фамилій, которыя, захвативъ себѣ правленіе въ странѣ, держали шляхту въ порабощеніи для того, чтобы мы въ нихъ нуждались и покорялись имъ. Они-то выдумали для шляхетскаго сословія ограниченія средствъ пріобрѣтать хлѣбъ, привязали его исключительно къ одной нивѣ; шляхетскія имѣнія разбились на малые участки и черезъ то многіе шляхетскіе роды не имѣютъ чѣмъ прокормить себя и должны служить панамъ, а собственность общественная, соб-

ственность Рѣчи-Посполитой, доставшись немногимъ, утучняетъ аристократовъ. Пора тебѣ, шляхетское сословіе, обратить глаза на себя и свергнуть иго аристократіи; пора тебѣ оградить себя отъ этихъ вельможъ, угрожавшихъ королямъ, сеймамъ и всему народу!»

Волынскіе послы, во всемъ самые консервативные, не хотѣли допускать мѣщанъ къ требуемымъ правамъ безусловно. Краковскій посолъ, Русецкій, предлагалъ допустить делегатовъ отъ городовъ только въ низшихъ юрисдикціяхъ, когда разсматриваются дѣла, касающіяся городовъ, притомъ такъ, чтобы некатолики составляли не болѣе четверти числа всѣхъ делегатовъ. «Право голоса ничего не поможетъ,—сказалъ брацлавскій посолъ Ваврженцкій,—они имѣли его и покинули потому, что оно для нихъ было безполезно. И узникъ въ кандалахъ имѣетъ такой голосъ—онъ вопіетъ о человѣколюбіи, да развѣ это облегчаетъ его участь! Знаю я, какой это былъ голосъ у мѣщанъ до уніи: они имѣли право представительства на сеймахъ, а сеймы ихъ не слушали, пока, наконецъ, самимъ городамъ надоѣло это право. Были у насъ тяжелыя времена, внутреннія смятенія—войска московскія, шведскія, австрійскія опустошали край нашъ; шляхта билась съ непріятелемъ—народъ ее не поддерживалъ; народныя громады не заботились о судьбѣ страны и въ такихъ случаяхъ или запирались въ домахъ своихъ, или уходили за границу. Плохая такая свобода, которой лишены милліоны, а защищаютъ только сотни. Соединимтесь всѣ — тогда будемъ свободными. Въ какомъ состояніи нашъ край? Безъ военной силы, безъ магазиновъ, намъ придется упасть подъ бременемъ отчанія и подпасть новому раздѣлу».

Всѣ проекты передали на разсмотрѣніе депутаціи и поручили представить чрезъ недѣлю.

Патріоты, видя, что противники силятся не допустить пройти мѣщанскому вопросу такъ, какъ бы имъ хотѣлось.

устроили планъ овладѣть однимъ изъ вліятельнѣйшихъ лицъ консервативной партіи, Сухоржевскимъ. До сихъ поръ никто горячѣе и неутомимѣе его не стоялъ за шляхетскія преимущества; щеголь въ ораторствѣ, художникъ въ тѣлодвиженіяхъ, недалекаго и мелкаго ума, онъ былъ до крайности самолюбивъ, напыщенъ и хвастливъ, постоянно занятъ самимъ собою; болѣе всего домогался онъ стоять въ челѣ кружка, задавать тонъ, увлекать слабѣйшихъ и любоваться своими достоинствами. Иногда онъ, какъ говорится, и осѣкался, какъ это случилось по поводу комедіи Нѣмцевича, но часто увлекалъ за собою приверженцевъ старопольской вольности. Его слабою стороною вздумали воспользоваться и нашли возможность угодить разомъ и его тщеславію и его предразсудкамъ. Ему внушили, что допущеніе мѣщанъ къ правамъ не только не уронитъ шляхетскаго достоинства, но возвыситъ; его убѣдили, что тутъ нѣтъ нововведенія, а напротивъ, возобновленіе старины, которой защитникомъ вообще онъ всегда хотѣлъ казаться. Но болѣе всего польстили его самолюбію, увѣривши, что мѣщане будутъ смотрѣть на него, какъ на своего покровителя, какъ на человѣка, которому будутъ обязаны своими правами, что имя его будутъ благословлять грядущія поколѣнія. Подъ упоеніемъ такихъ надеждъ, Сухоржевскій поддался обольщенію и написалъ отъ себя проектъ. На сеймъ подано было, такимъ образомъ, два проекта. Одинъ составленъ былъ Хребтовичемъ, на основаніи представленныхъ проектовъ, другой былъ произведеніе Сухоржевскаго. Проектъ послѣдняго отличался отъ перваго тѣмъ, что въ немъ, при допущеніи уполномоченныхъ отъ городовъ на сеймъ, не давался имъ рѣшающій голосъ наравнѣ съ послами шляхетскаго происхожденія, тогда какъ въ проектѣ Хребтовича и это право предоставлялось мѣщанамъ. Крѣпкошляхетскія понятія Сухоржевскаго не дозволяли ему допустить такого унизи-

тельнаго равенства мѣщанъ съ благороднымъ званіемъ; за то Сухоржевскій требовалъ, чтобы уполномоченные на сеймѣ, или ассессоры въ коммиссіяхъ, или служившіе въ военной и канцелярской службѣ получали нобилитацію, а равнымъ образомъ и тѣ, которые пріобрѣтали земскія имѣнія, дѣлались шляхтичами. Требованіе это, по принципу, не противорѣчило, по крайней мѣрѣ, во внѣшности, давнему обычаю жаловать шляхетствомъ (нобилитовать); это дѣлалось за военныя и политическія заслуги, притомъ не часто, но вѣдь надобно было самымъ упорнымъ сторонникамъ старины дѣлать уступки вѣку; Сухоржевскій же, будучи заѣдлымъ шляхтичемъ, хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ слыть просвѣщеннымъ человѣкомъ.

Поступокъ Сухоржевскаго повелъ къ самымъ вожделеннымъ для патріотовъ послѣдствіямъ. Вся шляхетская партія, увидя, что такая первой величины звѣзда склоняется на сторону городовъ, стала за нихъ; многіе, мало привыкшіе вдумываться въ то, что̀ зависѣло отъ ихъ утвержденія или отрицанія, разсудили, что вѣрно такъ слѣдуетъ, когда мудрый панъ Янъ Сухоржевскій такъ рѣшилъ. Несмотря на то, что во всѣ предыдущія засѣданія, какъ только вносился проектъ закона о городахъ, поднималась шляхетская буря, 16 апрѣля всѣ единогласно приняли проектъ, составленный и поданный Яномъ Сухоржевскимъ. Рѣшено было изготовить его въ окончательной редакціи и представить на сеймъ. Это сдѣлано было 18 апрѣля. Тогда послѣдній разъ по этому вопросу поднялась католическая партія и требовала, чтобъ въ городскія должности были допускаемы исключительно исповѣдующіе римско-католическую вѣру. Самъ король былъ противъ такого устраненія иновѣрцевъ, но вслѣдъ затѣмъ произнесъ рѣчь, утѣшительную для ревнителей католичества. «Я думаю, — говорилъ король,—было бы полезно написать законъ, чтобы въ смѣшанныхъ супружествахъ

между католиками и некатоликами дѣти непремѣнно принадлежали къ римско-католической религіи. Это никому не обидно. Лицо, не желающее видѣть дѣтей своихъ католиками, не изберетъ себѣ жены или мужа римско-католической вѣры. Но этотъ законъ не будетъ, однако, препятствіемъ для заключенія смѣшанныхъ браковъ: поученію почти всѣхъ диссидентскихъ разновѣрій вѣчное спасеніе не закрыто и для католиковъ. Затѣмъ, я надѣюсь, что лѣтъ черезъ тридцать въ Польшѣ не будетъ другихъ жителей, кромѣ исповѣдующихъ римско-католическую вѣру. Разсудите, какая польза произошла бы отъ этого, особенно когда тысячи дизунитскаго хлопства незамѣтно перейдутъ къ уніи». Слова эти произвели самое пріятное впечатлѣніе. Они показываютъ, какъ неискренни были гарантіи иныхъ вѣръ, кромѣ римско-католической, въ особенности относилось это къ православію, всегда ненавистному душѣ каждаго поляка-католика.

Но люди болѣе прогрессивные замѣчали, что недопущеніе некатоликовъ къ должностямъ въ городахъ отобьетъ у иноземцевъ охоту селиться въ Польшѣ. «Уже Польша,— говорили они,—черезъ свою нетерпимость потеряла Украину, навлекла на себя чужую гарантію и воспитала внутри себя гражданъ, ищущихъ покровительства у чужихъ государствъ. Римско-католическая религія достаточно обезпечивается въ городахъ большинствомъ осѣдлыхъ тамъ католиковъ». Эти доводы утишили фанатизмъ и потому положено не упоминать о вѣрѣ вовсе въ пунктѣ устава о городскихъ выборахъ.

Проектъ въ окончательной редакціи былъ принятъ единогласно и былъ внесенъ въ число законовъ въ такомъ смыслѣ:

Всѣ королевскіе города признавались свободными, съ равными для всѣхъ правами. Города освобождались отъ всякихъ постороннихъ юрисдикцій: трибунальскихъ, зе-

мянскихъ, воеводскихъ, старостинскихъ и пр., управлялись и судились исключительно своимъ выборнымъ магистратомъ и находились всѣ подъ вѣдѣніемъ королевскихъ задворныхъ судовъ. Нѣкоторые изъ городовъ имѣли аппеляціонные суды, составлявшіе посредствующую инстанцію между магистратами и задворными судами [1]). Изъ этихъ городовъ избирались большинствомъ голосовъ предъ каждымъ сеймомъ уполномоченные по одному человѣку изъ каждаго города, непремѣнно изъ владѣющихъ наслѣдственнымъ имуществомъ въ городѣ. Эти уполномоченные, съѣхавшись вмѣстѣ, въ день открытія сейма представятся маршалу; изъ нихъ на провинціальныхъ засѣданіяхъ избираются делегаты въ коммиссіи: скарбовую, полицейскую и ассессоріи; они будутъ имѣть въ дѣлахъ, касающихся городовъ и торговли, дѣйствительный голосъ, а въ прочихъ дѣлахъ совѣщательный; сверхъ того они имѣютъ право, по порученію своихъ городовъ, представлять сейму прошенія и, если окажется надобность, просить у сеймоваго маршала голоса въ Избѣ, который имъ и не можетъ быть воспрещенъ. Эти уполномоченные по двухлѣтней службѣ въ своемъ званіи получаютъ дворянское достоинство. На всѣхъ мѣщанъ распространяется законъ neminem captivabimus; имъ предоставляется право служить въ военной службѣ, исключая народной кавалеріи, въ канцеляріяхъ трибуналовъ, коммиссій и всѣхъ судовъ, а дослужившись до чиновъ штабсъ-капитана въ пѣхотѣ, или ротмистра въ полку, они получали дворянское достоинство; равнымъ образомъ они могли, вступая въ духовное званіе, получать

---

[1]) Это были въ Малой Польшѣ: Краковъ, Люблинъ, Луцкъ, Житоміръ, Винница, Каменецъ и Дрогичинъ; въ Великой Польшѣ: Познань, Калишъ, Гнѣзно, Лэнчица, Варшава, Сѣрадзъ и Плоцкъ, а въ Литвѣ: Вильна, Гродно, Ковно, Новогродекъ, Минскъ, Брестъ-Литовскій и Пинскъ

прелатуры и канонiи и всякiя бенефицiи, исключая такихъ, которыя были назначены исключительно для лицъ шляхетскаго достоинства; наконецъ, они могли избирать и посылать въ гражданско-военныя коммиссiи по 3 депутата. Имъ предоставлялось право покупать земскiя имѣнiя, а купившiе такое имѣнiе, съ котораго вносится подати десятаго гроша не менѣе 200 золотыхъ, получаютъ дворянское достоинство; сверхъ того, на каждомъ сеймѣ будутъ допускаться къ возведенiю дворянства 30 особъ изъ мѣщанъ, преимущественно отличившихся въ службѣ, или полезною дѣятельностью въ промышленности и торговлѣ. Шляхтѣ дозволялось вступать въ мѣщанское званiе и заниматься промыслами и торговлею безъ нарушенiя чести шляхетскаго званiя. Всѣ безъ изъятiя поселившiеся въ городахъ должны подчиняться городскому управленiю.

Мѣщанское сословiе изъявляло чрезвычайную радость и благодарность, когда на сеймѣ рѣшили судьбу городовъ. 18 апрѣля толпа варшавскихъ и прiѣзжихъ мѣщанъ стояла на улицѣ около зàмка и какъ только разнеслось, что проектъ принятъ и подписанъ, поднялись восторженныя восклицанiя. Выходящаго короля окружили, хотѣли отпречь его карету и везти на себѣ. Малаховскому, Сухоржевскому, Казимиру-Нестору Сапѣгѣ и другимъ защитникамъ городского проекта были сдѣланы самыя радушныя овацiи. Въ тотъ же день вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, а въ саду Красинскихъ горѣлъ разноцвѣтный щитъ съ вензелемъ Малаховскаго. Маршалъ Малаховскiй, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, а за ними нѣкоторые сенаторы, послы и обыватели шляхетскаго званiя отправились въ ратушу и тамъ записались въ мѣщанскiя книги. Толпа мѣщанъ съ музыкою и громкими восклицанiями провожала ихъ, возвращавшихся изъ ратуши пѣшкомъ. Такое невиданное въ Польшѣ явленiе, казалось, пророчило для

страны эпоху возрожденія [1]). Безпристрастные наблюдатели иначе смотрѣли на эти явленія. «Можно писать какіе угодно законы,—говорилъ Эссенъ,—надобно еще научиться ихъ исполнять, а для этого нужно нравственное и умственное перевоспитаніе; здѣсь же во всѣхъ сферахъ, по прежнему, господствуетъ безнравственность и безнаказанность. Гнуснѣйшія дѣянія обмана и несправедливости совершаются знатными лицами и находятъ себѣ покровительство въ трибуналахъ. Паны продолжаютъ брать подачки отъ иноземныхъ державъ, и русскій посланникъ Булгаковъ презираетъ тѣхъ, кому даетъ деньги; всѣ они развращены отъ малаго до великаго». Гэльсъ, въ апрѣлѣ 1791 г., находилъ, что Польша не только не возрождалась, но съ каждымъ днемъ приближалась къ паденію. «Все, что будетъ постановлено на сеймикахъ,—замѣчаетъ онъ,— не примется націею и уничтожится на сеймахъ. Учредятъ ли наслѣдственное правленіе, или Польша останется съ избирательнымъ правленіемъ—все равно, ей предстоитъ сдѣлаться добычею сильнѣйшихъ».

---

[1]) Разсказываютъ, что въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, въ Варшавѣ разыгралось по этому поводу такое сценическое представленіе. У тогдашняго президента Варшавы, Декерта, родился сынъ, и онъ изъявилъ желаніе, чтобы крестнымъ отцомъ этому ребенку былъ цѣлый сеймъ. Это очень понравилось посламъ. Передъ дверьми ратуши вынесли ребенка и къ его пеленкамъ привязано было множество лентъ. Маршалъ Малаховскій взялъ его на руки, а члены сейма держались за ленты. Одна мѣщанка была кумою. Такъ совершилось крещеніе. Толпы народа были такъ велики, что по нѣскольку червонцевъ платилось за мѣсто, чтобъ видѣть эту оригинальную церемонію, знаменовавшую соединеніе сословій.

Событіе это передается въ запискахъ Бартоломея Михаловскаго; но такъ какъ въ современныхъ газетахъ объ этомъ нѣтъ ничего, то мы оставляемъ его на степени вѣроятія, не давая ему исторической несомнѣнности.

III.

Приготовленія къ перевороту.—День 3-го мая.—Провозглашеніе конституціи.—Торжество въ Варшавѣ [1]).

Послѣ проведенія закона о городахъ сеймъ объявилъ вакацію на двѣ недѣли по поводу наступившихъ дней Пасхи, а вслѣдъ затѣмъ надлежало, по очереди, слѣдующую недѣлю разсуждать объ экономическихъ вопросахъ. Такимъ образомъ совѣщанія о формѣ правленія откладывались на три недѣли. Между патріотами созрѣвала такая мысль: такъ какъ дѣла идутъ чрезвычайно туго и замыслы ихъ встрѣчаютъ сильную оппозицію въ большинствѣ пословъ, преданныхъ старымъ предразсудкамъ, то не лучше ли привести въ исполненіе свои замыслы внезапнымъ переворотомъ (coup d'état)? Объ этомъ шли рѣчи на частныхъ собраніяхъ. Главными двигателями этой мысли были Коллонтай и Игнатій Потоцкій. Маршалъ Малаховскій первый присталъ къ нимъ. За нимъ стали соучастниками замысла: Станиславъ Потоцкій, Ѳедоръ Мостовскій, брестскій посолъ Матушевичъ, ливонскіе послы Іосифъ Вейссенгофъ и Юліянъ Нѣмцевичъ, а за ними одинъ за другимъ стали приставать другіе. Король расположенъ былъ къ этому вліяніемъ аббата Пьятоли. Трудности, которыя претерпѣвали прогрессисты по мѣщанскому вопросу въ послѣднее время, внушали имъ опасеніе, что на будущее время консерваторы станутъ дѣлать умышленныя остановки. Коллонтай и Игнатій Потоцкій подали совѣтъ воспользоваться разъѣздомъ большинства членовъ по случаю праздниковъ, удержать въ городѣ партію прогрессистовъ, и послѣ Пасхи, открывъ засѣданіе съ небольшимъ числомъ членовъ сейма, внезапно провозгласить составленную заранѣе конституцію.

---

[1]) См. источн. №№ 18 28, 35, 36, 38, 49, 80, 81, 110, 113, 115.

Это казалось удобнѣе утомительной процедуры подаванія проектовъ, разсматриванія ихъ въ депутаціяхъ и представленій на сеймъ, гдѣ они подвергались безконечнымъ толкамъ, поправкамъ, остановкамъ. Провозглашенная внезапно конституція могла сдѣлаться основою для послѣдующихъ работъ сейма, какъ главная руководящая нить. Послѣ дарованія ей законной силы, у противниковъ отнялся бы предлогъ ссылаться на прежній законный порядокъ, какъ они постоянно дѣлали для остановки преобразовательныхъ проектовъ. Такимъ образомъ, на домашнихъ совѣщаніяхъ у Коллонтая, Игнатія Потоцкаго и маршала Малаховскаго привлекли къ заговору шестьдесятъ особъ изъ пословъ и сенаторовъ.

Расширенію ново-либеральнаго духа въ тѣ дни способствовало то, что проведеніе закона о городахъ подало поводъ къ празднествамъ и сходбищамъ. Шляхетство, прежде смотрѣвшее на мѣщанъ свысока, теперь стало съ нимъ брататься; городъ устроилъ роскошный обѣдъ въ радзивилловскомъ палацѣ. Дворяне и мѣщане пировали вмѣстѣ; мѣщане восхваляли шляхетское великодушіе, а дворяне, помазанные демократическимъ духомъ, почерпнутымъ изъ французскихъ книгъ, на разные лады величались своими либеральными поступками. При такомъ настроеніи въ обществѣ, пока оно не прошло, удобнѣе было чѣмъ когда-нибудь подобрать охотниковъ на смѣлое предпріятіе. Ихъ особенно привлекали увѣреніями, что изъ депешъ, присылаемыхъ польскими посланниками и дипломатическими повѣренными, видно, что Польшѣ угрожаютъ отъ сосѣдей новые замыслы раздѣла. До сихъ поръ патріоты утѣшали себя надеждою, что Пруссія объявитъ войну Россіи, что Англія будетъ также противъ Россіи за Турцію. Но въ апрѣлѣ распространился слухъ, что англійское правительство намѣрено соблюдать нейтралитетъ въ случаѣ войны Пруссіи съ Россіею. Поляки до тѣхъ поръ думали, что имъ будетъ воз-

можно воевать противъ Россіи вмѣстѣ со своими союзниками. «Теперь мы,—писалъ маршалъ Малаховскій своему племяннику,—по примѣру Англіи, должны держать вооруженный нейтралитетъ». Такъ наивно выражался маршалъ Малаховскій, мало принимая во вниманіе, что вооруженный нейтралитетъ Польши, въ томъ положеніи, въ какомъ она была, ни для кого не имѣлъ значенія. Въ то же время войсковой коммиссіи приказано выдать ордонансъ, чтобы всѣ высшіе и низшіе чины были при своихъ ротахъ и полкахъ, готовые къ походу, когда потребуется. 30-го апрѣля маршалъ Малаховскій писалъ своему племяннику: «Приходятъ вѣсти, что намъ не хотятъ добра; остается намъ у самихъ себя искать обороны; пропускать времени не слѣдуетъ; мы вооружаемся, сколько можно, да поможетъ намъ Богъ». Угрожающіе слухи побуждали патріотовъ спѣшить объявленіемъ конституціи.

Главные заговорщики назначили для переворота день 5-го мая. По ихъ соображеніямъ, разъѣхавшіеся консерваторы тогда еще не успѣютъ съѣхаться; кромѣ тѣхъ пословъ, на которыхъ можно было положиться сообразно ихъ убѣжденію, заговорщики разсчитывали на ту массу членовъ, которая имѣла только количественную важность: ихъ думали поразить чтеніемъ депешъ, полученныхъ изъ-за границы, грозящихъ Польшѣ скорою бѣдою и новымъ раздѣломъ, и на этомъ основаніи представить имъ крайнюю необходимость поспѣшить объявленіемъ конституціи. Между тѣмъ требовалось подобрать около зáмка толпу народа, которая бы криками одобренія показывала, какъ весь народъ сильно сочувствуетъ и радуется этому перевороту. Такъ замышляли патріоты, хотѣвшіе, до поры до времени, сохранить свой замыселъ въ тайнѣ отъ противниковъ.

Но послѣдняго имъ не удалось....

Король первый проболтался объ этомъ канцлеру Мала-

ховскому, брату маршала. Надменный, закоренѣлый приверженецъ шляхетской старины и притомъ душевно расположенный къ Россіи, онъ съ ужасомъ отвращался отъ мысли о наслѣдственной монархіи и равенствѣ сословій. Онъ сообщилъ русскому посланнику Булгакову о затѣяхъ прогрессистовъ.

Но, вѣроятно, и другіе заговорщики также не слишкомъ строго хранили тайну, потому что дипломатическіе агенты всѣхъ дворовъ въ концѣ апрѣля знали о томъ, что̀ замышляется. Англійскій посланникъ Гэльсъ представлялъ полякамъ необдуманность ихъ затѣй. «Объявленіе вашей конституціи съ наслѣдственнымъ правленіемъ,—говорилъ онъ имъ,—возбудитъ противъ васъ сосѣднія государства, а ваша страна открыта отовсюду и беззащитна. Переворотъ произведетъ внутреннее броженіе, и государственные чины будутъ безсильны въ виду опасности. Вы объявите наслѣдственное правленіе. Что̀ же изъ этого? Ваша страна не приметъ его; вѣдь прошлое лѣто только четыре или пять сеймиковъ на него согласились; все остальное противъ васъ; вы скоро возбудите противъ себя конфедерацію, а сосѣди тотчасъ воспользуются ею».

На это ему отвѣчали: «теперь три державы заняты другими дѣлами; пока власть королевская избирательна, у насъ не будетъ порядка и крѣпости; установить наслѣдственное правленіе для насъ—единственное средство спасенія; теперь для этого пришло самое удобное время».

Гэльсъ, прежде настаивавшій на уступкѣ Пруссіи городовъ, и теперь, какъ послѣднее средство сколько-нибудь придать прочность намѣреніямъ прогрессистовъ, совѣтовалъ прежде всего сдѣлать это, по крайней мѣрѣ, угодить прусскому королю и заручиться его помощью. Но уступать какую бы то ни было территорію для поляковъ, за исключеніемъ самаго небольшого кружка, была вещь до того невыносимая, что самый намёкъ на это волновалъ ихъ.

Прусскій уполномоченный Гольцъ провѣдалъ о заговорѣ и обратился съ объясненіями къ маршалу Малаховскому и Игнатію Потоцкому. «Я не могу скрыть своего удивленія,—говорилъ онъ,—что поляки приступаютъ къ важному дѣлу и сохраняютъ его въ тайнѣ отъ нашего двора, столь расположеннаго къ вамъ. Такой смѣлый шагъ слѣдовало бы вамъ дѣлать не иначе, какъ взвѣсивъ послѣдствія со стороны трехъ дворовъ, принимающихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ Польши. Притомъ, какъ же вы хотите утвердить наслѣдственное правленіе, а поручаете корону саксонскому князю-избирателю, у котораго одна только малолѣтняя дочь?»

«У насъ,—говорилъ ему маршалъ Малаховскій,—въ виду соединить Польшу съ Пруссіей». Онъ представлялъ возможность впослѣдствіи выдать саксонскую принцессу, наслѣдницу польскаго престола, за прусскаго принца.

Гольцъ могъ только улыбаться, слыша такія предположенія. Этотъ самый Гольцъ въ своихъ депешахъ замѣчалъ: «Въ Польшѣ на другомъ сеймѣ уничтожается то, что̀ постановляется на предъидущемъ; даже тѣ самые, которые въ данное время кажутся горячо убѣжденными въ пользѣ своихъ предпріятій, скоро охладѣваютъ къ нимъ и начинаютъ дѣйствовать въ противномъ духѣ».

Болѣе всѣхъ недоволенъ былъ русскій посланникъ; но онъ не высказывался, не заговаривалъ ни съ кѣмъ изъ прогрессивной партіи и только своимъ молчаніемъ далъ почувствовать, что ему многое извѣстно. Зато, 29-го апрѣля, онъ собралъ у себя на совѣщаніе коноводовъ консервативной партіи. Рѣшено было поскорѣе разослать гонцевъ и созвать разъѣхавшихся изъ столицы пословъ, чтобъ такимъ образомъ помѣшать провозглашенію конституціи. Это порученіе взяли на себя епископъ Коссаковскій и гетманъ Браницкій.

Объ этомъ тотчасъ узнали патріоты и, собравшись, по-

рѣшили поспѣшить и вмѣсто 5-го мая назначили для переворота день 3-го мая. Въ воскресенье собрали пословъ въ за̀мокъ и поручали угощать ихъ коронному конюшему Кицкому. Между тѣмъ маршалъ Малаховскій, черезъ своихъ агентовъ, по трактирамъ и шинкамъ поилъ народъ, приготовляя его къ ожиданію важныхъ и полезныхъ измѣненій своей судьбы.

Въ понедѣльникъ собрали пословъ на обѣдъ въ радзивилловскій палацъ. Тамъ прочитанъ былъ проектъ конституціи. Составить его было не трудно: онъ весь почти основывался на тѣхъ мысляхъ, которыя сообщалъ Коллонтай въ своихъ письмахъ къ Малаховскому въ 1788 году. По прочтеніи, присутствовавшіе тутъ члены приглашались къ подписи. Первый подписавшій его былъ каменецкій епископъ Красинскій. На совѣщаніи были и противники, но они молчали.

Всю ночь затѣмъ зачинщики не спали и съ разсвѣтомъ были у короля. Ихъ агенты сзывали и сгоняли народъ къ за̀мку. Весь магистратъ и множество мѣщанъ должны были находиться тамъ и криками одобренія поддерживать провозглашеніе конституціи, чтобы видно было, ка̀къ она по-сердцу мѣщанскому сословію и всему народу. Мѣщане были естественно за нее, когда надѣялись отъ дальнѣйшихъ преобразованій расширенія тѣхъ правъ, какія уже получили. Простой народъ бѣжалъ туда потому, что за это давали деньги; другіе валили къ за̀мку просто изъ любопытства. Бо́льшая часть этой толпы и прежде не имѣла никакихъ правъ и отъ новой конституціи не могла ожидать для себя ничего особаго. Ровно ничего не зная и не понимая, каждый готовъ былъ кричать, потому что за это давали по злотому и по два.

Приказано было и войску придвинуться къ за̀мку. Приведемъ здѣсь любопытное описаніе очевидца событія, Охоцкаго:

«Только-что начало свѣтать,—пишетъ онъ,—лакей эксвоеводы кіевскаго, у котораго я находился, разбудилъ меня и говоритъ: «въ Варшавѣ что́-то дѣлается. Войска идутъ по Краковскому Предмѣстію и въ за́мокъ». Я на-скоро одѣлся и выбѣжалъ на улицу; проходитъ полкъ Дзялыньскаго; полковникъ Зелиньскій, мой хорошій знакомый. «Что́ это значитъ?» спрашиваю я.—«Не знаю, хоть убей,—отвѣчаетъ онъ,—въ десять часовъ вечера получили приказаніе идти къ за̀мку и стать на Краковскомъ Предмѣстьѣ около бернардиновъ».—За нимъ конная гвардія. Я спрашиваю капитана Орловскаго, своего знакомаго. И тотъ мнѣ тоже отвѣчалъ. Потомъ слѣдуютъ двѣ баттареи и два пѣшихъ полка, а за ними валитъ множество народа. Я побѣжалъ домой, разбудилъ пана экс-воеводу, привязалъ саблю и пустился къ Сигизмунду (памятникъ Сигизмунда). Встрѣчалъ я десятка два-три знакомыхъ, спрашивалъ, что́ это такое? Одни говорили—король умеръ; другіе, — смута какая-то. Расходились самыя странныя вѣсти. Войска заняли Краковское Предмѣстье; выставили на подмосткахъ шестьдесятъ пушекъ. Въ краковскую браму вошло два полка гвардіи; на воротахъ за̀мка стали караулы. Протѣсниться было невозможно: набилось народу такое множество, что негдѣ было иглѣ упасть. Спрашивали у солдатъ: чѣмъ заряжены ружья! Одни отвѣчали пулями, а другіе—холостыми зарядами. Уже было около часу пополудни, а на улицѣ никто не зналъ, что́ дѣлается».

Въ это время, въ сеймовой Избѣ происходило засѣданіе—одно изъ важнѣйшихъ во всей польской исторіи.

Король сидѣлъ на тронѣ, одѣтый въ мундиръ корпуса кадетовъ. Около него сенаторы. Послы были на своихъ скамьяхъ. Великій коронный маршалъ ударилъ три раза въ землю жезломъ изъ чернаго дерева, оправленнымъ въ золото. Сеймовый маршалъ Малаховскій, объявивъ засѣданіе открытымъ, сказалъ:

«Исторія поучаетъ насъ, что сильныя государства падаютъ, а слабыя возвышаются. Примѣромъ тому служитъ и Польша. За три вѣка назадъ тому она блистала могуществомъ и равнялась съ другими государствами, а потомъ сдѣлалась жертвою собственныхъ ошибокъ и чужихъ хищеній. Да избавитъ насъ небо отъ новыхъ несчастій, которыя намъ угрожаютъ. Депутація Иностранныхъ Дѣлъ донесетъ вамъ, почтенные чины, о важныхъ происшествіяхъ въ сферѣ политическихъ обстоятельствъ».

За нимъ говорилъ краковскій посолъ Солтыкъ. «Ужаснѣйшій, печальнѣйшій слухъ расходится по столицѣ. Языкъ мой деревенѣетъ, не смѣю выговорить, какое несчастіе готовится отечеству. Король! Для тебя не тайна, что̀ заключаютъ въ себѣ извѣстія, полученныя Депутаціею Иностранныхъ Дѣлъ. Кромѣ того, мнѣ самому писали родные и пріятели изъ разныхъ мѣстъ за-границею, что намъ угрожаетъ новый раздѣлъ. Наступаетъ послѣдняя минута. Отечество вопіетъ о помощи. Я съ своего мѣста прошу Депутацію сообщить намъ всѣмъ полученныя ею извѣстія и тогда-то мы покажемъ, любимъ ли отечество? Такъ какъ у насъ допускались посторонніе, когда рѣчь шла о Гданскѣ, то я прошу и умоляю, чтобы и теперь они были допущены, когда дѣло идетъ о цѣлой странѣ».

Такова была подготовка. Заговорщикамъ нужны были посторонніе, особенно заранѣе настроенные мѣщане, которые должны были своими криками поддерживать провозглашеніе конституціи. Раздались голоса: «просимъ, просимъ, просимъ!»

Напустили въ залу арбитровъ. Началось чтеніе депешъ изъ Вѣны, Берлина, Петербурга, Парижа. Во всѣхъ этихъ депешахъ сообщались угрожающія вѣсти о затѣваемомъ сосѣдями новомъ раздѣлѣ Польши. Депеши эти, по согласному извѣстію иностранныхъ агентовъ въ Варшавѣ, были вымышленныя, или подготовленныя, т. е. написанныя за-

границею министрами Рѣчи-Посполитой по секретнымъ указаніямъ, даннымъ изъ Варшавы. По извѣстіямъ русскаго посланника, Игнатій Потоцкій впослѣдствіи, въ кругу друзей, сознавался въ этомъ. «Я,—говорилъ онъ,—написалъ въ Вѣну къ Войнѣ, къ Деболи въ Петербургъ, къ Орачевскому въ Парижъ, чтобы они донесли, будто ходятъ слухи о новомъ раздѣлѣ Польши. Нужно было, чтобъ эти извѣстія, пришедши въ-пору, произвели волненія. Все это обдѣлалось въ-тайнѣ. Самъ маршалъ Малаховскій ничего не зналъ объ этомъ, не говоря уже о другихъ; шестьдесятъ человѣкъ, которые предварительно вступили въ заговоръ, все-таки оставались, такъ сказать, учениками. Статья о наслѣдственности, самая щекотливая, не была всѣмъ извѣстна. Я зналъ, что страхъ заставитъ ихъ на все согласиться и потомъ многіе станутъ жалѣть, когда опомнятся, такъ точно, какъ многіе, по увлеченію пристали къ закону о городахъ, а потомъ сожалѣли, но уже было поздно. Инымъ путемъ нельзя было провозгласить конституціи. За депешами должны были читаться частныя письма, полученныя изъ-за границы, все съ цѣлью перепугать членовъ сейма и, не давъ имъ придти въ себя, заставить ихъ согласиться на конституцію».

Но прежде, чѣмъ успѣли прочитать депеши, бросился впередъ Сухоржевскій и кричалъ изо всѣхъ силъ: «Голоса! прошу дать мнѣ голоса! я открою страшныя вещи», но маршалы ударяли своими жезлами и заставили его молчать.

Тогда всталъ король и провозгласилъ: «я долженъ объявить и засвидѣтельствовать, что дѣйствительно получены донесенія, которыя необходимо объявить цѣлому сейму и всему обществу; прошу пана маршала, согласно своей обязанности, распорядиться о неуклонномъ чтеніи ихъ».

Раздались крики: «читать! читать!» но раздались и крики противные. Арбитры успѣли заранѣе пройти впередъ и окружить мѣста, занимаемыя послами, своими сторон-

никами, и противная сторона была оттѣснена и разрознена прогрессистами. Говорятъ, что сторонники Браницкаго взялись-было за оружіе и одинъ изъ нихъ, подойдя къ гетману сказалъ: «а что, пане Ксаверію, махнемъ!» но Браницкій закричалъ: вара! (прочь)!

Сухоржевскій снова бросился съ своего мѣста на средину и кричалъ: «прошу голоса! дайте голоса!» Его моленія покрывались громкими криками: «читать! читать!» Въ припадкѣ отчаяннаго самолюбія онъ всталъ на колѣни, сорвалъ съ себя орденъ Станислава, пожалованный ему королемъ за мѣщанскій проектъ, потомъ упалъ на землю и началъ ползти къ трону, махая руками и ногами, какъ будто представляя изъ себя плавающаго, и умолялъ короля дать ему голосъ.

Этотъ черезчуръ оригинальный пріёмъ обратилъ на себя общее вниманіе. Маршалъ сейма сказалъ, что допускаетъ его къ голосу. Останавливать его долѣе было бы слишкомъ большимъ нарушеніемъ посольскихъ правъ.

Сухоржевскій началъ говорить: «Уже нѣсколько дней ходятъ слухи, что въ сеймовую Избу представится ужасный проектъ уничтоженія свободы; готовится революція на подобіе шведской, чтобы ввести новое правленіе въ странѣ и замѣнить народную свободу рабствомъ. Съ этой цѣлью предпринято читать депеши, угрожающія намъ раздѣломъ. Но о раздѣлѣ были слухи и прежде и мы тогда требовали, чтобъ Депутація объявила намъ о своихъ свѣдѣніяхъ. Тогда намъ отвѣчали, что эти слухи не имѣютъ основанія. Теперь же, значитъ, они справедливы. Теперь хотятъ запугать насъ ожиданіемъ несчастія и тѣмъ принудить сеймъ къ принятію проекта, вреднаго для свободы. Мало этого; носятся слухи, будто сговорились противящихся перебить и сдѣлать свое.е Я ничего не боюсь. Я готовъ пролить кровь за отечество,э но я хочу и защищать отечество. Я свободенъ, но ли въ Польшѣ настанетъ дес-

потизмъ—я презираю ее, объявляю себя врагомъ Польши; я не намѣренъ спасать ее наложеніемъ оковъ на свободныхъ людей. Знаю, и готовъ доказать передъ судомъ, что есть намѣреніе возмутить мѣщанъ противъ несогласныхъ съ этимъ проектомъ; ихъ увѣряютъ, будто мы недовольны дарованными имъ правами и хотимъ возвратить ихъ въ прежнее состояніе; ихъ собрали, чтобы приневолить насъ принять проектъ, который намъ подадутъ. Такъ въ Швеціи употребили одно сословіе какъ орудіе, и наложили оковы на другое. Но я объявляю всѣмъ находящимся здѣсь мѣщанамъ, что какъ мы старались о ихъ благоденствіи, такъ и желаемъ ихъ поддерживать, а кто бы хотѣлъ нарушать ихъ привилегіи, тотъ во всякомъ полякѣ увидитъ врага; если мы не думаемъ расширять этихъ привилегій, то не думаемъ уменьшать ихъ: связь съ мѣщанами усиливаетъ насъ самихъ. А это что за анекдоты? Госпожи жены братьевъ Потоцкихъ, великаго литовскаго маршала Игнатія и люблинскаго посла Станислава, лишились чувствъ, когда имъ донесли, что ихъ мужей хотятъ убить!»

Раздался всеобщій смѣхъ. Люблинскій посолъ князь Сангушко сказалъ: «да у пана Игнатія давно нѣтъ жены, а жена Станислава здѣсь, на балконѣ». Всѣ взоры обратились туда. Сухоржевскій почувствовалъ, что заврался, смѣшался, а потомъ продолжалъ: «я хотѣлъ сказать, что жена пана Станислава, заботясь о мужѣ, заболѣла. Пусть меня сейчасъ закуютъ въ кандалы: я подъ стражею буду доказывать, требую суда, пусть паны Потоцкіе объявятъ, кто злоумышлялъ на ихъ жизнь».

Противники спѣшили громкимъ хохотомъ лишить важности рѣчь Сухоржевскаго. Вновь раздались крики: «читать! читать донесеніе!»

Членъ Депутаціи, брестъ-литовскій посолъ Матушевичъ, произнесъ длинную рѣчь. Онъ объяснялъ, что Депутація считаетъ обязанностью не безпокоить общественнаго мнѣ-

нія зловѣщими слухами, пока они еще не такъ важны, напримѣръ, когда одинъ только министръ Рѣчи-Посполитой о чемъ-нибудь извѣщаетъ; но когда всѣ министры въ различныхъ мѣстахъ заговорили одно и то же, то этого нельзя скрывать. «Депутація,—говорилъ онъ,—получила эти свѣдѣнія въ такую пору, когда дѣла Европы приближаются къ развязкѣ, а Польша опоздала дѣломъ своего возрожденія, не окончила устройства правленія, и не имѣетъ достаточныхъ силъ для своей безопасности; поэтому Депутація, по долгу служебной обязанности и по данной Богу и вамъ присягѣ, представляетъ вамъ извѣстіе, полученное отъ нашихъ заграничныхъ министровъ». Онъ изобразилъ положеніе дѣлъ въ Европѣ, неблагопріятное для Польши; берлинскій дворъ, по его словамъ, склонялся къ союзу съ Россіей; въ Турціи неудачи польскаго посланника приписать слѣдовало тому, что изъявленная готовность прусскаго посла оказать ему помощь была только наружная, а въ самомъ дѣлѣ онъ въ-тайнѣ дѣлалъ затрудненія. Послѣ рѣчи Матушевичъ началъ читать депешу за депешей. Посланникъ Рѣчи-Посполитой въ Австріи, Во́йна, отъ 16-го апрѣля, доносилъ: «Я слышу и вижу, что здѣсь не радуются умноженію войска и скарба нашего, но еще болѣе не радуются улучшеніямъ, произведеннымъ въ Польшѣ посредствомъ новаго законодательства. Все заставляетъ бояться, что по заключеніи мира сосѣди наши обратятъ свои усилія на то̀, чтобы помѣшать улучшенію и утвержденію нашего правленія». Министръ Рѣчи-Посполитой въ Парижѣ отъ 8-го и 11-го апрѣля доносилъ, что ему очень прискорбно слышать въ частныхъ разговорахъ и читать въ періодическихъ изданіяхъ предположеніе о томъ, что Польша должна будетъ на свой счетъ вознаградить нѣкоторыхъ участвующихъ въ мирномъ трактатѣ, который окончитъ войну съ турками, насколько другіе участники получатъ пользы отъ турокъ. Польскій министръ

изъ Гаги отъ 29-го марта и 12-го апрѣля доносилъ, что вездѣ толкуютъ о предстоящемъ раздѣлѣ Польши и сами посланники, русскій и австрійскій, сказали, что Польша недалека отъ опасности. Министръ изъ Дрездена отъ 27-го апрѣля писалъ, что князь-избиратель увѣрялъ его въ расположеніи къ польскому народу, но замѣтилъ, что онъ будетъ безпокоиться о Польшѣ, пока не услышитъ объ утвержденіи въ ней прочнаго образа правленія. Отъ Деболи, польскаго министра въ Петербургѣ, читалась самая длинная депеша. Она излагала ходъ событій отъ перваго раздѣла, указывала на злонамѣренность русской политики противъ Польши; сообщала, что еще въ 1788 году Россія предлагала Пруссіи приступить къ новому раздѣлу Польши, но Пруссія отклонила это предложеніе. «Частые разговоры Потемкина съ прусскимъ посломъ и вѣжливость, оказываемая послѣднему,—писалъ Деболи,—заставляютъ многихъ думать, что скоро заключится союзъ Москвы съ Пруссіею на погибель Польши. Москва всѣми силами старается не допустить въ Польшѣ порядка и согласія. Отовсюду заграничные министры пишутъ, что у насъ нѣтъ ни системы, ни порядка, а все дѣлается случайно. Одна особа, которая любитъ составлять проекты, говорила, что Польшу нужно раздѣлить на шесть независимыхъ княжествъ и одно изъ нихъ отдать Потемкину. Вы доведете себя до этого вашими безконечными спорами, сказалъ мнѣ этотъ господинъ, вы не оканчиваете того, что начинаете; настоящій сеймъ вашъ это показываетъ».

Прочитавши эти депеши, Матушевичъ сказалъ:

«Видите, наияснѣйшіе чины, въ какомъ положеніи дѣла въ Европѣ. Шагъ сдѣланъ Англіею, отступленіе невозможно. Либо миръ установится, либо всеобщая война возгорится. Если миръ насъ застанетъ неготовыми, то мы и себя и отечество отдадимъ въ непріятельскія руки;

если же наступитъ война и приблизится къ нашимъ границамъ, то долго-ли не долго эта война будетъ тянуться, во всякомъ случаѣ она умножитъ издержки и увеличитъ притязанія и алчность воюющихъ сторонъ: для нихъ не можетъ быть ничего выгоднѣе, какъ овладѣть сосѣднимъ пространнымъ краемъ. Мы безъ прочнаго правленія, безъ военной силы; конецъ нашей Польшѣ, если только любовь къ отечеству не соединитъ наши сердца! Депутація сдѣлала свое дѣло: показала вамъ состояніе, въ какомъ мы находимся; теперь тебѣ, милостивый король, и вамъ, наияснѣйшіе чины, остается принять средства, какіе вы найдете дѣйствительными для спасенія отечества».

Депеши поразили собраніе. Нѣсколько минутъ оно молчало, наконецъ заговорилъ Игнатій Потоцкій и, послѣ короткаго приступа, сказалъ:

«Носятся слухи, будто меня хотятъ убить. Я знаю благородство польскаго народа и никакой отзывъ о подломъ и предательскомъ поступкѣ не найдетъ доступа къ моимъ мыслямъ. Но смотрю на смерть спокойно и, если она нужна отечеству, желаю ея. Если когда-нибудь, то въ настоящій день годятся для насъ слова Льва Сапѣги, который, по примѣру римлянъ, не разъ совѣтовалъ оставлять неудовольствія въ присѣнкѣ святыни общественныхъ совѣщаній. Насъ предостерегаютъ, намъ указываютъ, что̀ приходитъ пора безотлагательно спасать отечество; пойдемъ же согласно прямою дорогою, ведущею къ цѣли. Мы родились въ равенствѣ; мы простираемъ это равенство не только на права, но и на убѣжденія. При величайшихъ доблестяхъ трудно гражданину пріобрѣсть всеобщее и безграничное довѣріе въ такомъ дѣлѣ, какъ перемѣна и улучшеніе правленія. Почтенные сконфедерованные чины Рѣчи-Посполитой! Строй нашей республики подаетъ намъ способъ, какъ намъ слѣдуетъ поступать. У насъ есть высшее надъ всѣми лицо въ Рѣчи-Посполитой—король. Онъ выше

другихъ и личными достоинствами ума и образованія, онъ выше другихъ и добродѣтелями. Дозволяя назначить себѣ преемника, онъ показалъ, что польза отечества для него выше своей собственной. Наияснѣйшій государь! Обращаюсь къ твоему свѣтлому уму, къ твоей добродѣтели; ты думаешь только о благополучіи и счастіи народа—открой же намъ твои виды о спасеніи отечества. Ты первый имѣешь право, желаніе и несомнѣнную способность. Посовѣтуемся прежде о благѣ Рѣчи-Посполитой, а потомъ, если охота будетъ, займемся и личными несогласіями,—такъ говорилъ когда-то Петръ Зборовскій Фирлею, коронному маршалку. Я съ своего мѣста скажу: позволь намъ, великій Боже, установить благо Рѣчи-Посполитой и никогда не возвращаться къ личнымъ несогласіямъ!»

Игнатій Потоцкій никогда не чувствовалъ того, что̀ говорилъ о королѣ въ своей рѣчи, исполненной лести. Король, вставъ съ своего мѣста, подозвалъ, по обычаю, министровъ и сказалъ:

«Извѣстныя вамъ теперь донесенія изъ-за-границы рождаютъ во мнѣ, какъ и во всѣхъ, глубокое убѣжденіе, что тянуть дѣло устройства правленія вредно для насъ и полезно для чужихъ, которые одолѣютъ насъ даже безъ особенныхъ усилій, пользуясь только нашими несогласіями и потерею времени. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ думалъ, какъ поступить; скажу вамъ, къ чести благомыслящихъ гражданъ, что меня побуждали, заклинали приступить къ рѣшительному шагу какъ можно скорѣе. Взаимное совѣщаніе, при гражданскомъ довѣріи другъ къ другу, подало намъ согласныя мнѣнія. Изъ нихъ составленъ былъ проектъ и показанъ мнѣ; многіе предприняли его привести въ исполненіе; когда его прочтутъ, то всѣ его нынѣ же примутъ. Я этого желаю. Онъ намъ поможетъ, а черезъ двѣ недѣли, быть можетъ, уже будетъ поздно. Война ли продолжится, миръ ли настанетъ у сосѣдей, окружающихъ Польшу,

одно намѣреніе—держать насъ въ безсиліи, льстить намъ и хвалить то, что̀ давніе предразсудки сдѣлали нашею святынею, но что̀ намъ вредитъ, что̀ насъ почти выбросило изъ ряда народовъ. Въ этомъ проектѣ одного только пункта касаться не считаю себя въ правѣ иначе, какъ узнавши волю сейма—наслѣдственнаго правленія; со всѣмъ другимъ соглашаюсь. Прошу васъ, господинъ сеймовый маршалъ, пусть начнется чтеніе проекта». Секретарь прочиталъ проектъ слѣдующаго содержанія:

«I. Господствующая народная религія есть и будетъ вѣра римско-католическая во всѣхъ ея правахъ. Переходъ изъ господствующей религіи въ другое вѣроисповѣданіе запрещается подъ страхомъ наказанія за отступничество. Но такъ какъ сама эта вѣра учитъ насъ любить своихъ ближнихъ, то всѣмъ людямъ, какого бы то ни было исповѣданія, мы обязаны предоставить спокойствіе въ дѣлахъ вѣры и защиту отъ правительства, а потому мы обезпечиваемъ свободу всякаго обряда и всякой религіи въ польскихъ краяхъ, согласно туземнымъ постановленіямъ.

«II. Уважая память предковъ нашихъ, какъ учредителей свободнаго правленія, мы утверждаемъ шляхетскому сословію всю свободу, льготы, преимущества и первенство въ частной и общественной жизни, въ особенности всѣ права, постановленія и привилегіи, справедливо и законно дарованныя этому сословію королями Казимиромъ Великимъ, Людовикомъ Венгерскимъ, Владиславомъ Ягелло и Витовтомъ, братомъ его, великимъ княземъ литовскимъ, а также Владиславомъ и Казимиромъ Ягеллоновичами, Яномъ-Альбрехтомъ, Александромъ, Сигизмундомъ I-мъ и Сигизмундомъ-Августомъ, послѣднимъ изъ рода Ягеллоновъ, утверждаемъ, упрочиваемъ и признаемъ ненарушимыми. Признаемъ достоинство шляхетскаго званія въ Польшѣ равнозначительнымъ всякому благородному сословію, существующему гдѣ бы то ни было. Вся шляхта равна между

собою не только въ исканіи служебныхъ должностей и въ отправленіи службы отечеству, приносящей честь, почетъ и выгоды, но и по отношенію къ равному пользованію привилегіями и преимуществами, присвоенными шляхетскому званію. Сверхъ всего желаемъ, чтобы сохранились свято и ненарушимо всѣ существовавшія искони для каждаго права личной безопасности, личной свободы и собственности недвижимой и движимой, торжественно ручаясь, что не допустимъ никакого измѣненія или исключенія изъ правъ, въ ущербъ чьей бы то ни было собственности; напротивъ, верховная власть и установленное ею правительство отнюдь не будутъ, подъ предлогомъ jurium regalium или подъ какимъ-либо инымъ видомъ, предъявлять притязаній на шляхетскую собственность по частямъ или въ цѣлости. Въ силу чего желаемъ, чтобы безопасность личности и всякой собственности, кому бы то ни было принадлежащей по закону, какъ истинная связь общества, какъ зѣница обывательской свободы, уважалась, ограждалась и утверждалась, и на будущее время оставалась уважаемою, огражденною и ненарушимою. Признаемъ шляхту первѣйшею охранительницею вольности и ей, какъ единой твердынѣ отечества, поручаемъ святыню настоящей конституціи, во огражденіе доблести, гражданства и чести каждаго шляхтича.

«III. Уставъ, состоявшійся на текущемъ сеймѣ подъ названіемъ: «Наши королевскіе свободные города, въ государствахъ Рѣчи-Посполитой», желаемъ сохранять въ полнотѣ и объявляемъ его частію настоящей конституціи, какъ законъ, дающій свободной польской шляхтѣ, для безопасности ея свободы и цѣлости общаго отечества новую, истинную и дѣйствительную силу.

«IV. Земледѣльческій классъ, изъ рукъ котораго течетъ источникъ изобилія, составляющій самое многочисленное населеніе народа и притомъ самую дѣйствительную силу

страны, какъ по справедливости, человѣколюбію и христіанскимъ обязанностямъ, такъ и въ видахъ собственной нашей здраво понимаемой пользы, принимаемъ подъ покровительство закона и правительства страны и постановляемъ, чтобы съ этихъ поръ, если владѣльцы съ крестьянами своихъ имѣній положительно установятъ какія-нибудь льготы, надѣлы и условія, то эти льготы, надѣлы и условія, будутъ ли они заключены съ цѣлыми громадами или съ каждымъ жителемъ села по-одиночкѣ, должны имѣть значеніе обоюднаго и взаимнаго обязательства, подлежащаго покровительству правительства по силѣ существеннаго смысла уговора и по содержанію такихъ надѣловъ и условій. Такіе договоры и вытекающія изъ нихъ обязательства, принятыя добровольно владѣльцемъ земли, будутъ обязывать не только его самого, но и его наслѣдниковъ или пріобрѣвшихъ отъ него право на владѣніе, такъ что они уже не могутъ самовольно ихъ измѣнять. Равномѣрно и крестьяне какого бы то ни было имѣнія, не иначе могутъ быть увольняемы отъ добровольно принятыхъ условій и надѣловъ и съ ними соединенныхъ повинностей, какъ только сообразно съ способами и условіями, какіе значатся въ постановленномъ договорѣ, который будетъ для нихъ въ точности обязателенъ навсегда или на срочное время, смотря по тому, какъ онъ составленъ. Обезпечивъ, такимъ образомъ, владѣльцевъ при ихъ доходахъ, проистекающихъ отъ принадлежащихъ имъ крестьянъ, и желая, сколько возможно, содѣйствовать умноженію народонаселенія въ странѣ, объявляемъ полную свободу всѣмъ новоприбывающимъ, а равно и тѣмъ, которые, прежде удалившись изъ страны, захотятъ снова воротиться въ отечество, до такой степени, что каждый, или вновь откуда бы то ни было прибывшій въ государства Рѣчи-Посполитой, или назадъ возвратившійся туда, какъ только ступитъ ногою на польскую землю, вполнѣ свободенъ и воленъ заниматься ка

кимъ хочетъ промысломъ и гдѣ захочетъ, заключить договоръ на осѣдлость, работу или оброкъ, проживать въ городахъ и селахъ, оставаться въ Польшѣ или возвратиться въ тотъ край, куда захочетъ, выполнивши обязательства, принятыя на себя добровольно.

«V. Всякая власть въ человѣческомъ обществѣ исходитъ изъ воли народа. Чтобы цѣлость государства Рѣчи-Посполитой, гражданская свобода и общественный порядокъ навсегда оставались въ равновѣсіи, правительство польскаго народа, по волѣ настоящаго сейма, должно состоять изъ трехъ властей, то-есть: законодательной въ собранныхъ чинахъ, исполнительной въ королѣ и Стражѣ, и судебной въ юрисдикціяхъ, учрежденныхъ для этой цѣли или же долженствующихъ быть учрежденными.

«VI. Сеймъ или собранные чины раздѣляются на двѣ Избы: посольскую и сенаторскую, подъ предсѣдательствомъ короля.

«Посольская Изба, какъ выраженіе и средоточіе народнаго всевластія, должна быть святынею законодательства. Поэтому въ посольской Избѣ будутъ первоначально рѣшаться всѣ проекты: 1) законовъ вообще, то-есть конституціонныхъ, гражданскихъ, уголовныхъ и касающихся установленія постоянныхъ податей, и по этимъ предметамъ предложенія отъ трона воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ, поданныя на разсмотрѣніе, и представленныя Избѣ въ посольскихъ инструкціяхъ, должны быть рѣшаемы прежде другихъ; 2) проекты сеймовыхъ опредѣленій, касающихся временныхъ налоговъ, качества монеты, общественныхъ долговъ, нобилитаціи и другихъ, по случаю, наградъ, раскладки общественныхъ расходовъ, ординарныхъ и экстраординарныхъ, войны, мира, окончательной ратификаціи союзныхъ и торговыхъ договоровъ, всякихъ дипломатическихъ актовъ и договоровъ, принадлежащихъ къ народному праву, повѣрки исполнительныхъ магистратуръ, и

тому подобныхъ статей, соотвѣтствующихъ главнымъ народнымъ потребностямъ, между которыми первенство, въ порядкѣ разсмотрѣнія, принадлежитъ предложеніямъ, обращеннымъ къ Избѣ отъ королевскаго трона.

«Обязанности сенаторской Избы, составленной изъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и министровъ, подъ предсѣдательствомъ короля, имѣющаго право одинъ разъ дать свой голосъ (votum), а другой разрѣшать paritatem (равенство голосовъ) лично или посылкою въ Избу своего мнѣнія, таковы: 1) каждый законъ, который по формальномъ прохожденіи чрезъ посольскую Избу, долженъ немедленно быть посылаемъ въ сенатъ, или принимать, или задерживать для дальнѣйшаго народнаго обсужденія, указаннаго въ законѣ о большинствѣ голосовъ; и въ первомъ случаѣ, принятіе закона будетъ давать ему силу и святость, а въ послѣднемъ, задержаніе остановитъ его дѣйствіе до будущаго ординарнаго сейма, и если на послѣднемъ состоится вторичное согласіе, то пріостановленный законъ долженъ быть принятъ сенатомъ; 2) каждое сеймовое опредѣленіе по вышеизложеннымъ предметамъ, которое посольская Изба немедленно должна посылать сенату, вмѣстѣ съ посольскою Избою рѣшать большинствомъ голосовъ, а установленное закономъ большинство въ соединенныхъ Избахъ будетъ приговоромъ и волею государственныхъ чиновъ.

«Сенаторы и министры въ предметахъ, касающихся отчетовъ по ихъ должностямъ въ Стражѣ и въ коммиссіяхъ, безъ рѣшающаго голоса (votum decisivum), будутъ въ то время засѣдать въ сенатѣ только для объясненій на вопросы сейма. Долженъ всегда существовать готовый сеймъ. Законодательный и ординарный сеймъ должны возобновляться каждые два года и продолжаться сообразно содержанію закона о сеймахъ. Готовый сеймъ, созванный по мѣрѣ настоятельной надобности, будетъ дѣлать поста-

новленія только о такихъ предметахъ, по поводу которыхъ онъ созванъ, или о такихъ нуждахъ, которыя встрѣтились послѣ его созванія.

«Никакой законъ не можетъ быть отмѣненъ на томъ самомъ ординарномъ сеймѣ, на которомъ постановленъ. Комплектъ сейма будетъ состоять изъ числа особъ, указаннаго нижеписаннымъ закономъ, какъ для Избы посольской, такъ и для сенаторской.

«Утверждаемъ торжественно законъ о сеймикахъ, установленный на настоящемъ сеймѣ, какъ самую дѣйствительную основу гражданской свободы.

«Какъ въ законодательствѣ всѣ не могутъ участвовать и народъ въ этомъ случаѣ изображаетъ себя чрезъ своихъ представителей или пословъ, добровольно выбранныхъ, то мы установляемъ, что выбранные на сеймикахъ послы, сообразно настоящей конституціи, въ дѣлахъ законодательства и всякихъ народныхъ потребностей вообще, должны быть уважаемы, какъ представители цѣлаго народа, образуя собою средоточіе всеобщаго довѣрія.

«Все вездѣ должно быть рѣшаемо большинствомъ голосовъ, а потому liberum veto, всякаго рода конфедераціи и конфедераціонные сеймы, какъ противные духу настоящей конституціи, ниспровергающіе правительство и разстроивающіе общество, уничтожаются навсегда.

«Въ предупрежденіе, съ одной стороны, насильственныхъ и частыхъ перемѣнъ народной конституціи, съ другой, сознавая потребность усовершенствованія оной, по испытаніи ея послѣдствій для общественнаго благосостоянія, назначаемъ чрезъ каждые двадцать пять лѣтъ пересмотръ и исправленіе конституціи. Такой конституціонный экстраординарный сеймъ будетъ отправляться на основаніи особаго о немъ закона.

«VII. Совершеннѣйшее правленіе не можетъ существовать безъ сильной исполнительной власти. Благополучіе

народовъ зависитъ отъ справедливыхъ законовъ, а благія послѣдствія законовъ отъ ихъ исполненія. Опытъ научилъ насъ, что пренебреженіе этою частію правленія преисполнило Польшу несчастіями, почему, обезпечивши для свободнаго польскаго народа власть издавать для себя законы и право надзора за всякою исполнительною властію и выбора должностныхъ лицъ для магистратуръ, верховную власть исполненія законовъ передаемъ королю съ совѣтомъ, который будетъ называться Стражею законовъ.

«Исполнительная власть строго обязана соблюдать законы и исполнять ихъ. Она должна оказывать свою дѣятельность тамъ, гдѣ дозволено закономъ и гдѣ законы требуютъ надзора, принуждать и даже прибѣгать къ силѣ. Всѣ магистратуры всегда обязаны ей повиновеніемъ, и въ ея рукахъ находится понужденіе непослушныхъ и забывающихъ свои обязанности.

«Исполнительная власть не можетъ установлять законовъ, толковать ихъ, налагать подъ какимъ бы то ни было именемъ податей или поборовъ, дѣлать государственные долги, измѣнять раскладку казенныхъ доходовъ, учиненную сеймомъ, объявлять войну, заключать мирные договоры и окончательно утверждать дипломатическіе акты. Но она можетъ входить во временныя сношенія съ иностранными державами, улаживать потребности, возникающія для безопасности и спокойствія страны, о чемъ обязана доносить ближайшему сеймовому собранію.

«Польскій престолъ навсегда установляемъ и объявляемъ избирательнымъ по фамиліямъ. Испытанныя бѣдствія безкоролевья, періодически ниспровергавшія правленіе, необходимость обезпечить судьбу каждаго обитателя польской земли и пресѣчь навсегда пути вліянію иностранныхъ государствъ, воспоминаніе о счастіи отечества нашего во времена продолжительно царствовавшихъ фамилій, необ-

ходимость отвратить чужеземцевъ отъ честолюбивыхъ замысловъ на польскій престолъ, а польскихъ вельможъ обратить къ единственной заботливости о народной свободѣ, указали намъ, въ видахъ предусмотрительности, сдѣлать польскій престолъ наслѣдственнымъ.

«Итакъ, постановляемъ, что, по кончинѣ нынѣшняго короля (да продлитъ его дни благость Божія), нынѣшній саксонскій князь-избиратель будетъ въ Польшѣ царствовать. Династія будущихъ польскихъ королей начнется съ Фридерика Августа, и преемниками его на польскомъ престолѣ будутъ его наслѣдники въ мужескомъ колѣнѣ и старшій сынъ будетъ вступать на престолъ послѣ родителя. Если же нынѣшній князь-избиратель не будетъ имѣть потомства мужескаго пола, то супругъ его дочери, избранный имъ для нея съ согласія государственныхъ чиновъ, начнетъ наслѣдственную линію въ мужескомъ колѣнѣ на польскомъ престолѣ.

«Поэтому мы объявляемъ дочь князя-избирателя Марію Августу Непомуцену польскою инфанткою, оставляя за народомъ никакимъ ограниченіямъ не подлежащее право избрать на престолъ другой домъ, по прекращеніи перваго.

«Каждый король, вступая на престолъ, учиняетъ присягу Богу и народу сохранять настоящую конституцію и условія принятія короны, pacta conventa, которыя будутъ заключены съ нынѣшнимъ саксонскимъ княземъ-избирателемъ, какъ съ назначеннымъ на престолъ и будутъ его обязывать, какъ издавна бывало.

«Особа короля священна и неприкосновенна для всякаго. Онъ самъ собою ничего не дѣлаетъ, а потому и не отвѣтственъ предъ народомъ ни за что. Онъ долженъ быть не самовластителемъ, а отцомъ и главою народа, и такимъ его признаетъ и объявляетъ законъ и настоящая конституція.

«Доходы, указанные въ условіяхъ принятія короны (pacta conventa) и присвоенные трону преимущества, пре-

доставленныя настоящею конституціею будущему избраннику престола, не могутъ быть нарушаемы.

«Всѣ публичные акты, трибуналы, суды, магистратуры, монета, штемпели должны быть подъ королевскимъ именемъ.

«Королю предоставляется всякая возможность дѣлать добро, и потому дается право помилованія (jus agratiandi) осужденныхъ на смерть, исключая государственныхъ преступниковъ. Королю принадлежитъ верховное распоряженіе вооруженными силами во время войны и наименованіе командировъ войска, однако съ свободою смѣны ихъ по волѣ народа,—право выдавать офицерамъ патенты на чины, назначать должностныхъ лицъ, епископовъ, сенаторовъ, сообразно закону, а также и министровъ, какъ первыхъ дѣятелей исполнительной власти.

«Придаваемая королю въ помощь Стража, для надзора за соблюденіемъ и исполненіемъ законовъ будетъ состоять: 1) изъ примаса или главы польскаго духовенства и вмѣстѣ презуса эдукаціонной коммиссіи, который можетъ быть замѣненъ въ Стражѣ первымъ по порядку епископомъ, безъ права подписывать резолюціи; 2) изъ министровъ, именно: министра полиціи, министра печати, министра belli (войны), министра скарба (казны) и министра печати для иностранныхъ дѣлъ; 3) изъ двухъ секретарей, изъ которыхъ одинъ будетъ вести протоколъ Стражи, а другой, протоколъ иностранныхъ дѣлъ, оба безъ рѣшающаго голоса.

«Наслѣдникъ престола, по выходѣ изъ малолѣтства, давши присягу конституціи, можетъ присутствовать на всѣхъ засѣданіяхъ Стражи, но безъ голоса.

«Сеймовый маршалъ, избранный на два года, будетъ входить въ число засѣдающихъ въ Стражѣ, но безъ участія въ резолюціяхъ, единственно на случай созванія готоваго сейма: если бы онъ сознавалъ крайнюю необходимость созвать сеймъ, а король противился этому, то онъ долженъ разослать посламъ и сенаторамъ окольныя письма, при-

глашая ихъ собраться на готовый сеймъ и изложивъ имъ поводы такого созванія. Случаи необходимаго созванія сейма могутъ быть только слѣдующіе: 1) въ крайнихъ обстоятельствахъ, касающихся народнаго права, особенно, когда по сосѣдству возникаетъ война; 2) въ случаѣ внутренняго смятенія, угрожающаго странѣ революціею, или когда произойдетъ столкновеніе между магистратурами; 3) когда угрожаетъ опасность всеобщаго голода; 4) если отечество осиротѣетъ отъ смерти короля или отъ опасной его болѣзни.

«Всѣ резолюціи въ Стражѣ будутъ производиться въ упомянутомъ выше составѣ. Королевское рѣшеніе, по выслушаніи всѣхъ мнѣній, должно имѣть перевѣсъ, дабы существовала единая воля въ исполненіи законовъ; почему каждая резолюція должна выходить изъ Стражи подъ королевскимъ именемъ и за подписью руки его и, сверхъ того, должна быть подписана однимъ изъ министровъ, засѣдающихъ въ Стражѣ; такимъ образомъ подписанная, она будетъ обязательна къ повиновенію ей, и будетъ приведена въ исполненіе коммиссіею, или какою-нибудь магистратурою, въ тѣхъ однако предметахъ, которые настоящею конституціею не исключены. Въ случаѣ, если бы ни одинъ министръ не хотѣлъ подписать рѣшенія, король откажется отъ него, а если бы онъ упорствовалъ, то сеймовый маршалъ долженъ просить о созваніи готоваго сейма, и если король будетъ откладывать созваніе, самъ созоветъ его.

«Назначеніе всѣхъ министровъ, какъ и призваніе ихъ отъ каждаго правительственнаго отдѣла въ свой совѣтъ и въ Стражу—принадлежитъ королю. Министръ призывается къ засѣданію въ Стражѣ на два года, но король можетъ подтвердить его и на долѣе. Министры, призванные въ Стражу, не засѣдаютъ въ коммиссіяхъ.

«Въ случаѣ, если бы большинство двухъ третей секретныхъ голосовъ соединенныхъ Избъ сейма пожелало пе-

ремѣны министра или въ Стражѣ или въ его должности, король немедленно долженъ назначить на его мѣсто другого.

«Въ тѣхъ видахъ, чтобы Стража народныхъ законовъ обязана была строжайшею отвѣтственностью за всякое ихъ нарушеніе, постановляемъ: если министры будутъ обвинены депутаціею, назначенною для изслѣдованія ихъ дѣятельности, въ нарушеніи законовъ, они должны отвѣчать своею личностью и своимъ имуществомъ. Во всякихъ такихъ обвиненіяхъ собранные чины, рѣшивъ дѣло простымъ большинствомъ голосовъ, отсылаютъ обвиненныхъ министровъ къ сеймовымъ судамъ, для справедливаго, соразмѣрнаго ихъ преступленіямъ, наказанія, или, при доказанной невинности, для увольненія отъ суда и наказанія.

«Для надлежащаго приведенія въ дѣйствіе исполнительной власти учреждаются отдѣльныя коммиссіи, состоящія въ связи со Стражею и обязанныя ей повиновеніемъ. Коммиссары въ эти коммиссіи будутъ избраны сеймомъ, для отправленія своихъ должностей въ продолженіе времени, указаннаго закономъ. Этихъ коммиссій четыре: 1) воспитанія (эдукаціонная), 2) полиціи, 3) войска и 4) казны (скарбовая).

«Установленные на текущемъ сеймѣ воеводскія коммиссіи для порядка, равнымъ образомъ подчиненныя надзору Стражи, будутъ получать предписанія отъ вышеупомянутыхъ посредствующихъ коммиссій, смотря по предметамъ, принадлежащимъ власти и обязанностямъ каждой изъ нихъ.

VIII. Судебная власть не можетъ отправляться ни законодательною властью, ни королемъ, но предоставляется магистратурамъ, на тотъ конецъ установленнымъ и выбраннымъ. Она должна быть привязана къ извѣстнымъ мѣстамъ такъ, чтобы всякій вблизи себя могъ находить пра-

восудіе, а преступникъ вездѣ видѣлъ надъ собою грозную руку мѣстнаго правительства. Вслѣдствіе этого установляемъ:

«1) Суды первой инстанціи для каждаго воеводства, земли или повѣта, въ которые судьи будутъ выбираться на сеймикахъ. Суды первой инстанціи всегда должны быть готовы оказывать правосудіе тѣмъ, которые въ немъ нуждаются. Апелляція на эти суды будетъ восходить въ главные трибуналы, учрежденные для каждой провинціи и составленные равномѣрно изъ выбранныхъ на сеймикахъ особъ. Эти суды какъ первой, такъ и послѣдней инстанціи, будутъ *земянскими* судами для шляхты и всѣхъ земскихъ собственниковъ въ ихъ дѣлахъ съ кѣмъ бы то ни было de causis juris et facti (по поводу права и факта).

«2) Сохраняемъ судебныя юрисдикціи во всѣхъ городахъ, сообразно съ закономъ настоящаго сейма о свободныхъ королевскихъ городахъ.

«3) Оставляемъ для каждой провинціи референдарскіе суды въ дѣлахъ свободныхъ поселянъ, по давнимъ правамъ подчиненныхъ этимъ судамъ.

«4) Сохраняемъ суды задворные, ассессорскіе, реляційные и курляндскіе.

«5) Исполнительныя коммиссіи будутъ имѣть суды по дѣламъ, принадлежащимъ ихъ администраціи.

«6) Кромѣ судовъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, для всѣхъ сословій будетъ учрежденъ верховный судъ, называемый сеймовымъ, гдѣ будутъ засѣдать особы, выбранныя при каждомъ открытіи сейма. Этотъ судъ будетъ судить преступленія противъ народа и короля или государственныя (crimina status). Предписываемъ особамъ, назначеннымъ отъ сейма, составить новый кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ.

IX. Регентствомъ будетъ Стража, а въ челѣ ея будетъ королева, а въ случаѣ ея отсутствія—примасъ. Регентство

можетъ состояться только въ трехъ случаяхъ: 1) при малолѣтствѣ короля; 2) при болѣзни, сопряженной съ умопомѣшательствомъ; 3) еслибы король былъ взятъ въ плѣнъ на войнѣ. Малолѣтство считается до восемнадцати-лѣтняго возраста, а постоянное умопомѣшательство короля, не иначе можетъ быть объявлено, какъ по признанію большинства трехъ четвертей противъ одной голосовъ соединенныхъ Избъ готоваго сейма. Въ этихъ трехъ случаяхъ примасъ польской короны обязанъ немедленно созвать сеймъ, а еслибы примасъ уклонялся отъ этой обязанности, то сеймовый маршалъ разошлетъ окольныя письма къ посламъ и сенаторамъ. Готовый сеймъ учредитъ очередь засѣданія министровъ въ регентствѣ и уполномочитъ королеву заступить мѣсто короля въ его обязанностяхъ. Когда же король, въ первомъ случаѣ, достигнетъ совершеннолѣтія, или во второмъ — совершенно выздоровѣетъ, или, въ третьемъ—возвратится изъ плѣна, то регенство обязано дать отчетъ о своей дѣятельности и отвѣчать предъ народомъ, на ординарномъ сеймѣ, за время своего управленія, личностями и имуществами своихъ членовъ.

«X. Королевскіе сыновья, которыхъ конституція предназначаетъ къ престолонаслѣдію, суть первыя дѣти отечества и потому надзоръ за ихъ хорошимъ воспитаніемъ принадлежитъ народу, впрочемъ, безъ нарушенія родительскихъ правъ. Правящій государствомъ король, вмѣстѣ со Стражею и съ назначеннымъ отъ государственныхъ чиновниковъ надзирателемъ надъ воспитаніемъ королевичей, будетъ заниматься воспитаніемъ ихъ. Во время регентства воспитаніе ихъ будетъ поручено этому регентству, вмѣстѣ съ упомянутымъ надзирателемъ. Въ обоихъ случаяхъ надзиратель, назначенный отъ государственныхъ чиновъ, обязанъ доносить каждому ординарному сейму о воспитаніи и успѣхахъ королевичей. На эдукаціонной коммиссіи лежитъ обя-

занность составить и представить для утвержденія сейму инструкцію о воспитаніи королевскихъ сыновей, дабы въ ихъ воспитаніи твердыя правила внѣдряли въ умы будущихъ наслѣдниковъ престола заранѣе религію, любовь къ добродѣтели, отечеству, свободѣ и польской конституціи.

«XI. Народъ обязанъ самъ себя защищать отъ нападеній и оберегать свою цѣлость. Всѣ обыватели суть охранители народной цѣлости и свободы. Войско есть не что иное, какъ извлеченная изъ всей общей силы народа и приведенная въ порядокъ оборонительная сила. Народъ обязанъ награждать и уважать свое войско, которое исключительно посвящаетъ себя его оборонѣ. Войско обязано охранять границы и всеобщее спокойствіе, словомъ, должно быть сильнѣйшимъ щитомъ народа. Для непогрѣшительнаго выполненія своего назначенія, войско должно оставаться въ повиновеніи у исполнительной власти, и сообразно съ содержаніемъ закона, обязано принести присягу на вѣрность народу и королю и на оборону народной конституціи. Народное войско можетъ быть употребляемо на защиту страны вообще, на охраненіе крѣпостей и границъ и на вспоможеніе закону, еслибы кто оказался ему непослушнымъ».

По прочтеніи этого проекта, которому дано было названіе: «Уставъ Правленія», Малаховскій, въ качествѣ маршала, произнесъ пышную похвалу этому уставу, признавалъ новое правленіе превосходнѣе англійскаго и американскаго, лучше всѣхъ существовавшихъ и существующихъ въ свѣтѣ и возсылалъ хвалы королю, котораго изображалъ виновникомъ такого великаго подвига.

Король на это отвѣчалъ, что, присягнувши на условіяхъ принятія короны (pacta conventa), онъ проситъ уволить его отъ обязательства по вопросу о наслѣдствѣ престола, которыя мѣшаютъ ему произнести свое мнѣніе. «Пусть прежде услышу волю сейма въ этомъ вопросѣ,—сказалъ онъ,—

и буду считать настоящій день счастливѣйшимъ въ моей жизни, если этотъ проектъ обратится въ законъ. Повторю то, что уже говорилъ: король съ народомъ и народъ съ королемъ, такъ и до смерти буду повторять».

«Король съ народомъ и народъ съ королемъ! закричали прогрессисты. Згода, згода!»

Но въ то же время раздались крики: «нѣтъ згоды».

Сухоржевскій опять протѣснился на средину залы, таща за руку шестилѣтняго сына, и разыгрывая изъ себя римскаго героя, кричалъ: «Знаю, что злоумышляютъ на Рѣчь-Посполитую и на меня, перваго ея охранителя. Не боюсь ничего. На этомъ мѣстѣ, посреди сеймоваго засѣданія, убью собственное дитя. Пусть оно не доживетъ до рабства, которое приготовляетъ странѣ нашей этотъ проектъ».

Товарищи, принимая эту театральную сцену за дѣйствительное намѣреніе, вырвали испуганнаго ребенка изъ рукъ польскаго Брута.

Смятеніе въ Избѣ дошло до крайнихъ предѣловъ. Всѣ говорили, кричали и никто не слушалъ. Съ великимъ трудомъ маршалъ наконецъ упросилъ соблюдать порядокъ и говорить по одиночкѣ. Когда волненіе стихло, выступилъ подольскій посолъ Злотницкій, одинъ изъ защитниковъ шляхетчины и стараго порядка. «Все здѣсь, — говорилъ онъ,—противно свободѣ Рѣчи-Посполитой. Прошу прочитать Pacta Conventa. Здѣсь есть тѣ, которые помнятъ, какъ они были заключены 7 сентября 1764 года между чинами Рѣчи-Посполитой и коммиссарами вступавшаго тогда на престолъ Станислава-Августа».

«Читать, читать Pacta Conventa», закричали его единомышленники.

Прочли Pacta Conventa. Они явно были противны представляемому проекту, но прогрессисты говорили, что нація, предложившая королю условія, могла составить и новый законъ. Злотницкій, по прочтеніи условій, сказалъ:

«Будучи посломъ отъ воеводства подольскаго, я долженъ объявить, что на избраніе, при жизни короля, преемника ему, въ особѣ саксонскаго князя-избирателя, подольская шляхта соглашается, но мнѣ не дано права увольнять его величество короля отъ обязанностей, налагаемыхъ на него условіями принятія короны и я не согласенъ на проектъ, который не былъ подвергнуть обсужденію и не получилъ приговора конституціонной депутаціи».

Онъ счелъ нужнымъ польстить мѣщанамъ и сказалъ, что готовъ десять разъ подписать законъ о мѣщанскихъ правахъ. Видно, что многочисленное стеченіе мѣщанъ въ самой Избѣ пугало противниковъ.

За нимъ говорилъ старый Ожаровскій. Онъ прежде извинился въ недостаткѣ дара краснорѣчія. Потомъ замѣтилъ, что проектъ многопредметенъ и слабому понятію трудно его охватить, не только уразумѣть. Онъ говорилъ, что установленіе престолонаслѣдія не спасетъ Польшу отъ угрожающаго ей раздѣла, а во всякомъ случаѣ можетъ привести къ деспотизму и указывалъ, что для спасенія отечества нужно болѣе всего говорить объ увеличеніи казны и войска. Наконецъ онъ припомнилъ, что самъ онъ былъ посломъ отъ краковскаго воеводства въ 1764 г. и слышалъ королевскую присягу, а потому не только не хочетъ увольнять отъ нее короля, но особенно проситъ соблюдать ее въ данныя минуты. Ожаровскому хотѣлось пріостановить дѣло и навести сеймъ на другіе вопросы, и потому онъ хотѣлъ говорить о войнѣ; но эта тактика, удачная въ прежнее время, теперь была невозможна при такомъ волненіи.

За Ожаровскимъ разомъ явилось много охотниковъ блистать геройствомъ и краснорѣчіемъ. Отъ сеймоваго маршала зависѣло соблюсти очередь, и онъ далъ первый голосъ Закржевскому, познанскому послу. Это былъ большой свободолюбецъ и ненавистникъ вельможъ. О чемъ онъ ни

начиналъ говорить, почти всегда нападалъ на вельможъ и поражалъ ихъ демократическою риторикою, перебѣгая отъ банальныхъ истинъ къ кудрявымъ софизмамъ. «Бьетъ часъ,—воскликнулъ онъ.—Намъ приходится или поддержать любезное, паче жизни, отечество, или погубить его и отдать на растерзаніе и грабежъ». Затѣмъ онъ распространялся о томъ, что́ такое свобода, доказывалъ, что свобода состоитъ въ томъ, чтобы законы, наложеніе податей, выборы магистратуръ исходили отъ народа, но избирательное правленіе, по его мнѣнію, не отъ народа исходило. «Элекціи королей,—говорилъ онъ,—народъ не зналъ. Это выдумали вельможи. Не дѣлаю ни малѣйшаго намека на царствующаго нынѣ короля, который любитъ народъ больше себя. Но вообще скажу, что избранный король — губитель свободы и цѣлости отечества и готовъ отдать на растерзаніе управляемый имъ край, когда придется сохранить частицу его для своихъ интересовъ и наслѣдниковъ. Страна, управляемая избраннымъ королемъ, никогда не можетъ быть свободною отъ вліянія и козней чужихъ державъ». Онъ восхвалялъ достоинства наслѣдственнаго короля, который, по его мнѣнію, не станетъ нарушать конституціи изъ одной любви къ своему потомству и изъ боязни, чтобы изъ-за него не пришлось отвѣчать наслѣдникамъ. «Насъ пугаютъ, — продолжалъ онъ,—что подъ наслѣдственнымъ правленіемъ республиканское правленіе измѣнится въ деспотизмъ. Деспотизма не знаютъ просвѣщенные народы, а въ этомъ проектѣ я вовсе не вижу вообще и монархизма. Но если бы даже въ Польшѣ внѣдрилась монархія, все же она не такъ ужасна, какъ раздѣлъ».

За нимъ говорилъ изъ противной партіи князь Четвертинскій — человѣкъ, въ характерѣ котораго было что-то ребяческое въ смѣси съ хитростію. Послѣ короткаго вступленія, онъ сказалъ: «этотъ проектъ, писанный на нѣсколькихъ листахъ, составленный тайною интригою...»

Слова эти прерваны были взрывомъ негодованія. Четвертинскій спохватился и потомъ продолжалъ: «Я слышалъ его одинъ только разъ. Въ немъ много хорошаго, но есть и дурное. Вотъ хоть бы это: избранному королю народъ могъ отказать въ повиновеніи, если бы онъ не соблюлъ присяги, а по этому проекту наслѣдственный король увольняется отъ отвѣтственности. Хоть бы онъ что дурное сдѣлалъ—ничего ему не говори, а только министрамъ. Вѣрно вашему величеству силою навязываютъ этотъ проектъ. А главное: его проводятъ неслыханнымъ образомъ, безъ предварительнаго обсужденія, и приказываютъ намъ принимать его съ-разу. Пусть меня сочтутъ послѣднимъ глупцомъ, а я его не понимаю. Какъ можно, разъ только услышавши, его понять? Я не личный врагъ ему. Пусть Богъ уничтожитъ меня и моихъ троихъ дѣтей, если я возстаю противъ него изъ духа партикулярности. Но въ немъ гробъ вольности и я не соглашаюсь принимать его. Если моя гражданская ревность останется безъ послѣдствій, то, по крайней мѣрѣ, будьте свидѣтелями, что я протестовалъ и плакалъ».

Онъ дѣйствительно заплакалъ и сквозь слезы сказалъ: «буду носить трауръ до смерти или пока дождусь лучшихъ временъ».

Въ отвѣтъ на его рѣчь выступилъ краковскій посолъ Линовскій, пламенный прогрессистъ. «Въ Польшѣ нѣтъ насилія,—сказалъ онъ,—кромѣ насилія просвѣщенія и добродѣтели, кромѣ рѣшимости спасти отечество отъ погибели. Я преклонюсь предъ такимъ насиліемъ». Сдѣлавши нападеніе на вельможъ, онъ продолжалъ: «Слушайте, наияснѣйшіе чины, что̀ я вамъ скажу. Знаете ли въ чемъ наибольшая похвала нашей конституціи? За три дня передъ этимъ разнеслась вѣсть по столицѣ о нашемъ предпріятіи, и уже находящіеся здѣсь иностранные министры заволновались. Я самъ ихъ встрѣчалъ въ домѣ особы,

имѣющей доступъ къ королю. Я слышалъ, какъ они угрожали, пугали насъ, не скрывали отвращенія своего къ нашему дѣлу, въ надеждѣ, что все это передастся королю. Имъ не по-сердцу наше правленіе: вотъ доказательство, что оно будетъ Польшѣ спасеніемъ».

«Вы слышали,—сказалъ ливскій посолъ Кицинскій,—говорятъ, уже миръ заключенъ и воевавшія державы хотятъ окупить свои издержки на нашъ счетъ. Чего-жъ намъ ждать? Развѣ того, чтобъ панъ Булгаковъ, а не то, для бóльшаго нашего униженія, панъ Штакельбергъ, лучше знающій всѣ варшавскія пружины, возвратившись на прежнее мѣсто съ тріумфомъ, именемъ императрицы объявилъ намъ, что мы уже не самобытный народъ, что Польша уже подчиненная ей провинція, что уже не конфедерація, не готовый сеймъ, не Стража, а онъ съ своимъ совѣтомъ будетъ управлять дѣлами страны нашей? Ждать ли намъ, чтобы войско московское разсѣяло и уничтожило наши полки и хоругви отчасти силою, отчасти хитростію и возбужденіемъ между нами недовѣрія, а затѣмъ предложило намъ свое покровительство, свою пасть, алчущую нашего хлѣба, свои руки, жадныя нашего достоянія? Ждать ли намъ, чтобы пришелъ къ намъ еще козацкій гетманъ съ донскимъ и запорожскимъ козачествомъ и указалъ намъ, въ политическомъ составѣ Европы, мѣсто ниже своихъ возлюбленныхъ козаковъ, или давно уже порабощенныхъ Москвою и привыкшихъ къ ярму татаръ и волоховъ (?) ? Дожидаться ли намъ, пока онъ, или кто другой, быть можетъ какой нибудь полякъ, продавшій себя Москвѣ, пользуясь раздвоеніемъ нашего народа, столкнетъ съ престола нашего короля и самъ сядетъ на немъ, для исполненія замысловъ тѣхъ, которымъ будетъ служить орудіемъ? Хотите ли, чтобъ насъ возили въ Сибирь и Камчатку? Хотите ли, чтобы поругались надъ костелами и алтарями, грабили наши домы, а намъ за естественное

самосохраненіе рубили руки и ноги, или осуждали на гнитье въ кандалахъ? Неужели, достопочтенные чины, плѣняясь достоинствами избирательнаго трона, вы забыли, кто намъ уже сто лѣтъ даетъ королей и свергаетъ ихъ? Августа II развѣ не навязали намъ насильно, а потомъ насиліемъ не принудили сложить съ себя достоинство? Лещинскаго развѣ не свергли съ престола? Августа III развѣ не собирались низложить? Нынѣ царствующему королю развѣ не угрожали тѣмъ же? А курляндскими герцогами, состоявшими подъ главенствомъ Рѣчи-Посполитой, московская фантазія развѣ не играла какъ мячиками, ссылая ихъ въ Сибирь и возвращая снова? А какъ уважаема была эта Изба, мѣсто народнаго совѣщанія? Епископы, сенаторы и послы развѣ не томились многіе годы въ неволѣ? Сокровища Радзивилловъ и вообще движимое имущество обывателей развѣ не вывозились въ Москву, и недвижимыхъ развѣ не грабили и не опустошали? Неужели васъ не приводятъ въ содроганіе встрѣчаемыя до сихъ поръ безрукія и безногія жертвы звѣрства Древича? О, на что способна эта гордыня! Она не проститъ вамъ того смертельнаго грѣха, что вы осмѣлились сбросить съ себя ея цѣпи и, въ продолженіи трехъ лѣтъ, считали себя независимымъ народомъ? Пусть только состоится миръ и застанетъ насъ безъ твердаго правительства, безъ конституціи, безъ порядка; тогда тѣ государства, что, опасаясь гигантскаго возростанія Россіи, побуждали насъ противъ нея вооружаться, скажутъ той же Россіи: «Распоряжайся себѣ Польшею, только на насъ не гнѣвайся». Вотъ тогда-то слуцкій архимандритъ и все схизматическое духовенство начнутъ вѣрнѣе и усерднѣе служить Москвѣ. Тогда-то успѣшнѣе пружиною фанатизма начнутъ подвигать и подстрекать къ бунту хлопство. Воротится къ намъ россійское войско и опять къ офицерамъ невысокихъ чиновъ пріѣдутъ сенаторы и сановники съ

просьбою освободить отъ постоя ихъ имѣнія, и будутъ по нѣсколько часовъ передъ дверьми ожидать аудіенціи, пока имъ не окажутъ милости и не сложатъ съ нихъ тягостей, чтобы за то отяготить другихъ соотечественниковъ. Россійскій посланникъ, по продажѣ своего палаца, помѣстится поближе къ королю, чтобъ наблюдать съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ, кого жалуетъ. Министерскія мѣста, сенаторскія кресла будутъ раздаваться особамъ, которыя станутъ ихъ покупать подлымъ угодничествомъ прихотямъ посланника и его любимцевъ и слугъ. Сенаторы, судьи, правители! Выбирайте, что́ вамъ лучше: потерять ли какія-нибудь преимущества, которыя вы сами считаете вредными и жить заурядъ съ другими народами, счастливо, безопасно, подъ плодотворнымъ покровительствомъ правительства, въ странѣ свободной, благоустроенной; или, оставаясь такими, какъ теперь, получать, посредствомъ подлостей и интригъ, мѣста, которыя надлежало бы занимать людямъ добродѣтельнымъ, способнымъ и заслуженнымъ, держаться на нихъ раболѣпствомъ, безъ уваженія къ самимъ себѣ, безъ пользы для общества, чувствовать муки совѣсти всю вашу жизнь и слышать внутри своей страны противъ себя проклятія цѣлаго народа, а внѣ ея—презрѣніе къ себѣ отъ чужеземцевъ? Наияснѣйшій государь! Больно, очень больно вспоминать протекшіе дни. Былъ ли мѣсяцъ—что̀ я говорю, мѣсяцъ—была ли одна недѣля, одинъ день такой, чтобы ваше величество не терпѣли огорченій? По обязанности моей службы я очень часто приносилъ вашему величеству такія свѣдѣнія, отъ которыхъ разрывалось ваше сердце, отъ природы чувствительное къ утѣсненію ближняго. Съ каждою почтою вы получали жалобы несчастныхъ; вы все дѣлали, что могли, но съ горестію, при безсиліи правительства, не видѣли дѣйствительныхъ средствъ спасти ихъ. У всѣхъ у насъ кипѣло сердце, да нужно было сдерживаться, чтобъ не потерять по крайней мѣрѣ

надежды на возстаніе когда-либо. Теперь намъ все равно—погибать ли отъ непріятелей, или отъ соотечественниковъ, если изъ послѣднихъ найдутся такіе, что будутъ силиться возвратить Рѣчь-Посполитую къ давнему положенію. Панъ сеймовый маршалъ! Скорѣе установимъ правленіе; сегодня же—не иначе. Сегодня или упрочимъ счастіе и безопасность отечества, или, жертвуя жизнію, подпишемъ безнадежность нашу о ея жребіи».

Ни одна рѣчь не подѣйствовала на собраніе такъ сильно, какъ эта, дѣйствительно выходившая изъ ряда другихъ.—«Скорѣе, скорѣе! Принимайте проектъ, спасайте погибающее отечество!» кричали прогрессисты. Имъ вторили арбитры въ залѣ и на галлереяхъ.

Толпа противниковъ сбилась въ кружокъ. Виленскій посолъ Корсакъ попросилъ дозволенія вести рѣчь.

«Наше воеводство,—сказалъ онъ,—какъ и другіе, соглашалось на избраніе саксонскаго князя-избирателя, памятуя доброе время блаженной памяти королей нашихъ изъ саксонскаго дома. А что касается до наслѣдственности престола, учрежденія совѣта подъ именемъ Стражи, нарушенія законовъ послѣдняго изъ Ягеллоновъ и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ, на то воли народа нѣтъ! Народная воля есть признакъ высшей воли! Отъ нея исходятъ священнѣйшіе законы! Но народная воля почіетъ не въ послахъ. не въ сеймѣ, а въ цѣломъ составѣ обывателей, имѣющихъ право выбора представителей. Послѣдніе должны сообразоваться съ данными имъ предписаніями отъ избирателей. Такихъ инструкцій, которыя бы дозволяли вводить наслѣдственное правленіе и ниспровергать преимущества шляхетской вольности,—нѣтъ у насъ; напротивъ, намъ вмѣнили въ особенную обязанность не допускать наслѣдственнаго правленія и охранять шляхетскую вольность. Такихъ инструкцій большинство. Въ нихъ видна воля народная! Я не властенъ отрѣшиться отъ нея

и не смѣю приложить своего согласія къ этому проекту. Я обязанъ держаться инструкцій и воли моего воеводства. Наияснѣйшій король! Въ вашихъ универсалахъ, посланныхъ на сеймики, народъ спрашивался не о томъ, желаетъ ли онъ ввести наслѣдственное правленіе и уволить націю отъ условій принятія короны (pacta conventa), а о томъ: дозволяетъ ли онъ при жизни царствующаго короля избрать на польскій престолъ преемника въ особѣ саксонскаго князя-избирателя. Народъ и далъ свое рѣшеніе на то, о чемъ его спрашивали. Нельзя предлагать намъ обратить въ законъ то, на что̀ народъ не изъявилъ согласія. Къ вамъ я обращаю рѣчь, господинъ сеймовый маршалъ! Ваши добродѣтельныя качества не дѣлаютъ васъ похожимъ на Адама Понинскаго...»

Крики неудовольствія прервали его рѣчь. Они, однако, скоро перестали. Ораторъ поспѣшилъ затереть невольно вырвавшійся намекъ на Понинскаго похвалами достоинствамъ Малаховскаго. «Подъ вашимъ управленіемъ,—говорилъ онъ—на сеймѣ постановлено, чтобы каждый проектъ по прочтеніи въ Избѣ былъ отсылаемъ въ депутацію къ обсужденію (на делиберацію) и посламъ давался бы трехдневный срокъ вникнуть въ него, а для этого проектъ долженъ раздаваться имъ въ печатныхъ экземплярахъ. Я прошу, чтобы и настоящій проектъ отправленъ былъ къ обсужденію: онъ касается такого важнаго предмета, отъ котораго зависитъ счастье или несчастье народа».

Нельзя было не видѣть явной законности такого требованія. За Корсакомъ стали говорить тоже другіе, которые прежде, заглушаемые криками прогрессистовъ, не могли открыть рта.

Станиславъ Потоцкій, одинъ изъ составителей проекта, отвѣчалъ Корсаку: «Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ чрезвычайныхъ средствъ; я со стыдомъ долженъ сознаться передъ всѣми, что и мнѣ мое воеводство приказало

поддерживать избирательное правленіе; но что же дѣлать, когда, по моему убѣжденію, одинъ только этотъ, слышанный вами, проектъ есть средство нашего спасенія, именно потому, что онъ учреждаетъ наслѣдственное правленіе. Безъ него, хотя бы я видѣлъ у Рѣчи-Посполитой огромное войско и неистощимыя сокровища, и тогда не сказалъ бы, что она внѣ опасности. Я поклонюсь моимъ собратіямъ и скажу имъ смѣло: я былъ за наслѣдственное правленіе потому, что мои убѣжденія не позволили раздѣлять мнѣнія, приносящія явную гибель моему отечеству. Пусть кто хочетъ носитъ трауръ, я не очень уважаю наружные знаки; но если этотъ проектъ не пройдетъ, я до смерти буду носить тоску въ сердцѣ».

Станиславъ Потоцкій владѣлъ отлично риторикою, обращался къ королю, расхваливалъ его до небесъ, называлъ не только наилучшимъ королемъ въ свѣтѣ, отцомъ подданныхъ, но образомъ божества на землѣ; обращался и къ посламъ, умолялъ ихъ возрастить колосъ славы на нивѣ народнаго благополучія, бросить вѣнецъ хвалы и величія къ ногамъ короля. Потомъ онъ сталъ на колѣни передъ божествами народнаго счастія, какъ онъ называлъ членовъ сейма, и умолялъ принять проектъ.

Его поддерживалъ добржинскій посолъ Збоинскій, который для бóльшаго подкрѣпленія своего краснорѣчія привелъ примѣры изъ римской исторіи, помянулъ Брута, Регула, изъявлялъ желаніе, подобно послѣднему, пострадать за отечество.

Эти намеки на Римъ оживили поляковъ, которымъ Римъ, въ его лучезарномъ сіяніи, представлялся подобіемъ ихъ прежней Рѣчи-Посполитой, а герои римской республики, въ ихъ воображеніи, походили на ихъ собственныхъ гетмановъ, канцлеровъ и воеводъ. Все это довершило впечатлѣніе рѣчи Кицинскаго, расшевелившаго у поляковъ чувство національнаго самолюбія и задушевной непріязни

къ москалямъ. Настроенная въ пользу переворота, публика разражалась громомъ одобреній на каждую рѣчь прогрессиста и не давала говорить противникамъ. Крики арбитровъ увеличивались и, наконецъ, всѣ слились въ единомъ требованіи, немедленно принять проектъ новой конституціи. Голоса противниковъ были со всѣхъ сторонъ заглушаемы этими криками. Тогда подольскій посолъ Ржевускій, припомнивъ арестъ членовъ сейма, сдѣланный нѣкогда Репнинымъ, восклицалъ, что чувствуетъ жажду мщенія москалямъ и призывалъ товарищей скорѣе стереть съ отечества пятно, наложенное московскою гордынею. «Наияснѣйшій король,—сказалъ онъ наконецъ,—позволь пану сеймовому маршалу немедленно спросить чиновъ о согласіи».

Множество голосовъ закричало: «просимъ! просимъ!»

«Большинство очевидно согласно,—сказалъ Ржевускій,—если же оппозиція не допуститъ, я къ ногамъ вашего величества повергаю увѣреніе, что не выйду изъ Избы, пока не послѣдуетъ рѣшеніе этого проекта».

«И мы не выйдемъ», закричало множество голосовъ.

«И мы также не выйдемъ», кричали противники.

«Съ обѣихъ сторонъ,—продолжалъ Ржевускій,—заявляютъ рѣшимость не выходить. Ваше величество произнесите гражданскую присягу хранить конституцію, и каждый изъ насъ, кто только любитъ отечество, не только съ охотою послѣдуетъ вашему примѣру, но и прольетъ за конституцію свою кровь».

«Просимъ! просимъ!» кричали со всѣхъ сторонъ. Уже былъ седьмой часъ съ открытія засѣданія. Человѣческаго терпѣнія не ставало продолжать его и многіе желали, чѣмъ бы ни кончить, лишь бы кончить.

«Милостивые государи!—сказалъ король,—ежели кому, то болѣе всѣхъ мнѣ прилично задуматься надъ этимъ проектомъ. Идетъ дѣло о любви народа ко мнѣ, а это

для меня единственное и драгоцѣннѣйшее сокровище, которое я съ собою хочу унести въ могилу. Я прохожу уже шестидесятый годъ моей жизни, впереди для меня остается мало лѣтъ, а потому нечего мнѣ угождать страстямъ, которыя обыкновенно приписываются государямъ. Вы сами видѣли, въ теченіи этого сейма, что я не проводилъ никакихъ плановъ, ни для себя, ни для своихъ родныхъ; напротивъ, какъ только узналъ, что народъ склоняется удалить тѣ опасности, которыя неразлучны со всякимъ безкоролевіемъ, я не только согласился съ этимъ, но и тѣмъ, которые по доброжелательству ко мнѣ совѣтовали мнѣ имѣть въ виду свои личные интересы и приводили извѣстную пословицу, что передъ восходящимъ солнцемъ должно уступать заходящее, я отвѣчалъ такъ: «мою личность я считаю второстепеннымъ дѣломъ, а главнымъ— благосостояніе страны». Поэтому, такъ какъ я не стараюсь ни о себѣ, ни о своихъ кровныхъ, то и надѣюсь, что меня выслушаютъ съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ того короля, который за полтора столѣтія передъ нами носилъ истинно терновый вѣнецъ. Я говорю о добромъ, благоразумномъ, мужественномъ, но несчастномъ Янѣ Казимирѣ. Для пользы страны, для безопасности свободы и существованія Польши, онъ совѣтовалъ заранѣе установить наслѣдственность, какъ единственное средство охранить Польшу отъ бѣдствія безкоролевія. Его не слушали; мало этого—его преслѣдовали за это; и онъ, оскорбленный, покинулъ престолъ, на которомъ не могъ съ пользою служить отечеству. Его предвѣщанія оправдались: они послужили намъ урокомъ; теперь, какъ я слышу, большинство народа, большинство членовъ сейма, желаютъ прочнымъ правительствомъ и крѣпостью престола навсегда утвердить спокойствіе и счастіе нашего края. Знаю, что готовлю себѣ непріятности, но считаю долгомъ раздѣлять это желаніе. Прибавлю, еще въ послѣдніе дни, между

иностранными министрами было говорено такъ: «будемъ стараться разными вымыслами отстранять умы сеймовыхъ членовъ отъ этого шага; пускай Польша всегда нуждается въ подпорѣ, пусть будетъ въ постоянной боязни безъ крѣпкаго правленія, пусть унижается передъ чужими и кланяется имъ, чтобъ ей не было худо». Одинъ изъ нихъ, который болѣе всѣхъ отсовѣтывалъ дѣлать перемѣны, сказалъ такъ: «затѣи поляковъ противны интересамъ нашихъ дворовъ и мы должны ихъ отводить отъ спасительныхъ мѣръ; но если они сдѣлаютъ то, что̀ замышляютъ, то покажутъ, что умнѣе насъ, и мы будемъ уважать ихъ болѣе чѣмъ прежде». Такъ дошло до моихъ ушей. Скажу еще, уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мнѣ сообщенъ этотъ проектъ, я колебался, я боялся вреда лично для себя. Теперь, когда я услышалъ эти слова иностранныхъ министровъ, я увидѣлъ въ нихъ послѣднее рѣшеніе судьбы: теперь я рѣшительно пристаю къ проекту вмѣстѣ съ другими, не заботясь о томъ, что̀ со мною быть можетъ. Кто любитъ отечество, тотъ долженъ желать, чтобы этотъ проектъ обратился въ законъ. Поэтому, не угодно ли вамъ, господинъ сеймовый маршалъ, сообразно вашему достоинству, дать мнѣ и цѣлому обществу возможность узнать, могу ли я считать этотъ день счастливѣйшимъ? Или мнѣ придется заплакать объ отечествѣ! Узнаемъ, кто съ нами; услышимъ настоящую волю сейма».

«Всѣ, всѣ съ маршаломъ! Да здравствуетъ король! да здравствуетъ конституція!» раздалось множество голосовъ.

Большинство Избы очевидно было за проектъ. Противники однако сомнѣвались въ этомъ, и думали, что крики исходятъ отъ арбитровъ, наполнявшихъ галлереи и всѣ входы. Маршалъ не рѣшался иначе приступить къ спросу, какъ напередъ польстивши противникамъ.

«Голосъ короля,—сказалъ онъ,—надѣюсь приведетъ къ

единогласію; я уважаю мнѣніе тѣхъ товарищей, которые думаютъ иначе и хотятъ отдать проектъ на обсужденіе, но настоящій день есть день революціи. Для спасенія отечества слѣдуетъ отложить формальности въ сторону. На мой вопросъ о согласіи я попрошу тѣхъ товарищей, которые за проектъ, оставаться въ молчаніи, а тѣхъ, которые противъ проекта, заявить объ этомъ. Такимъ образомъ легче узнается, за кѣмъ большинство».

Оборотъ, данный дѣлу маршаломъ, былъ неожиданъ для противниковъ; они боялись высказаться, чтобы не остаться въ слишкомъ маломъ числѣ, и не подвергнуться оскорбленіямъ, которыя, при сильномъ раздраженіи, могли зайти далеко. Минуты четыре всѣ молчали, наконецъ выступилъ ошмянскій посолъ Хоминскій и сказалъ:

«И собственныя мои убѣжденія и данныя мнѣ инструкціи не дозволяютъ мнѣ соглашаться на наслѣдственное правленіе. Наияснѣйшіе чины, мнѣ никогда и въ мысль не приходило, чтобы проектъ объ измѣненіи правленія былъ внесенъ въ Избу въ такую недѣлю, которая, по установленному порядку дѣлопроизводства, посвящена экономическимъ предметамъ, и притомъ безъ предварительнаго обсужденія. Одинъ разъ его прочитали и хотятъ обратить въ законъ. Но въ этомъ священномъ мѣстѣ я слышу, что настоящій день есть день революціи. А если такъ, то я скажу: народъ! бойся теперь деспотизма, пусть этотъ примѣръ служитъ тебѣ увѣреніемъ: въ противность большинству инструкцій, вмѣсто избирательнаго учреждается наслѣдственное правленіе, установляется правительство близкое къ деспотизму. Видишь ли, народъ, сеймъ сталъ господиномъ твоей воли; ты, народъ, уже утратилъ право давать власть своимъ представителямъ. Наияснѣйшій король, надѣюсь, что ваше королевское величество подадите свой голосъ, чтобы этотъ проектъ проходилъ формальнымъ образомъ, какъ законъ велитъ; я же съ своей стороны

прочту передъ вами, наияснѣйшіе чины, данную мнѣ инструкцію. Скажу еще вамъ, наияснѣйшіе чины, что никакой человѣческой памяти не хватить обнять этотъ проектъ о важнѣйшемъ предметѣ, написанный на нѣсколькихъ листахъ и прочитанный только разъ. Какъ бы то ни было, Богъ и вы всѣ свидѣтели, я не соглашаюсь на проектъ».

«Я принужденъ покориться силѣ,—сказалъ князь Сангушко, — но протестую противъ безправія. Если этотъ проектъ долженъ пройти путемъ революціи, пусть дозволятъ по крайней мѣрѣ исправить въ немъ то, что̀ окажется вреднымъ, тогда, когда члены сейма возвратятся къ естественному и законному ходу своихъ занятій».

За нимъ говорилъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга. До сихъ поръ онъ зналъ себѣ цѣну и молчалъ, чтобы потомить ждавшихъ его слова и потомъ произвести бо̀льшій эффектъ. Въ отборныхъ, но избитыхъ фразахъ онъ распространился о томъ, что избирательное и наслѣдственное правленіе имѣютъ свои выгоды и невыгоды; всего болѣе однако болталъ о самомъ себѣ; наконецъ, потребовалъ еще разъ прочитать проектъ.

«Не надобно! не позволяемъ! не позволяемъ читать!» раздались голоса.

«Можно позволить читать его въ другой разъ,—сказалъ варшавскій посолъ Шаноцкій,—но только съ тѣмъ, чтобъ не дѣлать приложеній и поправокъ, а если нельзя ихъ допускать, то не зачѣмъ и время терять на чтеніе».

Поднялась разноголосица. Противники въ маломъ числѣ кричали: «читать проектъ!» Большинство кричало: «не читать!»—Сухоржевскій закричалъ: «и читать не надо, и принимать не надо!»—Ободренные его примѣромъ, нѣкоторые повторили то же.

«И читать его, и разсуждать о немъ нѣтъ нужды!— сказалъ инфлянтскій посолъ Забѣлло,— я самъ былъ всегда

противъ излишней власти королей, и находилъ этотъ недостатокъ въ проектѣ; но въ немъ теперь сдѣланы надлежащія измѣненія, и я за проектъ! Заклинаю васъ именемъ любви къ отечеству, примите новую конституцію, прошу тебя, наияснѣйшій король, произнеси первый гражданскую присягу, а мы всѣ за тобой!»

Раздалось множество голосовъ: «Згода! згода! згода!»

Сенаторы окружили короля. Въ это время въ Избу нахлынули новые арбитры и кричали: «Виватъ конституція!» Такія же восклицанія раздались за дверьми и на улицѣ. Казалось, въ самомъ дѣлѣ цѣлый народъ требовалъ совершенія дѣла, хотя изъ кричавшихъ почти никто не зналъ въ чемъ состоитъ эта конституція.

Въ это время къ трону протѣснилась толстогубая съ выдавшимся подбородкомъ фигура Сухоржевскаго. Онъ упалъ на землю, распростеръ руки крестомъ и кричалъ: «по трупу моему пройдете къ присягѣ, убивающей старопольскую свободу». Окружавшіе послы подняли его и отвели прочь. Голоса въ пользу проекта продолжали раздаваться, голосовъ противниковъ уже никто не слыхалъ.

Тогда король сказалъ:

«Вижу явную и твердую волю всего сейма и приглашаю васъ, превелебный отецъ краковскій епископъ, прочитать форму присяги, которую я принесу за вами».

Краковскій епископъ Турскій приблизился къ трону съ евангеліемъ въ рукѣ. Все замолчало. Король, положа пальцы на евангеліе повторялъ слова прочитанной епископомъ присяги.

«Juravi Domino non me poenitebit» (поклялся Господу и не раскаюсь), произнесъ послѣ того король: «Друзья отечества, за мной въ костёлъ; принесемъ Богу общую присягу и возблагодаримъ его за то, что онъ дозволилъ намъ совершить торжественное и спасительное дѣло».

Король пошелъ къ дверямъ; за нимъ толпа съ неумол-

каемыми криками: «Виватъ король! Виватъ конституція!» Вся Изба отправилась за королемъ въ костёлъ св. Яна. На пути король прошелъ черезъ рядъ польскихъ женщинъ, которыя изъявляли радость о спасеніи отечества и величали его виновникомъ народнаго благополучія. Это увеличило восторгъ Станислава-Августа, всегдашняго любителя прекраснаго пола. Въ костёлѣ развѣвалось уже множество знаменъ и значковъ городскихъ варшавскихъ цеховъ и братствъ. Обоихъ маршаловъ съ честью внесли на рукахъ въ костелъ.

Передъ принесеніемъ присяги, Казимиръ-Несторъ Сапѣга произнесъ длинную рѣчь: сперва восхвалилъ свои добродѣтели, увѣрялъ, что никогда не руководился ни чужой волею, ни чужеземнымъ принужденіемъ, а всегда слѣдовалъ голосу собственнаго убѣжденія; припомнилъ также, какъ всегда ругалъ Москву. «Несмотря на мѣсто, которое я занимаю, говорилъ онъ, я до нынѣшняго засѣданія не имѣлъ понятія объ этомъ проектѣ; сегодня въ первый разъ услышалъ его и потому просилъ читать другой разъ. Этого не сдѣлалось. Я, сколько могъ его обнять, нашелъ въ немъ вещи, съ которыми несогласенъ. Главное—наслѣдство престола. Но такъ какъ бо́льшая часть членовъ признаетъ его закономъ, а король утвердилъ его присягою, то я не хочу отступать отъ общей воли и производить раздоры, которыми бы воспользовались иностранныя государства. Несогласія и внутреннія ссоры всегда были причиною бѣдствій Польши. Народное всевластіе, просвѣщенное опытомъ, можетъ исправить ошибки въ правительственныхъ уставахъ; но послѣдствія войнъ, опустошенія нашей земли иноземными войсками, которыя будутъ входить подъ предлогомъ мирить насъ, наконецъ, новый раздѣлъ Польши—все это бѣдствія, которыхъ ничто не вознаградитъ. Я не такъ самолюбивъ, чтобы считать свое мнѣніе о благѣ отечества лучше мнѣнія короля, почтеннаго маршала ко-

ронной конфедераціи и такого множества уважаемыхъ членовъ сейма. Подъ щитомъ ихъ доблестей и я приступаю къ присягѣ, которую король произнесъ въ присутствіи всѣхъ чиновъ Избы».

Многочисленные друзья Казимира-Нестора Сапѣги, которыхъ онъ пріобрѣлъ своимъ широкимъ хлѣбосольствомъ, окружили его, подняли на руки, восхваляли его геройство и стойкость характера, примѣрную готовность пожертвовать собственными убѣжденіями общему благу. А между тѣмъ, не задолго до этого онъ сносился съ Булгаковымъ и казался человѣкомъ, преданнымъ Россіи, врагомъ нововведеній и далъ русскому посланнику слово дѣйствовать противъ нихъ.

Послѣ апотеоза добродѣтелей Сапѣги, краковскій епископъ читалъ присягу. Всѣ члены сейма, а за ними народъ, наполнявшій костелъ св. Яна, подняли руки вверхъ и повторяли слова присяги. По окончаніи присяги, заигралъ органъ и запѣли «Te Deum laudamus», а со стѣнъ зàмка ударили изъ пушекъ. Солнце уже было на закатѣ.

Изъ костёла король просилъ всѣхъ снова въ сеймовую залу подписывать законъ. Въ то время, какъ въ костёлѣ совершался обрядъ присяги, въ сеймовой залѣ оставались противники, распаляемые Сухоржевскимъ; онъ убѣждалъ товарищей записать въ актахъ протестацію противъ принятой конституціи. Прогрессисты впослѣдствіи хотѣли увѣрить, будто противниковъ было только человѣкъ двадцать; маршалъ Малаховскій писалъ къ племяннику, что ихъ было только девятнадцать, но безпристрастные современники говорятъ не то; по извѣстію саксонскаго министра Эссена изъ 157 человѣкъ, бывшихъ тогда на лицо, 69 (50 пословъ и 19 сенаторовъ) объявили себя противъ конституціи. Также русскій посланникъ говоритъ, что по уходѣ короля въ костёлъ въ сеймовой залѣ оставалось болѣе 50-ти человѣкъ; нѣкоторые изъ противниковъ отправились въ городъ за-

писать въ судѣ протестацію, но всѣ канцеляріи были заперты; другіе тотчасъ уѣхали изъ Варшавы записывать свои протестаціи въ другихъ городахъ.

По возвращеніи короля и членовъ Избы въ залу, туда опять набилось множество арбитровъ съ криками: «Виватъ король! виватъ конституція!» Маршалы первые подписали новый уставъ и получили порученіе привести къ присягѣ коммиссіи, управлявшія государствомъ. За маршалами подписывали сенаторы и послы. Злѣйшій, но тайный противникъ конституціи, гетманъ Браницкій, не только подписалъ ее, но даже расхваливалъ. Другіе противники [1]), если не подписывали, то не смѣли болѣе кричать. Въ заключеніе объявлено, что отселѣ всякій, кто будетъ противиться конституціи, и по этому поводу покушаться возбуждать раздоръ, объявляется врагомъ отечества и подлежитъ сеймовому суду. Въ память совершенія великаго событія постановили построить храмъ подъ названіемъ храма Провидѣнія и праздновать ежегодно день 3-го мая. Тѣмъ и кончилось это шумное, памятное въ польской исторіи и пагубное по своимъ послѣдствіямъ засѣданіе; слѣдующее за тѣмъ было назначено въ четвергъ, 5-го мая.

Народъ ликовалъ цѣлый вечеръ, городъ былъ иллюминованъ. «Вотъ каковы мы, поляки! — кричали тогда самохвалы,—мы выше французовъ, даромъ, что они гордятся превосходствомъ своей образованности; у насъ, въ день революціи, не было ни патрулей, ни карауловъ, не

---

[1]) Вліятельнѣйшіе изъ оппозиціи, въ то время, кромѣ Сухоржевскаго, были послы: познанскій Мѣлжинскій, лэнчицкій Кретковскій, люблинскій Длускій, холмскій Кицкій, подольскіе: Злотницкій и Мѣрзеевскій, волынскіе: Пининскій, Загурскій, Гулевичъ и Кршуцкій; черпѣговскій Радзиминскій, сендомирскій Скорковскій, закрочимскій Зѣлинскій, сенаторъ князь Четвертинскій и др.

предпринято никакихъ усиленныхъ полицейскихъ мѣръ, а все сошло спокойно».

Войсковая и скарбовая коммиссіи въ тотъ же день были приведены къ присягѣ, но когда было приказано сдѣлать тоже конституціонной депутаціи, то президентъ ея на то время, епископъ Коссаковскій, началъ прибѣгать къ уловкамъ. Онъ, какъ эгоистъ, болѣе всего думалъ о себѣ, и какъ человѣкъ разсудительный, понялъ, что дѣло конституціи не состоится; однако видя, что все склоняется къ ней, не сталъ противиться, даже расхваливалъ новую конституцію, только заявилъ, что она рѣшена на сеймѣ неправильно, и потому депутація не можетъ ее подписывать. «Не было,—говорилъ онъ,—единогласія, но и явнаго большинства мы не знаемъ, потому что не было баллотировки». Онъ предлагалъ новый проектъ на баллотировку. Этимъ думалъ онъ возбудить раздоръ въ депутаціи и тормозить дѣло. Члены депутаціи согласились на предложеніе, надѣясь, что большинство будетъ за конституцію.

На другой день послѣ 3-го мая, въ среду, отворили канцеляріи и дозволили записывать протестаціи, но только противъ одного пункта конституціи, именно наслѣдственнаго правленія, не касаясь другихъ.

На слѣдующее засѣданіе, въ четвергъ 5-го мая, вслѣдъ за послами нахлынуло въ залу множество арбитровъ всякаго званія съ оглушающими криками: «виватъ король! виватъ конституція! король съ народомъ, и народъ съ королемъ!» Коссаковскій говорилъ рѣчь, стараясь и поддѣлаться къ большинству, и въ то же время устроить для него западню. «Я отнюдь не думалъ,—сказалъ онъ,—что-нибудь говорить противъ этого закона, или подвергать осужденію способъ его провозглашенія, но въ той же самой конституціи нахожу достойное похвалы условіе, дозволяющее дѣлать поясненія въ подробности статей, которыя бы иначе могли, по своей связи, возбуждать оши-

бочныя мнѣнія и превратныя толкованія. Я не противлюсь волѣ чиновъ, тѣмъ болѣе, что нахожу въ челѣ ихъ благонамѣреннаго короля. Суетная непріязнь приписывала мнѣ иной способъ мышленія, но я имѣлъ счастіе слышать отъ самого короля, что его величество этому не вѣритъ. Мнѣ остается, наияснѣйшіе чины, успокоить совѣсть, связанную присягою, относительно подписи конституціи».

«Ничто,—сказалъ Линовскій,—не можетъ уволить конституціонной депутаціи отъ подписи. Она обязана подписывать народную волю на сеймѣ. Я самъ видѣлъ, и весь народъ со мною также, какъ достойный сенаторъ и епископъ, панъ Коссаковскій, въ костёлѣ, вмѣстѣ съ прочими, стоялъ съ поднятою вверхъ рукою въ знакъ торжественнаго обѣта. Поэтому нѣтъ необходимости требовать отъ насъ признанія относительно подписи того, въ чемъ уже присягнули передъ Богомъ».

«Згода, згода!—кричало множество голосовъ.—Просимъ пановъ депутатовъ подписать конституцію».

«Я уже говорилъ и теперь говорю,—сказалъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга,—что мои убѣжденія при мнѣ, а я тамъ, гдѣ король и честные сограждане. Я слѣдую ихъ примѣру. Если конституція принесетъ народу счастье, виновниками его будутъ они; если же нѣтъ, я утѣшаю себя тѣмъ, что шелъ по слѣдамъ просвѣщенныхъ и честныхъ согражданъ». Затѣмъ Сапѣга не утерпѣлъ, чтобы, по своему обычаю, не распространиться о собственныхъ достоинствахъ, о своей чистой совѣсти, честномъ поведеніи и геройскомъ подвигѣ 3-го мая.

«Згода, згода! Пусть паны депутаты подписываютъ конституцію», раздалось снова.

Членамъ депутаціи не оставалось ничего болѣе, какъ подходить къ столу и подписывать. Увидя, что дѣло конституціи беретъ верхъ, противники стали переходить на ея сторону. Корсакъ, такъ выразительно говорившій противъ

нея 3-го мая, теперь сказалъ: «Чувство, побуждавшее меня и другихъ не соглашаться на конституцію, было то же, которое одушевляло и тѣхъ, что̀ за нее стояли. И у нихъ и у насъ были на то поводы въ инструкціяхъ. Оказывалось, что у нихъ народъ за наслѣдственное правленіе, у насъ за избирательное. Король склонился на сторону желающихъ наслѣдственнаго; теперь и намъ слѣдуетъ сдѣлать то же, чтобы раздвоеніе не принесло горькихъ плодовъ для отечества». Онъ просилъ позволенія поцѣловать руку короля въ знакъ благодарности.

Его допустили къ рукѣ. Онъ произнесъ присягу и подписалъ конституцію. То, что̀ приводилъ Корсакъ въ свое оправданіе, была только юридическая уловка. Инструкцій въ пользу наслѣдственнаго правленія было очень мало въ сравненіи съ инструкціями противнаго содержанія.

Подобно ему поступили Глищинскій, Шидловскій, Шаноцкій и, послѣ длинной рѣчи, Матушевичъ, членъ Депутаціи иностранныхъ дѣлъ; онъ хотя и составлялъ реляцію о депешахъ, побуждавшихъ къ скорѣйшему принятію конституціи, но не зналъ, какъ увѣрялъ, о замыслѣ ввести конституцію, былъ пораженъ ея неожиданностію и потому 3-го мая былъ въ числѣ ея противниковъ. «Теперь,—говорилъ онъ,—я познакомился съ нею и убѣдился въ ея спасительности». За нимъ присягнули послы, которые не были въ засѣданіи 3-го мая. Изъ нихъ были Вавржецкій, Косцялковскій, Забѣлло, Зѣнковичъ, Тышкевичъ, и др. Они объяснились такъ: «мы были связаны инструкціями, данными намъ на сеймикахъ; но теперь дѣло окончено: наша боязнь прошла; мы убѣдились, что новая конституція не расширяетъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, королевской власти, не хотимъ отставать отъ другихъ и готовы содѣйствовать общему дѣлу». Но волынскіе послы: Пининскій и Загурскій, сендомирскій Скорковскій и закрочимскій Зелинскій, не смѣя нападать на законъ, уже состоявшійся.

затрогивали его только по частямъ и главное упирали на то, что дѣло совершилось безъ легальной формальности. На это патріоты имъ возражали, что настоящее дѣло есть революціонное, необходимое для спасенія отечества, и потому несоблюденіе легальныхъ формальностей было неизбѣжно. При этомъ патріоты разсыпались въ чрезвычайныхъ похвалахъ своему произведенію, увѣряли, что послѣ провозглашенія этого акта Польша стала страшною для сосѣдей и внутри ея водворились порядокъ и безопасность. «Это,—говорили они,—такое великое дѣло, котораго цѣлые вѣка дожидались и не видали». Среди восторговъ выступилъ брацлавскій посолъ Северинъ Потоцкій, находившійся въ коммиссіи для повѣрки войсковой коммиссіи и объявилъ, что въ арсеналѣ совсѣмъ нѣтъ запаснаго оружія. Онъ подалъ проектъ о предписаніи войсковой коммиссіи отнестись въ скарбовую коммиссію для пріисканія средствъ къ скорѣйшему вооруженію войска. Проектъ былъ принятъ единогласно, но, въ сущности, онъ ничего не могъ пособить дѣлу; скарбовая коммиссія не въ силахъ была пріискать бо̀льшія средства, какихъ было нужно и открытый недостатокъ въ оружіи ясно указывалъ малую надежду на прочность конституціи, которая приводила патріотовъ въ такое упоеніе. Но патріотамъ не хотѣлось видѣть никакихъ черныхъ сторонъ; они тѣшились только свѣтлыми, а коварный Коссаковскій предложилъ устроить въ честь провозглашенія конституціи празднество и избрать для этого день 8-го мая, день св. Станислава, день имянинъ короля, котораго онъ называлъ виновникомъ спасенія отечества.

Въ эти дни и слѣдующіе за ними, въ Варшавѣ всѣ надѣли на себя кожаную лакированную перевязь съ овальною бляхою, на которой была надпись: «Король съ народомъ! Народъ съ королемъ!» Первый, кто подалъ этому примѣръ, по извѣстію Охоцкаго, былъ Казимиръ-Несторъ Сапѣга. Золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ дѣлъ мас-

тера только и дѣлали, что эти бляхи, а сѣдельники—перевязи. Тѣ, которые носили польскую одежду, вѣшали эти перевязи на кунтуши или на жупаны, когда кунтушъ, или ферезія или чамара надѣвалась на-опашь; тѣ, которые сохраняли французскій нарядъ, вѣшали ихъ на жилетъ: впрочемъ, тогда, въ жару патріотизма, большинство поляковъ спѣшило надѣвать національную одежду. Сперва эти перевязи съ бляхами были очень дороги, продавались по четыре червонца, а потомъ, когда уже громада публики запаслась ими, цѣна на нихъ стала спадать и дошла до двухъ талеровъ. Дамы также выдумали себѣ знакъ: то были небеснаго цвѣта ленты у шляпокъ и такія же опояски съ надписью, сдѣланной чернымъ цвѣтомъ: «Король съ народомъ, народъ съ королемъ!» Первая явилась съ этими знаками пани Тышкевичъ (племянница короля) и за нею бросились всѣ покупать подобные, и охотницъ было такъ много, что локоть такой ленты стоилъ до червонца; впослѣдствіи цѣна упала на 3 злотыхъ. Въ эти дни и слѣдующіе за ними увлеченіе новизной доходило до террора; толпа, казалось, была готова растерзать всякаго, кто осмѣлится сказать недоброе о конституціи. Даже люди, которые признали и подписали ее, подвергались угрозамъ за то, что прежде противъ нея говорили. Гетманъ Браницкій не противился, всячески хвалилъ конституцію, а задорные патріоты кричали, что его надобно убить, какъ человѣка московской партіи. Самъ Казимиръ Несторъ Сапѣга подвергался порицаніямъ, несмотря на то, что задорно кричалъ противъ Москвы, несмотря на то, что его друзья и сторонники превозносили его великіе подвиги, несмотря даже на то, что онъ первый ввелъ въ употребленіе перевязь съ бляхою. И ему не всѣ прощали то, какъ онъ осмѣлился заявить, что новая конституція не согласна съ его убѣжденіями. Никто, впрочемъ, не зналъ и не предполагалъ, какъ этотъ человѣкъ передъ тѣмъ давалъ Булгакову чест-

ное слово противодѣйствовать перевороту. Епископъ Коссаковскій, какъ говорится, лѣзъ изъ кожи за новую конституцію, спорилъ за нее, даже съ ея защитниками, если они находили какія-нибудь частности несовершенными и удобно отмѣнимыми впослѣдствіи. Коссаковскій твердилъ, что подобнаго чуда еще не было на свѣтѣ и Польшѣ предстоитъ сдѣлаться самою счастливою страною въ мірѣ. Несогласныхъ съ конституціею пословъ было на дѣлѣ несравненно болѣе, чѣмъ согласныхъ, но многіе изъ нихъ, видя, что имъ ничего не остается дѣлать на сеймѣ, уѣзжали въ свои имѣнія, но не смѣли однако объявить, зачѣмъ они это дѣлаютъ: они отговаривались кто болѣзнью, кто старостью. Сеймовой судъ грозилъ процессомъ всякому, кто станетъ противиться конституціи.

8-го мая, въ назначенный для торжества день, въ одиннадцать часовъ утра, король принималъ поздравленія отъ сената, министровъ, пословъ и частныхъ лицъ, выслушавъ привѣтственную рѣчь маршала Малаховскаго, истощившаго ему самыя изысканныя похвалы, потомъ отправился, окруженный придворными, въ костёлъ св. Креста, гдѣ послѣ обѣдни ксёндзъ Витишевскій произнесъ слово, а потомъ, не выходя изъ костёла, король раздавалъ многимъ знаки ордена св. Станислава. По возвращеніи въ замокъ онъ принималъ поздравленія отъ иностранныхъ министровъ. Вечеромъ весь городъ былъ освѣщенъ: домъ маршала Малаховскаго и городская ратуша особенно блистали потѣшными огнями.

Наканунѣ этого праздника былъ составленъ и разосланъ универсалъ, которымъ сеймъ оповѣщалъ народъ о совершившейся конституціи. «Извѣщаемъ народъ, — было въ немъ сказано, — о томъ, что̀ милосердый Богъ съ нами сотворилъ. Отечество наше спасено, свобода наша обезпечена, теперь мы стали народъ сильный и независимый; на насъ нѣтъ болѣе цѣпей рабства и неурядицы; всемо-

тущая десница Божія ихъ разорвала; громы и бури, приготовленные на погибель отечества нашего, обращены къ его спасенію. Знайте, почтенные обыватели, и пусть грядущіе вѣка знаютъ и никогда не забываютъ, какъ рука Божія повела насъ къ давножеланной цѣли неисповѣдимыми путями: внезапно спала повязка съ глазъ нашихъ; чины сейма уразумѣли, что только въ насъ самихъ, а не гдѣ-нибудь, слѣдуетъ искать средствъ спасенія отечества и всеобщей свободы; что только благородная и мужественная рѣшимость можетъ удержать насъ на краю пропасти отъ опасныхъ сѣтей, для насъ разставленныхъ». Далѣе, въ универсалѣ объяснялось, какъ бдительные министры Рѣчи-Посполитой при иностранныхъ дворахъ представили вѣрный образъ несчастій и бѣдствій, угрожавшихъ Польшѣ, и какъ ихъ извѣстія побудили членовъ сейма, вмѣстѣ съ королемъ, совершить дѣло, которое слѣдуетъ считать дѣломъ цѣлаго народа. Народъ призывали довѣриться сейму и доброму королю и не слѣдовать тому правилу, которое часто повторялось для обольщенія народа, будто монархическое правленіе ведетъ къ рабству; напротивъ, анархія приводитъ къ рабству и погибели. Собственно о наслѣдственномъ правленіи говорить избѣгали. Этотъ универсалъ, въ печатныхъ экземплярахъ, разосланъ былъ по всѣмъ канцеляріямъ, съ приказаніемъ прибить его къ дверямъ, и, чрезъ епархіальныя начальства, по всѣмъ костёламъ и церквамъ, гдѣ священники должны были читать его троекратно съ амвона.

10-го мая сендомирскій посолъ Скорковскій хотѣлъ показать свою неустрашимость и заявить на сеймѣ гласно протестъ противъ новой конституціи. Зная, что при томъ увлеченіи, какое тогда господствовало, можно было заплатить жизнью за такую смѣлость, Скорковскій предварительно исповѣдался и причастился, готовясь, какъ онъ говорилъ, принести себя въ жертву за правду. Онъ на-

писалъ грозную рѣчь и хвалился произнести ее на сеймѣ. Но король, услыхавъ объ этомъ заранѣе, призвалъ его къ себѣ и сказалъ: «ты затѣваешь говорить рѣчь,—ни я, ни кто другой не боимся твоей рѣчи: она ни въ комъ не возбудитъ желанія измѣнить общаго намѣренія, но я прошу тебя не говорить ради тебя самого. Ты человѣкъ молодой, даровитый и хочешь болтать по-пустому». Скорковскій послушался. Черезъ сутки, 12-го іюня, на сеймѣ предложено было просить канцлера Малаховскаго, оставившаго свою должность, принять ее снова. Недовольный конституціею, сторонникъ старины и благопріятель Россіи, канцлеръ не смѣлъ явно вооружаться противъ конституціи и выѣхалъ изъ Варшавы подъ предлогомъ нездоровья, а когда получилъ просьбу, воротился и занялъ свое мѣсто въ новоучрежденной Стражѣ.

IV.

Поведеніе иностранныхъ посланниковъ.—Намѣренія Екатерины II.—Отношенія къ Пруссіи.—Черты варшавскаго общества.—Протестація Щенснаго Потоцкаго.

Вѣсть о конституціи произвела сначала хорошее впечатлѣніе по воеводствамъ: спустя недѣли двѣ, сеймъ началъ получать заявленія благодарности и сочувствія. Такъ получены были адресы отъ трехъ воеводствъ: познанскаго, калишскаго и гнѣзненскаго,—отъ гражданско-военныхъ коммиссій, повѣтовъ: сендомирскаго и висницкаго, отъ земли каменецкой, отъ обывателей воеводства браславскаго. 23-го мая такія же заявленія пришли отъ главнаго коронннаго трибунала и отъ гражданско-военныхъ коммиссій воеводства ленчицкаго и земли волынской. Въ разныхъ мѣстахъ, по полученіи сеймоваго универсала о конституціи, обыватели благодарили Бога и пѣли «Te Deum»

въ костёлахъ; женщины наперерывъ передъ мужчинами заявляли свой патріотизмъ.

Поляки съ напряженіемъ ожидали, какое вліяніе произведетъ ихъ дѣло на сосѣдей. Поведеніе иностранныхъ министровъ въ Варшавѣ ободряло ихъ. Тотъ, чьего государя болѣе всего касался новый переворотъ, саксонскій министръ Эссенъ держалъ себя сдержанно и хладнокровно, относился, хотя благопріятно къ перемѣнѣ, но не показывалъ вида, что ожидаетъ отъ нея какихъ-нибудь продолжительныхъ плодовъ. Англійскій министръ Гэльсъ выѣхалъ тогда временно изъ Варшавы: поляки говорили, что онъ поѣхалъ въ Берлинъ располагать прусскій кабинетъ къ дружелюбнымъ отношеніямъ къ польскому перевороту; но въ сущности онъ ѣздилъ на короткое время по своимъ дѣламъ. Этотъ дипломатъ прежде не одобрялъ затѣи произвести перемѣну правленія, но потомъ, когда дѣло было сдѣлано, онъ началъ хвалить конституцію. Голландскій и французскій министры изъявляли вѣжливое, хотя холодное одобреніе; только шведскій, по выраженію русскаго посланника, радовался до дурачества. Русскій посланникъ Булгаковъ такъ отозвался объ этомъ происшествіи въ донесеніяхъ своему правительству: «Во всякихъ другихъ государствахъ перемѣна можетъ достигнуть своей цѣли, но только не въ Польшѣ, гдѣ нѣтъ ни твердости, ни согласія, ни силы. По провинціямъ хвалятъ конституцію, потому что пока не смѣетъ никто подать своего мнѣнія; многіе недовольны ею и не говорятъ противъ нея ни слова. Но въ этомъ дѣлѣ все зависитъ отъ посторонняго вліянія въ извѣстную пору. Самые виновники перемѣны и предпріятія уповали на помощь Пруссіи, на интриги Саксоніи и на продолженіе войны, но они сами не знаютъ, что̀ имъ далѣе дѣлать и какъ утвердить сдѣланную перемѣну. Уже теперь опасеніе заключенія мира ихъ терзаетъ. Теперь разоренное, промотав-

шееся и раздраженное пребываніемъ иноземныхъ войскъ дворянство недовольно, присягаетъ новой формѣ и идетъ въ войско, которое присягнуло безъ прекословія новой формѣ, ибо зависитъ отъ короля, но какъ дворянство увидитъ, что данныя ему обѣщанія о силѣ, о побѣдахъ, о завоеваніяхъ исчезли, а сбираемыя съ дворянскихъ имѣній подати не доставятъ содержаніе войску, то оно образумится и станетъ иначе думать. Вѣрно то, что скоро поляки не захотятъ сохранить наслѣдственнаго престола и деспотической власти короля». Но русскій посланникъ въ обращеніи съ поляками хранилъ полнѣйшее молчаніе и держалъ себя такъ, какъ будто дѣло это не касалось Россіи вовсе. Онъ слѣдовалъ благоразумному внушенію императрицы ждать и не объявлять гласно ни неудовольствія, ни сочувствія. Также поступалъ и австрійскій министръ Дэкаше; онъ даже объявлялъ, что въ конституціи ничего нѣтъ такого, что̀ бы могло безпокоить его императора.

«Мы не думаемъ враждовать съ поляками,—писала императрица Потемкину въ маѣ 1791 года по совершеніи переворота,—хотя имѣемъ на то право и поводы послѣ такого предосудительнаго съ ихъ стороны нарушенія дружества съ нами и ниспроверженія разныхъ постановленій, состоявшихся за нашимъ ручательствомъ, а равно по поводу разныхъ оскорбленій съ ихъ стороны. Мы намѣрены избѣгать всего, что̀ бы имѣло видъ начинанія, и полагаемъ, что теперь вступленіе войскъ нашихъ въ Польшу было бы преждевременнымъ, пока сами поляки не позволятъ себѣ непріятельскихъ дѣйствій или король прусскій не введетъ войскъ своихъ въ польскія провинціи. Въ 1789 году, приказано было нашимъ военноначальникамъ не вводить войскъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой, пока она не дозволитъ войскамъ чужихъ государствъ вступать въ свои границы, а потому, какъ только прусскія войска вступятъ въ ихъ края, направляясь къ нашимъ

границамъ, такъ собственная наша безопасность побудитъ насъ ввести свои войска въ Польшу». Объ этомъ императрица поручала ему написать Булгакову для сообщенія польскому правительству, а затѣмъ приказывала Потемкину, расположивъ русскія войска по границѣ, сообразжаться съ ея повелѣніями и быть на-готовѣ тотчасъ вводить войска въ Польшу, какъ только туда войдутъ иныя чужеземныя. Занятая войною съ Турціею, русская императрица не считала удобнымъ впутываться въ польскія дѣла и, напротивъ, опасалась, чтобы Пруссія, рѣшившись дѣйствовать непріязненно противъ Россіи, не сдѣлала Польши своимъ авангардомъ. «Намъ паче всего надлежитъ стараться отвлечь поляковъ отъ Пруссіи,—писала государыня тому же Потемкину,—при слабости и превратности характера польскаго короля именно теперь, когда измѣнена форма правленія (объ этомъ надлежитъ ожидать подробныхъ свѣдѣній, равно и о томъ, какъ она принята въ Берлинѣ), трудно ждать, чтобъ можно было склонить короля особыми видами; надобно скорѣе обратить наши усилія на привлеченіе народа. Надлежитъ ихъ увѣрять, что мы далеки отъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія дѣла, что мы готовы заключить съ Польшею союзъ, гарантируя цѣлость владѣній, обѣщать имъ разныя торговыя выгоды и даже присоединеніе къ Польшѣ Молдавіи съ единственнымъ условіемъ сохраненія правъ господствующей тамъ восточной церкви. Обо всемъ этомъ мы писали послу нашему Булгакову. Вы, съ своей стороны, пользуясь отношеніями вашими къ тамошнимъ особамъ, употребите всякія пружины къ достиженію нашихъ намѣреній. Время покажетъ, можно ли склонить къ намъ поляковъ такимъ способомъ. Если же всѣ старанія наши будутъ напрасны и сношенія не приведутъ къ концу, то надобно будетъ приступить къ дѣйствительнѣйшимъ мѣрамъ, именно посредствомъ реконфедераціи привести въ смущеніе враговъ

нашихъ». Императрица указывала на Браницкаго, Щенснаго Потоцкаго, Пулавскаго, Коссаковскихъ, какъ на людей способныхъ на это дѣло и достаточно извѣстныхъ русской государынѣ по своей къ ней привязанности. Ссылаясь на согласный съ ея воззрѣніями взглядъ на польскія дѣла императора своего союзника, Екатерина соображала, что если окажется неизбѣжнымъ, то можно допустить прусскаго короля дѣлать территоріальныя пріобрѣтенія на счетъ Рѣчи-Посполитой, но только съ тѣмъ, чтобъ русская императрица и нѣмецкій императоръ получили изъ нея и на свою долю добычу. Новый раздѣлъ Польши такимъ образомъ уже намѣчался. Екатерина въ этотъ разъ дружелюбнѣе относилась къ давнему желанію Потемкина возстановить козачество подъ своимъ гетманствомъ и посредствомъ этой мѣры поднять южно-русскій народъ противъ господствовавшаго надъ нимъ польскаго шляхетства, а это желаніе не разъ уже прежде заявлялось Потемкинымъ и отвергалось государынею. Теперь писала она къ нему: «Къ числу дѣйствительныхъ мѣръ надобно отнести и планъ до воеводствъ: кіевскаго, брацлавскаго и подольскаго. Религіозная ревность единовѣрныхъ съ нами обитателей оныхъ странъ, склонность ихъ къ Россіи, надежда ихъ съ ея единственною помощью освободиться отъ учиняемыхъ имъ притѣсненій подаетъ намъ надежду, что съ первымъ появленіемъ нашихъ войскъ въ этомъ краѣ народъ соединится съ нами и, возобновивъ въ памяти мужество своихъ предковъ, взаимными силами можетъ изгнать изъ своего края непріятеля. Данное вамъ отъ насъ званіе великаго гетмана нашихъ козацкихъ, екатеринославскихъ и черноморскихъ войскъ будетъ ободреніемъ и важнѣйшимъ средствомъ для всѣхъ обитателей Польши россійской вѣры и россійскаго происхожденія, чтобы становиться подъ ваше предводительство въ дѣлѣ, которое должно тамъ начаться». Эти слова показываютъ, что императри-

ца соображала, что голосъ освобожденія, возбуждающій чувство народной самобытности для русскаго народа, обитающаго въ польскихъ владѣніяхъ, долженъ былъ произнести дорогое ему имя козачества. Булгакову императрица писала, что поляки скоро обратятся къ ней сами, когда имъ надоѣстъ играть въ конституціи, а между тѣмъ приказывала исподволь набирать партіи «для отвращенія вредныхъ вліяній и для умноженія прилѣпляющихся къ видамъ нашимъ», какъ выражалась императрица. Нужно было дѣйствовать по провинціямъ, «но сіе надлежитъ производить,—писала Екатерина,—подъ рукою черезъ посредство друзей, для чего и назначено вамъ для расходовъ въ подобномъ случаѣ въ распоряженіе ваше 50,000 червонцевъ». Булгаковъ, впрочемъ, былъ остороженъ и на первый случай роздалъ только 10,660 червонцевъ: онъ давалъ деньги только тогда, когда видѣлъ прямую пользу и не слишкомъ былъ щедръ для охотниковъ получать ихъ, зная, что поляки, получая деньги отъ иностраннаго государства, способны были дѣйствовать во вредъ этому государству.

Прусская политика въ то время уже нѣсколько двоилась, дворъ отнесся къ новому перевороту двусмысленно. Находившійся въ Берлинѣ польскій министръ Яблоновскій извѣщалъ. что когда онъ подалъ прусскому королю письмо польскаго короля, сообщавшее о перемѣнѣ, то Фридрихъ Вильгельмъ сказалъ, что онъ цѣнитъ вниманіе, съ которымъ его перваго почтили сообщеніемъ объ этомъ; что ему пріятно засвидѣтельствовать польскому королю, сколько это высокое дѣло приноситъ чести его мудрости и политикѣ. Такіе комплименты, переданные въ Варшаву, произвели тамъ большую радость въ кружкахъ прогрессистовъ, гдѣ уже довѣріе къ Пруссіи передъ тѣмъ значительно колебалось. Въ Варшавѣ прогрессисты окружили Гольца и допрашивались у него формальнаго изъявленія

мнѣнія Пруссіи о переворотѣ 3-го мая. Гольцъ, человѣкъ осторожный, зналъ, что Пруссія не одобритъ этой конституціи, но до поры до времени долженъ былъ хранить истину въ-тайнѣ. Въ этихъ видахъ Гольцъ, въ своихъ бесѣдахъ съ поляками, поступалъ такъ, чтобы и поляковъ оставлять въ довольствѣ, и самому не сказать чего-нибудь такого, что́ бы впослѣдствіи оказалось мнимымъ. На свое донесеніе онъ получилъ отъ своего министерства, которымъ управлялъ Герцбергъ, инструкцію, предписывавшую ему отговаривать поляковъ всѣми возможными мѣрами, если дѣло еще не крѣпко установилось, въ противномъ случаѣ, оставаться спокойнымъ и не заявлять никакихъ возраженій и порицаній, чтобъ напрасно не раздражать расположенной къ Пруссіи партіи. Въ той же инструкціи ему сообщали для свѣдѣнія такое сужденіе: «Трудно предположить, чтобъ достаточное большинство избрало въ наслѣдственные короли прусскаго принца, да еслибъ это было возможно, императорскіе дворы будутъ сопротивляться войной и поддерживать противную партію въ странѣ; во всякомъ другомъ случаѣ, Польша, сдѣлавшись наслѣдственною монархіею, по самому своему географическому положенію, будетъ опасна и даже гибельна для прусскаго государства. Нѣтъ возможности воспрепятствовать на будущее время, чтобъ наслѣдственная корона не перешла либо въ австрійскій, либо въ русскій царствующій домъ, да если бы она досталась дому саксонскому, гессенскому или какому-нибудь другому изъ второстепенныхъ, и тогда это будетъ опасно для Пруссіи, потому что эти фамиліи могутъ держаться императорскихъ дворовъ. Пруссія тогда только можетъ быть безопасна, когда Польша останется съ избирательнымъ правленіемъ и не будетъ имѣть прочной конституціи». Но Фридрихъ-Вильгельмъ, который тогда уже расходился съ Герцбергомъ, написалъ Гольцу, отъ 9 мая, одобреніе польскому дѣлу. Еще Прус-

сія была въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Россіи и къ Австріи; еще Польша могла пригодиться въ случаѣ разрыва съ императорскими дворами, особенно съ Россіею, а въ случаѣ мира еще Пруссія не была увѣрена, что съ помощію Россіи можетъ получить съ лихвою то, чего не успѣла получить отъ поляковъ прямо. Берлинскій кабинетъ приказалъ Гольцу уклоняться отъ всякихъ письменныхъ изъявленій и объясненій по предмету наслѣдства въ Польшѣ. Поляки, вслѣдствіе словесныхъ бесѣдъ съ Гольцемъ и сообразно депешѣ, присланной Яблоновскимъ изъ Берлина, заключили, что Пруссія рѣшительно одобряетъ конституцію 3-го мая. Станиславъ-Августъ писалъ объ этомъ разнымъ лицамъ, а 17 мая, Хребтовичъ, въ засѣданіи сейма, сказалъ: «Его величество король прусскій похваляетъ смѣлый и мудрый поступокъ Рѣчи-Посполитой, считаетъ его способнымъ къ утвержденію крѣпости и благополучія государства и средствомъ достичь уваженія въ Европѣ; ему тѣмъ пріятнѣе узнать это, что онъ находится въ дружественныхъ связяхъ съ саксонскимъ княземъ - избирателемъ, котораго качества и личный характеръ онъ уважаетъ». Хребтовичъ заключилъ, что Депутація Иностранныхъ Дѣлъ уже изъявила благодарность прусскому послу и просилъ, чтобы съ своей стороны сеймъ уполномочилъ ее сообщить о томъ же князю Яблоновскому въ Берлинѣ. Послы закричали: «згода!» Депутація Иностранныхъ Дѣлъ, при введеніи новаго порядка, оканчивала свое существованіе, передавая свои занятія учреждаемой Стражѣ; начались толки объ изъявленіи благодарности Депутаціи, но тутъ поднялся съ мѣста неугомонный Скорковскій, забывшій недавніе мудрые совѣты короля. Онъ назвалъ дѣло 3-го мая злодѣяніемъ, объявлялъ, что не за что изъявлять благодарности прусскому королю; что этотъ король, подъ предлогомъ избавлять поляковъ отъ чуждой власти, помогаетъ имъ только для того, чтобы сдѣлать ихъ своими рабами; онъ

увѣрялъ, что король прусскій зналъ еще до совершенія дѣла о томъ, что́ станется, получивъ предварительныя извѣстія отъ депутаціи. Скорковскій требовалъ, чтобы Депутація Иностранныхъ Дѣлъ была предана слѣдствію и суду. Члены депутаціи, Северинъ Потоцкій и Забѣлло увѣряли, что депутація никогда не сообщала объ этомъ прусскому королю. Тогда король сказалъ: «у насъ есть письма Гольца, гдѣ онъ жалуется, что мы ничего не объявляли имъ предварительно. Это можетъ служить доказательствомъ, что иноземныя власти не имѣли вліянія на наши дѣла; что касается до Скорковскаго, то еслибъ я не былъ увѣренъ, судя по прежнему его поведенію, что намѣренія его чисты, то я бы сказалъ, что онъ говоритъ это съ цѣлью возбудить несогласія между членами сейма; но мягкость и снисходительность, съ какою мы приняли за правило дѣйствовать, не ослабляетъ моей рѣшимости стараться удерживать въ неизмѣнности то, что сталось 3-го мая и утверждено 5-го мая окончательно. Конечно, Рѣчь-Посполитая не дозволитъ никому посягать на свою волю». Говорятъ, что король смѣлому послу подарилъ 40 червонцевъ съ тою цѣлью, чтобы онъ не повторялъ на сеймѣ своихъ заявленій.

Та же партія, которая думала возбудить всеобщее довѣріе къ дѣлу надеждами на одобреніе со стороны прусскаго короля, побаивалась Россіи и думала обморочить русскаго посланника, прикидываясь недовольною Пруссіею. Патріоты, въ однихъ домахъ превозносившіе до небесъ прусскаго короля, въ другихъ, гдѣ собирались лица, которыхъ считали расположенными къ Россіи, говорили, что Пруссія ищетъ распространенія своихъ предѣловъ насчетъ Польши, что ей непріятно видѣть возрожденіе и укрѣпленіе Польши, что, напротивъ, Россія пріобрѣтетъ себѣ много выгодъ отъ новой перемѣны. Дѣлали соображенія, что именно теперь Польша можетъ заключить союзъ съ

Россiею и Австрiею противъ Пруссiи, и прусское королевство, недавно усилившееся, обратится въ прежнее Бранденбургское курфиршество, бывшее нѣкогда въ зависимости отъ Польши. Король, видѣвшись съ Булгаковымъ, разсыпался передъ нимъ въ чувствахъ преданности къ Россiи, увѣрялъ, что Польша ничего такъ не желаетъ, какъ быть въ дружественномъ союзѣ съ Россiею, превозносилъ мудрость и великодушiе государыни и силу ея войскъ. Чтобъ понравиться государынѣ, король помѣстилъ въ новоучрежденную Стражу лицъ, извѣстныхъ всегдашнимъ расположенiемъ къ Россiи: гетмана Браницкаго и канцлера Малаховскаго; къ нимъ причисляли тогда и Хребтовича, который, впрочемъ, не придерживался чужеземныхъ партiй, и въ санѣ литовскаго подканцлера завѣдывалъ иностранными дѣлами. Эти люди сидѣли рядомъ съ такими противниками Россiи, какъ Игнатiй Потоцкiй, маршалъ Малаховскiй и Коллонтай, сдѣланный теперь короннымъ подскарбiемъ. Вмѣстѣ съ Малаховскимъ допущенъ былъ въ Стражу, какъ маршалъ литовской конфедерацiи, Казимиръ-Несторъ Сапѣга, готовый пристать туда и сюда: поэтому и Бугаковъ и прусская партiя на него разсчитывали потому, что однихъ и другихъ онъ увѣрялъ въ своемъ расположенiи.

Допущенiе такихъ лицъ испугало прусскаго министра Гольца; онъ объяснялся объ этомъ съ королемъ, а тотъ отвѣчалъ ему, что назначенiемъ людей, расположенныхъ къ Россiи, онъ думаетъ не допустить ихъ дѣлать зло и заставить дѣлать добро отечеству. Король, по своему двуличному характеру, увлекшись внушенiями прогрессистовъ и, въ то же время, боясь Екатерины, думалъ совершить великiй актъ политической мудрости: надѣлавъ много противнаго Россiи, онъ думалъ угодить ей и поставить себя въ возможность оправдываться передъ нею, когда придетъ необходимость.

Задорные сторонники конституціи, увлекаясь надеждами на Пруссію, начали усматривать въ своей конституціи даже грозу и опасность для Россіи. «Россія,—говорили они,—не посмѣетъ открыть противъ васъ непріязненныхъ дѣйствій. Россія будетъ только о томъ стараться, какъ бы Польша не увеличила число ея враговъ». Надѣясь на союзъ съ Портою, патріоты предполагали, что теперь-то составится четверной союзъ противъ Россіи, гдѣ приметъ участіе обновленная конституціею Польша. «Европа,—говорили,—не можетъ и не должна допускать усиливаться Россійской имперіи; Европа нападетъ на нее и выкинетъ изъ системы европейскихъ государствъ». Игнатій Потоцкій въ кругу своихъ пріятелей говорилъ: «Вотъ теперь-то Пруссія для своего спасенія должна воспользоваться союзомъ съ Польшею; теперь-то пришла пора остановить возрастающее могущество Россіи. Если Пруссія пропуститъ этотъ удобный случай, то будетъ раскаяваться». Смѣлость противъ Россіи дошла до того, что въ засѣданіи 3-го іюня, краковскій посолъ Солтыкъ предлагалъ потребовать отъ Россіи вывода ея войскъ изъ Курляндіи, и король, не возбуждая дальнѣйшихъ споровъ, обѣщалъ стараться дать ходъ этому патріотическому заявленію. Поляки воображали, что написанная на бумагѣ конституція сдѣлала Польшу могущественною державою. «Законъ 3-го мая,—говорилъ на одномъ засѣданіи сейма мозырскій посолъ Зеленскій,—увѣковѣчилъ силу Польши, сдѣлалъ ее государствомъ почтеннымъ и могучимъ, возбуждающимъ зависть въ чужихъ. Пресѣчены пути всякому иностранному вліянію, отнята у честолюбивыхъ нашихъ сосѣдей всякая возможность къ интригамъ». Поляковъ чрезвычайно подстрекало и ободряло то, что ихъ конституція заслуживала одобренія въ Европѣ. Кто-то изъ поляковъ, жившихъ въ Парижѣ, писалъ своимъ соотечественникамъ, что во всѣхъ образованныхъ кружкахъ французской столицы поляковъ счи-

таютъ образцомъ народовъ, указываютъ въ нихъ примѣръ зрѣлости восемнадцатаго вѣка. Писали, что аббатъ Сіэсъ приходилъ въ восторгъ отъ конституціи 3-го мая, что во французскомъ національномъ собраніи готовится проектъ послать поздравленіе полякамъ. Вѣсти эти, передаваемыя изъ устъ въ уста въ Варшавѣ, чрезвычайно поддерживали національное самолюбіе и располагали сердца къ новой конституціи. Увѣренность въ твердости и будущемъ величіи Польши была такъ велика, что начались создаваться политическія партіи насчетъ будущаго наслѣдства и при этомъ разыгрывалось фамильное и личное честолюбіе. Игнатій Потоцкій говорилъ о выгодѣ отдать инфанту за прусскаго принца и соединить Польшу съ Пруссіею. Другіе полагали, что будущей наслѣдницѣ польскаго престола слѣдуетъ дать жениха изъ австрійскаго дома: за это императоръ, по своему великодушію, возвратитъ Польшѣ Галицію. Третьи думали сблизиться съ Россіею, заявляли мысль, что всего лучше отдать инфанту за одного изъ великихъ князей россійскихъ. Къ этой мысли склонялся даже маршалъ Малаховскій и находилъ, что было бы всего полезнѣе, когда бы наслѣдница польскаго престола отдала свою руку великому князю Константину. Въ письмахъ своихъ къ племяннику, находившемуся въ Дрезденѣ, этотъ государственный мужъ наивно восхищался глубокою мудростью польской политики, которая высказалась въ назначеніи наслѣдницы польскаго престола, дочери саксонскаго князя-избирателя. По его мнѣнію, это значило, что Польша успѣла разомъ всѣмъ угодить, подать многимъ равныя надежды: «и москаль, и пруссъ, и австріякъ, всѣ будутъ желать устроить бракъ своихъ принцевъ съ польскою наслѣдницею; всѣ поэтому будутъ заискивать расположенія Польши, всѣ будутъ поддерживать насъ, каждый въ видахъ самому воспользоваться на нашъ счетъ; а между тѣмъ Польша успѣетъ оправиться, окрѣп-

нуть и сдѣлаться сильнымъ государствомъ». Нѣкоторые помышляли, напротивъ, отдать дочь саксонскаго князя-избирателя за англійскаго принца. Чарторыскіе подумывали найти ей жениха изъ своей фамиліи. Толковали даже, что шестидесятилѣтній маршалъ Малаховскій, недавно овдовѣвшій, непрочь сдѣлаться ея женихомъ. Друзья говорили ему, что такъ бы и слѣдовало за его великія услуги отечеству и доблести. Малаховскій клялся, что ни за что не возьметъ на себя бремени короны, какъ бы ему усиленно ее ни предлагали.

Тогда въ Варшавѣ явился въ высшихъ кругахъ общества французъ, по прозванію Дестадъ: разсказывали, что онъ служилъ прежде при русскомъ дворѣ. Явившись въ Польшѣ, онъ подбился въ милость къ королю; Станиславъ-Августъ часто проводилъ съ нимъ время за ужиномъ въ Лазенкахъ; французъ болталъ ему всякій вздоръ, увѣрялъ, будто онъ былъ домашнимъ секретаремъ Екатерины, и всѣми средствами возбуждалъ его противъ Россіи. Но этотъ французъ недолго пользовался дружбою Станислава Августа; его постарался удалить аббатъ Пьятоли, боявшійся потерять вліяніе на короля. Тогда сборище противниковъ Россіи происходило у одной французской авантюристки mademoiselle Touteville. Ее привезъ староста урждовскій, братъ Игнатія и Станислава Потоцкихъ. Этотъ господинъ прокутился въ Парижѣ до того, что его посадили въ долговую тюрьму. Француженка, бывшая съ нимъ въ дружбѣ, выкупила его. Деньги, которыя она заплатила, были ей возвращены; фамилія Потоцкихъ назначила ей сверхъ того пенсіонъ и пригласила въ Варшаву. У ней-то открылись вечера, гдѣ постоянно присутствовали братья Потоцкіе: на этихъ-то вечерахъ составлялись самые свирѣпые планы противъ Россіи. Здѣсь отличался краснорѣчіемъ женевецъ Жигантедъ, другъ свободы и правъ человѣчества, прошедшій, какъ говорится, огонь и воду,

бывшій на содержаніи у одной богатой еврейки во Франкфуртѣ и потомъ служившій въ русской службѣ волонтеромъ; въ Польшѣ онъ подбился въ дружбу къ Потоцкимъ. Вмѣстѣ съ политическими толками, шла жестокая карточная игра и сама радушная хозяйка выиграла у Игнатія 3000 червонцевъ. Въ этомъ кружкѣ, исключительно съ французскимъ языкомъ, проповѣдывалась необходимость освободить польскихъ крестьянъ; но съ такою проповѣдью надобно было остерегаться, потому что польское дворянство ничего такъ не боялось, какъ подобной на себя невзгоды, и если конституція 3-го мая возбуждала противъ себя недовѣріе, то наиболѣе потому, что дворянство страшилось, какъ бы за дарованіемъ правъ мѣщанамъ не послѣдовало того же для крестьянъ. Самое наслѣдственное правленіе сторонниковъ прежняго избирательнаго пугало преимущественно тѣмъ, что король, усиливъ свою власть, можетъ покуситься отнять у дворянства власть надъ крестьянами.

Иностранцы вообще удивлялись, что, послѣ конституціи 3-го мая, въ Варшавѣ занимались больше забавами, чѣмъ дѣломъ; но такъ слѣдовало по духу польскихъ нравовъ: обѣдъ слѣдовалъ за обѣдомъ, балъ за баломъ—одинъ другого великолѣпнѣе. Игнатій Потоцкій, котораго домъ, какъ вдовца, до сихъ поръ не былъ однимъ изъ открытыхъ и слишкомъ гостепріимныхъ, теперь, считая себя главнымъ совершителемъ дѣла, на радостяхъ до того предался забавамъ, что аббатъ Пьятоли журилъ его за это. Даже и нерасположенные къ новому порядку не отставали въ этомъ отъ своихъ противниковъ. Примасъ, братъ короля, былъ тайнымъ врагомъ конституціи, а устроилъ великолѣпный балъ въ честь ея. 5-го іюня городъ Варшава далъ обѣдъ шляхетскому сословію; туда были приглашены сенаторы, министры и разные знатные паны. Самъ король посѣтилъ этотъ обѣдъ, хотя и не оставался на немъ, а

только проговорилъ рѣчь о единодушіи, которое возрастаетъ между гражданами. За обѣдомъ сидѣли въ перемежку дворяне съ купцами и ремесленниками: то была большая новость для Польши и столько же радовала поборниковъ новыхъ либеральныхъ идей о равенствѣ, сколько вооружала противъ конституціи ревнителей и охранителей старошляхетской вольности.

Патріоты не боялись Австріи, напротивъ, утѣшались разсказами, что Кауницъ, въ разговорѣ съ посломъ Рѣчи-Посполитой Ѵойною, хвалилъ конституцію 3-го мая. Между тѣмъ въ Вѣнѣ слагался центръ могучаго панскаго противодѣйствія. Тамъ жила тогда богатѣйшая польская женщина, княгиня Любомирская, сестра Адама Чарторыскаго. Кромѣ двухъ дочерей за братьями Потоцкими, третья дочь ея была за Ржевускимъ, польнымъ гетманомъ. Несмотря на то, что ея братъ и два зятя Потоцкихъ были главными дѣятелями проведенія новой конституціи, она сама была отъявленная противница нововведеній. Съ нею за-одно былъ третій зять ея Ржевускій; онъ удалился къ тещѣ; туда же къ нимъ отправился и Щенсный Потоцкій; тамъ начали они составлять свои планы, и угрожающія вѣсти стали доходить оттуда до короля и виновниковъ конституціи. Король Станиславъ-Августъ, зная важное значеніе Щенснаго Потоцкаго чрезъ десять дней, послѣ третьяго мая, самъ извѣстилъ его письменно о совершившемся переворотѣ и доказывалъ его полезность. Потоцкій отвѣчалъ ему письмомъ, полнымъ глубокаго огорченія, припоминалъ присягу, данную королемъ при вступленіи на престолъ, не дозволявшую ему соглашаться на введеніе монархическаго правленія; указывалъ, что конституція—дѣло нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, что, еслибы даже весь сеймъ на это согласился, и тогда бы она была дѣломъ незаконнымъ, безъ согласія всей націи. «Опасность замысловъ раздѣла,—писалъ онъ,—не можетъ служить

извиненіемъ: въ такомъ случаѣ слѣдовало присягать на защиту Рѣчи-Посполитой, а не налагать на нее домашнія оковы. Эта губительная для вольности революція не можетъ принести для Польши ни тишины, ни безопасности, а станетъ источникомъ раздоровъ, опустошеній и рабства; она предпринята въ угожденіе интересамъ одного сосѣда, того, который алчетъ овладѣть либо цѣлою страною нашею, либо частями ея: онъ и по своей природѣ, и по своему положенію такимъ долженъ быть. Наконецъ Щенсный указывалъ на то, что, избирая наслѣдственнымъ королемъ саксонскаго курфирста, у котораго одна только дочь, поляки заранѣе приготовляютъ въ Европѣ пожаръ несогласій, потому что супружество съ наслѣдницею Польши будетъ предметомъ соискательствъ и новая польская монархія сдѣлается театромъ губительной войны». Онъ умолялъ короля сознать свою ошибку и возвратить Рѣчи-Посполитой прежнюю вольность, которой лишилъ ее роковой день 3-го мая. Разомъ съ королемъ обращались къ Щенсному маршалъ Малаховскій и Игнатій Потоцкій. Первому Щенсный въ отвѣтѣ доказывалъ, что въ новой конституціи видитъ не болѣе, какъ королевскій деспотизмъ и между прочимъ коснулся вопроса о крестьянствѣ. «Польскій хлопъ,—писалъ онъ,—у васъ будетъ заключать со своимъ владѣльцемъ договоры и этихъ договоровъ нарушать нельзя: правительственная опека будетъ за этимъ наблюдать; такимъ образомъ польскій хлопъ получитъ больше вольности, чѣмъ вся польская нація, потому что вашъ потомственный государь, хотя бы все нарушилъ и сталъ тираномъ, имѣетъ право быть тѣмъ, чѣмъ хочетъ и никому не даетъ отвѣта. Пропала республика; пропала вольность: Варшава ее погубила!» Въ письмѣ къ Игнатію онъ выразился: «послѣ скорби о разрушеніи республики, мнѣ всего чувствительнѣе безчестіе фамиліи нашей, которая до сихъ поръ была вѣрна республикѣ,

а теперь, въ особѣ вашей, стала орудіемъ ея погибели».

Прогрессисты мало соображали, какіе удары готовились ихъ дѣлу тамъ, откуда приходили подобныя заявленія.

V.

Дѣятельность сейма 1791 года.—Лимита сейма.—Разгулъ въ Польшѣ.—Осторожность Булгакова.

Въ іюнѣ, въ ходѣ сеймовыхъ работъ начала проявляться бо̀льшая дѣятельность. 16-го іюня прошелъ проектъ объ устройствѣ полиціи на все государство: дѣло было очень важное для Польши, издавна страдавшей слабостію и даже отсутствіемъ этого учрежденія.

По поводу этого предмета возникъ споръ о томъ, быть ли одной коммиссіи полиціи надъ всею Рѣчью-Посполитою, или допустить своеобразное управленіе по тремъ провинціямъ. Дѣло здѣсь шло преимущественно о Литвѣ. Троцкій посолъ Сивицкій поддерживалъ ту мысль, что въ силу привилегій, которыми по акту уніи пользуется Литва, слѣдуетъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ быть особой коммиссіи. За нимъ говорили другіе послы и маршалъ литовской конфедераціи Казимиръ-Несторъ Сапѣга. Король замѣчалъ, что если на основаніи уніи можно требовать учрежденія особой коммиссіи полиціи, то на основаніи того же акта можно требовать и единой. Послѣ многихъ споровъ партія единенія одержала верхъ и ея проектъ былъ утвержденъ большинствомъ 100 противъ 11. (Такое малое число членовъ Избы посѣщало засѣданіе, когда по комплекту было ихъ болѣе 600). При разсмотрѣніи подробностей объ устройствѣ полиціи, князь Четвертинскій вооружался противъ дарованія королю права назначать коммиссаровъ въ полицію. Онъ опирался при этомъ на новую

конституцію, по которой всѣ чиновники должны быть выборными. Странно было услышать это изъ устъ человѣка, который уже заявилъ себя отъявленнымъ врагомъ конституціи. По поводу его рѣчи, краковскій посолъ Линовскій сказалъ: «благодарю почтеннаго князя каштеляна перемышльскаго за то, что такъ стоитъ за конституцію третьяго мая. Радуюсь, что конституція пріобрѣла такого доблестнаго охранителя и самъ присоединяюсь къ его мнѣнію». Король объявилъ, что самъ отказывается отъ права назначать коммиссаровъ. Въ такомъ видѣ состоялось учрежденіе коммиссіи полиціи, которая, по избраніи членовъ, начала засѣдать въ такъ-называемомъ дворцѣ Красинскихъ, принадлежащемъ Рѣчи-Посполитой.

Едва успѣла конституція сдѣлаться извѣстною во всѣхъ углахъ Польши, какъ уже на сеймѣ послѣдовали нѣкоторыя отмѣны въ ней: право короля непосредственно назначать сенаторовъ замѣнено представленіемъ выборныхъ кандидатовъ, изъ которыхъ король могъ назначить въ сенаторы. Ограничено право помилованія преступниковъ (jus agratiandi) изъятіемъ осужденныхъ сеймовымъ и военнымъ судами вообще и осужденныхъ на смерть какими бы то ни было судами за убійства, казенную покражу и наѣзды. Эти измѣненія внушали иностранцамъ невысокое уваженіе къ польскому постоянству. Они заключали изъ этого, что такимъ образомъ и вся новая конституція можетъ улетучиться. Обращались къ финансовымъ вопросамъ. Открылась непріятная истина: дохода въ казнѣ было 27.031,131 злотый, а расхода 32.109,762 злот., и въ томъ числѣ на войско 24.814,668 зл. Открытіе дефицита повлекло къ изысканію средствъ увеличить доходы. Познанскіе депутаты предложили продажу староствъ, но противъ нихъ поднялись голоса и самъ король, относительно отобранія староствъ, совѣтовалъ взглянуть на примѣръ Франціи, которая, какъ онъ говорилъ, черезчуръ увлекалась идеями

равенства. Такимъ образомъ, это важное дѣло осталось только намѣченнымъ; а такъ какъ открытіе дефицита всѣхъ озаботило, то, по давней привычкѣ, послы успокоили себя тѣмъ, что назначили особую депутацію для разсмотрѣнія финансовъ и изысканія средствъ ихъ поправить. Лэнчицкій посолъ Липскій жаловался на холодность къ религіи, наступившую въ обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ не стало іезуитовъ. «Уничтоженіе ордена,—говорилъ онъ,—есть корень зла. Я имѣю порученіе отъ своего воеводства ходатайствовать о возстановленіи іезуитовъ въ Польшѣ». На это король отвѣчалъ: «никто болѣе меня не сожалѣетъ объ іезуитахъ. Утрата ихъ ордена принесла скорбь всему католическому христіанству и наипаче Польшѣ, но просить объ этомъ святого отца теперь неудобно». Онъ указывалъ на примѣръ Испаніи, которая ходатайствовала уже объ этомъ, но святой отецъ нашелъ затруднительнымъ исполнить эту просьбу. «Пусть,—сказалъ король,—оставшаяся у насъ слава іезуитовъ будетъ побужденіемъ для другихъ орденовъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ просилъ участія въ эдукаціонной коммиссіи».

Были получены и сообщены депеши отъ министровъ при иностранныхъ дворахъ; они побуждали представителей Рѣчи-Посполитой не терять времени и упрочить конституцію и независимость Польши. «Все приводится въ движеніе,—говорили они,—чтобы сдѣлать напрасными всѣ усилія патріотовъ; не щадятъ средствъ для подкупа и съ этой цѣлію посланы значительныя суммы въ Варшаву». Сеймъ единогласно положилъ не щадить ни усилій, ни издержекъ, чтобы открыть интриги, обличить гнусныя орудія измѣны и наказать дурныхъ гражданъ. «Польша никого не трогаетъ,—говорили тогда на сеймѣ,—ея политика самая мирная. Она произвела свои реформы въ охранительныхъ видахъ. Дворы укоряли насъ тѣмъ, что у насъ нѣтъ порядка. Стало быть они должны теперь радо-

ваться, когда у насъ устроился порядокъ. Говорятъ, что Польша была гнѣздомъ смутъ и безпокойства и тѣмъ тревожила сосѣдей. Что-жъ? Теперь она уже не должна ихъ тревожить». По угрожающимъ донесеніямъ, 22 іюня на сеймѣ порѣшили, чтобъ всѣ военные, находяшіеся за-границею, воротились и присягнули новой конституціи. «Это насиліе надъ недовольными конституціею,—сказалъ Четвертинскій,—а такихъ много не только за-границею, но и внутри края». Слова его вызвали громъ, негодованія. Выдержавъ его, Четвертинскій продолжалъ: «я имѣю право свободнаго голоса и высказываю смѣло мои убѣжденія. Покоряюсь конституціи, но считаю ее навязанною насильно, не боюсь ничего. Если вамъ нужна жертва,—дѣлайте что̀ хотите!» Несмотря на эти заявленія, проектъ былъ принятъ. Четвертинскій говорилъ правду. Патріотамъ казалось, что вся нація съ ними за-одно, потому что въ Варшавѣ мало было смѣльчаковъ, подобныхъ Четвертинскому; всѣ послы, недовольные перемѣною, за исключеніемъ немногихъ, разъѣхались; большинство Избы состояло изъ сторонниковъ переворота. Адресы гражданско-военныхъ коммиссій, писанные по внушеніямъ агентовъ правительства, гласили о всеобщемъ довольствѣ конституціею; все было шито-крыто. Поэтому прогрессисты могли сколько угодно увѣрять себя въ прочности своего дѣла.

Въ концѣ іюня была назначена депутація для составленія новаго кодекса законовъ для Короны и Литвы. Для умиротворенія православныхъ положено назначить конгрегацію въ Пинскѣ. Будущіе сеймики отложены на дальній срокъ, до февраля 1792 г. Это было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобъ пріучить націю къ новой формѣ правленія и избѣжать смутъ, которыя могли произойти между шляхтою, настроенною врагами конституціи. 28-го іюня сеймъ былъ закрытъ до 15-го сентября. На этомъ послѣднемъ засѣданіи задорный сторонникъ конституціи Линовскій

поссорился съ такимъ же задорнымъ противникомъ ея— Скорковскимъ. На другой день они вышли на поединокъ, и Линовскій ранилъ Скорковскаго.

Вездѣ по провинціямъ патріотическое веселіе охватывало польское общество, обыватели съѣзжались по призыву какого-нибудь вліятельнаго мѣстнаго пана въ одно мѣсто и устроивали празднество; такъ одиннадцатаго іюня въ Хойны, имѣніе пана Прозора, съѣхались обыватели повѣтовъ: мозырскаго, рѣчицкаго и овруцкаго. Богатый владѣлецъ распоряжался празднествомъ. 12-го іюня на разсвѣтѣ выпалили изъ пушекъ. Въ 10 часовъ хозяева роздали пріѣзжимъ гостямъ знаки: мужчинамъ кокарды изъ двухцвѣтныхъ лентъ (зеленаго съ бѣлымъ), а дамамъ бѣлыя; на нихъ была надпись: «король, законъ и отечество». Въ 11 часовъ мужчины съ кокардами на груди и дамы съ лентами на головѣ, всѣ въ одинаковыхъ платьяхъ, шли въ костёлъ къ обѣднѣ. Ксендзъ Глинскій говорилъ имъ рѣчь, потомъ пѣли «Te Deum» при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Послѣ литургіи хозяинъ угощалъ гостей обѣдомъ, обставленнымъ пышными декораціями. Посреди стола на скалѣ стояло изображеніе храма славы на четырехъ гербахъ: Короны съ Литвою, короля, сеймоваго маршала и маршала литовской конфедераціи; посрединѣ храма былъ алтарь, на которомъ находилась окруженная вѣнкомъ надпись: «Станиславу-Августу, королю польскому, отцу и спасителю отечества». По обѣимъ сторонамъ этого храма славы были колонны со знаками и вензелями короля. Въ концѣ обѣда, при звукахъ музыки и пушечныхъ выстрѣлахъ, пили заздравныя чаши съ восклицаніями: «виватъ король съ народомъ и народомъ съ королемъ!» Послѣ обѣда танцовали до самаго утра слѣдующаго дня и безпрестанно раздавались крики: «король съ народомъ, и народъ съ королемъ! да здравствуютъ доблестные виновники спасенія отечества!»

Но нигдѣ не было такого шумнаго патріотическаго разгула, какъ въ Пулавахъ у князя Чарторыскаго. Самъ князь былъ тогда въ раздумьѣ, сбиваемый съ толку своею сестрою Любомирскою, непріятельницею конституціи. Зато жена его употребила все свое женское искусство, чтобы отпраздновать достойно дѣло спасенія отечества. Пулавскій палацъ уже много лѣтъ былъ очарованнымъ мѣстомъ для любителей веселья и красоты. Княгиню постоянно окружали красивыя дамы и дѣвицы, привлекавшія сердца и молодыхъ и пожилыхъ. Когда сеймъ былъ отсроченъ на время (залимитованъ), многіе послы прогрессисты отправились въ Пулавы поблистать своими гражданскими подвигами: ихъ принимали съ изысканными знаками уваженія; прекрасныя уста произносили имъ самыя лестныя похвалы. Тутъ случился смотръ войскъ дивизіи князя Виртембергскаго, зятя Чарторыской, подъ Голомбомъ. Княгиня повезла туда всѣхъ своихъ пулавскихъ гостей. Особы прекраснаго пола были изящно одѣты аркадскими пастушками, держали въ рукахъ корзинки съ цвѣтами, овощами и вѣнками и пѣли нарочно сочиненную пѣсню (Ej rycerze, serce nasze radość bierze), а княгиня брала у нихъ изъ корзинъ цвѣты и плоды, украшала и угощала польскихъ витязей. Послѣдніе въ свою очередь распѣвали пѣсню, сочиненную однимъ изъ нихъ, гдѣ изъявлялось желаніе уподобиться старопольскимъ героямъ, которые приводили въ оковахъ (московскихъ) царей (w okowach prowadzili carów) и заслужить лавровый вѣнокъ, свитый прелестными руками возлюбленныхъ. Какъ много правды было во всемъ этомъ—показало послѣдующее время, когда предводитель этого геройскаго воинства, зять княгини, покинулъ польскія знамена въ часъ битвы, а мужественные сарматы разбѣгались при появленіи тѣхъ москалей, которыхъ царей предки ихъ водили въ оковахъ. Послѣ военнаго смотра снова отправились въ Пулавы и тамъ нѣсколько дней пировали, танцо-

вали, кричали: «виватъ король съ народомъ и народъ съ королемъ».

Подобныя явленія происходили повсюду. Богатый панъ, имѣвшій вліяніе въ своемъ околоткѣ, собиралъ къ себѣ гостей и устроивалъ патріотическій праздникъ; сообразно польскимъ нравамъ, гости и резиденты, всегда привыкшіе угождать своему амфитріону, восхваляли то, что угодно было ему восхвалять, и кричали противъ того, чего не любилъ ихъ патронъ; и оттого на такихъ празднествахъ все носило видъ согласія и единодушія. Но также точно панъ противныхъ убѣжденій могъ собрать у себя толпу гостей и устроить сходбище въ другомъ духѣ, и у него накормленные и напоенные гости стали бы кричать противъ конституціи. Уже въ то время, когда у пановъ прогрессистовъ обыватели пили венгерское за отечество и танцовали за конституцію, враги ея, уѣхавшіе изъ Варшавы въ свои имѣнія, дѣлали тамъ пиры и балы, для того, чтобы пояснять своимъ гостямъ, что конституція произошла совсѣмъ не такъ, какъ утверждаютъ ея сторонники; что большинство членовъ сейма вовсе не знало о замыслѣ ввести ее; что заговорщики склонили на свою сторону короля приманкою деспотизма, окружили войскомъ Избу, напоили чернь и научили не давать возможности благоразумнымъ людямъ открыть рта, грозили ихъ убить и носить на шестахъ ихъ головы; что вся эта конституція, это прославленное дѣло обновленія Польши, есть произведеніе братьевъ Потоцкихъ, которые въ свою очередь слушали захожаго итальянскаго интригана, аббата Пьятоли. Въ то время, какъ въ Пулавахъ поляки, по волѣ княгини Чарторыской, восхваляли дѣло 3-го мая, у княгини Любомирской въ Ополѣ происходили такія же шумныя сборища, гдѣ вопіяли противъ насилія, противъ прусской интриги, доказывали, что Польша безразсудно раздражаетъ Россію, сама не будучи приготовлена къ от-

пору. Игнатій Потоцкій въ своемъ Куровѣ собиралъ обывателей люблинскаго воеводства и настроивалъ ихъ стоять за конституцію, а сосѣдъ его Длусскій дѣлалъ у себя собранія, настроивалъ собратій противъ переворота и разсказывалъ, что его самого чуть не убили на сеймѣ за то, что онъ отстаивалъ старосвѣтскую свободу Рѣчи-Посполитой.

Булгаковъ все еще хранилъ молчаніе и показывалъ видъ, будто Россія не думаетъ ни во что мѣшаться. Маршалъ Малаховскій въ это время писалъ къ своему племяннику: «Москва насъ не трогаетъ и мы ее не трогаемъ». Но русскій посланникъ искусно обставилъ шпіонами главныхъ дѣятелей, такъ что довѣренный камердинеръ Игнатія Потоцкаго состоялъ у него на жалованьѣ и доносилъ о каждомъ шагѣ своего господина. Боскампъ, служившій давно уже Россіи, написалъ на французскомъ языкѣ брошюру: «Турко-федероманія», гдѣ показывалъ, какой вредъ Польша готовитъ себѣ тѣмъ, что ищетъ союза съ Турціею и раздражаетъ Россію. Эта брошюра, безъименная, появилась тогда, когда прогрессисты распространяли слухи, будто русскія войска уже разбиты въ Турціи, за Турцію составится въ Европѣ союзъ и москаля обратятъ въ ничтожество, а поляки восторжествуютъ. Другой писатель, реентъ брестъ-литовскаго гродского суда Захаркевичъ, за русскія деньги составилъ безъименную брошюру на польскомъ языкѣ противъ новой конституціи. Друзья Россіи тайно совѣщались съ Булгаковымъ: это были Ожаровскій, Коссаковскій, Рачинскій, любители русскихъ червонцевъ, неизмѣнный благопріятель Россіи канцлеръ Малаховскій. Браницкій притворялся передъ прогрессистами вѣрнымъ и преданнымъ конституціи, хотя въ концѣ іюля королю какимъ-то путемъ стало извѣстно, что этотъ господинъ тайно злоумышляетъ противъ новаго порядка, установленнаго въ маѣ. Браницкій работалъ чрезъ своихъ

агентовъ по указанію Булгакова, а русскій посланникъ заявлялъ своей государынѣ, что жена его въ это время была полезнѣе даже и своего супруга. Мать героя 3-го мая, Казимира-Нестора Сапѣги, въ соумышленіи съ русскимъ посланникомъ, исправно волновала свой кружокъ и интриговала въ провинціяхъ противъ сейма, на которомъ такъ отличился ея возлюбленный сынъ. Булгаковъ изъ противниковъ конституціи подбиралъ себѣ партію такъ осторожно, что прогрессисты не могли услѣдить его дѣйствій; онъ не собиралъ къ себѣ большого общества, а видѣлся съ ними поодиночкѣ и чаще всего позднимъ вечеромъ и ночью черезъ задніе ходы. Въ то же время, при свиданіи съ сторонниками конституціи, онъ не давалъ имъ повода замѣтить чего бы то ни было опаснаго для нихъ, сообразно наказу своей государыни. «Надѣюсь,—писала къ нему Екатерина въ іюнѣ,—что друзья старинной вольности въ Польшѣ, буде таковые остались, намъ отдадутъ справедливость, что всѣми мѣрами, какъ трактатами, такъ и самимъ дѣломъ, мы старались предохранить палладіумъ польской вольности и что они во всякое время найдутъ въ насъ готовность и подкрѣпленіе, но только тогда, когда они покажутъ, что готовы не однѣми словами къ тому подвизаться, а до того времени мы останемся спокойными зрителями чудесъ, содѣянныхъ варшавскою толпою мѣщанъ, кои, получивъ равенство съ дворянами, отдали королю самодержавіе». Россіи, казалось, не было дѣла до того, что̀ въ послѣднее время творилось въ Польшѣ. Она признавала только ту Польшу, которую гарантировала въ прежніе годы.

И въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ Россія переставала прогрессистамъ казаться опасною. «Цезарь,—писалъ маршалъ Малаховскій,—уже склоняется на нашу сторону и Москва также скоро склонится навѣрное, хотя и медлитъ, но она всегда привыкла медлить». Распространилась вѣсть,

будто Потемкинъ начинаетъ падать при петербургскомъ дворѣ: изъ этого тотчасъ заключали, что Потемкинъ обратится къ Польшѣ. «Кто знаетъ,—писалъ тотъ же Малаховскій,—можетъ быть мы ему будемъ благодарны! Онъ-то и ослабитъ Московское государство».

VI.

Волненія въ Польшѣ [1]).

Между тѣмъ, новая конституція, какъ и слѣдовало ожидать, начинала уже производить неизбѣжныя смятенія. Въ самой Варшавѣ, по распущеніи сейма, сдѣлалась тревога. Каштелянша Коссаковская, большая интригантка, бывшая съ королемъ въ ссорѣ и помирившись въ послѣднее время, выдумала и черезъ своихъ друзей распустила слухъ, будто партія Браницкаго хочетъ схватить короля, убить или вывезть. Это было распущено для того, чтобы волновать народъ противъ тѣхъ, которые внутренно были нерасположены къ конституціи; хотя Браницкій на словахъ и распинался за нее, но ему не вѣрили. Король испугался: онъ былъ наученъ опытомъ временъ Барской конфедераціи. Удвоили караулъ въ Лазенкахъ. Страхъ продолжался цѣлый мѣсяцъ; стали ходить вредныя для конституціи слухи о неповиновеніи хлоповъ. Генералъ Бышевскій доносилъ о бунтѣ крестьянъ: въ иновраціавскомъ воеводствѣ, въ селѣ Вилково-Нѣмецкое, имѣніи Мыцельскаго, взбунтовались крестьяне, прибили эконома. Владѣлецъ далъ знать гражданско-военной коммиссіи и потребовалъ войска. Произошла схватка между жолнѣрами и крестьянами; было нѣсколько раненыхъ. Крестьяне, послѣ этого, толпою бѣжали за-границу. 25 іюня, гражданско-военная ком-

[1]) См. источн. №№ 18, 28, 30, 55, 71. Дѣла Стражи, хранящіяся въ Литовской Метрикѣ.

миссія изъ Каменца писала, что народъ бѣжитъ за австрійскую границу; замѣчательно, что уходили не только бурлаки, но и зажиточные люди съ семьями, съ лошадьми и со скотомъ. Изъ Украины писали, что въ тамошнемъ народѣ распространяется мятежный духъ. Всѣ ожидаютъ, что русское войско вступитъ въ польскіе предѣлы; и какъ только это случится, народъ тотчасъ поднимется, потому что всѣ только того и желаютъ, чтобы царица взяла ихъ къ себѣ. Въ мѣстечкѣ Дзвиногродѣ мѣщане требовали себѣ свободы на основанія мѣщанскаго устава, но владѣлица, старостина, не только не отказывалась отъ прежней власти, но еще отягощала подданныхъ новыми повинностями. Въ Каневѣ хлопъ, Макаръ Литвиненко, пилъ съ жолнѣромъ Яблоновскимъ и сказалъ, что у него есть секретъ такой, что стоитъ дороже тысячи рублей. Онъ говорилъ намеками, изъ которыхъ жолнѣръ заключилъ, что хлопы собираются бунтовать, но Макаръ не сказалъ ничего положительнаго, а только замѣтилъ: «не дайте мині пропасти; якъ скажете, то и піпъ и громада пропаде». Жолнѣръ разсказалъ объ этомъ; хлопъ ушелъ, но его поймали и онъ объявилъ, что есть еще хлопы, которые рѣзали ляховъ въ прошедшую «Коліивщину» (1768 года), а теперь живутъ спокойно и скрываютъ свои богатства въ погребахъ. Это навело паническій страхъ между военными и шляхтою. Гражданско-военныя коммиссіи и военные командиры сообщали въ Варшаву угрожающія вѣсти. Въ Литвѣ происходило страшное волненіе въ волостяхъ (загацкой, мотырынской, новлицкой и иванской) по-іезуитскихъ имѣній, доставшихся въ поссессію Кавецкому. Этого рода имѣнія отдавались въ поссессію съ извѣстными правилами относительно крестьянскихъ повинностей. Но поссессоръ Кавецкій не хотѣлъ знать этихъ правилъ, вмѣсто положенныхъ съ волоки въ недѣлю мужескихъ и женскихъ по два рабочихъ дня онъ бралъ двадцать два дня,

назначалъ сверхъ того двѣнадцать годовыхъ такъ-называемыхъ гвалтовъ, бралъ оброка, вмѣсто десяти злотыхъ — сорокъ, бралъ подрозчизну въ Ригу (т. е. посылалъ туда крестьянъ для продажи произведеній) вмѣсто одного раза —четыре, привязывался къ богатымъ мужикамъ, обиралъ у нихъ имущество, деньги, а за сопротивленіе жестоко истязалъ. Уже прежде два брата Цѣлковичи отправились въ Варшаву жаловаться, но онъ поймалъ ихъ на дорогѣ, держалъ въ тюрьмѣ и два раза въ недѣлю велѣлъ сѣчь розгами и поливать водкой. Случай однако помогъ Цѣлковичамъ уйти изъ тюрьмы и они, вмѣстѣ съ другими товарищами, добрались до Варшавы, но ничего не могли подѣлать; Кавецкій представилъ фальшивыя квитанціи, будто бы отъ крестьянъ, показывающія, что онъ бралъ съ нихъ только положенное. Это было еще въ 1790 году. Послѣ того Кавецкій дѣлалъ, что хотѣлъ. Волость потеряла терпѣніе; толпа въ 160 человѣкъ выборныхъ отправилась въ городъ Ушачъ, гдѣ была гражданско-военная коммиссія. Но въ этой коммиссіи сидѣли родной братъ Кавецкаго и мужъ сестры его. Вмѣсто того, чтобъ оказать правосудіе крестьянамъ, коммиссія обвинила ихъ въ бунтѣ, на томъ основаніи, что крестьяне должны выходить изъ села не иначе какъ съ паспортами отъ владѣльца. Для усмиренія ихъ поставили въ волости военную команду, которая дѣлала все, что угодно Кавецкому. Крестьяне бѣгали, команда ловила ихъ и по желанію поссессора подвергала истязаніямъ. Многіе изъ нихъ успѣли убѣжать въ Россію, остальные теперь подали новую просьбу на сеймъ: «Насъ обдираютъ,—писали они,—мучатъ выше всякой мѣры, мы такъ обнищали, что еслибъ теперь былъ и другой панъ, то намъ нечѣмъ было бы платить ни его двору, ни скарбу, развѣ душою и недомученнымъ тѣломъ. Помилуйте насъ, ясноосвѣщенные, ясновельможные паны добродѣи, выслушайте стоны наши, всмотритесь, какъ

насъ мучатъ; поссессоръ какъ будто хочетъ, чтобъ его преемникамъ ничего не досталось, кромѣ пустопорожней земли и голыхъ тѣлъ нашихъ». Въ мазовецкомъ воеводствѣ поднялось староство гарвалинское: жители требовали свободы на основаніи мѣщанскаго устава, потому что Гарвалинъ былъ городъ; но просьба ихъ не только не была удовлетворена старостою, а еще поссессоры, которымъ было роздано по частямъ староство, начали ихъ сильнѣе обременять. Сдѣлался бунтъ, поколотили поссессорскаго сына. Гражданско-военная коммиссія отправила для укрощенія ихъ войско; зачинщики были наказаны сорока ударами на рынкѣ и выстояли во время богослуженія съ надписью: «за непослушаніе». Оказывалось однако, что еще въ 1789 году, подданные этого староства жаловались на неправильные поборы; люстраторы тогда же препроводили ихъ просьбу въ скарбовую коммиссію, но по этой просьбѣ до 1791 года ничего не было сдѣлано. Принуждая мѣщанъ, заурядъ съ хлопами, къ повиновенію старостѣ, правительство тѣмъ самымъ уничтожало силу установленнаго мѣщанскаго устава.

Вслѣдствіе такихъ-то безпокойствъ, 11-го августа изданъ былъ королевскій универсалъ. Воздавая хвалу трудолюбію и порядку вообще, тамъ говорилось: «къ немалой скорби нашего отеческаго сердца узнали мы, что въ нѣкорыхъ краяхъ Рѣчи-Посполитой появляются враги общественнаго блага, которые отваживаются лукавымъ подущеніемъ и обманчивыми подговорами, то скрытыми, то явными путями и различными предлогами отклонять народъ отъ послушанія панамъ своимъ, отъ исполненія повинностей и платежа податей. Мы считаемъ нашею обязанностію, предостеречь настоящимъ нашимъ универсаломъ всю юрисдикцію воеводствъ, земель и повѣтовъ, въ особенности гражданско-военныя коммиссіи порядка, чтобы, внимательно наблюдая за такими случаями, сперва

употребляли кроткія и вразумительныя мѣры, а потомъ, когда такія мѣры окажутся недѣйствительными, каждая юрисдикція можетъ употреблять принудительную власть, закономъ дозволенную; въ случаѣ же продолжительнаго упорства прибѣгать и къ военной силѣ для удержанія подданныхъ въ зависимости и послушаніи у своихъ пановъ. Но такъ какъ темный народъ обыкновенно приходитъ къ такимъ поступкамъ не по собственной склонности, а по невѣжеству и подущенію другихъ, то мы поручаемъ тѣмъ же юрисдикціямъ бдительно слѣдить за такими лицами, которыя бы соблазняли народъ превратнымъ толкованіемъ законовъ, заохочивали хлоповъ къ непослушанію панамъ и давали совѣты, противные долгу зависимости; и гдѣ таковые соберутся,—ихъ слѣдуетъ хватать и предписаннымъ въ законахъ путемъ предавать надлежащему суду и справедливому наказанію».

Страхъ крестьянскихъ бунтовъ, болѣе чѣмъ что̀-нибудь другое отталкивало обывателей отъ конституціи. Только немногіе передовые люди заявляли желаніе освободить крестьянъ: къ этому ихъ располагали модныя французскія идеи равенства. Мостовскій, Забѣлло, Нѣмцевичъ, Вейссенгофъ, Зайончекъ собирались въ домѣ французскаго посланника Декорша, гдѣ только и рѣчи было о дарованіи правъ порабощенному сельскому народу. Заправляя тогдашнею «Народовою газетою», эти господа помѣстили въ ней письмо литовскаго дворянина, быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ присланное, но скорѣе всего поддѣланное въ Варшавѣ, въ качествѣ назидательнаго и руководящаго сочиненія [1]), гдѣ говорилось такъ: «Въ вашей конституціи я не вижу залога, обезпечивающаго свободу и имущество бѣднаго по-

[1]) Мы такъ полагаемъ потому, что въ тогдашнихъ дѣлахъ Стражи, почти вполнѣ сохранившихся въ Литовской Метрикѣ, объ этомъ фактѣ нѣтъ ничего. Сверхъ того и въ самой газетѣ не означено имя этого дворянина.

селянина отъ губительной жадности. Зачѣмъ законъ не назначилъ по провинціямъ и воеводствамъ удѣльныхъ коммиссій, для опредѣленія повинностей въ работахъ и платежахъ? Зачѣмъ законъ не обезпечилъ за хлопомъ владѣемой имъ собственности? Зачѣмъ въ округѣ одного и того же повѣта доброму пану хлопъ работаетъ два дня въ недѣлю за поземельный надѣлъ, а злому цѣлую недѣлю, да еще подъ палками? Можетъ-ли человѣкъ быть до того жестокосердъ, чтобъ запретить своему ближнему жаловаться и плакать, когда ему тяжело. Добрый человѣкъ суда не боится. Судъ страшенъ только для тирановъ, а развѣ тиранъ надъ крестьянами можетъ быть добрый гражданинъ? Историки приписываютъ упадокъ Спартанской республики утѣсненіямъ илотовъ; можемъ-ли мы, поляки, при 10,000,000 илотовъ, хвастаться вольностью? Пусть чужестранецъ посѣтитъ наши корчмы, исполненныя крайней неопрятности и лукавства. Онъ тамъ увидитъ, какъ жидъ, подлый субалтернъ владѣльческой жадности, разрушаетъ дорого продаваемою отравою здоровье и состояніе нищаго крестьянина и потомъ дѣлится своимъ грабежемъ съ паномъ, соперничествующимъ съ нимъ въ алчности. Я размѣрилъ и размежевалъ поля свои, отдалъ крестьянамъ ихъ угодья, заключилъ съ ними договоръ о размѣрѣ чинша (оброка) или работъ и отдалъ на утвержденіе повѣтоваго суда и рефендарія. Этимъ способомъ я надѣюсь улучшить свое состояніе, возбудить въ хлопахъ склонность къ промысламъ и умножить народонаселеніе. Если же я и понесу утраты, то и тогда назову себя счастливымъ, лишь бы черезъ мою потерю выиграло человѣчество и не малое количество живущихъ на моей землѣ людей сдѣлались по моей волѣ счастливыми и свободными».

Такія заявленія, не принося никакого облегченія крестьянамъ, только пугали дворянъ. Примѣры, въ родѣ по-

ступка неизвѣстнаго литовскаго обывателя, вовсе были не по-сердцу большинству. Универсалъ 11-го августа скорѣе долженъ былъ увеличить неустройство и произволъ, чѣмъ уменьшить ихъ. Вѣсти о неповиновеніи подданныхъ панамъ, о бѣгствѣ народа изъ Польши приходили все чаще и чаще. Князь Сангушко, скоро послѣ 3-го мая, освободилъ отъ зависимости своихъ подданныхъ, мѣщанъ города Черкасъ и мѣстечекъ Бѣлозера и Ломовате. Городъ Черкасы обязался вносить ему подать по люстраціи 1709 года. Поступокъ его былъ прославленъ, какъ подвигъ человѣколюбія и безкорыстія. Но послѣ универсала 11-го августа и послѣ рѣшенія гарвалинскаго дѣла въ пользу владѣльца, Сангушко разсудилъ нарушить свой договоръ и послалъ въ Черкасы управляющаго (губернатора) Піотровскаго, который, собравъ жителей, прочиталъ имъ универсалъ и объяснилъ, что законъ о свободѣ городовъ уже уничтоженъ. Мѣщане по прежнему будутъ работать и слушаться не магистрата, а губернатора. Тѣ же, которые начнутъ сопротивляться, будутъ повѣшены. Нѣкоторые пытались-было ѣхать въ Варшаву жаловаться, но ихъ заключили въ кандалы и тирански били нагайками. Тогда 50 семей, оставивши свои имущества, дворы, посѣянный хлѣбъ, бѣжали въ Россію. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія Стражи, но не видно, чтобъ были приняты дѣйствительныя мѣры къ облегченію крестьянъ. Вообще въ южнорусскихъ областяхъ владѣльцы и поссессоры стали такъ отягощать своихъ подданныхъ, что они сотнями убѣгали за-границу и правительство приказало разставить военныя команды, чтобъ не пропускать бѣглецовъ, а между тѣмъ король приказывалъ брацлавской гражданско-военной коммиссіи внушать обывателямъ, чтобы они человѣколюбивѣе обращались съ своими крестьянами.

Военными командами въ Украинѣ начальствовалъ генералъ Костюшко и безпрестанно писалъ въ войсковую

коммиссію, что нѣтъ возможности удержать крестьянъ отъ бѣгства. Эмиграція овладѣла всѣмъ народомъ; въ декабрѣ онъ жаловался на чернецовъ, которые пробирались изъ русской Малороссіи въ польскій край и волновали народъ. На прусской и австрійской границахъ происходила такая же эмиграція. Надобно замѣтить, что въ самой конституціи 3-го мая была статья, способствовавшая такой эмиграціи. Всякій, приходящій, или даже возвращающійся въ Польшу дѣлался свободнымъ. Отъ этого многіе убѣгали за-границу, а черезъ нѣсколько дней воротившись, требовали по закону вольности. Это была яркая черта политической мудрости поляковъ и прочности конституціи. Впрочемъ крестьяне ничего черезъ это не выигрывали: по возвращеніи въ отечество ихъ сѣкли и обращали въ прежнее рабство. Отъ этого въ послѣдующее время бѣглецы уже не возвращались домой.

На Волыни, хотя было спокойнѣе, но осенью гражданско-военная коммиссія умоляла не выводить оттуда войскъ, потому что крестьяне, хотя теперь и смирны, но тотчасъ взбунтуются, какъ только некому будетъ ихъ укрощать. Тамъ были факты, подобные черкаскимъ; такъ, напр., панъ Гардлинскій далъ своему имѣнію свободу отъ панщины на два года, но въ декабрѣ нарушилъ этотъ договоръ, несмотря на то, что онъ былъ записанъ въ луцкомъ гродскомъ судѣ. Въ сентябрѣ закрочимская гражданско-военная коммиссія доносила, что крестьяне повсемѣстно неповинуются и бѣгутъ. Она требовала военной силы для усмиренія ихъ. Въ томъ же мѣсяцѣ изъ земли луковской получено извѣстіе, что взбунтовалось мѣстечко Сырокомля противъ своей владѣлицы пани Водзицкой, за то, что она не хотѣла дать имъ пользоваться мѣщанскимъ правомъ по силѣ устава о городахъ. И туда послали для усмиренія военную команду. То же произошло въ городѣ Лѣшно, имѣвшемъ древнія привилегіи. Владѣлецъ, князь Сулковскій, заключилъ съ

нимъ договоръ, отказался отъ своихъ правъ, а мѣщане обязались вносить ему извѣстную сумму и должны были пользоваться свободою, предоставленною мѣщанскому сословію, но потомъ, послѣ универсала 11-го августа, осенью онъ отнялъ всѣ права и подчинилъ ихъ прежнему подданству. Мѣщане жаловались, а владѣлецъ объяснялъ, что поспольство, подущаемое злонамѣренными людьми, бунтуетъ, не хочетъ исполнять своихъ обязанностей и клевещетъ на него. Кончилось тѣмъ, что послали военную экзекуцію для приведенія мѣщанъ къ повиновенію. Въ декабрѣ такая же исторія произошла съ городомъ Веховою, который напрасно жаловался, что староста, освободивши его отъ подданства, началъ утѣснять снова. Такимъ образомъ правительство, надававши свободныхъ законоположеній, военною силою должно было усмирять тѣхъ, которые домогались того, что̀ было установлено закономъ.

Изъ дѣлъ того времени видно, что польскіе нравы мало способны были воспринимать возрожденіе отечества. Наѣзды другъ на друга, нападенія на суды вооруженной силой, насилія могучихъ надъ слабыми продолжались по прежнему. Замѣчательно, ка̀къ поляки, даже тѣ, которые были призваны творить законы, понимали законную свободу. Одного пана Окнинскаго посадили подъ арестъ: явно было, что онъ лишился разсудка, грозилъ убить короля и перебить всѣхъ пословъ; жена его жаловалась, что онъ дома дерется и буянитъ. Тогда познанскій посолъ Мелжинскій подалъ въ Стражу протестъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ и доказывалъ, что этимъ нарушается законъ: «neminem captivabimus». «Если, —писалъ онъ,—сажать людей подъ арестъ, безъ суда, въ предупрежденіе преступленій, то вамъ придется всѣ погреба наполнить людьми». Такимъ образомъ выходило, что шляхтичъ, если и сойдетъ съ ума, все-таки долженъ быть огражденъ закономъ neminem captivabimus. Свобода вѣроисповѣданій также плохо соблю-

далась. Въ городѣ Равѣ какой-то офицеръ вошелъ къ мѣщанкѣ, вдовѣ аптекаря, лютеранкѣ и, будучи за что-то недоволенъ ею, донесъ, что ея дѣти играли въ куклы и повѣсили на куклу медальонъ съ изображеніемъ Божьей Матери. Мѣщанку взяли въ гражданско-военную коммиссію, посадили въ тюрьму и отдали подъ судъ. Къ ея счастію, пасторъ евангелическаго вѣроисповѣданія написалъ къ королю письмо, гдѣ доказывалъ, что она, какъ диссидентка, не подлежитъ коммиссіи по духовному дѣлу. «Еще не обсохли чернила,—писалъ онъ,— которыми написана конституція, дарующая намъ права, а уже ихъ попираютъ». Король и Стража приказали освободить ее, но все-таки она просидѣла нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ, пока ея дѣло не сдѣлалось извѣстнымъ высшему правительству.

Для умиротворенія православныхъ, сеймъ назначилъ коммиссію, которая должна была съѣхаться въ Пинскѣ съ выборными православными духовными и тамъ вмѣстѣ установить правила, которыя бы на будущее время успокоили послѣдователей восточной вѣры, не хотѣвшихъ принять уніи. Но давняя закоренѣлая ненависть къ православію не допускала искренности въ этомъ дѣлѣ. Тѣ самые депутаты, которые приняли на себя должность миротворцевъ, въ своихъ донесеніяхъ отзывались съ презрѣніемъ о православной вѣрѣ, считали дарованіе правъ православнымъ только временной уступкой для того, чтобы ихъ удобнѣе привлечь къ уніи. Православную вѣру поляки считали зломъ уже потому, что ее исповѣдывала Россія. Пріѣхавши въ Слуцкъ, депутаты нашли тамъ раздоры въ самомъ православномъ духовенствѣ. Священникъ Савва Пальмовскій собралъ въ церковь духовныхъ для совѣщанія, какъ имъ вести себя и чего требовать отъ пріѣхавшей депутаціи. Тогда намѣстникъ монастыря, остававшійся тамъ главнымъ лицомъ послѣ арестованнаго архіерея Садковскаго, очернилъ ихъ передъ депутаціей, выпросилъ у депутата Бернадскаго

позволеніе арестовать ихъ. Пальмовскаго съ товарищами засадили въ монастырѣ въ тѣснотѣ и кормили хлѣбомъ съ водою. Бернадскій, въ своемъ донесеніи въ Стражу, хвалилъ намѣстника, припоминалъ, что онъ не ладилъ съ Садковскимъ, доносилъ на него и былъ противъ введенія въ церковь «россійскихъ обычаевъ». Но Стража приказала освободить заключенныхъ. Тогда въ свою очередь Пальмовскій оговаривалъ своего врага, намѣстника Бржезницкаго, доносилъ, что онъ былъ прежде уніатскимъ монахомъ въ Почаевѣ, носилъ фамилію Бржезникевича, ушелъ въ Кіевъ, тамъ принялъ православіе и воротился Бржезницкимъ. Съ такими людьми предстояло дѣлать великое дѣло. Между тѣмъ архіерей Викторъ Садковскій, тотъ, который по всѣмъ правамъ долженъ былъ при этомъ занимать первую роль, продолжалъ сидѣть въ Варшавѣ въ заключеніи, совершенно невинный.

VII.

Возобновленіе дѣятельности сейма.—Соединеніе казначействъ.—Дѣло о староствахъ.—Преобразованіе судовъ [1])

Собранный съ 15-го сентября сеймъ имѣлъ на лицо не болѣе 140 или 150 членовъ. Нѣкоторые послы, показавшись въ Варшавѣ, тотчасъ же разъѣхались по своимъ имѣніямъ: была осень — пора охоты за медвѣдями и волками. Это занятіе было пріятнѣе головоломныхъ работъ въ сеймовой Избѣ. Сами рьяные прогрессисты порывались къ этой любезной забавѣ, и маршалъ Малаховскій, открывая каждый день утомительныя засѣданія, ждалъ возможности избавиться отъ нихъ и посылалъ къ своимъ коммиссарамъ провѣдывать, гдѣ появились звѣри. Значительную часть

---

[1]) См. Источ. №№ 18, 25, 28.

времени на сеймѣ проводили во фразахъ, величали польскія добродѣтели, прославляли достоинство конституціи 3-го мая. Противники, при случаѣ, задирали прогрессистовъ. Такъ, 29-го сентября, посолъ Мечельскій напалъ на маршала Малаховскаго и обвинялъ его въ томъ, что онъ отправилъ нарочнаго посла въ Дрезденъ безъ открытаго предварительнаго совѣщанія съ сеймомъ. Король заступался за Малаховскаго и выразился, что всѣ подобныя нападки дѣлаются врагами конституціи съ тою цѣлью, чтобы ей какъ-нибудь повредить. «Но я,—говорилъ онъ,—въ согласіи со всѣми друзьями отечества буду защищать ее до послѣдней капли крови». Въ противность Мечельскому король предложилъ отъ сейма выразить Малаховскому благодарность. 3-го октября, краковскій посолъ Солтыкъ предложилъ сейму засвидѣтельствовать сочувствіе французской революціи. Это событіе съ каждымъ днемъ находило себѣ въ Польшѣ поклонниковъ и они-то стали заявлять о продажѣ староствъ, подражая въ этомъ случаѣ Франціи и видя въ этой продажѣ единственное средство покрыть дефицитъ. 11-го октября появился въ Избѣ проектъ объ отобраніи и продажѣ въ наслѣдственное владѣніе староствъ и всѣхъ вообще королевщинъ. По ходатайству короля разсужденіе объ этомъ предметѣ было отложено, а въ Избѣ началось разсужденіе о соединеніи казначействъ Короны и Литвы. Проектъ о соединеніи подали волынскіе послы; литовскіе стояли за раздѣльность. Теперь, когда въ такой модѣ были французскія идеи централизаціи, ломавшей провинціальныя автономіи, у поляковъ съ ними соединилось завѣтное и всегдашнее стремленіе ополячить Литву и Русь. Казимиръ-Несторъ Сапѣга былъ на челѣ оппозиціи. «Привилегіи народа,—говорилъ онъ,—не собственность народныхъ представителей и даже не цѣлаго живущаго поколѣнія. Мы не имѣемъ права добровольно отъ нихъ отрекаться и, получивъ отъ предковъ, должны передать въ

цѣлости потомкамъ». Но эти кудрявыя фразы были засыпаны другими, въ противномъ смыслѣ: отличался въ этомъ краснорѣчіи Станиславъ Потоцкій. Порѣшили, чтобы скарбъ былъ соединенъ и существовала одна скарбовая коммиссія. Въ честь этого событія, уничтожавшаго послѣдніе слѣды различія между Польшею и Литвою, король приказалъ выбить медаль съ надписью: «При Станиславѣ Августѣ закончена тѣснѣйшая унія, совершенная вначалѣ Сигизмундомъ Августомъ».

Въ концѣ октября сеймъ издалъ конституцію объ устройствѣ городскихъ судовъ; по поводу этого событія, жена одного посла, Звончковскаго, въ полномъ засѣданіи ударила по щекѣ секретаря Сярчинскаго и послѣ созналась, что была научена мужемъ.

Въ ноябрѣ наконецъ принялись послѣдовательно за вопросъ о староствахъ. Кромѣ потребности покрыть дефицитъ, предстояла еще и нравственная потребность. Система отдачи панамъ государственныхъ имѣній была однимъ изъ способовъ деморализаціи панства и средствомъ для иностранныхъ властей руководить дѣлами Польши. Въ каждое безкоролевіе партія, хотѣвшая выбрать того или другого въ короли, разсчитывала получить отъ него для себя выгоды, главнымъ образомъ заключавшіяся въ пріобрѣтеніи староствъ, которыя раздавались королями. Возрожденіе Польши необходимо требовало уничтожить такой порядокъ. Уже прежде были сдѣланы по этому предмету перемѣны. Въ 1775 году у короля было отнято право раздавать королевщины. Онѣ были предоставлены въ пользованіе до смерти владѣльцамъ, а о дальнѣйшей судьбѣ ихъ рѣшить оставлялось будущему времени. Въ 1788 году, староства обложены были платежомъ въ казну половины доходовъ; но ни прежде, ни послѣ старосты не платили въ казну столько, сколько съ нихъ слѣдовало. Встарину, когда они обязаны были давать четвертую часть (кварту),

то на самомъ дѣлѣ давали десятую и даже двадцатую. Тоже было и послѣ назначенія брать съ нихъ половину.

Въ засѣданіи 8-го ноября Коллонтай доказывалъ, что свободный народъ не долженъ имѣть никакихъ другихъ доходовъ, кромѣ происходящихъ изъ общественной складки, и никакихъ земель, принадлежащихъ не лицамъ, а цѣлому государству. По его мнѣнію, слѣдовало всѣ королевщины продать съ публичнаго торга въ частную потомственную собственность, но такъ, чтобы люди небогатые могли быть участниками покупки, поэтому раздѣлить староства на мелкіе участки. По проекту Основскаго, слѣдовало удовлетворить прежнихъ пожизненныхъ владѣльцевъ половиною доходовъ и выплатить имъ то, что они истратили на улучшеніе имѣній. Враждебные проекту члены думали запутать дѣло и склонить на свою сторону короля; съ этой цѣлью Четвертинскій потребовалъ, чтобы были пущены въ продажу и королевскія экономіи; но тутъ король блеснулъ своимъ безкорыстіемъ, объявилъ, что онъ отъ нихъ отказывается, но замѣтилъ, что слѣдуетъ ихъ сохранить для будущаго короля. Скаршевскій, епископъ холмскій, совѣтовалъ оставить староства въ пожизненномъ пользованіи у настоящихъ владѣльцевъ, а по смерти ихъ продать на пятьдесятъ лѣтъ въ пользованіе. «Староства — достояніе цѣлой націи, надобно спросить объ этомъ цѣлый народъ», сказалъ люблинскій посолъ Гриневецкій. «Продажа староствъ,—сказалъ волынскій посолъ Свѣнтославскій,—потребуетъ много времени для описи и для измѣренія. Нужно по крайней мѣрѣ лѣтъ пять, нужны сверхъ того большія издержки, а это увеличитъ дефицитъ казны. Будемъ искать другихъ средствъ поправить финансы». Вопросъ о староствахъ былъ остановленъ. Десять дней послѣ того толковали о другихъ средствахъ поправить финансы и ни до чего не додумались.

18-го октября принялись снова за староства. Епископъ

Коссаковскій гремѣлъ противъ проекта и называлъ продажу дѣломъ вреднымъ и противнымъ человѣколюбію. Краковскій посолъ Дембинскій защищалъ продажу и сказалъ: «Нѣкогда Демосѳенъ говорилъ аѳинянамъ: я думалъ что казна истощена въ Аѳинахъ; нѣтъ, истощился жаръ, деньги пошли на зрѣлища и забавы, а не на спасеніе отечества;— и съ нами тоже будетъ: теперь грозятъ намъ Филиппы, а скоро явятся Александры. Отъ вѣка вѣковъ судьба униженныхъ государствъ одинакова, но мы не пользуемся чужими примѣрами». Послѣ многихъ толковъ, Игнатій Потоцкій просилъ короля заявить свое мнѣніе, но Станиславъ-Августъ, распространившись о своемъ доброжелательствѣ отечеству, уклонялся отъ рѣшительнаго голоса и только назначилъ отъ себя уполномоченныхъ въ конституціонную депутацію для занятій этимъ предметомъ.

24-го ноября, кіевскій воевода Протъ Потоцкій доказывалъ, что большая часть инструкцій, данныхъ на сеймикахъ, выражаетъ народное желаніе продажи старостствъ, а для удобнѣйшаго хода операціи предлагалъ открыть банкъ, вызываясь на это со своими услугами. У него уже былъ основанъ свой банкъ. Потомъ предлагались разные способы не допустить до злоупотребленій чиновниковъ, которымъ поручится размежеваніе и опись королевщинъ. Желая какъ-нибудь оттянуть вопросъ, противники стали-было толковать о разграниченіи имѣній вообще, но пинскій посолъ Бутримовичъ сказалъ: «Всѣмъ намъ слишкомъ хорошо извѣстно неудовлетворительное состояніе казны и мы не можемъ обращаться къ другимъ предметамъ, прерывая вопросъ о королевщинахъ».

5-го декабря маршалъ объявилъ, что проектъ готовъ и секретарь его прочелъ; тогда примасъ, королевскій братъ, сказалъ: «если мы допустимъ теперь продажу королевщинъ, находящихся въ частномъ владѣніи, кто поручится, что впослѣдствіи намъ не скажутъ: нужда заставляетъ

продавать и ваши наслѣдственныя имѣнія? Этотъ проектъ я считаю просто махинаціею для возбужденія безпорядка».— «Законъ долженъ обезпечивать собственность владѣнія,— сказалъ троцкій посолъ Сивицкій,—пусть мнѣ представятъ побужденія, которыя приводятъ къ отнятію владѣній у привилегированныхъ особъ; я, можетъ быть, похвалю побужденія, а слѣдствіе все-таки назову насиліемъ. Представьте себѣ судьбу несчастныхъ обывателей, у которыхъ единое прибѣжище въ королевщинахъ, куда они дѣнутся съ рухлядью, скотомъ, имуществомъ? Нельзя рѣшить продажи имуществъ Рѣчи-Посполитой безъ воли народа; говорятъ, большинство инструкцій за продажу: желаю знать, какъ велико это большинство. Но если и такъ, все-таки нельзя продавать королевщинъ иначе, какъ по прекращеніи пожизненныхъ правъ настоящихъ владѣльцевъ». Такія рѣчи заставили отложить вопросъ на нѣсколько дней. Его возобновили 9-го декабря.

Въ этотъ день епископъ Скаршевскій, бывшій въ числѣ уполномоченныхъ отъ короля въ конституціонную депутацію, объявилъ, что король чрезъ него ходатайствуетъ о томъ, чтобъ настоящимъ владѣтелямъ старостъ было сохранено ихъ пожизненное пользованіе и, сверхъ того, чтобы для обезпеченія крестьянъ предоставлено было королю право покровительства надъ ними. Это значило, что король высказывался противъ продажи. Начались рѣчи. Вдругъ подольскій посолъ Мержеевскій началъ кричать вообще противъ событія 3-го мая. Это сдѣлало всеобщую суматоху въ Избѣ. Дѣло о староствахъ пріостановилось, чего Мержеевскому и другимъ было нужно. Стали подавать разные проекты, совсѣмъ не относящіеся къ дѣлу, и засѣданіе прошло по-пустому.

12-го декабря вопросъ выступилъ снова на сцену. Тогда защитники status quo прибѣгали къ разнымъ уловкамъ, чтобъ сбить Избу съ прямой дороги къ цѣли. «Я согла-

таюсь на продажу,—сказалъ князь Яблоновскій,—но прежде нужно сдѣлать предварительныя работы размежеванія, чтобъ Рѣчь-Посполитая не потеряла ни одного морга земли, чтобъ королевщины были разбиты на участки, пригодные къ хозяйству; а безъ этихъ условій несогласенъ и пристаю къ примасу». Другіе пустились въ толки о недостаткѣ денегъ для покупки, о мѣрахъ для облегченія взноса и пр. Всѣ такія замѣчанія слѣдовало конституціонной депутаціи принять къ разсмотрѣнію. Дѣло опять затянулось.

15-го декабря въ засѣданіи король говорилъ длинную рѣчь съ увѣреніями въ своемъ безкорыстіи и безпристрастіи. Онъ увѣрялъ, что желаетъ, наравнѣ съ другими, чтобы самое названіе староствъ исчезло, но хочетъ, чтобъ это совершилось безъ возбужденія вражды между согражданами; онъ припомнилъ кровавую одежду Іосифа прекраснаго, себя самого сравнилъ съ Іаковомъ и пришелъ къ тому, что лучше всего приступить къ продажѣ староствъ по кончинѣ ихъ теперешнихъ владѣльцевъ, а если уже непремѣнно хотятъ продавать староства при ихъ жизни, то пусть, по крайней мѣрѣ, эти имѣнія будутъ оцѣнены сколько возможно дороже. «Распространяютъ обо мнѣ ложные слухи,—сказалъ король,—будто я хочу освободить хлоповъ въ староствахъ. Я считаю освобожденіе хлоповъ вообще дѣломъ вреднымъ и доказалъ это универсаломъ, повтореннымъ два раза въ настоящемъ году. Я держусь правила: suum cuique; пусть хлопъ работаетъ и платитъ, что̀ слѣдуетъ, а панъ пусть не требуетъ отъ него больше того, сколько нужно».

За королевскою рѣчью разомъ подано было нѣсколько проектовъ; всѣ они клонились, хотя подъ разными предлогами, къ тому, чтобы не допустить немедленной продажи королевщины. «Я вижу,—сказалъ Игнатій Потоцкій,—что на сеймѣ господствуютъ два мнѣнія: одно—продать

королевщины немедленно, другое—продать ихъ послѣ смерти настоящихъ владѣльцевъ; пусть изготовятъ два проекта въ томъ и другомъ смыслѣ». На это послѣдовало отъ нѣкоторыхъ пословъ возраженіе; другіе ухватились за проектъ Потоцкаго и пытались его провести. Засѣданіе въ этотъ день ничѣмъ не кончилось. Самъ Игнатій Потоцкій какъ человѣкъ всегда либеральной партіи, не могъ гласно выказывать себя противъ продажи староствъ, но внутренно склонялся къ тому, чтобъ совершенное отобраніе староствъ отъ ихъ настоящихъ владѣльцевъ наступило уже по смерти послѣднихъ. Самъ онъ владѣлъ королевщинами и опасался уменьшенія своихъ средствъ къ жизни. «Мнѣ остается,—говорилъ онъ,—одна надежда устроить свою единственную дочь, а самому убраться на житье въ Италію». Люккезини, съ которымъ тогда Игнатій Потоцкій дружилъ, заявлялъ передъ поляками такое сужденіе по этому вопросу: «Старосты будутъ въ большой потерѣ, иные разорятся до остатка, государство отъ этого выиграетъ не много, а Россія будетъ очень довольна, потому что эта мѣра увеличитъ число недоброжелателей настоящей конституціи».

19-го декабря засѣданіе длилось до половины четвертаго утра другого дня. Послѣ многихъ споровъ согласились на предложеніе маршала Малаховскаго, согласно предложенію Игнатія Потоцкаго, подать къ баллотировкѣ два проекта: одинъ, составленный краковскимъ посломъ Солтыкомъ, другой—составленный Яссинскимъ и Сокольницкимъ; 105 голосовъ было за первый, 93 противныхъ. Путешественникъ, знающій закулисныя тайны тогдашней варшавской жизни [1]), объясняетъ, какимъ образомъ было пріобрѣтено это большинство. Одинъ магнатъ, который не

[1]) Voyage d'un Livonien, 281 стр.

высказалъ никакого мнѣнія объ этомъ вопросѣ, пригласилъ на Волю многочисленныхъ гостей завтракать (на устрицы). Въ числѣ приглашенныхъ было человѣкъ 20 пословъ, самыхъ задорныхъ противниковъ продажи староствъ. Показали видъ, что въ этотъ день въ Избѣ не будутъ касаться вопроса о староствахъ. Пиръ продолжался до 4-хъ часовъ утра. Тѣмъ временемъ маршалъ Малаховскій въ засѣданіи объявилъ, что проектъ о другомъ предметѣ, о которомъ слѣдовало разсуждать, въ этотъ день не готовъ и предложилъ разсуждать о староствахъ. И такъ за отсутствіемъ коноводовъ противной партіи, составилось большинство въ пользу продажи.

Такимъ образомъ рѣшено продать староства и всѣ королевщины съ публичнаго торга, въ потомственное владѣніе, съ обезпеченіемъ пожизненникамъ половины доходовъ, а владѣвшимъ подъ другими условіями меньшаго количества (экспектантамъ полторы четверти, а эмфитеутамъ осьмой части доходовъ). Для приведенія королевщинъ въ порядокъ къ продажѣ, назначались люстраторы, изъ которыхъ часть будетъ выбрана сеймомъ, а другая назначена скарбовою коммиссіею. Тѣ королевщины, которыя опишутся люстраторами, будутъ немедленно подвергнуты продажѣ, за ними другія и т. д., въ теченіи пятидесяти лѣтъ, наблюдая однако, чтобы слишкомъ большое число предназначенныхъ разомъ къ публичной продажѣ имѣній не уменьшило цѣнности земли, сохранялись права тѣхъ, которые давали деньги подъ залогъ королевщинъ. Чтобы не отягощать залогами наслѣдственныхъ имѣній для пріобрѣтенія капиталовъ, дозволялось покупщикамъ королевщинъ съ публичнаго торга вносить пятую часть стоимости, и это будетъ ручательствомъ постояннаго платежа ими вѣчнаго процента въ казну. Половина суммы, составленной изъ пятой части стоимости проданныхъ королевщинъ, выдается прежнимъ пожизненнымъ поссессорамъ

по ихъ желанію подъ вѣрный залогъ, но по смерти ихъ она должна быть возвращена въ казну. Послѣдніе, сверхъ того, получаютъ изъ вѣчнаго процента, платимаго покупщиками королевщинъ, опредѣленную часть; полученіе это происходитъ въ той гражданско-военной коммиссіи, въ вѣдомствѣ которой по мѣстоположенію находится королевщина. Въ случаѣ, если прежній владѣлецъ не можетъ представить достаточнаго залога для полученія взаймы пятой части стоимости купленной королевщины, или не захочетъ принимать ее, то ему предоставляется вмѣсто того пожизненно получать изъ казны пять процентовъ ежегодно. Внесенную пятую часть стоимости купленной королевщины покупщикъ терялъ безвозвратно, если бы не заплатилъ въ казну слѣдуемаго съ него вѣчнаго процента, хотя бы въ одинъ только изъ четырехъ сроковъ въ годъ; причемъ онъ непремѣнно обязанъ былъ вносить этотъ вѣчный процентъ не иначе, какъ наличною монетою, по ходячему въ краѣ курсу.

Такъ совершилось это дѣло, которое повело бы къ важнымъ перемѣнамъ въ общественной жизни Польши, если бы удержалось.

Въ январѣ 1792 года рѣшенъ былъ законъ объ устройствѣ земянскихъ судовъ, заступавшихъ мѣсто бывшихъ земскихъ и гродскихъ. Постановленъ законъ объ избираемости всѣхъ судей. До сихъ поръ, только члены трибунала выбирались на время; въ земскихъ и гродскихъ судахъ званіе судей было пожизненное и почти вездѣ достигалось по кознямъ и по протекціи сильныхъ пановъ; теперь, судьи въ земянскихъ судахъ выбирались на четыре года. Послѣ организаціи земскихъ судовъ Изба занялась устроеніемъ трибуналовъ. По этому поводу возникъ споръ о томъ, быть ли одному трибуналу или двумъ. Тогда случилось оригинальное явленіе: когда подавались голоса громко, то утвердительныхъ было 62, отрицательныхъ 28,

а въ секретной подачѣ оказалось утвердительныхъ 43, отрицательныхъ 45. Малое число членовъ на сеймѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, какое должно было находиться, побудило непріятеля реформъ, князя Четвертинскаго, замѣтить: «Уставъ судебный касается цѣлаго народа: онъ требуетъ особаго вниманія, а я, вмѣсто пядидесяти пословъ изъ русскихъ воеводствъ, не вижу здѣсь и десятка; кто же осмѣлится для этихъ воеводствъ установлять законы»? Проектъ о трибуналахъ прошелъ однако 19-го января единогласно. Оставлено по прежнему два трибунала: коронный и литовскій; первый отправлялъ свои занятія попеременно для Великой Польши въ Піотрковѣ, а для Малой въ Люблинѣ. Трибуналы состояли изъ депутатовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, избираемыхъ ежегодно на сеймикахъ, духовные были отъ капитуловъ, свѣтскіе отъ воеводствъ по два члена. Трибуналъ по гражданскимъ дѣламъ раздѣлялся на двѣ Избы: правную (гдѣ разбиралось приложеніе законовъ) и учинковую (гдѣ разбирались поступки, подлежащіе гражданскому суду). Для дѣлъ уголовныхъ обѣ Избы сходились въ одну. Предсѣдательствовалъ въ трибуналѣ президентъ, избранный изъ среды депутатовъ. Дѣла рѣшались единогласіемъ или большинствомъ трехъ четвертей. Въ случаѣ равенства, рѣшалъ жребій—его вынималъ пяти-лѣтній ребенокъ. Установлены были строгія правила въ предупрежденіе лѣности депутатовъ. За каждый часъ, пропущенный депутатомъ на службѣ, безъ законныхъ причинъ, дѣлался вычетъ изъ жалованья. (Свѣтскіе получали 10,000 злотыхъ въ годъ, духовные служили безплатно).

VIII.

Дѣло о Щенсномъ Потоцкомъ и Ржевускомъ.—Ихъ осужденіе.—Отъѣздъ Браницкаго.

Послѣдніе дни января были посвящены обсужденію поступковъ Щенскаго Потоцкаго и Северина Ржевускаго, которые за границей заявляли свои протестаціи противъ конституціи.

Долго патріоты почти не придавали этому значенія. Малаховскій писалъ своему племяннику: «Мы не надѣемся, чтобъ эти злобные люди могли успѣть въ чемъ либо, мы наблюдаемъ за ними зоркимъ окомъ; у насъ есть сила придушить мятежниковъ; есть войско, расположенное на зимнихъ квартирахъ, но не думаю, чтобы дошло до нужды въ немъ. Москва съ нами ничего не говоритъ, а другимъ, которые у ней выпытываютъ, какъ она думаетъ о польскихъ дѣлахъ, она отвѣчаетъ очень деликатно и почтительно. Изъ этого видно, что она не хочетъ вмѣшиваться въ наши дѣла».

Такъ себя утѣшали и ободряли поляки. Дѣйствительно, Ржевускаго, Сухоржевскаго и даже Щенснаго Потоцкаго поляки могли не бояться. Но эти лица и всѣ имъ подобныя были давно уже орудіями политики, заранѣе рѣшившей судьбу Польши. Въ іюлѣ 1791 года Екатерина писала Потемкину: «что перемѣна правленія, въ Польшѣ случившаяся, если она въ силѣ и дѣйствіяхъ своихъ утвердится, не можетъ быть полезна для сосѣдей, въ томъ ни мало нѣтъ сомнѣнія и потому долгъ попеченія нашего о благѣ и тишинѣ имперіи нашей взыскиваетъ отъ насъ благовременныхъ мѣръ къ отвращенію вреда, каковаго опасаться можно отъ государства, многими и обильными средствами снабденнаго». Екатерина указывала на причины, которыя заставляли ее враждебно относиться къ польскимъ

преобразованіямъ. «Рѣшаясь на крайнія мѣры, имѣемъ мы незазорную совѣсть предъ свѣтомъ, когда поляки наглымъ и оскорбительнымъ образомъ отвергли наше ручательство торжественными договорами утвержденное на прежнюю форму правленія и кардинальные законы ихъ, когда причинили намъ многочисленныя озлобленія и затрудненія въ войнѣ нашей съ турками, когда простерли неистовство ихъ до того, что во вредъ намъ искали и ищутъ составить союзъ со врагомъ нашимъ и всего имени христіанскаго и когда самъ ихъ король, рукою нашею возведенный, учинился однимъ изъ главныхъ орудій къ произведенію въ дѣйство сей толико вредной перемѣны». О сношеніяхъ поляковъ съ Пруссіею, имѣвшихъ враждебныя цѣли по отношенію къ Россіи, императрица не распространяется, замѣчая, что «благоразуміе конечно востребуетъ уважать дворъ берлинскій и колико можно отвращать принятіе имъ участія противнымъ намъ образомъ».

Уже въ то время, когда писала Екатерина, Щенсный Потоцкій подалъ Потемкину записку о планѣ составить конфедерацію противъ конституціи 3-го мая и просилъ покровительства и помощи русской императрицы. Насчетъ этого Екатерина выразилась: «установленіе конференціи вольныхъ, которая уже представляя націю, могла бы объявить незаконнымъ все, что въ Варшавѣ было или будетъ сдѣлано, есть совершенно необходимо». Но Екатерина совѣтовала дѣлать это прежде, чѣмъ войска русскія могутъ войти въ Польшу. «Это,—выражалась она,—было бы приличнѣе, и для насъ сходственнѣе, когда уже мы отъ знатнаго числа подвигшихся на защиту вольности ихъ, ручательствомъ нашимъ обнадеженной и составившаго, какъ выше сказано, корпусъ націи приглашены будемъ подать имъ сильную нашу руку помощи.... Надобно, чтобъ сами они начали составленіемъ партіи вѣрной и значущей и прибѣгнувъ къ намъ, яко ручательницѣ прежней ихъ воль-

ной конституціи, формально требовали нашего заступленія и помощи». Но Екатерина не показывала желаній стѣснять поляковъ и заранѣе дозволила имъ учреждать у себя пригодное для нихъ правленіе, лишь бы только составители были друзья Россіи. Въ томъ же письмѣ къ Потемкину она говоритъ: «Что касается до образа правленія ихъ республики, мы сіе оставляемъ на волѣ ихъ: федеративное ли правительство учредить или же подъ обладаніемъ короля съ ограниченіемъ его власти и съ постановленіемъ силы гетмановъ, яко преграды могуществу королевскому, ибо сіе относиться будетъ до ихъ общаго соглашенія и соображенія съ разными обстоятельствами». Ясно, что Екатерина и теперь, какъ и прежде, хотѣла только удержать свое покровительство надъ Польшею, но все еще не желала собственно уничтоженія Польскаго государства, а тѣмъ менѣе его раздѣла, хотя уже предвидѣла то, что́ неминуемо должно было случиться. «Трудно,—писала она,—угадывать конецъ сихъ намѣреній, но если оныя съ помощью Всевышняго удачею на сторону нашу сопровождаемы будутъ, двоякія пользы для насъ произойти могутъ: или мы предъуспѣемъ опровергнуть настоящую форму правленія, возставя прежнюю польскую вольность и тѣмъ доставимъ имперіи нашей на времена грядущія совершенную безопасность, или же, въ случаѣ оказательства неопреодолимой въ королѣ прусскомъ жадности, должны будемъ, въ отвращеніе дальнѣйшихъ хлопотъ и безпокойствъ, согласиться на новый раздѣлъ польскихъ земель въ пользу трехъ сосѣднихъ державъ: тутъ уже та будетъ выгода, что, расширяя границы государства нашего, по мѣрѣ онаго распространимъ и безопасность его, пріобрѣтая новыхъ подданныхъ единаго закона и рода съ нашими, которые давно на силу и помощь нашу полагали свое упованіе въ угнетеніи ихъ; Польшу же въ такихъ постановимъ предѣлахъ, что какое бы ни было ея

дѣятельное правленіе, не будетъ она уже составомъ своимъ опасна для сосѣдей и станетъ служить только между нами барьеромъ [1])».

Самъ Потемкинъ лично, хотя и не расположенъ былъ къ перемѣнѣ 3-го мая, но имѣлъ нѣкоторые свои затаенные планы. Потемкинъ былъ еще болѣе врагъ раздѣла Польши, чѣмъ новой конституціи. Потемкину Польша была нужна: не даромъ онъ себѣ подбиралъ тамъ пріязненную партію, не даромъ накупилъ себѣ тамъ имѣній. Онъ зналъ, что если Екатеринѣ суждено умереть прежде него, то ему нельзя будетъ оставаться въ Россіи при Павлѣ, и тутъ-то пригодилась бы ему Польша. Пока еще этого не случилось, онъ подавалъ дружескую руку врагамъ конституціи, и въ глаза друзьямъ ея смѣялся надъ усиліями прогрессистовъ, зная напередъ, что, такъ или иначе, изъ ихъ предпріятій ничего не выйдетъ. Огинскій въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что лѣтомъ 1791 года онъ встрѣтился съ Потемкинымъ въ Могилевѣ и представился ему. Вообще удаляясь отъ разговоровъ о совершившихся въ Польшѣ событіяхъ, Потемкинъ не утерпѣлъ, чтобы не подсмѣяться надъ польскими надеждами. Вспомнивъ о польскомъ художникѣ Смуглевичѣ, получившемъ въ Римѣ премію за свои произведенія, онъ сказалъ: «вотъ прекрасный сюжетъ для Смуглевича: написать картину, изображающую учрежденіе конституціи 3-го мая; только пусть по всей картинѣ разрисуетъ цвѣты, которые по-нѣмецки называются Vergiess mein nicht.... Вы меня понимаете?» прибавилъ онъ съ улыбкою.

Въ октябрѣ Потемкинъ скончался. Польскіе патріоты въ ту пору считали его главнымъ врагомъ своимъ, потому что онъ давалъ пріютъ и надежды врагамъ конституціи; они радовались, что теперь имъ будетъ свободнѣе; самъ

---

[1]) Русскій Архивъ 1865 года, № 1, стр. 78—86.

король надѣялся, что планы Щенснаго Потоцкаго и Ржевускаго будутъ лишены сильной подпоры; но смерть Потемкина не остановила помощи полякамъ противникамъ конституціи, которую покойный обѣщалъ; она выдвинула въ Россіи людей, гораздо болѣе самого Потемкина непріязненныхъ конституціи 3-го мая и готовыхъ стереть съ лица земли Рѣчь-Посполитую. Впрочемъ, все зависѣло отъ Екатерины и какіе бы то ни были у ней любимцы и государственные люди—всѣ они вели бы, хотя и съ различными пріемами, польское дѣло къ одной цѣли, предназначенной Екатериною. Самъ король Станиславъ-Августъ, со дня обнародованія конституціи, только въ декабрѣ заговорилъ о ней, въ собственноручномъ письмѣ, съ Екатериною. «Уже большая часть Европы,—выражался онъ,—отнеслась съ сочувствіемъ къ этому послѣднему дѣлу нашего сейма. Для полнаго удовольствія моего и всей польской націи недостаетъ только одобренія вашего императорскаго величества. Вѣря, что вы поставляете себѣ наибольшую славу въ добрыхъ дѣлахъ, я думаю, что будетъ согласно съ вашими возвышенными чувствами радоваться успѣху сосѣдняго правительства, которое не имѣетъ другой основы, кромѣ свободы, управляемой законами и другой цѣли, кромѣ собственнаго самосохраненія, безъ малѣйшаго ущерба для кого бы то ни было».

Отвѣта на это письмо не было.

Для Польши оставалось выбрать что́-нибудь одно изъ двухъ: или съ самобытными признаками быть въ зависимости отъ Россіи, или лишиться своего государственнаго существованія и подпасть раздѣлу между тремя державами. Въ началѣ 1792 года польскіе политики воображали, что они избавились перваго и перестали бояться другого. Ихъ самолюбіе вознесено было оттого, что знаменитый въ то время англійскій ораторъ Бёркъ съ похвалою отозвался о конституціи 3-го мая. Англичанинъ говорилъ правду, по-

тому что зналъ ее только на бумагѣ, а польскаго общества, для котораго она написана, не зналъ Среди упоенія, произведеннаго отзывомъ такой знаменитости, польскіе патріоты заранѣе предвидѣли неудачу своихъ противниковъ. Но король Станиславъ-Августъ въ это время уже сознавалъ, что Рѣчь-Посполитая сдѣлала ошибку, не вошедши въ свое время съ Россіею въ сношеніе по поводу новой конституціи. «Мы, — писалъ онъ, — кажется, уже черезъ-чуръ завязавши себѣ глаза, понадѣялись на благорасположеніе къ намъ и готовую помощь прусскаго двора, а между тѣмъ его поступки мнѣ показываются двусмысленными. Этотъ дворъ какимъ всегда прежде былъ, такимъ во всемъ и будетъ». Предчувствіе грядущихъ бѣдъ томило его уже въ началѣ 1792 года. Когда въ день новаго года явился къ нему папскій нунцій съ поздравленіемъ и пожеланіемъ благъ, онъ сказалъ: «благодарю отъ души за ваши добрыя желанія, но не думаю, чтобъ онѣ исполнились. Начало этого года для меня неудачно, а въ будущемъ теченіи его я ожидаю еще чего-то худшаго».

Между тѣмъ трехмѣсячный срокъ, данный Щенсному Потоцкому и Ржевускому для явки и произнесенія присяги на вѣрность конституціи, прошелъ и въ засѣданіи 27-го января король объявилъ, что Щенсный Потоцкій и Ржевускій не хотятъ являться и прислали письменные отвѣты. Письма ихъ были прочитаны. Потоцкій отвѣчалъ такъ: «Посолъ имѣлъ до сихъ поръ священный характеръ и никогда исполнительная власть не могла его принудить къ присягѣ, но, по ниспроверженіи свободы, видно, можно уже его принуждать и навязывать присягу, хотя бы противную достоинству законодателя. Не вижу, такимъ образомъ, никакого средства защищаться и долженъ сознаться, что не могу присягнуть святотатственно и обѣщать Богу то, на что̀ мое сердце не соглашается. Могу сказать, что не нарушалъ своихъ обязанностей, въ числѣ которыхъ не

считаю конституціи 3-го мая. Богъ видитъ, что, по приказанію коммиссіи, я всегда готовъ былъ проливать кровь свою за привилегіи предковъ, но я теперь не хочу отречься отъ свободы, въ которой рожденъ и которую поклялся охранять кровью и жизнью, не хочу поддерживать той конституціи, которая отнимаетъ у отечества вольность и устанавливаетъ самовластіе. Если въ этомъ мое преступленіе, то я не перестану быть преступникомъ и моя первая вѣрность Рѣчи-Посполитой не можетъ быть уничтожена никакимъ насиліемъ: ей посвящаю и мой санъ, и имѣніе, и жизнь. Судите такого соотечественника, если сердце ваше дозволяетъ судить его; карайте, лишите военнаго чина, я снесу даже личное оскорбленіе, все ради отечества, которое было прежде республикою и могло оставаться ею благополучно».

Отвѣтъ Ржевускаго былъ длиненъ и рѣзокъ; польный гетманъ доказывалъ, что онъ совсѣмъ не нуженъ въ Варшавѣ: время предсѣдательства его въ военной коммиссіи прошло; быть на сеймѣ въ качествѣ военнаго министра онъ не считаетъ умѣстнымъ: во-первыхъ, потому, что послѣ происшествія 3-го мая министръ уже ничего не значитъ, совѣта отъ него ожидать нечего, потому что его совѣта не послушаютъ; а присяги на вѣрность конституціи нельзя требовать потому, что свободный обыватель не обязанъ признавать добрымъ законъ, который, по его убѣжденію, не хорошъ. «Что это за конституція?—писалъ онъ,—ее насильно дали Польшѣ уланы, коронная гвардія и варшавское мѣщанство, собранное въ Избу, заглушавшее свободный голосъ пословъ, угрожавшее смертью тому, кто осмѣлится говорить противъ нея. Эта конституція установлена десятою частью народа мимо девяти частей. Впрочемъ, зачѣмъ требовать присяги: если конституція полезна, то и присяга ей не нужна; народъ, зная свое благополучіе, приметъ ее и станетъ соблюдать, а если она вредна, то

гражданинъ или воинъ присягнетъ только изъ страха или по обману: и то и другое не составляетъ значенія присяги. Ваше величество изволили же присягать при вступленіи на престолъ, что не будете думать о наслѣдственномъ правленіи; если бы вы тогда не присягали въ этомъ смыслѣ, то не получили бы короны. Установленіе наслѣдственнаго и самодержавнаго правленія повлечетъ за собою раздѣлъ Польши. Сосѣднія державы не потерпятъ возникающаго у своихъ границъ государства съ такимъ правленіемъ и какъ только не найдутъ средства отвратить переворота, то приступятъ къ раздѣлу. Наслѣдственность есть гробъ Польши».

Открылось засѣданіе одно изъ бурныхъ. Нѣмцевичъ говорилъ:

«Вотъ уже три мѣсяца, какъ генералъ артиллеріи Потоцкій и польный гетманъ Ржевускій находятся въ Яссахъ въ московскомъ станѣ. Первый — потомокъ славныхъ предковъ, достойно служившій въ началѣ отечеству; второй — сынъ почтеннаго отца, товарищъ отцовской неволи, оба скрываются теперь въ непріязненномъ для насъ войскѣ. Пусть посмотрятъ на нихъ великія тѣни Ходкѣвичей, Потоцкихъ, Любомирскихъ; войска, которыя они громили побѣдоноснымъ оружіемъ, сдѣлались для ихъ потомковъ прибѣжищемъ. Вы къ нимъ посылали курьеровъ, вы говорили съ ними не такъ, какъ съ подчиненными лицами, а какъ съ равными себѣ государствами. Тронула ли ихъ ваша кротость, наияснѣйшіе чины? Нѣтъ, отвѣтъ Ржевускаго наглъ и лживъ. Они возстаютъ на насъ, зачѣмъ мы воздвигли Польшу изъ униженія, оплакиваютъ утрату старопольской свободы: это была ихъ свобода, а не наша, свобода вельможъ, а не цѣлаго народа. Имъ жаль безкоролевія, потому что безъ него уже нельзя будетъ, путемъ разоренія страны, достигать почестей и богатствъ; имъ не нравится устроеніе сеймиковъ, потому что нельзя туда вести тысячами чиншовую шляхту, чтобъ не дать хода

добродѣтельнымъ, заслуженнымъ, но слабѣйшимъ гражданамъ; имъ досадно, что нельзя уже окружать надворнымъ войскомъ и пушками трибуны, срывать сеймы, подбирать партіи и установлять законы, возмущать страну иностранными интригами,—занявши должности съ огромнымъ жалованьемъ, не исполнять своихъ обязанностей, шататься по странѣ и драться между собою, не слушая ни закона, ни власти. Вотъ какой старопольскій порядокъ они хотятъ возвратить; но мы до этого не допустимъ: кто захочетъ ниспровергнуть нашу конституцію, тотъ пройдетъ прежде по трупамъ нашимъ; древняя безладица мила надменнымъ людямъ, но всѣмъ стала ненавистна; въ настоящемъ порядкѣ всѣ классы видятъ свое счастье и безопасность.... Эти паны смѣютъ ругаться надъ законными дѣйствіями сейма! Требую кары, строгой кары, неотлагательной кары: преступленіе явно; защищать преступниковъ невозможно. Этого требуетъ правосудіе, ваше достоинство и благо страны. Иначе, поступокъ Потоцкаго и Ржевускаго дастъ смѣлость другимъ: если предводители не слушаются предписаній, то всякій полковникъ, или маіоръ, на приказаніе военной коммиссіи явиться, начнетъ отписываться, пришлетъ въ два листа диссертацію о наслѣдственномъ и избирательномъ правленіи и окончитъ ее заявленіями, что наше правленіе неугодно сосѣдямъ, что лучше раздѣлъ Польши чѣмъ такая конституція и т. п. Тогда порвутся всѣ связи общества, всѣ станутъ повелѣвать и никто не станетъ повиноваться. Наступитъ ужаснѣйшая анархія, а съ нею погибель самаго имени польскаго. Чтò васъ удерживаетъ? Неужели то, что у преступниковъ есть милліоны. До какихъ же поръ будутъ существовать въ Польшѣ эти привилегированные роды, которымъ все позволено дѣлать безнаказанно. Пора низвергнуть этихъ истукановъ и на ихъ мѣсто поставить божество равенства и свободы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подалъ проектъ закона о лише-

нія Потоцкаго и Ржевускаго ихъ должностей и о назначеніи новыхъ сановниковъ, вмѣсто низложенныхъ.

Примасъ, братъ короля, сознавая справедливость побужденій, руководившихъ Нѣмцевичемъ, доказывалъ, что королю приличнѣе въ этомъ случаѣ дѣйствовать милосердіемъ.

«Я буду защищать ихъ, — сказалъ князь Четвертинскій.— Потоцкій и Ржевускій не мятежники и не измѣнники, они только просятъ, чтобы ихъ не принуждали къ присягѣ, которую не могутъ произнести по совѣсти. Оба, какъ служащіе въ войскѣ, ни къ чему не обязаны: войны теперь нѣтъ, притомъ зимнее время — нѣтъ надобности имъ быть при войскѣ. Они сенаторы, но вѣдь нѣтъ закона, который бы обязывалъ сенаторовъ быть непремѣнно въ сенатѣ. Потоцкій не послушался предписанія войсковой коммиссіи, но вѣдь онъ прежде всего посолъ, а посолъ можетъ не явиться присягать конституціи, которую не признаетъ; право свободнаго мышленія послу обезпечиваетъ законъ. Говорятъ, что онъ сторонникъ Москвы. Что же? Москва не объявляла себя нашимъ непріятелемъ».

Другой противникъ 3-го мая, волынскій посолъ Загурскій, говорилъ: «Ржевускій уѣхалъ для поправленія здоровья съ позволенія войсковой коммиссіи. Чтó-жъ тутъ дурного? Онъ писалъ протестацію за-границей: а что же, развѣ министръ или посолъ, выѣхавши за-границу, не имѣетъ права заявлять свое мнѣніе о благѣ отечества? Имъ обоимъ ставятъ въ вину, что они уѣхали въ Яссы. Что же? Потоцкій—для разговора съ покойнымъ княземъ Потемкинымъ о покупкѣ имѣнія, а Ржевускій такъ, съ нимъ— для компаніи».

Ливскій посолъ Кицинскій, сторонникъ проекта Нѣмцевича, представлялъ на видъ неравенство, по отношенію къ простымъ дворянамъ и знатнымъ родамъ. «За что,—гово-

рилъ онъ, — гетманъ Ржевускій получилъ въ наслѣдственное владѣніе ковельское староство? За то, что пять лѣтъ сидѣлъ въ неволѣ? А развѣ тысячи поляковъ не были въ неволѣ? Сто другихъ погніютъ въ кандалахъ, а имъ не дадутъ ковельскаго староства. А за то, пусть шляхтичъ сдѣлаетъ преступленіе: съ него голову снимутъ, или въ тюрьмѣ пропадетъ; имѣніе у него все конфискуютъ; а пану будетъ ли то же что шляхтичу? Нѣтъ, разумѣется нѣтъ. Церемонились ли бы вы такъ съ генераломъ Костюшкою, или съ Орловскимъ, если бы эти добродѣтельные и достойные люди оказали непослушаніе начальству? Можетъ ли убогій шляхтичъ ожидать правосудія въ судѣ съ нашими магнатами, когда верховная власть, за нанесенное ей оскорбленіе, не въ силахъ имъ ничего сдѣлать?»

Казимиръ-Несторъ Сапѣга, самъ важный панъ, не смѣлъ рѣзко ополчаться противъ могучихъ пановъ; онъ говорилъ длинную рѣчь, стараясь угодить обѣимъ сторонамъ и, по обыкновенію, не сказалъ ничего положительнаго и яснаго, а распространялся только надъ тѣмъ, что Бёркъ хвалилъ польскую конституцію, особенно за то, что при ея обнародованіи не было ни грабежей, ни конфискацій, ни арестовъ.

Говорилъ рѣчи король, склоняя сеймъ выбрать не слишкомъ строгій путь.

Краковскій посолъ Солтыкъ подалъ проектъ—назначить еще мѣсяцъ сроку эмигрантамъ для возвращенія въ отечество.

При явномъ собираніи голосовъ, за проектомъ Нѣмцевича оказалось 37 голосовъ, а за проектомъ Солтыка 59; при секретной же подачѣ оказалось за Нѣмцевичемъ 51, за Солтыкомъ 43. Проектъ Нѣмцевича былъ принятъ: Щенсный Потоцкій и Ржевускій объявлены лишенными своихъ должностей.

Послѣ этого засѣданія сеймъ закрылся до 15 марта. Отдыхъ былъ необходимъ, потому что послы до того утомились, что въ иное засѣданіе приходило не болѣе 60 человѣкъ.

Гетманъ Браницкій долго притворялся ревностнымъ сторонникомь 3-го мая, тайно толкуя съ Булгаковымъ о способахъ ниспровергнуть конституцію. Когда, по его соображеніямъ, дѣло значительно созрѣло, онъ сталъ проситься въ Россію. Смерть Потемкина послужила ему предлогомъ: онъ говорилъ, что ему нужно получить тамъ наслѣдство. Его не пускали; но Булгаковъ представлялъ примасу и Хребтовичу, что императрица будетъ считать это для себя оскорбленіемъ, а у ней 200,000 готоваго войска. Браницкій, во время преній о Потоцкомъ и Ржевускомъ, порицалъ ихъ, величалъ конституцію и съ жаромъ говорилъ о своей преданности отечеству. По закрытіи сейма онъ, при покровительствѣ Булгакова, былъ отпущенъ въ Петербургъ на три мѣсяца. Письмо къ королю объ отпускѣ достойно замѣчанія; оно вѣрно обрисовываетъ личность писавшаго:

«Милостивый король! Между рѣдкими качествами, которыми надѣлило васъ Провидѣніе, столько, сколько человѣкъ вмѣстить можетъ, первое мѣсто занимаетъ сердечная доброта и великодушіе. Желая видѣть страну счастливою, вашему величеству конечно пріятно даровать счастіе и каждому обывателю. Недозволеніе ѣхать въ Россію я могу только приписать недовѣрію и, будучи невиненъ, не могу себѣ этого объяснить. Ваше величество имѣли много доказательствъ моей вѣрности въ продолженіи моей жизни, а по отношенію къ конституціи — самое большее доказательство есть то, что я присяжный министръ въ Стражѣ. Увѣряю васъ честнымъ словомъ, что мое путешествіе не имѣетъ другой цѣли, кромѣ пользы моихъ

дѣтей и я возвращусь въ отечество съ незапятнанной вѣрностью».

Съ него взяли подписку въ вѣрности конституціи 3-го мая. Въ мартѣ онъ уѣхалъ въ Петербургъ губить эту конституцію.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОШИБКИ И ОПЕЧАТКИ ПЕРВАГО ТОМА.

Страница	*строка*	*напечатано:*	*читать:*
13	11	Нарову	Нареву
102	12	Красицкій	Красинскій
107	21	воеводство	воеводства
152	19	Оппозиція противъ короля.	Внутреннее состояніе страны.
236	29—30	Трембицкій	Трембецкій
259	28	Рыбицкій	Рыбинскій
263	21	де-Камé	Де-Кашé
264	1	Петру	Проту
291	1	Остермань	Остерманъ
292	5	Люккезини	прусскій уполномоченный Люккезини
345	12	Декаше	Де-Каше
399	12	Трускулавская	Трускуловская
421	34	литовскій	ливскій
454	32	свое. е	свое.
—	33	отечество,э но	отечество, но
—	34	но ли	но если
509	21	Бугаковъ	Булгаковъ